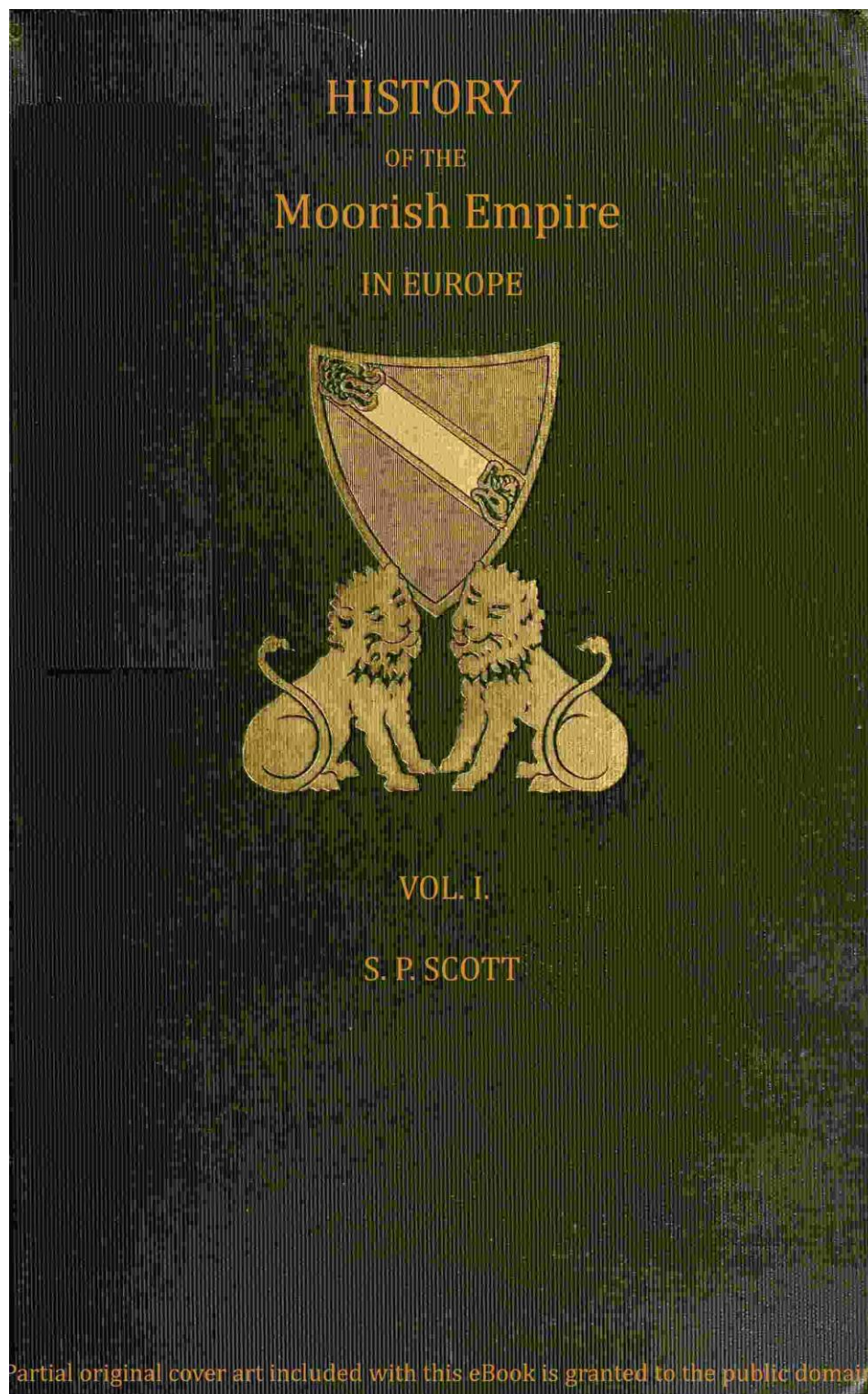

История Мавританской империи в Европе, Том 1 (из 3)

С. П. Скотт

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории Мавританской империи в Европе, том 1 (из 3)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Мавританской империи в Европе, Том 1 (из 3)

Автор: С. П. Скотт

Дата выхода: 19 марта 2024 [Электронная книга №73203]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Филадельфия: J. B. Lippincott Company, 1904

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ МАВРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЕВРОПЕ", ТОМ 1 (ИЗ 3) ***

ИСТОРИЯ Мавританской империи В ЕВРОПЕ

BY С. П. СКОТТ

АВТОР КНИГИ "ЧЕРЕЗ ИСПАНИЮ"

Corduba famosa locuples de nomine dicta,

Inclyta deliciis, rebus quoque splendida cunctis

Хросвита, Пассио С. Pelagii

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ I.

PHILADELPHIA & LONDON
КОМПАНИЯ ДЖ. Б. ЛИППИНКОТТА
1904

Авторское право, 1904 г.
Компанией J. B. Lippincott

Опубликовано в марте 1904 г.

Напечатано компанией J. B. Lippincott Company, Филадельфия, США

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа привлекает внимание автора уже более двадцати лет. Его цель - попытка изобразить цивилизацию той великой расы, чьи достижения в науке, литературе и искусстве послужили источником удивительного прогресса нашего века. Обзор этого широко распространенного влияния, последствия которого простираются до пределов как Европы, так и Америки, потребовал введения некоторого материала, на первый взгляд постороннего, но который, если рассматривать его в его общем отношении к предмету, окажется не чужд цели этих томов.

Приведенный список авторитетных источников ни в коем случае не включает все, что было исследовано. Многие из них, из которых удалось почерпнуть сравнительно немного фактов, были опущены. Среди работ, ставших предметом тщательного исследования и давших наиболее ценную информацию — в дополнение к арабским и испанским хроникам — труды Аль-Маккари, Ромея, Россеева Св. Илер, Лебон, Седийо и Казири. Полная ненадежность Конде, составившего единственную подробную историю мавров Испании, хорошо известна, и его утверждения принимались на веру только после полной проверки. Истории покойного Р. Дози, профессора Лейденского университета, которым по образованности, точности, беспристрастности и критической проницательности мало кто может соперничать в этой области литературы, были главной опорой автора, который с радостью пользуется этой возможностью, чтобы признать свои обязательства перед трудами того, чей гений и достижения признаны каждым востоковедом в Европе.

Может показаться, что пересечение еще раз участка земли, пройденного Ирвингом и Прескоттом, требует дополнительных усилий. Однако из соображений приличия нельзя было опустить заключительный эпизод падения великой империи. Более того, рассказы этих двух знаменитых авторов изобилуют ошибками, в чем легко может убедиться любой, кто обратится к хроникам Пулгара и Бернальдеса, очевидцев и, следовательно, наиболее надежных авторитетов относительно того, о чем они рассказывают. Можно добавить, что цитаты Ирвинга указывают на удивительное незнание кастильского языка.

Этот писатель лучше всего подходит на роль историка, который представляет перед мысленным взором читателя, как в панораме, не только наиболее яркие события войны и дипломатии, но и обстоятельства, часто считающиеся неважными, но которые иллюстрируют, как никто другой, состояние масс, а также политику государя; которые указывают на состояние общественной и

частной морали; которые демонстрируют влияние домашних нравов, гениальных изобретений, литературного прогресса и художественного развития; которые раскрывают формирование национального вкуса — которые представляют, короче говоря, портрет каждого материального и интеллектуального человека. характеристика, необходимая для выяснения характера, устремлений и слабостей народа. С этой целью для материала на следующих страницах были использованы источники информации, которые обычно считаются недостойными исторического труда.

Автор не питает враждебности к испанскому народу. Он с удовольствием вспоминает долгое пребывание среди них. Он никогда не сможет забыть величественную вежливость их мужчин, несравненную грацию и очарование их женщин. Их ошибки обусловлены пагубным наследием и развращенной религией, которые извратили их принципы, разрушили их власть и запятнали их славу.

Поскольку большая часть этой книги была написана до 1898 года, любая содержащаяся в ней неблагоприятная критика испанской политики или нравов должна быть объяснена желанием придерживаться исторической правды, а не презренным предубеждением, порожденным нашей несчастной “Войной за человечество”.

филадельфия, 1903.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА I.

Глава I

древние арабы

разделе

1

топография Аравия—своя история—влияние других народов—античной цивилизации—торгово—сохранение обычаев и языка—символа в бедуинском его независимости, его хищные инстинкты—власть родовой связи—война нормальным состоянием существования в пустыне—добродетели и пороки арабов—кровь мести и его разрушительных последствий—отсутствие сословно—состояние женщины—брак—религия—поклонение—идолопоклонство—Phallicism—человеческие жертвоприношения—Важность и сила иудеев—христианством в Аравию—поэзии, ее субъектов и характера—Moallakat—популярность арабского поэта—его лицензии—влияние арабской цивилизации и культуры последующих эпох

Глава II

рост, прогресс, и влияние ислама,

сравнительного религиоведения, его интерес как исследование—достоинства Ислама—Аравийский при рождении Мухаммед—условие христианства и Византийской империи—популярная идея Пророка—его семья—его ранней жизни—первое откровение—гонения на новую секту—Хиджры—рост благосостояния Ислама—символ Мухаммеда—причины его успеха—многоженство—Коран—его

57

расположение, его легенды, его возвышенных сентенций, ее нелепостями—свои обязательства перед другими вероучениями—то Кибла—паломничества и обряды—реформ, реализованных Ислам—всеобщее поклонение силе коррупции религия Мухаммеда—его замечательные достижения—Мухаммед посланник Бога

Глава III

завоевание Аль-Магриб

общие расстройства после смерти Мухаммед—предписания Ислама—прогресс мусульманского оружия—в Северной Африке, земельный вечера—ее плодородие—его население—экспедиция Абдаллах—поражение греков—вторжение Okbah—основа Kairoan—марте Хасан—Древний Карфаген—ее влияние на Европу—его великолепной цивилизации—ее морской державой, ее колоний, ее ресурсы—Описание города, его архитектурное великолепие—ее порты, храмы, и общественных зданий—Римский Карфаген—его роскошь и разврат—его разрушение мусульманами—войны с берберами—Муса назначил генерала—его романтическая история—его характер—он подчиняет Аль-Магриба и Африки состоянии постоянного цивилизации

128

Глава IV.

ВЕСТГОТСКАЯ МОНАРХИЯ

Происхождение и характер готов—Их вторжение на полуостров—Власть духовенства—Церковные советы—Евреи—Вестготский кодекс—Глубокая мудрость Его постановлений—Положения против мошенничества и несправедливости—Суровые наказания—Его определение закона—Состояние механических искусств—Архитектура—Византийское влияние—Мануфактуры—Короны по обету—Сельское хозяйство—Литература—Медицина—Рабский труд—Подражание римским обычаям—Параллель между готами и арабами—Совпадение чувств и привычек—Причины национального упадка—Постоянное влияние готического государственного устройства

165

ГЛАВА V.

ВТОРЖЕНИЕ И ЗАВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ.

Общее состояние и физические особенности испанского полуострова—разных слоев населения—господство Церкви—тирании королей вестготов—провальной политике Witiza—присоединение Родерик—Граф Хулиан—вторжение Тарик—Битва при Гвадалете—его весомых результатов—прогресс мусульман—прибытие Муса—его успех—огромный попой под залог победителей—ссора Тарик и Муса—вмешательство Халифа—представления готы—Мусы грандиозного плана завоевания—Двух генералов приказал Дамаск—триумфальное шествие по Африке,—судьба Мусы—причины и последствия мусульманской оккупации Испании

204

Глава VI

эмирата

Абд-аль-Азиз—его мудрое начальство—его исполнения приговора Халиф—Аюб ибн Хабиба—его реформы—Аль-Хорр—Аль-Samh—его вторжение во Францию—его поражение и смерть—Абд-аль-Рахман—вражда из Maadites и Kahtanites—его катастрофические последствия—Anbasah—Ибн-Sohim—его способность—он

266

проникает до Роны и killed—Yahya-Ibn-Salmah—Othman-Ibn-Abu-Nesa—Hodheyfa-Ibn-al-Awass—Al-Haytham-Ibn-Obeyd—Mohammed-Ibn-Abdallah—Abd-al-Rahman—Его популярность—провозглашает священную войну—предательство Отман-ибн-Абу-Неса—Эмир попытки завоевания Франции—символ Карла Мартелла—Битва при Пуатье—смерти Абд-аль-Рахман—Абд-аль-Мелик—Okbah-Ибн-аль-Hejaj—его мудрость и возможностей—Шарль Мартельразрушительного Прованс—берберского восстания в африке—победа повстанцев—Абд-аль-Мелик Ибн достопримечательностей, как The—Balj-Ибн-Beschr—Thalaba—Абу-аль-Кхаттар—состояние Западной Европе—нестабильной и коррумпированной администрации эмиров—значение битвы при Пуатье

ГЛАВА VII

основания испанской монархии

в северных провинциях Испании—их пустынной и запрещающий характер—климат— 337 население—религия—особенности Астурийский крестьянства—Pelayus—его рождение и происхождение—он собирает армию,— неясного происхождения Испанского королевства—чрезвычайные условия, при которых он был основан— Битва при Ковадонге—разгром арабов—христианскую власть—Отель favila— Альфонсо И.—его предприятия и завоевания—его политику колонизации— выживание дух свободы—религиозные нарушения—состояние общества—начало борьбы за Империю

Глава VIII

в OMMEYADES; Правление Абд-аль-Рахмана И.

В Ommejade семье—о ее происхождении—ее враждебность к Магомету—сирийский 367 князей—их распутство—великолепием Дамаска—роскошные сирийской столицы— подъем Abbasides—запрет побежденной фракции—побег Абд-аль-Рахман—свой романтический род деятельности—он поступает в Испании—его успех—поражение и свержение с престола Юсуфа—постоянные мятежи—предприятие Халиф Багдада— индийская прекращения вторжения Карла Великого—убой Ронсесвальес—смерть Абд-аль-Рахман—его характер—его услуги цивилизация—фундамент великой мечети—Франки отвоевать Septimania

глава IX

царствование HISCHEM И.; Царствование аль-Хаким И.

обычай престолонаследия нарушено по воле Абд-аль-Рахман—присоединение 421 Hischem—восстание Сулейман и Абдалла—они направляются и их армии рассеяны— Милосердие Эмир—вторжение в Septimania—разгром франками—нерешительный результаты кампании—общественных работ Hischem—его благородный характер— его пристрастность для богословов—южном пригороде Кордова—смерть Hischem— общее недоверие Аль-Хаким—Сулейман и Абдаллах снова в бунт—Гражданская война—готический марта—Осада и взятие Барселоны—апатия Эмира—важность завоевания—в Edrisite династии—беспорядки в Толедо—“день в канаве”—Царский телохранитель—восстание Faquis—ее результаты—Лиги Астурии и франкские князья—Легенда о Св. апостола Иакова—смерть аль-Хаким—его характер

глава X

правления Абд-аль-Рахман II.; Правления Мухаммеда

присоединения Абд-аль-Рахман II.—Камаль Абдалла вторжения готских марта—
Посольство от греческого императора—восстание Мерида—мятеж в Толедо—
вторжение норманнов—гонения на христиан на смерть Абд-аль-Рахман—его любовь к
помпезности—свои достоинства—его меценатство и письма—Зирьяб—его
универсальность—заговор Tarub—хитросплетение Мухаммед—его фанатизм—Толедо
снова восстаний—восстание Бени-каши—война с Астуриас—восстание Ибн-
Мерван—Серрания-де-Ронда—Ибн-Хафсун, его происхождении и подвигах, смерти и
характер Мухаммеда—наметившийся упадок мусульманской власти

475

глава XI

царствование Аль-MONDHIR; правления Абдаллаха

параллель между политикой и мавританскими Астурийский суды—Альфонсо III.—Его
завоевания—энергия Аль-Mondhir—осада Бобастро—хитрость Ибн-Хафсун—Эмир
отравлен—Абдаллах восходит на трон—условия партиям и сектам—
Распространенность расстройств—восстание в Elvira—успех Арабской фракции—
нарушения в Севилья—общие недовольство провинций—Ибн-Хафсун победил в
Агилар—катастрофические и необратимые последствия в период анархии—
внезапная смерть Абдаллаха—Важные политические перемены, вызванные
поколение Гражданской войны

529

глава XII

царствование Абд-аль-Рахманом III.

Выдающиеся качества нового правителя—Его Твердость—Быстрое подчинение
мятежной территории—Раздоры христиан—Поражение Ибн-Аби-Абды—Смерть Ибн-
Хафсуна—Ослабление власти арабской знати—Война с фатимитами Африки—
Разгром Юнкеры—Абд-ар-Рахман принимает титул халифа—Его значение—
Вторжение в Кастилию—Переворот Альхандеги—Гражданские войны христиан—
Принцы Леона и Наварры посещают мусульманский двор—Абд-ар-Рахман умирает в
возрасте семидесяти лет—Его выдающиеся достижения—Посольства Греции и
Германии—Сарацины во Франции и Италии—Рабы и их влияние—Заговор Абдаллы—
Состояние страны при Абд-ар—Рахмане III.—Кордова—Ее богатство и величие—
Королевские виллы—Город и дворец Медина-аль—Захра—Меланхолические
размышления Величайшего из халифов

563

ГЛАВА XIII

ПРАВЛЕНИЕ АЛЬ-ХАКЕМА II.

Великолепный церемониал при восшествии на престол Аль—Хакема II.—Его мудрые
и осмотрительные меры—Ордоньо ищет аудиенции—Его низость—Успешная
экспедиция против христиан—Беспорядки в Африке—Армия Халифа разбита—
Берберские вожди коррумпированы, и их силы распущены—Важность Кордовы как
религиозного центра—Описание Великой мечети—Смерть Аль—Хакема—Его
литературные достижения—Его Покровительство литераторам—Библиотека—
Учебные заведения—Повсеместное распространение образования—Общественные
улучшения—Халиф образец высочайшей культуры своего века—Процветание Империи

634

ГЛАВА XIV

Происхождение Ибн-аби-Амира-Аль-Мансура—Сцена в Саду—Гений и достижения молодого государственного деятеля—Его внезапный приход к власти—Влияние евнухов—Их заговор раскрыт—Ибн-аби-Амир стремится к Высшей власти—Его назначают хаджибом—Разорение его соперников—Реорганизация гражданской и военной службы—Систематическое ухудшение положения Его Семьи —Дворец Захиры—Хаджиб становится Хозяином Империи—Успешные войны с христианами—Беспорядки в Африке—Разрушение Леона—Разграбление Империи. Сантьяго—Смерть Аль-Мансура—Его великие заслуги перед государством—Его непрерывная серия военных триумфов—Аль-Модхаффер—Абд-ар-Рахман—Мухаммед—Сулейман—Исчезновение Его семьи—Быстрый распад Империи

ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЭТОЙ РАБОТЫ С ВЛАСТЯМИ ПРОВОДИЛИСЬ КОНСУЛЬТАЦИИ

(Для удобства использования приведенный ниже список был классифицирован не только в алфавитном порядке по авторам, но и по языкам.)

English.

Аль-Харири—Макамат. 8в. Лондон, 1850.

Али Бей—Путешествия. 2 тома. 4то. Лондон, 1816.

Аль-Маккари —История мусульманских династий в Испании. 2 тома. 4то. Лондон, 1840 год.

Андерсон—История торговли. 4 тома. 4то. Лондон, 1789.

Арнольд—Ишмаэль: Естественная история исламизма. 8во. Лондон, 1859.

Битти —Замки и аббатства Англии. 2 тома. 8в. Лондон.

Берингтон—Литературная история средних веков. 4-е издание. Лондон, 1814.

Блант —Паломничество в Неджд. 2 тома. 8в. Лондон, 1881.

Босворт-Смит—Мухаммед и магометанство. 8в. Лондон, 1876.

Бауэр—История пап. 3 тома. 8в. Филадельфия, 1844.

Совершенно популярные предметы старины. 8во. Лондон, 1810.

Буркхардт —Заметки о бедуинах и вахабитах. 2 тома. 8в. Лондон, 1831.

Буркхардт —Путешествия по Аравии. 2 тома. 8в. Лондон, 1829.

Буркхардт —Путешествия по Нубии. 4 ч. Лондон, 1822.

Бертон —Паломничество в Медину и Мекку. 12 утра. Нью-Йорк, 1856.

-- Хроника Лондона—1089–1483. 4то. Лондон, 1827.

Космо III.—Путешествия по Англии. Фолиант. Лондон, 1821.

Катты —Сцены и персонажи средневековья. 8во. Лондон, 1886.

Дэвенпорт—Адамс-ведьма, колдунья и волшебник. 8во. Лондон, 1889.

Дэвенпорт—Апология Мухаммеда и Корана. 8во. Лондон, 1869.

Дэвис—Карфаген и ее останки. 8во. Лондон, 1861.

Deutz—Islam. 8vo. Лондон.

Д'Израэли — Литературные курьезы. 2 тома. 8в. Лондон, 1807.

Дрейпер —История интеллектуального развития Европы. 8во. Нью-Йорк, 1875.

Эмилианна—История монашеских орденов. 12 м.н.э. Лондон, 1677.

Фергюссон—История архитектуры. 2 тома. 8в. Нью-Йорк, 1885.

Финли —История Византийской империи. 8во. Лондон, 1856.

Финн —История евреев Испании и Португалии. 8во. Лондон, 1841.

Экономика форта и медицины в средние века. 8во. Нью-Йорк, 1883.

Фосбрук—британский монархизм. 8во. Лондон, 1843.

Фрит-Жизнь Джордано Бруно. 8в. Лондон, 1887.

Гиббон —История упадка Римской империи. 8 томов. 8во. Лондон, 1855.

Холл—Хроника Англии. 4ст. Лондон, 1809.

Холл—Светское общество елизаветинской эпохи. 8во. Лондон, 1886.

Харди—Восточный монархизм. 8во. Лондон, 1850.

Хэзлитт — Популярные древности Великобритании. 3 тома. 8в. Лондон, 1870.

Геккер—Эпидемии средневековья. 8во. Лондон, 1844.

Хиггинс —Апология жизни и характера Мухаммеда. 8во. Лондон, 1829.

Ходжетты — англичане в средние века. 8во. Лондон, 1885.

Описание древних мистерий. 8во. Лондон, 1823.

Популярнейшие произведения. 4 тома. 8в. Лондон.

Ховитт—История сверхъестественного. 2 тома. 8в. Лондон, 1863.

Хьюффер—Трубадуры. 8во. Лондон, 1878.

Ибн-аль—Хаким -История мусульманского завоевания Испании. 8во. Göttingen, 1858.

Ибн—Хаукаль—Восточная география. 4 класс. Лондон, 1800.

Ибн-Халликан—Биографический словарь. 4 тома. 4то. Лондон, 1842.

Исаакий — Церемонии, обычаи и т.д. евреев. 8во. Лондон.

Джексон —Отчет о марокканской империи. 4 тому. Лондон, 1809.

Дженнингс—фаллицизм. 8в. Лондон, 1884.

Дженнингс—розенкрейцеры. 8во. Лондон, 1879.

Джессап—Арабские женщины. 8во. НЬЮ-ЙОРК.

Джонс—История Вальденсов. 2 тома. 8в. Лондон, 1816.

Джонс—Моаллакат. 4 ч. Лондон, 1783.

Джонс — Альгамбра. 2 тома. Фолиант. Лондон, 1830.

Джонс —Сочинения. 7 томов. 4то. Лондон, 1804.

Кенрик—История Финикии. 8во. Лондон, 1845.

Кингсли—Александрия и ее школы. 8во. Кембридж, 1854.

Кингтон—История Фридриха II. 2 тома. 8в. Лондон, 1862.

Рыцарь —символический язык древнего искусства и мифологии. 8во. Бостон, 1836.

Рыцарь—норманны на Сицилии. 8во. Лондон. 1838.

Рыцарь—Поклонение Приапу. 4ст. Лондон, 1865.

Келлер—Мухаммед и магометанство. 8в. Лондон, 1889.

Крюгер —Немецкие миннезингеры. 8во. Нью-Йорк, 1873.

Лакруа — Искусство средневековья. Фолио. Лондон.

Лейн—Арабское общество в средние века. 8в. Лондон, 1883.

Лейн—Нравы и обычаи современных египтян. 2 тома. 8в. Лондон, 1842.

Лейн—Пул -Искусство сарацин в Египте. 8во. Лондон, 1886.

Лейн—Пул -Речи Мухаммеда. 12 утра. Лондон, 1882.

Леа—История священнического безбрачия. 8в. Филадельфия, 1867.

Леа—Суеверие и сила. 8во. Филадельфия, 1866.

Льюис —Эссе о происхождении и формировании романских языков. 8во. Лондон, 1839.

Льюис—Исторический обзор астрономии древних. 8во. Лондон, 1862.

Лимборх —История инквизиции. 4 тому. Лондон, 1731.

Линдо —История евреев Испании и Португалии. 8во. Лондон, 1848.

Маколей—История Англии. 5 томов. 8во. НЬЮ-ЙОРК.

Мейтленд —Альбигойцы и вальденсы. 8во. Лондон, 1832.

Мейтленд —Темные века. 8во. Лондон, 1844.

Малкольм—Анекдоты о манерах и обычаях Лондона. 6 томов. 8в. Лондон, 1810.

Маркхэм—Ирригация в Восточной Испании. 8во. Лондон.

Макленнан—Исследования по древней истории. 8во. Лондон, 1876.

Макмердо—История Португалии. 8во. Лондон, 1888.

Мир Хассан Али —Наблюдения о мусульманах Индии. 2 тома. 8в. Лондон, 1832.

Меррик—Жизнь и религия Мухаммеда. 8во. Бостон, 1850.

Мильман—История латинского христианства. 8 томов. 8во. Нью-Йорк, 1859.

Мюр-Анналы раннего халифата. 8во. Лондон, 1883.

Муир—Жизнь Мухаммеда. 8в. Лондон, 1878.

Мерфи —История Магометанской империи в Испании. 4 ч. Лондон, 1816.

Принципы Ньютона. 8во. НЬЮ-ЙОРК.

Окли—История сарацин. 8во. Лондон. 1848.

Омара—Яман. 8во. Лондон, 1892.

Осборн—ислам при халифах Багдада. 8во. Лондон, 1878.

Пэлгрейв — Годичное путешествие по Центральной и Восточной Аравии. 12 часов утра. Нью-Йорк, 1871 год.

Пэлгрейв—Очерки на восточные темы. 8во. Лондон, 1872.

Петтигрю — Суеверия, связанные с медицинской практикой. 8во. Лондон, 1844.

Плампре—История пантеизма. 2 тома. 8в. Лондон, 1879.

Прайс—Очерк истории Аравии. 4 т. Лондон, 1824.

Ройдис—Поуп Джоан. 8во. Лондон, 1886.

Рассел—Естественная история Алеппо. 4ст. Лондон, 1856.

Резерфорд—Трубадуры. 8во. Лондон, 1873.

Шурриф —Обычаи мусульман Индии. 8во. Лондон, 1832.

Смит—Родство и брак в Древней Аравии. 8в. Кембридж, 1885.

Стирлинг—Максвелл-Дон Джон Австрийский. 2 тома. 8в. Лондон, 1883.

Сайед Ахмед—Очерки жизни Мухаммеда. 8во. Лондон, 1870.

Томсон—История химии. 2 тома. 8в. Лондон, 1830.

Урхарт—Геркулесовы столпы. 2 тома. 8в. Нью-Йорк, 1850.

Уэллстед —Путешествия по Аравии. 2 тома. 8в. Лондон, 1837.

Уильямс —Об индуизме. 12 утра. Лондон, 1882.

Райт—Раннее христианство в Аравии. 8во. Лондон, 1855.

Райт—Нравы и настроения Англии в средние века. 4 ч. Лондон, 1862.

Райт—Рассказы о колдовстве и волшебстве. 2 тома. 8в. Лондон, 1851.

Райт—Женщины в Западной Европе. 4 ч. Лондон, 1869.

Французский.

Abd-al-Rahman-al-Sufi—Description des Étoiles Fixes. 4to. St. Petersburg, 1874.

Abd-al-Rezzaq—Traité de Matière Médicale Arabe. 8vo. Париж, 1874.

Abd-el-Halim—Roudh-el-Kartas. 8vo. Париж, 1859.

Абул Хасан Али—Литература. 8во. Париж.

Al-Kaliouby—Quelques Chapitres de Médecine Arabe. 8vo. Париж, 1856 год.

— Anecdotes Arabes et Musulmanes. 12 утра. Париж, 1772 год.

Arcoleo—Palerme et la Civilisation en Sicile. 8vo. Париж, 1898.

Arnoult—Mémoires de la Langue Romane. 3 тома. 8в. Тулуза, 1842.

Astruc—Mémoires pour servir à l'Histoire de la Faculté de Médecine de Montpellier. 4to. Париж, 1777 год.

Aubertin—Histoire de la Langue et la Littérature Françaises au Moyen Age. 2 vols. 8vo. Париж, 1876.

Babelon—Du Commerce des Arabes dans le Nord de l'Europe. 8vo. Париж, 1882.

Bailly—Histoire de l'Astronomie Ancienne et Moderne. 5 томов. 4то. Париж, 1781.

Baissac—Les Grands Jours de la Sorcellerie. 8vo. Париж, 1890.

Barbier de Meynard—Ibrahim. 8vo. Париж, 1869.

Барет—Испания и Прованс. 8 лет. Париж, 1857.

Барэ—"Трубадуры". 8во. Париж, 1857.

Bargès—Histoire des Beni-Zeiyan, Rois de Tlemcen. 8vo. Париж, 1887.

Bargès—Recherches sur les Colonies Phéniciennes. 8vo. Париж, 1878.

Барже—Тлемсен. 8 лет. Париж, 1859.

Barrau—Monfort et les Albigeois. 2 тома. 8в. Париж, 1840.

Barthélemy Saint-Hilaire—Du Bouddhisme. 8vo. Париж, 1855 год.

Barthélemy Saint-Hilaire—Mahomet et le Coran. 8vo. Париж, 1865 год.

Basset—La Poësie Arabe Anté-Islamique. 12 утра. Париж, 1880.

Batissier—Histoire de l'Art Monumental. 8vo. Париж, 1860 год.

Baudrillart—Histoire du Luxe. 4 тома. 8в. Париж, 1880.

Байе—Византийское искусство. 8во. Париж.

Bazancourt—Histoire de la Sicile sous la Domination des Normands. 2 тома. 8в. Париж, 1846.

Beaudrimont—Histoire des Basques. 8vo. Париж, 1867 год.

Bédarride—Les Juifs en France, Italie, et Espagne. 8vo. Париж, 1861.

Belin—Du Régime des Fiefs Militaires dans l'Islamisme. 8vo. Париж, 1870 год.

Bénétrix—Les Femmes Troubadours. 8vo. Париж, 1890.

Берже—Арабский авангард Магомета. 8 лет. Париж, 1883.

Berthelot—Les Origines de l'Alchimie. 8vo. Париж, 1885.

Berthérand—Médecine et Hygiène des Arabes. 8vo. Париж.

Biot—L'Astronomie Indienne et Chinoise. 8vo. Париж, 1862 год.

Boell—Histoire de la Corse. 8vo. Marseille, 1878.

Boisgelin—Malte Ancienne et Moderne. 3 тома. 8во. 1809.

Бордые—Византийское искусство. 4 тому. Париж, 1885.

Boucher—Deux Poètes Anté-Islamiques. 8vo. Париж, 1867 год.

Бургуэн—Арабское искусство. 4то. Париж.

Boutharic—Traité des Droits Seigneureaux. 4то. Тулуза, 1751 год.

Bruce-Whyte—Histoire des Langues Romanes. 3 тома. 8в. Париж, 1841.

Burnouf—Essai sur Le Veda. 8vo. Париж, 1863.

Cadoz—Civilité Musulmane. 12мо. Alger, 1889.

Capefigue—Histoire de France au Moyen Age. 4 vols. 8vo. Bruxelles, 1843.

Capefigue—Histoire Philosophique des Juifs. 8vo. Bruxelles, 1839.

Cardonne—Histoire de l'Afrique et de l'Espagne. 3 тома. 12мо. Париж, 1765 год.

Cardonne—Mélange de la Littérature Orientale. 12 утра. Париж, 1786 год.

Catel—Histoire de Languedoc. Фолио. Толозе, 1633 год.

Catel—Histoire des Comtes de Tolose. Фолио. Толозе, 1623 год.

Caussin de Perceval—Essai sur l'Histoire des Arabes avant l'Islamisme. 3 тома. 8во. Париж, 1847 год.

Chapo et Belzunce—Histoire des Basques. 3 тома. 8в. Париж, 1847.

Chaumeil de Stella—Essai sur l'Histoire de Portugal. 8vo. Bruxelles.

Chénier—Recherches Historiques sur les Maures. 3 тома. 8в. Париж, 1787.

Cherrier—Histoire de la Lutte des Papes. 4 тома. 8в. Париж, 1841.

Къярини—Вавилонский Талмуд. 8во. Leipzig. 1831.

Choiseul-Dallecourt—De l'Influence des Croisades. 8vo. Париж, 1809 год.

Christianowitsch—Esquisse Historique de la Musique Arabe. 4to.

Circourt—Histoire des Mores Mudejares et des Morisques. 3 тома. 8в. Париж, 1846.

Clot-Bey—Aperçu Général sur l'Égypte. 2 тома. 8во. Париж, 1840 год.

Coupry—Traité de la Versification Arabe. 8vo. Leipzig, 1875.

Койпель—Иудаизм. 8в. Париж, 1877.

Darembert—Histoire des Sciences Médicales. 2 тома. 8в. Париж, 1870.

Домас—Жизнь арабов. 8в. Париж.

Davillier—Histoire des Faïences Hispano-Moresques. 8vo. Париж, 1861.

Davillier—Les Arts Décoratifs en Espagne. 8vo. Париж, 1879.

Davillier—Notice sur les Cuirs de Cordoue. 8vo. Париж, 1878.

Davillier—Origines de la Porcelaine en Europe. 4to. Париж, 1882.

Delambre—Histoire de l'Astronomie Ancienne. 2 тома. 4то. Париж, 1817.

Делапорт—Жизнь Магомета. 8 лет. Париж, 1874.

Остров талисманов. 12 утра. Париж, 1636 год.

Denis—Chroniques et Traditions Provençales. 8vo. Тулон, 1831 год.

De Parcetelaine—Histoire de la Guerre contre les Albigeois. 8vo. Париж, 1833 год.

Depping—Histoire du Commerce entre le Levant et l'Europe. 2 тома. 8во. 1830.

Depping—Les Juifs dans le Moyen Age. 8vo. Париж, 1834 год.

De Rochat—Les Parias de France et d’Espagne. 8vo. Париж, 1876.

De Sacy—Chrestomatie Arabe. 3 тома. 8в. Париж, 1826.

De Sacy—Mémoires sur l’Histoire des Arabes avant Mahomet. 4to. Париж.

De Saulcy—Histoire de l’Art Judaïque. 8vo. Париж, 1858 год.

Десвергерс—Араби. 8во. Париж, 1847.

D’Herbelot—Bibliothèque Orientale. 6 томов. 8в. Париж, 1773.

Dinaux—Les Trouvères Artésiens. 8vo. Париж, 1843.

Douais—Les Albigeois. 8vo. Париж, 1879.

Dozy—Essai sur l’Histoire de l’Islamisme. 8vo. Leyde, 1879.

Dozy—Glossaire des Mots Espagnols et Portugais dérivés de l’Arabe. 8vo. Leyde, 1869.

Dozy—Histoire des Musulmans d’Espagne. 4 тома. 8во. Leyde, 1861.

Дози—Ле-Сид. 8во. Leyde, 1860.

Dozy—Notices sur Quelques Manuscrits. 8vo. Leyde, 1847.

Dozy—Recherches sur l’Histoire et la Littérature de l’Espagne pendant le Moyen Age. 2 vols. 8vo. Leyde, 1860.

Dubois—Histoire de l’Horlogerie. 4to. Париж, 1849 год.

Dugat—Histoire des Philosophes Musulmans. 8vo. Париж, 1878.

Dugat—Traité de Médecine d’Abou Djafar. 8vo. Париж, 1853 год.

Dupouy—Le Moyen Age Médical. 12 утра. Париж, 1880.

Egger—L’Hellenisme en France. 2 тома. 8в. Париж, 1869.

El-Bekri—Description de l’Afrique Septentrionale. 8vo. Париж, 1859.

Фабр—Трубадур. 2 тома. 8в. Париж, 1843.

Fauriel—Histoire de la Gaule Méridionale. 4 тома. 8в. Париж, 1836.

Fauriel—Histoire de la Poésie Provençale. 2 тома. 8в. Париж, 1846.

Ferreras—Histoire Générale d’Espagne. 10 томов. 4то. Париж, 1744.

Fétis—Histoire de la Musique. 5 томов. 8в. Париж, 1869.

Figuier—L’Alchimie et les Alchimistes. 12 утра. Париж, 1856.

Fleury—Histoire Ecclésiastique. 6 томов. 8в. Париж, 1844.

Flückiger et Hanbury—Histoire des Drogues Végétales. 2 тома. 8во. Париж, 1878.

Fouriel—Conquête de l’Afrique par les Arabes. 2 тома. с 4 по 1875 год.

Fournel—Les Berbères. 2 тома. 4то. Париж, 1875.

Франк—Каббала. 8в. Париж, 1843.

Fréguier—Les Juifs Algériens. 8во. Париж, 1865.

Fresnel—Lettre sur l’Histoire des Arabes avant l’Islamisme. 8vo. Париж, 1836 год.

Gagnier—La Vie de Mahomet. 12 утра. Амстердам, 1732 год.

Garcin de Tassy—Mémoire sur les Noms Propres et les Titres Musulmans. 8vo. Париж, 1878.

Garnier—Célibat et les Célibataires. 12 утра. Париж, 1889.

Garnier—Histoire de la Verrerie. 8vo. Тип, 1886.

Gastineau—Les Femmes et les Mœurs d’Algérie. 12 утра. Париж.

Gaufridi—Histoire de Provence. 2 тома. Фолиант. Aix, 1694.

Gauttier d’Arc—Histoire des Conquêtes des Normands en Italie, en Sicile, et en Grèce. 8vo. Париж, 1830 год.

Ghazzali—Le Préservatif de l’Erreur. 8vo. Париж, 1878.

Girault de Prangey—Essai sur l’Architecture des Arabes et des Maures. 4то. Париж, 1842 год.

Goldzieher—Le Culte des Ancêtres chez les Arabes. 8vo. Париж, 1885.

Graetz—Les Juifs d’Espagne. 8vo. Париж, 1872.

Grangeret de Lagrange—Les Arabes en Espagne. 8vo. Париж, 1824 год.

Guardia—La Médecine à travers les Siècles. 8vo. Париж, 1865 год.

Guizot—Collection des Mémoires relatifs à l’Histoire de la France. 31 том. 8во. Париж, 1824 год.

Guizot—Histoire de la Civilisation en France. 4 тома. 8в. Париж, 1846.

Гийар-Мусульманская цивилизация. 12 утра. Париж, 1884.

Guyard—Théorie de la Métrique Arabe. 8vo. Париж.

— Histoire des Papes. 10 томов. 8в. Париж, 1844.

Hoefer—Histoire de la Chimie. 2 тома. 8во. Париж.

Hoefer—Histoire des Mathématiques. 12 утра. Париж, 1874.

Ховелак—Л’Авеста. 8 сентября. Париж, 1880.

Huillard-Bréholles—Histoire Diplomatique de Frédéric II. 4то. Париж, 1859.

Huillard-Bréholles—La Vie de Pierre de la Vigne. 8во. Париж, 1865.

Ibn-al-Awam—Le Livre de l'Agriculture. 2 тома. 8в. Париж, 1866.

Ibn-el-Beithar—Traité des Simples. 3 тома. 4то. Париж, 1877.

Ibn-Haukal—Description de Palerme au X Siècle. 8vo. Париж, 1845 год.

Ibn-Khaldun—Histoire des Berbères. 4 тома. 8во. Alger, 1856.

Jacob—Curiosités de l'Histoire du Moyen Age. 12мо. Париж, 1859.

Jacobi—Histoire de la Corse. 2 тома. 8в. Париж, 1833.

Jagnaux—Histoire de la Chimie. 2 тома. 8в. Париж, 1891.

Jaubert de Passa—Voyage en Espagne. 2 тома. 8в. Париж, 1891.

Jomard—Études sur l'Arabie. 8vo. Париж, 1839 год.

La Beaume—Le Coran Analysé. 8vo. Париж, 1878.

Labessade—Le Droit du Seigneur. 8vo. Париж, 1878.

Lacroix—Mœurs et Usages au Moyen Age. 8vo. Париж, 1878.

Lacroix—Sciences et Lettres au Moyen Age. Фолиант. Париж, 1877.

Langlé—Historial du Jongleur. 8vo. Париж, 1829 год.

La Primaudaie—Les Arabes en Sicile et en Italie. 8vo. Париж, 1867 год.

La Roque—Voyage dans l'Arabie Heureuse. 12 утра. Париж, 1725 год.

Lebeau—Histoire du Bas Empire. 13 томов. 8в. Париж, 1820.

Le Bon—La Civilisation des Arabes. 8vo. Париж, 1884.

Lebrun—Histoire Secrète des Couvents. 12мо. Bruxelles.

Леклерк—Абу Казис. 8 лет. Париж, 1874.

Leclerc—Histoire de la Médecine Arabe. 2 тома. 8в. Париж, 1876.

Lenient—La Satire en France au Moyen Age. 8vo. Париж, 1877.

Lenormant—La Grande Grèce. 12 утра. Париж, 1881.

Ленорман—Прорицание. 8в. Париж, 1875.

Lenormant—Les Premières Civilisations. 8vo. Париж, 1874.

Lenthéric—La Grèce et l'Orient en Provence. 12 утра. Париж, 1878.

Letourneaux—La Kabylie et les Coutumes Kabyles. 3 тома. 8в. Париж, 1872.

Linguet—Essai Philosophique sur le Monachisme. 12 утра. Париж, 1777 год.

Llorente—Histoire de l'Inquisition d'Espagne. 4 тома. 8в. Париж, 1817.

Louis-Lande—Basques et Navarrais. 8vo. Париж, 1878.

Лукас—Документы уголовного розыска. 8 лет. Париж, 1860.

Magen—Les Prêtres et les Moines à travers les Ages. 8vo. Париж, 1857.

Makrizi—Histoire des Sultans Mamlouks. 2 тома. 4то. Париж, 1837.

Makrizi—Traité des Monnaies Musulmanes. 8vo. Париж.

Mandel—Histoire de la Langue Romane. 8vo. Париж, 1840 год.

Marchand—Moines et Nonnes. 12 утра. Париж, 1881.

Мармоль—Л'Африк. 3 тома. 4то. Париж, 1667.

Martin—Les Signes Numéraux chez les Peuples de l'Antiquité et du Moyen Age. 4то. Рим, 1864.

Martonne—La Piété du Moyen Age. 8vo. Париж, 1855 год.

Mas Latrie—Histoire de l'Isle de Chypre. 3 тома. 8в. Париж, 1855.

Mas Latrie—Traités de Paix des Arabes du Moyen Age. Фолиант. Париж, 1866.

Maury—Croyances et Légendes de l'Antiquité. 8vo. Париж, 1863.

Maury—Essai sur les Légendes Pieuses du Moyen Age. 8vo. Париж, 1843 год.

Maury—Histoire des Religions de la Grèce Antique. 3 тома. 8в. Париж, 1857.

Maury—La Magie et l'Astrologie. 12 утра. Париж, 1860.

Менант—Зороастр. 8в. Париж, 1857.

Méray—La Vie au Temps des Cours d'Amour. 8vo. Париж, 1876.

Méray—La Vie au Temps des Trouvères. 8vo. Париж.

Mérimée—Histoire de Don Pedro I. 12мо. Париж, 1865 год.

Michaud—Histoire des Croisades. 4 тома. 8в. Париж, 1867.

Michelet—Histoire de France. 19 томов. 8в. Париж, 1870.

Michel—Histoire des Races Maudites de la France et de l'Espagne. 2 тома. 8vo. Париж, 1847 год.

Мишель—Ле Пей по-баскски. 8 лет. Париж, 1859.

Miège—Histoire de Malte. 2 тома. 8vo. Bruxelles, 1841.

Millot—Histoire Littéraire des Troubadours. 3 тома. 12 месяцев. Париж, 1774.

Mimaut—Histoire de Sardaigne. 2 тома. 8в. Париж, 1825.

Мохаммед Ибн Джобайр —Путешествие по Сицилии. 8в. Париж, 1846.

Moline de Saint-Yon—Histoire des Comtes de Toulouse. 4 тома. 8во. Париж.

Montucla—Histoire des Mathématiques. 2 тома. 4то. Париж, 1758.

Morlillaro—Légendes Historiques Siciliennes. 8vo. Palermo, 1890.

Нибур—Описание Арабии. 4то. Париж, 1779.

Oelsner—Des Effets de la Religion de Mohammed. 8vo. Париж, 1810 год.

Pariset—Histoire de la Soie. 2 тома. 8в. Париж, 1862.

Perron—Femmes Arabes. 8vo. Париж, 1858 год.

Perrot—Histoire des Antiquités de la Ville de Nismes. 8vo. Низмес, 1842.

Peyrat—Histoire des Albigeois. 3 тома. 8в. Париж, 1870.

Pleyte—La Religion des pré-Israélites. 8vo. Utrecht, 1862.

Poiret—Voyage en Barbarie. 2 тома. 8в. Париж, 1789.

Prisse d'Avesnes—La Décoration Arabe. Фолиант. Париж, 1885.

Querry—Le Droit Musulman. 2 тома. 8в. Париж, 1871.

Ramée—Histoire Générale de l'Architecture. 2 тома. 8в. Париж, 1859.

Reinaud—Extraits des Historiens Arabes relatifs aux Croisades. 8vo. Париж, 1829 год.

Reinaud—L'Art Militaire chez les Arabes au Moyen Age. 8vo. Париж, 1848 год.

Reinaud—Les Invasions des Sarrasins en France. 8vo. Париж.

Reinaud—Monumens Arabes, Persans, et Turcs. 2 тома. 8в. Париж, 1828.

Рейно—Заметка о Магомете. 8 лет. Париж, 1860.

Reinaud—Relation des Voyages dans l'Inde. 2 тома. 18 ноября. Париж, 1845.

Ренан—Аверроэс и Аверроизм. 8в. Париж, 1852.

Renauldon—Dictionnaire des Fiefs et des Droits Seigneureaux. 4то. Париж, 1765 год.

Renouard—Histoire de la Médecine. 2 тома. 8в. Париж, 1846.

Romey—Histoire d'Espagne. 9 томов. 8в. Париж, 1839.

Ронна—Лес орошения. 3 тома. 8в. Париж, 1888.

Roquaire—La Papauté au Moyen Age. 8vo. Париж, 1881.

Rosseuw Saint-Hilaire—Histoire d'Espagne. 14 томов. 8в. Париж, 1859.

Sabatier—Notice sur Gerbert. 8vo. Париж, 1850 год.

Sainte-Pelaie—Histoire Littéraire des Troubadours. 3 тома. 12мо. Париж, 1774 год.

Schmolders—Essai sur les Écoles Philosophiques chez les Arabes. 8vo. Париж, 1842 год.

Schoebel—Le Bouddhisme et ses Origines. 8vo. Париж, 1874.

Scholl—L'Islam et son Fondateur. 8vo. Невшатель, 1844 год.

Sédillot—Histoire Générale des Arabes. 2 тома. 8в. Париж, 1877.

Sédillot—Matériaux pour servir à l'Histoire Complète des Sciences Mathématiques chez les Orientaux. 2 тома. 8в. Париж, 1845.

Sédillot—Mémoire sur les Systèmes Géographiques des Arabes. 8vo. Париж, 1842 год.

Sédillot—Prolégomènes des Tables Astronomiques d'Ouloug Beg. 8vo. Париж, 1853 год.

Sédillot—Traité des Instruments Astronomiques des Arabes. 4to. Париж, 1833 год.

Sismondi—Histoire de la Littérature du Midi de Europe. 4 тома. 8в. Париж, 1829.

Sismondi—Républiques Italiennes du Moyen Age. 10 vols. 8vo. Париж, 1840 год.

Solvét—Описание платежей за Магриб. 8vo. Alger, 1839.

Torres—Histoire des Chérifs. 4to. Париж, 1667 год.

Vacherot—Histoire Critique de l'École d'Alexandrie. 3 тома. 8во. Париж, 1846 год.

Vertot—Histoire des Chevaliers Hospitaliers. 5 т. 8 в. Амстердам, 1732.

Viardot—Histoire des Arabes et des Mores d'Espagne. 2 тома. 8в. Париж, 1857.

Viardot—Scènes des Mœurs Arabes. 8vo. Париж, 1834 год.

Вильмен —История Грегуара VII. 8в. Париж, 1874.

Villemain—Tableau de la Littérature au Moyen Age. 8vo. Париж, 1878.

Vincent—Études sur la Loi Musulmane—Législation Criminelle. 8vo. Париж, 1842 год.

Вепке—Альгебре д'Омар Аль-Хайми. 8в. Париж, 1857.

Воерске—Mémoire sur la Propagation des Chiffres Indiens. 8во. Париж, 1863.

Воерске—Recherches sur l'Histoire des Sciences Mathématiques chez les Orientaux. 8vo. Париж, 1860 год.

Воерске—Sur l'Introduction de l'Arithmétique en Occident. 4to. Париж, 1859.

Замахшари—Угольные шахты. 8 лет. Париж, 1876.

Zeller—Entretiens sur l'Histoire du Moyen Age. 12мо. Париж, 1865 год.

Zeller—Histoire d'Allemagne. 7 томов. 8в. Париж, 1872.

Испанский.

Абарка—Анализы Арагона. 2 тома. Фолиант. Саламанка, 1684.

Aldrete—*Varias Antigüedades de España*. 4to. Амберес, 1614 год.

Almagro—*Inscripciones Arabes de Granada*. 4to. Гранада, 1877 год.

Alonso el Sabio—*Las Siete Partidas*. 3 тома. 4то. Мадрид, 1807.

Araquistán—*Tradiciones Vasco-Cántabras*. 8vo. Tolosa, 1866.

Argote de Molina—*Nobleza de Andalucía*. Фолиант. Севилья, 1581 год.

Argote—*Nuevos Paseos por Granada*. 2 тома. 12 месяцев. Гранада, 1820.

Baeza—*Ultimos Sucesos del Reino de Granada*. 8vo. Мадрид, 1868 год.

Balaguer—*Historia de los Trovadores*. 6 томов. 8в. Мадрид, 1878.

Балагер—Католикос Лос Рейес. 2 тома. 8в. Мадрид, 1894.

Bernaldez—*Historia de los Reyes Catolicos*. 2 тома. 4то. Севилья, 1870.

Bleda—*Coronica de los Moros de España*. Фолиант. Валенсия, 1618 год.

Буа—Сатива. 8 сентября 1857 г.

Canas—*De la Agricultura Española*. 16 утра. Вальядолид, 1868 год.

Caro—*Antigüedades de Sevilla*. Фолиант. Севилья, 1634 год.

Cascales—*Discursos Historicos sobre Murcia*. Фолиант. Murcia, 1775.

Caveda—*Ensayo Historico sobre los diversos generos de Architectura en España*. 8vo. Мадрид, 1848 год.

Caveda—*Cronica de Don Alvaro de Luna*. Фолиант. Мадрид, 1784 год.

Cebrian—*Historia de los Arabes en Murcia*. 8vo. Пальма, 1845 год.

Кодекс и Зайдин—Арабско-испанская нумизматика. 4 тому. Мадрид, 1879.

Кольменарес —История Сеговии. Фолиант. Мадрид, 1640 год.

Conde—*Historia de la Dominacion de los Arabes en España*. 2 тома. 4то. Мадрид, 1820.

Контрерас—Арабские монументы. 4 ч. Мадрид, 1878.

— *Cronicas de los Reyes de Castilla*. 3 тома. 8в. Мадрид, 1875.

Дамето—История Балеарского Рейно. 3 тома. 4то. Пальма, 1840.

Danvila y Collado—*La Expulsion de los Moriscos*. 8vo. Мадрид, 1889.

De la Pena—*Anales de Cataluña*. 3 тома. Фолиант. Барселона, 1709.

Де лос Риос—Латиноамериканское искусство-Византино. 4 ч. Мадрид, 1861.

De los Rios—Historia de los Judios de España. 3 тома. 8в. Мадрид, 1876.

De los Rios—Inscripciones Arabes de Cordoba y Sevilla. 8vo. Мадрид, 1879.

De los Rios—Sevilla Pintoresca. 4to. Севилья, 1844 год.

De los Rios—Toledo Pintoresca. 4to. Мадрид, 1845 год.

Del Valle—Anales de la Inquisicion. 8vo. Мадрид, 1868 год.

De Schack—Poesía y Arte de los Arabes en España y Sicilia. 3 тома. 12 месяцев. Мадрид, 1872.

Diago—Historia de los Condes de Barcelona. Фолиант. Барселона, 1603 год.

Duro—Memorias de Zamora. 4 тома. 8в. Мадрид, 1883.

Echevarria—Paseos por Granada. 2 тома. 8в. Гранада, 1814.

Escolano—Historia de Valencia. 2 тома. Фолиант. Валенсия, 1610 год.

Флечье—История Карденаля Хименеса. 8 лет. Лион, 1712 год.

Флорес—Храм Испании. 51 том. 4то. Мадрид, 1754.

Galiano—Historia de España. 4 vols. 8vo. Мадрид, 1844 год.

Garibay—Compendio Historial de las Chronicas. 2 тома. Фолиант. Барселона, 1628 год.

Гомес—Мьедес-История короля дона Джейма I. де Арагона. Фолио. Валенсия, 1584 год.

Гонгора—История Наварры. 4 ч. Памплона, 1628 год.

Guadalajara y Xavierr—Memorable Expulsion de los Moriscos de España. 4to. Памплона, 1613 год.

Hurtado de Mendoza—Guerra de Granada contra los Moriscos. 4to. 1776.

Ibn-Aljathib—Descripcion del Reino de Granada. 8vo. Мадрид, 1860 год.

Janer—Condicion Social de los Moriscos de España. 8vo. Мадрид, 1857 год.

Jimena—Anales de Jaen y Baeza. 4to. Matriti, 1654.

Lafuente-Alcantara—El Libro del Viajero en Granada. 16 утра. Гранада, 1843 год.

Lafuente-Alcantara—Historia de Granada. 2 тома. 8в. Париж, 1852.

Lafuente-Alcantara—Inscripciones Arabes de Granada. 8vo. Мадрид, 1859 год.

Lafuente—Historia General de España. 6 vols. 4to. Барселона, 1882 год.

Lozano—Los Reyes Nuevos de Toledo. 4to. Валенсия, 1698 год.

Мадрасо—Кордова. 4 октября. Мадрид, 1855 год.

Madrazo—Sevilla y Cadiz. 4to. Мадрид, 1856 год.

Mariana—Historia General de España. 2 тома. Фолиант. Мадрид, 1650.

Marmol-Carvajal—Historia de la Rebelion y Castigo de los Moriscos. 4to. Мадрид, 1797 год.

Martinez de la Rosa—Obras. 8vo. Париж, 1844 год.

Masdeu—Historia Critica de España. 20 vols. 4to. Мадрид, 1787 год.

-- Мемориальный исторический музей Испании. 21 том. 4-я часть. Мадрид, 1851-1889.

— Memorias de la Real Academia de Historia. 11 томов. 4to. Мадрид, 1796-1888.

Менандес-Вальдес—Монархия Астурианы. 4to. Мадрид.

Mesa-Ginete—Historia de Jerez de la Frontera. 2 тома. 4to. Jerez, 1888.

Mila y Fontenals—De los Trovadores en España. 8vo. Барселона, 1861 год.

Молино—Родриго эль Кампеадор. 4 время. Мадрид, 1857.

Mondejar—Memorias del Rei Alonso el Sabio. Фолиант. Мадрид, 1777 год.

Morales—Coronica General de España. 15 vols. 4to. Мадрид, 1791 год.

Морети—История Ронды. 4to. Ronda, 1867.

Muñoz y Gaviria—Historia del Alzamiento de los Moriscos. 12 утра. Мадрид, 1861.

Nebrixa—Chronica de los Reyes Catholicos. Фолио. Вальядолид, 1565 год.

Nuñez de Castro—Coronica de los Reyes de Castilla. Фолиант. Мадрид, 1665 год.

Olivarria y Huartre—Tradiciones de Toledo. 12 утра. Мадрид, 1880 год.

Oliver-Hurtado—Granada y sus Monumentos Arabes. 8vo. Малага, 1875 год.

Orbaneja—Almeria Ilustrada. Фолиант. Альмерия, 1699 год.

Pedraza—Historia Ecclesiastica de Granada. Фолиант. Гранада, 1638 год.

Пи—и-Маргалл-Гранада. 4 ч. Мадрид, 1850.

Rada y Delgado—Museo Español de Antigüedades. 9 томов. Фолиант. Мадрид.

Риско—Ла-Кастилия. 4 ч. Мадрид, 1792 год.

Rivera—Historia de Ronda. 16мо. Ronda, 1873.

Роблес—Мусульманин Малаги. 4 ч. Малага, 1880.

Рохас—История Толедо. 2 тома. Фолиант. Мадрид, 1659.

Saavedra—Estudio sobre la Invasion de los Arabes en España. 8vo. Мадрид, 1892.

Salazar de Mendoza—Cronica de la Casa de los Ponces de Leon. 4to. 1620.

Salazar de Mendoza—Cronica del Gran Cardenal de España. Фолио. Толедо, 1725 год.

Сандовал-Хроника дона Алонсо VII. Фолио. Мадрид, 1600 год.

Sandoval—Historia de los Reyes de Castilla y Leon. Фолиант. Памплона, 1634 год.

Simonet—Leyendas Historicas Arabes. 8vo. Мадрид, 1858 год.

Tapia—Historia de la Civilizacion Española. 4 тома. 12 месяцев. Мадрид, 1840.

Torres—Historia de las Ordenes Militares. 4to. Мадрид, 1629 год.

Вальдес—Монархия Астурианы. 4to. Мадрид.

Веласко—Лос-Эускарос. 8 лет. Барселона, 1879 год.

Viegas—Principios del Reyno de Portugal. 4to. Барселона.

Zuñiga—Anales de Sevilla. 5 томов. 4to. Мадрид, 1796.

Zurita—Anales de Aragon. 7 томов. Фолиант. Сарагоса, 1610 год.

Португальский.

Benavides—Rainhas de Portugal. 2 тома. 8в. Лиссабон, 1878.

Брага —История популярной португальской поэзии. 12 часов. Porto, 1867.

Brito e Brandao—Monarchia Lusitana. 8 томов. Фолиант. Лиссабон, 1690 год.

— Cancioneirinho de Trovas Antigas. 12 утра. Вена, 1857.

Da Serra—Colecção de Livros Ineditos de Historia Portuguesa. 5 томов. Фолиант. Лиссабон, 1790 год.

Де Соуза—Следы арабского языка в Португалии. 8 лет. Лиссабон, 1789.

Эннес—История Португалии. 2 тома. 8в. Лиссабон, 1876.

Herculano—Historia da Inquisiçao em Portugal. 3 тома. 12 ноября 1874 года.

Геркулано—История Португалии. 2 тома. 8в. Лиссабон, 1880.

Нуньес ду Ляо —Хроники рейса Португалии. 4 тома. Лиссабон, 1774.

Итальянская.

Abbate—Italia nel Medio Evo. 8vo. Альба, 1892.

Airolidi—Codice Diplomatico di Sicilia. 6 томов. 4to. Palermo, 1789.

Амари—Арабская библиотека. 3 тома. 8в. Torino, 1880.

Amari—I Diplomi Arabi. Фолио. Флоренция, 1863.

Арабичи Амари—Рикорди. 8vo. Genova, 1873.

Амари—Солван эль-Мота. 12 утра. Флоренция, 1851 год.

Amari—Storia dei Mussulmani di Sicilia. 3 тома. 8в. Флоренция, 1854.

Amari—Un Periode delle Istoriæ Siciliane. 8vo. Панормо, 1842 год.

Bardi—Storia della Letteratura Araba sotto il Califato. 2 тома. 8vo. Флоренция, 1846 год.

Bennici—L’Ultimo dei Trovatori in Sicilia. 12mo. Palermo, 1874.

Bertalotti—Gli Arabi in Italia. 8vo. Torino, 1838.

Бруно—Опера. 2 тома. 8в. Липсия, 1830.

Cavedoni—Ricerche sui Trovatori. Фолио. Модена, 1844 год.

Corbetta—Sardegna e Corsica. 8vo. Милан, 1877.

Cusa—I Diplomi Greci ed Arabi. Фолиант. Palermo, 1868.

De Renzi—Collectio Salernitana. 5 об. 8vo. Napoli, 1852.

Ferrario—Storia degli Antichi Romanzi di Cavalleria. 4 тома. 8в. Милан, 1828.

Галилео—Опера. 16 томов. 8в. Флоренция, 1853.

Giannone—Istoria del Regno di Napoli. 8 томов. 8vo. 1882.

Guicciardini—Storia d’ Italia. 6 томов. 8vo. Parigi, 1837.

Manno—Storia di Sardegna. 8vo. Флоренция, 1858 год.

Marigny—Storia degli Arabi. 4 тома. 12mo. Venezia, 1753.

Martini—Storia delle Invasioni degli Arabi in Sardegna. 8vo. Cagliari, 1861.

Morso—Descrizione di Palermo Antico. 8vo. Palermo, 1827.

Muratori—Annali d’ Italia. 17 томов. 8в. Милан, 1820.

Navagiero—Il Viaggio Fatto in Spagna et in Francia. 12 до н.э. Венеция, 1563 год.

Назари—Преображение Металлики. 4то. Brescia, 1599.

Pitre—Usi e Costumi del Popolo Siciliano. 4 тома. 8vo. Palermo, 1889.

Феодальный режим Тети—Иля. 8vo. Napoli, 1890.

Tiraboschi—Storia della Letteratura Italiana. 27 томов. 8vo. Venezia, 1824.

Vetri—Dei Primordi della Invasione Araba. 8vo. 1882.

Немецкий.

AHLWARDT—Die Alte Arabische Gedichte. 8vo. Greifswald, 1872.

Ahlwardt—Poësie der Araber. 4то. Gotha, 1856.

Appel—Provenzalische Inedita. 8vo. Leipzig, 1890.

Aschbach—Geschichte der Ommajjiden in Spanien. 2 тома. 8vo. Wien, 1860.

Aschbach—Geschichte der Westgothen. 8vo. Франк-на-Майне, 1827 год.

Aschbach—Geschichte Spaniens und Portugals. 2 тома. 8vo. Франк-на-Майне, 1833 год.

Assmann—Geschichte des Mittelalters. 4 тома. 8vo. Braunschweig, 1857.

Bartsch—Grundniss zur Geschichte der Provenzalische Litteratur. 8vo. Elberfeld, 1872.

Baudissin—Studien zur Semitischen Religionsgeschichte. 8vo. Leipzig, 1876.

Bebel—Die Mohammedanische-Arabische Kultur Periode. 8vo. Stuttgart, 1889.

Becker—Chemische Anekdoten. 8vo. Leipzig, 1788.

Bergel—Die Medizin der Talmudisten. 8vo. Leipzig, 1885.

Birch-Hirschfeld—Ueber die den Provenzalischen Troubadours Epischen Stoffe. 8vo. Leipzig, 1878.

Blau—Arabien im VI. Jahrhundert. 8vo.

Bötticher—Geschichte der Carthager. 8vo. Berlin, 1827.

Brinckmaier—Die Provenzalischen Troubadours. 8vo. Göttingen, 1882.

Chwolsohn—Die Ssabier und der Ssabismus. 2 тома. 8vo. Санкт-Петербург, 1856.

Diercks—Die Araber im Mittelalter. 8vo. Leipzig, 1882.

Dieterici—Die Philosophie der Araber im X. Jahrhundert. 8 об. 8vo. Leipzig, 1876.

Diez—Die Poësie der Troubadours. 8vo. Zwickau, 1826.

Diez—Leben und Werke der Troubadours. 8vo. Leipzig, 1882.

Döllinger—Von der Papstfabeln des Mittelalters. 8vo. Stuttgart, 1890.

Герцоги—Моисей бен Эзра из Гранады. 8vo. Altona, 1839.

Ebert—Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalters. 3 тома. 8vo. Leipzig, 1887.

Ewald—Geschichte des Volkes Israel. 7 об. 8vo. Göttingen, 1843.

Fischbach—Geschichte der Textelkunst. 8vo. Hanau, 1883.

Flügel—Die Schulen von Bosra und Kufa. 8vo. Leipzig, 1862.

Flügel—Geschichte der Araber. 8vo. Leipzig, 1867.

Freytag—Darstellung der Arabischen Verskunst. 8vo. Bonn, 1830.

Funk—Kaiser Friedrich II. 8vo. Wien, 1817.

Geiger—Was hat Mohammed aus dem Judenthum aufgenommen. 8vo. Bonn, 1883.

Goldhann—Wanderungen in Sicilien. 8vo. Leipzig, 1855.

Goldzieher—Der Mythos bei den Hebraern. 8vo. Leipzig, 1876.

Goldzieher—Die Zahiriten. 8vo. Halle, 1884.

Goldzieher—Mohammedanische Studien. 2 тома. 8vo. Halle, 1889.

Gosche—Die Alhambra. 16mo. Berlin, 1854.

Grau—Semiten und Indogermanen. 8vo. Stuttgart, 1867.

Gudemann—Das Judische Unterrechtswesen während der Spanische-Arabische Periode. 8vo. Wien, 1873.

Hammer-Purgstall—Gemäldesaal der grossen Mohammedanische Herrscher. 6 томов. 8vo. Leipzig, 1873.

Hammer-Purgstall—Literaturgeschichte der Araber. 7 томов. 4to. Wien, 1855.

Hankel—Geschichte der Mathematik. 8vo. Leipzig, 1874.

Hausleutner—Geschichte der Araber in Sicilien. 4 тома. 8vo. Königsberg, 1791.

Hirschfeld—Beiträge zur Erklärung des Koran. 8vo. Leipzig, 1886.

Höfler—Kaiser Friedrich II. 8vo. Мюнхен, 1844.

Ibn-Ishak—Das Leben Mohammeds. 8vo. Stuttgart, 1864.

Jacobs—Welche Handsartikel bezogen die Araber en Mittelalter aus den Nordische-Baltischen Ländern. 8vo. Berlin, 1891.

Jost—Geschichte des Judenthums. 8vo. Leipzig, 1857.

Kaempff—Poësie Andalusischen Dichter. 8vo. Prag, 1858.

Kapp—Die Alchemie. 2 тома. 8в. Гейдельбург, 1886.

Kayserling—Die Judischen Frauen. 8vo. Leipzig, 1879.

Кайзерлинги—сефарды. 8vo. Leipzig, 1859.

Kestner—Der Kreuzzug Friedrichs II. 8vo. Göttingen, 1873.

Kiesewetter—Die Musik der Araber. 4to. Leipzig, 1842.

Köpke—Die Anfänge des Konigthums bei den Gothen. 8vo. Berlin, 1859.

Krause—Die Byzantiner des Mittelalters. 8vo. Halle, 1869.

Krehl—Das Leben des Muhammed. 12mo. Leipzig, 1884.

Krehl—Die Religion der Vorislamischen Araber. 8vo. Leipzig, 1863.

Kremer—Culturgeschichte des Orients. 2 тома. 8vo. Wien, 1875.

Kügler—Geschichte der Baukunst. 8vo. Stuttgart, 1859.

Lembke—Geschichte von Spanien. 4 тома. 8vo. Hamburg, 1831.

Mahn—Gedichte der Troubadours. 3 тома. 12mo. Berlin, 1856.

Movers—Das Phönizische Alterthum. 2 тома. 8vo. Berlin, 1850.

Müller—Die Letzten Zeiten von Granada. 8vo. München, 1863.

Müller—Philosophie und Theologie von Averroes. 4to. München, 1875.

Münz—Ueber die Judische Aerzte im Mittelalter. 8vo. Berlin, 1887.

Nesselmann—Versuch einer Geschichte des Algebra. 8vo. Berlin, 1842.

Nöldecke—Beiträge zur Kenntniss der Poësie der Alten Araber. 8vo. Ганновер, 1864.

Nöldecke—Das Leben Muhammads. 8vo. Ганновер, 1863.

Nordau—Vom Kreml bis zur Alhambra. 2 тома. 8vo. Leipzig, 1889.

Ольденберг—Будда. 8vo. Berlin, 1881.

Parthey—Das Alexandrinische Museum. 8vo. Berlin, 1838.

Parthey—Wanderungen durch Sicilien. 2 тома. 12mo. Berlin, 1834.

Pischon—Der Einfluss des Islams. 8vo. Leipzig, 1881.

Prutz—Aus Phönizien. 8vo. Leipzig, 1870.

Raumer—Geschichte der Hohenstaufen. 4 тома. 8vo. Leipzig, 1878.

Reber—Geschichte der Baukunst. 8vo. Leipzig, 1866.

Ritter—Die Arabische Philosophie. 4to. Göttingen, 1844.

Röhricht—Geschichte der Kreuzzuge. 2 тома. 8vo. Berlin, 1874.

Schaack—Geschichte der Normannen in Sicilien. 8vo. Stuttgart, 1889.

Schäfer—Geschichte von Portugal. 5 об. 8vo. Hamburg, 1883.

Schirmacher—Kaiser Friedrich II. 4 vols. 8vo. Göttingen, 1859.

Schmidt—Geschichte Aragoniens. 8vo. Leipzig, 1828.

Schmieder—Geschichte der Alchemie. 8vo. Halle, 1832.

Schultz—Das Höfliche Leben zur Zeit der Minnesinger. 2 тома. 4to. Leipzig, 1889.

Schultz—Italienische Trobadours. 8vo. Berlin, 1883.

Spangenberg—Die Minnehofe des Mittelalters. 8vo. Leipzig, 1821.

Шпитта—Главный герой Абул Хасан Али Асарис. 8vo. Leipzig, 1876.

Sprengel—Geschichte der Arzneikunde. 6 томов. 8vo. Halle, 1821.

Sprenger—Das Leben und die Lehre des Muhammed. 3 тома. 8во. Berlin, 1861.

Sprenger—Die Alte Geographie Arabiens. 8во. Bern, 1875.

Стимминг—Бертран де Борн. 8во. Halle, 1879.

Штимминг—Дер-трубадур Джафре Рудель. 8во. Kiel, 1873.

Stüwe—Die Handelszüge der Araber. 8vo. Berlin, 1836.

Suchier—Denkmäler der Provenzalische Litteratur. 8vo. Halle, 1883.

Unger—Geschichte der Pflanzenwelt. 8vo. Wien, 1852.

Von Kremer—Gebiete des Islams. 8vo. Leipzig, 1873.

Von Kremer—Geschichte der Herrschenden Ideen des Islams. 8vo. Leipzig, 1868.

Von Ledebur—Zeugnisse eines Handels-Verkehrs mit dem Orient. 8vo. Berlin, 1840.

Wahl—Statistik der Araber in Sicilien. 8vo.

Weil—Die Poetische Literatur der Araber vor Mohammed. 12мо. Stuttgart, 1837.

Weil—Einleitung in den Koran. 12мо. Bielefeld, 1844.

Weil—Geschichte der Chalifen. 3 тома. 8во. Mannheim, 1846.

Weil—Geschichte der Islamischen Völker. 8vo. Stuttgart, 1866.

Weniger—Das Alexandrinische Museum. 8vo. Berlin, 1875.

Wilken—Geschichte der Kreuzzüge. 8 об. 8во. Leipzig, 1830.

Winkelmann—Geschichte der Kunst des Alterthums. 8vo. Heidelberg, 1882.

Winkelmann—Kaiser Friedrich II. 2 vols. 8vo. Leipzig, 1889.

Winkler—Geschichte der Botanik. 8vo. Франкфурт, 1854 год.

Woepcke—Ueber Ein Arabisches Astrolabium. 4to. Berlin, 1858.

Wüstenfeld—Die Academien der Araber. 8vo. Göttingen, 1837.

Wüstenfeld—Geschichte der Arabischen Aerzte und Naturforscher. 8vo. Göttingen, 1840.

Zerschwitz—Das Kaisertraum des Mittelalters. 8vo. Leipzig, 1877.

Zimmermann—Geschichte der Hohenstaufen. 8vo. Stuttgart, 1865.

Голландский.

Дози—Де-Израэлитен те Мекка. 8во. Haarlem, 1864.

Houtsma—De Strijd over het Dogma in den Islam. 8vo. Leiden, 1875.

Keijzer—De Leerstellingen van de Mohammedaansche Godsdienst. 8vo. Горинхем, 1854.

Keijzer—Handboek voor Het Mohammedaansche Regt. 8vo. 's Gravenhage, 1853.

Керн—Хет буддизм в инди. 2 тома. 8во. Haarlem, 1882.

Кист—де-Паузин Иоганна. 8 лет. Грейвенхедж, 1845 год.

Кознен—Вариа, 8 лет.

Куэнен—Де-Баалсдайн в Израиле. 8во.

Куэнен—О Годсдиенсте в Израиле. 2 тома. 8во. Haarlem, 1869.

Номсз—Мохаммед. 12мо. Amstelodami, 1758.

Снук-Хургронье—Хет-Мекканский праздник. 8во. Leiden, 1880.

Тайле—Де-Богослова ван Заратустры. 8во. Haarlem, 1864.

Weil—Legenden der Muselmänner. 8vo. Schiedam, 1853.

Вайль—Мохаммед де Профит. 2 тома. 8в. Амстердам, 1846.

Wunderlich—Geschiedenis der Geneeskunde. 8vo. Tiel, 1861.

Датский.

Fabricius—Forbindelserne mellem Norden og den Spanske Halvo, i ældre Tider. 8vo. Кьобенхавн, 1882 год.

Мольбех—Европа и Мидделалдерен. 8 лет. Кьобенхавн, 1819.

Волхвы Ридберга—Мидделалдерена. 12 м.н.э. Кьобенхавн, 1873.

Sorensen—Araberne og deres Kultur i Middelalderen. 12мо. Кьобенхавн, 1888 год.

Шведский.

"Саго-хафдер" Афцелиуса—Свенски Фолькета. 11 томов. 8в. Стокгольм, 1844.

Böttiger—Om den Italienska Kulturens. 8vo. Упсала, 1846 год.

Brandel—Om och ur den arabiska geographen, Idrisi. 8vo. Упсала, 1894 год.

Энгестрем—О юдарне и Риме при альдере Тайдере. 8 лет. Стокгольм, 1876.

Hellwald—Turkiet i vara dagar. 2 тома. 8в. Стокгольм, 1877.

Хильдебранд—Ом из Ватиканского архива. 8во. Стокгольм.

История Жонкьера—Османики Рикец. 8в. Стокгольм, 1882.

Lindberg—Mohammed och Qoranen. 8vo. Göteborg, 1897.

Райнах—Литературная история Израиля. 8в. Стокгольм, 1891.

Sjögren—Sveriges kulturhistoria. 4to. Стокгольм, 1891 год.

ОКСКИЙ И МАСЛЯНЫЙ ЯЗЫКИ.

Bartsch—Chrestomatie Provençale. 8vo. Elberfeld, 1868.

Родился Бертран де Поэзес Комплетес. 8 лет. Париж.

Fauriel—Histoire de la Croisade contre les Hérétiques Albigeois. 4to. Париж, 1837 год.

Montaiglon et Raynaud—Recueil Général des Fabliaux. 6 томов. 8во. Париж, 1878.

Raynouard—Choix des Poësies des Troubadours. 6 томов. 8в. Париж, 1816.

Rutebœuf—Œuvres Complètes. 8vo. Париж, 1839 год.

ЛИМУЗЕНСКИЙ И КАТАЛАНСКИЙ.

Карбонель—Хроника Испании. Фолио. Барселона, 1546 год.

Don Jaime de Aragon—Libre dels feyts esdevençuts en la vida del molt alt senyor En Jacme lo Conquerador. Фолиант. 1557.

Март—Les Obres. 4to. Барселона, 1602 год.

Мунтанер—Хроника. Фолиант. Барселона, 1562 год.

Pujades—Coronica universal del Principat de Cathalunya. Фолиант. Барселона, 1609 год.

Королевская библиотека Козельса. 12 часов ночи. Барселона, 1561 год.

Торнич —История и Завоевания выдающихся людей и католиков Рейса де Араго. Фолиант. Барселона, 1534 год.

Латинский.

Абд-аль-Аллатиф—История Египта. 4 тому. Оксония, 1800.

Абдул—Феда-Доисламская история. 4 т. Липсия, 1831.

Абульфарагий—История династии. 4 т. Оксония, 1763.

Анспах—История Халифата Аль-Валиди. 8во. Leyden, 1853.

Авиценна—Опера. Фолио. Венеция, 1595.

Бэкон—Опера в редакции. 8в. Лондон, 1859.

Capasso—Historia Diplomatica Regni Siciliae. 4to. Napoli, 1894.

Carena—Tractatus de Officio Inquisitionis. Фолиант. Cremona, 1741.

Казири —Арабско-испанская эскуриальская библиотека. В 2 т. Фолиант. Matriti, 1760.

— Fuero Juzgo. Фолиант. Мадрид, 1815 год.

Гербер—Приключения. 4то. Париж, 1867.

Gildermeister—Scriptorum Arabum de Rebus Indicis. 8vo. Бонн, 1838 год.

Хаджи—Халфа -Библиографический словарь. 7 томов. 4то. Leipzig, 1835.

Hille—De Medicis Arabibus Oculariis. 8vo. Липсия.

Плацентарная болезнь Гюйяра-Бреолля. 4. Parisiis, 1856.

Лонгино—Триний Магикум. 18mo. Francofurti, 1614.

Middledorff—Commentatio de Institutis Litterariis in Hispania quæ Arabes auctores habuerunt. 4to. Göttingen.

Муратори—Древности Итальянской Медианы, VI. 6 томов. Фолиант. Mediolani, 1740.

Paulus Diaconus—Historia Longobardorum. 8vo. Ганновер, 1878 год.

Пококке—Арабский исторический образец. 4 т. Оксония, 1806.

Расмуссен—Дополнение. 4to.

Рейске—Opuscula Medica ex Monimentis Arabum. 8vo. 1776.

Рейске—Парус ол Арем. 4то. Липсия.

Renauldon—Historia Præcipuorum Arabum Regnorum. 4to. Хауни, 1817 год.

Rhazes—De Variolis et Morbillis. 8vo. Londini, 1766.

Рутгерс—История Евреев. 4то. Lugd. Batavorum, 1838.

Шпренгель—История королевских гербариев. 2 тома. 8в. Амстельдами, 1807.

- Талмудический трактат Эрубина. 4 тому. Липсия, 1661.

Wenrich—Rerum ab Arabibus in Italia Insulisque Gestarum Commentarii. 8vo. Липсия, 1845.

Греческий.

Аппиан —Римская история. 2 тома. 8в. Липсии, 1881.

Геродот—Исторический сборник IX. 8в. Липсия, 1890.

Прокопий—История. 8в. Париж, 1856.

Страбон—Географика. 3 тома. 8в. Липсия, 1877.

Иврит.

Акмин-Иосиф-Бен—Тах-уль-Нуфус (Выдержки). 8в. 1873.

Альфаси—Галахот-Раб-Альфас. (Изложение Талмуда.) 4 т. Оксфорд, 1875.

Маймонид—Избранное из "Яд Хачазака". 8в. Кембридж, 1832.

Суренхусины—Мишна. 6 томов. Фолиант. Амстеледами, 1698.

- Талмуд Бабли. 13 томов. 4то. Амстердам, 1654.

Арабский.

Абд-аль-Вахид -История Альмохадов. 8во. Leyden, 1881.

Абд-эль-Реззак —Откровение загадок. 8в. Париж, 1874.

Абульфедя—Мусульманские летописи. 5 томов. 4то. Leipzig, 1794.

Абульфедя —Описание земель Магриба. 4то. Alger, 1839.

История Абульфеды—Jocanidorum. 4то. Твердый. Гель. 1786.

-- Аджбар Мачмуа. 8 лет. Мадрид, 1867.

Аль-Бухари -канонические традиции. Фолиант. Бомбей, 1856.

Аль-Испакхани — Песни арабов. 10 томов. 4то. Каир.

Au-Makkari—Analectes sur l'Histoire et la Littérature des Arabes en Espagne. 2 тома. 4то. Leyden, 1855.

Амрольке—Диван. 4 ч. Париж, 1837.

Антарак—Романтика. 6 томов. 8в. Бейрут, 1883.

De Sousa—Documentos Arabicos para a Historia Portuguesa. 4то. Лиссабон, 1790 год.

Dozy—Scriptorum Rerum Arabum de Abbadidis. 4то. Lugd. Batavorum, 1846.

Edrisi—Description de l'Afrique et de l'Espagne. 8vo. Leyden, 1866.

Эльмачин—Сарацинская история. 4то. Lugd. Batavorum.

Фарис-аль—Шидиак-Путешествия. 8во. Париж, 1855.

Фаруки—Юридические решения. 2 тома. Фолиант. Булак.

Grangeret de Lagrange—Anthologie Arabe. 8vo. Париж, 1828 год.

Hamzae Ispahanensis—Annalium Liber X. 8vo. Petropoli, 1845.

Ibn-Adhari—Histoire de l'Afrique et de l'Espagne. 2 тома. 8во. Leyden, 1848.

Ибн-аль—Валид-Светильник царей. 4то. Каир.

Ибн Бадрун—Исторический комментарий. 8во. Leyde, 1846.

Ибн—Батута-Путешествия. 8во. Каир.

Ибн—Хаджар-Биографический словарь. 4 тома. 8в. Калькутта, 1853.

Ибн Джунис—События. 4то. Париж.

Ибн—Халдун-Введение в историю. 8во. Бейрут, 1886.

— Lois des Maures en Espagne. Фолио. СР. XII. Век.

Макуди —Золотые прерии". 9 томов. 8в. Париж, 1861.

Мухаммед—Аль-Коран. 8во. Leipzig, 1881.

Muhammed-Alfergani—Elementa Astronomica. 4to.

Шарастаны — Книга религиозных и философских сект. 2 тома. 8во. 1842.

Райт—Опыскула Арабика. 8в. Leyden, 1859.

Wüstenfeld—Das Leben Muhammeds. 3 тома. 8во. Göttingen, 1859.

Wüstenfeld—Die Chroniken der Stadt Mecca. 4 тома. 8во. Leipzig, 1858.

ИСТОРИЯ МАВРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЕВРОПЕ

ГЛАВА I ДРЕВНИЕ АРАБЫ 2500— 614 гг. до н. э.

Топография Аравии—Ее история—Влияние других народов—Древняя цивилизация—Торговля—Сохранение обычаев и языка—Характер бедуина—Его Независимость—Его Хищнические инстинкты—Сила племенных связей—Война — Нормальные условия существования в пустыне—Добродетели и пороки арабов—Кровная месть и ее разрушительные последствия—Отсутствие касты—Положение женщины—Брак—Религия—Астральное поклонение—Идолопоклонство—Фаллицизм—Человеческие жертвоприношения—Важность и могущество евреев—Христианство в Аравии—Поэзия, ее сюжеты и характер—The Муаллакат —Популярность арабского поэта-Его Вольность-Влияние арабской цивилизации и культуры на последующие эпохи.

Немногие страны земного шара представляют взору путешественника столь пустынный, столь отталкивающий вид, как этот обширный и засушливый полуостров, который, занимая площадь более миллиона квадратных миль, простирается на двадцать четыре градуса широты от границ Сирийской пустыни до берегов Индийского океана. Его поверхность, хотя и далека от того монотонного характера, которым привыкла наделять ее популярная фантазия, на большей части своей протяженности лишена тех физических преимуществ, которые соблазняют либо алчность, либо предприимчивость человека. Его побережья низкие и нездоровые. Его гавани немногочисленны и небезопасны. Его минеральные ресурсы по сей день не исследованы. Его непроходимые пустыни, охраняемые свирепым и воинственным населением, всегда бросали вызов наиболее продуманным планам вторжения и завоевания. В Йеменском княжестве,

получившем соответствующее название Счастливого, обработка почвы процветала с незапамятных времен, но почти во всех других провинциях отдача от сельскохозяйственного труда обескураживающая и неоплачиваемая. Бескрайние пустыни песка, над которыми проносится смертоносный порыв симума; горы, лысые, скалистые, вулканического происхождения, склоны которых лишены всяких следов растительной жизни; равнины, усеянные глыбами туфа и базальта; долины, усеянные тут и там низкорослым кустарником или покрытые соляными отложениями, подобными тем, что на берегах Мертвого моря; почва, пропитанная селитрой; таковы и были с доисторических времен физические особенности Аравийского полуострова. Ни один ручей, достойный названия реки, несущей богатство и плодородие в своем извилистом русле к морю, не протекает по этой унылой и негостеприимной земле. Везде, где обнаруживался источник, возникало постоянное поселение, и черные шатры бедуинов уступали место хижинам из высушенных на солнце кирпичей, в то время как достоинство шейха, который теперь претендовал на титул принца, удовлетворялось жилищем, превосходящим жилища его подданных только размерами. Оазис, обычно напоминающий тенистые рощи и журчащие ручьи, на самом деле часто является не чем иным, как пересохшим руслом горного потока, вдоль границ которого немного увядшей растительности служит пастбищем для выносливых верблюдов и где путем кропотливого рытья можно добыть скудный запас солоноватой воды. Над головой сияет медное небо, не омраченное ни единым облаком, и утром и вечером солнечные лучи, смягченные и преломленные испарениями земли, окрашивают каждую возвышенность в алые, лазурные и фиолетовые тона, которые, сливаясь в изысканной гармонии, соперничают с великолепием радуги; под действием излучения возникают оптические иллюзии и очаровательные картины миража, приписываемые суеверным невежеством влиянию чар. Нерушимая тишина пустыни, широкие просторы необитаемой территории вызывают чувство умственной подавленности, сопровождаемое предчувствием опасности, исходящей от потрясений природы и насилия человека, которое, кажется, не в состоянии устранить никакой жизненный опыт; поражая даже крепкого погонщика верблюдов, знакомого с детства с этими пустынями, который содрогается, погоняя свою вереницу тяжело дышащих животных по занесенным песком кучам и через горные твердыни, считающиеся прибежищем злых духов и выгодной позицией, откуда кровожадные бандиты нападают на людей. часто осаждают караван. Это чувство настолько глубоко укоренилось и живучее, что араб считает успешно совершенное путешествие справедливым поводом для поздравлений и действительно не уступает триумфу, на что указывает его известная пословица: “Путешествие - это победа”.

Современное географическое деление Аравии на Каменистую, Пустынную и Счастливую является произвольным и неизвестным людям, границы страны которых оно намеревается установить. Различия между различными племенами полуострова всегда определялись образом жизни, привычками и традициями, а не случайностью местности; на самом деле они были скорее личными, чем территориальными. Эта особенность является результатом необычайной живучести национального типа, который ни новое физическое окружение, ни изменение политических и экономических условий, ни течение столетий не смогли ощутимо изменить, а тем более полностью искоренить. Отсюда возникло разделение арабского народа на два класса, кочевой и оседлый, единственный, общепризнанный ими, и демаркационная линия которого всегда была четко очерчена.

Изначальная история Аравии теряется в непостижимом мраке древности. Летописи ни одного народа не содержат большей неопределенности и не представляют больших трудностей в

исследовании, чем летописи бедуинов, поскольку имеющиеся у нас популярные свидетельства об их ранней истории содержат неоспоримые указания на недавнюю дату и вымышленное происхождение. Невежественные в искусстве письма на протяжении веков до времен Мухаммеда, их традиции передавались устно и, в дополнение к неизбежным недостаткам этого способа общения, были окрашены той любовью к преувеличениям и лжи, которая, по-видимому, является неотъемлемой частью восточного характера. Скучные намеки, которые можно почерпнуть из этих неудовлетворительных материалов, - это все, на что мы можем положиться в почти безнадежной попытке составить хронологическую и историческую схему доисламских событий. Высказывания мусульманских писателей по поводу этих событий должны быть подвергнуты жесткой критике. Они замалчивали многие факты и без разбора осуждали обычаи своих языческих предков; хотя они знали, что Пророк черпал свое вдохновение в основном из этого источника и что исламизм никогда не смог бы утвердиться без принятия многих из этих идолопоклоннических церемоний во всей их целостности. Насколько в настоящее время можно определить с помощью имеющихся в нашем распоряжении несовершенных и подозрительных данных и путем сравнения физических и ментальных характеристик окружающих народов, Аравия долгое время была базой обширной эмиграции, главным образом в Центральную Азию; в то время как ее южные и восточные провинции с тех пор, как какой-то голодающий бедуин впервые обнаружил чудесное плодородие долины Нила, были плодотворным источником, откуда Египет набирал свое уменьшающееся население.

С другой стороны, влияние соседних стран на Аравию, в свою очередь, сопровождалось последствиями величайшей важности. Ей особенно повезло, что ее географическое положение сделало ее приморские города — и в еще большей степени ее внутренние поселения — перевалочными пунктами для распределения предметов роскоши Востока и Запада. Из последних в древние времена, и действительно, до тех пор, пока их не вытеснили сомнительные преимущества Мекки, Петра была самой замечательной. Последняя была настоящим тропическим городом. Его жилища, вырытые в цельной скале, по их огромной протяженности свидетельствуют о том, что когда-то в них, должно быть, проживало по меньшей мере сто шестьдесят тысяч душ. Петра была не единственным городом такого рода в Северной Аравии. Многие другие почти соперничали с ним по размерам и богатству, по великолепной архитектуре своих храмов, по обширности своих коммерческих интересов, по сибаритской роскоши своих обитателей. При таких условиях неизбежно должна была быть достигнута высокая степень цивилизации, которая, однако, исчезла с упадком финикийского влияния в период задолго до начала христианской эры. Начиная с эпохи, которая, что не маловероятно, была ровесницей установления первой египетской династии, по дорогам, которые во всех направлениях пересекали полуостров, почти непрерывно проезжали чужеземцы, привлеченные прибылями от эфиопской и индийской торговли. Это постоянное общение с иностранцами, любопытные сведения о далеких землях, которые передавали последние, таинственные догмы неизвестных религий, которые они исповедовали, их обширная ученость и изысканные манеры незаметно расширили сферу наблюдения и деятельности, развили умственные способности и смягчили грубость диких племен Пустыни. Многие из этих торговцев были финикийцами и евреями, которых общее происхождение, на которое, среди прочих черт, указывало поразительное сходство языков, сразу же привело к фамильярному и тесному контакту с арабами. Из надписей известно, что торговые сношения Аравии с Египтом существовали за три с половиной тысячи лет до Рождества Христова, а с Финикией, что вполне вероятно, были такой же древности.

Нельзя представить себе большего контраста, чем тот, который представляет соответствующая жизнь арабов и их соседей и сородичей, обитателей долины Нила. Действия первых, как и у всех скотоводческих народов, были нерегулярными, неуверенными, капризными. Существование последнего контролировалось неизменными явлениями Великой Реки, влияние которой ощущалось на каждом этапе политической, религиозной и социальной жизни; разливы которой были символом процветания, и о восхождении которой возвещал небесный вестник Сириус, самая великолепная звезда на небесах. Подданные фараонов зависели от Аравии в производстве смол и ароматических веществ, столь широко используемых при бальзамировании; и эти драгоценные вещества, которые, должно быть, производились тогда в гораздо большем количестве, чем сейчас, также экспортировались в Финикию и Палестину, откуда значительные количества ежегодно попадали в Европу для употребления в церемониях жертвоприношений, в медицинских целях и в показной помпезности патрицианской роскоши.

Морские и сельскохозяйственные преимущества, которыми обладало южное побережье полуострова, названное римлянами Счастливой Аравией, а впоследствии местными жителями Йеменом, “Страной по правую руку” (поскольку предполагалось, что говорящий находится в Мекке), позволили этому региону достичь уровня процветания и цивилизации, неизвестного скотоводческим поселениям внутренних районов. В настоящее время ничего нельзя установить относительно ранней истории Йемена, королевские генеалогии правителей которого, тем не менее, включают период в две тысячи двести лет. Также спекуляции не могут с какой-либо степенью вероятности назвать даже приблизительную дату начала его торговых отношений с Востоком. Смелый и предприимчивый дух арабских моряков не только привел их на крайний Восток, но и их каботажные суда регулярно посещали берега Персидского залива, а также заливы и бухточки африканского побережья; предприятия гораздо более рискованные, если не более прибыльные, чем путешествия в далекий Индостан. Из последней страны местные и иностранные торговцы привезли с собой вместе с товарами множество идолопоклоннических практик и догм порочной философии, которым суждено было впоследствии проявить то могущественное влияние, которое они приобрели на умы людей благодаря их включению в символ веры ислама.

Все классические авторы, писавшие на эту тему, сходятся в том, что приписывают огромное богатство Южной Аравии, земле, известной в древности как Саба, или Шиба. Геродот, Страбон и Плиний часто упоминают ее как самую богатую страну на земном шаре. Его сельскохозяйственные ресурсы, зависящие от обширной и сложной гидравлической системы, охватывающей сотни лье продуктивной территории, были главной основой его процветания. Его потоки были ограничены массивными каменными стенами циклопических размеров и огромными насыпями. Одно из этих водохранилищ имело восемнадцать миль в окружности и сто двадцать футов в глубину. Его камни были залиты битумом и скреплены железными прутьями. Многие другие, меньшие по размерам и не менее прочной конструкции, собирали и удерживали растаявший снег гор. Поток воды регулировался шлюзами, а ее распределение жестко предписывалось законом. Эта тщательная система орошения, примененная к почве поразительного плодородия под тропическим солнцем, в конечном итоге дала результаты, сравнимые с результатами хваленых плантаций Вавилонии. Бесчисленное население, разбросанное по этой благоприятной территории в сотнях городов и деревень, довело обработку почвы до высочайшего совершенства. Ежедневные расходы царского дома составляли пятнадцать вавилонских талантов, восемьдесят пять тысяч пятьсот долларов наших денег. Рассказывают, что столица Мареба стояла на обширном пространстве многолетней

зелени, где ветви деревьев, соприкасаясь друг с другом, образовывали свод непрерывной тени над дорогами такой протяженности, что всаднику потребовалось бы два месяца пути, чтобы пересечь возделанную часть владений монархов Сабы. Одной из последних была знаменитая царица Балкис, подруга и почитательница Соломона.

В регионе, столь удачно расположенном для торговли, коммерческая деятельность шла в ногу с развитием сельского хозяйства. Торговцы Сабы пользовались репутацией проникательных, способных, богатых и предприимчивых людей, не уступавших самим финикийцам. Они участвовали в сделках, связанных с огромными денежными вложениями. Они отправили большой флот в Китай. Их караваны пересекали сирийские и африканские пустыни. Ежегодно они экспортировали в Персию ладан весом в тысячу талантов. Они не только напрямую закупали товары, с которыми имели дело, но и широко покупали и продавали их за комиссионные. Их склады были заполнены богатыми товарами из десятков стран: серебряными сосудами; слитками меди, олова, железа и свинца; медом и воском; шелками, слоновой костью, черным деревом, кораллами, агатами; циветтой, мускусом, миррой, камфарой и другими ароматическими веществами, некоторые из которых стоили во много раз дороже золота. Их расточительная роскошь была такова, что в качестве топлива при приготовлении пищи они использовали только сандаловое дерево и корицу. Растительный мир внес немалую долю в коммерческое богатство Южной Аравии. Кофе, произрастающий на полуострове, экспортировался как предмет роскоши в провинции Азии. В том сухом климате, где процветали все известные сорта злаков, зерно могло храниться без повреждений в течение тридцати лет. Хлопководство, сахарный тростник, какао-пальма приносили огромные доходы тем, кто занимался их выращиванием. Важными статьями экспорта также были мекканский бальзам, гуммиарабик, сок *акации Вераи* знаменитый ладан. Страна считалась богатой полезными ископаемыми; в Сабе существовали неисчерпаемые залежи соли; в горах находили золото; но в Аравии не производили железа, которое, по словам Страбона, в его время было равноценно драгоценным металлам. Жемчужные промыслы на побережье, противоположном островам Бахрейн, не имели себе равных по красоте и ценности своей продукции.

В течение неизвестного периода, охватывающего, однако, многие столетия, процветание королевства Саба продолжалось. Затем он внезапно пришел в упадок; произошла всеобщая эмиграция, и бывший рай превратился в необитаемую пустыню. Причина этих великих и глубоких перемен, повлекших за собой опустошение обширного региона и рассеяние целого народа, скрыта в безвестности. Ребяческие басни, которые приписывают это угрозе затопления в результате прорыва дамбы, недостойны внимания. Вероятно, это бедствие было вызвано главным образом перенаправлением караванного движения в каналы Красного моря, оставлением станций, прекращением поступления доходов и, как следствие, нехваткой средств к существованию. Иностранные войны или внутренние потрясения, которые, подкрепленные растущей роскошью и последующей слабостью, также способствовали истощению ресурсов и населения королевства, возможно, ускорили окончательную катастрофу, которая, как предполагается, произошла в первом веке христианской эры.

Начиная с этой эпохи традиции арабов становятся все более и более запутанными. Некоторые племена, по-видимому, эмигрировали в Месопотамию, другие поселились в окрестностях Медины, тогда называвшейся Ясриб, где они породнились с евреями, уже обосновавшимися в этом городе. Мы больше ничего не знаем об арабских летописях до тех пор, пока распространение ислама не открыло новую главу в истории народов. До Хиджры никакая дата

не могла быть установлена с уверенностью, поскольку не существовало хронологической системы, с помощью которой можно было бы установить год исторического события, и не существовало государственных или частных записей, сохранивших его. Но шагом дальше ненадежной передачи событий прошлого с помощью традиции были надписи, иногда сделанные на лопатках животных. Мало того, что писцу совершенно не хватало необходимого материала, но и способностью им пользоваться обладало лишь незначительное число людей. Среди кочевых бедуинов повсеместно преобладало презрение к литературным достижениям, за исключением импровизированного поэтического сочинения. Даже в великом торговом городе Мекке, во времена публикации Корана, был только один человек, который умел писать. Недаром Мухаммед назвал долгий и неясный период, предшествовавший Хиджре, Эпохой Невежества.

Аравия, единственная из стран, доступных честолюбию могущественных государей древности, избежала унижения завоевания. Гений Александра планировал его покорение, но смерть помешала осуществлению его грандиозного, возможно, неосуществимого замысла. Легионы Августа, обученные дисциплине величайшего из цезарей, оказались не в состоянии справиться с задачей одержать победу над регионом, где почва, стихии и доблесть его защитников составляли сочетание, непобедимое человеческой доблестью. Персы на незначительный период времени оккупировали западное и южное побережье, предварительно изгнав абиссинцев, которые вторглись в часть Йемена и удерживали ее в течение VI века. Однако ни одна нация никогда не могла претендовать на господство над какой-либо значительной частью Аравийского полуострова. Такой невосприимчивостью она была обязана не только естественным препятствиям, которые препятствовали продвижению и поддержанию армии вторжения, но и суеверным страхам, которыми хитрость и легкоеверие окружали ее название. Это была страна таинственных предзнаменований и чудес, границы которой охраняли злобные демоны; чьи пустыни, почти непроходимые для самого смелого искателя приключений, были населены великанами-каннибалами и чудовищными хищными птицами, которые охраняли сокровища, помещенные злыми духами под чары заклятия. Каждый караван, отправлявшийся из Финикии в Центральную Аравию, привозил большое количество сторакса, который, по словам тирских купцов, сжигали по соседству с кустами ладана, чтобы его зловонный дым мог отогнать крылатых змей, которые были их хранителями. Говорили, что климат был настолько губительным, что для сбора драгоценной жвачки использовались только рабы и преступники, причем их свобода зависела от успеха. Эти политические изобретения, в которые невежды безоговорочно верили, хотя и обеспечивали проницательным торговцам Финикии монополию на ценные продукты полуострова, оказывали немалое влияние на умы древних и наводили на Пустыню ужас, который не могли полностью преодолеть даже репутация и соблазны ее огромного богатства.

В результате освобождения от иностранного владычества, ни одна другая страна не сохранила целостность своих обычаев, своего языка и индивидуальности своих жителей в такой степени, как Аравия. Одно это все еще представляет картину правления и домашней экономики патриархальной древности. Его нравы те же, что преобладали за столетия до времен Авраама. Удивительно звучная и гибкая идиома Корана сформировалась еще до того, как были написаны Библия или Илиада. Абсолютная неподвижность араба в его родных местах, контрастирующая с его готовностью приспособливаться к диаметрально противоположным условиям в других местах, является одной из самых поразительных аномалий человеческого характера. Влияние Греции и Рима, чьи вкусы в искусстве и принципы управления оставляли свои следы везде, где

доблесть или предприимчивость этих народов могли утвердиться, не заметно ни в политической, ни во внутренней истории Аравии. На огромном полуострове, рассказы о коммерческом богатстве которого вызывали всеобщее доверие и удивление во всем древнем мире, никогда не было обнаружено руин какого-либо величественного сооружения, возведенного искусной рукой афинского или римского архитектора. И, что, вероятно, является более убедительным свидетельством постоянного отсутствия иностранного влияния, чем любое другое, каким бы правдоподобным оно ни было, ни одно название с греческим или латинским окончанием не сохранилось в диалектах тех арабских поселений, которые на протяжении многих веков были наиболее тесно связаны с торговлей в Европе.

Эта негибкость национальных особенностей становится неоценимой при прослеживании причин упадка и разрушения великих мусульманских империй, которые впоследствии господствовали на столь значительной части земного шара. Этнография народа, глубоко запечатлевшего свои черты в последующие эпохи; чьи обычаи, законы и язык до известной степени пережили их владычество; аналогия между религиозными догмами, которые они исповедовали, и теми, которые их вытеснили; игра страстей, разрушительных или благотворных, проявляемая теми правителями, которых наследственное происхождение или случайность удачи возвысили до высшей власти; развитие пересаженной расы, ее преждевременная зрелость, длительные последствия ее интеллектуального превосходства и ее медленный, но неизбежный упадок - обстоятельства, вполне заслуживающие внимательного изучения автором. историк-философ. Отсутствие достоверной информации делает невозможным точное представление об умственных и физических чертах арабов двухтысячелетней давности. Но, поскольку мы знаем крайний консерватизм жителей Востока, их ярко выраженное отвращение к переменам, упрямое сохранение своих традиций и общие черты их характера, мы можем с уверенностью предположить, что пастух, который сейчас бродит по пустынным плато Неджда и Омана, является интеллектуальным двойником библейского амалекитянина и что араб, черты которого высечены на вечных стенах Эдфу и Карнака, ничем материальным не отличался от современного хищного бедуина. Это странная аномалия в стране, большая часть которой либо из-за суровости Природы, либо из-за лени ее жителей веками была обречена на вечное бесплодие и изолирована морем и пустыней от современной цивилизации, столкнуться с расой, чей гений был способен сразу же с одинаковой легкостью приспособиться к формированию и развитию сельскохозяйственной системы, превосходящей систему любого другого народа, древнего или современного; к изобретению механических устройств удивительной изобретательности; к решению самых сложных математических задач; к совершенствованию изящного и утонченного порядка. архитектуры, уникальной по замыслу, бесконечной в деталях, замечательной по исполнению, непревзойденной по красоте орнамента; к длительному осаждению городов и достижению и применению этого мастерства в сложной системе военной тактики, необходимого для успеха в военном искусстве; к основанию и сохранению империй. Обычно требуется долгое и утомительное ученичество для достижения совершенства в любом из этих достижений; но разносторонне развитый араб, казалось, интуитивно был способен постичь их все без предварительного опыта или инструкций. Это превосходство гения проявилось и в литературе. Поэзия была единственной формой литературного проявления, ценимой арабским умом; импровизация - единственным талантом, который он считал достойным аплодисментов. Даже среди самых умных не сохранилось ничего, заслуживающего названия исторического; и генеалогии, которыми арабы гордились, были всего лишь бесконечными списками варваров

местной или племенной известности и унылыми каталогами идолов. И все же их хищные орды произвели великую интеллектуальную революцию в каждой стране, подчинившейся их власти. В дополнение к своим собственным запоминающимся достижениям, они до предела развивали и расширяли умственные способности своих подданных и приверженцев. Наставлениями и примером они возбуждали соперничество и вознаграждали усилия всех, кто боролся за то, чтобы вырваться из пут невежества, которые были скованы суевериями и предрассудками веков, проведенных в позорном рабстве. Их завоевания в мире литературы дают им гораздо более благородный титул, чем лавры, завоеванные на полях ужасающей резни, или престиж, приобретенный в результате покорения обширных провинций и королевств. Эта утонченная интеллектуальная сила распространяется на лучшие литературные произведения современности. Отпечаток арабского гения можно обнаружить в романах Боккаччо, в романах Сервантеса, в философии Вольтера, в “Принципах” Ньютона, в трагедиях Шекспира. Его область действия совпадает с границами современной цивилизации, его влияние непреходяще по своему характеру.

Эти далеко идущие результаты не являются результатом спонтанного импульса и не имеют случайного происхождения. Они безошибочно указывают на постепенный и непрерывный прогресс в течение длительных периодов времени. Неумолимые законы, управляющие судьбой человека, требуют перехода через множество взаимосвязанных форм, незаметно переходящих друг в друга, чтобы в конечном итоге произвести радикальные изменения в умственных и физических характеристиках отдельных людей и наций. Эволюция расы, как и развитие архитектурного строительства, происходит медленно, но поступательно. Единство между фундаментом и надстройкой очевидно, хотя первое может быть не заметно на первый взгляд. Огромное расстояние разделяет варварского шейха доисламской Аравии и могущественных и просвещенных халифов Багдада и Кордовы. Тем не менее, и династии Аббасидов, и династии Оммеядов вели свою родословную непосредственно от бедуинских разбойников, которые каждый год подстерегали караван из Мекки. Нет никакого видимого сходства между грубыми сооружениями доисторической древности и несравненными сооружениями, возведенными афинским гением и мастерством. Однако нельзя оспаривать, что необработанная и бесформенная шахта циклопического карьера, не имевшая ни рифления, ни спирали, ни основания, ни капители, была архитектурным прототипом великолепных колонн, украшавших храмы Древней Греции и Рима. Ввиду быстрого прогресса арабов при преемниках Мухаммеда мы вынуждены признать за их языческими предками не только интеллектуальные способности высочайшего порядка, явно несовместимые с деградирующими условиями дикой жизни, но и необычайную способность к политической организации и практическому применению принципов каждого искусства, полезного для человечества; таланты, бессознательно формировавшиеся и дремавшие на протяжении бесчисленных поколений; факт, который вполне может вызвать восхищение каждого ученого, и примера которого история ни в предыдущие, ни в последующие времена не дает.

Арабы, несмотря на их кажущееся варварство, не занимают презренного места в анналах древности. Они завоевали Египет и под властью династии царей-Пастухов правили этой страной много веков. Один из представителей их расы, зачисленный рядовым, был в результате серии быстрых повышений возведен на трон Римской империи. Их кавалерия с заметным отличием сражалась в имперских армиях. Не раз доблесть бедуинских наемников определяла судьбу персидской монархии. Они составляли большую часть войск Зенобии, королевы Пальмиры, в ее отчаянной борьбе с Аврелианом. Под каким бы знаменем они ни служили, их

мужество и целеустремленность никогда не подвергались сомнению. Следует, однако, признать, что их верность не была вне подозрений и что слишком часто имя Араб было синонимом предательства.

Самой замечательной особенностью арабской жизни является ее неугомонная энергия. Сохранение этого состояния с первобытных времен объясняет многие из отличительных черт, столь заметных в характере расы. Хорошо известная связь, существующая между коммерческой деятельностью и цивилизованными привычками, была бессильна изменить существование араба-кочевника. Его хищнический инстинкт всегда был сильнее соблазнов оседлого комфорта и богатства. Знакомство с восточной роскошью только усилило его презрение к тем, кто ею наслаждался. Его бродячий порыв носил его повсюду. Он бесстрашно проник в таинственные глубины Ливийской пустыни. Он служил в армиях Индостана. Он был зачислен в преторианскую гвардию, где его природная жадность была удовлетворена и стимулирована пожертвованиями, полученными за позорную продажу императорского трона. В течение значительного времени до прихода Мухаммеда арабам был присущ растущий дух беспокойства. При кочевнических и хищнических вкусах, конечно, не могло быть привязанности к земле — состояние, действительно, рассматриваемое бедуинами как признак рабства. Потребовались столетия, чтобы исправить этот предрассудок; но ни смена места жительства, ни общение с давно цивилизованным населением, ни даже принятие нового государственного устройства, увещевания новой религии и могучие соблазны изобилия и непринужденности так и не смогли искоренить дух индивидуальной независимости и племенной вражды, которые были наиболее заметными чертами арабского характера. Эти национальные особенности неоднократно угрожали существованию как Восточного, так и Западного халифатов в дни их наивысшего расцвета. Они усилили ожесточение, которым была отмечена борьба соперничающих князей за империю. Они поощряли и поддерживали вражду знати. Они скрывались под изодранными одеждами разъяренных фанатиков. В умах населения эти чувства почти никогда не скрывались. Они постоянно проявлялись в личных ссорах, в буйстве толп, в религиозных беспорядках, в восстаниях, в совершении ужасающих зверств. Они были мощными факторами разрушения средневековой мусульманской цивилизации, где бы она ни существовала, и особенно это верно в отношении испано-арабского господства, самого развитого, если не самого деспотичного, из всех. Темпераменту араба, порывистому, вспыльчивому, мстительному, хотя и превосходно приспособленному для завоеваний, не хватало таких качеств, как широкая государственная мудрость и беспристрастная проницательность, жизненно необходимые для безопасности и поддержания правительства. Теми, кто пользовался высшими привилегиями личной свободы, были горцы, которые в своих недоступных убежищах, привыкшие к лишениям, искусные во всех мужских упражнениях и не знающие роскоши, с упрямой цепкостью цеплялись за своих идолов и бросали вызов всем попыткам Пророка обратить их в свою веру или подчинить себе. Ислам также не привлекал своих приверженцев в черте перенаселенных городов. В языческой, как и в мусульманской Аравии, торговля и религия были тесно связаны. Симпатии организованного сообщества были на стороне древней религии, которая способствовала его богатству, занятости, личной выгоде и социальному отличию. Торговцы и их многочисленные иждивенцы холодно отнеслись к откровению, которое поставило под угрозу их доходы и их значение. Священнослужители, набранные из самых знатных семей полуострова, поощряли этот предрассудок с пылом, порожденным инстинктивной ненавистью и профессиональной гордостью. Таким образом, эти

два класса мало способствовали распространению новых доктрин; мир завоевали дикие орды Пустыни.

Недавно расшифрованные химьяритские надписи установили тот факт, что в неизвестную эпоху две мигрирующие популяции, одна с Севера, другая с Юга, встретились на своем пути и были настолько смешаны ассоциациями и смешанными браками, что за короткое время образовали единый народ. Это быстрое слияние указывает на общее расовое происхождение, и не исключено, что северным подразделением были хананеи, изгнанные мечом Иисуса Навина.

Сами условия их существования в ранние времена неизбежно исключали идею систематической организации или согласованного союза среди бродячих племен Аравии. Их государственное устройство, если его можно так назвать, было по сути патриархальным. Вожди и правители избирались из семей, известных личными заслугами, благородным происхождением и древностью происхождения, и, в соответствии с отцовским обычаем Востока, все вассалы принца — которые, фактически, обычно приходились ему родственниками - со временем зачислялись в члены его семьи; и, таким образом, осколки определенных племен, привлеченные к общему центру узами реального или воображаемого родства или из-за страха уничтожения, приобрели большое превосходство над своими соседями. До установления мусульманского правления не существовало ни правительства, ни свода законов, ни высшей власти, ни делегированной магистрату, ни принятой им на себя. Каждая семья была независимой; каждый ее член не признавал никаких обязательств перед обществом, кроме защиты членов своего клана. Инстинкт самосохранения, сила общественного мнения и опасение посягательств соперничающих племен были единственными мотивами, достаточно мощными, чтобы осуществить временный союз тех, чьи жизненные интересы оказались под угрозой. Власть шейха была номинальной; его функции были скорее консультативными, чем исполнительными. Его положение было скорее почетным, чем полезным; по собственной воле он не мог ни руководить военными операциями, ни принуждать к повиновению, ни вознаграждать за заслуги, ни наносить наказания. Делами племени управляли те из его членов, которые выделялись возрастом, достоинством и мудростью. Даже решение такого совета не было обязательным в случаях, когда речь шла об общем благосостоянии; ибо при таких обстоятельствах считались с мнением каждого богатого, высокопоставленного или отличающегося в социальном плане лица. Абсолютизм, столь характерная черта азиатского правления, доведенная до такой крайности преемниками Мухаммеда, таким образом, был неизвестен в древней Аравии. Находясь во власти буйной свободы индивидуального каприза, его изолированные сообщества даже не подвергались обычным юридическим ограничениям, налагаемым голосом демократии; и их контроль был настолько близок к анархической распущенности, насколько это было совместимо с простым сохранением общества. Естественные препятствия, такие как нехватка воды и бесплодие почвы, добавленные к давно унаследованным предрассудкам, традиционной вражде и трудностям общения, всегда препятствовали политическому и интеллектуальному развитию арабов на их родной земле. Сохранение его первоначальных институтов после мощных революций, произведенных исламом в других странах, убедительно доказывает, что национальное возрождение арабов под небом Пустыни практически невозможно.

Жизнь бедуина проходила в неослабевающей враждебности. Война была нормальным условием его существования; она обеспечивала единственные стимулы, которые он считал достойными внимания, — удовлетворение мести, приобретение славы, присвоение

собственности своего ближнего. Потворство этим страстям, и особенно постыдная склонность к грабежу, и его жестокость были его наиболее бросающимися в глаза и порочащими чертами. Занятие грабежом было в глазах араба скорее почетным, чем иным, поскольку оно было тесно связано с профессией оружейника. В обществе, не имеющем ресурсов сельского хозяйства, мануфактуры или торговли, для поддержания жизни приходится полагаться на насильственные средства. В пустыне единственными доступными средствами для достижения этой цели были грабеж врагов и шантаж путешественников. Полное отсутствие организованного правительства делало владение собственностью вдвойне ненадежным. Нигде больше непостоянство фортуны не было столь очевидным. Нападение враждебного племени могло превратить самого богатого человека в нищего за одну ночь. Никакая бдительность не могла предотвратить такую катастрофу в регионе, предоставляющем неограниченные возможности для внезапности и нападения из засады, где не было никаких прав собственности на землю, где богатство общины состояло в основном из отар овец и стад верблюдов. В обстоятельствах, когда значимость и положение человека среди его собратьев зависели от его склонности встречать опасность лицом к лицу и способности ускользать от разоблачения в погоне за грабежом, бедность становилась постыдной. Постоянные опасения порождали недоверие к незнакомцам, пока оно не стало преобладающей национальной чертой. Когда две группы бедуинов, незнакомых друг с другом, встречались в пустыне, более сильный немедленно нападал на более слабого. Дерзкое грабительское предприятие принесло своему герою высшую народную награду. Великий разбойник, сочетавший в себе такие качества, как храбрость и двуличие, и сколотивший богатство своими подвигами, был кумиром своего племени. Память о знаменитом разбойнике Хараме даже сейчас бережно хранят в Хеджазе с восхищением, едва ли уступающим тому, которое было оказано его соотечественнику Мухаммеду.

Психическое строение древнего араба представляло собой множество замечательных несоответствий, большинство из которых до сих пор проявляются в характере его потомков. Храбрый до безрассудства, он не испытывал угрызений совести при тайном убийстве врага. Проявляя почтение к возрасту и полагаясь в руководстве на советы старейшин своего племени, он без колебаний изгонял стариков и немощных с общественного пира. В то время как наибольшая известность сопутствовала разграблению лагеря, совершение пустяковой кражи делало преступника объектом всеобщего отвращения. Он помогал несчастным и грабил незащищенных с такой же готовностью. Проявление щедрого и бескорыстного гостеприимства не было препятствием для преследования гостя после того, как он покинул неприкосновенную территорию лагеря. Однако во многих отношениях характер бедуина был в высшей степени достоин восхищения. Его храбрость не вызывала сомнений. Он обладал высоким чувством личной чести. Беглец, просивший у него защиты, даже если он был врагом, был в безопасности до тех пор, пока оставался в пределах своей палатки, и он поддерживал дело неизвестного просителя, как если бы оно было его собственным. После захода солнца его пылающий сторожевой костер, подобно дружественному маяку, указывал курс запоздалого странника по пустынному морю. Он спорил со своими соседями за честь принять у себя незнакомца, и самым глубоким упреком, которому он мог подвергнуться, было обвинение в недостатке добродетели гостеприимства. Его рыцарское чувство, взращенное среди постоянных опасностей неопределенного существования, было заметно по тому уважению, которое он впоследствии проявлял по отношению к женщине. Его простота манер и серьезность поведения придавали его внешности вид достоинства, который вызывал уважение тех, кто намного превосходил его по рангу, образованию и знаниям. Терпеливый в невзгодах, он рассматривал проявление горя

как непростительное свидетельство слабости. Любовь к свободе доминировала в его натуре до такой степени, что ее невозможно было оценить тем, кто подвергался благотворным ограничениям цивилизованных сообществ. Наличие многих благородных качеств в характере араба, однако, только делало его недостатки более вопиющими. Его кажущаяся невозмутимость скрывала от посторонних глаз многие пороки и несовершенства. Как и все варвары, он был по большей части инфантильным и капризным, раздражительным, отвлекался по пустякам, управлялся скорее инстинктом, чем разумом, быстро обижался и безжалостно мстил. Из всех существ он был в высшей степени импульсивным созданием. Его гордость была непомерной, а алчность ненасытной. Для него осуществление мести было священным долгом, который превосходил все моральные и общественные обязательства; и такова была его враждебность, что он считал прощение серьезной раны признаком труса. Неисправимый хвастун, он без колебаний прибегал к предательству, когда это позволяло достичь целей доблести. Он практиковал каннибализм и, подобно свирепым скандинавам, пил из черепов зарезанных жертв. Участие в этих ужасных пирах принимали не только воины; на них присутствовали и женщины, которые с дикой гордостью носили ожерелья и амулеты, сделанные из ушей, носов и костей мертвых.

Под предлогом предотвращения будущего бесчестия, но на самом деле в целях экономии, в условиях существования, сопряженного с постоянной борьбой, он часто хоронил своих детей женского пола живыми. Говорят, что Осман никогда не плакал, за исключением того случая, когда на похоронах своей маленькой дочери она протянула руку и ласково вытерла могильную пыль с его бороды. От таких невыразимых злодеяний, как это, Мухаммед избавил своих соотечественников.

Арабы практиковали как многомужество, так и многоженство в степени, редко одобряемой другими варварами. Одна женщина, чья карьера, казалось бы, была уникальной в истории супружеских достижений, прославилась тем, что была женой сорока мужей. В обществе, где преобладал общинный брак, такая страсть, как ревность, неизбежно была неизвестна. Араб-язычник до предела потворствовал пороку пьянства и гордился своей способностью поглощать большое количество спиртного — были некоторые химьяритские князья, которые обрели незавидное бессмертие, напившись до смерти. Азартные игры были настолько популярны в пустыне, что бедуин, подобно древнему германцу, часто ставил свою свободу, свое самое бесценное достояние, на брошенный камешек. Подобно древнееврейским патриархам, он заключал кровосмесительные браки. Он прославлялся именем разбойника и считал захват каравана главной целью жизни. Не было ничего необычного в том, что он, ограбив мертвых, калечил их с такой жестокостью, которая опозорила бы американского индейца. Он проверял виновность или невиновность испытаниями огнем и водой, которые он и его родственник-еврей унаследовали от далекой древности. Практика распущенной галантности, повсеместно распространенная на полуострове и воспетая во многих любовных строфах бедуинского поэта, была временно приостановлена суровым правлением ислама; но, вскоре возродившись под благоприятным небом Испании и Сицилии, распространилась на север и, неразрывно связанная с рыцарскими подвигами и романтическими приключениями, со временем заразила грубых и сравнительно добродетельных варваров Европы.

Необычайный уровень интеллекта, живое воображение, живое любопытство, цепкая память, детская любовь ко всему чудесному отличали арабов Эпохи Невежества от других скотоводческих народов Африки и Азии. Вражда между племенами, подпитываемая взаимными

обидами, нанесенными на протяжении сотен поколений, усилила свирепость натуры, которая под воздействием таких провокаций стала неспособной к жалости. Все, что было связано с повседневной жизнью воина, имело прямую тенденцию поощрять и без того слишком жестокою склонность к кровавым деяниям. У боевого коня была своя биография; меч каждого знаменитого вождя имел имя и историю. Высказывания удачливого мародера, часто произносимые с эпиграмматической лаконичностью, вошли в пословицы и цитировались с экстравагантным восхищением его самыми отдаленными потомками; его подвиги, увековеченные волнующими стихами поэта, рассказывались каждую ночь у лагерных костров его племени. В случае убийства родственника не допускался никакой траур до тех пор, пока не было совершено обильное возмездие за преступление. Исполнение жестокого закона кровной мести, хотя и способствовало подавлению всякого чувства человечности там, где преступником был наследственный враг, по-видимому, не оказало какого-либо заметного эффекта в усилении жестокости характера араба в его схватках с теми, против кого у него не было особых причин для вражды. Однако там, где племенная вражда была не только религиозным долгом, но и делом чести, вендетта преследовалась с неумолимой суровостью. Никаким обстоятельствам из чувства благодарности или рыцарской привязанности, ни памяти о прошлых милостях, ни надежде на будущие отличия не позволялось вмешиваться в его неукоснительное соблюдение. Право мести, первоначально переходившее к пятому поколению, передавалось по наследству и, фактически, никогда не терялось и редко отказывалось от него. Был признан регулярный график штрафов, зависящий от возраста, ранга и социального положения убитого; но ни одна семья, питавшая подобающее представление о собственной значимости и достоинстве своего племени, не снизошла бы до принятия установленного количества верблюдов, которое древнее предписание и общее согласие устанавливали как эквивалент убийства. Этот варварский обычай применялся к каждому солдату, павшему в честном бою, в такой же мере, как и к жертве от кинжала убийцы; а здоровый страх перед последствиями ожесточенного конфликта, когда за каждого поверженного врага могли потребовать десятки жизней, обычно делал столкновения арабов сравнительно бескровными. Поэтому необычайная ценность придавалась человеческой жизни в Пустыне, где убийство отдельного человека могло повлечь за собой истребление целого клана. Принимая во внимание ожесточенную враждебность, проявляемую многими племенами друг к другу, последствия вражды, унаследованной веками, и постоянные возможности взаимного уничтожения с их незначительными результатами, мы можем без колебаний заключить, что закон кровной мести, несмотря на идею жестокости, которую он несет, в действительности сыграл важную роль в сохранении арабской расы.

Привычки араба по необходимости были воздержанными. Необходимость постоянного напряжения сил для добывания предметов первой необходимости, ненадежность владения собственностью, угрожающее присутствие опасности, бедность почвы, национальное предубеждение против промышленных занятий не способствовали потворству тем порокам, которые наиболее интенсивно процветают в искусственных условиях установившейся цивилизации. Скучных урожаев на Юге было недостаточно, чтобы прокормить даже население этих малонаселенных провинций. Среди продуктов растительного мира финики были основным продуктом питания кочевых народов Аравии. Только в окрестностях Медины произрастало сто сортов этого ценнейшего фрукта. Его высокопитательные свойства, простота консервирования, удобство, с которым его можно было транспортировать на большие расстояния, сделали его продуктом питания, особенно приспособленным для жителей тех засушливых и малопродуктивных регионов, в которых он процветал и которые без него обезлюдели бы. Даже

его семена были предметом торговли и скармливались лошадям и верблюдам. У арабов, как и у других кочевых народов, к растительной диете прибегали только в случае необходимости. Количество мяса, подаваемого на трапезу, было показателем важности хозяина, а также мерой его гостеприимства. Медный котел считался обычного размера, когда в нем легко помещалась овца, а некоторые были настолько большими, что всадник мог без труда есть из них, не спешиваясь. Кусочки, подаваемые из этих бурлящих сосудов, были пропорциональны посуде, в которой они готовились, и ненасытному аппетиту тех, кто их употреблял. Распространенное среди варваров убеждение, что характеристики животного передаются с неослабевающей силой всем, кто питается его мясом, разделяли и арабы. Поскольку их любимым мясом был верблюд, они объясняли его употребление своим вспыльчивым нравом, чертой, которая заметно развита у этого животного, также известного среди четвероногих своим упрямством. В стране, где бесплодие так обескураживало земледельца и пастуха, нельзя было пренебрегать ни одним предметом, обеспечивающим питание, и даже мир насекомых был призван внести свою лепту в удовлетворение насущных потребностей человечества. Сушеная и соленая саранча всегда была основным продуктом питания беднейших слоев населения Аравии и, являясь важной частью кладовой каждого лагеря, в огромных количествах продается на рынках полуострова.

Кастовые различия и предрассудки, наиболее серьезные препятствия на пути прогресса, были неизвестны гордым бродягам Пустыни, где личные заслуги были высшим достоянием уважения. Авторитет вождя основывался на уважении, которым он пользовался среди членов своего племени, а не на выдающихся обстоятельствах его рождения или древности его рода. Возраст был важным условием для достижения официального достоинства, поскольку свидетельствовал о мудрости, которая, как предполагалось, является результатом длительного опыта. У бедуинов не было той жадности к власти, потворство которой так часто нарушает мир и разжигает страсти в обществах с развитой цивилизацией. Шейх правил благодаря уважению, которое питали к его характеру, влиянию его манер, прежде всего, благодаря его отношениям со своими соплеменниками. Отцовские чувства были первостепенными среди арабского народа. Они с особым уважением относились к памяти своих предков. Право на святилище было связано с их могилой; племенная организация и домашние традиции бедуинов были основаны на этом чувстве почитания предков. Подобно другим азиатам, они считали многочисленную семью величайшим отличием; отец десяти сыновей был облагорожен почетным титулом; и ни одна нация не придавала большего значения обладанию феноменальной мужественностью. В их обращении с женщинами во многих случаях существует разительный контраст между язычниками и более поздними арабами. У обоих, это правда, женщина, как правило, была рабыней. И все же иногда, в Эпоху Невежества, ее возводили в официальные чины, даже на сам трон; к ее мнению прислушивались в важных государственных делах; и в роли прорицательницы и колдуньи она обладала неограниченной властью, ни к добру, ни ко злу, над своими суеверными последователями. Часто одаренная редким поэтическим талантом, она боролась, не без отличия, за желанную пальму первенства в литературном искусстве. Традиция также передала имена и подвиги некоторых бесстрашных амазонок, которые сражались бок о бок со своими мужьями и братьями и чья решительная храбрость в значительной степени способствовала изменению исхода не одного сомнительного сражения. Но, как правило, как до, так и после Мухаммеда, арабы решительно отвергали выход пола из состояния рабства. В эпоху Невежества это было заклеено неучтивым эпитетом “Сети демона”. Священные узы крови и тот факт, что, вступая в брак, женщина не отказывалась от своих наследственных

привилегий, всегда могла заручиться помощью своих родственников, искать у них убежища и быть отомщенной их доблестью в случае тяжелого личного увечья, придавали ей значительную степень значимости в социальной системе Аравии. Совершенно очевидно, что в древние времена полиандрия преобладала повсюду в этой стране, что указывало на нехватку женщин и было обычаем, всегда относящимся к определенному этапу формирования и развития общества. О его предшествующем существовании свидетельствуют остатки общинного брака, которые сегодня прослеживаются в отдаленных частях полуострова, и хорошо подтвержденная традиция, согласно которой родство по женской линии изначально было правилом в пустыне, ребенок принадлежал племени и следовал судьбе матери. Среди бедуинов единственными признанными методами получения жены были поимка и покупка. Первое полностью соответствовало воинственным инстинктам расы, имущество которой приобретало особую ценность в результате воинской доблести; второе представляло собой компенсацию за возможную потерю сыновей, которые при других обстоятельствах стали бы воинами материнского племени. Однако не было никакой реальной разницы между участью невесты, которую в качестве приза за победу вытаскивали, визжа, из складок ее шатра, и участью улыбающейся жертвы, красоту которой обменяли на сотню верблюдов. И то, и другое рассматривалось как движимое имущество и переходило по наследству вместе с другим личным имуществом к наследнику. По мере того как население увеличивалось, а добывать средства к существованию становилось все труднее, появление ребенка женского пола рассматривалось как бедствие; детоубийство становилось обычным явлением; и ничто, кроме надежды когда-нибудь в будущем пополнить свое стадо верблюдами какого-нибудь предполагаемого жениха, никогда не примиряло бедуина-наемника с рождением дочери.

Достижение высокой степени цивилизации при всем ее деморализующем влиянии не смогло уничтожить природную вежливость, атмосферу осознанного достоинства, благородное гостеприимство и изысканность манер, которые отличали свирепого и необразованного жителя Пустыни. Его чувству независимости не мешали ни завистливые различия в ранге, ни неудобные имущественные правила. Его интуитивное знание человеческой природы, его редкая восприимчивость ко всем впечатлениям, которые могут улучшить и развить ум, его способность решать самые сложные вопросы политики, его готовность столкнуться с самыми ужасающими опасностями были качествами, которые обеспечили ему успех в самых отдаленных странах и в самых неблагоприятных и обескураживающих условиях. Несмотря на свою готовность воспользоваться превосходными знаниями своих противников, он питал самые экстравагантные представления о собственной значимости и смотрел свысока на всех, кто отличался манерами, религиозной верой или национальностью. Его непомерная фамильная гордость сохранила к изумлению последующих поколений бесконечную номенклатуру его предков; и при рождении Мухаммеда самый безвестный и бедный человек мог называть имена своих предков с беглостью, рожденной долгой практикой и традиционным наследием, на протяжении шестисот лет. Его язык, удивительно сложный, но гибкий, предлагающий для целей поэта и оратора — благодаря своему расточительному богатству и неисчерпаемому разнообразию — все ресурсы чувства, пафоса и красноречия, но при этом настолько легко усваиваемый, что маленькие дети говорили на нем с грамматической точностью и беглостью, он справедливо хвастался как один из самых совершенных идиом, когда-либо изобретенных человеком. Короче говоря, араб считал себя высшим образцом человечности; его высокомерие возмущала идея супружеских связей с расами, которые он считал низшими по сравнению со своей собственной; и превосходство, на которое он претендовал для себя и своих

соотечественников, указывалось на прерогативы, которыми, по его утверждению, Аллах даровал им одним из всех наций: “чтобы их тюрбаны были их диадемами, их палатки - их домами, их мечи - их укреплениями, а их стихи - их законами”.

Доисламская религия арабов была в основном униженным идолопоклонством, оскверненным человеческими жертвоприношениями и восходящим по четко определенным ступеням от низших форм фетишизма к поклонению звездам. Их вера была далеко не единообразной, и почти у каждого племени были особые объекты почитания и особые способы богослужения. Некоторые были совершенно лишены представления о Боге; некоторые пресмыкались перед грубо обтесанными каменными блоками; другие поклонялись деревьям и источникам — самым благодарным дарам природы в иссушенной жаждой стране; третьи, опять же, с хвалой приветствовали восходящее солнце, когда его лучи освещали пурпурные туманы пустыни, или благоговейно склонялись ночью перед сверкающим величием небес. Члены определенных племен были материалистами; немало людей принимали метемпсихоз; многие были знакомы с философским кредо буддистов, которые рассматривали смерть как безвозвратный конец всей духовной деятельности, начало состояния абсолютного покоя, вечного и неизменного покоя. Однако большинство арабских народов смотрели на своих идолов как на посредников между Высшим Существом и человеком. Поэтому они воздвигали храмы в их честь, называли в их честь своих детей, совершали паломничества к их святыням и просили их о добрых услугах драгоценными дарами и подношениями. Небесные тела были отнесены к той же категории. К их заступничеству перед Божеством также часто обращались с просьбами; и их силе, применяемой таким образом косвенно, приписывались как самые важные, так и самые тривиальные события в жизни, благосклонность фортуны, причинение бедствий, таинственные и ужасающие последствия природных явлений. Это суеверие, столь же древнее, как и человеческая раса, - воображать, что вселенная населена таинственными существами, а жизни людей определяются благотворным или пагубным влиянием звезд. Поклонение Солнцу, щедрому дарителю света, тепла, здоровья, за которым следуют увеличение стада, распускание почек, желанный вид освежающей зелени, создателю всего полезного и привлекательного в каждом виде органической жизни, поклонение, которое в века первобытной простоты всегда сильнее всего взывало к благодарности и почитанию человека, было очень популярно в языческой Аравии. Историки-классики установили тот факт, что когда-то это было почти повсеместно на полуострове, где идол, являвшийся земным проявлением этого великого светила, обозначался именем Нур-Аллах, “Свет Божий”. Его авторитет был повсюду первостепенным, независимо от того, поклонялись ли ему открыто, представляли ли огонь великим очищающим средством или выставляли под различными символами силы и могущества, которые все народы, какими бы разделенными они ни были и различающимися физическими и умственными характеристиками, с удивительным единодушием приняли в качестве его особых эмблем. Были также возведены храмы Луне, Сириусу, Канопусу, Гиадам, Меркурию и Юпитеру. Но из всех звездных тел ни одно не пользовалось большим благоволением и не почиталось с большим великолепием, чем Сатурн. Его приверженцы часто путали его атрибуты с атрибутами родственных ему божеств Марса и Солнца. Учеными исследованиями Дози было доказано, что знаменитая Кааба изначально была святилищем, посвященным этому божеству. Он был Ваалом евреев и когда-то их богом-покровителем, а также богом финикийцев, которого первые носили во время своего пребывания в пустыне, а вторые почитали в великолепных храмах Сидона и Тира. Степень почитания его на Востоке, можно сказать, совпадала с видом сверкающей планеты, которой он был представлен в

тропических небесах. Дарующий все материальные блага, он был в этом качестве призван как создатель и хранитель земной жизни; но его также умиляли как мстителя за святотатство и преступление. У разных народов ему поклонялись в бесчисленных проявлениях. Знакомое слово "Израэль" является синонимом Сатурна; еврейские священники знали его как Саббатай — отсюда и произошла наша Суббота; и в Иудее, как и в Египте, первый день недели был посвящен и назван в его честь. В Аравии это популярное божество было известно как Хобал, слово, бесспорно, произошедшее от древнееврейского языка. Занимая самое высокое положение в арабском пантеоне, хотя его образ был антропоморфным, на самом деле он был представителем монотеистического принципа. Его имя и богослужение на полуострове были в равной степени еврейского происхождения. Изобретательность антиквара и его исследования позволили проследить его различные миграции с восточного побережья Средиземного моря в провинцию Хеджаз и прояснили некоторые малоизвестные библейские тексты, касающиеся его святилища, его богослужения и его праздников. Среди многочисленных божеств, пользовавшихся почитанием у древних арабов, был также еврейский Иегова, которому поклонялись в виде козла, изваянного из золота, а также распутная Венера, известная вавилонянам как Милитта, а финикийцам как Астарт. В знак уважения к их выдающемуся положению в христианском мире Богородица с Младенцем заняли почетное место среди трехсот шестидесяти идолов, которыми было заполнено святилище Мекки. В религиозной системе полуострова не существовало мифологии, что, возможно, в немалой степени способствовало ее быстрому ниспровержению. Но, несмотря на крайний политеизм, арабы признавали Верховное Существо, величие которого не ограничивалось какой-либо конкретной местностью, которому не было посвящено ни одного алтаря и к которому, слишком ужасному, чтобы обращаться к нему напрямую, можно было приблизиться только через его небесных служителей - звезды. Это был великий Аль-Лакх, чье имя, соответствующее Эль и Элохиму евреев, было выдающимся по чести и достоинству как в Эпоху Невежества, так и в Эпоху ислама. Самые суеверные расы людей и те, которые обладают самым высоким интеллектом среди наиболее цивилизованных, не имеют святилищ и не нуждаются в них. В Аравии вся пустыня была храмом Верховного Бога.

Существовали суеверия, связанные с самыми возвышенными представлениями о божественной силе, которые обычно встречались только в первобытные эпохи развития общества. Широко распространенное поклонение воспроизводящим силам природы, оставшиеся памятники которого кажутся необразованному сознанию нашего придиричивого века простыми свидетельствами развращенного воображения, имело свою долю общественного благоволения в Аравии, где мужскому и женскому началу поклонялись в различных символических формах. Многие из них сохранились в виде монолитов, разбросанных по всему полуострову, к возвышающимся массивам которых даже правоверные мусульмане относятся с немалой степенью суеверного благоговения. Каменные круги и менгиры, упоминаемые путешественниками как существующие в Омане и Неджде, очевидно, того же общего типа, что и круги в Карнаке и Стоунхендже, и, судя по приведенным описаниям, едва ли меньших размеров и, возможно, еще большей древности. Необычным обстоятельством является то, что гигантские сооружения, имеющие такое общее сходство, что наводит на мысль о том, что они были возведены одной и той же расой строителей и спроектированы для схожих целей, были обнаружены в странах, столь различных по физическим особенностям, климату, жителям, религиозным традициям, языку и истории, как Центральная Аравия и Западная Европа.

Подобно другим народам древности, арабы придавали определенным деревьям священный характер - обычай, свидетельствующий о сохраняющемся влиянии фаллицизма; культа, первоначальные принципы которого, давно забытые на полуострове, сохранились только в демонстрации его своеобразных эмблем и в практике грубой и бесстыдной безнравственности. Среди арабов-язычников ни одно суеверие не было слишком унижительным, чтобы требовать приверженцев. Они воздвигали алтари для разжигания огня. Крокодилу и змее они приписывали сверхъестественные силы. У каждой палатки было свое изображение; каждая лачуга из высушенных на солнце кирпичей была наполнена божествами-покровителями. К бесформенным каменным глыбам, которые традиция связывала с замечательными событиями или наделяла небесным происхождением, относились с почтением, которого не удостоивались идолы из самых дорогих материалов и искусной работы. Из этих блоков, имевших природу фетиша, черный был посвящен Солнцу, а белый - Луне. В языческом мире две из первых были особенно известны; над одной был воздвигнут великолепный храм на горе близ Эмесы в Сирии, откуда печально известный римский император Гелиогабал получил свое имя; другая была встроена в стену Каабы в Мекке. Последний был самым замечательным объектом подобного рода, известным древности. Простой обломок базальта диаметром семь дюймов, состав которого, по-видимому, идентичен составу соседней горы, приобрел в глазах народа Аравии святость, не присущую ни одному другому символу идолопоклоннического поклонения. Вероятно, по своему происхождению он был фаллическим символом и одиноко стоял на открытой площади города за века до строительства Каабы - события, которое традиция относит к дате за четыреста лет до основания храма Соломона. Таким образом, облеченный санкцией незапамятных времен и достоинствами чудесной реликвии, он снискал благоговейное почитание миллионов и миллионов идолопоклонников и мусульман. Он пережил завоевания, иконоборчество, пожары. Серебряные полосы, соединяющие его фрагменты, свидетельствуют о превратностях судьбы и грубом обращении, которому он подвергался. Предполагалось, что целебная сила, которой он обладал, привлекала больных и нетрудоспособных из регионов, расположенных далеко за пределами Аравии. Это была отправная точка церемоний и паломничеств. Она передала свои достоинства Каабе, этому храму, где только на всем полуострове прекратились наследственные распри; где насилие было забыто; где грубость уступила место вежливости; где временная уступка индивидуальной свободы и добровольный отказ от племенной вражды, казалось, возвещали о существовании национального чувства и возможности национального объединения. Признание Мухаммедом притязаний Черного камня и Каабы — древнего храма Сатурна - на общественное почитание в рамках вероучения, в остальном бескомпромиссно враждебного идолопоклонству, продемонстрировало высокую оценку, которой они пользовались у арабов. Последние, с их многочисленными святилищами, полчищами божеств, тщательно продуманными атрибутами поклонения и самозванства, были, однако, далеки от того, чтобы быть религиозным народом. Они проявляли решительное отвращение к метафизике. Их представления о личной свободе не соответствовали беспрекословному подчинению тирании духовенства. Их природный интеллект выдавал их. скептически; их кочевой образ жизни был неблагоприятен для поддержания постоянного церковного учреждения. Множественность божеств, как это неизменно бывает, ослабила веру масс в любое. Подлинное благочестие народа всегда обратно пропорционально количеству его богов.

Древние арабы практиковали магию и прорицание, прибегали к оракулам, содержали волшебников и чародеек— шарлатанов, чье влияние было в значительной степени обусловлено

наркотиками, которые они использовали для установления мнимой связи с миром духов. Амулеты носили повсеместно для защиты от пагубных последствий сглаза. Рука об руку с предзнаменованиями и магическими искусстваами, предсказаниями и заклинаниями возникла зарождающаяся доктрина о влиянии планет на минеральные вещества, а также вера в их способность влиять на судьбу и благополучие человека; теории, которые, в конечном итоге развившись в тщетные занятия алхимией и судебной астрологией, указывают на знакомство с принципами науки, приобретенными только путем длительного изучения и повторных экспериментов. Практика этих обрядов, столь сурово осуждаемых в Коране, ассоциировалась в сознании людей с церемониями общественного богослужения в эпоху политеизма. Слова "алтарь" и "талисман" в арабском языке практически синонимичны, и этот факт раскрывает тесный союз, изначально существовавший между гаданием, магией и религией на полуострове.

Человеческие жертвоприношения, столь противоречащие всем нашим представлениям о благочестии и справедливости, но обычные для народов семитского происхождения, часто встречались у арабов до Мухаммеда. Способом смерти был огонь, который удалял всю земную нечистоту; но такое дорогостоящее искупление требовалось только во исполнение торжественного обета, по случаю народного ликования или для предотвращения какого-либо надвигающегося бедствия. Израильяне, связанные с арабами узами кровного родства и сходными религиозными представлениями, также давно были знакомы с этими отвратительными и жестокими обрядами, примеры соблюдения которых сразу же придут на ум всем, кто знаком с Пятикнижием.

Иврит всегда оказывал заметное влияние на общественные настроения, религиозную веру, а также на внешние и внутренние отношения жителей Аравии. Между языками двух народов существует большая аналогия, и еврейский алфавит использовался доисторическими арабами. Многие ученые-востоковеды полагают, что Израиль не был основателем народа, носящего его имя; что двенадцать колен имеют мистическую связь с определенными небесными телами или месяцами года; и известно, что слово Кетура означает просто "ладан". Теперь не существует сомнений в том, что еврей и араб имеют общее происхождение. За период в две тысячи пятьсот лет до Хиджры первое было установлено в Йемене. Торговля этого королевства со всеми его обширными разветвлениями была в его руках. Его власть позволяла ему постоянно диктовать политику его правителям.

Его поклонение, столь же идолопоклонническое, как и у бедуинов, — ибо он был потомком симеонитов, против которых, среди прочих, были направлены библейские анафемы, — превосходило последних великолепием своих назначений и дерзостью своих священников. В стране, где в остальном терпимость была всеобщей, он мог с непримиримой враждебностью преследовать христианских изгнанников, которых пощадила даже алчность разбойника из пустыни. Богатые поселения северо-западной Аравии были, по сути, еврейскими колониями. В бесплодном и негостеприимном регионе Хеджаз еврей основал города Медину и Мекку. В такой благоприятной атмосфере суеверия Малой Азии получили готовое признание. Он установил поклонение Ваалу, самому известному из финикийских божеств. Он ввел обряд обрезания, доселе неизвестный в Аравии. Он сообщил о своих идолопоклоннических обрядах населению страны, которая предложила ему убежище. Он дал название ее главному городу, поскольку слово "Мекка" происходит с иврита и означает "Великое поле битвы"; языческий церемониал Хеджаза восходит к Палестине, а Кааба первоначально была известна как Бет-Эль, "Дом Божий". Быстро осознав преимущества, которые коммерция извлекает из религиозного

паломничества, он сделал этот город центром национального поклонения, а также главным распределительным пунктом обширной торговли Европы, Малой Азии, Эфиопии и Индии. Однако превосходное торговое положение Мекки, расположенной недалеко от Красного моря и на большом караванном пути, соединяющем Сирию и Йемен, едва ли могло компенсировать серьезные физические неудобства, которые наложила на нее недружелюбная природа. Его дома теснились в узкой долине длиной в две мили и шириной всего в девятьсот футов. Лучи вертикального солнца безжалостно падали на лишенный зелени ландшафт. Вода, самое бесценное благословение в пустыне, была скудной и невкусной. Соседние равнины покрывал соленый привкус. Времена года сменялись нерегулярно, штормы были жестокими; побережье Хеджаза пользовалось незавидной репутацией одного из самых чумных в мире. Город зависел от торговли предметами первой необходимости, и неожиданная задержка каравана часто грозила населению голодом. Тем не менее, несмотря на все эти недостатки, торговля в Мекке процветала почти беспрецедентно. Караваны из более чем двух тысяч верблюдов не были редкостью на ее узких улочках. Каждое из этих вьючных животных вез груз в четыреста фунтов редких и дорогих товаров — шелка, пряности, слоновую кость, золотой песок и духи. Ежегодный экспорт города в последние дни языческого господства достиг огромной суммы в пятнадцать миллионов долларов, половину из которых составляла прибыль. Не последним источником наживы для жителей Мекки были ценные подношения, оставленные паломниками и торговцами в их храмах. На расстоянии нескольких лиг земля была священной, и каждый, кто ступал по ней, мог претендовать на право святилища. Кровь ни человека, ни животного не могла быть пролита в этих священных пределах без того, чтобы ее не обвинили в святотатстве и не наказали смертью. Не было ни одного путешественника, из какой бы страны он ни приехал, который не смог бы найти среди бесчисленных идолов Каабы знакомое божество, которому можно было бы воздать должное своей преданностью или благодарностью. Львиная доля огромных прибылей, получаемых в результате политического сочетания торговли людьми и суеверий, приходилась на евреев. Его правители каждый день встречались в Каабе, чтобы обменяться мнениями по финансовым вопросам и теологии. Языческие легенды Палестины были включены в новую систему вместе с астральным культом сабеев и политеизмом коренных обитателей Пустыни, которые сами по себе почерпнуты из тысячи различных и неопределенных источников. Монотеизм Израиля не был признан коленом Симеона, которое было изгнано задолго до того, как было написано Пятикнижие. Идеи, таким образом закрепившиеся в массовом сознании на протяжении веков, при благоприятных условиях могли быть изменены, но никогда не уничтожались. Нет никаких сомнений в том, что ислам в значительной степени имеет еврейское происхождение, хотя значительное количество его церемоний можно вывести из обычаев языческой Аравии. В ходе своих миграций, завершившихся поселением Хеджаза, евреи, скитаясь далеко, наконец вернулись к колыбели своей расы.

Произвольные правила церемониальной чистоты; исключение крови на территории храма; классификация определенных животных как “священных”, которые из—за ошибки переводчика были преобразованы в “нечистых”; наказания за многие проступки; поклонение финикийским божествам; номенклатура, раскрываемая семейными генеалогиями; соответствие значений многих терминов, используемых в их языках, — особенности, общие как для арабов, так и для евреев, — доказывают тесное родство между двумя расами гораздо глубже, чем неопределенность традиций или ассоциация по соседству. Антипатия к ивриту, впоследствии столь острая среди мусульман, не существовала в древней Аравии. Еврей с отличием служил в армиях Халеда и Амру. Взаимная неприязнь, какой бы сильной она ни была в

последующие времена, никогда не была достаточной, чтобы побудить израильтянина уничтожить тех, кого он считал своими родственниками. Поскольку его мифы легли в основу новой религии, его предприимчивость и помощь внесли немалый вклад в основание новой и великолепной империи. Он руководил советами самых известных мусульманских князей. Без догм, которые он изложил, история ислама никогда бы не была написана. Без предложений, которые он добровольно предложил, и сокровищ, которые он вложил в мусульманские лагеря, завоевание Испании никогда не было бы достигнуто. Прекраснейшие из мусульманских писателей редко упускали из виду обязательства своих соотечественников перед несчастной расой, которую предрассудки почти двадцати веков подвергли всеобщему запрещению.

Христианство не продвинулось вперед в Аравии до тех пор, пока его политический союз с Константином не придал такой мощный импульс распространению его доктрин. Последние, по-видимому, не приспособлены к азиатскому уму и никогда не были способны ни вызывать к разуму, ни вызывать энтузиазм у народов семитской крови. В нем было мало того, что соответствовало расплывчатому и терпимому кодексу независимых и политеистичных бродяг Пустыни, и много такого, что вызывало отвращение. Ко времени рождения Мухаммеда она уже четыре столетия существовала на полуострове, и все же в самой тени его храмов насмешливый араб склонялся перед своей тысячей богов. Принципы секты эбионитов, господствовавшие в арабских церквях, не только не вызывали любопытства или благоговения саркастичного бедуина, но только вызывали его насмешки. Возвышенные истины библейской религии, красноречие ее учителей, благочестие ее святых, пышность ее ритуалов, обещания и угрозы ее откровения были утеряны для безрассудных флибустьеров, преданных чувственным удовольствиям, галантным выходкам, великодушному соперничеству поэзии, отважным воинским подвигам. Единственным знаком внимания, оказанным его приверженцам, была их классификация с презируемым ивритом как Ахль-аль-Китаб, “Люди Книги”. Из-за своей приспособляемости к требованиям и умственным способностям толпы он плохо подходил для религии, которая в конечном итоге вытеснила его. С одной стороны, были непонятные догмы униженного христианства, необходимые для его принятия; с другой - простота исповедания ислама, которую мог понять даже ребенок. По этим причинам на полуострове появилось сравнительно мало прозелитов, и оно никогда не было признано на какой-либо значительной территории, за исключением короткого периода, который проходил между абиссинским завоеванием Йемена и подъемом мусульманства.

Многие обряды и обычаи, принятые великим Законодателем или сохраненные его последователями и обычно рассматриваемые как присущие исламу, на столетия опередили Коран. Мусульманские богослужебные обычаи те же, что изображены на вечных памятниках фараонов. Паломники-язычники, одетые в ихрам, или священное одеяние, семь раз обошли Каабу; обняли Черный Камень; пробежали по коридорам между священными станциями Ас-Сафа и Аль-Марва; бросали камни в долине Мина; выполняли древние обязанности жертвоприношения и местного паломничества и систематически подвергались разграблению жадными и насмешливыми мекканцами, как и все современные добрые мусульманские паломники. Первобытные арабы прививали обязанность соблюдать личную чистоту путем частого омовения. Они брили головы и использовали депилятор для удаления лишних волос с тела. Подобно египтянам, они окрашивали свои руки и ноги хной и подводили веки сурьмой. Они снимали сандалии, как это делал Моисей, когда стояли на святой земле. Они скрупулезно воздерживались от определенных видов пищи, и их действия часто регулировались правилами,

практически идентичными по своему общему характеру тем, которые предписывались канонами еврейского и мусульманского права.

Дух арабского гения, которому в последующие века было суждено произвести такой переворот в мировой литературе и науке, в шестом веке христианской эры не проявлял никаких признаков своей гигантской силы. Ни одно условие существования не могло бы в меньшей степени свидетельствовать о способности к интеллектуальным достижениям, чем то, от которого главным образом зависели насилие и грабеж. У арабов той эпохи не было письменных свидетельств, за исключением нескольких неясных надписей на химьяритском диалекте, которые были расшифрованы кропотливыми усилиями современных ученых и являются, по большей части, эпитафиями. Традиции, измененные или искаженные тщеславием или предрассудками каждого последующего поколения, были единственной и ненадежной опорой летописца. Сила памяти, с помощью которой они сохранялись и передавались из неизвестной древности, кажется абсолютно чудесной и невероятной.

Несмотря на отсутствие подлинной истории и даже неискушенность в обычных искусствах, с помощью которых можно увековечить славу нации, древние арабы преуспели в том виде литературного творчества, в котором варварские расы всегда проявляли наибольшее мастерство. Поэтический талант, который неизменно достигает своего наивысшего развития среди тех, кто наименее подвержен практическим идеям и утонченным порокам цивилизации, считался бедуинами самым благородным из человеческих достижений. Его темперамент, его положение, его занятия сделали его особенно восприимчивым к чарам Музы. Его дух был порывист, изобретательность неистощима, воображение буйным, энтузиазм безграничным. Из-за ненормально чувствительной нервной организации, которой его наградила природа, в случаях длительного душевного возбуждения часто возникало истерическое исступление, состояние, которое самый известный из поэтов провозгласил необходимым для совершенствования своего искусства. Пейзажи пустыни; ее впечатляющее безлюдье; чарующие иллюзии миража; величественные созвездия тропического неба; жизнь, полная постоянной опасности; подвиги романтической отваги; ночные прогулки - внезапность, битва, отступление, спасение, — все это стимулировало способность араба к воображению и побуждало его развивать талант, который мог передать потомкам события, бессмертия которых было одновременно его личным почетным правом, времяпрепровождением у походного костра и славой его племени. В имевшихся в его распоряжении средствах поэт обладал редким, почти уникальным преимуществом. Энергия и мягкость арабского языка, его мелодичный характер, обилие и разнообразие его метафор делают его особенно доступным средством выражения поэтических чувств. Пожалуй, нет ни одной идиомы, которая с такой легкостью поддавалась бы построению рифмы, ибо сама ее проза часто музыкальна. Исследования современной филологии привлекли внимание Европы к сложности и совершенству ее грамматической конструкции, богатству ее словарного запаса, ее безграничному размаху и изящной образности. Наиболее уместно старый философ Мухаммед-ад-Даамири, ссылаясь на врожденное красноречие и великолепную дикцию своих соотечественников, воскликнул: “Мудрость осветила три вещи: мозг франков, руки китайцев и языки арабов”.

Поэзия арабов еще более темна по своему происхождению, чем первобытная история их расы. Без помощи письменности никакая литература, какой бы популярной она ни была, не сможет

сохранить свою целостность даже на протяжении жизни одного поколения. Даже феноменальная память этих людей — дар настолько универсальный, что не вызывал у них никаких комментариев, и который укреплялся ежедневными репетициями любимых композиций, — лишь в недостаточной степени могла заменить постоянные и аутентичные записи. Таким образом, содержание арабских поэмов постоянно менялось, в то время как сюжеты и стихосложение оставались прежними. Их форма обычно напоминала драматическую пастораль; иногда использовалась элегическая ода, которая давала возможность перечислить добродетели покойного и, между прочим, достижения его племени. Гений доисламского поэта никогда не пытался создать эпос, который так часто извлекает выгоду из неисчерпаемых ресурсов сказочного; и, хотя он был окружен атмосферой, в высшей степени благоприятной для вдохновения такими произведениями, у него, по-видимому, не было адекватного представления о них. Его изображения демонстрировали восхищенному слушателю волнующие события его полной приключений жизни, которые его гордость научила его считать значительно превосходящими во всем, что способствует достоинству человечества, коррумпированное и инертное существование цивилизации. Всеобщее обладание поэтическим даром было одной из особенностей арабской нации. Казалось, что им одарены как старые, так и молодые. Правила просодии и даже простейшие каноны метрической композиции были неизвестны. И все же инстинктивное восприятие ритмической правильности было таково, что стихосложение самых скромных отличалось пристойностью и элегантностью - качествами, которые, как правило, усиливали неистовый энтузиазм, возвышенность мысли, трогательный пафос, жгучую страсть, которыми пронизаны благородные стихи Пустыни. Многие из последних имеют поразительное сходство с Песней Соломона; некоторые замечательны своими рапсодиями; другие - своей веской и нравоучительной мудростью; третьи снова - своим искрометным остроумием и язвительными эпиграммами. Семь стихотворений под названием "Моаллакат", "Подвешенное", — слово сомнительного значения, поскольку речь идет о его связи с этими произведениями, — всегда считались шедеврами древних арабов и образуют главный источник, из которого должны черпаться наши представления об их достижениях в искусстве поэзии. Народное легкое приписало название этих сочинений их предполагаемому подвешиванию в Каабе как свидетельство триумфа их авторов над всеми конкурентами; более рациональная гипотеза, однако, связывает название "Моаллакат" с ожерельем или подвеской, из которых каждое стихотворение представляло собой драгоценный камень, образный способ обозначения литературных произведений у жителей Востока, особенно волнующий поэтов и историков. Вся совокупность традиций в сочетании с фактами, накопленными последующими авторами всех рас и вероисповеданий, не позволяет так глубоко проникнуть в общественную и домашнюю жизнь, преобладающие настроения и предрассудки, привычки и обычаи жителей полуострова, как это делают моаллакаты. Они позволяют нам частично реконструировать политические и религиозные системы ранних арабов и установить, путем сравнения, их идентичность условиям современного существования в местностях, где меч ислама так и не смог искоренить ненавистную практику идолопоклонства. Они рисуют перед нами во всей своей впечатляющей безмолвной величии пустыни, ее ослепительное небо, ее волны дрожащего пара, ее бесконечные песчаные просторы; они описывают ленивую жизнь лагеря, изменяемую лишь ночными тревогами или какой-нибудь дерзкой интригой; они описывают волнующие сцены набега; они эротически свободно описывают прелести прелестной бедуинской девушки; они описывают судьбу пленницы, чей плен часто был результатом хитрости или обмена; они репетируют полуночный марш под покровом ночи. звездный небосвод, который на витиеватом языке Востока "казался складками шелкового пояса, по-

разному украшенного драгоценными камнями”. Совершенство Моаллакаты также не ограничивается простым описанием. Гордое хвастовство подвигами, достойными рыцарского века, который, по сути, черпал вдохновение из этого источника; священные обязанности щедрого гостеприимства; редкие качества любимой лошади или верблюда; всепоглощающая страсть любви, ее опасности и удовольствия; геркулесовы подвиги мужественной зрелости — таковы были избранные темы арабского поэта. Его стихи изобилуют моральными предписаниями и философскими апофеозами, передающими уроки житейской мудрости, которые напоминают как по своей фразеологии, так и по глубокому знакомству с человеческой природой Суры Корана и Притчи Соломона. В дополнение к моральным сентенциям, разбросанным по этим произведениям, в них, с другой стороны, много отталкивающего, жестокого и варварского. Эпикурейство, однако, является выдающейся чертой "Моаллакаты", как, впрочем, и всех дошедших до нас примитивных арабских поэм. Очарование вина и женщин, потворство удовольствиям пиршества, доходящее до крайнего предела вакханального разгула, повсюду воспевается с распушенностью, достойной самых грубых двустиший Катулла и Марциала. В связи со сценами интриги и полуночных свиданий, часто происходящих в лагере враждебного племени, где разоблачение привело бы к мгновенной смерти, авантюрный дух влюбленного считается достойным того, чтобы встать в один ряд с тем, что поддерживает героя на переднем крае битвы. Самое сильное преклонение характеризует почтение, оказываемое пылким влюбленным объекту своего идолопоклонства. Современная брезгливость не потерпела бы описаний поэтом физических совершенств своей возлюбленной во всех их подробностях; хотя переводы и существуют, они являются всего лишь перефразированием; и сладострастные образы фантазии поэта все еще остаются благоразумно скрытыми во мраке оригинальной идиомы.

В арабской поэзии много сходства и повторений, которые вряд ли можно объяснить вставками и заменами, неизбежными среди народа, зависящего в сохранении своей литературы от устной традиции.

Существование бедуина было ограничено узким горизонтом, Пустыня была его миром. Знакомые предметы и местности, которые никогда не менялись; деяния, о которых они вспоминали; надежды, которые они внушали; память о славе предков, с которой они были связаны, подсказали темы его песни. Надменность, которая была одной из его самых оскорбительных черт и запрещала ему постоянный союз или смешанные браки с другими расами, усилила чувство сдержанности, которое было национальной особенностью на протяжении бесчисленных поколений. Его идеи, его стремления, его радости, его печали, вызванные однообразными обстоятельствами его окружения, на протяжении веков мало подвергались отклонениям. В то время как его религия представляла собой смесь всех степеней фетишизма, идолопоклонства и астрального поклонения, его поэзия была оригинальной, чистой, безыскусственной и естественной. Его склонность к стихосложению проявлялась в самых тривиальных жизненных событиях. Рифмованная строфа, выражающая соответствующее чувство, часто была ответом на обычный вопрос. Там, где делался намек на исторический инцидент, оратору часто предлагалось подтвердить свое утверждение чтением оригинального стиха или меткой поэтической цитатой, как наиболее надежному источнику. Быстрое восприятие араба было продемонстрировано его способностью мгновенно закончить двустишие, соответствующее по смыслу и такту строке, повторенной конкурентом. Его общее сходство со всеми другими делает невозможным отнесение любого арабского стихотворения к определенной эпохе, поскольку природный вкус никогда не менялся, и сочинение, которое

было популярно за триста лет до Хиджры, было бы в равной степени приемлемо сегодня для горных племен Центральной Аравии.

В начальных строках большинства арабских стихотворений, и особенно в стихотворениях "Моаллакат", ощущается недостаток индивидуальности и общее сходство, которое почти наводит на мысль, что они были написаны одним и тем же человеком. Чистота стиля, характеризующая последние, была, однако, общепризнанна; они были признанными стандартами грамматической правильности; к ним обращались всякий раз, когда возникал спор относительно значения слова или построения предложения у более поздних авторов, вызывавших сомнения; и среди мусульман авторитет этих языческих сочинений никогда полностью не заменялся авторитетом даже Корана, возвышенность мысли и изящество дикции которого благоговейно приписывались прямому вдохновению Бога.

Мы обязаны выживанием "Моаллакаты" капризному вкусу какого-то самозванного критика, который выбрал их из ряда стихотворений, с которыми был знаком; и из-за его произвольного выбора мы лишены возможности составить мнение о других, которые он молчаливо признал неполноценными. Мы ничего не знаем о его квалификации для выполнения такой задачи и даже не знаем его имени; но из сохранившихся фрагментов этих произведений мы можем с уверенностью заключить, что некоторые из них, по крайней мере, имели такое же полное право на сохранение, как и семь более удачливых, дошедших до потомков.

Примечательно, что ни одно арабское стихотворение не обнаруживает следов еврейского влияния и не содержит идей, заимствованных либо из Священных Писаний, либо из Талмуда. Богатство и политическая власть евреев; их тесная связь с кочевыми племенами полуострова; близкое сходство традиций, обычаев и языка не оказали заметного влияния на доисторическую литературу арабов. У евреев Аравии, тем не менее, были свои поэты, произведения которых, с другой стороны, демонстрируют заметное совпадение мысли и стиля с творчеством их арабских сородичей. Их чувства возвышенны и достойны восхищения, их язык чист, а их достоинства, хотя и уступают достоинствам моаллакаты, все же далеки от презренных. Книга Иова, которая не имеет очевидной связи с остальными Священными Писаниями, была объявлена компетентными критиками переводом арабской поэмы.

Импровизация, талант, которым обладают только те, кто наделен необычайной живостью восприятия, живым воображением и неистощимым владением языком, с большим успехом применялась странствующими поэтами Аравии. У их слушателей двустороннее, удачно примененное по сиюминутному наитию к какому-то хорошо известному событию, вызвало гораздо больше аплодисментов, чем усилия, какими бы достойными они ни были, которые стоили нескольких дней напряженного труда. Это искусство импровизации, которое при тщательном развитии предполагает обладание экстраординарными умственными способностями, принесенное в Европу мусульманами и долгое время использовавшееся трубадурами, в настоящее время сохранилось только среди низшего класса итальянского крестьянства. В наши дни наиболее трудно определить, какую степень достоверности можно должным образом приписать поэзии древних арабов, ни одна из которых не восходит к более глубокой древности, чем за двести лет до Хиджры. Ненадежность устной традиции, разнообразие диалектов, частые замены современной фразеологии, недобросовестность, вставки и ошибки недобросовестных комментаторов, искажение и замалчивание отрывков из—

за племенных предрассудков - все эти причины внесли свою лепту в постепенное ухудшение качества великих и волнующих поэм Аравии.

Мы не в состоянии оценить влияние, которое оказывали те, кто достиг высот в поэтическом искусстве, на своих одаренных воображением и страстью соотечественников. Арабский бард был без исключения самым важным персонажем своего племени. Богатство, ранг, красота, личная популярность, военные отличия - все это отдавало дань его гению. К своему таланту импровизации и стихосложения он часто присоединял тройственный характер государственного деятеля, воина и странствующего рыцаря, и таким образом становился образцом для своих соратников, кумиром прекрасного пола и наводил ужас на своих врагов, которые были так же чувствительны к отравленным стрелам его сатиры, как и к остроте его меча. Самым известным из этих рифмующих паладинов и автором одного из "Моаллакатов", чья жизнь и достижения стали предметом романа, который больше приближается к природе эпоса, чем любое другое произведение на арабском языке, был Антар. По инстинкту и воспитанию бедуин, он, однако, имел арабскую кровь только по отцовской линии, поскольку его мать была абиссинской рабыней. По обычаю его страны, он разделял ее участь до тех пор, пока его храбрость в бою не побудила отца освободить его. Его любовные подвиги, а также смелые предприятия против врага вызвали восхищение пылкой арабской молодежи. Мухаммед часто выражал сожаление по поводу того, что он никогда не видел этого странствующего рыцаря Пустыни, который не боялся никакой опасности, какой бы ужасной она ни была, который исправлял ошибки, причиненные женщине, возвращал награбленное имущество и чьим любимым изречением было: "Не держи зла, ибо из зла не бывает добра".

Необузданная распушенность арабского поэта дает любопытный комментарий к национальным нравам. Самое возвышенное достоинство, священные атрибуты богов, гордость богатством, утонченность пола не были свободны от нападков его яда и сарказма. Он с безжалостной суровостью разоблачал слабости жены и дочерей шейха. Он хвастался собственными интригами с бесстыдной дерзостью, которую в более утонченных социальных условиях можно было искупить только кровью. Неприкосновенность, которой он пользовался, была одной из прерогатив его профессии. Считалось, что последнему придается определенная святость характера из-за одержимости демонами, которой в народе приписывалось вдохновение поэтических способностей. Его стихи изобиловали рыцарскими чувствами, но неизменно игнорировали требования религии к почитанию человечества. Под рукой не было красивой мифологии, подобной мифологии Древней Греции, которая могла бы побудить его музу к действию. Максимум роскошного эпикурейца имели наибольшую власть над его воображением и его жизнью. Можно составить представление о влиянии поэзии на общественное мнение, когда мы вспоминаем, что курайшиты тщетно пытались подкупить языческого барда Ашу, чтобы тот произнес панегирик Мухаммеду в начале карьеры последнего, и, не сумев добиться его согласия, с большим трудом добились его нейтралитета и молчания ценой сотни верблюдов. Пророк был настолько чувствителен к острым выпадам сатирика, что, когда Мекка была захвачена и объявлена всеобщая амнистия, одним из четырех несчастных, которых он недвусмысленно исключил из этого акта милосердия, был малоизвестный поэт по имени Хаббар Ибн Асвад, опубликовавший пасквиль против него. Арабскому барду, как и его литературному потомку трубадуру, сопутствовали менестрели, которые распевали его стихи, часто под аккомпанемент музыкальных инструментов. Последнее занятие, считавшееся бедуинами унижительным, всегда выполнялось рабом.

Исламизм, в то время как в других направлениях он ревностно способствовал интеллектуальному развитию своих приверженцев, пал, как пятно, на поэтический вкус и гений Аравии. Мечты поэта исчезли перед суровым фанатизмом солдата, у которого не было времени на рапсодии и который не заботился ни о чем, кроме потворства грабежу, завоевания империи и распространения Веры.

В настоящее время общепризнано, что литературные состязания, которые, как утверждается, проводились во время ежегодной ярмарки в Охаде, где из стихотворений, прочитанных перед огромной толпой, было выбрано то, которое будет подвешено в Каабе, являются апокрифическими. Племена бродячих разбойников, проводящих десять месяцев в году в грабежах своих соседей, вряд ли согласились бы проводить остальные два месяца в организованном собрании, состоящем в основном из их врагов, для определения всенародным голосованием сравнительных заслуг своих поэтов. Урегулирование таких конкурирующих претензий на интеллектуальное превосходство голосом народа подразумевает уровень культуры и критической проницательности, которыми, безусловно, не обладали арабы того времени. Эта досужая сказка, несомненно, была подсказана литературными представлениями об Олимпийских играх и, возможно, своим происхождением обязана воображению какого-нибудь болтливого и лживого грека. Однако бесспорно, что поэт, равно как и рассказчик историй — эта другая важная персона на Востоке — пользовался большим успехом на всех ярмарках и собраниях Аравии. Разношерстная толпа, движимая отчасти корыстными, отчасти религиозными мотивами, собиралась по этим поводам и в часы досуга слушала стихи поэта, постоянно поощряла его вдохновение и оттачивала манеру исполнения надеждой на аплодисменты, страхом порицания, столкновением с иностранцами и мощным влиянием племенного соперничества.

Более поздняя история арабов украшена всеми великолепными образами Востока. Очарование романтики наполняет и приукрашивает ее. С банальными фактами, относящимися к различным этапам национального прогресса, переплетаются повествования, содержащие неоспоримую правду, но которые по своим требованиям к человеческой доверчивости почти превосходят сказочные рыцарские легенды или чарующие рассказы Шахерезады. Примитивная жизнь арабского народа до прихода Мухаммеда не свидетельствовала об их исключительной способности к совершенствованию. Однако торговые сношения с другими нациями на протяжении веков приумножали их опыт, расширяли их способности и возбуждали их честолюбие. Караван, петляющий среди одиноких песчаных холмов пустыни, — предшественник тех великих экспедиций, которые впоследствии обменивались товарами Малой Азии, Египта, Андалусии и Индии, — был также более важным проводником науки, утонченности, цивилизации. Это увеличило сумму географических и исторических знаний. Она знакомила торговца и его клиентов с нравами, законами, социальными системами, механическим мастерством, искусствами и изобретениями самых предприимчивых наций земного шара. Эти ассоциации в немалой степени способствовали появлению практической пользы, которая, являясь наиболее важной чертой арабского образования, впоследствии принесла человечеству такие существенные благословения. Феноменальное продвижение расы к зрелости, невозможное без предварительной подготовки, стимулировалось непрекращающимися войнами и волнениями. Менее ста двадцати лет отделяли бродяжничество и невежество Пустыни от стабильности и интеллектуальной культуры великих столиц Аббасидов и Оммеядов. Карьера араба была слишком стремительной, чтобы быть постоянной. За четыре поколения он преодолел территорию, обычно проходимую за двадцать.

Его обманчивое великолепие скрывало упадок, который совпал с эпохой его величайшего расцвета. Те же самые причины, которые способствовали основанию и продвижению его власти и культуры, были активны во время их упадка и способствовали их окончательному разрушению.

Это утверждение может показаться парадоксальным ввиду признанного влияния торговых ассоциаций на способности человеческого разума; но определенная степень изоляции, по-видимому, необходима, по крайней мере, в тропических и полутропических регионах, для полного развития искусств цивилизации; и эти искусства обычно достигали своего наивысшего совершенства у народов, населяющих полуострова. Египет и Китай, которые полностью полагались на свои собственные ресурсы, были самыми замкнутыми нациями в древнем мире, как и Мексика и Перу в современном. Подавляющее большинство населения Индии, Японии и Испании почти не общалось с теми, кто находился за пределами их границ, которые были защищены бурными и таинственными морями. Ни в одной другой стране силы человеческого интеллекта в создании всего грандиозного и внушительного, всего прекрасного, всего художественного, всего, что способствует благу, культивированию и материальному совершенствованию человечества, не проявлялись так, как в Греции и Италии. И Аравия, хотя Природа и лишила ее преимуществ почвы и климата, которыми пользуются более благоприятные страны, все же обладала тем, что в критический момент ее судьбы сделало ее превосходящей всех своих противников, — расой смелых и выносливых воинов, приученных к лишениям воздержанной жизни и по привычке и склонности способных на самые трудные и отчаянные предприятия. Их опыт общения с окружающими женоподобными народами научил их не только слабости последних, но и тому, как можно получить желанное богатство; и в благоприятный момент, под руководством страстного энтузиаста, орда разбойников, изгнанных из своих домов возмущенными соседями, стала ядром победоносных армий, слава о доблести которых наполнила мир. И все же, прославляясь подвигами военного героизма, которые обеспечили установление и поддержание веры ее Пророка, она осознавала нестабильность империи, поддерживаемой одним оружием, и трудилась над тем, чтобы воздвигнуть на более прочных основах великолепную ткань своего величия. Тот же пылкий импульс, который побудил и привел к успешному завершению завоевание или истребление тех, кого обозначали всеобъемлющим термином "неверные", был способен с исключительной легкостью приспособиться ко всем условиям мира и дать возможность потомству полуголых бандитов, которые толпились вокруг знамени Мухаммеда, достичь результатов, достойных самого возвышенного гения, и во всех областях знаний подняться до высочайшего ранга тех, кто прославился своими литературными и научными достижениями в самых утонченных сообществах Азии и Европы.

ГЛАВА II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ПРОГРЕСС И ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА

614-712

Сравнительное религиоведение, его интерес как исследования—Преимущества ислама—Аравия при рождении Мухаммеда—Состояние христианского мира и Византийской империи—Популярное представление о Пророке—Его семья—Его Ранняя жизнь—Первое Откровение—Преследование Новой секты—Хиджра—Растущее процветание ислама—Характер Мухаммеда—Причины его успеха—Полигамия—Коран—Его Расположение, его легенды, его возвышенные принципы, его абсурдность—Его обязательства перед другими вероучениями—Киблы—Паломничество и его церемонии—Реформы, проведенные исламом—Всеобщее поклонение силе —Искажение религии Мухаммеда — Ее замечательные достижения—Мухаммед, Апостол Бога.

Изучение сравнительного религиоведения - одно из самых увлекательных, но в то же время одно из самых неудовлетворительных занятий человека. В исторических исследованиях, в математических расчетах, в химическом анализе, при исследовании природных явлений достижима либо абсолютная достоверность, либо приблизительная степень точности. Это, однако, очевидно, невозможно при рассмотрении вопросов, которые могут касаться вечного счастья или несчастья человечества. Кто компетентен определять относительную ценность различных религиозных систем, — всегда взаимно антагонистичных, часто непримиримых, — но при этом утверждающих, что все они в равной степени исходили из распоряжения Всемогущего Бога? Кто может судить об особых качествах тех, кто возложил на себя важную обязанность передавать свои соответствующие заслуги? Почему ревностные, но не критичные сектанты должны принимать одни доктрины, а другие отвергать?, Где начинается и заканчивается это предполагаемое вдохновение? Используя слова Корана: “Что такое непогрешимое? И кто поможет тебе понять, что такое непогрешимое?” Короче говоря, кто обладает пробным камнем истины?

Опыт всех эпох, история всех наций установили печальный факт, что религиозные системы, подобно институтам человеческого происхождения, подвержены обычным случаям смертности. У них есть свой век юношеской энергии и энтузиазма; их неподвижная эпоха, когда их принципы утратили свою экспансивную силу; их период вырождения и разложения. Их продолжительность, как и у сотворенных существ, соответствует степени жизнеспособности, которой они могут обладать; их жизнеспособность пропорциональна внутренним достоинствам их доктрин и их приспособляемости к нравственной природе человека. Поскольку ему отказано во всеведении, его оценка ценности божественного откровения неизбежно должна быть умозрительной и неопределенной, в значительной степени зависящей от его интеллектуальных способностей и окрашенной влияниями, которым он подвергался. С другой стороны, многие ученые-метафизики с трансцендентной способностью доказывали, что вера не случайна и просто проистекает из желания и ассоциации, а является вопросом неумолимой необходимости, перед которой воля абсолютно бессильна. В результате унаследованных предрассудков принципы любой религии всегда кажутся неортодоксальными, ложными и абсурдными искренним верующим в другие формы веры. Из всех теологических догм ни одна не пострадала больше от последствий невежества и несправедливости, чем исланизм. Имя ее основателя на протяжении тринадцати веков было синонимом самозванства. Его мотивы

подвергались сомнению, его искренность отрицалась. Его характер был заклеен всеми пороками, которые унижают или поражают человечество. Его учению приписывались величайшие абсурды, грубейшая бесчеловечность. Церковная злоба исчерпала свои ресурсы в попытках очернить его память. Даже в наши дни сравнительно немногие люди хотя бы поверхностно знакомы с доктринами, которые менее чем за столетие смогли узурпировать духовное и светское господство над значительной частью обитаемого земного шара.

Любовь к новизне, безраздельно царящая в человеческой груди, нигде не проявляется так поразительно, как в легкости, с которой люди принимают свежие откровения. Ни в одной новой религии никогда не бывает недостатка в прозелитах. Воображение, чувство, надежда, страх, интерес в совокупности побуждают к его принятию, несмотря на неясность, которая может окутывать его доктрины, или на неграмотность, которая часто является наиболее характерной чертой его толкователей; и если условия, сопутствующие его распространению, не являются решительно неблагоприятными, успех с моральной точки зрения гарантирован.

Некоторые принимают его из любопытства, другие по убеждению, многие из мотивов эгоизма. Его сила часто прямо пропорциональна тому благоговению, которое он внушает своим приверженцам. Поскольку население больше всего восхищается военной славой, вероучение, обращающее в свою веру путем завоевания, по необходимости должно обладать большим авторитетом. С другой стороны, апофеоз считался высшим достижением героев и властителей языческой древности. Люди, чей гений принес человечеству великие блага, были удостоены общественной благодарности за место среди богов. Все римские императоры от Цезаря до Константина были обожествлены. Атмосфера особой святости окружала орлов, сгруппированных на почетном посту в лагере легиона. Распятие и реликварий несли в авангарде крестоносных армий. Таким образом, между священнослужителями и военными профессиями всегда существовала более или менее тесная связь. Последний неоднократно продвигал проекты первого. Священник редко отказывался отпустить грехи православному солдату. Большинство религий, по сути, были созданы или поддерживаются силой. Когда мы вспоминаем свержение язычества, последовательные попытки вернуть Гроб Господень, отвоевание Испании, инквизицию, зверства, сопровождавшие покорение Нового Света, полное опустошение Прованса и Лангедока, религиозные войны шестнадцатого и семнадцатого веков, мы, конечно, не должны подвергать завистливому анализу государственное устройство Мухаммеда, история которого свободна от упреков в преследовании и чье господство было лишь частично установлено с помощью оружия.

Изучение и критика религии, канонам которой безоговорочно и благоговейно повиновались миллионы людей; чьи догмы были признаны верующими многих различных рас как вдохновение мудрости Всемогущего Бога; религии, которая с помощью аргументации или непреодолимой силы энтузиазма ниспровергла власть и впитала ведущие принципы других вероучений, традиции которых до сих пор поработали мир, и которая, несмотря на вырождение ее практики, разногласия и вытекающий из них антагонизм ее сектантов, превратности судьбы других религий. несмотря на многие столетия и неизбежные случайности войны, преследований и государственной измены, он все еще проявляет удивительную и, судя по всему, неиссякаемую жизненную силу, это великое и трудное дело. История ислама, под влиянием которого уроженцы Востока и Запада, до сих пор враждовавшие, были соединены узами братского союза и прошли удивительный путь процветания и славы, является реализацией того, что обычно казалось бы самой экстравагантной мечтой о завоеваниях и

господстве, и не имеет аналогов в анналах человечества. В моральном, как и в материальном мире, наиболее совершенные и долговечные формы и системы обычно достигают конечной зрелости медленно и почти незаметными ступенями. Но из этого правила ислам был поразительным исключением. Она достигла вершины своего величия и подняла арабов на более высокое положение в семье наций за более короткий период времени, чем обычно требуется народу, проходящему примитивные стадии своего интеллектуального развития.

Он опроверг известную максиму римлян, внешняя политика которых была основана на разжигании раздоров и последующем поражении их врагов, и, обрушившись на своих противников одновременно со всех сторон, добился успеха серией побед, превосходящих по своим важным результатам самые известные триумфы консулов и цезарей. В традициях, относящихся к генеалогии и истории его Пророка, есть много загадочного и романтического. Последний выводил свое происхождение от Измаила, которого вместе со своей несчастной матерью Авраамом, признанным главой избранного Богом народа, бесчеловечно бросили в Пустыне умирать с голоду.

Но за семьдесят одно поколение, разделявшее Мухаммеда и Измаила, обстоятельства радикально изменились в отношении соперничающих ветвей дома Авраама. Потомки Исаака, которым была обещана земля в качестве наследства, теперь поработанные или изгнанные, вошедшие в поговорку за недобросовестность, стали поносимы и презираемы всеми людьми. С другой стороны, от бродяги Измаила, брошенного своим отцом и отрешившегося от своих сородичей, произошел благородный, доблестный и гостеприимный народ, чьим предназначением было развитие цивилизации и расширение империи. И в свое время последний, получив во владение богатые области Востока, терпел презираемого еврея только при условии уплаты дани и ограничивал его отличительной одеждой как символом его унижения. В знак уважения он был вынужден снимать туфли всякий раз, когда проходил мимо мечети, и под страхом порки униженно преклонять колени в пыли перед надменным измаильянином; в то время как столица страны, из которой он был изгнан, любимая им памятью о его монархах и традициями его веры, находилась во власти его наследственных врагов, чьи кощунственные руки воздвигли позолоченный купол одного из их самых гордых храмов на том самом месте, которое издавна освящалось самыми почитаемыми ассоциациями его народа. раса и его религия. Закон компенсации, управляющий судьбой человека, наконец-то был исполнен, и возмездие, если и откладывалось надолго, то с неумолимой суровостью.

Выгоды, принесенные мусульманами — особенно в средние века — до конца прошлого столетия молчаливо игнорировались или старательно принижались историками; в некоторых случаях из-за нехватки информации, но, по большей части, потому, что феноменальный прогресс ислама по сравнению с апатичным состоянием других религий предполагал серьезное соперничество. Но в наш век, ненасытный к знаниям и оснащенный всеми средствами их получения, клерикальная нетерпимость больше не может заслонять великолепные достижения мусульманской науки. Давно прошли те времена, когда к трудам астрономов, таких как Ибн-Юнис, историков, таких как Аль-Маккари, философов, таких как Аверроэс, врачей, таких как Авиценна, и ботаников, таких как Ибн-Бейтар, можно было относиться с пренебрежением, потому что они не были санкционированы постановлением Вселенского собора или одобрены буллой его Святейшества Папы Римского.

История религии, изложение формы веры нередко является воспоминаниями отдельного человека и хроникой расы. Как правило, объединение должностей Пророка и Законодателя в одном персонаже накладывает глубокий отпечаток на индивидуальность этого персонажа и характер его нации. Летописи Евреев неразрывно связаны со Священным Писанием и заповедями Моисеева закона. Упоминание древней Персии сразу наводит на мысль о текстах Зендавесты и таинствах Зороастра. Коран - это практически биография Мухаммеда, рассказ о его горестях, его устремлениях, его неудачах и его триумфах. И каким более благородным памятником может похвастаться Аравия, чем гордым отличием того, что она была домом пророка и колыбелью веры, которая на протяжении веков ассоциировалась с религиозной терпимостью, с королевской щедростью, с научными исследованиями, с литературными достоинствами, — все это тесно связано с ее именем и с разной судьбой ее детей? Последние с самого начала посвятили себя интересам цивилизации. Они основали колонии квалифицированных ремесленников вслед за своими армиями. Они способствовали развитию мануфактур, поощряли торговлю и во всех отраслях промышленности поощряли изобретательность механиков. Они развили науку астрономию. Им обязаны своим происхождением химия и фармация. В то время как настойчивые ботаники исследовали флору многих стран, математик в своем уединенном убежище расширил и усовершенствовал науку алгебру. Когда под их власть попадал новый регион, все фрукты, растения и приправы, которые при исследовании или опыте были признаны съедобными или целебными, вносились в списки податей, и их ввоз и распределение становились обязательными. Они презрительно клеймили праздность; они облагораживали труд; и даже члены королевской семьи не побрезговали последовать примеру Пророка, который собственными руками помогал в возведении мечети в Медине, первого храма ислама. Они перевели и сохранили для удовольствия и наставления потомков бессмертные произведения мудрецов Греции и Рима. Они поощряли обучение и стремились к нему с помощью принципов, наград и примера, пока это не стало предметом популярного убеждения, столь же твердо обоснованного, как и самая священная традиция, что прилежное развитие умственных способностей является императивным религиозным долгом.

В древние времена, чтобы принудить к соблюдению благотворного закона, это было связано с общественным богослужением и непосредственно санкционировалось предписаниями религии. Таким образом, освященный божественным авторитетом, он приобрел силу, недоступную человеческому принятию, и убедительно свидетельствовал о мудрости суверена или законодателя, который его обнародовал. Так было с обрезанием у евреев, с обработкой почвы в Месопотамии и с орошением в Египте, где Нил обожествлялся как творец и хранитель урожая и источник материального процветания нации. Мухаммед не был слеп к преимуществам, которые обеспечивал этот теократический надзор за делами смертных, и, прибегая к нему, поощрял принятие и практику многих полезных обычаев и прибыльных занятий, влияние которых на подданных его преемников имело величайшее значение.

Распространение суеверий, впечатление, производимое великолепием пейзажа, и периодическое повторение таинственных природных явлений всегда должны внимательно учитываться при определении философских убеждений и религиозных тенденций того или иного народа. Тесные отношения с Египтом, сохранявшиеся в течение длительного, но неизвестного периода времени, оставили неизгладимый след в традициях Аравии. В религиозной системе бывшей страны существовало одно Высшее Существо. Все остальные божества были всего лишь проявлениями его величия и всемогущества, скрытыми под разными именами. От него исходили разнообразные триады, олицетворение Нила, бесчисленное

множество богов, для которых дни, месяцы и даже сами творения земли были священными. Великая тайна, что эти низшие божества были всего лишь абстракциями, происходящими из общей Сущности, чтобы в конце концов быть поглощенными ею, — судьба, которой была подвержена даже душа человека после различных переселений, — ревниво охранялась египетским жречеством и была главной из его знаменитых тайн. Йеменские сабейцы, получившие образование благодаря своим торговым отношениям с жителями долины Нила, давно были знакомы с идеей Верховного Бога и персонифицированными атрибутами Его власти и достоинства. Это учение распространилось с Юга и ко времени прихода Мухаммеда лежало в основе идолопоклоннического культа, центром которого была Мекка и последствия которого простирались во всех направлениях до границ полуострова. Значительное число наиболее интеллигентных арабов, которые заявляли о приверженности религии Авраама, но на самом деле ничего не знали об этой религии, кроме того, что она была монотеистической, отвергали все формы идолопоклонства и называли себя ханифами — словом, которое по-разному определяется как “приверженцы” и “еретики”. Манихейская концепция Духа Тьмы — или, другими словами, того важного и предприимчивого персонажа, персидского дьявола, без присутствия которого ни одно современное вероучение не казалось бы полным, — также была неизвестна древним жителям Аравии. Поскольку идея была заимствована — с ней изначально не была знакома ни одна ветвь семитской расы, — она, вероятно, путешествовала в свите Камбиза, когда он вторгся в Пустыню; хотя Иблис, арабское имя, которым в народе обозначают этого духа, очевидно европейского происхождения и является искажением греческого *διάβολος*.

Физические особенности ландшафта имеют не меньшее отношение к формированию моральных впечатлений человека и направлению его импульсов, чем взаимный обмен идеями соседних народов. Это очевидно даже в большей степени, чем влияние почвы и климата на изменение его физического облика и темперамента. Чем более впечатляющи эти черты, тем более глубокие эмоции они возбуждают; и отчасти по этой причине Азия, которую Природа наделила самыми грандиозными проявлениями своей энергии, изобиловала теми суевериями, которые оказали наиболее обширное и длительное влияние на человеческий разум.

Более чем за столетие до рождения Мухаммеда самое прискорбное невежество скрывало лицо христианского мира. Мягкость и красота религии Иисуса были вытеснены жесточайшим фанатизмом; ее алтари были осквернены языческими жертвоприношениями и поклонением иконам; ее жречество стало невообразимо развращенным и безнравственным. Бесчисленные секты, порожденные махинациями и мирскими амбициями духовенства, путем взаимных обвинений совершали отвратительные преступления, безжалостно преследовали своих противников и упорно отказывались прислушиваться к какому-либо плану примирения, что почти разрушило веру разумных людей во все религии. У каждой из этих сект был лидер, которого его последователи считали в большей или меньшей степени наделенным той таинственной силой, даруемой божественным вдохновением. Споры, часто разрешавшиеся резней, постоянно велись по поводу темных и легкомысленных вопросов, на которые по самой своей природе не было ответа; предписаниями справедливости и законами морали пренебрегали с презрением; и класс священнослужителей, вместо того чтобы подавать пример благочестия и умеренности своим прихожанам, был замечен в ежедневных сатурналиях грабежа, похоти и убийств. Церковь уже давно отошла от простоты и чистоты своего первоначального учреждения. Только в течение столетия после смерти Спасителя она оставалась свободной от влияния раскольнических доктрин. Находясь в сравнительной

безвестности и признанной слабости, она не давала никаких стимулов тревожному духу фанатичных новаторов или эгоистичным планам политического возвеличивания и церковным амбициям. Вначале разделенные на ряд федеративных республик, практически независимых, но связанных общими интересами, управляемых своими собственными законами, полагающихся на свои собственные ресурсы, руководствующихся мудростью своих министров, их тщательно организованной политикой, их упрямством, их претензиями на высшую святость, они, естественно, вызывали ненависть языческого населения и часто вызывали гнев и вмешательство имперской власти. Из состояния кротости, смирения и самоотречения Церковь стала добычей враждебных группировок и уже была запятнана скандалом. Его синоды были запятнаны кровью враждующих сектантов. Его соборы изобиловали непристойными спорами и взаимными обвинениями прелатов, более стремившихся к обретению верховной власти, чем к открытию божественной истины. Спор о Троице питал предрассудки, которые столетия кажущегося спокойствия не смогли искоренить. Дух преследования, непонятный политеистам, сутью вероучения которых была всеобщая веротерпимость, и которые не могли понять мотивов, побуждающих христиан применять силу для утверждения своих доктрин, рано начал проявлять себя. Монашество, синоним невежества и нетерпимости, олицетворяло чувства и надежды наиболее деградировавших слоев населения в каждой общине Империи. В Александрии и Никее оно вынудило численным превосходством и бурными демонстрациями насилия принять некоторые из наиболее важных догматов христианской веры. В каждой церковной распри она неизменно выступала на стороне фанатизма и самозванства. Монах шестого века объединил в своем характере несовместимые качества священника и политика, святого и демагога. Его уединенное убежище в пустыне посетили тысячи плачущих кающихся, умоляющих о сомнительной, но желанной привилегии его благословения. Со своими товарищами, вооруженными дубинками и камнями, он разжигал беспорядки на улицах великих столиц. Его добровольное отречение от мирских безумств не было препятствием для его жадности к власти. Он диктовал политику Церкви. Он урегулировал сложные вопросы казуистики. Он сформулировал каноны церковной дисциплины. Он подкреплял притязания своей фракции интригами, коррупцией, совершением самых отвратительных преступлений. Он стремился к епископскому сану и часто достигал его. Численное превосходство, фанатичный дух, единодушная решимость его ордена давали ему преобладающее влияние в Церкви, которому нельзя было безрассудно сопротивляться. До имперской организации папства монах был доминирующим фактором в определении законов, мер и предписаний христианского мира.

Следует помнить, что в то время не существовало установленной централизованной жреческой власти. Тем не менее, на протяжении более чем столетия имперские чиновники, назначенные для этой цели, определяли степени и назначали наказания за ересь. Конфискация, изгнание, пытки и смерть грозили всем, кто отказывался подписаться под доктринами, которые, меняясь в разные периоды правления, провозглашались как сиюминутные и неопределенные стандарты ортодоксии. Непостижимость догмы считалась безошибочным показателем ее истинности. Философ тогда, как и сейчас, клеймился как непримиримый враг религии. Царство террора охватило империю. Каждый ученый стал объектом подозрительной неприязни. Соседи избегали его общества. Духовенство предало его анафеме с кафедры. Осведомители ходили за ним по пятам и вторгались в его личную жизнь. Безразличие к религиозным обязанностям или неосторожное высказывание, часто искаженное злым умыслом, были достаточной причиной для тюремного заключения. Обнаружение еретического отрывка в томе его библиотеки редко не приводило к вынесению смертного приговора. Подобные меры, эквивалентные запрету на

распространение знаний, привели к самым плачевным последствиям. Литературные занятия стали по сути преступными. Повсюду ценные коллекции книг были поспешно преданы огню их владельцами, опасавшимися быть скомпрометированными их содержанием. Ораторское искусство, за исключением кафедры, не могло выдержать таких ограничений. Общественные настроения, контролируемые церковными предрассудками, стали препятствовать поддержанию даже обычных учебных заведений. Слепое благоговение перед Церковью и склонность принуждать к повиновению ее предписаниям с помощью безжалостного применения светской власти в народе считались обязанностями каждого члена общества. Это было зловещее вступление в силу той страшной власти, которая впоследствии достигла кульминации в безответственном деспотизме Ватикана.

Римский первосвященник еще не протянул свою могучую руку с престола древней империи, чтобы унять раздоры и заставить подчиняться указам величайшей иерархии, которая когда-либо возникала, чтобы сковать разум и подавить независимые устремления человечества. Окончательные решения соборов не были сформулированы по спорным пунктам доктрины. Константинопольский патриарх — первый по церковному старшинству, но почти соперничающий по пышности и престижу с великими епископальными сановниками Антиохии, Александрии и Карфагена - с трудом добивался почтения легкомысленной и насмешливой толпы столицы и не всегда мог сохранять достоинство своего сана даже в присутствии своего суверена, который иногда был скептиком, а часто тираном. Также гражданская власть, которой все еще ревностно подчинялась церковная система, находилась в менее деградированном состоянии. Власти императора постоянно бросали вызов в стенах его собственного дворца, который вместе с собором Святой Софии стал театром изменнических заговоров и распушенных интриг позорных комбинаций представителей всех классов и национальностей, и где безраздельно царил зловещий союз монахов, евнухов и женщин. Громоздкий и помпезный этикет; театральная демонстрация костюмов и приспособлений; двор, кишачий шутами и паразитами; атмосфера трусости, двуличия, изнеженности и коррупции вытеснили высокое чувство национальной чести, суровое достоинство, гордое сознание превосходства мужчины, которое в первые дни республиканской простоты и имперского величия отличало осуществление римской власти. Набеги пиратов, которые ослабевшая морская мощь императоров была неспособна сдерживать, вытеснили торговлю с моря.

Кишечные разборки и незаконное поведение солдат-варваров, которых раздражали ограничения дисциплины и чьи непрекращающиеся и непомерные требования к имперской казне немало способствовали обнищанию страны, сделали сельскохозяйственные операции небезопасными и нерентабельными, и земля больше не обрабатывалась, за исключением непосредственной близости от крупных городов. Целые провинции, которые при римлянах процветали как череда садов, ныне заброшенных и необитаемых, зарастали лесами и вновь впадали в первобытную дикость. Ужасные последствия варварских войн были заметны в каждой провинции Империи. Плоды столетий цивилизации исчезли вместе с условиями, благоприятствовавшими их зрелости, а также политической коррупции и моральному вырождению, которые в большей степени, чем военные успехи, способствовали их уничтожению. Гордый титул римского гражданина, которого когда-то одинаково жаждали иностранные принцы и честолюбивые плебеи, был стерт со скрижалей, на которых были занесены самые возвышенные отличия наций. Общество больше не носило того привлекательного вида, который оно демонстрировало при роскошном владычестве цезарей. Патриций, лишенный собственности и свободы, неохотно раздувал шлейф варварской

пышности в городе, который был ареной его расточительности, тирании и пороков. Раб, бежавший в лагерь Алариха или Аттилы, теперь правил во дворце, который раньше был свидетелем его унижения, и ему прислуживали дети тех, кто всего несколько месяцев назад сделал его жертвой своей жестокости и каприза.

Облик страны, неоднократно наводняемый полчищами безжалостных дикарей, представлял картину безнадежного запустения. След готского или ломбардского мародера можно было проследить по грудам побелевших костей, по разрушенным городам, по опустошенным полям и охваченным пожаром деревушкам. Прекрасные храмы древности, пережившие упадок язычества и нападения христианства, были обезображены или разрушены. Изысканные памятники классического искусства, триумфы греческого скульптора, были разбиты и рассеяны. Вазы, элегантность и симметрия которых вызывали восхищение у всех, кто их видел, были переплавлены ради бронзы и серебра, из которых они были сделаны. Сады, которые когда-то были гордостью столицы, были растоптаны копытами готской кавалерии. Тут и там, среди груды почерневших руин, возвышались полуразрушенные стены или группа шатающихся колонн, которые единственные сохранились на месте некогда великолепного святилища Венеры или Аполлона. Подавление общего интеллекта и индивидуальных амбиций в массах всегда было ведущей максимой имперской политики. Не было никакой системы образования. Всякое усилие не поощрялось. Правительство на протяжении нескольких поколений обеспечивало население едой и развлечениями. Не было стимула к умственной или физической активности. Естественный ход человеческой судьбы, улучшение физического и социального состояния человека, был остановлен. Наслаждение жизненными удобствами делало труд ненужным. Отеческий надзор и щедрость государя делали критику или даже обсуждение государственных дел утомительным, неблагодарным и опасным занятием. Поскольку больше не было никаких стимулов к прогрессу, общество, повинясь органическому закону своего существования, начало быстро скатываться к варварству; состоянию, которому в значительной степени способствовало разделение людей на касты - благородную, плебейскую, торговую, военную и жреческую. Руководствуясь идеями ошибочного благочестия и соблазненные перспективой праздности и сравнительной легкости, множество здоровых людей удалились от занятий активной жизнью в уединение монастыря, откуда они время от времени выходили, когда их призывали разрушить какой-нибудь языческий храм; воздействовать ужасом своего присутствия на колеблющийся дух церковного собрания; или навлечь безжалостную месть своих начальников на какого-нибудь добродетельного философа, чей ум был недостаточно глубок, чтобы постичь смысл богословской тайны. Предприимчивый генерал, поднявшийся от подчиненного командования в Британии до императорского трона и который по соображениям государственной политики принял и сделал обязательным церемониал религии, чьи благие заповеди оскорбляло низменное распутство всей его жизни, обладал, по крайней мере, суровыми добродетелями солдата. Однако его женоподобные потомки, невежественные и небрежные в военном искусстве и управлении государством, преданные практике всех пороков, предоставили управление вероломным и продажным инстинктам своих вассалов и рабов. Из-за некомпетентности правителей, ненасытных амбиций священников и необузданной распущенности наемников, составлявших основную часть армии, все стремления большинства людей — к которым, конечно, относились полезные классы фермеров и ремесленников — к улучшению своего положения уступили место вялому безразличию к своей судьбе. За несколько поколений социальная изоляция стала настолько полной, что общность мыслей и интересов, необходимая для национального процветания,

перестала существовать; и эта кастовая замкнутость, возраставшая прямо пропорционально рангу, в конце концов наложила на самые знатные семьи клеймо исключительного невежества. Действительно, в самом дворце, откуда церковный фанатизм изгнал все ценные знания, воспитание принцев было поручено кормилицам и домашней прислуге, пагубное влияние которых быстро проявилось в суеверных страхах и высокомерном поведении их воспитанников, будущих властителей Римской империи. В результате слияния рас возникли беспородные типы, в характерах которых развились наиболее предосудительные и порочные черты их развращенных прародителей. Постоянное общение с варварами превратило отточенный язык Гомера и Платона в грубый диалект, где гортанные звуки Дуная, смешиваясь с едва ли менее диссонирующими акцентами Нила и Роны, вытеснили обильные и элегантные идиомы греческих поэтов и историков. Фанатизм нетерпимой секты и слабость череды бессильных монархов погасили дух языческой философии и древних знаний.

Со времени возведения знаменитой церкви Святой Софии — последнего творения гения византийской архитектуры — это искусство пришло в упадок, и те из знаменитых сооружений древности, которые уцелели, использовались как каменоломни, откуда добывались материалы для базилики и дворцов богатых и роскошных патриарха и епископа. Но это, к несчастью, было не худшим из распространенных зол того времени. Организованный заговор против образования существовал и был наиболее активен в тех кругах, где образование, каким бы несовершенным оно ни было, должно было, по крайней мере, указывать на важность сохранения бесценных остатков древности. Искусство изготовления пергамента было утрачено вместе со многими другими полезными изобретениями, и, как следствие, письменные принадлежности стали редкими и дорогими. Монах, слишком праздный, чтобы изобретать, но всегда готовый разрушать, вскоре изобрел средства для восполнения этого недостатка. Вторгшись в публичные библиотеки, он старательно собрал все доступные рукописи, на которых были записаны мысли классических писателей — из которых многие сейчас известны нам только по именам — и, стерев символы, использовал их страницы для записи легенд о своих ложных святых и апокрифических мучениках. Не выходит за рамки вероятности, что оригинальные книги Нового Завета, попавшие в эти злые дни в руки людей, не знающих греческого языка, могли постигнуть аналогичную судьбу; эта гипотеза также может объяснить тридцать тысяч различных прочтений, которые ученые богословы признают допустимыми для Евангелий и Посланий. Многообразные и потрясающие достижения римской цивилизации — ее дворцы, ее храмы, ее амфитеатры, ее акведуки, ее триумфальные арки; ее величественные форумы с их колоннадами из белоснежного мрамора, украшенными статуями героев, философов, законодателей древности; ее военные дороги; ее чудеса машиностроения; ее великолепные произведения искусства; ее вечные памятники литературы; изящные легенды ее мифологии, увековеченные гением скульптора в творениях непревзойденного совершенства; пламенные слова ее ораторов, будоражащие кровь после великих сражений. двадцатилетний промежуток времени; престиж завоеваний; мудрые принципы гражданского устройства, в целом просвещенного, часто дерзкого, всегда успешного, — были всего лишь мелочью в глазах униженного византийца по сравнению с фрагментом истинного креста или проповедью какого-нибудь нечистого и фанатичного отшельника о метафизических тонкостях Троицы или теологической ценности дифтонга.

Таким, таким образом, было состояние христианской церкви и Византийской империи в конце VI века; до такой прискорбной степени вторжение варваров, социальная коррупция и сектантские разногласия подорвали основы как Церкви, так и государства. Несмотря на свою

деградацию, последняя представляла собой высочайшее воплощение ментальной культуры и политической организации, пережившей непрекращающиеся набеги армий варваров и деморализующее воздействие поколений неправильного правления; где в характере монарха, как до, так и после его восшествия на трон, преобладали страсти и он был заражен пороками самых порочных и позорных представителей человечества. Во всей Европе положение дел было еще более плачевным. Готы были хозяевами континента, а вандалы, пересекшие испанский полуостров и водрузившие свои победоносные знамена на северном побережье Африки, после совершения зверств, вошедших в поговорку, изгнали потомков Ганнибала и Гамилькара в пустыню и к морю. Школы Афин — это единственное оставшееся в мире место философских дискуссий и свободного исследования — были подавлены Юстинианом сто пятьдесят лет назад. Потомки Цезарей, лишенные своего великолепного наследия и низведенные до унижительной зависимости, съезжились под хмурыми взглядами одетых в шкуры дикарей, которые в бесчисленных количествах вышли из лесов Германии и с берегов Балтики. Изображения богов, шедевры искусства эпохи Августа, были сброшены со своих пьедесталов, а фетишизм, привнесенный чужеземцами, был заменен испорченной формой христианства, едва ли менее презренной и не менее идолопоклоннической. Рим дважды подвергался разграблению; Милан был стерт с лица земли; процветающие морские порты пришли в упадок; прекраснейшие поля Италии были опустошены, ее дороги заросли травой, ее акведуки были разрушены, ее плодородная Кампанья, некогда рай для столицы, превратилась в чумное болото, испарения которого несли болезни и смерть. Среди несчастного, полуголодного и беспокойного населения городов бунты и подстрекательство к мятежу были частыми, но надменный правитель варваров едва замечал их, пока вспышка не представляла серьезной угрозы его жизни или достоинству. Гражданская война, безжалостная по жестокости, завершила опустошение, начатое варварским завоеванием и рабской тиранией. Армия, набитая предателями, не давала гарантии стабильности правительства. Доносчики, эта зараза гнивающего государства, кишели в византийской столице. Деспотичное налогообложение, подкрепляемое пытками, привело к обнищанию богатых. Беспорядочная резня, устраиваемая под самыми легкомысленными предлогами, запугивала бедноту. Не было ни лояльности, ни чувства национальной чести, ни понимания взаимных обязательств князя и народа. Боевой дух, который был отличительной чертой древнего Рима, исчез. Вошедшая в поговорку дисциплина легионов была вытеснена распущенностью и беспорядком. Иммунитет от иностранного вторжения был обеспечен позорным и отвратительным способом взимания дани. И все же, посреди этого скопления ужасов, угрожавших полному разрушению общества, и без того полностью дезорганизованного, в каждом сообществе существовало множество решительных людей, которые, будучи ограбленными и угнетенными, не полностью предались отчаянию, и в умах многих из них незаметно для масс и, действительно, едва заметная разве что самому проникательному наблюдателю, происходила великая моральная революция. Несчастья, которые последовательно обрушились на языческую и христианскую религии, ослабили влияние обеих на почитание и привязанность толпы. Люди, знакомые с Евангелиями и пользующиеся таким же уважением к Апокрифам, как и к остальным частям Священного Писания, с нетерпением ожидали прихода реформатора, известного как Утешитель, неоднократно обещанный в Библии, миссия которого заключалась в восстановлении человечеству истины, изложенной Христом, в ее первоизданной чистоте. Материальные выгоды, которые могли возникнуть в результате реализации этого предсказания, были полностью оценены главами значительного числа современных сект — среди них гностиками, керинтийцами, монтанистами и манихеями, каждый из которых уверенно утверждал, что он был

упомянутым небесным посланником, а все остальные были самозванцами. Евангелие от святого Варнавы, как утверждают весьма авторитетные источники, первоначально содержало слово $\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\kappa\lambda\upsilon\tau\omicron\varsigma$, "Прославленный", вместо $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}\kappa\lambda\eta\tau\omicron\varsigma$, "Утешитель"; впоследствии оно было изменено с целью сдерживания растущего числа претендентов на божественное вдохновение, чьи притязания становились беспокойными и опасными. Мусульманская изобретательность умело воспользовалась этим пророчеством, которое народное легкое верие восприняло как прямое объявление о грядущем Мухаммеде, чье имя "Прославленный" является арабским эквивалентом $\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\kappa\lambda\upsilon\tau\omicron\varsigma$. В древнейших хрониках также говорится, что пророка по имени Ахмед, или Мухаммед, веками ожидали в Аравии, где Евангелия были широко распространены; и поэтому возможно, что слово, написанное на неизвестном языке в тысяче миль от Мекки, могло сыграть немалую роль в определении политических и религиозных судеб значительной части человечества.

Учитывая все обстоятельства, возможно, нельзя было выбрать более благоприятного времени для объявления системы верований, которая основывала свои притязания на общественное внимание на благовидном утверждении, что это не новшество, а реформа, очищение способа поклонения, практиковавшегося веками. Обычно гораздо проще, поскольку это больше соответствует предрассудкам человеческой природы, ввести совершенно новую религию, чем вносить изменения, какими бы благотворными они ни были, в старую. Человечество с жадным любопытством рассматривает недавнее сообщение с Небес, но инстинктивно уклоняется от серьезного вмешательства в освященный веками церемониал и почитаемые традиции популярной и давно установившейся веры. Но в Аравии, как уже отмечалось, хотя и существовало бесчисленное количество святилищ, храмов и множество идолов, на самом деле не было глубоко укоренившегося религиозного чувства. Распространенное богослужение поддерживалось скорее под влиянием длительного общения, чем какой-либо общей верой в его истинность, мудрость или пользу. Требования родственников, поддержание племенной чести и неумолимое обязательство отомстить имели для бедуина гораздо больший вес, чем уважение, которым он был обязан искусственному соблюдению своей веры, или сомнительное почитание, которое он исповедовал перед бесчисленными божествами своего пантеона. Абсурдность их атрибутов, неспособность их богов изменяться или сопротивляться действию природы уже давно были молчаливо признаны арабами. Их идолы переняли характер фетиша, чью благосклонность умиляли подарками, чье упрямство наказывалось насилием. Долгое знакомство уменьшило или полностью уничтожило то благоговение, с которым к ним когда-то относились. Система, которую они представляли, отставала от интеллекта того времени, каким бы ограниченным он ни был среди предрассудков и суеверий Пустыни. Возник широко распространенный и молчаливый, но от этого не менее яростный протест против многобожия. Никогда в истории полуострова не проявлялось такой склонности к примирению и компромиссу. Таким образом, в Аравии, как и в других странах Азии, время года было в высшей степени благоприятным для распространения новой религии.

Незнание природных талантов, общих характеристик и повседневных привычек Пророка Аравийского, почти повсеместно распространенное, даже среди образованных людей с более чем обычными интеллектуальными достижениями, является экстраординарным; особенно если учесть обилие информации по этим вопросам. Ни одно имя в истории не подвергалось таким яростным нападкам сектантского фанатизма и теологической злобы, как его. Популярное представление о Мухаммеде состоит в том, что он был вульгарным самозванцем, распущенным, хитрым, жестоким и беспринципным; периодически сходил с ума от повторяющихся приступов

эпилепсии; практиковал мошеннические чудеса; чудовищем, которое не колебалось ни перед каким преступлением, которое способствовало бы достижению его целей; написавшим книгу под названием "Коран", которая полна чувственных образов и описывает рай как место, специально отведенное для неограниченного потворства животным страстям. В прежние времена общественное легкоеверие зашло еще дальше, и христианские писатели XI века и даже позже имели обыкновение представлять величайшего из иконоборцев — которые не признавали милосердия победителя только поклоняющимися огню и идолам — ложным богом; концепция, обозначаемая знакомым словом "ряженный", вошла в наш язык. Впоследствии его считали просто распространителем ереси, и, наказанный как таковой, он фигурирует в бессмертном произведении Данте:

"Poi che l'un pié per girsene sospese,

Maometto;"

и, наконец, абсурд невежества достиг своей кульминации, его называли похитителем верблюдов и кардиналом-отступником, который проповедовал ложную доктрину из зависти, потому что ему не удалось достичь желанного сана папы! Мотивы церковной ревности и религиозной нетерпимости привели также к сокрытию информации и фальсификации истины о Коране. Едва ли один человек из десяти тысяч читал его перевод; более того, этот подвиг неоднократно объявлялся невозможным из-за монотонного и прозаичного характера его содержания; и ни один иностранец из миллиона не ознакомился с оригиналом, который, можно добавить, не может быть надлежащим образом переведен на другой язык. За одиннадцать столетий после смерти Мухаммеда не было сделано ни одного полного перевода этой знаменитой книги на живой язык, и на сегодняшний день существует не более дюжины версий. Более того, существовало правило, за редкими исключениями, в том числе недавними, согласно которому переводы, комментарии и анализы Корана, отредактированные неверующими, были написаны с явным намерением очернить Пророка и его последователей. При таких неблагоприятных обстоятельствах беспристрастное изучение доктрин ислама было невозможно для человека, не владеющего арабским языком, и общественное мнение, которое получало свое представление о подобных предметах в основном с кафедры, упрямо отказывалось рассматривать любую точку зрения, которая расходилась с его предвзятыми мнениями. Чтобы получить полное представление о принципах, добродетелях и недостатках религии, которую он основал, не будет лишним взглянуть на мгновение на основные моменты карьеры и характера этого замечательного человека, самого выдающегося в своей стране и самого прославленного в своей расе.

Среди древних племен Аравии самым высоким по рангу, наиболее почитаемым за ум и храбрость в нации поэтов и воинов и известным щедрым гостеприимством было племя курайшитов, наследственных хранителей храма в Мекке. Гордые своим выдающимся происхождением и высоким положением, которым они пользовались благодаря своей должности, которую религиозные функции придавали достоинству, не уступающему достоинству самой королевской семьи, и превосходящему все другие занятия в стране, где ревнивая независимость народа препятствовала осуществлению королевской власти, влияние курайшитов на своих соотечественников было безграничным. Ежегодное паломничество к Байт-Аллаху, или "Дому Божьему", когда военные действия приостанавливались и преданные и торговцы, рифмоплеты и воры встречались на равных за оградой храма — событие, которое, как

говорят, собрало вместе самые яркие умы полуострова, чтобы в дружеском соперничестве побороться за литературный приз, — было самым важным событием года для арабов и особенно благоприятствовало сохранению богатства и авторитета курайшитов. Некоторые представители племени пользовались исключительной привилегией раздавать воду и провизию паломникам во время их пребывания в Священном Городе — занятие первоначально безвозмездное, но впоследствии ставшее прибыльной монополией; другие отвечали за строительство святыни; третьи, опять же, были хранителями священного знамени, которое поднималось только по случаю ежегодного воссоединения Каабы или когда безопасности Мекки угрожали война или мятеж. Более того, курайшиты стремились к государству мелкого суверенитета; они отправляли посольства к соседним племенам, заключали договоры, устанавливали правила отправления и прибытия караванов, что обеспечивало организованную и, следовательно, более безопасную и прибыльную торговлю с окружающими народами, и осуществляли номинальную юрисдикцию как в гражданских, так и в религиозных вопросах на всем полуострове. Окрыленные своим успехом и всеобщим почтением, которое им оказывали, они смело отменили многие древние церемонии, связанные с национальным богослужением, и заменили их другими, более приспособленными для продвижения их денежных интересов или удовлетворения их политических амбиций. Некоторые из этих новых правил были несправедливыми и, как можно легко предположить, были приняты с большой неохотой населением, столь непримиримым к нововведениям и нетерпимым к ограничениям, как население Аравии; и тот факт, что они были приняты без серьезных волнений, убедительно показывает, что привязанность араба к богам своей страны не имела и отдаленного отношения к тому благоговению, с которым он относился к их могущественным хранителям. Однако со временем соперничество влиятельных вождей различных подразделений племени привело к взаимному недоверию и вражде; раздоры стали частыми, и национальное влияние курайшитов, которое могло поддерживаться только сердечным сотрудничеством их лидеров, начало серьезно ослабевать.

В одном из самых надменных кланов этого выдающегося племени — Бени-Хашим — в 570 году христианской эры родился Мухаммед, известный неверующим как Лжепророк, а мусульманам как Посланник Бога. Странная судьба, которая, очевидно, основана на чем-то более существенном, чем ненадежный авторитет традиции, по-видимому, преследовала его семью как до, так и после его рождения. Дом его деда, Абд-аль-Мутталиба, хотя и содержал нескольких дочерей, мог похвастаться только одним сыном, — обстоятельство, которое для человека благородного происхождения в такой стране, как Аравия, где уважение к вождю основывалось на количестве его потомков мужского пола, где родственники относились к категории движимого имущества вместе с верблюдами и лошадьми и часто хоронили заживо, чтобы избавиться от них, считалось позором и несчастьем. В отчаянии шейх отправился в Каабу и призвал на помощь Хобала, главного гения собравшихся божеств нации. В заключение своих молитв он пообещал, что, если у него родится десять сыновей, один из них будет принесен в жертву на алтаре бога. Молитва была услышана, и в свое время неумолимый религиозный долг потребовал исполнения обета. В сопровождении своих сыновей Абд-аль-Мутталиб снова приблизился к святыню Хобала, и после того, как был брошен обычный жребий, бог остановил свой выбор на Абдалле, который впоследствии стал отцом Мухаммеда. Абдаллах был любимцем своих родителей и кумиром своих сородичей; его манеры обладали редким очарованием; он превосходил самых опытных представителей своего племени в искусстве поэзии и красноречия, а его мужественная красота была отмечена экстравагантными

похвалами его соотечественников. Потрясенный перспективой потерять свое самое любимое дитя, Абд-аль-Мутталиб был в отчаянии, когда проницательная женщина-прорицательница предложила остроумное решение возникшей проблемы. Установленная компенсация за убийство, когда пострадавшая семья была готова принять одного, составляла десять верблюдов; и пророчица предложила Абд-аль-Мутталибу еще раз посоветоваться с божеством в надежде, что оно будет благосклонно и согласится принять менее ценную жертву. Мистические стрелы были еще раз потрясены и извлечены, и во второй раз Абдалла был предан смерти. Отец удвоил количество верблюдов с тем же результатом; но, ничуть не обескураженный, упорствовал до тех пор, пока не был выпал десятый жребий, когда бог соизволил принять дорогой выкуп. Таким образом, от жребия зависело возрождение арабского народа, завоевание и ниспровержение византийской и персидской империй, импульс современных научных исследований и будущие надежды мусульманского мира!

Мохаммед был посмертным ребенком. Его отец умер во время путешествия в Медину и мало что оставил своей вдове Амине, кроме памяти о своих домашних добродетелях и репутации человека мужественного и безупречной порядочности. Юные годы мальчик провел, как это было принято в Мекке, с одним из племен Пустыни, где грубая пища и активная жизнь бедуинов развили и укрепили от природы крепкое и энергичное тело. В возрасте пяти лет он вернулся в дом своей матери, где через несколько месяцев остался сиротой. Затем его дед Абд-аль-Мутталиб взял на себя заботу о нем до самой смерти первого два года спустя, когда Мухаммеда взяли в семью его дяди Абу-Талиба. Последовательные утраты родственников, к которым он был преданно привязан, оказали немалое влияние на определение характера будущего Пророка, уже не по годам вдумчивого и сдержанного, и придали его жизни постоянный оттенок печали. Когда он стал старше, его нанял свой дядя пастухом - занятие, которое арабы считали унижительным, и которым могли заниматься только рабы и женщины. На двадцать шестом году жизни его красивое лицо и фигура, а также репутация честного человека, благодаря которой он получил лестный титул Аль-Амин, "Правоверный", привлекли внимание Хадиджи, богатой вдовы и дальней родственницы, которая сделала ему предложение руки и сердца, которое он принял. Хадидже было сорок лет, и она уже дважды была замужем; однако в течение двадцати пяти лет, которые прошли до ее смерти — и еще долго после того, как она, должно быть, утратила свою привлекательность, - Мухаммед никогда не пренебрегал обязанностями постоянного и любящего мужа. Она родила ему шестерых детей, четырех девочек и двух мальчиков, из которых только дочери пережили период младенчества. Когда Мухаммеду исполнилось сорок лет, с ним произошла большая перемена, и появились первые положительные признаки его отвращения к устоявшемуся богослужению в его стране. Его мать, которая, по-видимому, была женщиной с очень возбудимым темпераментом, передала ему гиперчувствительное состояние нервной системы, в результате которого время от времени возникали приступы мышечной истерии - заболевания, редко поражающего мужской пол. Давно привыкший к воздержанию, созерцанию и грезам, он приобрел привычку искать уединения, размышлять о моральном состоянии себя и своих соотечественников; и по мере того, как он становился старше, и особенно после того, как его удачный брак избавил от необходимости трудиться, страсть к мечтаниям росла в нем. Он часто отправлялся на гору Хира, где когда-то жил отшельник; и целыми днями, почти без еды и без сна, в слезах и душевных муках он пытался решить проблему божественной истины. Поскольку продолжительный пост, возбуждение и одиночество неизбежно вызывают галлюцинации, вскоре Мухаммед поверил, что его посетил ангел, принесший небесную весть. Поначалу сомневаясь в значении этих поразительных видений и в

своем ослабленном состоянии легко впадая в ужас, он вообразил, что в него вселились бесы, и был почти доведен до самоубийства. Наконец, справившись со своими эмоциями, он вернулся в Мекку, и с тех пор посещения ангела, который называл себя Гавриилом, стали частыми. В первоначальном откровении к Мухаммеду обращались как к “Посланнику Аллаха”, и ему было поручено проповедовать единство Бога своим заблудшим и введенным в заблуждение соотечественникам. Вначале его обращенных было очень мало, и они состояли из членов его собственной семьи, причем его жена была первой уверовавшей. Новые доктрины продвигались медленно; опасение скорого вмешательства правящих сил заставляло прозелитов проявлять осторожность, и они повторяли их тексты за закрытыми дверями и в самых уединенных квартирах своих домов. По истечении четырех лет число приверженцев ислама достигло лишь незначительного числа в тридцать девять душ. Но теперь Мухаммед осмелел; излагал свои доктрины перед самой Каабой; открыто выступал за уничтожение идолов и обвинял неверующих арабов в том, что они привержены ужасам вечного огня. Страстное красноречие Великого Реформатора поначалу не произвело заметного эффекта. Большинство слушателей считали, что он находится под влиянием злого духа; одни высмеивали, другие поносили его; но уважение к его семье и здоровый страх кровной мести защитили его от серьезного насилия. Тщетно он изображал в захватывающих красноречием словах радости рая и муки ада; его увещевания были потеряны для скептически настроенного араба, религия которого была предметом наследственного обычая и который, как и другие представители семитской расы, не верил в загробное существование. В конце концов его доносы стали настолько яростными, что вызвали у курайшитов опасения, что их политическое превосходство, а также прибыльные занятия в их офисах могут оказаться под угрозой. Торжественная депутация вождей племени явилась к Абу Талибу, главе семьи, к которой принадлежал Мухаммед, и потребовала, чтобы дерзкий отступник был передан в их руки для отмщения. Абу Талиб, хотя сам был идолопоклонником, без колебаний отказался это сделать, и вследствие его отказа на весь клан Бени-Хашим был наложен запрет. Никто не хотел торговать или общаться с его членами, и в течение двух лет они были заключены в тюрьму в одном из кварталов города, где терпели большие лишения. Ничто не может более ярко продемонстрировать семейную привязанность араба и его высокое чувство чести, чем самопожертвование, подразумеваемое этим событием, поскольку не следует забывать, что подавляющее большинство тех, кто пострадал вместе с Мухаммедом, не были уверены в истинности его миссии, но все еще были преданы идолопоклонническим и варварским обрядам древней веры.

Делу ислама был нанесен серьезный удар, а угрозы и вооруженная враждебность его противников не предвещали ничего хорошего для его будущего успеха. Мусульмане, не принадлежавшие к курайшитам, искали убежища у христианского короля Абиссинии, который категорически отказался выдать их по требованию посольства из Мекки. Наконец, с превеликим стыдом интердикт был снят; члены заключенной банды снова вышли наружу, чтобы пообщаться со своими горожанами, и изгнанникам было позволено вернуться с миром. Но преследования не устрасили Мухаммеда, и его осуждение идолопоклонства и его сторонников переросло в насилие. После смерти его дяди и защитника Абу-Талиба его положение с каждым днем становилось все более критическим. Однако удачное стечение обстоятельств вскоре открыло путь к спасению. За несколько лет до этого горстка жителей Медины тайно приняла его доктрины и поклялась в верности ему как своему временному суверену. Их число значительно возросло, и теперь, приняв приглашение, сделанное ему этими ревностными прозелитами, Мухаммед приготовился уйти из среды своих врагов в предложенное убежище в Медине.

Жители последнего города, которые были в основном земледельцами, искренне презирались мекканцами, которые считали любое занятие, кроме войны, грабежа и обмана паломников, унижительным для достоинства араба. Непримируемое соперничество между двумя главными городами Хеджаза имело много общего с принятием ислама мединцами. Влияние многочисленных евреев Медины существенно повлияло на религию этой местности, и их предсказания о скором пришествии Мессии и даровании имущества язычников его избранному народу привлекали внимание идолопоклонников этого города, а временами и внушали им страх. Поэтому, когда распространился слух о том, что в Мекке восстал пророк, мединцы, естественно, пришли к выводу, что он, должно быть, Мессия, которого ожидали евреи, и они решили опередить последнего, первыми оказав ему радушный прием, и тем самым заручиться его благосклонностью. Именно из этих побуждений был заключен союз между Мухаммедом и жителями Медины; союз, результаты которого мало ожидались сторонами, подписавшими его положения, и важность которого была раскрыта знаменательными событиями многих последующих столетий. Когда известие об этом дошло до курайшитов, они приготовились к решительным мерам и провели совещание, на котором, по-видимому, не принимая никаких мер предосторожности, чтобы скрыть свой замысел, было решено убить Мухаммеда. Последний, получив своевременное предупреждение, сбежал ночью со своим другом Абу-Бекром и, укрывшись в пещере в горах, ускользал от бдительности своих врагов до тех пор, пока несколько дней спустя они не нашли способ добраться до Медины. Это событие произошло в 622 году нашей эры и, отмечая эпоху Хиджры, или “Бегства”, является, как хорошо известно, отправной точкой мусульманской хронологии. Его полезность, однако, предвосхитила его законность на триста лет, и оно не было публично санкционировано законом до десятого века.

По прибытии Пророка первой заботой Пророка было возведение мечети и установление и упорядочение ритуалов ислама; следующей — примирение двух враждебных арабских группировок, из-за беспорядков в которых город был в смятении; и третьей - единственной задачей, в которой он потерпел неудачу, — обращение евреев. Едва он поселился в Медине, как отказался от воздержания, которое до сих пор украшало его жизнь и выставляло его характер в таком выгодном свете по сравнению с излишествами его похотливых соотечественников, и постепенно увеличивал свой гарем, пока он не насчитывал, включая жен и наложниц, почти двадцать женщин. А теперь произошли и другие изменения религиозного и политического характера, когда смирение и терпение проповедника были затмены честолюбивыми планами государя, в конечном итоге реализовавшимися в прозелитизме целых народов и опьянении и славе иностранных завоеваний. В Мекке никогда не упоминалось о применении силы, но многолетние обиды, презрение и жестокое обращение принесли горькие плоды, и в Медине было получено первое откровение, повелевавшее распространять ислам с помощью меча. Сначала совершались беспорядочные нападения на караваны; затем последовало сражение при Бедре, где триста верующих нанесли поражение тысяче курайшитов, и битва при Ухуде, которая закончилась ранением Мухаммеда и полным разгромом мусульманской армии. Блокада Медины, предпринятая три года спустя вождями Мекки, закончилась для них катастрофически, поскольку вспыльчивый араб не смог вынести сдержанности и бездействия, характерных для длительных операций осады. Затем последовало изгнание недовольных евреев из города - мера, не оставленная без внимания актами несправедливости и кровавого насилия, но настоятельно требуемая политической необходимостью. Могущество и престиж Мухаммеда теперь быстро росли; племя за племенем становилось под его знамена; далекие

князя посылали ему дорогие подарки и добровольно присягали на верность; и в 630 году — восьмом году Хиджры — он подготовился к вторжению на священную территорию и завоеванию Мекки. Совсем незадолго до этого, охраняемый двумя верными товарищами, он бежал из Святого Города с наградой в сто верблюдов и сорок унций золота за голову; теперь он вернулся с царственным видом, во главе десяти тысяч воинов, большинство из которых с радостью отдали бы свои жизни по его приказу, и все они признали в нем Апостола Божьего. Перед этим внушительным строем, вдохновленным пылом религиозного энтузиазма, сопротивление было безнадежным. Люди бежали в свои дома и в святилище храма, и армия вторжения заняла город. Права и собственность граждан соблюдались; не было резни и мародерства; не применялось никакого насилия, за исключением изображений Каабы, которые были разбиты на куски без промедления или сопротивления, поскольку идолопоклонники без особых эмоций смотрели на уничтожение божеств-покровителей многих поколений, чья неспособность защитить своих почитателей была столь наглядно продемонстрирована. С великодушием, не имеющим себе равных в анналах войны, была объявлена всеобщая амнистия, и только четыре человека, чьи преступления считались непростительными, понесли смертную казнь. Когда различные церемонии, освященные веками и призванные отныне стать неотъемлемой частью мусульманского ритуала, были завершены, а языческие алтари в окрестностях Мекки были снесены, Мухаммед отправился покорять оставшиеся племена, оспаривавшие его власть. Хватило одного сражения; Тайиф, единственный важный оплот, который все еще держался, добровольно сдался после безуспешной осады; и отныне верховенство Пророка было признано на Аравийском полуострове. Через три месяца после завоевания Мекки Мухаммед, который, казалось, уже предчувствовал свой приближающийся конец, в сопровождении огромной толпы людей совершил паломничество, которое его учение предписывало как непрременную обязанность всем его последователям. Покидая Мекку в последний раз, он медленно возвращался по своим следам в дом своего усыновления, жители которого, более великодушные, чем его родственники, приняли и защитили его, когда он был преследуемым беглецом, чьи группировки он примирил, которые гордились его известностью и которые, несмотря на его доброту и естественную вежливость манер, всегда относились к нему со всем благоговейным трепетом, подобающим обладателю божественной милости и сверхъестественных сил. Его конституция, хотя и была первоначально укреплена воздержанием и простой диетой, в течение многих лет свидетельствовала о слабости и разложении, поскольку его здоровье было серьезно подорвано ядом, введенным еврейским пленником, которого его великодушный дух отказался наказывать; и после непродолжительной болезни он скончался на руках своей любимой жены Айши восьмого июня 632 года.

На мировой сцене было мало великих актеров, события жизни которых были так тщательно сохранены, как события жизни Мухаммеда, хотя ни один местный писатель-современник не записал его историю. И все же нет человека, чьи таланты возвысили бы его до необычайного величия, чьи поступки и чей характер были бы так незнакомы читателям-христианам, как его. Мало кто знает его, кроме как как удачливого самозванца. Многие считают его идолопоклонником. Почти все приписывают ему потворство самым унижительным порокам — жестокости, алчности, распущенности. Даже христианские наместники, которые долго жили в мусульманских странах, ничего не знают о доктринах и карьере одного из самых известных реформаторов и законодателей. Его внешность, его занятия, его вкусы, даже его слабости — убедительное доказательство честности и достоверности мусульманских рассказчиков - были переданы последними со скрупулезной подробностью. Его высказывания и приписываемые

ему мнения, воплощенные в Сунне, считаются правоверными мусульманами второстепенными по святости после стихов Корана и дали начало поразительному числу в шестьсот тысяч преданий, которые, по мнению трудолюбивых комментаторов, на основании сомнительных свидетельств уместно свести к четырем тысячам, на которые можно положиться как на подлинные. Изучение Корана, однако, позволяет лучше понять характер Пророка, чем неопределенные и подозрительные свидетельства Сунны. Это зеркало, в котором отражаются искренние убеждения, возвышенные цели, политические эксперименты, домашние неурядицы, надежды и опасения, которые, пройдя через множество испытаний и замешательств, повлияли на ум автора и направили его продвижение по карьерной лестнице от положения простого гражданина Мекки к возвышенному достоинству единоличного правителя Аравии. Оценка Мухаммеда в Сунне, переданная его первыми сподвижниками, которые хорошо знали его и ежедневно наблюдали за его поведением во времена его безвестности, тем не менее заслуживает гораздо большего доверия, чем любое мнение, которое могло быть сформировано без помощи традиции самым способным ученым по прошествии даже одного столетия. Но, к сожалению, во многих случаях их рассказы были настолько искажены невероятными приукрашиваниями последующих комментаторов, что во многом умаляли их несомненную историческую ценность.

Самой заметной чертой характера Мухаммеда была его абсолютная целеустремленность. С того часа, когда он впервые сообщил Хадидже о своей вере в его миссию, на протяжении долгих и утомительных лет насмешек, преследований, заговоров и изгнания, в течение еще более тяжелого периода процветания и империи, вплоть до печальной финальной сцены в доме Айши, он непоколебимо следовал плану, который он предложил для своего руководства и который имел своей целью отмену идолопоклонства, улучшение положения своих соотечественников и утверждение возвышенной и философской догмы о единстве Бога. Единственное рациональное объяснение, которое можно дать этому замечательному поведению посреди трудностей и опасностей, которые поколебали бы стойкость обычного смертного, заключается в его очевидной искренности. Наиболее убедительным доказательством честности его намерений, его уверенности в себе и его искренней преданности являются ранг и характер его первых учеников, а также благоговение, с которым были приняты его учения. Первые приверженцы всех других религий, о которых упоминает история, были невежественны и необразованны, лишены мирских благ, не гордились происхождением и не имели права на общественное внимание. Их неграмотные разглагольствования часто выслушивались с насмешкой; их легкое верие вызывало презрение как у философа, так и у враждебно настроенного духовенства. Первым христианам даже ставилось в упрек — обвинение, однако, так и не доказанное окончательно, — что их ряды в основном пополнялись преступниками, бездельниками и попрошайками Империи. Происхождение современных сект неизменно было неясным, а их прозелиты имели скромное положение и подневольные занятия. Однако не так обстояло дело с ранними последователями Мухаммеда. Они были представителями гордой и исключительной аристократии Аравии. Их родословную можно было проследить непрерывной линией более шестисот лет. Их наследственная должность хранителей святыни, почитаемой всеми племенами полуострова, обеспечила им огромный авторитет среди своих соотечественников. Их заинтересованность в сохранении национального культа, естественно, настроила бы их против нововведений, которые неизбежно должны были бы уменьшить их власть и урезать их доходы. Их богатство не уступало их знатному происхождению и политическому и религиозному влиянию. Некоторые из них входили в число самых богатых граждан Мекки. Еврейские отступники из Медины обладали

пресловутой бережливостью и умом, присущими их расе. В этой еврейской колонии никто не был выше их в общественном мнении. Успех ислама продемонстрировал неоспоримое превосходство его первоначальных приверженцев в искусстве управления государством не меньше, чем в науке войны. Требовались большие таланты, чтобы успешно справляться с трудностями, которые сопутствовали его учреждению и которые впоследствии неоднократно угрожали его постоянству. Высокий характер таких учеников является положительным показателем чистоты их мотивов и искренности их веры. Люди не склонны легко поддаваться на уговоры о божественном вдохновении, выдвигаемые их близкими товарищами. Дистанция и таинственность гораздо более благоприятствуют успеху религиозного учителя, чем фамильярность, возникающая в результате близкого знакомства и ежедневного изучения. Распространенной ошибкой является приписывание распространения мусульманства исключительно силе. Военный успех, несомненно, был мощным фактором в достижении его предназначения. Меч был особенно почитаем в Аравии. Сталь, из которой он был изготовлен, была в стране, где не производилось железа, самым ценным из металлов. Обширная номенклатура, которой отличалось это оружие, свидетельствовала о его национальной важности и мощи его воздействия на тех, кто им владел. Он олицетворял воинственный дух араба, главный стимул его жизни, вдохновение для его хищнических подвигов, славу долгой череды бережно хранимых традиций. Ему придавалось мистическое значение, которое со временем приобрело религиозный характер и сделало его применение, согласно распространенному мнению, приемлемым для всемогущего и невидимого Божества Аравии. Эти идеи дошли до мусульман и в немалой степени способствовали развитию их энергии и энтузиазма. Но одна лишь сила никогда не позволила бы буйной орде варваров, непривычных к согласованным действиям и нетерпимых к ограничениям военной дисциплины, сокрушить три великие империи менее чем за столетие. Политика ислама поначалу была скорее примирительной, чем угрожающей. Он предпочитал отстаивать свои принципы аргументами, а не провоцировать оппозицию бранью. Она отвергала изобретение новых догм, но старалась согласовать свои принципы с принципами своих почитаемых предшественников. Она препятствовала обращению в свою веру с помощью насилия. Все, что она не могла отменить или изменить, она перенимала; все, что она не могла присвоить, она безжалостно уничтожала. Национальная дряхлость; всеобщий упадок религиозных верований; искусная адаптация предполагаемых пророчеств; безнадежное положение набожных людей, напуганных яростной враждой соперничающих сект; невозможность убедиться в правильности Евангелия среди путаницы доктрин и множества версий; политические беспорядки, вызванные господством варваров; отмена оскорбительных кастовых различий; таинственное очарование, сопровождающее неизвестное; перспектива богатства, славы и империи, открывающаяся перед честолюбивым гением; гарантия независимости мысли и неприкосновенности. от преследований — объединились под знаменем Мухаммеда дезорганизованные и истощенные народы средневекового мира. До первого откровения его жизнь была жизнью человека безупречной морали. Уже в юности он отличался значительным прозвищем "Верующий". Его супружеские отношения до смерти Хадиджи были безупречны; этот факт признавали его самые непримиримые враги. Глубокое знание человеческой природы, понимание духовных потребностей своих соотечественников, на умы которых доктрины Зороастра и Христа не произвели постоянного впечатления, позволили ему создать систему, которая, как показал опыт, превосходно соответствовала вкусу, гению и суевериям жителей Востока. Без абсолютной убежденности в подлинности своей миссии он никогда не смог бы запечатлеть свое учение в умах насмешливых и недоверчивых арабов или привлечь прозелитов среди своих сородичей, с

которыми его повседневное общение вскоре выявило бы чувства и поведение, совершенно несовместимые с его претензиями на роль носителя божественной власти. И все же, при всей искренности своих убеждений, он полностью не доверял самому себе. Он неоднократно подтверждал, что он всего лишь человек, проповедник, реформатор, чьей миссией было возрождение и счастье человечества. Несмотря на свои реалистичные описания рая и ада, он заявил, что понятия не имеет о том, что ожидает душу после смерти. Дух, объединивший сотни бродячих племен, растерянных многовековой враждой, глухих к предложениям компромисса и мира, столь ревниво относившихся ко всякому посягательству на их личную свободу, что они возмущались даже благожелательным и патриархальным правлением своих вождей, в могущественную империю; который отметил вопиющую нелепость современных верований и предложил вместо них идею Божества, настолько простую и в то же время настолько всеобъемлющую, что ни один разум, каким бы фанатичным он ни был, не смог бы сознательно отвергнуть ее; который сформировал гармоничную систему, учитывающую противоречивые интересы антагонистических рас, и, посредством его максимы терпимости примирили тех сектантов, которые отрицали подлинность его принципов, и отказались от соблюдения своего церемониала; который, в соответствии с идеями политики, намного опережавшими то время, объединил функции правителя и священника, явно не придавая чрезмерного значения ни тому, ни другому; который основал религию, просуществовавшую почти тринадцать столетий и завоевавшую преданность тысячи миллионов человек, вряд ли можно с полным основанием назвать созданным иррациональными и эгоистичными импульсами безумия или обмана. Скорее, эти результаты можно назвать действиями выдающегося ума, движимого высокими амбициями; ума, способного решать самые запутанные вопросы управления государством и наделенного такой степенью политической мудрости, которую не часто демонстрируют даже те немногие, кого голос истории наделил гордым титулом создателей наций.

Много было написано и сказано людьми, имеющими важные материальные интересы, которым нужно служить, обладающими ограниченными знаниями по этому предмету и не склонными беспристрастно использовать даже эти знания, относительно физической слабости, которая с нерегулярными интервалами поражала Пророка. На это уже ссылались как на форму мышечной истерии, заболевание, свойственное тонким нервным организациям, приступы которого обычно вызываются внезапным и сильным мозговым возбуждением, и физиологическое явление, относящееся к тому же классу, что сомнамбулизм и каталепсия. Это лишь временное явление; и хотя его симптомы не отличаются от симптомов “падучей болезни” римлян, пациент не теряет сознания, и ни происхождение, ни продолжение болезни не подразумевают даже временного ухудшения умственных способностей. Ввиду тщательных исследований ученых-медиков общепринятое мнение, порожденное невежеством и религиозными предрассудками, может быть признано ошибочным; даже если усилия просвещенной исторической критики еще не доказали, что византийцам, пользовавшимся во всем мире репутацией законченных лжецов, следует приписать популярную басню об эпилепсии Магомета.

Внешне Мохаммед ничем не отличался от своих соотечественников благородной крови. У него была большая голова, хорошо развитая грудная клетка, конечности тонкие, но жилистые, и все его тело было способно к проявлению огромной силы. Густая борода доходила ему до середины пояса, а угольно-черные локоны, слегка вьась, ниспадали на плечи. У него были чисто семитские черты лица: темные глаза, сверкающие полускрытым огнем, тонкий орлиный нос,

смуглый цвет лица и ослепительной белизны зубы. В то время как его выразительная физиономия указывала на обладание умственными способностями высокого порядка, чувственное, как это часто бывает с людьми экстраординарного гения, было заметно в ненормальной степени бок о бок с интеллектуальным. Его походка была быстрой, а движения энергичными; его манеры спокойными, но приятными; его обращение приветливым; в то время как его властная осанка и его мастерство во всех подкупающих, но поверхностных искусствах придворного, усиленные его спокойным и внушительным поведением, выгодно демонстрировали изящество и очарование его красноречия. Хотя обычно он был серьезен и неразговорчив, он был легкодоступен даже для самого мерзкого изгоя; о нем говорили, что он всегда держал руку в руке знакомого, пока тот не отдергивал свою. Его щедрость была безграничной и часто причиняла своим домочадцам серьезные неудобства; его мягкий нрав проявляется в его любви к детям, а его человечность - в повторяющихся предписаниях Корана, касающихся обращения с животными. Унизительная страсть к скупости не была присуща его натуре; имея в своем распоряжении огромные сокровища, его положение было ниже, чем у его последователей, и большую часть своего дохода он раздавал бедным. Его вкусы всегда были простыми и непритязательными; и даже после того, как он достиг суверенной власти, он сохранил бережливые привычки патриархальной жизни; его дом был всего лишь хижинкой из высушенных на солнце кирпичей и пальмовых ветвей, дверь в которую служила кожаная занавеска. Он был настолько скромен во всем, что не касалось достоинства его пророческого служения, что даже сам чинил свои сандалии, ухаживал за своими козами и верблюдами и иногда помогал своим женам выполнять их домашние обязанности. Всегда верный в дружбе, он рано заручился и сохранял до смерти привязанность тех, кто был с ним связан, будь то равные или подчиненные, к обоим из которых он относился с величайшим вниманием. Его самообладание и совершенный контроль над своими страстями были таковы, что он никогда не наносил удара врагу, кроме как в пылу битвы, не бранил слугу и не наказывал рабыню. Он был далек от того, чтобы предполагать наличие сверхъестественных сил, но абсолютно отрицал их обладание, и ни один общественный учитель никогда не проявлял меньшей самоуверенности и догматизма. Как правитель и политик, он принимал меры с тактом и осмотрительностью; как командир, он проявил на поле боя значительный военный потенциал; и бесспорно, что вопиющее неповиновение его приказам было причиной его ранних неудач. У него были строжайшие представления об ответственности, связанной с отправлением правосудия; самый бедный истец, каким бы пустяковым ни было его дело, никогда не пропускал слушания; и он угрожал самыми суровыми карами тем, кто отказывался выполнить свои денежные обязательства. Проповедуя высшую заслугу добрых дел, Он рекомендовал скрывать их и решительно отвергал любое фарисейское проявление благочестивого жеманства или притворной добродетели. Он не спешил возмущаться обидой и быстро прощал обидчика, что, по мнению арабов, было признаком трусости; своевременное подчинение и обращение к его великодушью редко оказывались неспособными обезоружить его недолговечную враждебность; и те, кто начинал с того, что был его самыми непримиримыми врагами, заканчивали тем, что становились его верными и преданными защитниками. Его великодушные и глубокое знание человеческого сердца, которые сделали его лидером людей, были засвидетельствованы его благородным поведением и царственной щедростью по отношению к курайшитам после завоевания Мекки. Одним словом, светлая сторона характера Мухаммеда не нуждается в более высоком восхвалении, чем то, что раскрывается в оставленном им нам определении милосердия, добродетели, которую он никогда не переставал практиковать: "Каждое доброе дело - это милосердие; твоя улыбка в лицо своему брату, то, что ты наставляешь

странника на путь истинный, то, что ты даешь воду жаждущему, то, что ты призываешь другого поступать правильно, - это милосердие. Истинное богатство человека в будущей жизни - это добро, которое он сделал в этом мире своим ближним. Когда он умрет, люди спросят: 'Какое имущество он оставил после себя?' Но ангелы спросят: "Какие добрые дела он послал до себя?"

При всем величии Мухаммеда к нему в немалой степени примешивалась слабость, присущая человеческой натуре, значительную долю которой, однако, следует отнести на счет его необразованности и суеверных предрассудков эпохи, в которую он жил. Он ненавидел темноту и боялся остаться один, без света; он плакал, как ребенок, при малейшем физическом страдании; он безоговорочно верил в силу четных чисел и жил в постоянном страхе перед колдовством; в то время как сглаз был для него, как для самого невежественного из его соотечественников, пагубной и страшной реальностью. Его поведение часто регулировалось снами и предзнаменованиями; некоторые из последних были не менее ребяческими, чем те, которые вызывались искусством гадания, которое он так решительно осуждал. Он был виновен в мелком жеманстве и проявлении слабости, чего вряд ли можно было ожидать от человека его таланта и положения; он красил волосы и красил руки хной и проявлял забавную застенчивость и тщеславие в присутствии любой представительницы женского пола. Он был необычайно ревнив, и к этому недостатку, для которого, по признанию истории, временами у него были достаточные основания, следует отнести сераль, покрывало, эскорт евнухов и уединение женщин. Его полигамные связи, вызвавшие порицание европейских казуистов и теологов, были, в основном, мерами, принятыми для достижения политического эффекта; ибо этими матримониальными союзами он укрепил свое влияние и расширил свою власть. Хотя было бы тщетно отрицать его любовную восприимчивость, — поскольку у нас есть его собственное свидетельство, что из всего он любил женщин и духи, — следует помнить, что он контролировал свои страсти до середины жизни; и, конечно, менее достойно упоминания то, что он позволил себе поблажки в гареме, чем то, что, имея возможности, он не предался необузданному и порочному потворству своим желаниям. Более того, моральный аспект полигамии, по-видимому, варьируется в зависимости от местности и, в конце концов, является лишь вопросом широты. В условиях палящего зноя жаркой зоны, который не вызывает заметного ухудшения мужественности и выносливости мужчины, женщина взрослеет, будучи всего лишь ребенком в преклонных годах, и становится старой и морщинистой задолго до того, как ее партнер достигает расцвета жизни. Опять же, как хорошо известно, страсти жителей Востока намного сильнее страстей западных народов, их соотношение друг к другу примерно такое же, как у теплокровных млекопитающих к вялым рептилиям, чувственный темперамент арабов неоднократно упоминается классическими авторами, а в тропиках властными требованиями природы можно пренебрегать только в пещере голодающего и истощенного отшельника. Гражданские институты Востока с незапамятных времен узаконили обычай полигамного брака, и слова "моногамный" и "Восточный" являются противоположностями и подразумевают противоречие в терминах. Хотя выдающиеся этнологи с немалой проницательностью утверждают, что полиандрия является одной из первых фаз общественного существования, их выводы по большей части носят чисто умозрительный характер; ибо история редко, если вообще когда-либо, фиксировала подобные союзы, и это явно аномальное состояние семейной жизни в настоящее время встречается только в Тибете и Индостане. Священные книги доминирующих религий мира, буддийской, иудейской, христианской и мусульманской, все из которых имеют азиатское происхождение, либо открыто одобряют многоженство, либо старательно воздерживаются от его осуждения. Каждый знает, что она универсальна в Китае и

Индии; Зендавеста признает это; изучающему историю и легенды нет необходимости напоминать о ее распространенности среди детей Израиля; и закон ислама разрешает ее применение при определенных мудрых и справедливых ограничениях. В Библии от начала до конца нет ни единого слова, осуждающего его; действительно, во времена патриархов, пророков и апостолов его полезность в странах, где он преобладал, по-видимому, не подвергалась сомнению. Хотя наши представления о социальном и семейном счастье не допускают этого обычая, который суровость нашего климата делает ненужным и в какой-то мере отвратительным, тем не менее, мы не должны пытаться измерять нашими произвольными стандартами приличия привычки народов, сформировавшихся в совершенно иных обстоятельствах и удовлетворяющихся институтами, освященными опытом ста пятидесяти поколений; и мы также не можем справедливо подчинять нашим жестким канонам теологической и политической этики чувства и действия неграмотного человека, выросшего среди полуварваров и умершего почти тринадцать столетий назад. Хотя Мухаммед разделял со своими соотечественниками все их циничное недоверие к женскому характеру, он является единственным законодателем, претендующим на божественное вдохновение, который когда-либо предпринимал какие-либо усилия для улучшения положения женщин путем ограничения полигамии и введения правил, которые не допускают уклонения без лишения законных прав. Благотворное воздействие этих постановлений на установление ограничений при разводе, на обеспечение вдовам неприкосновенности от нищеты и на предотвращение детоубийства среди женщин само по себе вносит немалый вклад в повышение престижа его имени. Гораздо более серьезными, чем суеверная слабость, слабости тщеславия или пристрастие к женщинам, являются другие обвинения, выдвинутые против Пророка. Наем браво и убийство заключенных, которые, как говорят, были если не заказаны, то по крайней мере им попустительствованы и вознаграждены, являются неизгладимым пятном на его репутации; и следует признать, что доказательства, свидетельствующие о совершении этих кровавых деяний, слишком хорошо обоснованы. Однако они лишь указывают на то, что, хотя Мухаммед был намного старше своего возраста, страсть к крови, считавшаяся главной добродетелью араба, не была искоренена в его груди после жизни, посвященной молитвам, раздаче милостыни и великодушию. Ссылка на божественный авторитет в Коране для оправдания поступков, которые не одобряла даже распущенная мораль того времени, в то время как обстоятельства могли бы в какой-то степени извинить их, также при любых обстоятельствах крайне дискредитирующая. Слава Мухаммеда состоит в том, что он полностью осознал моральные и политические потребности своего народа и открыл для него небывало блестящую карьеру; что его усилия по их существенному улучшению, оказывающие, в свою очередь, воздействие на другие народы, совершенно чуждые арабской крови и языку, будут ощущаться до скончания веков; что он отменил многие жестокие и унижающие достоинство обычаи; что он возвысил и облагородил характер всех, кто воспринял его учения, и оставил набожными почитателями единого Бога тех, кого он считал многобожниками и идолопоклонниками.

Мусульмане верят, что Коран был передан Всевышним через ангела Гавриила Мухаммеду, который устно передал его своим сподвижникам по мере того, как он был ниспослан, откуда и произошло его название “Декламация”. Имея, таким образом, божественное происхождение, мусульманские фарисеи считают святотатством подвергать сомнению подлинность или уместность любого из его утверждений или критиковать его многочисленные противоречия, повторения и абсурдность. Поскольку знание письменности было в то время редким достижением в Аравии — многие ученые утверждают, что сам Мухаммед никогда им не обладал,

— только отдельные фрагменты откровения были начертаны на таких материалах, как кусочки кожи, камни, пальмовые листья и лопатки овец, а остальные стихи и Суры, слетевшие с уст Пророка, запечатлелись в удивительно цепкой памяти его слушателей. В ходе событий многие из последних были убиты в бою, и халиф Абу-Бекр, опасаясь утраты священных текстов, принял меры по их сбору и сохранению в постоянном виде. Когда Осман стал халифом, из этой рукописи уже возникло множество различных толкований; и бесчисленные издания, каждое из которых претендовало на превосходство и вызывало бесконечные споры и скандалы, были распространены по всем его владениям. Чтобы обеспечить единообразие, он приказал изготовить копии первого издания, а все остальные, не согласующиеся с последним, были уничтожены; так что произведение, опубликованное под эгидой Османа, является Кораном в том виде, в каком мы им владеем, духовным руководством всех истинных мусульман. Она невелика, содержит лишь немногим более половины того материала, что и Новый Завет, и состоит из ста четырнадцати сур, или глав, сгруппированных вместе, по-видимому, без какого-либо внимания к рациональной связи или хронологическому порядку, и в которых выражаются одни и те же чувства и снова и снова повторяются одни и те же легенды. Внимательное прочтение перевода этой книги - трудная задача, и даже в оригинале это предприятие, рассчитанное на то, чтобы истощить терпение и прилежание любого человека, кроме мусульманского богослова или святого. Составитель начал с самых длинных глав и закончил самыми короткими, в обратном порядке, в котором они были раскрыты, что наводит на мысль о гипотезе, что Коран, возможно, был изначально написан на каком-то другом языке, кроме арабского, и в котором иероглифы читались слева направо. Также есть подозрение, на вполне правдоподобных основаниях, что священная книга подверглась вставкам и пропускам, сделанным в интересах преуспевающей фракции, к которой принадлежал Осман; теория, получившая подтверждение благодаря хорошо известному искажению Священных Писаний евреями. Как бы то ни было, при отсутствии средств сравнения, как в случае с различными версиями Библии, выводы критика обязательно должны основываться на внутренних доказательствах, предоставляемых самим текстом; в лучшем случае это способ исследования, но ненадежный и неудовлетворительный. Мусульмане любят цитировать Коран как единственное чудо Мухаммеда из-за его чистоты языка и совершенства стиля, не принимая во внимание его хаотичность, анахронизмы и отрывочные, монотонные и бессвязные рапсодии, которыми он изобилует. Поскольку в нем нет диакритических знаков для обозначения гласных, его значение часто неоднозначно, и существует семь различных прочтений, все из которых признаны теологами правильными. Хотя он написан на диалекте Мекки, самом изысканном из арабских языков, он, тем не менее, содержит множество грамматических ошибок; вероятно, это связано с неграмотностью людей, из воспоминаний которых была почерпнута большая часть первого сборника, и чьи слова, записанные дословно, очевидно, потребовали бы исправления, которое переписчик, естественно, не решался внести, опасаясь святотатства. Ввиду небезосновательных подозрений, связанных с мотивами тех, кто редактировал его, и которые в определенной степени влияют на его подлинность в целом, вряд ли уместно подвергать этот том тщательной и язвительной критике. Также недостойно приписывать учению Мухаммеда доктрины, принятые последующими мусульманскими богословами, которые он, вероятно, осудил бы первым. Большая часть Корана состоит из еврейских и христианских легенд; правил церемониала ислама; оправданий поведения Пророка, когда возмущение и подозрительность его последователей угрожали его господству; основы кодекса законов и большого количества моральных предписаний, дышащих духом просвещенного благочестия, беспристрастной справедливости и самоотречения, непревзойденных ни одним собранием правил, когда-либо

предложенных для руководства человечеством. Популярная антропоморфная идея Божества отвергнута, все Его физические атрибуты теперь рассматриваются как фигуративные; триады причисляются к идолам как проявления политеизма; и возвышенная концепция Бога, не имеющего равных или соперников, постоянно запечатлевается в сознании читателя фразами, пылающими огнем религиозного рвения и страстного красноречия. Поэтический талант необразованного араба проявляется во всем своем удивительном совершенстве в Коране, и все же Мухаммед не признавал его обладания этой способностью и упорно препятствовал ее проявлению, считая это напоминанием о язычестве. На протяжении всего тома Пророк не делает никаких предположений о божественных силах; способность творить чудеса особенно отвергается им как ненужная для религиозных убеждений и упоминается как бесполезное достижение его вдохновенных предшественников. Распространенная идея о том, что слепой фатализм насаждается на страницах Корана, является ошибочной. Вся суть его учения противоречит этой доктрине и была бы бесполезной, если бы вера в нее была предписана; постоянно встречаются отрывки, допускающие осуществление максимальной свободы воли и совершенно несовместимые с любой теорией, зависящей от predetermined судьбы человека. Дело в том, что неправильное понимание смысла ислама — абсолютная покорность воле Бога — ответственно за этот извращенный принцип, который, подобно полумесяцу, ныне повсеместно принятому в качестве мусульманского религиозного символа, является изобретением турок и был абсолютно неизвестен как таковой ранним последователям Мухаммеда.

Каабе, божествам которой благочестиво поклонялись на протяжении стольких веков, придавалось дополнительное значение, когда она становилась центральным пунктом мусульманского поклонения. Со временем оно приобрело мистический характер, напоминающий олицетворение женского принципа веры, который, хотя и является аномальным в практике ислама, так хорошо знаком в конституции почти всех религий. Черное покрывало, представляющее собой вуаль, которое каждый год обновлялось с помощью впечатляющих церемоний и скрывало священное здание от посторонних глаз. Постоянно находилась охрана из пятидесяти евнухов, достоинство и важность должности которых, как хранителей святилища, давали им право на суеверное почитание правоверных. В этих необычных предписаниях, которые предполагают как поклонение Деве Марии, так и ограничения гарема, можно обнаружить выражение врожденного и неудержимого стремления человечества к материальному воплощению женской божественности.

Распущенный персонаж, якобы принадлежащий к мусульманскому раю, вызвал много необоснованной брани со стороны тех, кто не знаком с литературными особенностями и богатым воображением народов Востока. Уму восточного человека всегда доставляло удовольствие блуждать в мистическом царстве притч и аллегорий. Его священные книги, от Зендавесты до Корана, изобилуют примерами этого метода внушения важных истин, и даже более легкие произведения, призванные скрасить его досуг, не свободны от него. Ни один образованный мусульманин не верит, ни один искренний и хорошо информированный востоковед не думает, что знаменитые гурии, с их увядающим очарованием, их грациозной осанкой, их опьяняющими объятиями и их особыми физическими данными, являются чем-то большим, чем призрачными персонажами аллегорических образов. Намек на них делается в терминах смутного и таинственного значения, поддающегося различным построениям; и, даже если мы признаем веру в их реальное существование и примем буквальное толкование стихов относительно этого воздаяния блаженных, описания их привлекательности несопоставимы по

мельчайшим деталям и плотской наводящей на размышления чувственности Песни Песней Соломона, которую ни один читатель, каким бы легковерным он ни был, не рискнет истолковать иначе, чем как аллегорию. В романтических и сильно приукрашенных представлениях о Коране некультурные мусульмане, проникнутые легковерием восточного воображения, были слишком готовы принять метафоры и притчи за абсолютный факт.

Другие удовольствия, которые можно найти на небесах, связаны с тем, что было бы самым ценным и освежающим для бедных и измученных жаждой обитателей Пустыни, — куполами из жемчуга; мускусной пылью; гиацинтовыми и изумрудными камушками; роскошными банкетами; одеждами из атласа и золота; бодрящими, но безвредными глотками щедрого вина; лесами величественных пальм; вечной зеленью; сочными фруктами; сверкающими фонтанами; тенистыми садами, орошаемыми прохладными и прозрачными ручьями. Недаром зеленый стал отличительным цветом вернувшегося паломника, цветом, выбранным Пророком как символ полей и рощ Рая.

Мухаммед, косвенно заимствовавший свое представление о рае из халдейских рассказов об Эдемском саде, а представление о дьяволе - из дуализма персидской мифологии, позаимствовал название и описание места мучений у евреев, которые называли ад Ге-Хинном, буквально “Долина Хинном”, от плодородной и приятной долины близ Иерусалима, которая, однако, была отвратительной, несмотря на свою привлекательность, из-за того, что была домом безжалостного Молоха, на алтарь которого периодически приносились цветы еврейской молодежи. Раввинское разделение на семь стадий, в которые входит столько же врат, и каждая из которых предназначена для разной степени наказания, принимается без существенных изменений. Если в Коране редко упоминается Рай, то подробности пыток проклятых, с другой стороны, замечательны своей яркостью и частотой и, созданные полетом необузданного воображения, описаны со всей серьезностью разума, убежденного в их ужасающей реальности.

Коран, подобно Зендавесте, предписывающей возделывать землю как неотъемлемую религиозную обязанность, рекомендует заниматься сельским хозяйством, расширять торговлю, а также основывать и развивать все виды обрабатывающей промышленности. Поощрение этих занятий, представление их как похвальных и угодных Богу, с целью их повсеместного принятия народом, который до сих пор считал торговлю и физический труд презренными, естественно, было задачей значительной сложности. Но ожидания денежной выгоды, соединенные с перспективой индивидуального отличия и национальной славы, быстро устранили этот предрассудок; особенно в обществе, в котором не было привилегированных классов и которое не признавало ни одной из искусственных и удручающих обязанностей феодализма. Вследствие этой мудрой рекомендации кастовые ограничения, которые никогда не преобладали в Аравии в той степени, в какой это характерно для азиатских королевств, вероятно, потому, что там не было иерархии и организованной системы управления, были устранены; все занятия почетного характера были поставлены на равные условия; и купец, и ремесленник, каждый из которых пользовался степенью достоинства, народного уважения и социальной значимости, пропорциональной его талантам и успеху.

Хотя Коран стал предметом бесконечных комментариев, насчитывающих, насколько можно судить, сорок тысяч, а отдельные предписания были расширены и искажены с целью формирования сложной системы юриспруденции, он никогда не задумывался как общий

учебник права. Несколько максимум по этому вопросу, которые в нем содержатся, были заимствованы частично у евреев, но главным образом из кровавого кодекса ранних арабов. Некоторые из них, в дополнение к вышеупомянутым, вытекали из требований конкретных случаев; однако большинство из них связаны с домашними трудностями Пророка и с регулированием гарема. Несмотря на то, что последний предпочитал использовать Коран в качестве основы для своих юридических решений, когда это было практически возможно, хорошо известен факт, что после его смерти сборники Сунны стали стандартом более широкого применения и едва ли менее авторитетного характера при установлении принципов мусульманского права.

Коран предписывает оказывать помощь угнетенным, защищать беззащитных, проявлять милосердие к сиротам и доброту к животным. Он предписывает неукоснительное выполнение обязательств, даже если они заключены с представителями враждебного вероисповедания; в унижительном контрасте с политикой католического Рима, дети которого были навсегда освобождены от соблюдения договоров, заключенных с неверными. В нем осуждаются ужасные наказания для убийц и самоубийц. На его страницах игнорируется глубокое почтение, которое обычно свойственно аристократическому происхождению и высокому положению; титулованной дерзости не позволено заявлять о своем превосходстве над непритязательным прихожанином, а монарх и нищий встречаются как братья перед престолом Всемогущего Бога. Право на личное суждение неоднократно и авторитетно объявляется привилегией каждого верующего; самый скромный мусульманин может по-своему интерпретировать тексты предполагаемого откровения; и его представление об их значении и применении полностью независимо от указов священников или подозрительных решений синодов и соборов.

Воздержание от мяса свиней и крови всех животных обеспечивается гигиеническими соображениями, вытекающими из опыта вредного воздействия такой пищи в тропическом климате; а требование личной чистоты путем частого и регулярного очищения берет свое начало в той же неусыпной заботе об общественном благе.

В Сурах, произнесенных в Мекке и Медине соответственно, заметна разница в идеях и фразеологии; первая более поэтична, вдохновляющая и вызывающая, чем вторая. По мере того как Мухаммед укреплял свою власть, текст Корана свидетельствовал скорее о спокойствии и достоинстве правителя, чем о пылкости энтузиаста. Искреннее желание обратить евреев в свою веру раскрывается апелляцией к общему происхождению и политическим включением талмудических легенд в священную книгу, которая должна была заменить Библию; в то время как явная неспособность добиться этого результата предвещается угрозами божественного гнева, который вскоре воплотится в жизнь в виде рабства, изгнания и смерти. Хотя Аравия была полна неверных, и даже значительная часть идолопоклонников соблюдала обряды своей религии просто как дань форме и моде и были глубоко заражены скептицизмом, удивительно, что Мухаммед, обличая лицемерие и идолопоклонство, не произнес ни слова в осуждение атеистических идей. Более того, книга, которая должна была стать руководством секты, приверженцы которой усовершенствовали алгебру, открыли химический анализ и довели сельское хозяйство до небывалого совершенства, не содержит никакой науки, а лишь самые зачаточные представления о гражданском управлении. Согласно Корану, солнце заходит в болото черной грязи; вода - это стихия, из которой происходит вся жизнь; а концепции природных явлений, которые серьезно изложены на его страницах, достойны лишь беспутных фантазий детей и варваров.

Среди жителей Востока Коран неизменно публикуется на арабском, священном языке мусульман, которых обучают ему с детства, точно так же, как ортодоксальных евреев рано знакомят с ивритом. В мусульманских странах о нем узнают только через перевод, если последний не связан с оригиналом; так что читатель, сравнивая различные тексты, может иметь возможность судить о квалификации и точности переводчика. Большая роскошь обычно проявляется в украшении священного тома. Его листья голубые или пурпурные, благоухающие дорогими духами, буквы золотые. Его обложки часто усыпаны драгоценными камнями. Среди его переплетенных арабесок появляется имя Бога, повторяемое тысячи раз. Ни один мусульманин не обращается с ним без всяческой демонстрации почтения. Сбоку почти всегда имеется предостережение не прикасаться к нему нечистыми руками; ненужная предосторожность для набожного человека, чье уважение к его содержанию действительно не лишено оснований, как мы можем понять из одного-единственного обращения, взятого наугад и не бросающегося в глаза среди выражений возвышенного благочестия, которые можно найти почти на каждой странице: “Архитектор неба и земли, ты - моя опора в этом мире и в следующем. Сделай так, чтобы я умер верным закону. Введи меня в собрание праведных”.

Ислам по существу означает Религию Мира. От этой глагольной формы произошли термины мусульманин и мусульманин, обозначающие всех, кто покорен воле Бога. Общепринятое название "мусульманин" не одобряется последователями Пророка и имеет европейское происхождение. Исламское исповедание веры - самое простое из всех известных вероучений; оно просто включает в себя повторение формулы: “Нет Бога, кроме Бога, и Мухаммед - его Апостол”. Приняв и произнеся эту фразу, любой может стать мусульманином; хотя соблюдение практических обязанностей молитвы, поста, раздачи милостыни и паломничества, к которым с таким красноречием призывает Коран, считается обязательным для всех, исповедующих эту религию. Мусульмане молятся пять раз в день, и перед каждой молитвой необходимо совершить омовение в знак того, что просящий очистил свое сердце от всех следов неискренности и нечистых желаний. Арабы-язычники, всякий раз, когда они обращались со своими мольбами к своему правящему божеству, обращали свои лица к восходящему солнцу, и когда Мухаммед ввел свою форму молитвы, он выбрал в качестве цели, или Киблы, Иерусалимский храм, с намерением привлечь евреев; но после того, как обращение последнего было признано невыполнимым, а дальнейших причин для примирения не существовало, Кааба была заменена; и с тех пор святыня Мекки стала Киблой мусульманской веры. В течение месяца Рамадан, выделенного потому, что в нем было ниспослано первое откровение, во всех областях ислама предписывается пост и требуется воздержание от еды и питья с восхода до заката; невыносимое лишение в знойных землях, где месяц часто приходится на лето из—за постоянно изменяющегося деления лунного года.

Ненавязчивая раздача милостыни была обязанностью, важность которой Мухаммед постоянно внушал своим последователям как главную добродетель; мусульманин облагается налогом в размере десятой части своего дохода в пользу бедных; и если его богатство было увеличено несправедливостью или нечестностью, то назначается наказание в виде двойного взноса. Паломничество, последняя из религиозных обязанностей исламизма, по возможности, должно совершаться лично; его соблюдение обеспечивает пожизненное отличие, а пренебрежение им влечет за собой прискорбный недостаток энергии у верующего, что может поставить под угрозу его счастье в будущей жизни.

Когда паломник входит на священную территорию, которая простирается на несколько миль во все стороны от Мекки, он снимает свою одежду, совершает полное омовение и надевает ихрам, или Одевание Святости, состоящее из двух длинных бесшовных кусков хлопчатобумажной ткани, один из которых обматывается вокруг талии, а другой закрепляется на верхней части тела так, чтобы оставлять обнаженным правое плечо. Запрещается любое закрывание головы; это суровое ограничение под палящим солнцем Хеджаза. Теперь он подходит к Каабе, целует Черный Камень и семь раз обходит вокруг здания, повторяя определенные молитвы, предписанные для этого случая. Затем он пьет воду из священного источника Земзем, который, как утверждает предание, самопроизвольно вырвался у ног Агари, когда она и Измаил были при смерти от жажды в пустыне. Неподалеку находится Стоянка Авраама, большой камень, на котором, как предполагается, стоял Патриарх, когда строил Каабу, куда теперь должен приходить паломник и совершать свои богослужения. Наконец, он покидает пределы святилища и семь раз пробегает между Сафа и Мервой, двумя возвышенностями за стенами мечети; церемония, посвященная отчаянию Агари в ее поисках воды для поддержания жизни ее страдающего ребенка, прежде чем чудесным образом открылись фонтаны Земзема. На восьмой день Паломничества могучее воинство, нередко достигающее семидесяти пяти тысяч душ, с двадцатью пятью тысячами верблюдов и бесчисленным количеством других животных для жертвоприношения, отправляется к горе Арафат, расположенной в десяти милях отсюда, с вершины которой главный имам мечети Мекки произносит проповедь. Проповедь завершилась, и все в великом смятении поспешили в долину Мина, где каждый паломник должен бросить семь камешков в три столба, изображающих дьявола, в память об инциденте из жизни Авраама. Затем забивают животных, овец и верблюдов, — церемония, символизирующая жертвоприношение патриарха, жертвой которого, однако, согласно арабской традиции, был Измаил, а не Исаак, - и после этого паломники могут надеть свои обычные одежды, побрить головы, подстричь бороды и подстричь ногти; действия, считающиеся незаконными до того, как различные обряды Паломничества были выполнены в соответствии с предписанным порядком.

Посещение могилы Пророка в Медине не является обязательным, но необходимо для получения почетного титула Хадж, который дает привилегию носить зеленый тюрбан и вызывает постоянную зависть тех несчастных, чья физическая неспособность или ограниченные финансовые обстоятельства не позволяют совершить путешествие в Священные города Аравии.

“Покажите мне народного Бога, - сказал Еврипид, “ и я расскажу вам историю этого народа”. К истории ислама это знаменательное замечание особенно уместно. Мусульманское представление о Божестве - это представление о неприступном величии и возвышенности. Хотя Он стоит неизмеримо выше Своих созданий, их хвала и прошения всегда возносятся Ему без назойливого вмешательства привилегированной касты, и где бы ни застал молящегося час молитвы, будь то в уединении его дома, на шумном базаре, на палубе судна посреди океана или среди ужасающей тишины и уединения пустыни.

Практическая ценность и вытекающее из нее значение религии заключаются не столько в том, кем или при каких обстоятельствах она якобы была основана, сколько в том, что она сделала для счастья и постоянного совершенствования человечества.

Благодаря энтузиазму, вдохновленному возвышенными идеями Всемогущей силы, ислам так тщательно искоренял идолопоклонство, что во втором поколении после его провозглашения люди боялись даже упоминать имена ложных богов своих отцов. Это сделало каннибализм отвратительным и уничтожило человеческие жертвоприношения, с которыми арабы были знакомы с периода, начавшегося задолго до дней Авраама. Он смягчал суровость ведения войны; предоставлял побежденным преимущества немедленной свободы и будущего отличия при единственном условии обращения; он защищал несчастных пленников от насилия и упразднял возмутительную практику нанесения увечий мертвым. Его враждебность к духу феодализма обеспечивала защиту и свободу всех степеней и профессий человечества. Он повысил положение женщины; пресек бесстыдную распущенность, распространенную в эпоху Невежества; сформулировал справедливый закон о разводе, когда раздельное проживание ранее было делом каприза; и защитил жену от жестокости, алчности и несправедливости мужа. Он раз и навсегда покончил с таким ужасным преступлением, как детоубийство. Он запрещал не только злоупотребление вином и другими одурманивающими веществами, но даже малейшее пристрастие к ним. В нем гадание и все азартные игры объявлялись происками сатаны, практика которых неизбежно привела бы к утрате Рая. Одобряя рабство, он улучшал положение раба, который, согласно патриархальным обычаям Востока, наслаждался дружеским общением и разделял отеческую заботу хозяина; объявлял свое освобождение самым похвальным поступком и самой эффективной епитимьей; определял его права, регулировал меру наказания и сумму выкупа и устанавливал гуманное положение о том, что при продаже мать-рабыня никогда не должна разлучаться со своим ребенком. В нем в качестве неперенных обязанностей истинно верующего рекомендовалась практика смирения, отречения, благожелательности. Провозглашая равенство всех людей и настойчиво прививая добродетели милосердия и прощения, она постепенно ослабляла и в конечном счете отменила закон о кровной мести, который бедуин привык считать своей самой заветной привилегией; право, нарушение которого, согласно распространенному мнению, затрагивало честь его племени и утверждение его мужественности. Он освободил собственность от произвола орды мелких вождей, которые взимали чрезмерную дань в бесконечный ущерб торговле, и ввел единый налог — десятую часть прироста, — понятный и одобренный всеми. Он безжалостно карал злоупотребления, проистекавшие из беспринципных поборов ростовщичества, и, применяя беспрецедентно строгие законы, гарантировал безопасность путешественников в регионах, где успешный грабеж был знаком личного отличия и где попрание частных прав все еще было неоспоримой прерогативой каждого жителя, чья рука была сильнее, чем у его соседа. Придавая первостепенное значение привычной чистоте, он высоко оценил ее ежедневное соблюдение и, чтобы избежать благовидного оправдания небрежности, предложил использовать песок как символ воды в местах, где последнюю невозможно достать. Он включил в свой церемониал мудрый и освященный веками обычай обрезания - чисто санитарное правило, важное физиологическое значение которого легко поймет каждый хирург. Ислам, безусловно, является религией добрых дел, и верующему постоянно напоминают, что в Судный день его достойные поступки и великодушие будут красноречиво говорить в его пользу, хотя его уста уже давно сомкнуты в гробовой тишине. Никакая организованная группа духовенства, жадная до наживы и дурной славы и совершенно беспринципная в отношении средств их получения, не наводняла его храмы; ибо в своей первоначальной чистоте он обходился без оплачиваемого духовенства, и всем, кто публично читал или толковал Коран, было категорически запрещено получать за свои услуги какое бы то ни было вознаграждение. Неблаговидные состязания священнических амбиций, бессмысленные лишения аскетизма,

кровавый и буйный дух монашеского фанатизма были, благодаря благоразумию и дальновидности его основателя, исключены из его системы. Налагая умеренную контрибуцию на всех тех в своих владениях, кто отказался отречься от веры своих предков, оно, с другой стороны, отказывало служителям других религий, своим вассалам, в привилегии облагать налогом членов своих конгрегаций без их согласия. Это внушало молодежи, независимо от ранга или положения, обязательства вежливого поведения и неустанного проявления сыновней почтительности. Оно предоставляло каждому искателю истины неоценимую привилегию частной интерпретации и индивидуального мнения — неотъемлемое право человека, в котором христианство отказывалось до времен Лютера, который из-за своей пропаганды этого нововведения сам был объявлен мусульманином; и в некоторых странах Европы оно не отстаивалось до семнадцатого века, разве что тайно и под угрожающей тенью столба и эшафота. В отличие от других религий, она не отказывала в спасении тем, кто отвергал ее догмы. Несмотря на все прелести серала, он по-прежнему олицетворял воздержание как самую драгоценную жемчужину верующего; но, осознавая пороки, порождаемые неестественными ограничениями монашеской жизни, он запретил безбрачие, и в течение двух столетий после смерти Пророка факиры, сантоны и дервиши были неизвестны. Принимая в определенной степени примитивный кодекс древности, устраняя зло и сохраняя содержащееся в нем добро, он сильно взывал к религиозным чувствам и национальной гордости, еще больше укреплял такие добродетели, как общественная вера и частное гостеприимство, и, отвергая идолопоклонство во всех его формах, концентрировал ум преданного на сострадании, справедливости, бесконечном величии Бога.

Заметной особенностью ислама является отсутствие женского элемента в его ритуалах. Даже сейчас, в дни ее упадка, женщинам нет места в календаре ее святых; и все же мы знаем, что среди всех прежних и многих современных религий использование жриц было обычным делом, а женские божества были любимыми объектами поклонения. Девственница из Корана — хотя ее непорочное зачатие было признано за семьсот шестьдесят один год до решения Базельского собора - во всех других отношениях является обычной смертной и далека от того, чтобы обладать достоинством и важностью знаменитой Исиды, этой очаровательной богини, которая, изгнанная с берегов Нила, была возвышена, увенчана своими звездными эмблемами, в таком же величии и высшей красоте восседала на более великолепном троне в имперском городе Католическом Риме.

Мохаммед не был свободен от предрассудков, которые питали его соотечественники по отношению к полу. Подозрительным и саркастичным восточным людям неизвестна сентиментальная галантность и почтительное отношение к своим членам со стороны западных стран. Пророк заявил, что большинство людей, которых он видел в аду во время своего ночного путешествия, были женщинами. Но если властью женщины непосредственно влиять на судьбу ислама пренебрегали, то ее косвенное влияние в этом направлении было огромным и неоспоримым. Гаремы полигамных завоевателей сразу же поглотили самых благородных и прекрасных девушек из семей побежденных. Дети этих матерей стали, без исключения, мусульманами; и по прошествии одного поколения сохранившиеся следы других верований исчезли, и ничто, кроме повторного завоевания новой иммиграции, или чудесного вмешательства Провидения, не могло вернуть земле, столь недавно поработанной, ее первозданную веру.

В религии, как и в политике, успех является общепризнанным критерием истины; из множества людей лишь у немногих есть время или склонность к решению сложных теологических вопросов; но существенные результаты безошибочны, и даже самые легковверные подвержены заражению примером. Последовательные и ослепительные победы ислама были в глазах его суеверных противников самым убедительным аргументом в пользу божественности его происхождения.

Доктрина принуждения, впоследствии связанная с исламом, не была, как уже говорилось, первоначальной или существенной частью его догмы. Мухаммед не советовал прибегать к мечу до тех пор, пока не будут исчерпаны все средства мирного убеждения, и то только во время продолжения активных боевых действий. Моральный импульс, который ислам получил сразу после одержания своих первых побед, был замечательным и наводящим на размышления. Это было всего лишь проявление благоговения перед Силой, чувства, которое никогда не искореняется из человеческой природы даже в самых высокоцивилизованных сообществах. Римская империя была основана на этом принципе, практическим воплощением и представителем которого она впоследствии стала. Преемники цезарей, халифы, хорошо осознавая свою власть над массами, сохранили и увековечили свое влияние, а ятаган и Коран узурпировали место и достоинство свергнутых божеств Марса и Геркулеса. И даже в наши дни мы видим свидетельства выживания этого чувства — столь же древнего, как сам человек, — в церемониях, связанных с насильственным вступлением в брак у варварских народов; в вошедшем в поговорку, но неосознанном восхищении обоих полов — и особенно женщин — солдатом; в аплодисментах, которыми встречают эспаду на арене для боя быков; и в почтении и преклонении перед героем, оказываемом успешному спортсмену и боксеру.

Горный регион Хеджаз, скалистые и бесплодные долины Палестины, незначительны по площади, лишены природных ресурсов и не имеют политического значения в глазах завоевателей и правителей народов. И все же в своих ограниченных пределах были провозглашены три религии, которые оказали преобладающее влияние на судьбы самых разнообразных и широко разделенных рас земного шара. Антиобщественный и отталкивающий характер институтов Моисея, которые препятствовали обращению в веру, не помешал силе еврейского гения ощущаться в каждой стране, в которой обосновались ненавистные сектанты Израиля. Христианство и магометанство по очереди оспаривали власть цивилизованного мира. Халифы, духовные главы ислама, долгое время были выразителями интеллектуальной культуры, хозяевами самых прекрасных регионов Европы и Азии, взыскательными покровителями искусства и литературы. Самый знаменитый из цезарей, величайший из современных властителей, одинаково уступал по рангу и общественному авторитету Верховным понтификам, которые унаследовали трон, облагороженный традициями римской славы, и чье достоинство было подтверждено всемогущей властью Бога. Ни одно светское правительство, достойное упоминания в истории, никогда не учреждалось в столь мрачном и негостеприимном регионе, как тот, откуда берут свое начало самые могущественные и практичные формы веры, когда-либо приводившие в восторг человечество. Изменения, которым, в свою очередь, подверглись все последние, представляют собой наводящий на размышления комментарий к брэнному характеру религиозных систем. Влияние вавилонского пленения на иудаизм очевидно в каждой книге Ветхого Завета и во многих книгах Нового. Мы можем с уверенностью предположить, что христианство во времена Тиберия сильно отличалось от того, каким оно было во времена Константина, и мы знаем, какие радикальные изменения были внесены в его каноны и ритуал Григорием Великим и Лютером. Древние рукописи Евангелий — возможно, уничтоженные по

зловещим причинам - не оставили никаких данных для спекуляций относительно их содержания; но вполне разумно, по крайней мере, предположить, что оригиналы не содержали вопиющих примеров неэлегантной дикции и варварских идиом, которые искажают современные версии. Ислам также не избежал участи своих предшественников, ставшей результатом превратностей времени, а также предрассудков, слабостей и амбиций их приверженцев. Его отличительной особенностью было положительное отрицание сверхъестественных сил; однако чудеса, приписываемые Мухаммеду, составляют значительную часть его священной литературы, которая также подавлена и дискредитирована огромной массой нелепых басен, веками хранившихся в обширном корпусе исламской традиции. Простота его вероучения, казалось бы, эффективно исключает все попытки сектантского разделения; и все же существует семьдесят три секты, члены которых не упускают возможности преследовать друг друга с ожесточенной враждебностью. Мухаммед презирал идолопоклонство и искусство прорицателей и отрицал заслуги сверхъестественных деяний; и теперь в мечетях висят реликвии; в Коране ищут знамений; ежедневно призывают к заступничеству святых; персы поклоняются имамам; а оманиты, вместо того чтобы признавать Каабу, поклоняются Кибле своих сабейских предков, полярной звезде на небесах.

В попытках Пророка обеспечить улучшение общественной морали его внимание было особенно приковано к Мекке как центральной точке ислама, куда верующий обращается в своих ежедневных молитвах и к которой обращены его незрячие глаза, когда его тело опускают в гробницу. Но действие его спасительных увещаний умерло вместе с ним; и мекканцы, освобожденные от ограничений, снова приобрели печальную известность своими бесчинствами, которые прежде делали Священный Город позором даже для языческой Аравии. Прискорбный факт, который, к сожалению, дает слишком большое оправдание насмешкам профанов, заключается в том, что те места благочестия, которые общественное мнение облекло священным престижем небесного влияния, являются как раз теми, население которых наиболее богохульно, мерзко и деградировало. Худшие мусульмане мира - это арабы хиджаза, поскольку итальянское население всегда насмехалось над папской непогрешимостью и было непримиримым врагом Наместника Бога. Три города мира, жители которых рано приобрели и с тех пор поддерживают самую незавидную репутацию развратников, являются Иерусалим, Мекка и Рим.

В отличие от большинства теологических систем, которым люди во все века покорно и благочестиво поклонялись, никакая тайна не скрывает происхождения и основы ислама. Чистота и простота его принципов не претерпели изменений. Его история была сохранена благодаря усердию бесчисленных авторов. Жизнь и характеристики его Пророка, вплоть до мельчайших деталей, доступны любопытству каждого предприимчивого ученого.

Суровый характер веры, которая при своем зарождении требует строгого соблюдения мельчайших формальностей своего ритуала, естественным образом смягчается и видоизменяется после того, как эта система достигает мирского значения и имперского авторитета; или, говоря языком одного из величайших современных писателей, "господствующая религия никогда не бывает аскетичной". Странно, что ислам, который в этом отношении, как и во многих других, соответствовал общему закону человечества, а теперь признает догматы и допускает практики, которые привели бы в изумление подданных Абу-Бекра

и Омара, смог сохранить в таком совершенстве соблюдение своего церемониала; особенно когда у него не было организованной жреческой власти для его поддержания. Отсутствие церковного ордена, который мог бы диктовать политику трону и посрамить гордость горноста и пурпура в присутствии какого-нибудь дерзкого фанатика, также оставляло свободным путь для научных исследований и, более чем что-либо другое, способствовало рассеиванию тьмы средневековья. Доктрина терпимости, провозглашенная Мухаммедом, не поощряла ту систему репрессий, деятельность которой исчерпала все средства сдерживания роста философского знания, налагая самые страшные духовные и светские наказания на каждого учителя, который отваживается публично объяснять ее принципы; и это вопрос гораздо более глубокого значения для цивилизации двадцатого века, чем простое совершение акта благочестия, когда Храму в Мекке — средоточию освященной веками веры, от святыни которой исходил дух учености, спасший деградировавшую Европу, - приветствуют пять раз в день. благоговейным почтением концентрических кругов верующих, насчитывающих сто пятьдесят миллионов человек, от Танжера до Пекина, от границ Сибири до Линии равноденствия.

Мы можем также рассмотреть с восхищением быстрого прогресса и терпя последствия этого необычного религия, которая везде навел порядок, достаток и счастье в свой поезд, который в результате разрушения божества Каабы, смела традиций тридцать веков, которая приняла те языческие обряды, которые он не мог отменить; который захватил и сохранил Родина христианства, которые разбросаны по столь широкой территории, так и теократии у евреев и ритуал Рима, в котором ехали волхвы с пылающими алтарями Персии; которая узурпировала трон и скипетр византийской церкви, которая вытеснила fetichism африканской пустыне, который пограл мистерии Исиды, Осириса и гора, и показал удивленному египтяне секрет Богу Всевышнему, который вторгся в советах католицизма, и предложил фундаментальное статья своих убеждений; формировали изящные арки из наших самых известных соборов; в которой помещены его печати на землю в измерение степени, и надписал ее символов в жизни света среди сверкающих созвездий на небе; которая оставила свои следы в самых привычных терминах языков Европы; что дает ежедневные доказательства его благотворного офиса в одежде, которую мы носим, в книгах, которые мы читаем, в зернах наши урожаи, плоды наших садов, в цветы наших садов; и что дало повод для последующих династий правителей, которых высочайшим стремлением, казалось, чтобы возвеличить характер своих подданных, для передачи неизменным для потомков бесценные сокровища знания, и, чтобы расширить и увековечить интеллектуальной империи человека. Эти выдающиеся и ни с чем не сравнимые результаты были достигнуты благодаря непреклонному постоянству, высокому гению, политической проницательности арабского пастуха, лишенного даже зачатков образованности, выросшего среди варварского народа, разделенного на племена, взаимная враждебность которых усилилась в результате столетий войн, у которого не было организованной системы правления, который считал механические и торговые искусства унижительными, который не признавал закона, кроме закона силы, и не знал богов, кроме стада гротескных и чудовищных идолов. Грабеж был их профессией, убийство - их развлечением. За исключением пределов их лагеря, ни один друг, не связанный священными узами крови, не был в безопасности. Они пожирали плоть врагов, убитых в битве. Обман всегда исключался, жестокость была их самой выдающейся национальной чертой. Их оскорбительное высокомерие, безжалостная вражда и непоколебимая целеустремленность были прямо пропорциональны их невежеству и жестоким суевериям, подтвержденным чудесами, предзнаменованиями и легендами веков.

Предпринять радикальное улучшение таких политических и социальных условий было задачей ужасающей, по-видимому, непреодолимой трудности. Его удачное завершение может и не указывать на активное вмешательство Божественной власти. Слава, которой наполнена история ислама, может быть полностью проистекать из доблести, добродетели, разума, гениальности человека. Если с этим согласиться, то наибольшая заслуга принадлежит тому, кто задумал этот план, способствовал его импульсу и сформулировал правила, обеспечившие его успех. В любом случае, если целью религии является насаждение морали, уменьшение зла, содействие человеческому счастью, расширение человеческого интеллекта; если совершение добрых дел принесет пользу в тот великий день, когда человечество будет призвано к окончательному отчету, не будет ни непочтительным, ни неразумным признать, что Мухаммед действительно был Апостолом Бога.

ГЛАВА III

ЗАВОЕВАНИЕ АЛЬ-МАГРИБА

647-707

Всеобщий беспорядок после смерти Мухаммеда—Предписания ислама—Успехи мусульманского оружия—Северная Африка, Страна Вечера—Ее плодородие—Ее население—Экспедиция Абдаллы—Поражение греков—Вторжение в Окбу—Основание Кайруна—Поход Хасана—Древний Карфаген—Его влияние на Европу—Его Великолепная цивилизация—Его Морская мощь, его колонии, его ресурсы—Описание города—Его архитектурное величие—Его гавани, Храмы и общественные здания—Римский Карфаген—Его роскошь и разврат—Его разрушение Мусульмане—Войны с берберами—Муса назначен генералом—Его Романтическая история—Его Характер—Он подчиняет Аль-Магриб—Африка неспособна к Постоянной цивилизации.

Раздоры, возбужденные свирепыми ордами Аравии, чья нетерпимость к власти и отвращение к дани с трудом сдерживались таинственным влиянием Мухаммеда, после его смерти вспыхнули с удвоенной силой и на какое-то время серьезно угрожали не только целостности мусульманской империи, но даже существованию и незыблемости недавно установленной веры. За исключением нескольких племен, которые кровные узы или соображения личной заинтересованности, соединенные с их тесными торговыми отношениями с жителями Священных Городов, сохраняли ненадежную верность, все население полуострова немедленно взялось за оружие. Каждый мелкий вождь, ревниво относившийся к центральной власти и наделенный экстравагантным мнением о своих способностях правителя и законодателя, присваивал себе божественную власть и стремился к титулу и прерогативам пророка Божьего. Население, наполовину идолопоклонническое, наполовину неверное в душе, которое восприняло предписания Корана с явным энтузиазмом и внутренним презрением, с радостью приветствовало каждое новое откровение, поскольку оно предвещало состояние войны и раздора, столь полностью соответствующее его хищническим инстинктам и беспокойному характеру.

При таком положении дел, серьезность которого вполне могла бы потрясти ум опытного государственного деятеля, исполнительные способности и дипломатический такт первого халифа, человека, воспитанного в меркантильных занятиях, но превосходно приспособленного природой к выполнению трудных обязанностей, связанных с его высоким положением, были признаны полностью компетентными. Армии повстанцев были уничтожены; лжепророки убиты, изгнаны или вынуждены отказаться от своих притязаний; мятежные племена были истреблены, а их имущество конфисковано в качестве законных военных трофеев. Обладая глубоким пониманием характера своих соотечественников, Абу-Бекр использовал их пламенный и неукротимый дух для распространения ислама, установления и укрепления его доселе нечетко определенной и неопределенной юрисдикции. Политика, частично разработанная под его мудрым руководством, была окончательно утверждена и доведена до совершенства железной волей и военным гением Омара. Последний полностью осознал первостепенную важность сохранения в неприкосновенности единства и престижа своей нации, победы которой по блеску и политическому эффекту уже превзошли победы любого предшествующего завоевателя, и справедливо пожелал сделать господство ислама единым с мировым. Во исполнение этого замысла завоеванные трофеи, дань покоренных народов, огромная арендная плата за равнины Малой Азии и Месопотамии, богатые урожаи долины Нила, великолепные дары далеких государей — в надежде избежать посещения смуглыми всадниками пустыни — все это помещалось в общий фонд, из которого выплачивалась пенсия каждому человеку, принадлежащему к арабской расе, в регулярной степени, причем жалованье увеличивалось с годами, достоинством и ценностью военной службы. Никто не был слишком незначителен, чтобы внести свое имя в официальные реестры в Медине; и даже рабам, женщинам и новорожденным младенцам, а также самым прославленным воинам регулярно выплачивалось установленное ими пособие. В различных странах, ослабленных доблестью мусульман, земли, хотя и конфискованные в пользу государства, оставались по специальному положению неотчуждаемыми и, хотя и составляли часть общественного достояния, не могли быть приобретены теми, кто их завоевал, и продолжали заселяться и обрабатываться их бывшими владельцами. В соответствии с этими правилами также было установлено законное место жительства араба на полуострове на постоянной основе. Везде, независимо от его ранга или занятий, он был всего лишь временным жителем, способным в любой момент, без предупреждения, быть вызванным на битву с неверными; и даже наместники халифа не могли приобрести ни пяди земли в городах, которыми они правили практически с абсолютной властью. В то время как в случае с пленницами разрешалась и поощрялась самая неограниченная распущенность, верующему было особенно предписано выбирать себе в жены дочерей какого-нибудь арабского клана; и его детей, без исключения, рано учили отстаивать свое предполагаемое превосходство по происхождению и смотреть свысока на всех иностранцев, какими бы выдающимися они ни были по происхождению, богатству, военным отличиям или литературным достижениям.

Всеобъемлющие и строгие законы Омара, которые произвольно определяли вопросы законодательства и финансов, расстановки армий, урегулирования территориальных споров, устройства домашнего хозяйства и религиозных служб, заложили основу будущего величия ислама. Его указом была установлена дата проведения Хиджры. Его непреклонное чувство справедливости подвергало унижительному наказанию плетью, предусмотренному законом за пьянство, как нищих, так и дворян. Кодекс, носящий его имя, примечателен даже в эпоху фанатизма суровыми ограничениями, которые он налагал на личную свободу евреев и

христиан, единственных сектантов, которым мусульманское милосердие разрешало практиковать их обряды и обычаи.

Убийство Омара в расцвете мужественности, еще до того, как его великие замыслы полностью созрели, послужило сигналом к междоусобицам, заговорам и всевозможным семейным потрясениям, разжигаемым племенной завистью, древними предрассудками и разочарованным амбициями; беспорядкам, которые слабый и колеблющийся дух его преемника был не в состоянии подавить. И все же, несмотря на недостатки, проистекающие из интеллектуального бессилия Османа, конституция мусульманской теократии обладала достаточной жизнеспособностью, чтобы на значительное время отсрочить распад. Славные традиции десятилетия непрерывных побед нелегко было забыть. Трофеи, отнятые у презируемого и ненавистного врага, были выставлены напоказ в каждом городе и деревне; его знамена развевались во дворах каждой мечети; гарем, улица, базар кишели пленниками из самых отдаленных стран; в то время как ежегодная раздача из государственной казны свидетельствовала одновременно о богатстве и слабости неверного и об отеческой щедрости завоевателя. Персидская монархия, успешно противостоявшая нападкам консулов, диктаторов и императоров, поддерживаемая дисциплиной и неистощимыми ресурсами римской державы, после двух великих сражений пала перед безудержной доблестью мусульманских полчищ. Палестина с ее священными ассоциациями, ее воспоминаниями обо всем самом священном в анналах христианства, ее сценами божественных чудес и тайн, лишений, страданий и триумфальной славы находилась в руках мусульманина, чьи кощунственные шаги ежедневно оскверняли окрестности Гефсимании и Голгофы, и чей призыв к молитве исходил из великолепного святилища, воздвигнутого на месте разрушенного храма Соломона. Греческий император, после правления, полного необычайных превратностей, которые в какой-то степени восстановили утраченный престиж римского оружия, быстро лишившегося лучших областей своей империи, был теперь фактически пленником, защищенным только Босфором и неприступными стенами своей столицы. Египет, хранилище традиций неисчислимой древности, после короткой и решительной борьбы покорился общей судьбе народов, и знамена ислама триумфально развевались на башнях Александрии и Мемфиса. Свирепый, необразованный араб смотрел на памятники этой странной и, по его мнению, заколдованной земли с чувством благоговения и изумления. Перед ним были пирамиды, возвышающиеся в огромном величии на границах пустыни; колоссальные храмы; настенные росписи, чьи яркие краски не пострадали по прошествии пятидесяти веков; группы громоздких сфинксов, внушительных даже в своих увечьях; говорящие статуи, которые, повернувшись лицом к Востоку, с первым лучом света приветствовали наступающий день; обелиски, изваянные на стволах и пьедесталах с вечными записями давно угасших династий; обширные подземные гробницы, каждый саркофаг которых был гигантским камнем. монолит; и изображения древнеегипетских царей, олицетворения достоинства и власти, держащих в своих руках символы времени и вечности или сжимающих вместо скипетра тот символический посох, который, будучи более могущественным, чем жезл самого могущественного мага, управлял судьбами миллионов людей и который, в свою очередь, стал жезлом греческого иерофанта в мистериях Элевсина, литусом римского авгура, и посохом католического архиепископа. У его ног катились мутные воды таинственной реки, периодическим разливам которой была обязана цивилизация этой почтенной страны. Ожидание этого явления потребовало изучения астрономии; его разлив привел к созданию совершенной системы орошения и сложного свода законов, регулировавших распределение его питательных вод; его оседание потребовало

тщательного знакомства с правилами геометрии и измерения; а ядовитые пары, поднимающиеся от его дымящихся отложений, потребовали скорейшей дезинфекции и бальзамирования всего разлагающегося животного вещества - меры предосторожности, которая строго соблюдалась установившимися обычаями и неумолимыми предписаниями религии. Посвящения жрецов, ревностно хранимые принципы их оккультного знания, атрибуты их бесчисленных божеств - все это имело тесную связь с водами Нила, повторяющиеся и неизменные изменения которых также указывали на сезоны египетского года, которые измерялись урожаями. Влияние, произведенное видом этих чудес на судьбу простого араба, чей горизонт до сих пор ограничивался зыбучими песками и дрожащими испарениями пустыни, которому и не снились величие и симметрия архитектурного замысла и чьи представления об украшении ограничивались варварским узором глиняного кувшина или грубыми узорами примитивного ткацкого станка, было неисчислимо. Как всякая цивилизация есть всего лишь приспособление к новым условиям элементов, более или менее заметных в тех, которые ей предшествовали, так было и с цивилизацией арабов. Их архитектура, в основном обязанная своей красотой отбору образцов из растительного мира и умелому сочетанию геометрических форм, может в этом отношении по праву претендовать на оригинальность. Тем не менее, в основе его лучших зданий опытный глаз может легко обнаружить иностранное влияние, которым были вдохновлены усилия его ремесленников; а черты персидского, египетского, карфагенского и византийского стиля заметны в массивных стенах, изящных изгибах и сверкающих мозаиках шедевров строителей, украшающих широко разделенные провинции Мусульманской империи.

Именно во время правления Османа внимание мусульман впервые было серьезно направлено на северное побережье Африки, регион, простираясь от Нила до Атлантики, занимал территорию в тысячу миль в длину и пятьсот в ширину при самом большом диаметре. В своих подходах, которые были сделаны над раскаленными песками, он демонстрировал знакомые явления Пустыни. Большая часть его обширной территории была пригодна для возделывания, а прилегающие плантации и сады отмечали непрерывной линией зелени владения некогда великолепных и все еще важных городов, которые в дни своей славы признавали власть и требовали защиты столицы империи Карфагена. Здесь самые обильные урожаи, самые сочные плоды вознаграждали трудолюбие земледельца при незначительных усилиях. Роскошные пастбища, по которым извивались сверкающие ручьи, питаемые многолетними источниками, обеспечивали существование большого количества крупного рогатого скота и овец. Финик процветал в такой разнообразии, что только по форме и косточке можно было определить его вид. Почва была благоприятна для выращивания олив, и масло составляло важную статью экспорта. Это действительно была земля обетованная, известная в истории, прославленная в мифах и легендах; Офир Священного Писания; место страданий Мария, Регула и Катона; место зарождения многих самых очаровательных вымыслов классической мифологии; дом Данаи, Антея и Атласа; на протяжении веков обитель тирийской цивилизации; место последовательно пунического великолепия, римской роскоши, распущенности вандалов и христианской веры. В своей столице Гамилькар готовился к походу на Сицилию, который обеспечил господство над Средиземноморьем, а Ганнибал планировал кампанию, которая унизила гордость Вечного города; земли, принявшей в свое лоно беженцев из Палестины и Аравии, основателей и сторонников новой и славной империи; престол Св. Августин; заколдованный сад, где обитали прекрасные дочери Эреба и Ночи; где гигантский портал, отмеченный двумя знаменитыми колоннами, указывал финикийскому мореходу путь к Касситеридам —

“Abyla atque Calpe.”

Предприимчивость Карфагена веками обменивала свои изделия на олово Британии и предметы роскоши Сирии; при римлянах в течение четырех столетий его сельскохозяйственные продукты поддерживали в расточительном безделье выродившихся жителей Италии.

Дальняя оконечность этого региона, который поэтическая терминология Востока обозначила именем Аль-Магриб, “Страна вечера”, была более богатой и плодородной; но его штормовое побережье подчинило свою торговлю высшим коммерческим преимуществам восточной половины, ныне Туниса и Триполи, которая была известна как Ифрикия. Префект, назначенный Константинопольским двором, управлял этими колониями от имени императора, но его юрисдикция ограничивалась узким поясом территории, за пределами которой по своему желанию бродили банды свирепых и выносливых варваров, некоторые из которых не имели оседлого жилья; в то время как значительное количество обитало на склонах и ущельях Атласских гор, добывая жалкое существование поверхностной обработкой почвы и ненадежным товарооборотом со своими едва ли менее цивилизованными соседями. Население этой провинции вследствие неоднократной иммиграции и вторжений и последующего смешения рас имело самый разнородный характер. Вдоль побережья в основном преобладала элегантность греческого типа, иногда изменяемая величественными чертами лица и воинственной выправкой римлянина, чьи физические черты были частично сохранены частым обновлением гарнизонов и ввозом колонистов из Италии и Константинополя. В глубине страны в смуглом цвете лица, голубых глазах и каштановых локонах проступала помесь вандала и мавританца, соседствующая с безошибочно узнаваемыми чертами сирийца и еврея. Но самыми многочисленными из всех, самыми грозными на войне, самыми вероломными в мирное время были берберы, происхождение которых традиция по-разному относит к Европе, Ассирии, Аравии, Эфиопии и Палестине. Какой бы ни была родина этой, несомненно, семитской расы, их родство с арабами было наиболее заметным и примечательным. Щедрые, храбрые, терпеливо переносящие страдания, расточительные в гостеприимстве, почтительные к старикам, верные своим сородичам, нетерпеливые к ограничениям, безжалостные в мести, их характер был воплощением суровых добродетелей и жестоких пороков кочующих варваров. Воинственные качества этого народа в сочетании с недоступностью их мест обитания и, в немалой степени, благодаря их бедности, всегда обеспечивали им неприкосновенность от завоеваний. Политические неудачи никогда не могли стереть их национальные особенности. Подвергаясь преследованиям, они, хотя и внешне соответствовали общественной вере, на самом деле оставались приверженцами фетиша. Длительное господство финикийцев, римлян, византийцев, германцев не внесло никаких изменений в их язык — только арабский смог поглотить около трети терминов их гортанного наречия. Их государственное устройство напоминало республику, где каждая деревня была независимой и управлялась вождем, избранным народом. Снова и снова они собирали для службы против императора армии численностью в тридцать-сорок тысяч человек; но первое же поражение разрушило их союз, и вожди-соперники с еще большей жадностью возвращались к грабежу и резне своих союзников и друзей. Их вероломство, вызывавшее невольное восхищение народов, издавна практиковавшихся в искусстве обмана, и которое римлянам пришлось дорого им обойтись в войне с Югуртой, было, без сомнения, в определенной степени ответственно за вошедшую в поговорку репутацию двуличия — “Punica fides” — Карфагена. Изначально они были идолопоклонниками, верили в колдовство и прорицания, поклонялись Солнцу и Огню, и их общение с соседями, учитывая его нерегулярный и преходящий характер,

оказало исключительно плодотворное влияние на изменения в религиозных верованиях. Посланцы христианства с незначительным успехом распространяли среди них тайны своей веры; но к доктринам Пятикнижия и Талмуда они охотно прислушивались, а догматы иудаизма, хотя и в немалой степени окрашенные традициями языческой мифологии, номинально получили одобрение всего берберского народа. Особый тип еврея, незаметно разнообразившийся в других местах благодаря торговым связям, а также влиянию почвы, климата и действия законов, более или менее благоприятных для смешения рас, нашел в дикой местности Северной Африки благоприятную среду для своего сохранения. Изгнанники, спасшиеся от преследований Тита и Адриана, поселились там и процветали. Отбросив свою вошедшую в поговорку сдержанность, они соединили со своей наследственной склонностью к торговле необычную склонность к обращению в свою веру; и их мнения в большей или меньшей степени заразили население побережья, а также внутренних районов, от Большого Сирта до Геркулесовых столбов. Их отношения и знакомства простирались не только на крайний Восток, но и поддерживались при полуварварских дворах Европы; а их симпатии к своим братьям семитского происхождения, которым помогала общность идей, привычек и образа жизни берберских племен, в степени, которую невозможно переоценить, способствовали установлению и сохранению западной империи ислама.

В 647 году алчные взоры правительства Медины были обращены к богатым плантациям и густонаселенным поселениям Аль-Магриба; и грабительские набеги, которые до сих пор досаждали его границам, впервые были заменены систематическими и решительными попытками завоевания. Слабость и пристрастие Османа, для которого возвышение его семьи было первостепенным соображением, лишили знаменитого Амру наместничества Египта и поручили его управление Абдаллаху Ибн Сааду, молочному брату халифа, опытному и храброму воину и лучшему наезднику своего народа, но человеку, чья слава была запятнана преступлением вероотступничества, и который использовал служебное положение, чтобы высмеивать и поносить вдохновенное учение и священный характер Пророка.

Задействовав все ресурсы своего правительства, этот мусульманский генерал выступил в пустыню с двадцатью тысячами солдат, среди которых были многие сподвижники Мухаммеда и представители самых знатных племен Аравии. После нескольких незначительных стычек и короткого, но кровопролитного сражения, в котором была полностью уничтожена греческая дивизия, арабская армия продвинулась к Триполи и, окружив его стены, продолжила осадные операции с энергией, которую вряд ли можно ожидать от народа, чей опыт ограничивался мародерскими экспедициями и стратегиями партизанской войны. Под властью византийских императоров должность префекта была заменена должностью древнего проконсула; и эта должность не только отвечала за исполнение законов, касающихся гражданских и военных дел, но также претендовала на юрисдикцию в вопросах, касающихся благосостояния церкви, назначения ее служителей и обеспечения соблюдения канонов церковной дисциплины. Префект Грегори, чьи таланты были задействованы и чья доблесть была подтверждена во многих переговорах и конфликтах с берберами, во главе мятежного и недисциплинированного войска численностью в сто двадцать тысяч человек двинулся на помощь Триполи. Сняв осаду, арабы приняли вызов, и последовал ряд сражений без решающего преимущества с обеих сторон, пока префект, оскорбленный тем, что численное превосходство его войск может быть нейтрализовано отчаянной храбростью его противников, не предложил руку своей прекрасной дочери — которая, полностью вооруженная, каждый день была заметна в рядах авангарда — и кошелек со ста тысячами золотых монет тому, кто принесет ему голову мусульманского

генерала. Мужество Абдаллаха, хотя он и встречал смерть в сотне обличий, не смогло противостоять этим усилиям его коварного противника, и, праздно оставаясь в своей палатке, он предоставил ведение операций заботам своих лейтенантов. Тем временем в арабский лагерь прибыл небольшой отряд во главе с Ибн-аль-Зобейром, выдающимся воином, который с презрением узнал о малодушном поведении генерала. Разыскав его, он обвинил его в трусости, предположив, что тот должен отомстить, предложив аналогичную сумму и дочь префекта в рабство тому, кто бросит к его ногам голову греческого военачальника. Совет был принят; заманчивая награда была объявлена по всему лагерю; соперничество воодушевило арабскую молодежь удвоить усилия; и сам Абдалла, пристыженный, снова оказался на передовой. Но подавляющая численность греков, вдохновленных примером нескольких легионов, которые все же сохранили традиции римской стойкости и дисциплины, и подкрепленных быстрыми эволюциями нумидийской кавалерии, знаменитой со времен Югурты, все еще делала исход сомнительным, и в результате повторяющихся столкновений ряды арабов постоянно уменьшались. Снова были задействованы таланты Ибн-аль-Зобейра; битва возобновилась, как обычно, на рассвете; и когда палящее солнце истощило силы сражающихся, обе армии отступили под прикрытие своих палаток. Но не все мусульмане были сражены, и дивизия, состоящая из солдат, отобранных за их храбрость, под командованием бесстрашного Ибн-аль-Зобейра внезапно, подобно удару грома, обрушилась на вражеский лагерь.

Охваченные паникой, когда они отдыхали после тяжелой дневной борьбы, ряды врага были сломлены, префект убит, а лагерь отдан на разграбление. Богатая добыча и бесчисленные пленники вознаградили победителей за перенесенные испытания; прекрасная амазонка стала рабыней Ибн-аль-Зобейра, а после взятия важного города Суфетела вся округа признала власть халифа. Опустошительные болезни, потери, понесенные в результате серии сражений, длившихся месяцами, и отсутствие подкреплений сделали для Абдаллаха невозможным расставить гарнизоны в городах или удержать в подчинении беспокойные племена внутренних районов; и он с готовностью согласился принять взятку в размере двух миллионов пятисот тысяч динаров и отказаться от завоевания. Награбленное было отправлено в Медину, а Осман еще больше навлек на себя обвинения в несправедливости и кумовстве, подарив Абдалле королевскую пятую часть и разрешив своему двоюродному брату Мервану приобрести остальное по низкой цене в триста талантов золота.

В течение почти четверти века гражданские войны, спровоцированные противоречивыми притязаниями различных претендентов на трон халифата, и последующие политические установления оставляли в безопасности греческие владения на Западе. Византийский двор с изумлением узнал об огромном выкупе, которым жители Африки выкупили отступление захватчиков; и его алчность возросла, когда он подумал о ресурсах страны, которая могла собрать такую крупную сумму после того, как на протяжении поколений подвергалась алчной попытке имперских сборщиков налогов. Без промедления император потребовал контрибуции в размере той же суммы, что и невыплаченная дань; и был задействован весь механизм вымогательства, чтобы довершить разорение своих и без того обедневших подданных. Невыносимо угнетенные, африканцы отправили в Дамаск посольство во главе с самим Патриархом и, изложив свои жалобы, в восторженных выражениях описали Муавии богатство своей страны и преимущества, которые должны получить мусульмане от ее владения. Халиф, глубоко впечатленный их заявлениями, приказал Ибн-Хаджиджу, правителю Египта, предпринять завоевание; но это предприятие не было осуществлено с обычной для сарацин энергией и привело лишь к частичному занятию побережья и подчинению нескольких

незначительных городов. Однако постоянное установление мусульманского правления относится к этой экспедиции, и с тех пор знамя ислама, хотя и часто склонявшееся перед бесстрашным духом берберов, шаг за шагом продвигалось к далеким берегам Западного океана. Самым успешным командиром и тем, кто единственный, за исключением Мусы, произвел самое стойкое впечатление на доблестных и вероломных варваров Аль-Магриба, был Окбах Ибн Нафи, которому затем было поручено командование. Войдя во враждебный регион во главе десяти тысяч опытных кавалеристов, он вел войну с той же решимостью и бескомпромиссностью, которые отличали карьеру отважных Амру и Халида, "Меча Божьего". Христиане, которые отказывались, путем подчинения или обращения, признать божественное происхождение ислама, были безжалостно вырезаны; но приказы халифа недвусмысленно запрещали оснащение или использование военно-морского вооружения, и морские порты греков избежали на время участи, которая была неизбежна. Берберы, с удивлением созерцая кажущийся непобедимым характер своего врага, одинаково удачливого на равнинах и в горах, с легкостью побеждавшего их храбрейшие эскадры и взиравшего, несмотря на все препятствия, на почти неприступную оборону их твердынь, надели на него атрибуты божественности и, подчинившись его владычеству, признали власть халифа, в то же время, отрекшись от своего идолопоклонства, они исповедовали единство и величие Бога. Наступление Окбаха было триумфальным продвижением завоевателя. Почти не встречая сопротивления, он пересек области, населенные ордами свирепых варваров, пока, добравшись до Атлантики, не въехал на своем коне в ее бурлящие воды и, обнажив меч, воскликнул: "Бог велик! Если бы мне не мешало это море, я бы отправился в неведомые королевства Запада, провозглашая величие Твоего Святого Имени и покоряя те народы, которые поклоняются иным богам, кроме Тебя!"

Моральный эффект экспедиции Окбаха, ознакомившей народы севера Африки с доктринами ислама, имел гораздо большее значение, чем добыча, собранная победоносной армией, которая сама по себе была немалой. Богатство берберов, невежественных в механическом искусстве и изящных приспособлениях роскоши, ограничивалось стадами крупного рогатого скота; но красота и обаяние их женщин возбудили страсти завоевателей, и многие из них впоследствии стоили на рынках Александрии и Дамаска необычайную цену в тысячу миткалей золота. Непостоянный характер племен Мавритании и Атласа, подчинявшихся только ограничениям военной мощи и для которых обращение в веру и вероотступничество были всего лишь вопросами временной целесообразности, подсказал проницательному уму Окбаха необходимость создания укрепленного поста на территории этого активного и грозного врага. Было выбрано место в глубине страны, чтобы избежать нападений военно-морских сил Константинополя, и, несмотря на серьезные физические недостатки, такие как бесплодие, засуха и чрезмерная жара, был построен город, которому дали название Кайроан; метрополии, которой впоследствии суждено было занять важное место в анналах африканских династий. Стены были кирпичными, с пристроенными по бокам башнями, и охватывали шесть миль в окружности. Был заложен фундамент мечети, здания размером двести двадцать на сто пятьдесят локтей; ее семнадцать нефов были украшены награбленным мрамором из Утики и Карфагена; изящные пропорции ее минарета и изящество настенных украшений до сих пор вошли в поговорку в мусульманском мире. Городской базар тянулся вдоль улицы длиной в три мили; его школы стали пристанищем ученых; авторитет его муфтиев в вопросах доктрины был неоспорим; и, как резиденция вице-короля халифа, он долгое время сохранял свое политическое значение.

Неумолимый и вероломный дух берберов, которых не могли обуздать никакие договоры, теперь вырвался наружу в ведении мелких военных действий, которые разрозненные силы мусульман были бессильны предотвратить. Совершались набеги на изолированные поселения, отары угонялись, деревушки предавались огню, и даже безопасность растущей колонии Кайроан оказалась под угрозой. Ободренный их успехом, берберский вождь объединился для полного уничтожения мусульман. Кочейла, влиятельный вождь, который был бессмысленно оскорблен и искалечен Окбахом и теперь содержался взаперти в лагере, был движущей силой заговора. Узнав слишком поздно о плане врага, Окбах был вынужден ослабить свою армию, и пока отряд для помощи Кайроану находился в походе, он был внезапно атакован близ Техуды превосходящими силами варварской кавалерии. Маленький отряд мусульман, числом менее четырехсот человек, видя безнадежность сражения, воззвал к Богу и, отбросив ножны, погиб все до единого с ятаганами в руках. Могилы этих мучеников до сих пор являются объектами почитания правоверных, а Заб, где они находятся, пользуется святостью, привилегиями и прибыльной торговлей места паломничества. Франки и берберы со своим обычным непостоянством теперь стекались под знамена Кочейлы, который принял титул независимого государя и в течение пяти лет оставался бесспорным правителем Ифрикии. По истечении этого срока свежая армия арабов под командованием Зохейра разгромила берберов в решающем сражении, и, поскольку Кочейла был убит, наместник халифа снова утвердил свою неустойчивую власть. Вскоре новый губернатор Зохейр пал жертвой предательства коварных варваров, и халиф Абд-аль-Мелик возложил на Хасана, вице-короля Египта, задачу, которая свела на нет мастерство и энергию стольких его предшественников. Но ни один из последних не собрал таких сил и не мог контролировать такие огромные ресурсы, как это сделал новый главнокомандующий. Его должность губернатора Египта предоставила в его распоряжение огромные богатства этой плодородной страны, и он выступил из Александрии во главе хорошо оснащенной армии из сорока тысяч ветеранов. Он был хорошо снабжен штурмовыми лестницами и различными механизмами для осады укрепленных мест, в то время как успех мусульман на Востоке вселил в них уверенность и дал опыт в штурме укреплений - виде ведения войны, в котором они поначалу совершенно не преуспевали. Решив овладеть прибрежными укреплениями, которые все еще находились во владении греков, Хасан, пройдя через область, которая была опустошена и частично колонизирована прежними военачальниками, сразу же двинулся на Карфаген. Этот знаменитый город, сохранивший, несмотря на беспрецедентную катастрофу, престиж и традиции своего бывшего величия, все еще был столицей Африки и резиденцией императорского префекта. Могущество Финикии, почти всемогущее в морском мире древних, основанное на безграничных богатствах, на обширных знакомствах с далекими землями и народами, на научных секретах, важность которых преувеличивалась таинственностью, и на бесспорном владычестве на морях, было передано Карфагену, ее любимой и наиболее важной колонии. Краткий обзор истории последнего, столь тесно связанного с судьбами каждого народа древней и современной Европы, не чужд ни рассказу о мусульманском завоевании Африки, ни рассказу о последующей оккупации Испании. Ибо, вдохновленный ее примером, из ее гавани вышла первая морская экспедиция мусульман на Запад, которая опустошила побережья Сардинии, угрожала Греческой империи и покорила Балеарские острова. Было высказано предположение, что изобретение компаса, широко, но ошибочно приписываемое морякам Амальфи, с некоторой степенью вероятности, на самом деле было наследием Тира Карфагену; и несомненно, что особые свойства магнита, названного Камнем Геркулеса, были знакомы морякам этих городов, которые использовали его в гадании и в тайных церемониях своих храмов на берегах каждого моря. Прямой меч испанского араба,

столь непохожий на изогнутый клинок Востока, - это меч карфагенянина; оружие, которое впоследствии было перенято Римом из Иберии и завоевало весь мир, включая африканских воинов, которые его изобрели. Баскский колпак - это модификация старого пунического, или фригийского, головного убора, который до сих пор носят еврейки Туниса и который в наши дни стал одной из эмблем Свободы. Римская тога и арабский бурнус имеют одно и то же происхождение, будучи заимствованы Карфагеном из Финикии, а последним - из Лидии; а имена, обычаи, традиции и церемонии современной Испании ежедневно внушают разумному наблюдателю неизгладимые впечатления, произведенные господством древней Королевы Средиземноморья. Даже после своего крушения Карфаген внес свой вклад в прогресс науки и благосостояние человечества. Пизанский собор, под куполом которого Галилей проводил свои эксперименты и усовершенствовал часы с маятником, был построен из мрамора ее дворцов; а непревзойденная мечеть Кордовы, центр средневековой учености, в стенах которой находилась лучшая библиотека того времени, до сих пор содержит сотни колонн, вокруг древков которых когда-то вились гирлянды благовоний, поднимавшиеся с алтарей тирского Геркулеса. Но гораздо важнее всего остального было влияние, оказанное на арабских захватчиков изуродованными памятниками ее ушедшего величия. Несмотря на последствия римской ненависти и мести, разрушительную энергию Гензериха и бесстыдное пренебрежение византийских императоров, Карфаген по-прежнему оставался великим и красивым городом. Многие из его величественных зданий сохранились; его храмы, возвышающиеся в своем первозданном величии, манили встревоженных моряков к своим процветающим берегам; его гавани с их колоннадами все еще были нетронуты, и мусульмане смотрели на эти свидетельства вкуса и цивилизации одной из самых богатых и прославленных столиц древности с необычными эмоциями. Финикийцы, благодаря своей близости к высокоразвитым расам Ассирии и Египта и регулярным сношениям с ними, неизмеримо пополнили свой запас знаний и охотно распространяли среди своих колоний представления о политике, философии и науке, которые они усвоили во время своих периодических путешествий к берегам Евфрата и Нила. И как из Малой Азии, ясно раскрытой в мифе о Кадме, впервые зародились те познания в литературе и искусствах, которые, стремительно развиваясь, достигли кульминации в несравненных творениях греческого скульптора и греческой музыки; так и на северном побережье Африки можно проследить зарождение того вдохновения утонченности и вкуса, которое пробудило в умах грубых и воинственных кочевников Пустыни желание чего-то лучшего, чем порабощение варварских племен, чего-то более прочного, чем дорогостоящие зрелища военной славы.

Карфаген, основанный почти за тринадцать столетий до христианской эры и унаследовавший от родоначального города Тира тот дух предприимчивости, который обеспечил последнему мировую торговлю, ко времени основания Рима уже был самым богатым и утонченным государством на берегах Средиземного моря. Ее жители, скорее склонные к мирным занятиям и роскошной непринужденности, которую дарует процветание, чем к лишениям лагеря и опасностям поля боя, обычно нанимали наемников для продолжения своих завоеваний. Когда она была на пике своего могущества, ее армии, проникшие в таинственные глубины ливийских и эфиопских пустынь и чья доблесть была одинаково продемонстрирована в ущельях Сицилии и на равнинах Бейтиды, подчинили своей власти обширную территорию и более трехсот городов только в Африке, многие из которых имели значительное значение. На Испанском полуострове, откуда она черпала свои запасы драгоценных металлов, она наняла на серебряных рудниках пятьдесят тысяч человек. Сельскому хозяйству уделялось самое пристальное внимание, и необычайному плодородию почвы, урожайность которой легко увеличивалась в сто пятьдесят

раз, способствовали ровный климат и научно обоснованная и разветвленная система орошения. О значительном характере общественных работ столицы свидетельствуют руины цистерн и акведука, которые выдержали бури и революции двухтысячелетней давности. Но карфагеняне утверждали свое неизмеримое превосходство над всеми своими современниками главным образом в торговых делах. Их торговцы, чья предприимчивость вошла в поговорку, были знакомы с некоторыми хитроумными приемами, которые в наши дни среди цивилизованных народов так облегчают и упрощают важные деловые операции. Самыми замечательными из них, описанными латинскими авторами, были определенные кусочки кожи, которые, будучи сложены особым образом и запечатаны для предотвращения подделки, легко выдавались за деньги, несомненные предшественники наших банковских билетов и переводных векселей. У них, по-видимому, были также четко определенные представления о налоговом-бюджетном и других правилах, которых требовали остроты внешней торговли, таких как банковское дело, страхование и пошлины на импорт.

До завершения второй Пунической войны в римском искусстве не было достигнуто заметного прогресса, и полное разрушение Карфагена в этом отношении, как и во многих других, принесло неисчислимое преимущество ее удачливому противнику. Среди сокровищ, добытых при разграблении города, упоминаются, помимо картин и статуй, золотые и серебряные сосуды удивительной работы, причем настолько ценные, что часть, зарезервированная для триумфа победителя, составила сумму, равную восьми миллионам долларов. В добычу были также включены прекрасные мозаики и невероятное количество драгоценных камней - предметов роскоши, которые особенно ценились карфагенянами и которые они умели гравировать с удивительным мастерством. Эти изысканные модели, доведенные до совершенства трудом бесчисленных поколений, оказали решительное влияние на развитие образования и стимулировали честолюбие римских дизайнеров и ремесленников. От Аппиана мы узнаем, что в городе было много библиотек, которые также могли похвастаться немалым количеством известных писателей, но ни одно из их произведений не сохранилось, и единственным местным автором, слава которого дошла до потомков, является Теренций, освобожденный раб, который в возрасте двадцати пяти лет восхищал критически настроенную публику римских театров полетом своего не по годам развитого гения. Можно составить некоторую оценку военной и морской мощи Карфагена, если вспомнить тот факт, что во время сицилийских войн, длившихся двадцать четыре года, он потерял в одном сражении пятьсот кораблей самого большого размера вместе с армией в сто пятьдесят тысяч человек, без существенного ущерба для своих ресурсов или замедления своей завоевательной карьеры. Если бы подобное несчастье постигло какое-либо государство того времени, оно вряд ли пережило бы такой шок. Экипировка и доспехи карфагенских полководцев отличались самой роскошью, и они шли в бой с великолепными щитами, на которых массивным золотом были выбиты медальонные портреты их владельцев.

Занимая центр Южного побережья Средиземного моря и имея доступ ко всем портам, посещаемым торговцами, Карфаген быстро получил возможность максимально использовать преимущества географического положения, которые проложили путь к его политическому и морскому господству. По левую руку от нее были Геркулесовы столпы и канал, по которому шла торговля с Испанией и Британией; справа от нее - неисчерпаемые житницы Египта; перед ней - каменоломни, рудники и невольничьи рынки Италии и Греции; сзади - золото и драгоценные

камни Ливии. На полуострове, перешеек которого был защищен тройной стеной, лежал город, занимавший в окружности двадцать три мили, и в нем проживало почти миллион человек. Внутри укреплений, на востоке, находился Котон, двойная гавань, состоящая из двух круглых бассейнов, соединенных каналом шириной шестьдесят футов, забаррикадированным огромными железными цепями. Внешний и более крупный бассейн, шесть тысяч футов в окружности, предназначался для использования торговыми судами; внутренний был зарезервирован исключительно для галер и военных кораблей. Оба были окружены доками, складами, помещениями для морской пехоты и арсеналами, а к ним приближались великолепные ионические портики и колоннады из белого мрамора. В центре острова во внутренней гавани, у причалов которого могли безопасно стоять на якоре двести судов, возвышался замок адмирала, руководившего всеми маневрами по звуку трубы. Непосредственно над Котоном, на возвышенности, господствовавшей над ним, стояла знаменитая Бирса, или цитадель. Его стена поднималась на высоту шестидесяти пяти футов и была обрамлена многочисленными башнями; к последним примыкали конюшни на четыре тысячи лошадей и триста слонов, а также казармы, которые могли вместить гарнизон в двадцать четыре тысячи человек. Восемнадцать цистерн, семь из которых все еще целы, каждая девяносто три фута в длину, двадцать в ширину и двадцать восемь футов в глубину, соединенных туннелем с резервуарами в пригороде, обеспечивали обильный запас воды. Самую высокую точку Бирсы занимал храм Эскулапа, божества-покровителя города, и хотя на самом деле это была почти неприступная крепость, мастерство инженера тщательно замаскировало ее грозный характер. Он располагался над серией террас, напоминающих висячие сады Ассирии, и к нему вели великолепные мраморные лестницы, украшенные прекрасными статуями, урнами и другими произведениями искусства. Плиты из порфира и античного дерева покрывали его стены; его аркады были вымощены и инкрустированы мозаикой; а о почитании, с которым он относился к народу, свидетельствовало великолепное убранство его святилища. Но храм Эскулапа, при всем его великолепии, не был лишен многих соперников в африканской столице. Религия карфагенян, изначально астрономическая и глубоко символическая, за столетия до этого отказалась от более чистых форм астрального поклонения в пользу униженного и жестокого политеизма. Различные районы города были названы в честь различных божеств, алтари которых в них находились. К западу от Котона находился храм Аполлона, а рядом с ним святилище Мелькарета, или Геркулеса, — в пределы которого не допускалась ни одна женщина и чьи жрецы, приняв обет целомудрия, ходили босиком и с выбритыми макушками, — стояло бок о бок с благоухающими садами, в мистических рощах которых среди неопишуемых оргий совершались распущенные обряды финикийской Астарты. Ближе к морю находился великий храм африканского Ваала, еврейского Молоха, окруженный лабиринтом и покрытый тремя концентрическими куполами, которые, открываясь сверху, как у Римского Пантеона, позволяли лучам солнца в зените опускаться на бронзовое изображение бога.

Другие здания африканской столицы по богатству и великолепию были в высшей степени достойны ее храмов и цитадели. Обширная торговля Карфагена предоставила в его распоряжение ресурсы всей древности. На архитектурное оформление не жалели ни труда, ни средств. На фасаде театра, который возвышался на семь этажей ярусами изящных арок, были изваяны формы животных, изображения знаменитых ремесленников, фигуры военачальников и символические изображения стихий, времен года и ветров. Цирк, уступавший по размерам только римскому, поддерживался рифлеными колоннами таких огромных размеров, что двенадцать человек могли с легкостью разместиться на краю одной из их капителей,

возвышающейся на сотню футов над ареной. На главной площади водохранилище, питаемое большим акведуком, было окружено балюстрадами и арками. Все эти общественные сооружения были сделаны из белого мрамора, который блестел как хрусталь под лучами южного солнца. Вкус, с которым они были спроектированы, был результатом трех тысяч лет цивилизации. Каждый народ древнего мира внес свою лепту в их симметрию, их ценность, их великолепие. Красота материала была тысячекратно усилена несравненной элегантностью скульптуры и орнамента.

В Мегаре, пригороде Карфагена, располагались загородные резиденции и дворцы знати, некоторые из них были построены, подобно домам Венеции, на сваях и арках в море. Это был огромный парк, пронизанный каналами и речушками, воды которых по водоводам стекали с гор, расположенных в шестидесяти милях отсюда. Водоохранилища Мегары, настолько обширные, что сейчас они представляют собой арабскую деревню, были построены таким же образом, как и цистерны в Бирсе. На мысе над ними находился некрополь, где прах умерших хранился в бесчисленных нишах, вырубленных в живой скале.

На руинах этого богатого и могущественного города, который так долго и упрямо оспаривал верховенство хозяев мира, возник другой, почти соперничавший со своим предшественником по торговому значению и архитектурному великолепию. Основанный через сто один год после триумфа Сципиона, он уступал по престижу и роскоши только великим столицам Италии и Египта и по праву считался одним из самых ценных владений римской колониальной империи. Преимущества расположения, сельскохозяйственные богатства страны, поселения многих знатных итальянских семей — беглецов от имперского гнета и варварского насилия - и славный пример прошлых эпох вскоре подняли новую столицу до положения, едва ли уступающего положению старой. Его здания могли соперничать даже с самыми гордыми памятниками Вечного города; богатство, интеллект, утонченные манеры и безграничные излишества его жителей сделали его имя притчей во языцех на протяжении всей древности. В седьмом веке он делил с Александрией торговлю на Средиземноморье и значительно превосходил ее по рангу, населению и могуществу. Будучи главой гражданской магистратуры Африки и резиденцией крупного военного гарнизона, он почти монополизировал вкус и утонченность, ученость, философию и юриспруденцию западного мира. Университеты с кафедрами свободных искусств, академии, в которых преподавались все языки и все науки, процветали в его стенах; его цирк и амфитеатр ежедневно были переполнены остроумными и красивыми жителями города, чье общество, любящее удовольствия, невыразимо развращенное, добавило к распутным привычкам, унаследованным от пунических времен, противоестественные пороки, привезенные патрицианскими беженцами и колонистами из оргий пришедшего в упадок Рима. За порочность нравов, за бесстыдную наглость, за вероломное пренебрежение к вере и презрение к чести, а также за бесстыдную нескромность самые развращенные общины Востока и Запада, по всеобщему согласию, наградили население Карфагена незавидной славой неприступного бесчестия. Вандалы разграбили его сокровища и поработили его народ, но пощадили его благородные здания и уберегли его стены от разрушений, которые обычно постигали другие города, завоеванные этими варварами. Таков был город, который воздвиг грозный и доселе непреодолимый барьер для предприимчивости мусульман; и чье трансцендентное влияние наложило свой отпечаток на привычки, верования и мнения всех последующих эпох; которому древняя торговля была обязана своим развитием и из которого современная вера почерпнула некоторые из наиболее популярных своих догм; среди них

доктрины св. Августин и ведущие принципы святоотеческого богословия, которые даже сейчас контролируют церковные соборы и предписывают правила христианской дисциплины.

Завершив приготовления, мусульманский генерал, воодушевленный энтузиазмом своей великолепной армии и уверенный в успехе, немедленно приготовился к штурму. Были установлены лестницы, и, несмотря на ужасы греческого огня и доблесть византийского гарнизона, который вел себя с необычным воодушевлением, город был взят. Но тем временем весть об опасности, нависшей над колонией, достигла Босфора; двор пробудился от летаргического сна; был снаряжен мощный флот, а мусульмане почти не отдыхали от него. их усилия перед прибытием этого нового врага вынудили их отступить. Однако несколько месяцев спустя, когда Хасан получил подкрепление, Карфаген был снова взят штурмом; мусульмане одержали решительную победу над греками, которые неосмотрительно рискнули вступить в бой в открытом поле; город был разграблен и сожжен; и юрисдикция над его территорией навсегда перешла из рук продажных и малодушных государей Восточной империи.

Но разрушение столицы, политическая мера по обеспечению господства, оказавшая решающее моральное воздействие на оставшиеся греческие колонии, отнюдь не устранило берберов, чьи вездесущие эскадры оставались хозяевами всего региона, расположенного за укрепленными башнями границы. Женщина—самозванка княжеского происхождения, чье имя Дхабба было заменено последующими хронистами на популярное прозвище Кахина, или Колдунья, благодаря своим таинственным искусствам приобрела безграничное влияние на своих соотечественников; и, внушив им определенную степень патриотизма, уняла их вражду и объединила кочующие племена Атласа в обширную и могущественную конфедерацию. Воодушевленные ее учением и соблазненные обещанием добычи, берберы давили на войска Хасана, пока последние после больших потерь не были окончательно изгнаны и, вернувшись в Барку, оставались там в состоянии бесславного бездействия почти пять лет. Рассказывают, что, как только враг перешел границы, королева-колдунья приказала полностью опустошить плодородный район побережья, который в дни своего процветания снабжал припасами Империю и красоту которого отмечал каждый путешественник, в качестве меры предосторожности против будущего вторжения. Поля были опустошены, города обезлюдели, урожаи сожжены, сады вырублены, плантации превращены в дикую местность. Землевладельцы и другие цивилизованные жители страны не восприняли этот иррациональный акт насилия с удовлетворением, и время от времени к арабскому вице-королю Африки направлялись эмиссары, обещавшие ему в обмен на его вмешательство помощь и будущую преданность преследуемых колонистов. Наконец из Дамаска поступил приказ наступать, и Хасан с самой многочисленной армией, когда-либо вторгавшейся в Африку, столкнулся со жрицей во главе ее приверженцев у горы Аурас. В последовавшей битве Кахина был убит; берберы потерпели сокрушительное поражение; и вся непокорная провинция снова воззвала к милосердию победителя. Но тот же злой гений, который от начала до конца присутствовал при управлении мусульманскими губернаторами Африки, теперь начал тревожить судьбу Хасана. Абд-аль-Азиз, брат халифа, был назначен наместником Египта, от которого зависела юрисдикция Африки; а Хасан был вызван в Дамаск, чтобы ответить на серьезные обвинения в тираническом поведении, которые были выдвинуты против него. Но вид добычи, отнятой у берберов, подарок пленниц необычайной красоты, правдоподобные объяснения его поведения, подсказанные его плодовитой изобретательностью, и восторженные отчеты о его успехах вскоре вернули выдающемуся военачальнику расположение его государя, и Хасан был вновь назначен правительством Африки с возросшими полномочиями. По возвращении

последнего, проезжая через Египет, Абд-аль-Азиз потребовал сложить с себя полномочия под предлогом превосходства, ранее принадлежавшего вице-королевству этой страны, и по которому остальная мусульманская Африка была объявлена зависимой. Разгневанный его отказом, губернатор произвольно лишил Хасана звания, разорвал его в клочья у него на глазах и, вопреки королевской власти, объявил должность вакантной и назначил по собственному желанию Мусу Ибн Носсейра командующим армиями Запада.

История этого знаменитого солдата окрашена приключенческим колоритом, необычным даже в романтической атмосфере Востока. В сотне миль прямо к западу от Ктесифона находится Айн-Тамар, ныне оазис, часто посещаемый кочующими бандитами, но в седьмом веке процветающее поселение, обогащенное торговлей с Сирией и Персией, а также резиденция несторианской церкви и монастыря. Привлеченная сообщениями о его богатстве, экспедиция, возглавляемая самим Халидом, застала его врасплох после долгого и мучительного похода по пустыне. В клуатрах монастыря было найдено несколько юношей высокого ранга, которые номинально продолжали учебу под руководством монахов, но на самом деле были заложниками, отобранными из самых знатных семей Малой Азии. Когда им предложили обычную альтернативу рабства или вероотступничества, большинство выбрало последнее, и двое из них, Сирий и Носсейр, стали отцами сыновей, которые оказали широкое влияние на судьбы ислама. От Сирина произошел Мухаммед, ученый доктор из Бассоры и один из самых известных авторитетов исламской литературы; а Носсейр был родителем Мусы, завоевателя Африки и Испании. Носсейр был связан с семьей Абд-аль-Мелика правом пленения и мусульманским обычаем, а его сын состоял в таких же отношениях с Абд-аль-Азизом, наследником халифа, который оказывал ему знаки особого расположения и разделял с ним дружбу, поистине редкую в семьях принцев. Получив образование в лучших школах Сирии, которые уже приобрели высокую и заслуженную репутацию, Муса рано развил в себе не по годам развитый интеллект и талант к ведению переговоров, что привело к его занятию дипломатическими делами величайшей важности. При правлении Абд-аль-Мелика он был назначен визирем губернатора Бассоры, но, будучи осужден за казнокрадство, он избежал смерти только благодаря заступничеству своего покровителя Абд-аль-Азиза, который также заплатил за него штраф в сто динаров золотом — в пятьдесят раз больше суммы кражи, — который гнев халифа наложил на неплательщика. Прожив впоследствии при дворе Египта и действуя в качестве доверенного советника вице-короля, история умалчивает о том, на каких поприщах он приобрел воинский опыт, который впоследствии принес ему такую непреходящую славу. Крепкого телосложения, привыкший к лишениям, простой в одежде, бережливый и воздержанный в своих привычках, он являл собой пример крепкого здоровья, хотя он давно уже миновал расцвет жизни; и под его кудрями, выбеленными снегами многих зим, все еще тлели пылкие страсти юности и могучие побуждения к честолюбию и приключениям. Мудрый в советах, быстрый в исполнении, бесстрашный в битвах, неумолимый в мести, его характер был, однако, запятнан жестокостью, подозрительностью и неблагодарностью; и он никогда не колебался, рискуя пожертвовать властью и положением ради удовлетворения алчности, которая, казалось, доминировала в его существе, почти вытесняя все другие страсти. Непревзойденный в такте и инстинктивном знании человеческой природы, благодаря своей силе убеждения он подчинил своим замыслам даже своих врагов; в то время как строгое соблюдение церемоний его религии, хотя иногда его и обвиняли в непоследовательности, все же обеспечило ему в целом репутацию человека глубокого и искреннего благочестия. В своих военных операциях он проявил качества умелого и осторожного лидера, и его диспозиция была

составлена с замечательной осмотрительностью; понимая требования успешной войны, он уничтожал мощь своих противников путем резни или массового пленения; и быстрыми и внезапными наступлениями после битвы он никогда не упускал возможности добиться сомнительных плодов победы. Таков был характер человека, которому теперь были вверены судьбы мусульманских армий Запада.

Ветераны, служившие под знаменами Хасана, взобравшегося на стены Карфагена и рассеявшие армию берберской колдуньи, без особой благосклонности смотрели на своего нового командира. Созвав их, Муса трижды выплатил им задолженность и, обратившись к ним с речью, в которой искусно сочетались красноречие оратора, смирение преданного и искусство демагога, сказал: “Я такой же солдат, как и вы; приветствуйте и подражайте моим добрым делам; осуждайте и порицайте мои неудачи, ибо никто из нас не свободен от слабости и ошибок”. Впечатленные не только политической щедростью своего командира, но и польщенные необычной снисходительностью, которую он проявил, солдаты приветствовали его аплодисментами, и отныне он стал кумиром своей армии. Без ненужных проволочек и со своей обычной энергией он начал кампанию. В самом начале произошел случай, который не только заслужил благодарность его последователей, но и, в тот суеверный век, казалось, наделил их полководца сверхъестественными способностями. Продолжительная засуха иссушила источники и колодцы, и армии, теперь далеко продвинувшейся в пустыню, грозила смерть от жажды. Находясь среди торжественно собранных войск, Муса долго и горячо молился о помощи. Традиция гласит, что мольба была почти немедленно удовлетворена; и идентичную молитву, вызвавшую это очевидное чудо, испанские мавры повторяли в течение девяти столетий после этого, когда их страна страдала от нехватки дождей. Берберы, окрыленные своими прежними успехами, отважились на решительное сражение и потерпели поражение. Тысячи были убиты; беглецы, укрывшиеся в горах, где естественные препятствия местности делали их оборону более мощной, были осаждены и вынуждены сдаться. Политика Мусы, отличная от политики его предшественников, была отмечена необычайной суровостью. Если оказывалось сопротивление, племя обращалось в рабство, его имущество конфисковывалось, а деревни сжигались дотла; но, с другой стороны, готовая покорность гарантировала защиту и благосклонность, и самые отважные воины сразу зачислялись в ряды мусульман. Берберы уже двенадцать раз заявляли о приверженности исламу и отступали от него; и Муса, сознавая их нестабильность, теперь снабдил свои новые войска учителями, сведущими в Коране, которые могли бы ежедневно наставлять их в их религиозных обязанностях. Их новые объединения, оказанное им доверие, разлука с сородичами и безграничная перспектива грабежа и славы вскоре превратили эти неуправляемые банды в боеспособную силу, способную на величайшие подвиги. Захват лошадей, крупного рогатого скота и овец, составлявших богатство берберов, в некоторой степени компенсировал победителям отсутствие дорогостоящей добычи, которая вознаграждала мужество их собратьев в Сирии и Египте; в то время как огромное количество рабов, появившихся в результате обезлюдения целых провинций, служило источником богатства, прибыль от которого легко было реализовать на рынках Александрии и Дамаска. Королевская пятая часть последнего, зарезервированного Мусой, составляла шестьдесят тысяч, число настолько огромное, что казалось невероятным, и это заставило халифа расценить это сообщение как ложное, когда он его получил. Со свойственной ему щедростью он приказал Мусе возместить себе штраф, который он ранее заплатил в качестве наказания за свою

нечестность, и в то же время назначил ему и наиболее отличившимся солдатам армии пенсии, соответствующие их заслугам.

Вторжение и разграбление Медины сирийцами, жаждавшими возмездия за убийство Османа, вызвало массовую эмиграцию из Аравии, и тысячи потомков самых гордых семей Священных городов обосновались в Африке и оказали большую помощь проектам Мусы. Их включение в состав армий Аль-Магриба и Иберии ощутимо повлияло на судьбу последней страны и косвенно привело к восстановлению династии Оммеядов. Четверо сыновей Мусы сопровождали его в походе, и теперь, передав свои полномочия двум старшим, он отправил их на Юг и Запад, где несколько оставшихся берберских племен все еще отстаивали свою независимость. Следуя примеру своего отца, они истребили те племена, которые осмелились сопротивляться, и через несколько месяцев вернулись в Кайрун, куда Муса удалился со значительной добычей и большим количеством пленников. Тем временем последний, признавая первостепенную важность военно-морских операций и с презрением относясь к абсурдным предрассудкам своих соотечественников, чей суеверный страх перед морем временами доходил до абсолютного ужаса, приказал переоборудовать доки и гавани Карфагена, чьи прочные причалы мало пострадали от последовательных бедствий, обрушившихся на город. Была построена, спущена на воду сотня кораблей с экипажами; Абдалла был назначен адмиралом; флот совершил крейсерство вдоль побережья Средиземного моря, переправился на Сицилию, разграбил город Линоза и с триумфом вернулся с добычей в двадцать тысяч золотых монет. Четыре года спустя Абдаллах высадился на Балеарских островах, и Майорка после короткой кампании была присоединена к владениям халифа.

Их неисправимое двуличие и неугомонность, а также отсутствие компетентной военной силы снова подтолкнули племена внутренних районов к восстанию. Выступив в поход во главе отборного отряда, Муса с незначительными трудностями взял Танжер, последний укрепленный пункт, удерживаемый греками в Аль-Магрибе; и, послав своего сына Мервана с пятью тысячами всадников против Сус-эль-Аски, главной квартиры повстанцев, вскоре с удовлетворением узнал, что восстание подавлено, а непокорные берберы наказаны со строгостью, не имеющей аналогов даже в кровопролитных войнах в Африке. Предприняв две попытки захватить Сеуту, один из ключей к проливу, отделяющему Африку от Европы, обе из которых оказались безуспешными из-за доблестного поведения губернатора графа Джулиана, Муса назначил Тарика Ибн Зейяда, новообращенного бербера, бывшего его раба, а ныне одного из самых надежных офицеров, командовать Танжером и вернулся в Кайрун.

Со сдачей Танжера византийскому господству в Африке пришел конец. Шестьдесят лет войн, уничтожение флотов, армий, опустошение провинций, порабощение народов потребовались для достижения этого результата, который мусульмане ни на минуту не упускали из виду среди придворных неразберих и восстаний претендентов на Дамасский халифат. Необычайно вероломный и воинственный характер бербера выводил его из категории обычных врагов. Никакие неудачи, какими бы серьезными они ни были, не могли сломить его дух. Он игнорировал обязательства по договорам. Таким образом, не оставалось никаких ресурсов, кроме сокращения населения. Количество рабов, созданных мусульманами в Африке, вызвало изумление их собратьев на Востоке. Успешная кампания часто приводила к гибели двухсот тысяч таких несчастных. Такой массовый плен не имел прецедента даже в летописях Рима. Крепости, за исключением Сеуты, которая номинально находилась в зависимости от

вестготских королей Испании, хотя и находилась в слабом и неопределенном владении, теперь находилась во владении сарацин.

Берберы либо платили дань халифу, либо, служа под началом своих собственных командиров, были зачислены в его армии. Уже по прошествии всего двух поколений, в течение которых, можно сказать, были установлены законы и обычаи мусульманской жизни, важные последствия полигамии были поразительно заметны. Дети рабов-язычников, заполнявших гаремы завоевателей, были воспитаны в доктринах Корана, и идолопоклонство полностью исчезло, за исключением, возможно, какой-нибудь уединенной долины Атласских гор, где полудикие приверженцы поклонялись грубому и одинокому алтарю и мистическими заклинаниями призывали на помощь какое-нибудь уродливое изображение. Ислам, который, даже по неохотному свидетельству христианских миссионеров, возвышает характер негра и наделяет его чувством личного достоинства и самоуважения, которое не смогла внушить никакая другая религия, вскоре завоевал явную преданность берберов; и, подобно арабам, чем более подозрительными и клановыми они были в эпоху своего Невежества, тем более патриотичными и предприимчивыми они становились как мусульмане - сама изоляция и непримиримый антагонизм их прежнего состояния, казалось, незаметно внушали им осознание настоящей необходимости и самоотверженности. первостепенная ценность национального союза. Призыв муэдзина к молитве повсюду раздавался с башен языческих храмов и христианских церквей, чьи великолепные украшения, дарованные кающимися готами и вандалами, когда-то сверкали как трофеи среди великолепного зрелища римского триумфа. Но, несмотря на общность интересов, этнологическое сходство и идентичность религиозных верований, окружающая среда жителей Африки, по-видимому, враждебна постоянному совершенствованию человеческого вида, и, прежде чем достичь высшей степени развития, к которой раса в других местах восприимчива, она начинает отступать. Естественное состояние этого огромного континента, определяемое в значительной степени климатическими и другими физическими условиями, по сути своей и вечно варварское. В отличие от Европы, которая извлекла что-то ценное даже из своих неудач и, на примере своих достижений в искусстве и литературе, покорила самих своих врагов, институты и влияние не образованных людей никогда не оставляли на уроженцах Африки каких-либо стойких следов. Поразительный рост арабского интеллекта — венец Средневековья — оказал на них такое же преходящее воздействие, как бережливость и утонченность Карфагена или более прочное и величественное влияние Рима. В некоторых отношениях, напоминая Азию, чье сладострастное безделье неизбежно ведет к физическому и умственному вырождению, Африка, с ее огромными минеральными ресурсами, непревзойденными возможностями для торговых сношений и неисчерпаемыми сельскохозяйственными богатствами, — за исключением Египта, изоляция которого сделала его практически чужой страной, — была малопригодна для своих жителей, одинаково неспособных оценить эти многочисленные преимущества и систематически использовать их для собственной выгоды или для общей выгоды человечества.

ГЛАВА IV

ВЕСТГОТСКАЯ МОНАРХИЯ

507-712

Происхождение и характер готов — Их вторжение на полуостров — Власть духовенства — Церковные советы — Евреи — Вестготский кодекс — Глубокая мудрость Его постановлений — Положения против мошенничества и несправедливости — Суровые наказания — Его определение Закона — Состояние механических искусств — Архитектура — Византийское влияние — Мануфактуры — Короны по обету — Сельское хозяйство — Литература — Медицина — Рабский труд — Подражание римским обычаям — Параллель между готами и арабами — Совпадение чувств и привычек — Причины национального упадка — Постоянное влияние готической политики.

Среди бесчисленных орд варваров, которые в третьем и четвертом веках наводняли провинции Римской империи и оскорбляли величие восточных государей, никто не отличался столь выдающимися доблестями, верностью, великодушием и целомудрием, как готы. С третьего века, когда роскошные вкусы Рима побудили предприимчивых торговцев проникать к берегам Балтики в поисках янтаря, до установления Теодорихом в пятом независимой монархии в Италии, их имя было знакомо Европе — теперь оно ассоциируется с оплотом пошатнувшегося трона Византии и снова как синоним убийства, грабежа и опустошения. Обладая высоким ростом и свирепым обликом, их формы были отлиты в гигантских пропорциях, которые языческая мифология любила приписывать своим богам и героям. Их жилища располагались в глубине мрачных лесов, на берегах глубоких и быстрых ручьев или были окружены болотами, по ненадежной и податливой поверхности которых извилистая тропа обычно вела к удаленной и хорошо защищенной крепости. Как и все люди, чье интеллектуальное развитие едва началось, они безоговорочно верили в предзнаменования, предсказания, приметы и сны; их религиозные представления были расплывчатыми и плохо определенными; и ни история, ни традиция не сохранили для нас названия или атрибутов какого-либо одного готского божества. На их пирах, оскверненных пьяными оргиями и нередко сценами насилия и даже убийств, в грубых балладах воспевались подвиги знаменитых воинов нации. Само их название, свидетельствующее о превосходстве, которого никогда не переставала добиваться их доблесть, означало Благородное происхождение. Без литературы, если не считать фрагментарного перевода Библии, без правительства, если не считать владычества какого-нибудь вождя, который, жадный до славы, временно пользовался ненадежным титулом суверена, жаждущего перемен, самого безрассудного из игроков, самого безжалостного из завоевателей, разрушение было для них страстью, а война — развлечением. Как и другие варвары, с которыми их смешали невежество и страхи того времени, они требовали и пользовались, в максимальной степени, привилегиями индивидуального достоинства и личной свободы. Произвольная классификация, зависящая от случайного географического распределения, разделила этот народ на остготов и вестготов в соответствии с их относительным расположением на восточном и западном берегах реки Борисфен. Давление с севера, рассеявшее племена лесов Германии и Паннонии по европейским провинциям Римской империи, побудило вестготов, по необходимости или по собственному выбору, искать пристанища в Галлии, которую они занимали совместно с вандалами, свевами, аланами и другими более малоизвестными, но не менее грозными варварами; и едва в первые годы V века был осуществлен раздел империи между Аркадием и Гонорием, как жители Испании, то ли из-за измены, то ли из-за небрежности императоров.

гарнизоны, расквартированные в Пиренейских перевалах, были захлестнуты потоком свирепых мародеров.

В течение четырехсот лет прекрасный, богатый, плодородный и густонаселенный полуостров наслаждался неоценимыми благами мира. С поражением и смертью сыновей Помпея последние следы гражданской войны и внутренних раздоров исчезли с ее границ. Его поля возделывались с особой тщательностью; его морские порты были переполнены судами Средиземноморья; производственные интересы его внутренних городов были разнообразными и важными. Его народ, унаследовавший от Рима и Карфагена любовь к удовольствиям, которая была одновременно их гордостью и позором, с эпикурейским безразличием жил только настоящим, наслаждаясь всей роскошью, которую могли даровать безграничное богатство и национальное процветание. На этот земной рай — с его великолепными городами, роскошными виллами, величественными памятниками римского величия, традициями героических подвигов и морских приключений; где Ганнибал снискал лавры своего детства, а Цезарь, тронутый видом статуи Александра, впервые возжелал владычества над миром, — теперь спустились жестокие и распущенные грабители с Севера. Бесчинства, учиненные ими в других провинциях империи, были ничтожны по сравнению с тем хаосом, который они учинили в Иберии. Никакие соображения государственной политики, никакое чувство милосердия не могли смягчить бедствий, постигших улыбчивые равнины Анаса, Ибера и Бетиса. Те из жителей, которым посчастливилось найти убежище за стенами укрепленных городов, вскоре заплатили за свою временную безопасность муками голода. Выращенный урожай, преданный огню, сегодня превратился в почерневшую пустошь там, где еще вчера были все основания надеяться на обильный урожай. Дымная пелена, соответствующий символ разрушения, нависла над процветающими деревушками и мраморными виллами, где лишь несколько тлеющих угольков указывали на бывшую обитель вкуса и богатства. Груды трупов, лишенных обрядов погребения, покрывали землю, которая была кишмя кишит невероятным количеством волков и хищных птиц, привлеченных со всех сторон к их отвратительной и неистощимой трапезе. Чувство крайнего отчаяния охватило выживших; инстинкты человечности и чувства природы были приостановлены или уничтожены; мужчины убивали свои семьи, а затем совершали самоубийства; женщины пожирали своих отпрысков; незащищенность, нужда, страдания и тревога привели к своим неизбежным последствиям; и главная беда, эпидемия, ежедневно уносила тысячи своих жертв. Дикие хозяева страны, пресытившиеся грабежом и взаимно завидовавшие власти, теперь начали ссориться друг с другом. В последовавших за этим сражениях почти с самого начала превосходная организация и воинский гений готов обеспечили им признанное превосходство над своими противниками — превосходство, которое вскоре распространилось на полуостров и заложило основы обширного королевства. В начале пятого века истребление, изгнание или поглощение путем смешанных браков различных племен и массовая эмиграция вандалов в Африку передали вестготам контроль над всей страной, за исключением нескольких морских портов, все еще подчинявшихся Константинополю. В политической организации, в номенклатуре, в построении и применении принципов юриспруденции, в избрании своих правителей, в наказании преступников, в регулировании своих развлечений они соблюдали традиции и чтили обряды своих старых домов на Висле и Балтике. Случайность обращения, безразличная для большинства нации и, в данном случае, частично зависящая от политики, сделала их арианами и, следовательно, еретиками. Готская церковь, в своей независимости от Римского престола, хотя и чтит Верховного понтифика и признавала, в определенной степени, религиозное превосходство

папства, представляла собой аномалию в христианском мире. Монарх, избранный за свою мудрость или храбрость, еще не носил внешних знаков отличия королевской власти, и законы обязывали его строго отвечать за жизнь и имущество своих подданных, но в церковных делах его власть была неоспоримой и высшей. Он созывал по своему усмотрению национальные соборы и председательствовал на них — ассамблеях, первоначально состоявших исключительно из духовенства и в которых во все времена преобладал теократический элемент; он публиковал энциклики; он обладал властью пересматривать постановления соборов до их принятия и обнародования; и его пожелания и предложения были восприняты с уважением, превосходящим то, которое обычно оказывали его надменные вассалы величеству трона. Духовенство фактически находилось в абсолютной зависимости от государя; их иммунитеты зависели от его воли или каприза; и, далекие от того, чтобы пользоваться освобождением, которое они получили впоследствии благодаря своему священному сану и высшей святости, они подлежали налогообложению и наказанию за нарушение законов так же строго, как и миряне. Эти ограничения были наложены не только на них, но и интересы светской части общины тщательно охранялись от возможных посягательств церковной тирании; судьям было особенно предписано тщательно проверять поведение духовенства; и отнюдь не редки были случаи, когда на них налагались крупные штрафы за акты несправедливости и притеснение их прихожан. Решение каждого епископа и митрополита может быть обжаловано престолом, это признанная привилегия. для самого захудалого крестьянина; король мог приостановить или отменить правила церковной дисциплины; ни один канон не имел силы без его санкции; и он присвоил себе права назначать и переводить с одного престола на другой величайших прелатов Церкви. Но поскольку собрания людей, обладающих монополией на образование и житейскую мудрость нации, сознающие свое умственное превосходство и подстрекаемые мотивами честолюбия, никогда не довольствуются подчинением; церковные соборы Испании почти незаметно, но тем не менее уверенно начали посягать на королевскую прерогативу и, пользуясь слабостью или благодарностью принцев, чьи титулы были гарантированы их подтверждением, нацелились на захват абсолютной власти. Учреждением обряда помазания, который придавал монарху священный характер и наделял их подразумеваемым контролем над его коронацией — обряда, впервые использовавшегося в Испании и не принятого во Франции до правления Пипина в восьмом веке; составлением законов, благоприятных для их порядка, основные положения которых были тщательно замаскированы под благовидным названием "постановления об общественном благе"; получением большинства голосов при избрании монарха; и, наконец, обращением всей нации в доктрины ортодоксальной веры; готское духовенство было вынуждено отказаться от участия в выборах. неуклонно продвигались к утверждению своих притязаний на политическое превосходство. Третий Толедский собор был первым из этих важных созывов, на котором обсуждались и решались вопросы, касающиеся урегулирования конституции готской монархии. С этого времени и до заседания Восьмого Собора в 653 году палатинцы не участвовали в обсуждениях этих ассамблей, которые теперь начались принять вид законодательных органов, в которых цели исключительного церковного представительства уже были ясно раскрыты в пристрастности и изъятиях, которые характеризовали каноны, касающиеся прав и привилегий священства. После середины VII века, хотя дворяне были допущены в состав национальных советов и принимали участие в их обсуждениях, влияние духовенства стало первостепенным, и обязанности дворянства были ограничены пассивным согласием и регистрацией их указов. Отдельный трибунал для окончательного рассмотрения всех спорных вопросов доктрины, которые могли случайно возникнуть при обычном

отправлении правосудия, был предоставлен церковникам; последним было запрещено заниматься торговлей, которая раньше была необходима из-за бедности Церкви; стало обычным выбирать епископов для ведения переговоров по международным договорам и для руководства военными посольствами, которые были облечены важнейшими полномочиями в области мира и войны; соборы иногда заявляли о своей юрисдикции в отношении светских дел — необоснованное присвоение власти, которое безразличие или фанатизм суверена обычно не вызывали возмущения; и нетерпимый характер монарха, который обычно не возмущался. каноны, трактующие о ереси, указывают, но слишком явно, на растущий дух преследования — зародыш будущих зверств инквизиции.

Но, несмотря на принятие католицизма и последующее продвижение к обретению абсолютной независимости, Церкви препятствовало множество серьезных ограничений. Епископы, клерки и монахи оставались в подчинении светской власти и несли ответственность перед судами королевства; они не могли безнаказанно игнорировать свои процессы, а тем более бросать вызов их власти; и совершение преступления влекло за собой большие штрафы и длительные сроки тюремного заключения; хотя, как и дворянство, они не могли быть подвергнуты наказаниям, налагаемым на низшие сословия, таким как бичевание и клеймение — последнее считалось особенно позорным. Иммунитет, который впоследствии закрепил за духовенством статус мирного жителя, не был известен основателям готской монархии. Когда город подвергался осаде или стране угрожало вторжение, каждый подданный, независимо от его профессии, был обязан служить в армии, и ни один священнослужитель не мог ссылаться на свой священный сан, кроме как на воинский долг перед своим сувереном, под страхом конфискации и изгнания; постриг считался особым значением и святостью, и любой, чьи волосы когда-то были острижены или кто принял монашеское облачение, отныне, как правило, исключался из всех военных и гражданских должностей и пожизненно посвящался служению монастырю; закон, который при злоупотреблении им из-за обмана или невежества не раз приводил к важным результатам и даже к изменениям в королевской преемственности. Однако в целом влияние Церкви в те дни интеллектуальной тьмы было весьма благотворным. Его монополия на скудную мудрость того времени часто использовалась для защиты угнетенных, для облегчения страданий, для крушения тирании, для утешения в смерти. Епископ стоял на страже между беспомощным крестьянином и несправедливым судьей; его посредничество перед престолом в случаях вопиющего ущерба было не факультативным, а обязательным; а его официальное поведение находилось под постоянным наблюдением магистрата и подлежало порицанию. Честолюбие и политические устремления духовенства, соединенные с их ненасытной жаждой власти, которая возрастала с каждым последующим посягательством на гражданскую власть, с ежедневным накоплением богатства и приобретением обширных поместий путем дарения, вымогательства, завещания или покупки, со временем проявились в их законном последствии - религиозной нетерпимости. Арианская церковь в Испании никогда не позорила свое правление преследованиями за различие во мнениях. Однако с принятием православной веры в шестом веке дух мстительной недоброжелательности, который всегда воодушевлял и направлял гений католицизма, когда тот находился на подъеме, сразу же заразил советы церковных трибуналов и косвенно, через их влияние и пример, решения судов общей юрисдикции. Коронационная клятва делала обязательным изгнание всех еретиков без учета рождения, положения или предыдущей службы государству. Евреи, на которых были возложены самые важные должности и которые владели большей частью богатств королевства, были изгнаны, заключены в тюрьму, разграблены или сожжены; и хотя верно, что суровость

законов, направленных против этой секты, вскоре лишила цели их принятия, даже их частичное исполнение стало причиной великих и широко распространенных страданий. С сознанием власти возросли помпезность и стремление к запрещенным удовольствиям и потворству плотским утехам, совершенно несовместимым с соблюдением обетов бедности и целомудрия, а также противоречащим правилам церковной дисциплины. Каноны, время от времени принимавшиеся соборами и положения которых были призваны ограничить незаконное поведение духовенства, убедительнее, чем страницы любой хроники, показывают распушенность нравов и плачевное состояние религиозного общества той эпохи. Были приняты строгие правила против получения взяток в качестве платы за освобождение от преследований, особенно в отношении евреев, что является доказательством того, что ревностные протесты духовенства не могли противостоять денежным аргументам проницательного еврея; в то время как порицания, обрушившиеся на священников и монахов, которые злоупотребляли привилегиями конфессии или нарушали природу при совершении отвратительных преступлений, указывают на тайную и всеобщую коррупцию, которая уже начала осквернять священные службы Церкви и снижать полезность ее служителей. Восемнадцатый Толедский собор под диктовку короля Витизы, чье распутное поведение и презрение к религии навели ужас на христианский мир и вызвали анафему папы римского, с беспримерным раболепием принял законы, разрешающие браки духовных лиц, институт полигамии и практику беспорядочных сожительства. В этих условиях деградации священнослужителей, санкционированной обычаем и установленной законом, влияние Церкви повсеместно уменьшалось; вера людей в существующую религию ослабевала; и общественное сознание незаметно подготавливалось к новому откровению, которое, вызывая к сильнейшим страстям человеческой души, лишённое метафизических различий и прививающее моральные предписания, которым должны аплодировать самые скептические и распутные люди, вскоре должно было быть опубликовано недовольным и обремененным священниками подданным Готской империи. Нечетко определенные полномочия короны и митры, поначалу зависевшие друг от друга, привели в конечном итоге к столкновению интересов и борьбе за первенство между королевской и жреческой властью, в которой духовенство, хотя его устремления иногда сдерживались каким-нибудь монархом с суровым и решительным характером, в конце концов неизменно получало преимущество. Зависимость суверена от священства никогда не упускалась из виду. Ни один случай, который мог бы напомнить ему об обязательстве, которое он имел перед орденом, полученным избирательным правом, и мог бы с такой же легкостью возобновить владение своей короной, не остался незамеченным. Помазание святым елеем, символизировавшее право божественного посвящения, уже выковало еще одно звено в цепи, которая связывала короля с Церковью. Анафемы, обрушивавшиеся на князя за неисполнение законов против еретиков, по своей злобности намного превосходили те, которым подвергался любой подданный. В одно время желания суверена предвосхищались раболепием прелатов; в другое время его прерогативы были нарушены, а его приказам не повиновались с высокомерием, достойным властного духа Юлиана II. или о Григории Великом. Население, по невежеству, предрассудкам и привычке, слепо преданное жреческому ордену, предоставило грозный отряд вспомогательных сил, всегда готовых прислушаться к призывам своих призрачных советников, силу, которой достоинство и уверенность самого надменного правителя не могли безнаказанно пренебрегать. Мятежная и неграмотная знать, хотя король был избран из их числа голосами собравшихся епископов — на этой церемонии согласие палатинцев допускалось, в действительности, только из вежливости, — обладала при практическом применении предписаний готской конституции едва ли тенью власти, а тем более

субстанцией. Совет был воплощением и представителем интеллекта и коллективной мудрости нации. Его каноны по большей части были сформулированы в строгом соответствии с принципами справедливости, а обсуждения и выводы на его заседаниях часто характеризовались широтой понимания и степенью беспристрастности, которые ясно указывали на то, что его члены не испытывали недостатка в знаниях и требованиях просвещенной государственной мудрости. Результаты их трудов содержатся в Готском кодексе, своде законов, замечательном во многих отношениях, если принять во внимание общую неграмотность и невежество эпохи, в которую он был составлен, и его исключительную важность как прототипа систем юриспруденции, которые в настоящее время регулируют гражданский и уголовный процесс судов Европы и Америки. Благодаря необычайной мельчайшей проработке деталей, тщательному и всестороннему рассмотрению многообразных явлений повседневной жизни и положениям почти на все случайности, которые могли возникнуть при управлении суверенами, под эгидой которых он был создан, этот выдающийся труд представляет современному законодателю предмет, в высшей степени достойный его внимания и изучения. Контакт с расами, которые издавна пользовались благами цивилизации, и развитие интеллектуальных способностей, ставших следствием опыта, приобретенного в частых экспедициях и длительных походах, незаметно изменили древние законы готов, самой сутью которых с самого начала было и долго оставалось утверждение принципа личной свободы. Рим, чья терпимость к религиозным предрассудкам и обычаям народов, подвластных его владычеству, — до тех пор, пока они не вступали в противоречие с его интересами или властью — была одним из величайших секретов его могущества, - в соответствии с этой политикой разрешил иберам пользоваться их собственными законами, и только те, кто пользовался привилегиями гражданства, могли быть вызваны в суд императорского магистрата. Вторжения варваров отменили все ограничения и превратили прежнее тихое и умиротворенное состояние полуострова в состояние анархии. Тогда не существовало закона, кроме воли вождя, который был склонен скорее поощрять, чем подавлять бесчинства озверевших солдат. Все документы и свидетельства о праве собственности исчезли; границы перестали существовать; владение землями полностью зависело от численности претендентов; и когда поля одного округа истощались, недовольные поселенцы искали новое место жительства в другой местности, богатство которой возбуждало их алчность, а военные ресурсы жителей были ниже сделало сохранение их имущества неопределенным. Прекращение военных действий всегда сопровождалось грабежом и обнищанием побежденных; ни один международный договор не имел силы, поскольку не существовало моральных обязательств или высшей силы, с помощью которых его можно было бы обеспечить; любой порок совершался безнаказанно; любая обида удовлетворялась злоупотреблением неограниченной вольностью; каприз военного командира вытеснил прецеденты претора, и меч стал единственным признанным арбитром в любом споре.

Во время правления Эврика, в 479 году, была кодифицирована и опубликована первая книга готского права, основа последующей сложной и исчерпывающей системы юриспруденции, которая увеличивалась в размерах и завоевывала уважение и авторитет с правлением каждого последующего монарха. Он был известен как Forum Judicum, или Книга судей, и состоял в основном из сборника правил, применимых к различным обычаям и испытаниям, которые были одобрены временем и опытом как полезные в управлении государством готской нации, в сочетании с такими максимами римского права, которые постепенно были усвоены благодаря частому общению с судами и магистратами империи. Новые права и обязанности, возникшие в результате принятия готами ортодоксальной веры во второй половине VI века, потребовали

пересмотра существующих законов и разработки другого кодекса гораздо более широкого применения, чем тот, который уже существовал. Определенными положениями первого была определена конституция иберийской церкви и обеспечено преобладание духовенства в светских делах; меры огромного значения, пагубное воздействие которых на интеллект и процветание испанского народа заметно даже в наши дни. Со дня его принятия и обнародования жители полуострова были, без исключения, объявлены подчиняющимися его уставам. С этого времени начинается абсолютное господство Церкви на полуострове. Власть, которую оно тогда приобрело в мирских делах, оно никогда не ослабляло. Ужасные последствия этого превосходства для всех классов и состояний людей, обязанных верностью испанской короне, знакомы каждому читателю истории.

Вестготский кодекс в тех ограничениях, которые он налагал на королевские prerogatives, демонстрировал тот дух ревнивой независимости, который всегда был замечен в характере немецкого воина и который сохранялся на протяжении многих веков благодаря важности, отличавшей привилегированные сословия при выборной монархии. Король, который поначалу был подвержен порицанию и осуждению со стороны своих подданных, при вступлении в должность был проинформирован о том, что даже его достоинство не может освободить его от обязанности соблюдать закон, принцип справедливости и равенства, который он разделял с каждым жителем своих владений. Авторитет буйной и неграмотной знати, которая, со всем высокомерием власти, не колеблясь угрожала и оскорбляла существо по своему выбору, был вовремя усмирен мощным, но мягким влиянием духовенства, чья ученость и таланты сначала влияли, а в конце концов полностью контролировали обсуждения в Национальных советах. Высокий ранг прелатов, их выдающиеся достижения в эпоху всеобщего невежества и их притязания как членов независимой иерархии, которым даже сам Верховный понтифик едва ли осмеливался противоречить, в конце концов придали вестготской конституции все худшие черты безответственной и нетерпимой теократии.

"Судебный форум" состоит из двенадцати книг, которые не только определяют права различных классов общества, но и подробно предписывают порядок судопроизводства, которому должны следовать различные суды. Были приняты все меры предосторожности, какие только могла придумать изобретательность, чтобы обеспечить верность, честность и беспристрастность магистрата, будь то гражданского или церковного сословия. Обязанностью судьи было наблюдать за решениями епископа и священника и сообщать о них, в то время как, с другой стороны, высшее духовенство обладало, при определенных обстоятельствах, полномочиями рассматривать причины и выносить решение, когда соответствующее должностное лицо отказывалось или пренебрегало выполнением своих судебных функций, и вследствие этого интересы любой из сторон судебного процесса подвергались ущербу. Суды были открыты с рассвета до темноты, а период каникул и часы отдыха были строго регламентированы законом. Судебное разбирательство не могло быть отложено, за исключением уважительных причин; быстрое вынесение судебного решения было обязательным; промедление, несправедливость или подкуп судьи наказывались штрафом в размере двойного понесенного ущерба, а когда обстоятельства становились особенно отягчающими, его имущество конфисковывалось, и он публично продавался в рабство. Ни один человек, каким бы неимущим он ни был, не был лишен по этой причине благ правосудия, и в каждом городе был учрежден фонд для поддержки неимущих тяжущихся сторон, который распределялся муниципальным правительством с одобрения епископа. Обжалование решений нижестоящих судов было предоставлено по неоспоримому праву, и малейшее подозрение во вмешательстве трона в разбирательство

делало их недействительными и ничего не стоящими. Церемонии, связанные с отправлением правосудия, отличались большой простотой, а состязательные бумаги были лишены ненужного словоблудия. Было привито и усилено высочайшее уважение к должностным лицам короны; и общественное мнение упорно не поощряло обращение к судебному разбирательству, за исключением тех случаев, когда этого настоятельно требовали интересы правосудия. В правилах доказывания, а также в их применении все еще сохранялись следы глубоко укоренившихся суеверий тевтонских варваров. Нередко применялись испытания огнем и водой. От боевого пари нельзя было отказаться без позора; и к клятвам компургаторов иногда прибегали, чтобы восстановить блеск какого-нибудь потускневшего герба или смыть пятно, связанное с предполагаемым посягательством на женскую честь. пытки были разрешены, но чрезмерная жестокость при их применении была запрещена, и в случае смерти или непоправимого увечья в результате злоупотребления ими судья подлежал конфискации как своего имущества, так и своей свободы. При определении компетентности свидетельских показаний была допущена неразумная и несправедливая дискриминация бедных из-за неоправданной презумпции искушения к подкупу, и это исключение также применялось к евреям — даже несмотря на то, что они отступники, — а также к их потомкам и рабам. Лжесвидетельство упоминалось с ужасом; его совершение было признано заслуживающим самого сурового наказания, а лжесвидетель, подвергнутый публичному осуждению, был приговорен к пожизненному рабству. В целом уголовный кодекс вестготов отличался умеренностью, с которой он относился к нарушителям общественного спокойствия. Смертная казнь применялась редко и ограничивалась случаями поджога, изнасилования и убийства. Существовал регулярный перечень мелких преступлений и наказаний за них; тяжесть последнего зависела от социального положения и политической значимости личности. В вопиющих случаях злонамеренного судебного преследования, подкупа государственных должностных лиц или злоупотребления политической властью виновный становился рабом пострадавшей стороны с единственной целью - сохранить жизнь своему бывшему угнетателю. Мятеж карался изгнанием, детоубийство - ослеплением, а фальшивомонетчик, или составитель королевского эдикта, лишался правой руки. Когда зверский характер преступления против морали требовал соответствующего позорного наказания, голову преступника брили и клеймили, делая его пожизненным социальным изгоем, навеки объектом общественного отвращения. Бичевание было наказанием самого широкого применения, и даже свободный человек, каким бы высоким ни было его положение, не освобождался от его применения, если он осмеливался спровоцировать месть карательного правосудия и не был обложен установленным штрафом, который был юридическим эквивалентом плети. Право убежища, привилегия, важность которой как спасительной меры сдерживания страстей свирепой и деспотичной знати в эпоху насилия с трудом осознается в наше время, было признано готской конституцией; и ни один проситель, искавший защиты у подножия алтаря, не мог быть удален без согласия соответствующей церковной власти. В положениях, определяющих гражданские отношения в обществе, Forum Judicum напоминает каждому, кто знаком с Комментариями Блэкстоуна, знакомые принципы и прецеденты Общего права Англии. Различные степени родства и права наследования по восходящей и нисходящей линиям были исчерпывающе рассмотрены в книгах Вестготского кодекса. При защите интересов детей его секции проявляли отеческую и заботливую заботу. Ни один ребенок не мог быть лишен наследства, если только он не был виновен в каком-либо отягчающем акте насилия по отношению к своему родителю. Во всех вопросах, связанных с наследием собственности, не отдавалось предпочтения полу, и женщина оставалась на том же уровне, что и мужчина. Несовершеннолетний в возрасте десяти

лет мог без ограничений распоряжаться своим имуществом по завещанию. Опекуны назначались судами, которые были обязаны соблюдать условия своего траста и отчитываться о средствах, которые проходили через их руки; и часто применялось право назначения опекуна *ad litem*, когда дела несовершеннолетнего требовали возбуждения судебного процесса или защиты в нем. Безграничный контроль отца над ребенком, который составлял столь заметную черту во внутренних установлениях Рима, противоречил независимому духу готов; родительские обязанности были четко определены; сын, проживавший со своим отцом, имел право на две трети его заработка; суды осуществляли неустанный и бдительный надзор за личностями и имуществом несовершеннолетних и сирот. Воспоминание о древнем обычае заключения брака по купле сохранилось в цене, уплачиваемой женихом родственникам невесты; все тайные союзы считались недействительными; женщина могла подать в суд и быть привлеченной к ответственности, не присоединяясь к своему мужу; и ни один из них не нес ответственности за незаконные действия другого. Целостность происхождения и чистота крови охранялись законами исключительной строгости; свободнорожденная женщина, которая отказывалась от себя ради раба или даже вступала с ним в брак, подвергалась бичеванию и сожжению вместе со своим несчастным любовником или супругом. Жена, взявшая на себя вину за супружескую измену, была полностью отдана на нежную милость пострадавшего мужа. Это преступление, которое обычно вызывало сильнейшее осуждение со стороны потомков холодных и вялых варваров Балтики, было, однако, в духовенстве скорее осуждено как приятная слабость, чем как преступление; снисходительность, которую следует приписать отчасти преобладающей и симпатизирующей касте законодателей, а отчасти пониманию возможностей и искушений, подстерегающих отца-исповедника, который после осуждения был замурован в каком-нибудь удобном монастыре до тех пор, пока не раскается и не получит отпущения грехов.

Условия вассалитета и крепостничества, как они понимались и практиковались в других странах Европы, и особенно в Германии, были чужды государственному устройству вестготов. Феодализма с его взаимными правами и обязанностями, каким впоследствии стала известна Европа, строго говоря, не существовало. Отношения, влияющие на статус сеньора и вассала, были в какой-то степени заимствованы из римской системы и построены по образцу отношений покровителя и клиента. Разделы, касающиеся условий рабства, были подробными и объемистыми. Хозяин, как правило, обладал неограниченной властью над жизнью своего раба. Тот, кто способствовал побегу последнего, нес юридическую ответственность за его ценность. Признавая особые условия для преступного сношения и соответствующую трудность его выявления, закон приговаривал подневольного прелюбодея к сожжению на костре. В то время как самым либеральным образом поощрялось освобождение рабов, численность этого несчастного класса постоянно увеличивалась из-за захвата военнопленных, унижения бесчестных чиновников, подчинения должников и осуждения преступников. Каждый раб принадлежал к определенному рангу, и наказание за мелкие проступки, так же как и за серьезные преступления, применялось с большей или меньшей строгостью, в зависимости от причины его рабства, его производственных способностей и социального положения его владельца, независимо от того, был ли он рожден, куплен или осужден; был ли он искусным ремесленником, механиком или обычным чернорабочим; или же он был собственностью короны, Церкви или частного лица. Влияние вестготов во многом облегчило бремя рабства; кровавые зрелища гладиаторских боев не привлекали нацию, не деградировавшую от трусости и жестокости; обращение с рабами в некоторых местностях было настолько смягчено и

модифицировано, что существовало лишь название наследственного рабства; и в случаях невыносимого угнетения, когда раб находил убежище в святилище, хозяин мог быть вынужден передать его кому-нибудь, более подвижному чувствами доброты и сострадания.

Предписания Forum Judicum, касающиеся залогов, бездомных животных, незаконного проникновения на чужую территорию, пособничества до и после совершения преступления, перекрытия дорог, злонамеренного хулиганства, подтверждения документов и контрактов, заключенных под принуждением, по существу те же, что изложены в наших современных сводах законов. Действовал срок давности, который признавал период от тридцати до пятидесяти лет, по истечении которого не могли быть возбуждены даже некоторые уголовные дела. Законодательство, касающееся сельского хозяйства, ирригации и границ земель, было особенно полным. Безопасность обеспечивалась связями и залогами; от опекунов требовались описи; и виновный в клевете нес не только ответственность за нанесенный ущерб за свою несдержанность, но также часто подвергался телесному наказанию; например, если он называл другого “сарацином” или даже намекал на то, что тот был обрезан, он мог считать себя счастливым, если бы не получил пятьдесят ударов плетью от обычного палача.

Принимая во внимание общее состояние общества, прошлое нации, энергия которой до сих пор была направлена на свержение всех институтов, обеспечивавших вечный мир и порядок, прежние ограниченные возможности ее создателей и ограниченные возможности образования, которыми они располагали, Кодекс вестготов представляет нам систему законодательства, представляющую чрезвычайный интерес и ценность. Эта система юриспруденции настолько примечательна мудростью, дальновидностью, человечностью и знаниями человечества, которые характеризуют ее ведущие принципы, что кажется, будто они были подсказаны божественным вдохновением. Его первые статуты появились, когда всеобъемлющая система Юстиниана, вобравшая в себя таланты и исчерпавшая эрудицию самых опытных юристов Восточной империи, была почти доведена до совершенства. Однако она лишь немного позаимствовала из знаний Трибониана и кропотливой изобретательности его семнадцати помощников. Вечные принципы справедливости, это правда, в равной степени лежат в основе обоих этих сборников; но их конструкция и методы применения при сходных условиях сильно различаются; и превосходство, в целом, в значительной степени на стороне так называемого варвара. В большинстве случаев, за исключением случаев, когда церковные амбиции и монашеские предрассудки извращали цели законодательства, законы вестготов были единообразно сформулированы для защиты слабых, облегчения участи угнетенных и общего благосостояния общества. В отличие от практики более цивилизованных наций сравнительно недавнего времени, судебная система первых ограничивала свои наказания личностью преступника и не налагала никаких ограничений ни в виде конфискации, ни по решению суда на его ни в чем не повинных родственников и потомков. Он ограничивал тиранию монарха; он кратко и точно определял права подданного; он предоставлял беспрецедентные льготы вдове и сироте; он уважал несчастное и беспомощное положение раба. Он запрещал посягательства на личную свободу и объявлял продажу свободного человека равносильным по жестокости преступлению убийства. Почти в каждом положении, которое не противоречило требованиям священства, оно прислушивалось к голосу милосердия и человечности. Постоянной угрозой и неизбежным унижением гражданского положения, конфискацией и вечным рабством оно обеспечило верность судей и фискальных чиновников государства. Он признавал великий принцип салического закона и с мирской осмотрительностью запрещал избрание монархини женского пола. Но когда мы рассматриваем теократическое влияние,

пронизывавшее каждую ветвь готской конституции, его влияние на современное законодательство оказывается пагубным и прискорбным. Власть духовенства была безответственной, повсеместной и насквозь деспотической. Оно диктовало порядок работы каждого собрания. Оно нашептывало монарху предложения о сомнительной морали. Когда его нечестивым целям препятствовали, его месть была неумолима. Злоупотребление удобным и грозным оружием отлучения от церкви не достигло той крайности, которой оно достигло впоследствии, однако почти всемогущая рука духовенства уже была способна вторгаться в частную жизнь семьи, вмешиваться в чувствительный и деликатный механизм торговли, нарушать права собственности, осквернять священные пределы могилы. Церковная нетерпимость продиктовала принятие законов постфактум - меры, чудовищная несправедливость которой очевидна каждому непредвзятому уму. Инвалидность, навязанная еврейской расе, и дикий дух канонов, принятых для ее угнетения, значительно указывают на будущие ужасы инквизиторских трибуналов. Практика колдовства и волшебства, столь страшная в эпоху интеллектуальной неполноценности и особенно оскорбительная для Церкви, которая не терпела никаких чудотворцев за пределами своей территории, подвергалась суровому осуждению и наказывалась с чрезмерной суровостью. Цели духовенства, которых нельзя было достичь искусством полемики, достигались другими средствами, не знакомыми интригующим придворным средневековой Европы; его положения выдвигались с осторожностью и обсуждались с непревзойденным мастерством; а его аргументы были либо намекнуты с большей, чем иезуитская ловкость, либо выдвигались со всей энергией священнического рвения.

По своей почтенной древности; по возвышенной морали, привитой его заповедями; по обязательствам, которые несет каждая нация, опирающаяся на накопленные ею запасы мудрости; по своей свободе от бесчестных приемов юридического коварства; по простоте своей процедуры; по определенности и оперативности, требуемым практикой судов, где был признан его авторитет; по непреклонной беспристрастности, с которой он облакал решения этих судов; по своему вполне обоснованному праву на общественное доверие, вестготский кодекс не имеет аналогов в анналах юриспруденции. Но как ни велики его притязания на благодарность и почитание юриста и законодателя, они едва ли сравнимы с долгом, налагаемым на историка. Скучная информация, которую можно почерпнуть из трудов местных летописцев, в значительной степени совершенно ненадежна. Литература того времени, скучная сама по себе, состоит в основном из пересказа церковных басен, мученической смерти легендарных святых, обнаружения поддельных реликвий, предотвращения бедствий молитвами и чудесами и тривиальных происшествий из жизни святых мужчин и женщин, чьи сверхъестественные дары снисходительная доверчивость их биографов вынесла на презрение и насмешки потомков. Страницы, предназначенные для таких записей, были слишком драгоценны, чтобы их можно было осквернить рассказами о войнах и восстаниях и интересными описаниями средневекового общества. Однако усердие составителей *Forum Iudicum* в значительной степени восполнило недостатки монашеских летописцев. В своих различных гражданских и запретительных актах они бессознательно очерчивали безумства, пороки, суеверия и преступления того времени. Наказания, налагаемые за нарушение законов, безошибочно указывают на варварское происхождение тех, кто их сформулировал. Закон возмездия— допускаемый только среди низших рас людей, неоднократно встречается среди положений Вестготского кодекса. Сдерживающий эффект уголовного законодательства почти всегда был подчинен соображениям мести. Мировой судья считался скорее защитником

неправоты, чем спокойным представителем судейского достоинства и беспристрастным толкователем законов. Снятие скальпеля, нанесение увечий, ослепление, бичевание, клеймение, кастрация были наказаниями, назначаемыми без какой-либо дискриминации за правонарушения, сильно различающиеся по характеру и степени проступка и преступности. Переходный период, разделивший варварскую грубость Адольфа и женоподобную роскошь Родерика, шаг за шагом прослеживается в прогрессивном законодательстве столетий. Возвышение и укрепление церковной власти; ограничение королевских прерогатив; упадок дерзких притязаний знати; возвышение крестьянина из положения вьючного животного до уважающего себя существа, которое, каким бы погрязшим в невежестве оно ни было, всегда было уверено в беспристрастном слушании дела в магистрате, - все это описано там со всей точностью и подробностью хроники. Там также изображены источники того вдохновения, которое оживляло и поддерживало слабеющие надежды основателей испанской монархии, начиная с ее организации в виде маленького княжества в Астурии, вплоть до бурной эпохи мавританского владычества, пока она не достигла вершины величия в качестве диктатора Европы и арбитра христианского мира. Таковы общие характеристики этого несравненного памятника юриспруденции, чьи благородные представления о целях законодательства лучше всего выражены его собственным кратким и энергичным языком:

“Закон - это соперник божественности, посланник справедливости и проводник жизни. Она господствует над всеми классами государства и всеми возрастами человечества, мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, мудрыми и невежественными, благородными и крестьянами. Она предназначена не для продвижения частных целей, а для того, чтобы приютить и защитить общие интересы всех. Оно должно приспосабливаться ко времени и месту, в соответствии с положением дел и обычаями королевства, и ограничиваться точными и справедливыми правилами, чтобы не расставлять ловушки ни для одного гражданина”.

Затерянный в неразберихе, сопровождавшей завоевание, Форум правосудия был бережно сохранен маврами на благо будущих поколений; и, восстановленный после взятия мусульманской столицы Святым Фердинандом, впоследствии был переведен на кастильский.

Среди народов, составляющих разнородное население Испании, наиболее важными по интеллекту, богатству, коммерческой деятельности и таланту к управлению в древние времена были евреи. Приравненное к первым колонистам полуострова, самое раннее упоминание Иберии греческими и римскими историками представляет еврейское население как уже богатое и процветающее. Если мы примем во внимание их близкие отношения, родственные интересы, брачные союзы и общую склонность к торговле с их соседями-тирийцами, то не исключено, что поселение евреев в Бетике совпало с поселением финикийцев. Первый Национальный собор, собравшийся в Иллиберисе в 325 году - в том же году, когда были определены принципы ортодоксального христианства, изложенные в Никейском символе веры, — положил начало долгим и кровавым гонениям, которые в конце концов завершились массовым изгнанием несчастной расы Филиппом V. По канонам этого собора благословения раввина, которым земледелец, по-видимому, придавал добродетель и значение, равные, если не превосходящие те, которые предположительно сопровождали благословение священника, и которые по обычаю с незапамятных времен применялись к растущему урожаю, были объявлены преступлением против религии, наказуемым немедленным изгнанием из Церкви. Угрюмый дух церковного фанатизма без колебаний нарушал обряды гостеприимства и бросал тень на удобства общественной жизни. С изысканной злобой он объявлял подлежащим отлучению от

церкви всех, кто, даже в случаях благотворительности или при обстоятельствах самой острой необходимости, делился своей пищей с евреем. Пассивное подчинение всей расы захватчикам-варварам обеспечило, однако, ее представителям во многих случаях такую степень уважения, которой не пользовались их соседи-христиане. Обладая природными деловыми талантами, способностью к интригам и, прежде всего, превосходным знанием человечества, они вскоре завоевали доверие завоевателей. При арианских правителях их религиозные мнения на протяжении поколений оставались неоспоримыми, а их богослужение - неприкосновенным. Но едва нация отреклась от своего древнего общения, как тревожный дух новой иерархии начал заявлять о себе. Эдикт Сисебута в 612 году опубликовал постановления Третьего Толедского собора, которые были составлены с благочестивой целью "искоренения вероломства евреев", чье общее процветание и политическая власть вызывали опасения у духовенства. С этой эпохи и до восшествия на престол Родерика в 709 году законодательство соборов, касающееся евреев, представляет собой крайности грубой жестокости и иногда либеральной снисходительности. Однако во всех этих законодательных актах в значительной степени преобладали оскорбительные качества несправедливости и недоброжелательности. Агрессивность католицизма требовала немедленного и бескомпромиссного подчинения своему вероучению. То, что сначала было предпринято путем установления гражданской инвалидности, вскоре после этого было доведено до конца унижающими достоинство оскорблениями, пытками, рабством и смертью. Безжалостная жестокость этого преследования была такова, что временами оно вызывало негодование даже в полуварварскую и фанатичную эпоху. Но, несмотря на непрерывные и систематические репрессии, эта оклеветанная и угнетенная раса процветала; терпимость королевских и церковных инквизиторов была куплена, а крики разъяренных фанатиков были заглушены своевременными пожертвованиями монашеским орденам; ибо без услуг самых способных дипломатов и финансистов того времени нельзя было обойтись в обществе, где даже значительная часть тех, кто разрабатывал меры по их угнетению, не умела ни читать, ни писать. На превосходство евреев указывали также цены, которые они назначали, когда их свобода была лишена по закону. В то время как рабы других национальностей считались "бестиями куатро" и их можно было купить на тех же условиях, что лошадь или быка, еврей стоил тысячу крон. Огромные владения готской знати, которыми всеобщая неграмотность последних делала их неспособными управлять, сделали проницательного и образованного еврея необходимым управляющим. Он пользовался доверием монарха. Он распоряжался королевскими доходами, всегда разборчиво и в большинстве случаев с преданностью. К его совету охотно обращались в экстренных случаях государственной важности, и в хитроумном дипломатическом искусстве он оказался более чем достойным соперником самых способных переговорщиков того времени. Его богатство, его политическое и социальное влияние, которое он сохранил вопреки гражданским ограничениям и церковной злобе, его схоластические достижения, элегантность его манер в противовес тевтонской грубости; все эти качества снискали ему расположение палатинцев, которые часто относились к нему с уважением, которого заслуживает друг, а не с отвращением, подобающим отверженному.

Политическая организация и юридические привилегии, которыми евреи обладали в первые дни Вестготской монархии, увеличили их значение, увеличили их богатство и укрепили их дух исключительности. Последнее чувство также усиливалось политикой отделения, которую было сочтено целесообразным проводить в средние века в христианских общинах по отношению к еврейской расе. В течение значительного периода готского владычества евреи были

ограничены определенным кварталом каждого города и деревни, над которыми магистраты их крови выполняли как гражданские, так и уголовные функции неограниченно, за исключением вопросов, затрагивающих национальную веру, или тех случаев, когда христианину был причинен личный вред. Юрисдикция каждого провинциального собрания была жестко подчинена верховной власти центральной синагоги. Территория за пределами города— которая часто была полностью еврейской, находилась под контролем губернатора, ответственного только перед сувереном. Одно время евреи контролировали наиболее важные земельные владения королевства. Предубеждение, связанное с платежами за пользование деньгами, не удержало еврейского банкира от практики ростовщичества, хотя законная ставка составляла тридцать три процента. безусловно, это давало достаточные стимулы воздержаться от нарушения закона, которого он либо тайно избегал, либо открыто игнорировал.

Активность, проявляемая евреями полуострова во всех сферах науки, литературы, государственного управления, торговли, сельского хозяйства и финансов, была непрерывной и неутомимой. Ни один современный народ не мог похвастаться, пропорционально своей численности, таким количеством гениальных и эрудированных людей. Их влияние было настолько велико, что его признавали как в крестьянской лачуге, так и в зале королевского совета. Их сильная индивидуальность пережила жестокие ограничения, которые подавляли их предприимчивость, но не смогли умерить их пыл; и патриотизма, который привязывал их к стране, в которой их терпели только как изгнанников, было достаточно, чтобы побудить их потомков искренне помогать всеми доступными им средствами знаменитым принцам и воинам, чьи способности и решимость поддерживали, среди непрерывных бедствий и поражений, сомнительную судьбу борющейся монархии Кастилии.

В своем применении к механическим искусствам и в развитии архитектуры вестготы проявляли скорее способность к подражанию, чем дух заметной оригинальности. То, что нам известно как готический стиль, ничем не обязано той нации, которой народное поверье приписывает его изобретение, и, фактически, не было привнесено в Испанию до тринадцатого века. Название было дано ему произвольно, чтобы отличить остроконечную арку — ее главную характеристику — от округлой, характерной для зданий Рима. Грубые и примитивные постройки немецких лесов, построенные из бревен, заляпанных грязью и предназначенные исключительно для укрытия и защиты, не могли ни предложить, ни передать традиции архитектурной элегантности и красоты. Вид благородных памятников римского гения, избежавших разрушительных порывов хищного варвара, вскоре внушил неотесанному завоевателю дух соперничества. На Пиренейском полуострове было множество таких обширных и великолепных сооружений. Стены, некогда окружавшие резиденцию его проконсула; храмы, откуда возносились благовоения его богам; колоннады, украшавшие его капители; акведуки, поднимавшиеся на огромную высоту и преодолевавшие трудности, которые привели бы в замешательство любого инженера, кроме римлянина, были достойны одной из богатейших провинций империи. По таким образцам вестготский архитектор, совершенно лишенный опыта, но воодушевленный желанием подражать совершенству, которое вызвало его восхищение, спроектировал дворец и базилику. Богатство, которое с древнейших времен Испания расточала своим детям, давало средства, в то время как религиозный дух, пронизывавший каждый класс общества, давал стимул для публичного проявления и частной щедрости. Бесчисленное множество рабов и иждивенцев, доступных в любой момент, способствовало быстрому строительству зданий самых больших размеров. Церкви, величественные по размерам и варварские по убранству, возводились священниками, аббатами и частными лицами, чья щедрость была соизмерима с их

набожностью. Перед святынями этих храмов были выставлены вазы, реликварии, диптихи, кресты из драгоценных материалов с удивительно замысловатыми узорами. Религиозный энтузиазм готских князей, смешанный, возможно, с известной долей мирского честолюбия, побуждал их к великодушному соперничеству и питал в груди каждого желание превзойти своего предшественника в щедрости по отношению к Церкви. Таким образом, различные храмы при каждом последующем правлении обогащались царскими дарами неоценимой ценности и показного великолепия. Священные столы из золота, усыпанные изумрудами, бриллиантами и сапфирами, удивительную красоту и богатство которых сарацинская традиция передала потомкам, с монстрами и cibориями искусной конструкции, инкрустированными драгоценными камнями, составляли часть благочестивых пожертвований готских государей. Влияние искусства и вкуса Византии, передававшееся по каналам торговли, обмена любезностями и частых сношений между дворами Константинополя и Толедо, проявляется во фресках храмов и сосудах их святилищ, а также в жилищах, утвари и безделушках людей. Геометрические формы и цветочные узоры, впоследствии столь популярные среди мавров, которые, несомненно, заимствовали их в основном из этого источника, использовались почти исключительно готическими ювелирами и архитекторами. Виноградные лозы, листья, бутоны и четырехлистники входят почти в каждую комбинацию в большом разнообразии и с очаровательным эффектом. Церкви были тускло освещены с помощью мраморных плит, прорезанных пересекающимися крестообразными отверстиями, что усиливало таинственность и благоговейный трепет перед внутренним убранством, приспособлениями, которые и сегодня видны в местах отправления культа, столь же удаленных друг от друга и изначально отличающихся друг от друга по характеру, как часовни Астурии и мечеть Кордовы. Как только ярость и ненависть, вызванные сопротивлением их врагов — и которые обрушивались на здания последних с едва ли меньшей мстительностью, чем на ряды их легионов, — были утихомирены, желание воспользоваться мастерством и опытом их римских подданных стало первостепенным; в городах появились новые сооружения простой конструкции и из прочных материалов; древние памятники были пощажены; и превосходное состояние сохранности, отличающее римские руины на полуострове, дает неопровержимое свидетельство просвещенного понимания вестготов.

В поощрении полезных и изящных искусств вестготы проявили предприимчивый дух, значительно опередив другие ветви великой тевтонской нации. Известно, что в их владениях существовали производства одежды, стекла, доспехов, оружия, ниток и ювелирных изделий. Но лучше всего нам известен труд их ремесленников в изготовлении церковной мебели, жертвоприношений по обету и утвари, предназначенной для служения алтарю. В провинции Гуаррасар, в нескольких милях от Толедо, в середине прошлого века было случайно обнаружено хранилище предметов, которые, очевидно, были поспешно зарыты священниками при приближении сарацинских захватчиков. Он состоял из множества обетных корон, на некоторых из которых были выгравированы имена жертвователей, — скипетров, кадильниц, крестов, подсвечников, лампад, цепей, поясов. Все они были из золота, украшенного драгоценными камнями. Невежество, страх и алчность крестьян, обнаруживших это сокровище, привели к рассеянию и потере самой ценной его части; но короны были спасены и сейчас находятся в Отеле де Ключи в Париже и Королевской оружейной палате в Мадриде. Эти статьи позволяют нам составить прекрасное представление о состоянии искусства в начале восьмого века. Рассказы христианских и арабских историков о вестготских королях и об огромной добыче, полученной маврами, до того, как было сделано это открытие, высмеивались критиками как

преувеличения, вызванные национальным тщеславием как побежденных, так и завоевателя. Даже при беглом осмотре этих уникальных в мире предметов можно легко обнаружить вкус и стиль византийцев, чье влияние на художественные традиции полуострова отнюдь не исчезло с готской династией, а проявилось в некоторых из самых великолепных творений периода мусульманского господства. Неуклюжие, но массивные узоры коронок показывают, что ценность материалов принималась во внимание не меньше, чем труд, затраченный на их изготовление. По их орнаменту видно немалое знакомство с искусством эмалировщика. Некоторые оправы сделаны из полированных силикатов, вставленных, вероятно, для контраста, через определенные промежутки в ряды неограниченных драгоценных камней. Точность, с которой они подогнаны, и их совмещение указывают на долгую практику и экстраординарное мастерство. Отдельная глубокая печать, принадлежащая к тому же сокровищу, раскрывает доселе неизвестную степень совершенства в глиптическом искусстве. Резьба по камням, таким же твердым, как гиацинт, позволяет нам еще больше познакомиться с мастерством готической гранильной живописи, а изящество филигранных окантовок почти не уступает лучшим произведениям современной Италии.

В то время как промышленность готской Испании развивалась благодаря талантам и трудолюбию рабов, ее торговля была монополизирована иностранцами. Гений варвара, бесстрашный в приключениях на суше, но слишком ленивый, чтобы применять его в торговых занятиях, инстинктивно уклонялся от опасностей и тягот, связанных с длительным морским плаванием. В сельском хозяйстве, однако, был достигнут большой прогресс. Скотоводческие занятия были в значительной степени вытеснены обработкой почвы. Характер различных законодательных актов, касающихся недвижимости, показывает важность, которой уже была наделена эта отрасль права, и то внимание, которое уделялось ее использованию и сроку ее действия со стороны законодательной власти. В литературе вестготы могли похвастаться немногими достойными произведениями, и то, что мы называем наукой, было им совершенно неизвестно. Но одно—единственное имя — Сан-Исидоро Севильский, известное, однако, во всех областях знания - историке, полемике, комментаторе, теологе и святом, - возникло из хаоса литературной неизвестности, которая окутывала жизнь вестготов во времена. Его познания были поразительны для того времени. Оракул церковных соборов, его труды были, возможно, более объемными, чем труды любого другого автора, которого когда-либо создавала Испания, и католические богословы до сих пор считают их авторитетными в разрешении спорных вопросов доктрины.

Медицинской практике — в дополнение к тому, что она была подчинена безответственному вмешательству духовенства, чье самозванство принесло богатый урожай благодаря совершению ложных чудес и применению реликвий, — препятствовали предрассудки невежд и абсурдные ограничения, налагаемые ревностью церковного законодательного органа. Какой бы настоятельной ни была необходимость, врачу не разрешалось посещать свободную женщину, если рядом не было ее родственников мужского пола. Если в результате лечения он сильно ослабевал, он мог быть оштрафован на крупную сумму, а в случае смерти его оставляли на произвол судьбы семье его пациента. Однако закон в качестве частичной компенсации за неудобства, которым он подвергался, освободил его от тюремного заключения за все преступления, за исключением убийства. Эти практикующие врачи обладали ограниченными знаниями анатомии и некоторым знакомством с фундаментальными принципами хирургии, о чем свидетельствуют их успешные операции по поводу катаракты. Их компенсация регулировалась законом и, кроме того, подлежала специальному соглашению; но в случае,

если пациент не был вылечен, никакая плата не могла быть взята, и врач всегда подвергался судебному преследованию за вопиющие акты халатности.

Империя вестготов в период своего наивысшего расцвета простиралась от долин Луары и Гаронны до Средиземного моря. Передача части этой территории Хлодвигу укрепила могущество обоих королевств Франции и Испании, приняв в качестве их общей границы естественный вал Пиренеев. Вкусы и традиции тевтонского народа, до сих пор испытывавшего отвращение к оседлым занятиям и считавшего любой труд, и особенно обработку земли, унижающим достоинство свободного человека, привели к тому, что бывшие подданные Римской империи отказались от такого занятия; и только по прошествии нескольких столетий и после того, как были продемонстрированы преимущества, получаемые от прилежной обработки почвы, этот предрассудок был в некоторой степени устранен. Во все времена правления вестготов все виды ручного труда в основном выполнялись рабами. Институт колледжей ремесленников — обычай, унаследованный от самой утонченной нации древности, — был перенят завоевателями-варварами, и рабы, составлявшие эти организации, где таланты отца передавались сыну, естественно, относились к числу наиболее ценных личных ценностей. Большое количество этих ремесленников были собственностью короны и Церкви, находясь соответственно под контролем королевского казначея и епископа, и уникальные образцы ювелирного мастерства, которые сохранила для нас удачная находка в Гуаррасаре, показывают, какого мастерства в механическом искусстве достигли эти опытные рабы.

Величайшей роскоши и помпезности предавались вестготы, народ, который мир до сих пор называет варварским. Их дворцы были инкрустированы драгоценным мрамором. Мебель в их покоях была самой дорогой. Одежда знати была из шелковых тканей, расшитых золотом. Придворные дамы пользовались для омовения серебряными чашами и любовались своей красотой в зеркалах изысканной чеканки, украшенных драгоценными камнями. Лошади королевского двора были покрыты сбруей и попонами, сверкающими драгоценными металлами. Сотня повозок, груженных багажом и всеми атрибутами безграничной расточительности, следовала в свите монарха. Столь щедрыми были расходы даже среднего и низшего классов, что возникла необходимость принять закон, запрещающий передавать невесте в качестве приданого более одной десятой части имущества жениха.

Вестготы не только стремились подражать своим римским подданным в стиле и отделке своих зданий, но и на каждом общественном поприще, в каждой области искусства и труда было заметно мощное влияние поработленного народа. Организация различных корпусов и дивизий армии была построена по образцу организации легиона. Самыми популярными развлечениями были, за исключением гладиаторских боев, те же, что приводили в неистовый энтузиазм обширную публику Рима и Константинополя в цирке и амфитеатре. Одежда горожан, доспехи солдат были римскими; украшения дам, знаки отличия членов королевской семьи, убранство церквей — византийскими. Общепринятым языком была варварская и убогая латынь. Слияние враждебных рас, объединение завоевателя и покоренных, эта политическая проблема, которая требовала мастерства самых мудрых государственных деятелей, была почти успешно решена широкой государственной мудростью вестготских монархов. Принятие и приведение в исполнение единообразного и хорошо продуманного свода законов во многом способствовало достижению этой цели. Но принятие ортодоксального христианства в качестве признанной формы национальной веры и легализация смешанных браков между различными народами полуострова, благодаря их стремлению устранить огромные барьеры, воздвигнутые кастами,

которые до сих пор изолировали различные классы общества, сделали гораздо больше для содействия объединению несогласованных элементов общества. Баски — неизменный тип первобытного иберийца - единственные из многочисленных племен, признавших верховенство двора Толедо, сохранили свою национальность и упрямо отказывались отказаться от тех отличительных расовых особенностей, которые на протяжении веков делали их предметом занимательных спекуляций этнологов.

В некоторых отношениях между готами и арабами, представителями арийской и семитской ветвей человеческой семьи, которые впервые в истории скрестили мечи в Европе, на равнинах Испанского полуострова, существовала поразительная параллель, а в других - решительный контраст. Между этими двумя великими этнографическими разделениями всегда преобладал дух непримиримой вражды. Никакого слияния между ними никогда не было. Там, где один из них достиг господства в какой-либо части мира, другой либо сохранил свои особые черты, либо постепенно вымирает. Соображений политической целесообразности, притязаний на божественное откровение, выгод торговли, конечной перспективы национального объединения и социального равенства оказалось недостаточно, чтобы противостоять влиянию антагонизма, который предвосхищает все человеческие летописи в своей древности. Обычаи кочевых народов вошли в поговорку стойкими; их занятие часто переживает смену места жительства, несчастные случаи, связанные с миграцией, и влияние новых и радикально отличающихся ассоциаций. И готы, и арабы в основном полагались на свои стада, но ни те, ни другие никогда не колебались в обмене пастушьего посоха на копье разбойника. Любовь к войне и насилию была преобладающей чертой обоих. У них было общее восхищение мужеством как величайшей из добродетелей; общее понимание благородных качеств личной свободы, частной чести, щедрого гостеприимства. Их привычки были ленивыми, а существование ненадежным. Их ревность к власти не позволяла им признавать королевскую власть. Они считали все промышленные занятия ниже достоинства мужчины. Их богослужение было запятнано самыми предосудительными чертами идолопоклонства — поклонением камням, практикой фетишизма, ужасами человеческих жертвоприношений. Одинаково были они пьяницами и отчаянными игроками, которые с готовностью ставили на карту свою свободу, чьи пирушки сопровождались драками и чьи споры разрешались мечом. Они не признавали постоянной собственности на землю, обладали небольшим количеством переносного имущества, были невежественны в искусстве и не разбирались в литературе. Как и все варвары, они верили, что болезни и безумие вызваны одержимостью демонами. У обоих любовь к поэзии была страстью, а личность барда - объектом почти идолопоклоннического почитания. Таковы были черты, общие для двух народов, разделенных расстоянием в тысячу восемьсот миль, не знающих о существовании друг друга и живущих в совершенно непохожих климатических условиях. Атмосфера Балтийского моря была постоянно холодной и влажной, атмосфера Аравии - почти невыносимо сухой и знойной. Восточная Европа была покрыта густыми лесами, пересечена благородными реками и усеяна непроходимыми болотами. В пустыне нет ничего более редкого, чем дерево или ручей. Физическое строение гота и араба, соответственно, зависело от окружающей среды в еще большей степени, чем психическое строение обоих. Первый был гигантского роста, силы и светлокот; второй худощав, нервный и смуглый. У готов женское целомудрие пользовалось высочайшим уважением; у арабов оно было предметом едких эпиграмм, шуток и сатиры. Гот, сторонник моногамии, ничего не знал об удовольствиях галантности; полигамный араб ставил потворство им на второе место после азарта битвы. Готы были одними из первых и наиболее

набожных прозелитов христианства; арабы всегда упрямо отказывались признавать божественность Христа или высший авторитет Евангелия.

Эта непобедимая доблесть, которая, взращенная бедностью и воздержанной жизнью, проявлялась с равным отличием и успехом среди лесов Европы и на песчаных равнинах Африки, была мощным оружием, обеспечившим каждой из этих великих наций превосходство над их противниками; преимущество, которое из-за внутренних разногласий, сектантских предрассудков и социальной коррупции было в конце концов утрачено; но только после того, как моральные и физические особенности обеих стран произвели на их современников такое глубокое впечатление, что обеспечили их передачу, с небольшими изменениями, в последующие века.

Дух вестготов почти с самого начала был решительно прогрессивным. Эта общая тенденция к совершенствованию и стремление к благам цивилизации стимулировали коммерческую деятельность, повышали семейное счастье и открывали поле для развития искусства, прогресса науки, строгого отправления правосудия и, как следствие, снижения жестокости и преступности. Мудрость готского государства и справедливость его законов служат приятным и поучительным примером способности народа самостоятельно подняться над варварством — народа, который, помимо романтического интереса, связанного со своей историей, имеет право на благодарную память человечества за благотворное влияние, которое он оказал на политические институты и социальный порядок Европы, а также за создание судебной системы, достоинства и принципы которой, подтвержденные опытом веков, до сих пор признаются самыми величественными судами цивилизованного мира.

ГЛАВА V

ВТОРЖЕНИЕ И ЗАВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ

710-713

Общие условия и физические особенности Испанского полуострова—Различные классы населения—Верховенство Церкви—Тирания вестготских королей—Фатальная политика Витизы—Восшествие на престол Родерика—графа Джулиана—Вторжение в Тарик—Битва при Гуадалете—Ее важнейшие результаты—Продвижение мусульман—Прибытие Мусы—Его успех—Огромная добыча, полученная победителями—Ссора Тарика и Мусы—Вмешательство халифа—Покорение готов—Обширный план завоеваний Мусы—Два генерала, отправленные в Дамаск—Армия Триумфальное шествие по Африке—Судьба Мусы—Причины и следствия мусульманской оккупации Испании.

Вторгающийся дух ислама, в котором доминировали мощные мотивы алчности, честолубия и фанатизма, не был удовлетворен своими чудесными достижениями и владением двумя континентами, он стремился к всеобщему завоеванию. Покорение Африки было теперь полным. Суверенитет Византийской империи навсегда исчез с южного побережья Средиземного моря. Такт и военное мастерство Мусы завоевали доверие и внушили уважение коварных,

воинственных и доселе несговорчивых племен Мавритании. Большое число последних приняли мусульманство. Еще большая часть тех, кто либо из-за связей, политики или убеждений заявлял о своей приверженности закону Моисея, поддерживали тесную переписку со своими угнетенными братьями на Испанском полуострове. Последний втайне размышлял о накопленных веками обидах и, притворяясь смиренным, вынашивал замыслы, которые не сулили ничего хорошего светским и церковным тиранам вестготской монархии. Беспокойный взгляд арабского полководца долго созерцал с завистью, смешанной с ненасытной жадой грабежа, богатые и великолепные города древней Бетики; ее изобилующие рудники; ее пастбища с их мириадами скота; ее равнины, пересеченные бесчисленными каналами и реками, где даже небрежная и несовершенная система возделывания давала урожаи, почти соперничающие по роскоши с урожаями в знаменитых долинах Евфрата и Нила. Пролив, имевший менее восьми миль в ширину в своей самой узкой части, теперь представлял собой единственное физическое препятствие для дальнейшего продвижения "завоевателя". С африканской стороны его защищала крепость Сеута, губернатор которой был вассалом или данником вестготского короля, и чья доблесть сводила на нет усилия самых храбрых мусульманских военачальников, которые, полностью осознавая стратегическое значение этой твердыни, предпринимали неоднократные и отчаянные попытки захватить ее. Этот мыс, образующий одну сторону пролива, веками знакомый финикийцам и, как полагали невежды, являющийся концом света, был защищен от вторжения чужеземцев зловещими баснями и чудесами, придуманными хитроумными тирийцами. Напротив него, на испанском берегу, возвышался Храм Геркулеса с его куполом из позолоченной бронзы, колоннами из электрума и таинственными алтарями, возведенными в честь Искусства, Старости и Бедности. В отличие от других языческих святилищ — поскольку в нем не было видимого изображения божества — финикийский мореплаватель всегда подходил к нему с чувством благодарности и благоговения. Это было связано с его военно-морским превосходством над другими народами древности. Это было тесно связано с увеличением его богатства; с продолжением его процветания; с открытием земель, неизвестных его современникам и соперникам; с сохранением его запасов оккультной мудрости, источники которой он исследовал с такой тщательностью и скрывал с таким успехом. Были использованы все уловки из басен и суеверий, чтобы придать этой местности такой характер, который мог бы эффективно сдерживать усилия пытливого или агрессивного коммерческого духа. Для достижения этой цели явления природы оказали свою мощную помощь. Суженный проход между двумя величайшими водоемами, известными древним, был непостижимой глубины. С обеих сторон, несмотря на волнение, его уровень оставался неизменным. Даже во время отлива течение всегда сильно направлялось на восток. Его сила была устойчивой, неизменной; прибывание и убывание луны, самые яростные бури не оказывали заметного влияния на непреклонную регулярность его движения. Недаром суеверные приписывали кажущееся приостановление действия законов равновесия и сил Природы божеству, храм которого охранял знаменитые врата, на которые он наложил свое имя. Ученые утверждают, что в этом святилище в качестве священной реликвии хранился обломок магнитной руды глубокой древности, известный тирскому мореплавателю как бесценный талисман - предшественник компаса моряка, — который указывал ему путь в далекую Британию и обеспечил его соотечественникам империю морей. Согласно народному поверью, через этот канал путь вел в царство Хаоса. Бросать вызов неизвестным и страшным опасностям было святотатством, и никому, кроме тех, кто был уполномочен жрецами Мелькарета, это предприятие не разрешалось. В последующие времена, окруженный не меньшей тайной, этот регион оставил римлянам немало воспоминаний о себе и пробудил любопытство араба, когда

он устремил свой взор на волны с белыми вершинами, сверкающие в солнечном свете между континентами и континентами, и морями, и морями, подобно граням драгоценного камня; или, в прекрасных образах восточного хрониста, “подобно бриллианту между двумя изумрудами и двумя сапфирами, главному камню в кольце империи”.

В начале восьмого века королевство вестготов демонстрировало все признаки процветания и могущества. Присущая ему слабость была несовершенной замаскирована пышностью его иерархии и роскошью его двора, которые прикрывали недостатки его конституции и злоупотребления его правительства ложным и обманчивым великолепием. Ее распущенный государь не сохранил ни одной из первобытных добродетелей своих предков, чей неустрашимый дух и непоколебимая доблесть поддерживали их на сотнях полей сражений и сопровождали их оружие в длинной череде триумфов от Балтики до Средиземноморья. Преемник Реккареда и Вамбы выродился в слабого тирана, правившего по спорному титулу, и в чувственной натуре которого ни обряды гостеприимства, ни дружеские обязательства, ни достоинство королевской должности, ни возрастные немощи не служили препятствием для удовлетворения его необузданных страстей.

Надменная знать, опустошенная кровопролитной враждой, вызванной оспариванием престолонаследия, и разделенная на фракции, члены которых ненавидели друг друга с гораздо большей силой, чем ту, которую они питали к общему врагу; непривычные к военному делу; лишенные веры и чести; скрывающие изменнические чувства под маской восторженной преданности, пытались поддержать тщеславным бахвальством и варварским бахвальством достоинство своего ордена и величие трона. Воинственный пыл легионов, веками поддерживавший величие и славу римского имени, был вытеснен рвением и алчностью монашеских орд, которые всеми способами защищали обманом и насилием растущее дело воинствующей церкви. Посох в руках высокомерной касты, монополизировавшей науку того времени, стал гораздо более могущественным оружием, чем меч или скипетр, и истоки всех политических мер национального значения следовало искать не во дворце, а в соборе. Мудрая, терпимая и рассудительная политика ранних церковников, которая вдохновляла и направляла церковные соборы, которая своим гуманизирующим влиянием смягчала преобладающую грубость того времени и создавала законы, справедливые принципы которых служили образцами для последующих законодателей, была оставлена ради унижительного, но прибыльного занятия выслеживанием и грабежом еретиков. Гордая и замкнутая иерархия вестготов отказывалась признавать верховенство Римского престола или уважать его эдикты. Когда папа вмешивался в духовные дела полуострова — что, однако, случалось редко, — он делал это скорее в качестве посредника или даже просителя, чем как могущественный правитель, глава христианского мира и наместник Бога. Испанские прелаты присвоили его титулы и узурпировали его прерогативы; его непогрешимость была поставлена под сомнение не только высшим духовенством, чье служение было объявлено равноценным, но даже сувереном и знатью, которые открыто высмеивали его притязания и бросали вызов его авторитету. Порочный пример королевского распутства заразил все сословия духовенства. Епископальный дворец стал ареной ежедневных беспорядков и полуночных оргий, которые шокировали население, само по себе далеко не безупречное; в то время как превосходные вина и красота спутниц священника и примаса были предметом публичных шуток и печально известной славы. Относительное положение высших должностных лиц Церкви и государства изменилось в силу особых функций, выполняемых первыми, которые полностью узурпировали законодательную власть. Прелат, все еще сохраняя внешние знаки своей священной профессии, от исполнения

великодушных и самоотверженных обязанностей служителя благодати и милосердия снизошел до низменного искусства активного, интригующего, беспринципного политика. Дворянство, фактически передав своим духовным наставникам полный контроль над администрацией, сохранило, в некоторой степени фарисейской, внешнее подобие набожности. В частной жизни мораль обоих классов была запятнана унижительными пороками и преступлениями, которые были тонко замаскированы более или менее строгим соблюдением предписанных форм религиозного поклонения.

Ни одна страна в Европе с самых ранних времен, о которых упоминает история, не давала такого постоянного стимула предприимчивости и доблести захватчиков, как Испания. Восток и Запад встретились на ее берегах. Каждое материальное преимущество, которое могло привлечь внимание человека, стимулировать его честолюбие, увеличить его богатство, обеспечить ему комфорт, удовлетворить его потребности и способствовать его счастью, принадлежало ей. Благоухающий воздух ее южных провинций — на небе которых месяцами не было ни единого облачка, смягчался бризами с Атлантики и Средиземного моря. Разнообразный ландшафт холмов и равнин, испещренный сетью искусственных речушек, был покрыт мантией вечной зелени. Ее сады давали неисчерпаемый запас самых вкусных фруктов. Продукция ее рудников составляла состояние каждого владельца — финикийца, карфагенянина, римлянина, вандала и гота. Ее золото и серебро украшали троны Вавилона, святилища Тира, дворцы Мемфиса, Иерусалимский храм. Ее побережья, легко доступные из любой точки, предлагали ряд безопасных и удобных гаваней. Вестготы, несмотря на свое варварское предубеждение против физического труда, признавали важность сельского хозяйства. Провинции королевства были распределены между знатью. Крупные землевладельцы требовали от своих вассалов установленной дани, у которых редко хватало справедливости, чтобы даровать снисхождение в случае неурожая или дефицита, вызванного общественным или частным несчастьем. Земледельцы были прикреплены к племени, которое не могло быть отчуждено без них, и, образуя наследственную касту, были, по сути, рабами; хотя при готском государстве их положение номинально превосходило положение несчастных, выставляемых на продажу на рынке. Из этих двух классов, удрученных поколениями тяжелого труда и постоянным угнетением, были набраны рядовые в армию, которые, как ожидалось, будут сражаться за сохранение владений своих тиранов и продолжение их собственной деградации. Участь крепостного при более позднем вестготском правлении была, в целом, гораздо более тяжелой, чем участь раба при римлянах. Тевтонский обычай, поощрявший навязывание личных услуг в обмен на защиту, был неизвестен в Империи. Превращение этого обязательства в обязанность по передаче по наследству — кардинальный принцип конституции Германии, но который в определенной степени устарел при более поздних вестготских королях, — усугубило трудности, сопровождавшие его выполнение. Ограничения на вступление в брак, разделение семей, суровость наказаний, налагаемых даже за незначительные проступки, усугубляли унижение и тяготы рабского положения. В то время как арианская ересь была преобладающей, бремя крепостничества было облегчено, и его состояние постепенно улучшалось. Щедрость епископов проявлялась во всех возможных проявлениях доброты и внимания: в уменьшении объема труда; в вознаграждении за верность; в помощи при болезни; в сочувствии в несчастье. Несчастный крепостной, обманутый этими уступками и милостями, вполне естественно заключил, что они предвещают возросшую свободу и окончательное освобождение. Духовенство подкрепляло это предположение частыми заявлениями с кафедры о том, что рабство противоречит учению Евангелия. Со временем, с ростом влияния, контролем над

королевскими выборами и абсолютным диктатом политики трона, эти духовные государственные деятели сочли целесообразным забыть о благожелательных принципах правления, которые они ранее так усердно проповедовали. После принятия православной веры присущее рабской системе зло возросло до беспрецедентной степени. Высокий сан, священный характер и практически неограниченная власть великих прелатов Церкви предоставляли необычные возможности для потворства страстям тирании и алчности. Иждивенцы епископов участвовали в процессиях, которыми отмечались великие церковные праздники, одетые в шелковые ливреи, расшитые золотом. Убранство их дворцов и великолепия их свиты превосходили даже свиты самого государя. Поместья этих сановников были самыми обширными и важными в королевстве; во многих случаях они превосходили по стоимости королевские владения. На них было занято огромное количество рабов, не только для обработки земли, но и для производства и совершенствования всех известных в то время предметов, которые могли доставить удовольствие их роскошным хозяевам. Для этих несчастных тружеников, чьи задачи с каждым годом становились все более тяжелыми, и чьи стремления к свободе, лелеявшиеся на протяжении многих поколений, теперь были разрушены, перспектива освобождения от непосильного бремени казалась абсолютно безнадежной. Евреи уступали по численности этим двум классам сельскохозяйственных рабов и индивидуумов, обреченных случайностью рождения или судебным процессом на вечное рабство, но значительно превосходили их в интеллекте, проницательности и во всех искусствах обмана. Решительным декретом Семнадцатого Толедского собора их имущество было конфисковано и они были приговорены к рабству. Сто тысяч этих сектантов, в чьей груди бушевал дух яростной и угрюмой ненависти, порожденной враждебностью, передававшейся веками, и усугубленной системой репрессий, едва ли оправдываемой даже самыми суровыми требованиями политической необходимости, представляли собой элемент гораздо более опасного характера, чем все остальные, чьи махинации и недовольство подорвали структуру вестготской империи. Национальное чувство превосходства, порожденное теократическим правительством, притязаниями высокомерного духовенства, предполагаемой благосклонностью Всемогущего и трехтысячелетними традициями, было тогда, как и сейчас, всемогущим в умах еврейского народа. Несовершенные летописи той эпохи не смогли предоставить нам данных, по которым мы могли бы определить, с какой степенью строгости применялись законы против евреев. Вероятно, однако, что в городах, где существовал более высокий уровень интеллекта и были получены более правильные представления о справедливости, соблюдения этих бесчеловечных эдиктов часто избегали. В деревнях и поселках фанатизм и зависть крестьянства, несомненно, причиняли евреям всевозможные лишения и унижения. Тщетно мог бы любимый управляющий или советник знати, который все еще сохранял свою резиденцию во дворце и продолжал восполнять с помощью своих собственных талантов и опыта недостатки, вызванные ленью и неспособностью его работодателя, пытаться облегчить страдания своих соотечественников. Для невежественной черни обладание богатством и использование еретиками политической власти всегда были непростительными преступлениями. Духовенство при любых обстоятельствах, преследуя собственные цели, разжигало народное недовольство, восхваляло эту жестокую политику как угодную Богу и всеми способами стремилось увековечить древний антагонизм арийской и семитской рас, в котором следует искать одну из причин иррационального и широко распространенного предубеждения против евреев. Это чувство также усиливалось существующей традицией о том, что во время правления Леовигильда евреи с нескрываемой готовностью помогали неортодоксальному духовенству в преследовании членов римско-

католической общины. При таких обстоятельствах нельзя придавать слишком большого значения роли, которую сыграла в мавританской оккупации Испании эта многочисленная и предприимчивая секта, искусная во всех искусствах лицемерия и раздраженная веками угнетения, которое взрастило в своих недрах вестготское королевство. Без информации, предоставленной ее членами, арабское нападение, вероятно, никогда бы не было предпринято. Несомненно, что без его поддержки и сотрудничества покорение шестимиллионной нации никогда не было бы осуществлено в течение нескольких месяцев простой горсткой недисциплинированных всадников.

Ни одна нация никогда не процветала под властью иерархии. Обстоятельства, необходимые для безопасности и счастья субъекта, несовместимы с требованиями предполагаемых представителей божественного вдохновения и всемогущей силы. Узкая политика, неотделимая от длительного церковного господства, неизбежно приводит к национальной разрухе и позору. В данном случае она лишила испанский народ богатейшей части своего наследия на протяжении восьмисот лет. При монархах австрийской династии, неспособных воспользоваться опытом своих предшественников и глухих к предостережениям истории, подобные акты неблагоразумия и безрассудства больше, чем что—либо другое, способствовали тому, что испанская корона лишилась политического господства в Европе.

События в летописях Испании, относящиеся к концу седьмого и началу восьмого века, покрыты более чем обычной неизвестностью. Это был период, чреватый политическими и социальными потрясениями. Государственная измена и цареубийство, преступления, от которых до сих пор готский народ был, как говорится, освобожден, теперь считались оправданными мерами со стороны каждого честолюбивого дворянина, стремившегося взойти на трон. Степень благосклонности и отпущения грехов, на которые преуспевающий предатель мог рассчитывать от духовенства, была прямо пропорциональна стоимости даров, которые он мог внести в сокровищницу Церкви. Любое правонарушение, каким бы вопиющим оно ни было, можно было простить после удовлетворительного денежного заступничества со священником. Гневные заявления Священного Совета были направлены против всех, кто отказался присягнуть королевскому убийце, избрание которого было утверждено голосами собравшихся прелатов. Там, где претенденту на королевскую власть не хватало смелости для кровавых деяний, обращение к мошенничеству считалось прощательным при условии, что оно увенчалось успехом и не был забыт обычный щедрый взнос на церковные цели. До такой глубины деградации пали потомки верных, храбрых и великодушных воинов тевтонской расы!

Величие вестготской монархии ушло в прошлое вместе с правлением Вамбы, последнего из ее героев, прославившегося практикой всех общественных и частных добродетелей. Лишенный короны в результате хитрости, которая больше свидетельствовала о проницательности, чем о честности его преемника, он был приговорен провести последнюю часть своей жизни в монастыре. Новый король Эрвигий после безоблачного правления оставил свое королевство своему зятю Эгизе. Характер последнего монарха, хотя и не был лишен таких мужественных добродетелей, как храбрость и решительность, был запятнан ненасытной алчностью. Он был столь же настойчив в своем стремлении к богатству, сколь и беспринципен в своих методах его получения. Он заменил исполнение уголовных законов выплатой штрафов, которые варьировались в зависимости от финансовых возможностей виновного их выплатить, независимо от степени или обстоятельств преступления. Под тривиальными предложениями он изгонял богатых граждан и конфисковывал их имущество. Он ввел чрезмерные налоги.

Ободренный безнаказанностью власти, он, не колеблясь, прибегал даже к подлогу; и с помощью поддельных документов вовлекал в преступления против государства тех богатых людей, у которых хватало мужества противостоять его назойливым требованиям. И, что хуже всего, он не упускал возможности присвоить доходы Церкви, под каким бы предлогом ни проявлялись его изобретательность или дерзость. Беспринципная и тираническая иерархия могла не замечать первых проступков, но последнее преступление было запятнано двойным упреком в угнетении и святотатстве. После официальных и безуспешных протестов в 692 году Сисебертом, архиепископом Толедо, был составлен заговор, целью которого было убийство короля и всей его семьи. Некоторые из самых могущественных дворян были вовлечены в этот заговор, который был задуман главными духовными лицами столицы. Своевременная информация о заговоре достигла ушей государя, и были приняты самые энергичные меры для противодействия ему. Митрополит был арестован и низложен. Ряд главных заговорщиков были казнены или сосланы. Едва этот заговор был подавлен, как стало известно о существовании еще более грозного заговора. Евреи, чье положение при этом и предыдущем правлении было более благоприятным, чем в течение многих лет, не выказывая благодарности за снисхождение, с которым к ним относились, и помня только прошлые унижения, радуясь своей численности и влиянию и уверенные в помощи из Берберии, организовали всеобщее восстание с целью полной реорганизации правительства и превращения Испании в полностью еврейское королевство. Однако этот предательский замысел был раскрыт почти в тот момент, когда он был готов к исполнению. Власти приняли меры для обеспечения их безопасности с образцовой строгостью. Был созван собор и принят декрет, которым евреи были приговорены к изгнанию, порабощению, лишению их имущества и детей. Возмутительная жестокость этой меры, однако, вызвала почти немедленную реакцию, и в целом она не была приведена в исполнение. Недовольные сектанты, скорбящие из-за накопившихся обид и раздраженные неудачей своих планов, продолжали надеяться на помощь из-за рубежа и пользовались любой возможностью, чтобы сообщить об общественных беспорядках своим сочувствующим братьям в Африке. Царствование Эгизы, до сих пор сотрясаемое почти непрекращающимися политическими потрясениями, теперь оказалось под угрозой иностранного вторжения. Сарацинский флот, хорошо укомплектованный людьми и снаряженный, обрушился на незащищенное испанское побережье, опустошил поля, разграбил деревни и увел жителей в плен. Для защиты от этой новой опасности была снаряжена морская экспедиция, которой командовал Теодомир, офицер с подтвержденным опытом и дворянин высшего ранга. Подняв паруса, готский адмирал, не теряя времени, столкнулся с вражеским флотом. Произошло кровопролитное сражение; двести вражеских судов были уничтожены или взяты в плен; и зародышевая морская мощь мусульман была сметена с лица моря. В следующем году война с франками, причина которой неизвестна, продолжалась несколько месяцев с неопределенными результатами, характерными для операций бессистемной войны. Эгиза, будучи преклонных лет и сознавая свои немощи, желал присоединить к нему своего сына Витизу в управлении страной и обеспечить ему преемственность после его смерти. С этой целью был созван совет, его пожелания были выполнены без возражений, и Витиза был возведен в королевское достоинство. В следующем году старый король умер, оставив своему молодому и неопытному преемнику единоличную ответственность за управление государством, а также ряд трудностей и замешательств, с которыми до сих пор не был вынужден сталкиваться ни один другой монарх его времени, и которые касались как стабильности Вестготской империи, так и сохранения христианской веры. Восшествие на престол Витизы сулило счастливое и процветающее будущее стране, пострадавшей от стольких бедствий. Его юность отличалась такими добродетелями, как

воздержанность, великодушие, справедливость и сыновнее почтение. Как только он достиг абсолютной власти, он проявил склонность завоевать расположение народа, компенсируя денежные поборы и деспотические законы, которые были введены алчностью и поборами его семьи. Была объявлена всеобщая амнистия. Поддельные документы, с помощью которых грабили богатых, были уничтожены. Все налоги, за исключением тех, которые были абсолютно необходимы для поддержки правительства, были возвращены. Огромному числу изгнанников было предложено вернуться, и их имущество было передано. К евреям было восстановлено частичное расположение; но, поскольку народное предубеждение все еще было горьким и всеобщим, сохранялась политическая видимость суровости, которая, однако, было очевидно, что со временем будет полностью устранена. Под таким благоприятным покровительством началось правление Витизы, чье великодушие, такт и приветливое поведение уже завоевали сердца его подданных. Мнение последних поначалу было подтверждено мягким нравом и добродетельным поведением их юного государя. Но это справедливое обещание будущего величия оказалось ложным, ибо Витиза вскоре впал в крайности, которые вызывали ужас у его подданных и порицание духовенства, всегда склонного быть снисходительным к подобным проступкам, за исключением тех случаев, когда они угрожали их влиянию или доходам. Вскоре весь двор предался неизбирательной распущенности. Было не только разрешено нарушение самых священных традиций Церкви, но и открыто поощрялись многоженство и сожительство священническим авторитетом и примером. Благочестивые наставники народа были первыми, кто расширил возможности, предоставляемые этими неполитическими постановлениями, и чувства набожных людей были возмущены крайностями, которые не уважали даже священные границы алтаря и исповедальни. Однако никакие скандалы не вызывали такого возмущения, как снисходительность, проявленная по отношению к евреям. Особенно каждый священнослужитель считал любое смягчение условий жизни этой угнетенной расы оскорблением своего ордена и преступлением худшим, чем святотатство. Разъяренные презрением, с которым Витиза отнесся к их протестам, духовенство не упустило случая усилить преобладающее недовольство и, стремясь укрепить свои позиции, заручившись помощью Святого Престола, тайно отправило посольство в Рим. Гнев папы был вызван заявлениями посланцев Испанской церкви, чьи прелаты, хотя и не признавали его верховной юрисдикции, не побрезговали просить его о вмешательстве в дело, которое, по-видимому, затрагивало интересы христианского мира. Воодушевленный надеждой установить свою власть на полуострове, святой отец Константин без промедления отправил непокорному монарху послание, пригрозив ему потерей своего престола. королевство, если только он немедленно не отменит оскорбительные эдикты и не разрешит неограниченное преследование евреев. На это Витиза с презрением возразил, что, если папа не прекратит вмешиваться в то, что его не касается, он изгонит его из Ватикана; и он немедленно опубликовал эдикт, согласно которому под страхом смертной казни не следует обращать внимания на мандаты папства. Эти действия еще больше ожесточили предрассудки как духовенства, так и народа, и народный шум стал настолько громким, что Витиза начал дрожать как за свою корону, так и за свою жизнь. Взволнованный своими страхами и решивший как можно меньше поощрять любое изменническое предприятие, он разобрал главные крепости и сравнял стены всех городов королевства, за исключением Толедо, Асторги и Луго; акт безумия, который не только не достиг своей цели, но в конце концов непосредственно способствовал свержению монархии. Евреи, с другой стороны, теперь оказавшиеся на выгодных и ответственных должностях, далекие от того, чтобы ценить почести, которыми они были облечены, и доверие, оказанное им, с характерным для них вероломством и неблагодарностью воспользовались своей властью для уничтожения

своего царственного благодетеля. С помощью их интриг разразился грандиозный заговор. Большинство духовенства и значительная часть знати присоединились к повстанцам; был избран король-соперник; и после короткого конфликта Витиза был свергнут и, вероятно, убит, поскольку история не сохранила сведений о его судьбе.

Новый монарх Родерик, хотя и достиг преклонного возраста в восемьдесят два года, сохранил, в необычной степени, силу и активность ранней зрелости. Его жизнь прошла среди спортивных развлечений, которые заполняли досуг готской молодежи, и в случайных экспедициях, предпринимаемых против отважных горцев Галисии и Бискайи, он заслужил репутацию храбреца и военного искусника. Хотя он был не королевской крови, его природные дарования, достоинство его осанки, кажущаяся, но обманчивая строгость его манер и мягкость его характера снискали ему уважение всех, кто был допущен к нему. В элегантной роскоши своего дворца, в великолепии своей свиты, в величественной пышности, отличавшей каждую публичную церемонию, на которой он председательствовал, он намного превзошел своих предшественников и с немалым успехом подражал великолепию римского двора в эпоху упадка империи.

Дух интриги, одушевлявший подданных монархии, по существу выборной, но в которой вежливость и реальные или кажущиеся заслуги иногда делали исключение в пользу наследственного происхождения, установил среди вестготов обычай удерживать возле трона детей из могущественных семей; номинально в целях образования, но фактически для обеспечения верности их родственникам часто поручалась охрана пограничных укреплений или важных военных командований. Сыновья, пока не достигли зрелого возраста, служили пажами при королевском дворе и обучались всем мужественным и боевым упражнениям того времени. Свиты королей набирались из благородных девиц, которых этот благоразумный обычай помещал и удерживал в пределах двора и которые были тщательно обучены немногочисленным, но изящным способностям, необходимым для положения дам выдающегося происхождения. Среди последних при дворе Родерика была дочь графа Юлиана, бывшего вассала Византийской империи и коменданта крепости Сеута, которого политическая необходимость, изоляция, последовавшая за покорением всех греческих поселений в Африке, и быстро растущее могущество мавров вынудили обратиться за защитой к ближайшему христианскому монарху и передать свою верность двору Толедо. Эта девушка, отличавшаяся необычайной красотой, возбудила распутные желания короля, который, не сумев добиться своей цели честными средствами, в недобрый час прибегнул к силе. Узнав об ущербе, нанесенном его семье, граф Джулиан, без колебаний выдержав зимние бури, поспешил в столицу. Скрывая, с истинно греческой проницательностью, свои оскорбленные чувства, он попросил разрешения отвести свою дочь к постели ее матери, которую он представлял как опасно больную. Без каких-либо опасений Родерик удовлетворил просьбу, и, проявляя все признаки уважения и лояльности, офицер-ветеран покинул суд и вернулся по своим следам. Едва он прибыл на свой пост, как приступил к осуществлению плана мести, который у него уже полностью созрел. Замок Сеута был ключом к Европе. Непрístupный для всех средств военной инженерии в эпоху, когда порох был неизвестен, вестготы не понимали его ценности как препятствия для иностранного вторжения. Неприкосновенность, выработанная веками; презрение к варварам; незнание могущественной и непревзойденной силы ислама; инертность, вызванная отчасти влиянием климата, но главным образом злоупотреблением всеми удовольствиями необузданной роскоши, заставили правителей Толедо считать свое королевство неприступным для нападения, а свою империю вечной. Как уже упоминалось, эта

надменная и коррумпированная нация постоянно находилась в состоянии волнения, и ее целостности угрожали десятки враждующих группировок. Ее недавние монархи направили всю свою энергию на отмену государственных мер, введенных их предками. Знать и духовенство, охваченные взаимной враждой, с подозрением относившиеся к своим сторонникам и настроенные друг против друга, были вовлечены в смертельную борьбу за превосходство. Евреи, которых поочередно потворствовали и преследовали, жили в постоянном состоянии тревоги и отчаяния. Все благотворные ограничения религии были, по-видимому, сняты; Церковь рассматривалась как удобный инструмент для достижения политической власти; духовенство было посвящено практике безымянных пороков; народ - неразборчивому распутству. Большое количество рабов, которые под гнетом жестоких хозяев все еще сохраняли традиции свободы, созрели для восстания и жаждали дня своего освобождения. Катастрофический голод, за которым последовала его обычная преемница - эпидемия, последствия которой все еще проявлялись на невозделанных полях и заброшенных деревнях, способствовали увеличению народных страданий и недовольства. Защищенные от вторжений франков естественным валом Пиренеев с одной стороны и изолированные с другой Средиземным морем и океаном, жители полуострова, наслаждаясь целебным климатом и плодородной почвой, пребывали в воображаемой безопасности и давно уже сняли доспехи, вес которых стал невыносимым, и отказались от тех воинских упражнений, сохранение которых было их единственной гарантией.

Движимый духом отчаяния, который не задумывался ни о последствиях своих действий, ни о средствах, с помощью которых они должны были быть совершены, граф Джулиан добивался присутствия Мусы. Он нашел мусульманского генерала в Кайроане, который был выбран резиденцией вице-королевского правительства Западной Африки. Бесстрашный характер его гостя не был неизвестен великому арабскому воину, чьи планы относительно Сеуты были дважды расстроены доблестным греком после использования всех ресурсов, находившихся в распоряжении халифа, и граф Джулиан был принят со всеми почестями и уважением. Раскрывая свой проект, он долго и серьезно рассуждал о богатствах готской монархии и легкости ее завоевания. Он объяснял вражду и горькие чувства, порожденные разочарованным честолюбием, религиозными преследованиями, захватом наследственных поместий, страданиями уязвленной гордости. Он подробно рассказал о чувстве оскорбления, которое испытывают сторонники наследственного происхождения, которые считают правящего монарха иностранного происхождения и более низкого ранга, справедливо навлекшего на себя позор узурпации. Он в ярких выражениях описал бесчисленные достопримечательности страны, ее плодородные долины, ее кристально чистые ручьи, лечебную ценность ее трав и растений, которым народная молва приписывала магические свойства, ее рудники, ее рыбные промыслы, драгоценную добычу, ожидающую руки захватчика, трансцендентную красоту ее женщин. Он описал женоподобный характер местных жителей, ослабевших от безделья, роскоши и потворства своим чувствам. Многие из этой информации было уже знакомо Мусе, но до сих пор непреодолимый барьер крепости, защищаемой упрямой храбростью губернатора Сеуты, сдерживал устремления мусульманского военачальника; не было возможности даже подтвердить достоверность удивительных историй, которые рассказывали о Гезирах-аль-Андалусе, или полуострове Вандалов, как арабы называли Испанию.

Полностью осознавая важность предложения, масштабность затронутых интересов и неопределенность, которая будет сопровождать исход экспедиции, и, в то же время, не доверяя добросовестности гота, Муса решил получить согласие халифа, прежде чем дать определенный ответ. Соответственно, депеши с полной информацией были отправлены в Дамаск. Ответ Аль-

Валида, который тогда занимал трон халифата, был благоприятным; но он настоятельно рекомендовал проявлять осторожность, что было совершенно излишним в случае человека с таким подозрительным и коварным характером, как у Мусы. Послав за графом Джулианом, Муса сообщил ему, что от него потребуется доказать свою верность, возглавив разведку на территории противника. Граф с готовностью принял это условие; пересек пролив с небольшим отрядом солдат, принадлежащих к его гарнизону; опустошил побережье в окрестностях Медины Сидонии; сжег несколько церквей; уничтожил растущие урожаи и вернулся со значительной добычей. Зная, что его союзник теперь скомпрометирован без всякой надежды на помилование, а возникшее незначительное сопротивление, по-видимому, продемонстрировало осуществимость предприятия, Муса объявил о своей готовности вести переговоры. Условия договора, по которому было заключено одно из богатейших королевств Европы, ускользнули от внимания истории. Однако есть основания полагать, что графу Джулиану было обещано значительное денежное вознаграждение в дополнение к удовлетворению мести; и что их наследственные владения должны были быть возвращены семье Витиза, чьи сыновья присутствовали на совещании, и чей брат Оппас был не только посвящен в заговор, но и был одним из его главных организаторов. Ключи от Сеуты были сданы, и граф Джулиан, поклявшийся в верности халифу, был назначен командующим мусульманской армией.

Осторожный старый ветеран Муса все еще не был удовлетворен и решил отправить вторую экспедицию под командованием одного из своих собственных капитанов для исследования испанского побережья. Он выбрал для этой цели одного из своих верных вольноотпущенников по имени Абу-Зарах-Тариф, который, отправившись в путь с сотней кавалеристов и тремя сотнями пехотинцев, высадился в Гезирах-аль-Хадре, ныне Альгезирас, в июле 710 года. Вторжение Тарифа мало отличалось по своим результатам от вторжения его предшественника, но подтвердило представления последнего и, вне всякого сомнения, доказало беззащитность вестготского королевства. Подготовка к войне теперь велась в более широком масштабе, но такая, которая все еще не могла привести к свержению монархии за невероятно короткий период, необходимый для ее завершения, и которая, действительно, была задумана только как грабительская экспедиция. Командование войсками было передано Тарику Ибн Зейяду, берберу, чьи рыжие волосы и светлый цвет лица свидетельствовали о его происхождении от вандалов. Схожие имена этих двух офицеров, оба из которых были вольноотпущенниками Мусы, привели к путанице и ошибочной идентификации личности, что сильно запутало повествования как древних хронистов, так и современных историков. Тарик был опытным солдатом, необычайной предприимчивостью и непоколебимой отвагой. Его армия была одной из самых разношерстных сил, которые когда-либо собирались под мусульманскими знаменами. Их число было сравнительно незначительным, составляя всего семь тысяч, из которых лишь немногие были кавалеристами. Основная часть войск состояла из берберов — свирепых дикарей Атласских гор, прозелитов, освобожденных от фетишизма политикой и красноречием Мусы, — среди них были представители племен Гомара, масмуда и зенета, именам которых суждено было стать жестокими знаменитостями в последующей истории Испании. В рядах захватчиков были представлены все нации, которых случай, несчастье, любовь к грабежу или дух приключений привели на африканское побережье; потомки вандалов и готов; бедуины из Хеджаза; политические изгнанники с дальнего Востока; заговорщики из Сирии; византийцы-отступники, отказавшиеся от верности константинопольскому императору; и значительная группа евреев, чьи связи с их испанскими братьями сделали их ценными помощниками,

пополнили команду Тарика. В последнем были приверженцы всех форм религии — поклонники огня, звезд, язычники, почитающие богов Олимпа, ортодоксы и христиане-еретики. Каждое племя было выстроено под своим знаменем, и различная национальность рядового состава в равной степени проявлялась в самом разном происхождении подчиненных офицеров — грека-ренегата графа Джулиана, бербера Тарика, гота Мугейт-аль-Руми и еврея Каула-аль-Яхуди. Суда для перехода через пролив были предоставлены графом Джулианом, который произвел впечатление на те торговые суда, которые стояли на якоре в портах, находящихся под его юрисдикцией, единственных доступных; однако их количество было настолько недостаточным, что на транспортировку армии ушло несколько дней. . Мусульмане, наконец, высадились у подножия огромного мыса, известного древнему миру как Кальпе, но который, переименованный арабами в Гебаль-ат-Тарик, гору Тарик, передал свое новое название, почти без изменений, будущим векам как знаменитый Гибралтар. Едва захватчики высадились на берег, как на них напали готы под командованием Теодомира, того вождя, чье успешное проведение морской экспедиции во время правления Эгизы побудило Родерика доверить ему командование войсками, имевшимися в его распоряжении. Плохо экипированные и недисциплинированные войска готского полководца сразу же показали свою неспособность противостоять натиску огненных всадников Пустыни, и Теодомир был вынужден отступить. Он без промедления отправил королю тревожную весть о вторжении, раскрывающую всеобщее смятение, с которым относились к этому странному врагу, следующим образом: “На нашу землю вторглись люди, имя, страна и происхождение которых мне неизвестны. Я даже не могу сказать тебе, откуда они взялись, упали ли они с небес или возникли из земли”. Это зловещее послание дошло до Родерика еще до стен Пампелуны, которая недавно восстала против его власти. Каковы бы ни были его недостатки, готский монарх, безусловно, не был лишен мужества и решимости. Сняв осаду, он поспешил в Кордову и посвятил все свои силы сбору огромной армии для защиты королевства. Были задействованы все средства — обещания амнистии, угрозы, щедрые вознаграждения и воинская повинность, пока под королевские знамена не было собрано сто тысяч человек. Но это огромное войско было грозным только с виду. Рекруты, из которых он состоял, совершенно не соблюдали дисциплину и не привыкли к опасностям войны. Их оружием были в основном орудия труда, использование которых было знакомо в практике мирного земледелия. Рядовые, буйный сброд рабов и наемников, маршировали пешком. Лошадей на полуострове было мало и они были дороги; верхом ездил только знать; и нехватке кавалерии у готов арабские историки в значительной степени приписывают сокрушительные поражения, нанесенные их оружием. К громоздкому и беспорядочному характеру готской армии добавилось тайное и пагубное влияние измены. Тысячи людей были призваны защищать находящуюся под угрозой корону Родерика, чьим главным желанием была передача этой короны соперничающей династии. Другие, занимавшие высокое положение, предлагали свои услуги в надежде, что среди всеобщей неразберихи они смогут попытаться счастья в политике и удовлетворить непомерные амбиции. Настоятельная необходимость этого случая вынудила привлечь к ответственности лидеров враждебной группировки, которые были ранены безвозвратно и которым было одинаково опасно доверять или еще больше оскорблять. Во главе их стояли сыновья и братья Витизы, которые, хотя и отвергли примирительные попытки Родерика, с готовностью приняли командование, которое могло способствовать осуществлению их планов мести. Десятки людей, принадлежавших к благородным и церковным орденам, а также евреи, все до единого, охваченные местью и ненавистью, ежедневно поддерживали связь с головными частями врага. Зависть соперничающих командиров еще больше снижала эффективность христиан, чья вражда и недовольство, будучи хорошо

известными их противникам, имели тенденцию внушать последним вполне обоснованную надежду на победу.

Тем временем Тарик захватил и оккупировал древний город Картеха и, надежно укрепившись, разослал экспедиции за фуражом по всей окрестной стране. Все они, без исключения, были успешными, и быстрые передвижения арабской кавалерии, их кажущийся непобедимым характер и ценная добыча, которую они захватили, не только вселили ужас в изумленных туземцев, но и значительно ободрили основные силы армии вторжения, расположившиеся лагерем в тени Гибралтара. Эмиссары и тайные союзники Тарика, кишевшие при дворе и в лагере Родерика, не теряя времени, сообщили ему о приготовлениях к его уничтожению. Встревоженный полученными сообщениями, он отправил гонца к Мусе за подкреплением. На помощь ему был послан пятитысячный отряд берберской кавалерии, который вместе с остальными его войсками составлял двенадцать тысяч ветеранов; ничтожная горстка по сравнению с армией готов, но состоявшая из воинов, привыкших к лишениям, привыкших побеждать, воспламененных религиозным рвением и испытывающих преданную и непоколебимую привязанность к своему командиру.

Утром прекрасного июльского дня 711 года, начала эры, наиболее примечательной в анналах Испании, враждебные армии столкнулись друг с другом у озера Ла-Джанда, на холмистых равнинах Медина-Сидония. Мавры, воодушевленные одинаковым успехом, который до сих пор сопутствовал их оружию, полагаясь на разногласия врага не меньше, чем на свою собственную доблесть, и с нетерпением ожидавшие схватки, появились в сверкающих кольчугах, в белоснежных тюрбанах и вооруженные мечами и пиками; за плечами у них были арабские луки, стрелы которых, подобно парфянским, делали лучника еще более грозным при отступлении. Мавританский генерал, совершив обряды своей веры, обратился к своим солдатам с несколькими волнующими и хорошо подобранными словами. С непревзойденным мастерством он воспользовался сильнейшими страстями, которые управляют человечеством, — алчностью, военной славой, любовью к женщине, бесценными наградами за религиозное постоянство. Он открыл им сон, в котором Пророк объявил, что исход конфликта будет благоприятным для приверженцев ислама, и который предвещал замешательство неверных. Он объяснил им их отчаянное положение, в котором поражение означало уничтожение, а победа была единственной надеждой. Он призвал их отбросить всякую мысль о страхе и положиться на свое мужество, испытанное на многих полях сражений. Он пылко описывал достопримечательности страны и несравненное очарование населявших ее готических гурий. Он повторил отрывки из Корана, которые обещали, что все мученики, павшие в битве, сразу же получают награду за свою преданность среди невыразимых наслаждений Рая.

С другой стороны, взятки, призывы и угрозы Родерика объединили всю имеющуюся военную мощь готской монархии. Король, окруженный своей знатью и сопровождаемый стражей, демонстрировал всю помпезность и величие Востока. Его везли впереди на белых мулах, на носилках из слоновой кости, богато инкрустированных серебром, и укрытых балдахином из разноцветного шелка; пурпурный плащ покрывал его плечи, на голове была королевская диадема, а его одеяние из золотой ткани было украшено бесценными драгоценностями. Приспособления знати обозначали порядок расположения различных подразделений, а в арьергарде шел обоз из многих тысяч вьючных животных, единственным грузом которых были веревки, которыми можно было связать пленников. Подробности битвы, изменившей судьбу Западной Европы, необычайно скудны даже для того неграмотного и легковверного века, в

который она произошла. По-видимому, она состояла из серии нерешительных стычек, длившихся восемь дней, за это время две армии прошли расстояние в двадцать миль до окрестностей современного города Херес-де-ла-Фронтера. Здесь, с поразительным невежеством или с фатальным пренебрежением элементарными правилами военной тактики, готы заняли свои позиции на реке Гуадалете у себя в тылу. После последнего обвинения арабов предательство бывших сторонников Витизы стало очевидным. Большая группа знати со своими слугами открыто дезертировала; началась паника, и огромное количество людей обратилось в безудержное бегство. Продвигаясь вперед с пронзительным боевым кличем мусульман, который вселял ужас в побежденных готов, мавританские эскадроны загнали врага в быстрые воды Гуадалете. Резня была ужасной. Измученные многодневными боями и преследуемые постоянной угрозой рабства и смерти, солдаты Тарика не давали пощады. Земля была завалена трупами. Русло реки было забито мертвыми и умирающими, лошадьми, колесницами, походным снаряжением, сокровищами, которые беглецы тщетно пытались спасти. Говорят, что из числа захватчиков пало три тысячи человек, но потери готов не были подсчитаны. Остатки армии, избежавшие мечей арабов, преследовались до самых ворот соседних городов. Многие были изрублены на куски прежде, чем смогли добраться до безопасного места; и, наконец, пресытившись кровью, победители обнаружили в своих руках большое количество пленников, которых теперь связывали веревки, которые они сами же и раздобыли. Боевой конь Родерика, покрытый очень ценной сбруей, был взят, но от короля не осталось и следа. Одна из его сандалий, инкрустированная рубинами и изумрудами, была найдена на берегу реки, что, по-видимому, указывает на то, что он утонул; но его тело так и не было найдено, и его судьба остается загадкой; несмотря на то, что испанские романтики и монашеская доверчивость облекли его исчезновение множеством экстравагантных легенд, подтвержденных огромным количеством церковных свидетельств. Добыча, попавшая в руки мусульман, была неисчислима. Количество захваченных лошадей было настолько велико, что вся армия была верхом, что значительно повысило ее боеспособность. Убранство этих животных— обладание которыми у готов означало получение высокого положения и богатства, было самого дорогого качества; многие из лучших боевых коней были подкованы серебром или золотом. Готская знать, привыкшая соперничать друг с другом скорее в сервировке своих столов, численности своей свиты и великолепии своих экипажей, чем в доблести и военных знаниях, и мало мечтающая о результате, привезла с собой самое ценное из своего имущества - столовое серебро и драгоценности. Их любовь к показухе заставляла их окружать себя множеством рабов, из-за ежедневных поджарок которых лагерь пребывал в постоянном смятении, и между которыми и врагом существовало тайное взаимопонимание, последствия которого со страхом проявились в час бедствия. Все это богатство, вместе с украшениями и знаками отличия королевского двора, стало добычей завоевателя. Пятая часть, которая по законам ислама принадлежала халифу, была отложена в сторону, оставшаяся часть была разделена на поле боя под шумные возгласы ликующих солдат.

Битва при Гуадалете по праву стоит в одном ряду с великими и решающими победами мира. Действительно, если мы примем во внимание относительное количество сражающихся, продолжительность акции и важность ее результатов, этому нет аналогов в анналах военных действий. В то время как интриги беспринципных группировок в значительной степени способствовали успеху арабов, не следует упускать из виду тот факт, что численность последних была едва заметна по сравнению с огромными массами их противников, и что они находились в

дополнительных невыгодных условиях, сражаясь на территории противника. Что касается полководческого мастерства, то оно не могло быть проявлено ни с той, ни с другой стороны. Мусульмане были немногим лучше бандитов, которыми командовали варвары и ренегаты, чей единственный военный опыт был приобретен грабительскими набегами в Африканской пустыне. Готы, праздные и женоподобные по жизни, ослабленные телом, трусливые, униженные и совершенно непривычные к оружию, были одержимы непомерным тщеславием и преисполнены презрения к своим противникам. Тирания, эксцессы и произвол Витизы привели к отстранению его потомства от трона, и сторонники последнего были готовы пожертвовать своей страной и своей религией, чтобы обеспечить свержение узурпатора и удовлетворить свою ненасытную жажду мести.

Так пала ослабевшая и пошатнувшаяся монархия готов. Она надолго сохранила свою славу и престиж. Суровые политические принципы его основателей, подходящие для холодных регионов Балтии, были признаны несовместимыми с физическими и моральными условиями, налагаемыми сладострастным климатом Бетики и Лузитании. Подорванный пороками знати, неистовыми амбициями духовенства, предательскими махинациями евреев и бездеятельным безразличием масс к любой судьбе — при условии только, что это повлекло за собой смену хозяев, — первый удар решительного врага смел его с лица земли. На ее месте возникла новая империя и странная династия экзотического происхождения, одинаково чуждая по одежде, законам, обычаям, конституции, религии. Далекие от того, чтобы быть неблагоприятными, метеорологические условия субтропического полуострова, которые незаметно определили нравы, политику и судьбу стольких рас, были в высшей степени благоприятны для высочайшего интеллектуального развития его населения. Благодаря мудрым и благородным амбициям ее правителей была создана та универсальная культура, которая сделала Кордову интеллектуальным центром, откуда расходились те лучи света, которые озаряли тьму средневекового мира. Гений ее государственных деятелей, искусство ее генералов и доблесть ее армий породили то постоянное предчувствие надвигающейся катастрофы, зловещую тень, которая, нависая над Европой подобно неясно очерченным очертаниям гигантского призрака, веками угрожала низвержением Престола Святого Петра и разрушением той системы веры, которая возникла на руинах языческого идолопоклонства и суеверий.

Великим и повсеместным был ужас, охвативший готов после разгрома Гвадалеты. Все ресурсы королевства были поставлены на карту и потеряны. Государь таинственным образом исчез. В битве на поле боя и в том, что сопровождало еще более катастрофическое отступление, знать пострадала так сильно, что немногие из ее представителей, имевших право на трон, выжили или остались на свободе, если таковые вообще были. Священная профессия священнослужителя, которая своим присутствием и увещеваниями поддерживаласлабеющий дух солдат, не смогла защитить их от острия мавританского ятагана. Ненависть и фанатизм захватчиков были доведены до исступления при виде облачений и знаков отличия Церкви, и даже самые почтенные прелаты были убиты; ибо свирепые мусульмане не давали пощады служителям христианства и пренебрегали даже черными услугами тех, кто обрек на вечную гибель последователей Пророка. Накопленные поколениями богатства, которые тщеславие и показуха палатинцев демонстрировали при дворе, на марше и в лагере, были сметены в казну победителя. Беглецы, которым посчастливилось спастись, укрылись в соседних городах, куда вскоре за ними последовали крестьяне, с ужасом взиравшие на свои горящие дома и опустошенные поля. В ходе одного сражения и практически за один день одна из самых густонаселенных и богатых стран Европы пала жертвой стремительной, но бессистемной атаки

неизвестного врага. В течение двух столетий и при гораздо менее благоприятных обстоятельствах карфагенские и иберийские провинции полуострова успешно противостояли ресурсам и престижу римского оружия. Еще на три столетия вестготы, полагаясь на традиции и военную славу своих предков, без труда защищали свои владения, вырванные из слабых рук цезарей, и неоднократно отражали волну франкского вторжения со склонов Пиренеев.

С приходом всепоглощающего национального бедствия на охваченный ужасом народ обрушилась апатия отчаяния. Общественное отчаяние усугублялось порицаниями духовенства, которое с характерной для него бесстыдностью объявило вторжение божественным наказанием за преступления нечестивцев; преступления, в которых они сами не только участвовали, но и своим бесстыдным поведением приобрели позорную известность в эпоху беспрецедентной коррупции.

Мусульмане под предводительством предприимчивого Тарика, проявившего таланты умелого полководца в умении извлекать выгоду из любого преимущества, не теряя времени, пожинали плоды победы. Из армии — теперь уже компактного и активного подразделения кавалерии — были разосланы во все стороны отряды, чтобы отрезать разрозненные отряды противника и захватить припасы, предназначенные для перенаселенных городов, которым уже угрожали ужасы голода.

Весть о чудесном успехе на равнинах Хереса вскоре распространилась повсюду в городах и провинциях Африки. Воодушевленные надеждой на добычу и славу, мусульмане, многие из которых покинули свои дома и использовали все доступные суда, чтобы пересечь пролив, тысячами стекались под знамена Тарика. Последний, тщательно реорганизовав своих новобранцев и назначив в командование офицеров испытанной верности и опыта, захватил Сидонию. Затем его внимание привлек сильно укрепленный город Кармона. Поскольку о его взятии в результате медленного процесса осады не могло быть и речи с имеющимися в его распоряжении ресурсами, пришлось прибегнуть к хитрости. Эскадрон слуг графа Юлиана, возглавляемый этим достойным человеком собственной персоной и, по-видимому, преследуемый отрядом неприятеля, появился перед стенами. Беглецам сразу же было предоставлено убежище, которые глубокой ночью убили часовых и открыли ворота врагу. Оттуда Тарик двинулся на Эсиху, где укрылась большая часть выживших в битве при Гуадалете. Готы, пренебрегшие защитой своих укреплений и доведенные до отчаяния своим положением, которое предполагало альтернативу рабству или голоду, смело столкнулись с мусульманами в поле боя. Битва вызвала ожесточенные споры, и хотя потери, понесенные захватчиками, были больше, пропорционально количеству сражавшихся, чем любые потери, понесенные во время Завоевания, готы в конце концов были разбиты, а город взят. Эция кишела членами монашеских орденов, и монахини, которые в основном преобладали, славились своей красотой. Перспектива попасть в гарем неверных приводила этих благочестивых дев в ужас, и они прибегали к героическому средству - уродовали свои черты, надеясь пожертвовать своими прелестями, чтобы сохранить и свою честь, и свои жизни. Сострадание мусульманского флибустьера, разъяренного попыткой лишить его добычи, не было тронуту доказательствами святой набожности; вид монашеского одеяния стал сигналом к возмущению; за насилием быстро последовала смерть, и многие сотни покалеченных супругов Христа приняли мученический венец.

Тем временем Муса отправил в Дамаск депеши с сообщением о победе, но, движимый мелкой завистью, которая составляла столь заметную черту его характера, он тщательно скрыл от халифа имя удачливого полководца. Приняв решение перебраться в Испанию и лично возглавить кампанию, он послал Тарику категорический приказ не продвигаться дальше, пока он не прибудет. Но герой Гвадалете, полностью осознававший важность того, чтобы не дать врагу возможности отдохнуть и перестроиться, и получивший совет графа Джулиана немедленно выступить на Толедо, придерживался мнения, что неповиновение приказам своего начальника повредит интересам его государя, а также его собственной судьбе. Поэтому он провел парад своих войск и, приказав им воевать только с теми, кто действительно вооружен, не трогать всех мирных жителей и неукоснительно уважать религиозные предрассудки народа, отправился в Кордову во главе многочисленной армии. Последний город был силен и хорошо защищен, и Тарик через девять дней, видя, что осада, вероятно, будет длительной, поручил ее ведение своему наместнику Мугайту аль-Руми и без промедления двинулся на Толедо. Губернатор Кордовы, принадлежавший к царской крови готов, храбрый и решительный офицер, воодушевленный отходом основных сил противника, не сомневался в своей способности защитить город от сил, не намного превосходящих его собственные по численности. Но удача, которая, казалось, сопутствовала мусульманам при каждом удобном случае, не покинула их и в нынешней чрезвычайной ситуации. Вскоре Мугайт-аль-Руми получил информацию о слабом месте в укреплениях, которое можно было бы преодолеть. Воспользовавшись темной ночью и шумом, вызванным бурей с градом, отряд переправился через реку под руководством пастуха и достиг указанного места. На фиговое дерево, росшее у стены, взобрался деятельный солдат, который, развернув свой тюрбан, вывел нескольких своих товарищей, которые заняли зубчатые стены без сопротивления, так как сильная буря согнала часовых с их постов. Тихо и быстро продвигаясь по улицам, стража у ворот была застигнута врасплох и перебита, армия была впущена, и к рассвету город был в руках мусульман. Губернатор с четырьмя сотнями гарнизона бежал в церковь Святого Георгия, которая стояла за западной стеной и, будучи окружена рвом и снабжаемая водой по подземному каналу из источника в соседних горах, представляла собой все препятствия крепости, башни и барбаканы которой могли бросить вызов врагу, лишенному военных машин и незнакомому с порядком ведения осады. В течение значительного времени готы отражали атаки отряда Мугейт-ар-Руми, пока, наконец, после тщательных поисков, когда был обнаружен источник водоснабжения и перерезан акведук, осажденные, доведенные до крайности, были вынуждены сдаться. Большинству гарнизона было разрешено присоединиться к своим соотечественникам на Севере, но офицеры и губернатор, который был слишком важной персоной, чтобы его отпускали на свободу, остались в лагере победителя.

Прежде чем покинуть Эджию, Тарик послал одного из своих офицеров, Зейд-ибн-Кесаде, во главе значительного отряда, захватить южную часть Андалусии. В этом регионе, как и везде, таинственный ужас, сопровождавший подвиги захватчиков, предшествовал им. Баха, Антекера, Эльвира и прилегающие районы сдались почти без сопротивления, но Гранада, полагавшаяся на свои укрепления, отказалась принять предложенные условия и была взята штурмом. Малочисленность мусульман не позволяла им оставлять гарнизоны в захваченных городах, и наиболее важные из последних были переданы в ведение арабских губернаторов, с которыми евреи, которые, казалось, процветали в условиях преследований, согласились сотрудничать. Еврейский элемент в Гранаде был настолько многочислен, что это была практически еврейская община, и с ее помощью одной роты было достаточно, чтобы удержать в подчинении город с населением почти в сто тысяч душ. Достигнув цели своей экспедиции с незначительными

потерями, нагруженный богатой добычей и сопровождаемый бесчисленным количеством рабов обоего пола, Зейд, разграбив по пути Джаен, поспешил присоединиться к Тарику в Толедо.

Со времени битвы при Гуадалете прошло восемь месяцев, прежде чем мусульманская армия появилась у ворот вестготской столицы. Расположенное на высоком холме и почти окруженное рекой Тахо, чье течение быстро протекало по глубокому каналу, прорытому в живой скале, искусство объединилось с природой, чтобы сделать его положение неприступным. Стены, построенные из камней почти циклопических размеров, окружали его и поднимались на огромную высоту даже со стороны реки, где сами отвесные скалы препятствовали любым попыткам штурма. Подход с севера был защищен барбаканами и внешними укреплениями двойной мощности. Эти оборонительные сооружения были спроектированы и усовершенствованы Вамбой, последним из готских королей, чей военный гений на короткое время возродил славные традиции и давно забытые подвиги древней династии. Столица империи, сама по себе цитадель, куда были расточены все ресурсы обширной монархии и все знания военной техники того времени были использованы для обеспечения безопасности двора, теперь трепетала в присутствии нескольких тысяч бродячих варваров. Ужас, который был связан с неизвестным врагом, усиливался быстротой его движений, которая для суеверных вестготов делала его вездесущим. Для защиты этой крепости имелась достаточная военная сила, но чувства патриотизма, верности и мужества, столь необходимые для сохранения послушания и дисциплины, исчезли. Вместо того чтобы готовиться к сопротивлению, каждый человек думал только о своем собственном спасении, когда пришло известие о приближении врага. Большинство граждан, оставив свои владения, бежали в Галисию и Астурию. Беззаконные солдаты гарнизона грабили опустевшие дома и беспрепятственно раздевали беззащитных беглецов. Духовенство, считая зло лишь временным, замуровало сокровища часовен и монастырей в склепах, где большая их часть до сих пор остается неоткрытой. Предстоятель, нагруженный самым ценным имуществом церкви и предоставивший своим духовным подчиненным бороться за награду мученичества, предложенную неверными, сопровождал своих перепуганных прихожан в их бегстве и не останавливался до тех пор, пока не оказался в безопасности в стенах Рима. Беспорядочная толпа священников и монахов, движимых либо верой, либо ленью, оставаясь на своих постах, пыталась предотвратить надвигающееся бедствие постом, молитвой и паломничеством к бесчисленным святыням, расположенным как внутри города, так и за его пределами. Однако, к сожалению, никакого божественного ответа на эти последние отчаянные усилия отчаявшейся иерархии получено не было. Развевающиеся вымпелы и сверкающие копья арабской кавалерии появились вдалеке, и их легкие и подвижные эскадроны пронеслись вокруг стен. Поля были опустошены. Монастыри и виллы, украшавшие пригороды, были стерты с лица земли или сожжены. Каждый неудачливый бродяга был вынужден острием меча отречься от религии своих отцов или покориться участи раба. В городе, покинутом своим гарнизоном, наполовину обезлюдившем, без провизии, лишенном всякой надежды на облегчение и оккупированном в основном мирными жителями и евреями, сочувствовавшими врагу, не могло быть и речи о сопротивлении. Обычные условия, предложенные мусульманами, были с готовностью приняты. Всем желающим было разрешено удалиться, при том понимании, что такое оставление своих домов влечет за собой конфискацию любого имущества. Тем, кто предпочел остаться, была гарантирована защита при условии выплаты разумной дани. Как евреям, так и христианам разрешалось отправлять свои религиозные обряды; но половина церквей была конфискована для использования в исламе, и никакие новые молитвенные дома не могли быть построены без

разрешения правительства. Данники были оставлены в подчинении своим собственным законам, приводимым в исполнение их собственными судами, до тех пор, пока они не вступали в противоречие с политикой господствующей державы. Не допускались никакие препятствия для прозелитизма, и суровое наказание было объявлено тем, кто пытался запугать или оскорбить христианских ренегатов. Таковы были условия, навязанные жителям полуострова великодушной политикой завоевателя; приятный контраст с жестокостью варваров, двуличием Карфагена и алчностью и эгоизмом Рима.

Несмотря на то, что самые ценные сокровища столицы империи были унесены бегущим населением, награбленное мусульманами было огромным, и даже их алчность, обычно ненасытная, на этот раз была умерена. Разнообразие и количество драгоценных предметов, представших их изумленному взору, было так велико, что грубые воины Атласа нередко отказывались от великолепных облачений и усыпанной драгоценными камнями мебели, предназначенных для церковной службы, в пользу более портативных и великолепных безделушек, которые привлекали их сиюминутное воображение. Наиболее точные из христианских и мавританских хронистов передают, что два берберы, обнаружив алтарное покрывало из золотой парчи, украшенное рядами гиацинтов и изумрудов, которое было слишком тяжелым для них, чтобы нести его, отрезали ту часть, в которой находились драгоценные камни, и отвергли остаток как бесполезный. Другой, раздобывший золотую вазу, наполненную жемчугом, сохранил драгоценный сосуд, но, не зная об их ценности, выбросил его содержимое. В соборе было найдено множество золотых корон по обету, на каждой из которых было начертано имя готского короля. Неразбериха, вызванная поспешным бегством, оставила в религиозных домах любого вида огромные богатства, которые попали в руки завоевателя. Во дворце, который занимал Тарик, была обнаружена квартира, буквально заполненная сокровищами и королевскими знаками отличия различных династий, которые на протяжении веков влияли на судьбу вестготской монархии. Цепи и диадемы, урны и неограниченные драгоценные камни, скипетры, богато украшенное оружие, дорогие доспехи, одежды из золотой материи перечислялись историками того времени среди добычи; христианами - с сожалением и стыдом, мусульманами - со всем ликованием победы.

После сдачи столицы Тарик, оставив город на попечение своих верных приверженцев, евреев, сразу же двинулся на север в погоне за отступающими готами. Последние при каждом удобном случае, когда это было возможно, при появлении облака всадников в тюрбанах бросали свою ношу и укрывались в горных твердынях. Настигнув группу беглецов недалеко от Толедо, Тарик захватил великолепный стол, или кафедру, — использовавшийся для хранения Евангелий, — принадлежавший собору; романтическое легкое верие того времени приписывало его Соломону и предполагало, что он был частью добычи, привезенной Титом при разграблении Иерусалима; но более достоверные свидетельства показали, что это было дело рук вестготских ремесленников. Корпус и оправа этого драгоценного камня были сделаны из чистейшего золота. В него были вставлены чередующиеся ряды гиацинтов, рубинов, жемчуга и изумрудов, и, поскольку у каждого монарха был обычай вносить что-то в его украшение, королевское соревнование исчерпало себя, превзойдя усилия предыдущих царствований в украшении предмета, святость которого делала его более бесценным в глазах суеверных людей, чем даже неоценимая ценность его материалов и украшений. Он стоял на четырех ножках, причем последняя была настолько инкрустирована изумрудами, что создавалось впечатление, что каждая была сделана из цельного камня. Этот стол, оценочная стоимость которого составляла пятьсот тысяч крон и который описывался с таким преувеличением, что даже вызвал сомнения

исторических критиков относительно его существования, был отложен вместе с частью добычи, предназначенной халифу.

Взятие Толедо было последним важным подвигом берберского полководца, успех которого не мог искупить грубого неповиновения, в котором он был виновен. Было взято еще несколько городов, большая территория была опустошена, когда известие о приближении Мусы и ожидание гнева его командира внезапно остановили карьеру Тарика в расцвете завоеваний и славы.

Слава и популярность последнего, а также слухи об огромных богатствах, накопленных им, возбудили в полной мере их злобу, зависть и ненависть Мусы. Авантюристы, поспешившие в Иберию служить под знаменами Тарика, истощили гарнизоны Африки, и прошло четырнадцать месяцев после отплытия основной экспедиции, прежде чем Муса смог собрать достаточные силы, чтобы лично выступить в бой. Пересекая пролив с многочисленным отрядом войск, в который входили представители самых знатных семей Аравии, многие из которых удостоились редкой чести быть друзьями сподвижников Пророка, а также цвет африканского воинства, он высадился в Гезирах-аль-Хадре. Его зависть к успеху Тарика и уверенность в том, что берберы в своем походе не оставили без разрушения ни одного города или селения, побудили Мусу пожелать отправиться в Толедо другим путем. Узнав о его желании, его проводники пообещали удовлетворить его и предоставить в его распоряжение города гораздо большей протяженности и великолепия, чем те, которые покорились его мятежному наместнику. Сначала они отвели его в Кармону, которая, как и большинство других городов Андалусии, сбросила мусульманское иго, как только уход армии Тарика вселил в ее жителей уверенность; и это хорошо укрепленное место, несмотря на свою мощь, по-видимому, сразу же подчинилось призыву захватчика. Севилья, тогда, как и сейчас, один из крупнейших, богатых и красивейших городов Испании, подверглась следующей осаде. Одного месяца было достаточно, чтобы сократить его, но не обошлось без многочисленных кровопролитных боев, в которых мусульмане понесли значительные потери. В цитадели был оставлен гарнизон, и Муса двинулся на Мериду, известную со времен римлян своими массивными укреплениями, внушительными общественными сооружениями, а также архитектурным величием и богатством своих храмов. Основанная ветеранами Августа и носившая его имя, Мерида все еще сохраняла в восьмом веке несколько грандиозных памятников своего первозданного великолепия, которые почти триста лет назад так впечатляли изумленных варваров Германии, а теперь оказывали внушающее благоговейный трепет влияние на простых и суеверных племен Африки и Аравии. Пристрастие римских императоров щедро одарило эту провинциальную столицу сокровищами, которые позволили ее гражданам возвести сооружения, соперничающие с сооружениями самого Рима. Мосты такой необычайной длины и огромных пропорций, что они почти не поддаются попыткам современной науки разрушить их, пересекали песчаное дно вялой Гвадианы. Акведуки, подвешенные на ярусах изящных арок, пересекали высоко в воздухе густонаселенную и высоко возделанную равнину. Памятники времен правления Адриана и Траяна тянулись по улицам и возвышались на форуме. В пригороде стояли театр, цирк и наумахия; здания, достойные вкуса и величия любого города империи. Население было одним из самых зажиточных в королевстве. Архиепископский престол Мерида соперничал по достоинству и влиянию с первенством Толедо. Прошло не так много лет с тех пор, как вассалы и рабы метрополитена числом почти в тысячу человек, сверкая драгоценностями и золотыми одеждами, ослепляли взоры черни и

возбуждали зависть знати, участвуя в торжественных зрелищах Церкви — выставках, столь хорошо приспособленных для того, чтобы произвести впечатление на зрителя величиим, помпезностью и ресурсами церковной власти. Вполне возможно, что энтузиазм араба-хищника будет вызван архитектурным великолепием и историческими сувенирами широко известной столицы Лузитании! В то время как гигантские пропорции его зданий вызывали у него восхищение и заставляли приписывать их возведение великанам и демонам, его алчность, в то же время, стимулировалась мыслью о добыче, которую можно получить в результате разграбления места такого размера и важности. Но жители, достойные славы своих предков и не испуганные внезапным появлением неизвестного врага, без колебаний вступили с ним в бой на равных. Последовала серия сражений, в которых доблесть осажденных приобрела для них временное преимущество. Столкнувшись с таким решительным сопротивлением и будучи совершенно незнакомыми с методами ведения осады, мусульмане начали колебаться. Но их опытный командир, уверенный в своем мастерстве, теперь применил опыт, приобретенный им во многих тяжелых кампаниях в Сирии и Африке. Город был полностью блокирован. Каждая группа фуражиров, выходявшая из ворот, была перехвачена и взята в плен или изрублена на куски. Берберские военные стратегии приводили в замешательство бесстрашного, но неосторожного врага. Отряды, которые предприняли вылазку, чтобы атаковать линии осаждающих, были заманены в засаду и уничтожены. Были сконструированы военные машины, знакомые для той эпохи, но активность и мужество вестготов были таковы, что, хотя и были проделаны бреши, никакая безнадежная надежда не могла обеспечить укрытие в укреплениях; и одна из них, которой удалось проникнуть в них — обстоятельство, давшее месту, где это произошло, наводящее на размышления название Башни мучеников, — была уничтожена до одного человека. Каждый день, с восходом солнца, битва возобновлялась, и Муса с яростью и опасением видел, как на его глазах гибнут его испытанные ветераны и храбрейшие из его офицеров. Укрепления казались неприступными, и если бы не своевременное прибытие Абд-аль-Азиза, сына арабского генерала, с подкреплением в семь тысяч кавалеристов и пять тысяч арбалетчиков, мусульмане были бы вынуждены отказаться от этого предприятия. Обескураженные такой переменой в своей судьбе и начавшие страдать от нехватки провизии, жители Мериды теперь делали попытки сдаться. Хотя посланники находились в положении просителей, они вызвали негодование Мусы своим поведением, и потребовалось несколько совещаний, прежде чем граждане снизили до принятия обычных условий капитуляции. Когда все было улажено и заложники доставлены, мусульманская армия овладела городом. Огромное богатство попало в руки алчного Мусы, который сделал своей рабыней Эгилону, плененную вдову Родерика, принцессу, чей последующий брак с его сыном Абд-аль-Азизом стал источником многих бедствий для его семьи и нации.

Героическая защита Мериды вселила надежду на свободу в южные города, на которых мусульманское иго, совсем недавно наложенное, было легким, и Севилья, Малага, Гранада и Хаэн одновременно подняли восстание. Внимание Мусы в первую очередь было приковано к "Севилье", последнему и самому ценному из его недавних приобретений. Мятежники этого города убили тридцать человек из гарнизона и обратили остальных в бегство, в то время как евреи, верные инстинктам народа, долгое время униженного рабством, не только отказались помогать своим союзникам, но и поспешили с раболепным подобоострастием снова заключить мир со своими старыми угнетателями. За это дезертирство последовало ужасное возмездие. Абд-аль-Азиз взял это место штурмом и безжалостно предал смерти каждого христианина и

еврея мужского пола, которые были найдены в его стенах. Мусульмане, наученные опытом настоящей необходимости колонизации и будучи теперь в достаточном количестве, чтобы оправдать разделение своих сил, разместили в Севилье сильный гарнизон; в то время как конфискованные земли были разделены между уроженцами Аравии, счастливо присутствовавшими при вторжении армии, которая поспешила завладеть роскошными поместьями готских купцов и знати. Это был первый случай заселения завоеванной территории уроженцами отдельной страны, впоследствии столь распространенный при мусульманском правлении; политический ход, последствия которого и по сей день очевидны в традициях, диалектах, обычаях и народных суевериях различных провинций Испании. Абд-аль-Азиз легко привел к повиновению остальные мятежные города Андалусии, которые, колонизированные подобным же образом, всегда оставались верны своей преданности. Была также оккупирована часть Мурсии; и при сдаче Ориуэлы христианам были предоставлены необычайно выгодные условия через готского генерала Теодомира, которому после смерти Родерика часть готов передала верховное командование.

Сведения настолько противоречивы, что невозможно установить, как далеко в глубь вражеской страны проник Тарик после взятия Толедо. Вполне вероятно, однако, что его операции были простыми набегами, лишенными исторического значения. Дух нации был сломлен, ее армии рассеяны, ее лидеры убиты или поработаны, ее столица в руках врага. Покорение полуострова было фактически завершено, и успешный генерал вполне мог позволить себе почивать на лаврах и изыскивать средства для предотвращения справедливого негодования своего начальника, вызванного вопиющим неповиновением его приказам, преступлением, которое по строгим правилам военного права каралось смертью.

Два военачальника встретились в Талавере, куда в тревоге прибыл Тарик в сопровождении своих офицеров и нагруженный дорогами подарками - лучшей добычей вестготской столицы. Однако завистливый дух Мусы нельзя было успокоить подарками, величие которых лишь подчеркивало большую ценность потерянной им добычи. Он осыпал своего непокорного лейтенанта горькими упреками и, забыв о величине его недавних заслуг, зашел даже так далеко, что напомнил ему о его прежнем рабском положении, ударив его в присутствии всей армии. Затем, заключив его под арест, он поспешил в Толедо и приказал ему немедленно собрать и доставить всю добычу, которая попала к нему в руки при сдаче города. Из последних, безусловно, самой ценной была так называемая таблица Соломона, слава о которой задолго до Мусы дошла до нас. Тарик, прекрасно сознавая низость и несправедливость своего командира и подозревая, что тот присвоит себе этот важный приз, с проницательностью, достойной его берберского происхождения, тайно снял одну из ножек, усыпанных изумрудами. В таком состоянии она была доставлена Мусе, который, будучи уверенным, что она была таким образом изуродована, когда ее нашли, приказал заменить отсутствующую ступню золотой; драгоценностей соответствующего размера достать не удалось, хотя коллекции частных лиц и сундуки готской сокровищницы были тщательно разграблены с этой целью. Муса, заполучив желанную добычу, теперь лишил Тарика командования и бросил его в темницу. Проницательность берберского вождя, который знал, что такой шаг был лишь прелюдией к убийству, не покинула его в этой трудной ситуации. После того, как при посредничестве своих друзей ему удалось подкупить гонца, которого Муса отправил в Дамаск, халиф отправил специального посланника с приказом немедленно освободить прославленного военачальника и восстановить его власть. С нескрываемой неохотой Муса выполнил приказ своего повелителя, и Тарик, освобожденный от цепей, приступил к своим обязанностям под одобрительные

возгласы войск. Временное и кажущееся примирение было достигнуто между враждующими лидерами, которые публично относились друг к другу с вежливостью, но в сердцах которых тлел неугасимый огонь взаимной ненависти, разжигаемый непростительной несправедливостью и беспричинной враждой. Объединенными силами, жаждущие славы, они вторглись в Арагон. Каждый всадник был снабжен небольшим медным котелком, кожаной сумкой для провизии и бутылкой для воды; пехота не имела при себе ничего, кроме оружия. Лагерное снаряжение было погружено на караваны вьючных мулов. Военные и политические соображения требовали и вынуждали соблюдать строжайшую дисциплину. Мирным жителям никто не мешал. Грабеж запрещался под страхом смерти, за исключением настоящих сражений и штурма городов. Религиозные предрассудки людей уважались, и никакая собственность не уничтожалась, за исключением случаев, когда войска оказывали сопротивление или применяли насилие. Провинция была захвачена, а ее столица, Сарагоса, захвачена и заселена авантюристами из Африки. На жителей этого города Муса наложил новый в анналах ислама штраф, названный Конtribusiей Кровью, который взимался до того, как армия входила в ворота, и освобождал побежденных от неприятностей. Долина Эбро понравилась колонистам, которые породнились с местным населением, и губернатор Ханаш Ибн Али ознаменовал свое правление возведением великолепной мечети, остатки которой сохранились до сих пор. Затем Каталония и Валенсия покорились общей судьбе, и затем два генерала, изменив свой курс, двинулись маршем в дикие края Запада, где среди окутанных туманом сьерр Галисии и Астурии остатки вестготской нации, возглавляемые ее уважаемыми прелатами и неукротимыми вождями, хранили свои почитаемые реликвии и домашних богов; чтобы заложить под столь бесперспективным покровительством основы гораздо более грандиозной и могущественной империи, которой суждено спустя годы вызывать восхищение и ужас всего мира.

Донесения Мусы халифу показывают, что арабы полностью оценили ценность своего завоевания. “По чистоте неба и красоте ландшафта он напоминает Сирию; по мягкости климата даже Йемен не превосходит ее; по обилию цветов и изысканности ароматов он напоминает роскошь Индии; он соперничает с Египтом по плодородию его почвы и с Китаем по разнообразию и совершенству его минералов”, - писал опытный ветеран, которому были знакомы богатства и ресурсы как Азии, так и Африки. Множество пленных, захваченных мусульманами, повергло старого генерала в изумление. “Это похоже на ассамблею наций в Судный день”, - воскликнул он, хотя, несомненно, помнил, что Мавритания выдавала своих пленников сотнями тысяч, а человеческое имущество было настолько дешевым, что не было ничего необычного в том, что здорового мужчину продавали на базаре Кайруана за горсть перца. Торговка, торговавшая безделушками и парфюмерией, покинула Толедо после его сдачи с пятьюстами рабынями в своем обозе. Тридцать тысяч христианских девушек, отобранных за их красоту, были предназначены для рынков Востока. Евреи особенно обильно пожали плоды несчастий своих бывших угнетателей. Пользуясь невежеством солдат, они приобрели за ничтожные суммы священную утварь для алтаря, драгоценности, которые украшали придворных красавиц, и все богатые и дорогостоящие предметы готической роскоши. С сарацинского завоевания, с огромным богатством, которое оно им дало, восходит известное положение, которого впоследствии достигли евреи в политических и финансовых делах Европы.

Странный рок, сохранивший для будущего величия и славы разбитые осколки вестготской монархии, даже сейчас, в самом начале, когда казалось неизбежным, что весь полуостров станет мусульманским, утверждал свою таинственную силу. Тарик достиг Асторги, а Муса все еще находился в Луго, когда от халифа Аль-Валида было доставлено послание, приказывающее

обоим генералам возвращаться в Дамаск. Этот шаг был решен не столько из-за взаимной враждебности двух вождей, которая, проявляясь даже в их донесениях, серьезно подорвала престиж мусульманского оружия и поставила под угрозу стабильность мусульманских завоеваний, сколько из опасения, что честолюбие Мусы может привести его к узурпации суверенитета над недавно приобретенными владениями. Благоразумные соображения также помешали назначению Тарика губернатором полуострова. Его популярность была даже больше, чем у Мусы, а отдаленное положение завоеванной территории было слишком благоприятным для установления независимой монархии, подчинение которой в случае восстания было бы трудным, если не невозможным. Честолюбивый гений опытного полководца разработал обширный план завоевания, проект настолько грандиозный, что на первый взгляд может показаться экстравагантным, но который после тщательного изучения можно было бы счесть далеко не невыполнимым. Это было его желание последовать примеру и превзойти достижения Ганнибала, пересекая Европу, и встретиться у стен Константинополя с армией, которая могла бы сотрудничать с ним в осаде и захвате византийской столицы. Если бы этот гигантский замысел был реализован, владения Дамасского халифата намного превысили бы пределы Римской империи. Он видел, с какой легкостью вестготское королевство, обладавшее неисчислимыми богатствами и опиравшееся на военные традиции трех столетий, было ниспровергнуто за один день. Беспрецедентный успех их недавних военных операций побудил фанатичных и доверчивых солдат считать себя особыми любимцами Аллаха. Более того, общеизвестным было то, что способный вождь, сокрушивший, а затем обративший в свою веру доселе независимые племена Ливийской пустыни и Атласских гор и безжалостно пронесшийся по равнинам полуострова, в кампаниях, растянувшихся на целое поколение, ни разу не потерпел неудачу в предприятии и не проиграл ни одного сражения. Само упоминание о крестовом походе против неверных разжигало в сердце мусульманина самые дикие страсти. Неограниченные сокровища были доступны для любого предприятия, каким бы обширным оно ни было; однако это не имело большого значения для войска, привыкшего получать плату добычей и средства существования которого были отняты у врага. Варварская монархия Франции, постоянно раздираемая внутренними раздорами, вряд ли могла создать более серьезные препятствия для вторжения, чем те, которые исчезли перед бурей при Гуадалете. Было ли тогда химеричной для Мусы надежда, что с объединенной помощью своего собственного гения и непобедимой доблести своих ветеранов он сможет присоединить к владениям преемника Мухаммеда прекраснейшие регионы Европы, в самой резиденции папства провозгласить с башен Вечного города доктрины ислама и, двигаясь на восток, обмениваться приветствиями на берегах Босфора со своими друзьями и братьями из Сирии? Этот план завоевания, несомненно подсказанный вторжением карфагенского полководца, но обещавший гораздо более важные результаты из-за полностью дезорганизованного состояния провинций, некогда составлявших Римскую империю, предприятие, достойное честолюбия и отваги любого военачальника, был без колебаний осужден подозрительным халифом, который увидел в его успешном исполнении зловещую угрозу со стороны конкурирующей монархии. С невыразимым горем и досадой, но, в какой-то степени, поддерживаемый надеждой, что личная беседа может привести к тому, чего не смогли добиться письменные объяснения, Муса приготовился выполнить приказ своего суверена. Во исполнение этого решения и для удовлетворения небезрассудного тщеславия он решил выставить напоказ перед двором и населением Дамаска трофеи Африки и Испании с помпой, соразмерной великолепию этих завоеваний.

Общее место встречи было назначено в Севилье, ныне объявленной столицей королевства из-за ее близости к морю и легкости доступа к мусульманским поселениям Африки. Там были собраны награбленные дворцы, кощунственно разграбленные церкви, добыча со многих полей сражений, толпы знатных пленников, знаки отличия павших членов королевской семьи. Для перевозки этого сокровища были сконструированы тяжелые повозки, стоимость которых в кои-то веки превзошла самые смелые оценки восточного преувеличения. Когда все было готово, Муса, назначив своего сына Абд-аль-Азиза вице-королем на время своего отсутствия, переправился в Сеуту. В соответствии с приказами, отданными до его прибытия, каждый город Аль-Магриба в линии марша выделил свой контингент, чтобы усилить величие триумфа. Свирепые вожди Мавритании двинулись за победителем в образе воинов, новообращенных или рабов. На бесконечных вереницах верблюдов в живописном беспорядке были навалены примитивные трофеи пустыни — грубое оружие, защитные доспехи, одежда для ношения и грубые попоны, на которые были расточены все средства варварского убранства. Сотни диких и прекрасных кабильских дев, отобранных за их исключительную прелесть и закованных в золотые цепи, устало тащились по пыльным дорогам, которые в конечном итоге вели в далекие гаремы Сирии. Четыреста готских дворян, в жилах которых текла королевская кровь, одетые в великолепные одежды, подпоясанные золотыми поясами, и увенчанные диадемами, олицетворяли ушедшую в прошлое судьбу династий Иберии. Тридцати повозок едва хватило, чтобы перевезти огромное количество золота, серебра и драгоценных камней — предметов публичной показухи, частной роскоши и личных украшений — инкрустированных драгоценными камнями сосудов Хозяина, дорогих сосудов для мессы, помимо других бесчисленных сувениров, свидетельствующих о самых совершенных достижениях вестготского богатства и византийского искусства. Среди гвардейцев Мусы, великолепно экипированных, ехали потомки самых гордых семей курайшитов и самые выдающиеся офицеры мусульманской армии. В арьергарде этой блестящей кавалькады числом более ста тысяч следовали менее важные пленники, взятые в походах в Африке и Испании.

Прибыв в Кайрун, Муса разделил управление Африкой между тремя своими сыновьями Абдаллой, Абд-аль-Меликом и Абд-аль-Ала в надежде увековечить в своей семье власть, которой, как он понимал, он теперь обладал на неопределенный срок, а затем продолжил свое путешествие.

Вест о его приближении опередила его, и скитальцы пустыни и жители прибрежных городов бесчисленными толпами высыпали, чтобы воздать ему почести. Это было странное и впечатляющее зрелище, какого не видели с тех пор, как увенчанный лаврами победитель, сопровождаемый своими трофеями и пленниками, прошел по улицам Рима подобострастные крики толпы, чтобы возложить свои подношения к святилищу капитолийского Юпитера. По мере продвижения триумфального шествия число любопытствующих зрителей увеличивалось, достигнув своей кульминации в Каире, где путь им преградили мириады людей с берегов Нила. Во время путешествия Муса, безмерно воодушевленный обрушившейся на него лестью, был подтолкнут к совершению акта тирании, который серьезно подорвал его судьбу. Желая не упускать ни одной возможности возвеличить свое значение и совершенно беспринципный в присвоении заслуг, причитающихся другим, он потребовал от Мугейта-ар-Руми пленного губернатора Кордовы, которого последний держал как своего раба и предназначал в подарок халифу. После отказа этого офицера выполнить его требование Муса приказал немедленно казнить готского принца и этим актом насилия и несправедливости усилил вражду Мугейта аль-Руми, чьи симпатии уже были на стороне Тарика, его друга и бывшего товарища по оружию.

Едва Муса пересек границы Сирии, как в его руки было передано секретное послание от Сулеймана, предполагаемого наследника халифата, в котором сообщалось о смертельной болезни его брата Аль-Валида и содержалось пожелание, чтобы он не продвигался дальше, пока не получит достоверных сведений о смерти своего государя. Сулейман был вынужден обратиться с этой просьбой не только из-за престижа, который его восшествие на престол приобрело бы благодаря публичной демонстрации огромной добычи народов Запада, но и потому, что личные подарки, преподнесенные семье халифа, предположительно огромной ценности, были бы потеряны для его преемника. Муса, однако, чей врожденный такт и проницательность, по-видимому, поубавились с возрастом и разочарованием, не обратил никакого внимания на заявления Сулеймана и без часового промедления двинулся на Дамаск. Он вошел в город в пятницу и, направившись к большой мечети, где молился Аль-Валид, вошел во главе плененной знати и вождей, все из которых были одеты в костюмы своих стран и украшены знаками отличия своего ранга. После службы халиф обнял Мусу, одел его в свою собственную одежду и подарил ему пятьдесят тысяч динаров в дополнение к пенсиям его сыновьям и самым достойным из его подчиненных. Затем низшие пленники и пятая королевская семья были переданы под опеку чиновников Казначейства. На чудесный стол, как и предполагал Тарик, претендовал Муса, который на допросе о золотой ножке заявил, что она была в таком состоянии, когда он ее нашел. Вслед за этим Тарик, который присутствовал при этом, выступил вперед, заявил о чести поимки и, рассказав о примененной им хитрости, предъявил недостающую часть в подтверждение своих показаний, к безмолвной ярости и замешательству своего соперника. Аль-Валид, который оценивал это произведение искусства исключительно по стоимости материалов, из которых оно изготовлено, приказал убрать драгоценности, а затем отправил раму стола в качестве подношения храму Мекки.

Через сорок дней после прибытия Мусы в Дамаск Аль-Валид умер, и Сулейман взошел на трон. Последний, печально известный свирепостью своего нрава, вульгарностью и прожорливостью своих вкусов, не теряя времени, обрушил на Мусу всю тяжесть своего недовольства. Первым судебным актом за время его правления стало предъявление обвинения генералу-ветерану, которому сейчас более восьмидесяти лет. Когда были представлены доказательства коррупции, вымогательства и тирании, на которые Муса мог дать лишь слабую защиту, он был признан виновным, приговорен к лишению своего имущества и обязан выплатить штраф в размере двухсот тысяч золотых. В дополнение к этому суровому наказанию, он также был вынужден оставаться прикованным к столбу под палящим солнцем в наказание за то, что публично упрекнул халифа в его неблагодарности. Благодаря заступничеству друзей он был освобожден после многих часов пыток и ему было позволено удалиться со двора в сопровождении единственного верного раба. Оставшиеся годы он провел в бедности; зависимый от милостыни, он выпрашивал свой хлеб у бедуинских племен, откладывая каждый дирхем, который мог получить, чтобы заплатить штраф, пока не умер в крайней нищете в Вада-аль-Коре, отдаленном поселении Аравии. Таков был жалкий конец одного из величайших военачальников, когда-либо созданных исламом. Его храбрость была бесстрашной, его проницательность почти равнялась вдохновению, его ресурсы были неисчерпаемы. Его рвение, граничившее с фанатизмом, убедило его в благосклонности Аллаха и вселило в его войска самую безграничную веру в его гений. Вспышки его ораторского искусства соперничали по красноречию и энтузиазму с риторическими усилиями величайших проповедников того времени. Он соблюдал церемониал своей веры со скрупулезным усердием. Его благоразумие и точность восприятия вошли в поговорку. За весь его опыт, когда он лично командовал, ни один враг никогда не одерживал

над ним верх. Его подозрительная натура и интуитивное знание человечества делали его более чем достойным соперником государственным деятелям, чья жизнь прошла в атмосфере двора. Приумножая свое богатство самыми сомнительными методами, он лишил своих компаньонов всякого участия в своем процветании, и из-за его непрекращающейся казнокрадства королевские доходы заметно сократились, и это преступление больше, чем все другие, обеспечило ему разорение. Таким образом, несмотря на его необычайные таланты, его алчность, удовлетворение которой не могли сдержать ни узы дружбы, ни обязательства верности, ни религиозные предписания, ни страх наказания, привела к его гибели, и знаменитый полководец, который приобрел королевства и накопил богатство, возбуждавшее зависть принцев, умер бедным и презируемым; изгнанником в центре бесплодной и пустынной местности, вдали от мест своей славы, и объектом любопытства и сострадания пастухов-варваров и разбойников Пустыни. История умалчивает о судьбе Тарика после урегулирования его спора с Мусой. Если бы впоследствии ему сопутствовала удача или несчастье, несомненно, арабские хронисты упомянули бы об этом факте. Вероятно, ему было позволено провести остаток своей жизни в безвестности и комфорте, если не в роскоши; и не подлежит сомнению, что ему не доверили никакой важной должности; ибо ревнивый двор Дамаска опасался честолюбия и способностей выдающегося полководца, совершившего самое блестящее завоевание своего времени. И таким образом исчез со сцены мира второй из тех известных персонажей, которым корона Халифата была обязана приобретением прекрасной земли Иберия. О графе Джулиане, третьем и последнем из них, которого неразборчивое предубеждение писателей-монахов и вражда церковников и испанцев, усиленная ущемленным честолюбием и уязвленной гордостью, на протяжении тридцати шести поколений клеймили именем предателя, у нас есть сведения, но немногим менее удовлетворительные. Его национальность, его прошлое, его связи с готами, причина его назначения губернатором Сеуты, сфера его полномочий, его обязательства перед двором Толедо - все это, по большей части, вопросы догадок. Даже история о нанесенном оскорблении его семье, непосредственной причине его бегства, хотя и подтверждается свидетельствами почти всех арабских хронистов, была оспорена. Есть веские основания предполагать, что он занимал положение простого данника короля вестготов и добровольно отдал свою дочь в качестве залога своей верности. При таких обстоятельствах его преданность не могла быть глубоко обоснована; и его поведение предстает в менее одиозном аспекте, чем это сделала бы измена наследственного вассала, особенно если вспомнить, что он не был агрессором. Всеобщее и безоговорочное отвращение, с которым ассоциируется его имя, можно отнести к церковным писателям, которые не упускали ни одной возможности очернить каждого политического противника, еретика и отступника в глазах потомства.

После завоевания граф Юлиан удалился в Сеуту, город с частью прилегающей территории был преобразован в княжество и пожалован ему в награду за его услуги. Несмотря на его тесные связи с мусульманами, он и его ближайшие потомки оставались непоколебимыми в христианской вере. Преобладающее влияние ислама проявилось, однако, во втором поколении его потомков; а его правнук Абу-Сулейман-Айюб, живший в десятом веке и учившийся у величайших врачей того времени, прославился как один из самых проникательных и образованных толкователей мусульманской юриспруденции. Потомство Тарика было известно и почиталось в Испании в течение нескольких столетий, пока его личность и память о нем окончательно не были утрачены в ходе гражданских войн и проскрипций, которые сопровождали установление династии Альмохадов.

Обязательства, заключенные со своими союзниками, выполнялись мусульманами со скрупулезной преданностью. Оппас был вознагражден правительством Толедо. Королевские владения, насчитывающие три тысячи богатейших поместий королевства, были возвращены Дому Витиза. Арабское завоевание принесло массам сразу много выгод. Положение крепостных значительно улучшилось. Дань регулировалась законом и перестала зависеть от капризных требований алчности. Бремя налогообложения, однако, по-прежнему было чрезмерным; земледelec выплачивал владельцу четыре пятых продукции земли; с тех, кто обрабатывал общественное достояние, составлявшее пятую часть завоеванной территории, взыскивалась одна треть результатов всего ручного труда. Налог землевладельца составлял примерно двадцать процентов. доход христианина-данника составлял от двенадцати до сорока восьми дирхемов — от шестнадцати до шестидесяти четырех долларов - в год. Международный договор, положения которого определяли обязательства господина и крепостного, подданного и суверена, и подписанный Тариком и представителями готской знати до прибытия Мусы, впоследствии был ратифицирован правительством Дамаска. На этом договоре были основаны все законы, регулировавшие притоки на полуострове в течение длительного периода мусульманского владычества.

Менее четырнадцати месяцев хватило для полного и бесповоротного свержения вестготской империи. В течение двух лет власть мусульман была прочно установлена от Средиземноморья до Пиренеев. История не знает подобного примера стремительности, полноты и постоянства завоеваний. Политические разногласия, социальная дезинтеграция, неуверенность правительства, неподчинение знати, алчность священника, отчаяние раба были одними из самых важных факторов успеха мусульман. Чаяния всех, кто не принадлежал к привилегированным слоям общества, были подавлены неумолимой тиранией касты. Средний класс, от усилий и трудолюбия которого неизбежно зависит процветание нации, уже давно был поглощен огромной массой крепостных, чьи труды способствовали обогащению и число которых увеличивало свиту палатина и епископа. Царили те же условия, которые тремя столетиями ранее возвестили о падении Римской империи. Сила господствовала во всем. Дух индивидуальной свободы, наиболее характерная черта тевтонской конституции, исчез. Королевская прерогатива была подчинена притязаниям знати, последняя — не без протеста, однако, — перешла под власть духовенства. Перспектива достатка, наслаждение властью, потворство роскоши легче всего достигались путем продвижения по церковной лестнице. Длительный мир, во многом обусловленный географической изоляцией, устранил как необходимость в военных упражнениях, так и стимулы к воинскому отличию. Концентрация власти, несмотря на кажущуюся анархию, в конце концов приведшую к осуществлению абсолютного деспотизма, стала контролирующим принципом правления. И все же всех этих свидетельств национального упадка едва ли достаточно, чтобы объяснить внезапный крах великой монархии. Разочарованные амбиции, организованная измена, массовое бегство евреев внесли свой весомый вклад в ускорение и завершение катастрофы. Среди вестготов патриотизм, качество, неизбежно зависящее от привязанности человека к своей стране, был неизвестен. Общественный дух был вытеснен жадностью власти, при удовлетворении которой игнорировались все моральные соображения. Легкость, с которой был завоеван полуостров, резко контрастирует с огромными трудностями, сопровождавшими его отвоевание. Судьба вестготского владычества была решена за неделю. Спустя два коротких года от его величия не осталось ничего, кроме печальных воспоминаний о поработленном народе. Завоеватели, в свою очередь, прошли через то же самое. Непримируемые элементы, из которых они состояли, с

самого начала выявили недостатки их государственного устройства, которые предвещали неизбежное разрушение. Эти элементы были гораздо более активными и опасными, чем те, которые подорвали мощь готского государства. Тем не менее потребовались многие столетия конфликтов, чтобы изгнать из Западной Европы расу, чьи легковооруженные всадники почти без сопротивления прочесали страну от Бетики до Прованса, от гор до моря.

Таким образом, в руки другой ветви семитской расы перешла страна, которая в прежние века долго процветала под властью Тира и Карфагена. Его достопримечательности на протяжении веков были темой каждого поэта, его богатство - целью каждого завоевателя. Несмотря на неоднократные смены правительств, вторжения, заговоры, революции, в своих неприступных твердынях ее автохтоны, баски, сохранили в неприкосновенности свою свободу и свои национальные особенности, судьбу, которая отличала их от всех других наций Европы. На полях сражений полуострова самые прославленные солдаты Рима обучались военному искусству. Высочайшая цивилизация тевтонской расы была достигнута в ее городах. В его трибуналах была доведена до совершенства самая полная система юриспруденции, которую до тех пор знал мир. Достоинство ее церковных соборов сохранило их независимость и позволило испанской иерархии противостоять как коварным заговорам, так и агрессивным узурпациям папства. Но из множества чужеземных рас, обосновавшихся в его пределах, ни одна не принадлежала к такому ярко выраженному и оригинальному типу, как та, что сейчас занимала почти небольшой уголок его обширных владений. Причины, приведшие к этой национальной катастрофе, и вытекающие из нее результаты представляют собой одну из наиболее любопытных фаз гражданской организации и умственного развития. То, что экзотический народ одним ударом сверг монархию, просуществовавшую три столетия, безусловно, экстраординарно. Но то, что тот же самый народ, у которого не было ничего общего с побежденными, никакого знакомства с искусствами, никаких познаний о цивилизации, должен был через несколько лет основать империю, жители которой уже стали выдающимися во всех достижениях, которые делают нации образованными, прославленными и могущественными, и быть способными превзойти всех своих современников, гораздо более удивительно. В течение длительного периода дела на полуострове созрели для внутренних потрясений. В массах сохранилось мало уважения к традициям монархии, когда-то выборной, а теперь номинально наследственной, но корону которой всегда можно было получить путем покупки, убийства или интриги. Благочестие священства было вытеснено ненасытной жадой мирской власти. В каждой части политического тела процветали антагонистические религиозные доктрины, расовые предрассудки, фракционные мнения и противоречивые социальные интересы. Воинственный дух исчез. Авторитет гражданского магистрата был отвергнут. Исполнение законов регулировалось в соответствии с рангом и влиянием правонарушителя, а не мерой его вины. Соперничающие кандидаты на трон боролись за блестящий приз со всем печально известным искусством заговорщика и демагога. Организованные банды разбойников охотились на беззащитных, и их главари, пренебрегая маскировкой, нагло разгуливали по улицам больших городов. Безграничная роскошь и неправильное управление привели к тому, что в их среде развратились до такой степени, которая не уступала той, которая была вызвана худшими излишествами цезарей. Труд земледельца в течение двух сезонов подряд был бесплодным, а голод и болезни в их самой страшной форме в немалой степени усугубляли накопившиеся страдания нации. В каждом сообществе члены объединенной и изолированной секты, находящиеся под запретом кровавых законов, но все еще могущественные в интеллекте, богатстве и политическом ремесле, трудились как один человек для унижения своих врагов и

своего собственного освобождения. Сначала вторжение рассматривалось как простое вторжение, и никто не предполагал, что оккупация страны будет постоянной. Однако с заселением колоний, открытием морских портов для торговли с Востоком, разделом земель и возведением мечетей вестготы осознали весь масштаб постигшего их бедствия. Но умеренность их новых правителей смягчила горечь поражения. Выплата дани, пропорциональной степени сопротивления или подчинения законам, обеспечивала защиту самому простому крестьянину. Ортодоксальному фанатику было позволено беспрепятственно совершать церемонии своего ритуала; еретик мог возносить свои прошения, не опасаясь яростных усилий сектантской ненависти. Церковные сановники мирно исполняли обязанности своего призвания, а монашеский хронист сочинял свирепые анафемы против своих снисходительных хозяев, услышав призыв к молитве со ста минаретов. Сообщения католических авторов, в которых сарацинам приписываются самые вопиющие злодеяния, являются явным преувеличением или ложью. Тем не менее, не может быть никаких сомнений в том, что неизбежные случайности войны привели к большим страданиям. Незначительное число монахов, чьи крики и оскорбительное поведение делали их явно оскорбительными, приняли мученическую смерть. Несколько сотен монахинь променяли ортодоксальное общение каноников и епископов на прелести сераля. Поля с зерном были отданы на растерзание. Великолепные виллы были сровнены с землей. У алтарей были отняты их сокровища, а священные реликвии растоптаны ногами. Но никакие гарантии безопасности не были нарушены; и своевременное подчинение обеспечивало абсолютную неприкосновенность личности, собственности и религии — привилегию, которую ценило большинство народа и которой пренебрегали только невоздержанные фанатики, проклиная великодушного врага, процветание которого они разделяли, и чьей снисходительностью злоупотребляли.

Древняя судебная система соблюдалась, и ее предписаниям, подчиненным юридической процедуре правящей власти, разрешалось иметь преимущественную силу среди побежденных, поскольку они напрямую не противоречили положениям Кодекса ислама. Своим примером справедливости, терпимости и милосердия новое правительство быстро завоевало расположение своих подданных; еврей процветал, христианин забывал о своем фанатизме, а раб охотно повторял формулу, которая освобождала его от рабства и ставила в равное положение с королями.

В темных закоулках монастыря, без знания внешнего мира, без благодарности за милосердие, позволившее ему жить, без понимания растущих благ цивилизации, угрюмый монах, одинокий в своей злобе и невежестве, питал дух угрюмой враждебности и с помощью бича и волосяной повязки совершал частые покаяния; со смутным предчувствием еще большего зла для своей Церкви и ордена, слушая ежедневное повторение муэдзином этой зловещей монотеистической максимы — всегда на глазах у фанатика. Мусульманский, был ли он высечен среди мраморной листвы его храмов или украшен золотыми буквами на его знаменах, он сверкал в авангарде его победоносных армий: “Нет Бога, кроме Бессмертного, Вечного, который не порождает и не был рожден, и у которого нет ни товарища, ни равного”.

ГЛАВА VI

ЭМИРАТ

713-755

Абд-аль-Азиз —Его мудрое правление—Его казнь по приказу халифа—Айюб-Ибн-Хабиб—Его реформы—Аль-Хорр—Ас-Самх—Его вторжение во Францию—Его поражение и смерть—Абд-ар-Рахман—Вражда маадитов и кахтанитов —Ее катастрофические последствия—Анбаса-Ибн-Сохим—Его способности—Он проникает до Роны и находится killed—Yahya-Ibn-Salmah—Othman-Ibn-Abu-Nesa—Hodheyfa-Ibn-al-Awass—Al-Haytham-Ibn-Obeyd—Mohammed-Ibn-Abdallah—Abd-al-Rahman—Его популярность—Провозглашает Священную войну—Измена Османа-Ибн-Абу-Неса—Эмир пытается завоевать Францию—Характер Шарля Мартеля—Битва при Пуатье—Смерть Абд-ар-Рахмана—Абд-аль-Мелик—Окба-Ибн-аль-Хиджадж—Его мудрость и способности—Шарль Мартель опустошает Прованс—Восстание берберов в Африке—Победа повстанцев—Абд-аль-Мелик-Ибн-Коттам—Бальдж-Ибн-Бешр—Талаба Абу—аль-Хаттар—Состояние Западной Европы—Нестабильная и коррумпированная администрация эмиров—Важность битвы при Пуатье.

Принцип наследственного права, хотя ему и не было места в политике Мухаммеда, был осужден Кораном и отвергнут арабами древних времен, но с тех пор, как династия Омейядов пришла к власти, в известной степени молчаливо признавался подданными халифов. Хотя последнее звание было среди ортодоксальных мусульман все еще выборным, подобно должности арабского шейха, персидские раскольники на протяжении нескольких поколений привыкли рассматривать потомков Али как единственных законных преемников Пророка, которому были переданы неотъемлемые прерогативы королевской власти и даже священные атрибуты божественности. Честолюбие монархов Дамаска время от времени удовлетворялось восшествием на престол их сыновей, что нередко достигалось с помощью лиц сомнительного характера. Когда лояльности знати и подобострастной преданности толпы оказалось недостаточно, чтобы позволить ему достичь желаемой цели, халиф, не колеблясь, использовал подкуп, угрозы и даже убийство, чтобы увековечить желанное достоинство своей семьи. От монарха этот естественный принцип — разновидность поклонения героям, столь распространенная, что стала почти всеобщей, и проявляющая свои тенденции даже в управлении величайшей из современных республик, — перешел к видным должностным лицам империи и к их подчиненным вали, губернаторам провинций и городов. По этим причинам назначение Мусой трех своих сыновей соответственно эмирами Восточной и Западной Африки и Испании было расценено мусульманским населением этих стран и армией как осуществление предписывающего права, которое едва ли требовало официального подтверждения суверена. Несмотря на свирепый и ревнивый нрав Сулеймана и тот факт, что он нанес Мусе непростительные увечья, он в течение некоторого времени позволял сыновьям завоевателя Аль-Магриба и Андалуза без посягательств выполнять функции своих нескольких эмиратов. Абд-аль-Азиз, на которого была возложена трудная задача политической реорганизации полуострова, — задача, которая включала возведение одной системы правления на руинах другой, не имевшей с ней ничего общего и во многом враждебной, — приступил к своим обязанностям со всей энергией и тактом опытного солдата и государственного деятеля. Некоторые города, находившиеся вне непосредственного влияния завоевателей, отказались от своей верности и обычной дани. Они были быстро приведены к покорности. Конвенция Мусы с Теодомиром, готским притоком Мурсии, была торжественно ратифицирована. На Север и Запад были

отправлены отряды под командованием разных командиров, которые доставили мусульманское оружие к берегам Лузитании и горам Бискайи и Наварры. Для защиты границ были построены замки, а гарнизоны важных городов переданы под командование опытных офицеров испытанной верности. Был учрежден Диван, или Совет. Для руководства гражданскими отделами администрации были назначены сборщики налогов и мировые судьи. Будучи уверенными в защите своих собственных законов и пользовании своими древними религиозными привилегиями, христианское население почти не ощущало мусульманского ига, ограничения которого ограничивались демонстрацией внешнего уважения к институтам своих хозяев и регулярной выплатой дани. Все акты насилия и угнетения были наказаны, и общественное доверие было восстановлено. Крестьяне отстроили свои хижины заново; труд земледельца, прерванный гражданскими волнениями и иностранным вторжением, возобновился; поросшие травой городские улицы снова наполнились приветственными звуками уличного движения, и печальные следы многих последовательных лет войн и опустошений начали постепенно исчезать с лица полуострова.

Но каким бы справедливым ни было гражданское управление Абд-аль-Азиза, его благотворный эффект в глазах как мусульман, так и христиан был более чем нейтрализован эксцессами и распущенным насилием в его частной жизни. В удовлетворении страстей, сильных даже для азиата, его поведение выходило за обычные пределы жестокой тирании. Самые красивые девушки и матроны готского населения переполняли его сераль, и даже дома знатных арабов не были защищены от посещений его евнухов. Эгилона, королева Родерика, попав в его руки, стала сначала его наложницей, а затем и женой. Ей позволяли исповедовать свою религию - необычная привилегия для человека ее положения; и благодаря безграничному влиянию, которое она вскоре приобрела на своего мужа, ей удалось ощутимо облегчить страдания своих соотечественников. Ее красота, ее огромное богатство, которое она приобрела благодаря своевременному подчинению и выплате дани, и ее таланты, которые, по-видимому, были немалого порядка, усилили стремление снова сесть на трон и вскоре дали о себе знать в государственных делах. Она начала руководить политикой эмира, к отвращению и тревоге членов Дивана и офицеров армии. Она опрометчиво попыталась ввести церемониал вестготского двора, который требовал земного поклона от всех, кто приближался к трону монарха; обычай, пока еще противоречащий как равенству и независимости, рекомендованным заповедями Корана, так и гордому духу арабов. По ее совету был заключен договор с Теодомиром, который таким образом пожизненно получил суверенитет над прекрасной провинцией Мурсия. Осуществление такой власти рассматривалось благочестивыми мусульманами как дурное предзнаменование для исламской империи, когда ею пользовались женщина и неверный. Распространился слух, что Абд-аль-Азиз, беспомощный под роковыми чарами этой колдуньи, замышляет отступничество и стремится к независимой власти. Эти сообщения, имевшие некоторую окраску правдоподобия из-за всеобщей веры толпы, личной популярности и хорошо известных амбиций эмира, а также его предполагаемого желания отомстить за обиды, причиненные его отцу, были доведены до сведения халифа, который решил немедленно устранить всякую опасность от любых замыслов сыновей Мусы. Соответственно, пяти высшим офицерам оккупационной армии в Испании были разосланы приказы казнить Абд-аль-Азиза. Первым, кто открыл и прочитал повеления халифа, был Хабиб Ибн Обейда, старый и ценный друг семьи Мусы. Можно представить себе его отчаяние; но приказ был повелительным, и правоверный мусульманин не должен был принимать во внимание узы дружбы, чувства благодарности, воспоминания о социальной близости, когда

вмешивался властный наказ Преемника Пророка Божьего. Посоветовавшись друг с другом, палачи, опасавшиеся мести армии, преданной своему главнокомандующему, решили убить Абд-аль-Азиза во время его богослужения. У эмира было в обычае проводить большую часть своего времени в летнем дворце в пригороде Севильи, пристроенном к частной мечети. Здесь, когда он, стоя на коленях, читал утреннюю молитву, на него напали и убили без сопротивления. Его тело было похоронено во дворе дворца, а его голова — кровавое доказательство послушания его убийц — была отправлена Сулейману в Дамаске в ящике, наполненном камфарой. Так погиб один из самых выдающихся военачальников того времени, чьи таланты и ловкость обещали быстрое решение трудных политических вопросов, стоявших перед новыми правителями Испании, и чье мягкое и внимательное обращение с побежденными, бросающееся в глаза на фоне отталкивающей резкости варварских нравов— доказало его гибель. Прошло несколько недель, и его братья, эмиры Африки, последовали за ним, ведомые рукой палача. Судьба его несчастной супруги Эгилонсы неизвестна. Как и король Родерик и его завоеватель Тарик, как и граф Джулиан и сыновья Витизы, ее будущее, после замечательной карьеры, уходит в небытие. Немало странного в том, что столь многие из самых заметных личностей своего времени, одна за другой, без какой-либо видимой причины были так резко отвергнуты летописцами того времени.

Халиф в своей спешке уничтожить семью Мусы забыл назначить преемника Абд-аль-Азиза, и Испания на короткое время осталась без губернатора. Осознавая опасность затяжного междоусобицы среди разнородных элементов, из которых состояли жители полуострова, ряд мусульман, наиболее выдающихся по рангу и влиянию, собрались и, в соответствии с древним обычаем Пустыни, избрали временным эмиром Аюба Ибн Хабиба. Аюб был капитаном в возрасте и с опытом и приходился двоюродным братом Абд-аль-Азизу. Его первым действием было перенести резиденцию правительства из Севильи в Кордову из-за более выгодного расположения последнего города, которому суждено было оставаться во время господства завоевателей Западной Меккой, литературным центром средневековья, школой вежливых манер, домом науки и искусств; к нему с благоговением относился каждый мусульманин, с нежным почитанием - каждый ученый и со смешанным чувством удивления и опасения - буйные варвары Западной Европы. Для большего удобства сбора доходов и сдерживания коренного населения страна была разделена на многочисленные районы, управляемые вали, низшими чиновниками, ответственными перед эмиром. Жизнь этих должностных лиц, прошедшая среди суматохи революции, разграбления городов и резни неверных, сделала их недостаточно подготовленными для управления делами нации в мирное время. Акты жестокости и вымогательства, совершенные этими мелкими тиранами вдали от глаз суда, стали невыносимой жалобой. Расследование их официального поведения было возложено на Аюба, и многие из них были свергнуты и наказаны. Новый эмир путешествовал по своим владениям, исправляя злоупотребления, строя крепости, ремонтируя разрушающиеся стены городов, поощряя развитие и возделывание полей, давно заброшенных фермерами, устраняя обиды без различия вероисповедания или национальности и всеми средствами способствуя благосостоянию своих благодарных подданных. В тех провинциях, которые были обезлюдели, он основал колонии иммигрантов и авантюристов из Африки и Востока. В других странах, где преобладали христиане, он поселил большое количество евреев и мусульман, чье присутствие могло умерить энтузиазм и сдержать устремления непримиримых врагов мусульманской веры. Сторожевые башни, венчавшие вершины Пиренеев и защищавшие перевалы, ведущие в Нарбоннскую Галлию — этот таинственный регион, который несовершенная география арабов называла

Великой Землей, а воображение жителей Востока населяло великанами и сказочными чудовищами, — были укреплены и укомплектованы гарнизонами войск, активность и бдительность которых были проверены во многих местах тяжелого труда и опасностей. Едва администрация Аюба была справедливо установлена, как мстительный дух халифа потребовал его смещения. Мухаммеду Ибн Езиду, эмиру Африки, было приказано лишить должности всех членов племени Лахм, к которому принадлежал Муса, а Аль-Хорр Ибн Абд ар-Рахману было присвоено ненадежное звание вице-короля полуострова. Его сопровождали четыреста представителей гордейшей арабской знати, которых ревность к вере, любовь к приключениям или надежда прославиться привлекли к берегам Африки; воины, многим из потомков которых было суждено достичь отличий во всех сферах гражданской и военной жизни — даже самого королевского сана — и стать самыми выдающимися представителями мусульманской аристократии Испании.

С самого начала произвольные меры эмира принесли беду и беспокойство в каждый город и деревушку страны. Его алчность не знала границ. Под предлогом недостаточного сбора дани чиновники, на которых была возложена эта обязанность, были заключены в тюрьму и подвергнуты пыткам. При назначении наказания не признавалось различия в религиозных убеждениях; мусульмане и христиане одинаково ощущали на себе тяжелую руку тирана; и даже старейшие и наиболее прославленные офицеры армии, ветераны, служившие в Сирии и Африке, сподвижники Тарика и Мусы, не были освобождены от его ненасытной алчности. Эти притеснения стали настолько невыносимыми, что дело ислама оказалось под серьезной угрозой; прозелитизм прекратился; ни один чиновник, каким бы высоким он ни был по рангу, не был уверен в обладании свободой, имуществом и жизнью; а несчастные евреи и христиане подвергались всем злам самых жестоких преследований. Поскольку эмир Африки проявил поразительную апатию, когда возмущенный народ Испании потребовал смещения Аль-Хорра, заявление было подано лично халифу Омару, который немедленно сместил агрессивного губернатора и назначил своим преемником Ас-Самха, генерала, командующего армией северной границы. Это назначение сделало честь проницательности халифа, поскольку оказалось в высшей степени мудрым и рассудительным. Первые усилия Ас-Самха были направлены на исправление нарушений в управлении доходами. Раньше крупные города, где, естественно, собиралась большая часть богатств королевства и, следовательно, основная часть имущества, подлежащего налогообложению, должны были вносить лишь одну десятую часть своих доходов на государственные расходы, в то время как деревни и обрабатываемые земли оценивались в одну пятую. Это неравенство первоначально было вызвано желанием оказать поддержку евреям, чья любовь к торговле побудила их обосноваться в главных городах, предлагая, как и последние, лучшие условия для поощрения торговли и быстрого накопления собственности. В дополнение к этой столь необходимой реформе, способный вице-король собрал банды мавров и берберов, чьи кочевые привычки и хищнические инстинкты, унаследованные от длинной линии предков, сопротивлялись прежним попыткам колонизации, поселил их на незанятых землях и всеми возможными способами пытался внушить умам этих диких воинов важность и высшие преимущества цивилизации. Он приказал провести перепись всех жителей полуострова и вместе с ней отправил в Дамаск подробные статистические таблицы, в которых были тщательно описаны различные города, топография побережья, расположение гаваней, богатство страны, характер ее продукции, объем торговли и масштабы ее минеральных и сельскохозяйственных ресурсов. Реставрация великолепного моста Кордовы,

построенного во времена правления Августа, сама по себе является непреходящим памятником его славы. Но энергия Ас-Самха тратилась не только на монотонные, но благотворные занятия миром. Как друг и соратник Тарика, он служил на многих полях сражений, и теперь, когда его владения были спокойны и процветали, он с ликованием ярого верующего получил приказ халифа вести Священную войну за Пиренеями.

Провинция Нарбоннская Галлия, некогда входившая в состав Вестготской империи и до сих пор защищенная от вторжений своих опасных соседей высоким горным валом, который образовывал ее южную границу, продолжала лелеять традиции и соблюдать обычаи своих древних правителей. Он охватывал большую часть современного Лангедока, этого улыбчивого региона, который, омываемый водами Роны, Гаронны и их многочисленных притоков, благодаря плодородию своей почвы и преимуществам полутропического климата, рано привлек внимание предприимчивых колонистов Греции и Италии. Высокий уровень цивилизации, которого достиг этот регион, и его прогресс в искусстве проявляются в архитектурных остатках, которые все еще украшают его города, — остатках, которые по элегантности дизайна и внушительному великолепию не имеют себе равных даже в широко известных руинах Вечного города. Ни одно сооружение ни в одной стране не иллюстрирует так полно вкус и гениальность классических времен, как арка Оранжа, Пон-дю-Гар, храмы и амфитеатр Нима, чьи изящные пропорции и прекрасное состояние сохранности неизменно вызывают восторженное восхищение путешественников. Жители также сохранили, несмотря на превратности столетий войн и иностранного господства, черты своего классического происхождения. В тщеславной гордыне провансальца и его соседа гасконца прослеживаются надменные манеры римского патриция; в то время как женщины Арля симметрией форм, безупречными профилями и статной грацией напоминают красавиц эпохи Перикла.

Эта территория была известна готам под названием Септимания по семи главным городам, Нарбонне, Ниму, Агде, Лодеву, Магуэлону, Безье и Каркассону, входившим в ее границы, и все еще управлялась в соответствии с принципами готского государственного устройства, которое ранее господствовало на полуострове. Несмотря на то, что она была разделена на несколько маленьких княжеств, вожди которых беспорядочно потворствовали своей склонности к грабежу, не опасаясь вмешательства какой-либо высшей силы, она в течение многих лет сохраняла видимость разобщенного, но независимого государства. На Севере анархия, сопровождавшая кровавую борьбу князей династии Меровингов, которая предшествовала основанию империи Пипина и Карла Великого, устранила на время всякую опасность вторжения с этой стороны. Но готская знать после битвы при Гуадалете бросала тревожные взгляды на далекие вершины Пиренеев. Бесчисленные беженцы из Испании искали спасения у своих галльских сородичей, и рассказы, которые они рассказывали о бесчинствах захватчиков, ничем не уступали рассказам этих охваченных ужасом беглецов. Слишком слабые, чтобы надеяться на успешное сопротивление, готы на время приостановили свои наследственные распри и, чтобы избежать неминуемого разорения, признали верховную власть Эда, могущественного герцога Аквитании.

Ас-Самх, завершив свои приготовления, вышел из горных перевалов во главе грозной армии. После месячной осады Нарбонна, столица Септимании, сдалась мусульманам, которые забрали из церквей и монастырей огромную добычу, большая часть которой была оставлена беглыми испанскими прелатами в этих святилищах в качестве мест неприкосновенной безопасности. Крепости Безье, Магуэлон и Каркассон почти без боя приняли либеральные

условия мусульманского вассалитета. Летучие эскадроны арабской кавалерии теперь сеяли разруху и тревогу по прекрасной долине Гаронны. Столь привлекательной была местность и столь слабой была дисциплина, что эмиру с некоторым трудом удалось собрать рассеянные отряды своей армии, которые далеко забрели в поисках добычи; и, возобновив свой поход, он, наконец, осадил важный город Тулузу, столицу Аквитании. Осада велась энергично, и жители, доведенные до крайности, уже подумывали о капитуляции, когда герцог приблизился с силами, значительно превосходящими силы мусульман. Последние, обескураженные видом такого подавляющего множества, были готовы отступить, когда эмир, движимый духом, достойным древних героев ислама, пробудил их слабеющее мужество красноречивой речью, в которой он искусно намекал как на награды за победу, так и на обещания Веры. Когда два войска выстроились в боевой порядок, священники раздали франкам маленькие кусочки губки, получившие благословение папы римского; амулеты, по-видимому, более полезные, чем самые толстые доспехи, ибо правдивые хронисты того времени уверяют нас, что ни один христианский солдат, имевший при себе одну из этих ценных реликвий, не погиб в битве. Борьба была долгой и упорной; мусульмане проявили чудеса доблести; но они утратили религиозный пыл, который так часто делал их оружие непобедимым; и тревога за сохранность своей добычи имела на них большее влияние, чем уверенность в своих победах или распространение своей религии. Исход долго оставался сомнительным; но эмир, проявивший себя слишком опрометчиво, пал, пронзенный копьем; и его армия, полностью разбитая, отступила с поля боя, потеряв две трети своей численности. Абд-ар-Рахман-аль-Гафеки, офицер высокого ранга с выдающейся репутацией, получил временное командование от своих соратников и повел разбитые остатки мусульман в Нарбонну. Намереваясь разграбить сокровища вражеского лагеря, в которых находилась основная часть передвижных богатств Септимании, франки не смогли воспользоваться всеми преимуществами победы. Отступление было проведено с непревзойденным мастерством, поскольку крестьяне, возбужденные известием о катастрофе, в огромном количестве окружали отступающих мусульман, которые часто были вынуждены прорубать себе путь сквозь плотные и постоянно увеличивающиеся массы, которые немедленно смыкались и беспокоили их с тыла.

Это было первое серьезное поражение, постигшее доселе непобедимое оружие ислама. Течение начало меняться, и непримиримая вражда, веками культивировавшаяся между двумя соперничающими народами Аравии, которую не могли искоренить ни заповеди близкой по духу веры, ни военная слава, ни непрерывные завоевания, ни обладание баснословным богатством, ни наслаждение прекраснейшими уголками земного шара, теперь должна была продемонстрировать миру великолепную слабость преемников Мухаммеда. Беглый взгляд на происхождение и развитие этой варварской вражды, которая пережила безудержный пыл прозелитизма и веками питала свою наследственную мстительность и, возникнув в далекой Азии, была обречена возродиться с неослабевающим насилием на равнинах Арагона и Андалусии, необходим для правильного понимания причин, которым следует приписать падение Мусульманской империи Запада.

Как уже упоминалось, непримиримая вражда существовала с незапамятных времен между жителями Северной и Южной Аравии. Из-за разницы в происхождении и, вероятно, основанного на вторжении и завоевании в доисторическую эпоху, это расовое предубеждение усугублялось чувством взаимной ненависти и презрения, возникшим из-за различий в занятиях

народа Йемена и хеджазов, мирных торговцев и беззаконных бродяг пустыни. Маадиты, к которым принадлежали жители Мекки, были пастухами и разбойниками. Они гордились тем, что были аристократией Аравии; а бережливые и трудолюбивые жители Юга, кахтаниты, которые не видели ничего унижительного в обработке своих полей, в уходе за своими ценными финиковыми плантациями и в прибылях от торговли, могли, в сознании превосходства в богатстве и культуре, легко переносить презрение своих соседей, чьи доходы были получены за счет обмана своих гостей, поборов паломников к Каабе и участия в награбленном в караванах. Мединцы, чье происхождение было частично еврейским, чьи занятия были оседлыми и чья принадлежность связывала их с торговыми сообществами Йемена, были причислены детьми Маада к кахтанитам. Из этого взаимного антагонизма религия Мухаммеда получила свой величайший импульс и силу, позволившие ей свергнуть всех своих противников; и из этого же следует выводить несчастья, которые постигли империю ислама еще до того, как она была прочно установлена; которые превратили каждую страну и провинцию в своих обширных владениях в арену гражданских раздоров и кровопролития; которые осквернили оскорблениями и насилием святыни самых святых храмов; которые уничтожали целые династии рукой убийцы; и которые, гораздо более могущественные, чем железная рука Карла Мартелла и его союзников. доблесть франков, лишившихся одним ударом скипетра Европы. Отсюда возникли споры, которые закончились убийством Османа и его ужасным возмездием - разграблением Священных городов; интриги и разногласия, возникшие в результате избрания Али; смерть Хосейна; восстания фанатичных реформаторов Персии; изгнание Омейядов; постоянные беспорядки, которые раздирали Африканский эмират. В Испании также, куда бежало так много беглецов из Медины и их сирийских завоевателей, вновь разгорелись тлеющие угли национальных предрассудков и религиозной розни. Самые священные узы национальности, религии или родства были бессильны противостоять этой глубоко укоренившейся антипатии, которая, по-видимому, присуща двум разделениям арабской расы. Самые благородные стимулы патриотизма, гордость за победу, заманчивые перспективы коммерческого величия, литературной известности, безграничного господства были проигнорированы в надежде унижить соперничающую фракцию и удовлетворить безжалостный дух мести. В разное время — такова странная противоречивость человеческой природы — маадиты становились добровольными иждивенцами королей Йемена и Хиры. В эпоху глубокой древности химьяритский диалект, на котором говорили на Юге, был вытеснен более утонченным идиомом хеджаза.

Интенсивность и продолжительность ненависти, существующей между маадитами и йеменитами, непостижимы для человека кавказской крови и не имеют прецедента даже на Востоке. Это повлияло на политику наций; это определило судьбу империй; это поставило под угрозу стабильность давних догматов веры; это вторглось в семью, развращая инстинкты сыновнего почтения и предавая священные тайны семейной жизни. Под предложениями, столь легкомысленными, что едва ли могли оправдать ссору между отдельными людьми, нации были ввергнуты во все бедствия гражданской войны. Разницы, повлиявшей на построение точки религиозной дисциплины, было достаточно, чтобы собрать орду фанатиков и предать целые провинции опустошению и резне. Мелкий акт незаконного проникновения - обрыв виноградного листа, кража дыни - вызывал самое жестокое возмездие со стороны сообщества, к которому принадлежал преступник. Маадит, унаследовавший надменный дух бедуинского мародера, презирал своих предков, если в их жилах текла хоть капля крови кахтана; и, с другой стороны, при соответствующих условиях родства йеменец отказывался молиться даже за свою

мать, если она была в союзе с маадитами, которых он клеймил как расу варваров и рабов. И все же это были подразделения одних и тех же людей; со схожими вкусами и манерами; идентичные по одежде и личному облику; говорящие на одном языке; поклоняющиеся у одних и тех же алтарей; сражающиеся под одними и теми же знаменами; часто объединенные смешанными браками; движимые одними и теми же амбициями; ревностные к достижению одних и тех же целей. Исследование этой аномалии, этнической особенности, столь замечательной в своей стойкости предрассудков, которую на протяжении более чем двух с половиной тысяч лет не смогли искоренить самые могущественные мотивы и стремления разума, представляет собой одну из самых интересных проблем в истории человечества.

В свите Мусы следовали сотни бывших жителей Медины, которые несли с собой горькие воспоминания о разрушенных домах и убитых родственниках. Впечатление, произведенное этими восторженными приверженцами — защитниками гробницы Пророка, красноречиво придерживающимися традиций Святого Города, — на дикие племена Африки, было гораздо более глубоким и стойким, чем проповеди Мусы, произнесенные под сенью ятагана. Их поведение было более приветливым, их обращение с побежденными более снисходительным, их популярность гораздо более решительной, чем у надменных потомков курайшитов. Вместе с памятью о непоправимой обиде лелеялся неумолимый дух мести. Имя Сирина, ассоциировавшееся с неверностью, святотатством, похотью и резней, было ненавистно благочестивому верующему Хеджаза. Его душа возмущалась рассказами о безбожных пирушках, которые позорили лощеный и сладострастный двор Дамаска. Буйные пиры, похотливые танцы, шелковые одеяния, полуночные оргии и, прежде всего, богохульные шутки поэтов-сатириков повергли в ужас воздержанных и щепетильных священнослужителей Медины и Адена. Дворянин оммеяде считался ими хуже, чем отступник; существо, чей статус был ниже статуса язычника, иудея или христианина. Чувства потомков гордой аристократии Мекки к своим противникам были едва ли менее горькими. Они с презрением вспоминали о темном происхождении и плебейских занятиях первых приверженцев Пророка. Их умы воспламенялись яростью, когда они вспоминали убийство безобидного Османа, чьи окровавленные одежды, немые, но убедительные свидетели его страданий, много месяцев висели в Большой мечети Дамаска. С негодованием была повторена история о трусливом покушении на жизнь Муавии и об отравленном уколе, приведшем его к безвременной кончине. За немногими исключениями, эмиры Испании были стойкими приверженцами линии Оммеядов и никогда не упускали случая дискриминировать несносных мединцев и их потомство. Последние ответили тайным предательством; открытым мятежом; разрушением обширных политических планов до того, как они созрели; поощрением опасных посягательств астурийских горцев. Эта межконфессиональная рознь рано проявилась перед лицом врага, разжигая ссору между Тариком и Мусой. Это сорвало планы великого арабского полководца, чей предприимчивый гений и непомерные амбиции были направлены на покорение и обращение Европы. Это вооружило руки, сразившие в святилище мудрого и способного Абд-аль-Азиза. Это замедлило продвижение Абд-ар-Рахмана, наполнило его лагерь драками и неразберихой, усилило неповиновение его войск и дало время для отзыва варварских войск Карла Мартелла с границ Галлии и Германии. Среди арабского населения йеменская фракция в значительной степени преобладала, особенно в Восточной и Западной Испании, которые были заселены почти исключительно ее приверженцами. Вследствие своего численного превосходства и политической значимости они претендовали, конечно, с некоторой видимостью справедливости, на право быть управляемыми эмиром, чьи взгляды и симпатии совпадали с их

собственными. Двор Дамаска, прекрасно осознававший ненадежность своего влияния на отдаленную и богатую провинцию, населенную буйным сбродом, чья враждебность к семье Оммеядов была тонко замаскирована вялыми заверениями в лояльности и случайными переводами дани, имел мудрость потакать своим предрассудкам и назначить в испанский эмират губернаторов господствующей партии. В течение сорока лет только трое правителей Испании из двадцати вели свое происхождение от ненавистного потомства Маада. Этот политический курс сохранял верность богатым провинциям полуострова до тех пор, пока влияние йеменцев и берберов не было безнадежно ослаблено гражданскими войнами, предшествовавшими основанию Западного халифата. Последствия последнего из-за серьезных беспорядков, которые они вызвали, и последующего ущерба, нанесенного целостности мусульманской империи, пробудили надежды и возродили неуверенное мужество запуганных народов христианского мира.

Пожалуй, нет ни одного зарегистрированного примера вражды, столь темной по своему происхождению, столь аномальной по своим условиям, столь важной по своим последствиям, как этот злобный антагонизм двух частей арабского народа. Это иллюстрирует яснее, чем мог бы сделать целый комментарий, непреклонность цели, черту, бросающуюся в глаза бедуинам, которые могут пожертвовать всеми преимуществами и удовольствиями жизни, всеми надеждами на вечность ради уничтожения наследственного врага. На протяжении веков в изолированной и засушливой стране Азии некие орды варваров, несведущих в искусстве, пренебрегающих роскошью, гордых, бесстрашных и независимых, преследовали друг друга с неослабевающей враждебностью. С приходом Пророка, несущего новое откровение, на нацию обрушиваются самые мощные влияния, которые могут повлиять на человечество. Целый народ эмигрирует; со временем объединяется со многими покоренными расами; ценит и принимает бесценные блага цивилизации; становится выдающимся в науке, литературе, во всех искусствах войны и управления, во всех счастливых и благотворных стремлениях к миру. Но среди этого процветания и величия наследственная вражда Пустыни оставалась непримиримой. Ни осуждение Корана, ни страх перед будущим наказанием не смогли более чем на время остановить эту роковую вражду. На протяжении нескольких поколений ислам был наполнен опасными раскольниками, чьи племенные предрассудки были больше, чем приверженность какой-либо догме, секретом их угрожающего отношения к халифату. Насмешки и святотатства принцев Дамаска, отпрысков древних гонителей Мухаммеда, были вызваны столь же низменными, эгоистичными и непатриотическими мотивами. И жители Медины, без чьей своевременной помощи, вызванной, не следует забывать, этой вечной враждой между хахтанитами и маадитами, ислам никогда бы не выжил, были обречены отныне на путь непрерывных несчастий. Их город, приютивший Пророка в его невзгодах и получивший его благословение, был разграблен и опустошен; а в священной мечети, прикрывавшей его останки, были поставлены в стойло лошади сирийской кавалерии. Несчастные изгнанники, преследуемые во всех странах принуждениями и жестокостью сирийских тиранов, были, несмотря на их частые попытки сбросить иго, в конце концов принуждены к покорности. В длинной череде правителей, от Сад-Ибн-Обады, прозванного Совершенным, защитника Медины, избрание которого первым из халифов властная наглость курайшитов едва ли смогла предотвратить, до женоподобного Боабдила, его прямого потомка, поведение Защитников Пророка отмечено ошибочными суждениями, отсутствием такта, пренебрежением законом и несвоевременными действиями, приводящими к катастрофам. Однако ни один город, начиная с бессмертной эпохи Афин, не оставил более глубокого следа в истории народов и деле

развития цивилизации, чем Медина. Его влияние, хотя и часто носило негативный характер, хотя и было поддержкой ислама в период его слабости, было серьезным препятствием в дни его могущества. Преимущества, которые она принесла горстке борющихся прозелитов, были более чем уравновешены разногласиями, которые она посеяла в лагерях и советах Ирака, Сирии, Африки и Испании.

Перепись населения, проведенная Ас-Самхом, выявила огромное преобладание христиан, которые все еще придерживались своей древней веры, и опасения халифа Езида были вызваны присутствием такого количества враждебных сектантов в сердце его империи. Чтобы предотвратить это зло и обеспечить будущее постоянство мусульманского господства, он разработал схему, которая указывает на степень житейской мудрости и политической проницательности, редкую для советов того времени. Он предложил депортировать христианское население Испании и Септимании и расселить его в провинциях Африки и Сирии, а освободившуюся таким образом территорию заселить верующими мусульманами. Таким образом, Испания стала бы полностью мусульманской, а размещение вооруженных гарнизонов в Галлии было бы дополнено помощью храбрых и активных крестьян, что стало бы бесценной отправной точкой для распространения мусульманского оружия на север и восток Европы. Но это ни в коем случае не было самым большим преимуществом этого смелого и оригинального государственного хода. Проницательный глаз езида уже разглядел опасный характер астурийских горцев, сохранивших традиции и унаследовавших доблесть основателей готской монархии. Устранение этого угрожающего элемента было равносильно его искоренению и, вероятно, сохранило бы на неопределенный период мусульманскую империю Испании в ее первоначальной целостности. Провинция Септимания, поддержанная мощными армиями единой и однородной нации, могла бы тогда противостоять беспорядочным нападениям франков. Изгнанники, рассеянные по отдаленным землям, должно быть, силой или с помощью материальной выгоды постепенно слились со своими хозяевами; их дети исповедовали бы господствующую веру; и прародители той династии, политика которой определяла судьбы Европы в пятнадцатом и шестнадцатом веках, исчезли бы из поля зрения человека. Серьезность этого проекта, продиктованная отчасти религиозным рвением, но главным образом политической проницательностью, была бы чрезмерной, однако его благотворное воздействие на судьбу ислама, должно быть, было неисчислимым. Но разум Ас-Самха, неспособный оценить первостепенную важность этого предприятия, презиравший готов съерры как дикарей и, подобно большинству своих соотечественников, недооценивавший их решительность и военные способности, побудил его воспрепятствовать плану халифа, заявив, что в нем нет необходимости из-за ежедневно увеличивающегося числа обращенных в доктрины Корана. Успешное проведение аналогичной политики Кромвелем в Ирландии девятьсот лет спустя, завершению которой, к счастью для мятежных туземцев, помешала его смерть, демонстрирует необычайную проницательность государя Дамаска в разработке мер государственного управления, исполнение которых предвещало такие важные последствия для современного общества и которые, по большей части, ускользнули от внимания историков Мавританской империи. Перед отъездом в свою неудачную экспедицию Ас-Самх оставил Анбасах-Ибн-Сохима, одного из своих самых надежных помощников, отвечать за дела полуострова. Последний, узнав о разгроме Тулузы, без промедления отправил большой отряд войск на Север, чтобы прикрыть отступление разбитой армии; предосторожность, ставшая ненужной из-за полководческих способностей Абд-ар-Рахмана, который теперь был признан эмиром, выбор его товарищей вскоре после этого был утвержден вице-королем Африки.

Христиане Готской Галлии и Астурии, сильно воодушевленные бедствием, постигшим их врагов, вскоре проявили большую враждебность, чем когда-либо, и Абд-ар-Рахману потребовалась вся твердость и благоразумие, чтобы сдержать их. Восстание, которое начало угрожать власти мусульман в транс-Пиренейской провинции, было, однако, подавлено прежде, чем оно приобрело угрожающий характер; горцы были отброшены в свои крепости; приостановленная дань была собрана, и увеличенная контрибуция взималась с тех общин, которые отличились упорным сопротивлением.

Несмотря на то, что Абд-ар-Рахман был кумиром своих солдат, он не пользовался популярностью у крупных правительственных чиновников. Они восхищались его доблестью и не были склонны принижать его таланты, но ненавидели его из-за его популярности, которой он был в основном обязан своим щедрым пожертвованиям войскам. У него было в обычае, как только королевская пятая часть была отделена, отдавать оставшуюся добычу армии - поступок настолько необычный, что вызывал протесты его друзей, в то же время вызывал аплодисменты и обеспечивал бессмертную привязанность солдат. Недовольные обратились к вице-королю Африки Башару Ибн Хантале с просьбой сместить Абд-ар-Рахмана под предлогом того, что мусульманское дело оказалось под угрозой из-за распространения роскоши, вызванной его беспрецедентной щедростью. Обвинения выдвигались с такой энергией, что возобладали, и Анбасах Ибн Сохим был возведен в эмират. Абд-ар-Рахман — такова была уверенность его противников в его честности и патриотизме — был восстановлен в правительстве Восточной Испании, которое он занимал до битвы при Тулузе. С покорностью и благочестием правоверного мусульманина он поздравил своего преемника, поклялся ему в верности и безропотно удалился, чтобы вновь занять подчиненное положение в королевстве, которым он правил с абсолютной властью. Вскоре Анбаса активными и благотворными мерами продемонстрировал свою пригодность для занимания высокого поста. Администрация была в некоторой степени деморализована легким нравом и расточительной щедростью Абд-ар-Рахмана, и первой заботой Анбасаха была реорганизация финансового департамента и принятие нового, более точного распределения налогов. Тщательно избегая любых проявлений несправедливости по отношению к христианам-данникам, он разделил между иммигрантами, которые теперь в большем количестве, чем когда-либо прежде, хлынули в Испанию из Африки и с Востока, незанятые земли, которые до сих пор служили пастбищами кочевым берберам, чьи традиции и привычки препятствовали выбору какого-либо постоянного места жительства. Будучи непреклонно справедливым по отношению к верным и послушным, Анбаса наказывал все попытки восстания со строгостью, сродни свирепости. Некоторые районы провинции Таррагона подняли восстание из-за реальных или мнимых обид, эмир разрушил их укрепления, распял вождей и обложил жителей двойным налогом, как в наказание, так и в назидание. Чтобы поддержать уважение к мусульманскому имени, он часто отправлял экспедиции в Галлию, операции которых, проводимые в ограниченном масштабе, сводились в основном к уничтожению имущества и захвату пленников.

Еврейское население полуострова, освобожденное от докучливых законов готов и значительно увеличившееся в богатстве и численности за счет присоединения иностранцев, уже поднялось до высокого положения в социальной и политической сфере под благоприятной эгидой мусульманского правления. Она пользовалась высочайшим уважением у арабов, успех которых был во многом обусловлен ее дружественным сотрудничеством. Это сообщество, наделенное наследственной бережливостью, свойственной расе, богатое сверх всякого прежнего опыта, все еще горячо преданное религии, ставшей предметом многовековых преследований, и

глубоко обоснованной надежде на будущую духовную и светскую власть, теперь было поражено сообщением о том, что Мессия, пришествия которого они так долго и терпеливо ожидали, появился на Востоке. Высокоразвитый творческий темперамент жителей Востока и феноменальный успех основателей религиозных систем в этой части мира привели к появлению множества фанатиков-изобретателей, все они претендовали на дар пророчества и чудотворения и все обрели многочисленных последователей в эпоху, изобилующую самозванцами. В данном случае еврейский пророк, которого звали Зонария, обосновался в Сирии; и туда толпами отправлялись испанские евреи, покидая свои дома и беря с собой только свои ценности, не подвергая сомнению подлинность своей информации и не размышляя о результатах своей слепой доверчивости. Как только паломники пересекли пролив, коварный эмир, объявив, что их поместья были заброшены, конфисковал последние, в том числе несколько лучших особняков и самых плодородных земель на полуострове. Эта фанатичная зараза распространилась даже на Галлию, и еврейские колонисты этого региона поспешили присоединиться к своим испанским братьям в их безумном паломничестве только для того, чтобы слишком поздно осознать, что они потеряли свои мирские владения, не получив компенсирующего преимущества в виде небесного наследия.

Уладив гражданские дела своего правительства к своему удовлетворению, взор Анбасаха теперь обратился к Северу, где лежал заманчивый приз Франции, желанный каждым эмиром со времен Мусы. Престиж арабов был существенно подорван серьезным поражением, которое они потерпели под Тулузой. Первая встреча с пламенными воинами Юга, которых страх представлял воплощенными демонами и о чьей доблести говорили, что они непобедимы, избавила врагов христианства от многих ужасов, которые им внушали преувеличенные слухи. Из многочисленных укрепленных мест в Септимании, которые когда-то казались залогом постоянного мусульманского поселения, сохранился только город Нарбонна. Его массивные стены легко устояли перед плохо направленными усилиями врага-варвара, не оснащенного военными машинами и непривычного к длительной и монотонной службе, подразумеваемой осадой, в то время как близость к морю делала практически невозможным ослабление блокады. Таким образом, защищенный естественными преимуществами своего расположения и мужеством своего гарнизона, Нарбонн представлял собой аномалию изолированной крепости посреди вражеской страны. Без труда преодолев горные перевалы, эмир взял Каркассон, город, который до сих пор пользовался неприкосновенностью от захвата, и этим смелым ударом так запугал жителей, что вся Септимания сразу и без дальнейшего сопротивления вернулась в свою верность халифу. Никакого возмездия за прошлую нелояльность не последовало, поскольку Анбаса был слишком политичен, чтобы не оценить ценность милосердия в провинции, находящейся в столь ненадежном владении; люди, как и прежде, были предоставлены беспрепятственному отправлению своего культа; но невыплаченная дань была строго собрана, и большое количество заложников, выбранных из самых знатных семей готов, были отправлены в Испанию.

Мусульманская армия, пройдя вдоль побережья до самой Роны, повернула вглубь страны и поднялась по долине реки, разоряя ее поселения огнем и мечом. Продвигаясь к Лиону, она захватила этот город, а оттуда, направившись в Бургундию, взяла штурмом и разграбила город Отен. До сих пор захватчики не встречали организованного сопротивления, но теперь наспех собранное ополчение начало преследовать их, поскольку они были обременены огромной добычей; и в стычке, в которой крестьяне проявили необычную смелость, Анбаса, опрометчиво подставившись под удар, был смертельно ранен. Умиравший эмир завещал свою власть Одра

Ибн Абдаллаху, что было неприятно членам Дивана; и, в соответствии с их требованиями, вице-король Африки назначил Яхью Ибн Салмаха преемником Анбасы. Суровый и непреклонный дух этого командира, его острое чувство справедливости и решимость поддерживать строжайшую дисциплину среди солдат сделали его повсюду непопулярным. К уступчивому вице-королю Африки снова обратились с просьбой, и его покорность требованиям недовольных вождей была настолько велика, что Яхья Ибн Салма был не только смещен, но и в течение нескольких месяцев были назначены и смещены два его преемника, Осман Ибн Абу Неса и Ходхейфа Ибналь-Ахвасс. Наконец, халиф сам направил к Аль-Хайтаму Ибн Обейду королевское поручение в качестве своего представителя. Этот чиновник был сирийцем по происхождению и унаследовал все горькие предрассудки своей фракции, которые были взращены гордостью и высокомерием торжествующих Оммеядов. Безжалостный по натуре, свирепый и хищный, Аль-Хайтам не щадил ни мусульман, ни христиан. Особенно враждебно он относился к потомкам сподвижников Мухаммеда, а также к их прозелитам и приверженцам - берберам. Жалобы, поданные теперь вице-королю Африки, остались без внимания, поскольку агрессивный губернатор получил свое назначение непосредственно из рук Командующего верующими. Доведенные до крайности, жертвы Аль-Хайтама предпочли предстать перед дамасским диваном; и халиф Хишем, убежденный, что эмир превышает свои полномочия, назначил одного из самых выдающихся лиц своего двора, Мухаммеда Ибн Абдаллаха, специальным посланником для расследования деятельности администрации Аль-Хайтама, а также для смещения и наказания его, если, по его мнению, этого потребуют благополучие ислама и интересы хорошего правительства. Прибыв инкогнито в Кордову, полномочный представитель халифа без труда и задержек добыл необходимые доказательства вины недостойного чиновника. Затем, демонстрируя свое звание, он публично лишил последнего знаков отличия его ранга и, обрив ему голову, приказал проехать по городу верхом на осле под насмешки и оскорбления людей, которых он грабил и преследовал. Все его имущество было конфисковано, и Мухаммед загладил свою вину, насколько это было возможно, передав оставшимся в живых жертвам опального эмира огромные сокровища, которые он накопил за время правления неизбирательного вымогательства. Затем, заковав Аль-Хайтама в кандалы, он отправил его под охраной в Африку. Двух месяцев хватило, чтобы уладить недовольство, угрожавшее революцией, — возместить награбленное, освободить заключенных, утешить замученных, изгнать со своих мест жестоких подчиненных угнетателя; и, получив одобрение и благословение всех классов, включая наследственных врагов своего племени, Мухаммед отбыл в Сирию, предварительно передав вице-королевские полномочия знаменитому капитану Абд-ар-Рахману, который таким образом во второй раз взошел на трон Западного эмирата.

Благородный по происхождению и с выдающейся репутацией, Абд-ар-Рахман сочетал в себе выдающиеся качества успешного правителя и вообще все невыносимое высокомерие арабской расы. Связанный узами самой тесной дружбы с одним из сыновей халифа, Омаром аль-Хаттахом, он узнал от него много подробностей о жизни и привычках Мухаммеда, и эта близость способствовала усилению чувства превосходства, не без примеси презрения, с которым он относился к орде варваров-прозелитов, привлеченных под его знамена скорее жадой грабежа, чем религиозным рвением. Его великодушие вызывало симпатию солдат, но его непреклонное чувство справедливости оттолкнуло могущественных чиновников Дивана, обогатившихся за годы беспрепятственного обогащения. Знание о его сирийском происхождении, постоянно проявлявшемся в заметном пристрастии к своим соотечественникам, сразу же вызвало тайную враждебность толпы буйных авантюристов,

которые, собранные со всех концов Африки и Азии, составляли его подданных и которые, лишенные лояльности, религии, принципов или благодарности, рассматривали араба как своего естественного врага, разнородное сборище, в котором значительно преобладал берберский элемент, над которым господствовали раздражающие предрассудки йеменцев, их духовных наставников.

Посетив, в свою очередь, различные провинции, подвластные его правлению, Абд-ар-Рахман подтвердил добрые намерения своего предшественника, полномочного представителя Мухаммеда Ибн Абдаллаха, и исправил те злоупотребления, которые ускользнули от внимания последнего. В некоторых случаях несправедливость валиса бессмысленно лишала христиан их молитвенных домов вопреки соглашению, разрешавшему им совершать свои обряды без насилия; в других их алчность способствовала возведению новых церквей, запрещенных положениями прежних договоров, и в абсолютное нарушение мусульманского законодательства. Это зло последних лет стало настолько повсеместным, что едва ли хоть одна община на полуострове была избавлена от него. Благодаря заботе и твердости эмира конфискованные церкви были возвращены их прихожанам; новые здания были снесены до основания; взятки, которыми было куплено снисхождение вали, были переданы в государственную казну; а коррумпированные чиновники понесли наказание за свои злодеяния бичеванием и тюремным заключением.

Завершив реформы и убедившись в явном подчинении и привязанности своих подданных, Абд-ар-Рахман теперь обратил свое внимание на осуществление замысла, который, несмотря на страшные неудачи в прошлом и неизвестные опасности, надвигающиеся в будущем, долгое время был заветной целью его честолюбия — завоевание Франции. Как представитель халифа и, следовательно, наделенный как духовной, так и светской властью, он добился того, чтобы с кафедры каждой мечети, которую он посещал по пути своего продвижения, провозглашалась обязанность всех правоверных мусульман отомстить за смерть мучеников, павших во время прежних вторжений, и присоединить к империи ислама богатую и плодородную территорию Европы.

Полностью осознавая огромные трудности, которые неизбежно будут сопровождать такое предприятие, и просвещенный своим прежним опытом, Абд-ар-Рахман решил, насколько это возможно, подготовиться к любым непредвиденным обстоятельствам, которые могли возникнуть из-за слишком поспешной подготовки или малочисленности, отправил гонцов почти во все страны, признающие власть халифа, провозгласить Джихад, или Священную войну, и просить денежной помощи у всех набожных и либерально настроенных верующих. На призыв был незамедлительно дан ответ. Богатства Востока и Запада постоянным потоком вливались в сокровищницу Кордовы. Богатые купцы присылали свое золото; верующие женщины - драгоценности; даже нищий стремился пожертвовать свои гроши на распространение Веры и посеять смуту среди неверных. Как из соседних стран, так и из самых отдаленных уголков мусульманского мира, из Сирии, Египта, Аравии, Палестины, Аль-Магриба и Персии, военные авантюристы, солдаты удачи, отчаянные фанатики, полуголые дикари из Мавритании, гордые и свирепые племена Пустыни поражали жителей городов Андалусии своей многочисленностью, своими шумными и неразборчивыми криками и своим неистовым энтузиазмом. Все силы испано-арабской армии, дисциплинированной многими иностранными и междоусобными конфликтами, были собраны для предстоящего крестового похода, который, в отличие от предшествовавших ему экспедиций, был направлен не просто на разграбление

городов и порабощение их жителей, но на постоянную оккупацию и заселение страны от Пиренеев до границы Германии, от Ретийских Альп до океана.

Нескольким вали было приказано собраться со своими силами в назначенном месте встречи на северной границе полуострова. Этим районом, включавшим горные перевалы и защищавшие их крепости, в то время командовал Осман Ибн Абу Неса, уроженец Африки, который в течение нескольких месяцев наслаждался властью эмирата и злоупотреблял ею, и которого щедрая политика Абд ар-Рахмана сохранила на этом важном посту, дарованном африканскому вождю после его низложения. Человек неистовых страстей и беспринципный, Осман, однако, не был лишен тех талантов, которые отличают солдат удачи. Человек неясного происхождения и низких связей, он исключительно силой характера и отвагой завоевал доверие вице-короля Африки, который доверил ему управление Испанией; должность, от которой он был отстранен неписаным законом Конкисты, который препятствовал стремлениям лиц его национальности. Глубоко огорченный тем, что его не восстановили на посту, удовольствий которого он едва вкусил, и снедаемый завистью, горечь которой усиливалась из-за антипатий партии, признанным главой которой он был, Осман решил отомстить за свои воображаемые обиды и обеспечить себе преимущества независимого правления. Его влияние распространялось даже на Эбро, к северу и востоку от которого в большом количестве обосновались преданные ему берберы. В то время положение грозного Эда, герцога Аквитанского, стало отчаянным. Он долгое время вел сомнительную войну с франками, превосходящая сила которых делала его окончательное подчинение несомненным. На юге ему угрожали набеги арабов-мародеров, чьи экспедиции держали его владения в постоянном смятении. Оказавшись таким образом между двух огней, он с готовностью откликнулся на предложения Османа, который предложил союз, который должен был быть скреплен браком вали с дочерью готского аристократа. Был заключен и ратифицирован мирный договор; девушка, которую не принуждали отречься от своей веры, была передана новому союзнику своего отца; и последний вернулся к своему правительству, решив дипломатическим путем расстроить замыслы своего господина, и, если это окажется невозможным, уверенный, что мощи его горных укреплений будет достаточно, чтобы противостоять всей мощи эмирата. На приказ Абд-ар-Рахмана сопровождать его со своими войсками он отвечал уклончиво, ссылаясь на заключенное им обязательство соблюдать его. Поскольку его неоднократные команды игнорировались, а терпение армии продвигаться вперед становилось неуправляемым, Абд-ар-Рахман тайно отправил эскадрон легкой кавалерии под командованием сирийского офицера Геди-ибн-Зейана с приказом доставить непокорного вали живым или мертвым. Продвигаясь вперед с величайшим усердием, солдаты внезапно наткнулись на Османа в Каструме Ливии, еще до того, как он узнал о намерениях эмира. У него едва хватило времени укрыться с несколькими слугами и своей невестой в соседних горах, прежде чем его враги вошли в город и, не останавливаясь, устремились по пересеченной местности в погоню по горячим следам. Захваченный у ручья, где отряд остановился от усталости, эскорт мятежников был убит или обращен в бегство; готская принцесса была схвачена; и Осман заплатил жизнью за свою измену. Предприимчивый Геди бросил к ногам Абд-ар-Рахмана голову предателя как доказательство своего успеха; и пленница, чья дивная красота очаровывала взоры всех, кто ее видел, была отправлена украшать царский гарем в Дамаске.

И теперь, когда ворота Пиренеев были открыты, могучее воинство мусульман хлынуло, подобно наводнению, на солнечные поля Франции. Нет надежной основы, с помощью которой мы могли бы хотя бы приблизиться к точной оценке его численности. Принимая во внимание огласку

крестового похода, различные источники, из которых набирались иностранные рекруты, регулярную армию эмира и кавалерийские отряды, предоставленные вице-королями Африки и Египта, кажется, что армия вторжения должна была насчитывать по меньшей мере сто тысяч человек. Собранный без порядка и совершенно нетерпимый к дисциплине, взаимная ревность и надменная независимость его неуправляемых элементов сильно снижали его эффективность. Члены каждого племени собрались вокруг своего вождя, который пользовался лишь шаткой властью; в то время как повиновение, которое все проявляли представителю величия халифа, соблюдалось только до тех пор, пока его приказы не вступали в противоречие с их желаниями или не шли вразрез с потаканием их страстям и унаследованным предрассудкам.

Тем временем слух о приближающейся опасности, преувеличенный расстоянием, вызвал ужас во всех христианских общинах. Это напоминало окатастрофических временах завоеваний варваров, когда свирепые орды готов и гуннов несли разорение и смерть в прекраснейшие провинции Римской империи. По всему Востоку, в землях, признавших верховенство Преемника Мухаммеда, благочестивый мусульманин ожидал с доверием, не лишенным чувства ликования, известий об ожидаемом триумфе своих братьев. Взоры всего мира были обращены в ожидании к месту, где должна была вскоре быть испытана соответствующая доблесть Севера и Юга; к борьбе, которая навсегда определит будущее Европы и безальтернативно решит судьбу христианства. Вперед, неудержимо, безжалостно, катился разрушительный поток вторжения. Герцог Аквитании храбро встретил своих врагов на самых склонах горного барьера, но все его усилия были бессильны остановить их продвижение. Города были превращены в пепел, а их жители обращены в рабство. Пастбища были очищены от их стад; цветущие склоны холмов и плодородные долины Гаронны превратились в сцены запустения. Бордо, густонаселенный и богатый торговый центр Аквитании, заплатил за короткое и безрезультатное сопротивление разграблением своих сокровищ, резней своих граждан и полным уничтожением в результате пожара. Мавританская армия, обремененная тысячами пленников и добычей целой провинции, с трудом переправилась через Гаронну и возобновила свой медленный и беспорядочный марш в глубь страны. На берегах Дордони Эд собрал своих сторонников, чтобы воспротивиться ее переходу. Последовало ожесточенное сражение; христиане, подавленные численностью, были окружены и изрублены на куски; и резня была настолько ужасной, что вызывала жалость грубых историков эпохи, изобиловавшей насилием и кровопролитием. Завоевание Аквитании было завершено, эмир двинулся к Пуатье и, разорив пригороды этого города, где стояла знаменитая церковь Св. Хилари, которая была полностью разрушена, водрузила перед ее стенами белый штандарт Оммеядов. Эта страна, враждебные группировки которой впоследствии были примирены и консолидированы гением Карла Великого, и которая известна нам как Франция, находилась в течение VII века в состоянии ужасающей анархии. На Юге важная провинция Септимания ранее признавала верховенство вестготов, а после падения их империи пользовалась номинальной независимостью. Аквитания подчинялась своим герцогам, которые вели неравную борьбу с растущими силами Севера и ненасытными амбициями сарацин. На Востоке мелкий сеньор Австразии был вовлечен в постоянные интриги и вражду со своими беспокойными соседями, принцами Нейстрии и Бургундии. В 638 году, со смертью знаменитого Дагоберта, чьи владения простирались до Дуная, исчезли последние остатки независимости и авторитета, которыми обладали монархи династии Меровингов. Отныне королевская власть принадлежала и практически осуществлялась смелыми и способными мэрами дворца, премьер-министрами *королевы фейнеант*, которые из-за безразличия или принуждения, по-видимому, довольствовались титулами и сверкающими побрякушками королевской крови.

Выдающиеся таланты священника были усердно использованы для обогащения его церкви или аббатства, а усердие и страхи набожных людей сочетались с алчностью духовенства, и священные здания превратились в хранилища сокровищ, которые ослепляли глаза алчных разбойников Абд-ар-Рахмана своим великолепием и ценностью. Ни один государь в Европе не мог похвастаться таким богатством, какое было накоплено благодаря щедрости паломников и кающихся у святынь святого Илария Пуатье и святого Мартина Турского. Церковники обычно представляли себя небесными казначеями, избранными посредниками со святыми; и самый дорогой дар едва ли считался эквивалентом поспешного благословения или реликвии более чем сомнительной подлинности, милостиво дарованной скромному и восхищенному вкладчику в жадность клериков и монашеское самозванство.

Мужественная энергия, унаследованная от предков-варваров, развитая и усиленная военными упражнениями, сформировала из франков нацию героев. Их гигантские формы, закованные в кольчуги, позволяли им противостоять нападениям, которые, должно быть, одолели бы смертных менее массивного телосложения. Флегматичный темперамент в сочетании с преданностью своим господам, которые никогда не ставили под сомнение справедливость их приказов, придавали им уравновешенность и непреклонное постоянство в полевых условиях. Их от природы свирепый вид усиливался гротескными шлемами огромной высоты и шкурами диких зверей, покрывавшими их массивные плечи, в то время как их оружие было такого размера и веса, какими могли владеть только полубоги древности. Таковы были воины, чьей доблести были теперь вверены судьбы христианского мира. Трон франков тогда занимал Тьерри IV, один из серии королевских фантомов, который был возведен в это номинальное достоинство неким мэром дворца по имени Шарль, побочным сыном Пипина д'Эристаля, герцога Австразийского. Политикой этих чиновников, обязательно талантливых людей, чьи способности возвысили их до выдающегося положения и которые управляли империей государства, было даровать корону благородным юношам, намеренно приобщенным к пороку, чтобы каждое благородное устремление могло быть подавлено и каждый патриотический порыв подавлен потворством самой распутной и женоподобной роскоши. Распутные привычки этих государей, сократившие время их правления, объясняют их многочисленность и быструю преемственность в анналах Франции.

Летописцы восьмого и девятого веков, многословные по поводу мученической смерти святых и совершения чудес, едва ли упоминали о достижениях самой замечательной личности своего времени. Их хорошо известная неприязнь к его имени, связанная с присвоением церковной собственности, хотя и использовавшейся для сохранения христианского мира, имела, без сомнения, много общего с этим презрительным молчанием. Пипин, пользуясь привилегией, санкционированной развратными нравами того времени, жил в сожительстве с Альпайд, матерью Карла, чье социальное положение все же было настолько мало ниже положения супружеского союза, что о ней часто говорят как о второй жене. Строгий прелат по имени Ламберт, занимавший престол Маэстрихта, со смелостью и рвением, необычными для покладистых церковников VIII века, счел нужным публично упрекнуть Пипина в этой незаконной связи и с нарочитым оскорблением отверг гостеприимство, оказанное ему добротой мэра дворца. Оскорбленный этим проявлением невоспитанности и независимости, брат леди добился убийства епископа, который был немедленно канонизирован и до сих пор является одним из самых эффективных ходатаев римско-католического календаря. Убийцы, одинаково

пренебрегавшие анафемами Церкви и судебным процессом, остались безнаказанными, в то время как население Льежа, где епископ был любимцем, воздвигло часовню в память о бесстрашном священнослужителе. Все это событие дает любопытный и поразительный комментарий к безнравственности, беззаконию и своеобразным домашним привычкам средневековья во Франции.

Традиция приписывает Карлу убийство его брата Гримуолда, с которым он должен был разделить наследство по отцовской линии; и отсутствие каких-либо других известных мотивов, открытая враждебность его отца, который заключил его в тюрьму, а также многозначительное молчание историков — очевидно, дрогнувших под суровым правлением мэра дворца — придают значительную вероятность этой гипотезе. Несмотря на лишение наследства, привязанность народа была такова, что сразу после смерти Пипина он был вызволен из темницы и возведен в герцогское достоинство. Последующие события подтвердили мудрость этой меры. Обращение Карла утихомирило гражданские раздоры франков; его доблесть и военный гений внушали благоговейный трепет и обуздывали неугомонных варваров Германии. Хотя он, несомненно, является хранителем христианства, его более чем подозревают в том, что он был идолопоклонником, поскольку его титул Мартель был прослежен антикварами до молота Тора, эмблемы бога войны Скандинавии. У него не было ни малейшего почтения к Церкви, ни веры в ее доктрины, ни малейшего уважения к ее имуществу, ни малейшего уважения к ее служителям. Он захватил реликвии и священные сосуды, предназначенные для общения с Богом, и превратил их в деньги для оплаты расходов на свои кампании. Он лишил духовенство их земель и разделил их между своими последователями. Самых выдающихся из своих военачальников он наделил епископскими санами, предварительно изгнав законных представителей власти, чтобы лучше сохранить контроль над их конфискованными поместьями. Эта кощунственная политика, хотя и приводила в ярость духовенство, вызвала симпатию к нему его солдат, которые были получателями его щедрот; но гнев церковного ордена не был смягчен даже его неоценимыми заслугами перед его делом. Преданные анафеме папами и соборами, легенды, вдохновленные монашеской доверчивостью и ненавистью, торжественно утверждали, что его душу неоднократно видели святые люди, окруженные демонами в глубинах ада.

О личных качествах, привычках и домашней жизни Шарля Мартеля мы абсолютно ничего не знаем. Точно так же история умалчивает о правилах его столицы, составе его двора, правилах его военной тактики, принципах его правления, именах его советников. Горечь церковных предрассудков, хотя и опорочила его память, не смогла запятнать его известность. Историческая справедливость воздала ему должное в полной мере за его подвиги, важность которых не была оценена его современниками, и присвоила ему высокое звание среди великих военачальников мира. Привыкший с детства обращаться с оружием, Чарльз провел большую часть своей жизни в лагерях. Он завоевал Нейстрию, запугал Бургундию и во многих успешных экспедициях против грозных рейнских варваров оставил кровавые свидетельства своей доблести на берегах Эльбы и Дуная. Он предъявил претензии на сюзеренитет Аквитании от имени королевской фигуры, под руководством которой он осуществлял свои завоевания; и Эддо сих пор относился к его демонстрациям с еще большим страхом и отвращением, чем к периодическим набегам сарацин. Однако теперь удрученный герцог Аквитании искал присутствия своего древнего врага, засвидетельствовал ему свое почтение и умолял о помощи. Опытный глаз и острый ум Чарльза сразу же оценили серьезность надвигающейся опасности и со свойственной им быстротой попытались ее предотвратить. Его солдаты, жившие только в

лагерях и всегда при оружии, были готовы выступить в поход в любой момент. Вскоре было собрано большое войско, и под оглушительные крики солдат полководец франков, уверенный в превосходстве своих сторонников в выносливости и дисциплине, двинулся навстречу врагу. Последние, обескураженные смелым выступлением жителей Пуатье, доведенных до отчаяния памятным примером Бордо, тем временем сняли осаду и двинулись к Туру, привлеченные славой об огромных богатствах церкви и аббатства Святого Мартина. На огромной равнине между двумя городами соперничающие войска противостояли друг другу. Этот же регион, центр Франции, все еще хранил память о былом сражении, в котором столетия назад готы и бургунды под командованием Эция отомстили за обиды Европы бесчисленным ордам Атиллы. Хорошим предзнаменованием и предвестником успеха была эта прежняя победа, которую расценили отважные воины Севера, ныне призванные во второй раз, чтобы остановить продвижение потока варваров с Востока. Сильно различаясь по расе, языку, внешности, религии, военному развитию и вооружению, втайне опасаясь неизбежного конфликта и не желая отступать, в течение семи дней две армии не вступали в бой, но постоянно выстраивались в боевой порядок. Наконец, не в силах больше сдерживать порывистость арабов, Абд-ар-Рахман отдал приказ к атаке. С громкими криками легкие эскадроны мавританской кавалерии, за которыми беспорядочно следовала огромная толпа пеших солдат, бросились на крепкие, закованные в сталь ряды франков. Но последние стояли непоколебимо — подобно “ледяной стене”, выражаясь причудливым языком древнего хрониста, — дротики сарацин безвредно ударялись о шлемы и кирасы, в то время как тяжелые мечи и булавы латников Карла производили ужасающий опустошительный эффект среди полуобнаженных тел нападавших. Ночь положила конец битве, и франки, на время освободившись от испытания, которое они выдержали с мужеством, достойным их репутации, призвав на помощь своих святых, но не без опасений за завтрашний день, уснули на своих руках. На рассвете сражение возобновилось с таким же пылом и переменным успехом до полудня, когда дивизии кавалерии под командованием герцога Аквитанского удалось обойти противника с фланга и начать грабить его лагерь. Когда весть об этом несчастье распространилась по рядам мусульман, многие бросили свои знамена и повернули назад, чтобы вернуть свою добычу, которая, по их мнению, была гораздо ценнее даже их собственной безопасности или триумфа их дела. Последовало большое замешательство; отступление стало всеобщим; франки удвоили свои усилия; и Абд-ар-Рахман, пытаясь собрать своих обескураженных сторонников, пал, пронзенный сотней ран. Той ночью, воспользовавшись темнотой, сарацины бесшумно отступили, оставив свои палатки и тяжелую поклажу. Карл, опасавшийся засад и проникшийся большим уважением к доблести своих противников, превосходящая численность которых, позволившая им атаковать его как спереди, так и с тыла, серьезно проредила его ряды, отказался от преследования и с добычей, брошенной сарацинами, вернулся в свою столицу.

Арабы не оставили нам никаких сведений о потерях, понесенных в этой битве. Однако лживые монахи, которым из-за их знания письменности была по необходимости доверена задача записи событий того времени, подсчитали потери захватчиков в триста семьдесят пять тысяч человек, что, вероятно, втрое превышает число всех сражавшихся; в то время как потери франков считаются слишком незначительными, чтобы их упоминать. Сам факт, что Карл не был склонен воспользоваться положением своих врагов, нагруженных добычей, лишенных своего командира и удрученных поражением, сам по себе показывает, что его армия, должно быть, сильно пострадала. Основные отчеты, которыми мы располагаем об этой битве, исключительная важность которых признается каждым изучающим историю, несут в себе

безошибочное свидетельство церковных пристрастий, под влиянием которых они были составлены. Монашеские писатели исчерпали свое богатое воображение, рассказывая о чудесном вмешательстве святых и доблести защитников Креста, которые обеспечили сохранение христианства. Однако арабы, обычно точные и детализированные даже в описании своих несчастий, не обратили на это великое событие того внимания, которого, казалось бы, заслуживает его влияние на их судьбу. Многие вообще игнорируют его. Другие пропускают это мимо ушей несколькими словами. Некоторые называют это не упорно оспариваемым сражением, а разгромом, спровоцированным беспорядками неповоротливой толпы, распаленной фанатизмом, разделенной на фракции, нетерпимой к дисциплине. Из таких скудных и противоречивых материалов должно быть построено повествование об одном из самых важных событий в мировой истории.

Сообщение о сокрушительном поражении при Пуатье было доведено до сведения вице-короля Африки, он назначил Абд-аль-Мелика Ибн-Каттана, офицера африканской армии, эмиром Испании и, вручая ему свое назначение, настоятельно призвал его отомстить за поражение, постигшее мусульманское оружие. Боевой дух этого командира, в котором восьмидесятилетний период жизни не сильно ослабил силу его ума или активность тела, был воодушевлен перспективой встречи с идолопоклонниками Севера. Задержанный на некоторое время в Кордове беспорядками, вызванными дезорганизацией всех ветвей власти, он попытался во главе остатков разбитой армии и подкрепления, сопровождавшего его из Африки, преодолеть опасные перевалы Пиренеев. Но время было выбрано неудачно; приближался сезон дождей, и сарадины, окруженные непроходимыми потоками, стали легкой добычей метательных снарядов предприимчивого врага. Поход превратился в серию изматывающих стычек, и эмиру с величайшим трудом удалось вытащить остатки своих войск из ловушки, в которую их завела его недостаточная осторожность. Возмущенный неудачей экспедиции, от результатов которой так многого ожидали, Обейдаллах, вице-король Африки, немедленно сместил Абд-аль-Мелика и назначил на вакантную должность своего собственного брата Окбаха Ибн аль-Хиджаджа. Строгий и рутинный воин, Окбах пользовался также обоснованной репутацией человека правосудия и неподкупности. Вскоре он стал грозой для коррумпированных и деспотичных чиновников, наводнивших администрацию. Он устранял тех, кто отличался жестокостью, мошенничеством или некомпетентностью. Ко всем, кто был виновен в хищении средств или хотя бы косвенно затрагивал честь и достоинство халифа, он был неумолим. С целью обеспечения безопасности шоссейных дорог он сформировал конную полицию, кащеев, в которой можно проследить зародыш эрмандад пятнадцатого века и современных жандармов и гражданской гвардии Франции и Испании. От этого института, распространившегося на границы мусульманской территории вплоть до Роны, произошла военная организация Рибат - прототип рыцарских орденов Калатравы, Алькантары и Сантьяго, сыгравших столь заметную роль в отвоевании. Окбах учредил суд в каждой деревне, чтобы все честные граждане могли пользоваться защитой закона. Его попечительство также обеспечило каждой общине школу, которая содержалась за счет специального налога, взимаемого с этой цели. Набожный почти до фанатизма, он возводил мечеть всякий раз, когда этого, казалось, требовали нужды народа, и, прекрасно понимая преимущества религиозного образования, прикреплял к каждому месту отправления культа служителя, который мог бы разъяснять невеждам доктрины Корана и обязанности правоверного мусульманина. Железной рукой он подавил свирепый дух бродячих племен берберов, чьи сородичи в Африке некогда во многих битвах испытали на себе действие его доблести и дисциплины. Уравняв налоги, взимаемые

различными общинами, он обеспечил благодарность округов, которые до сих пор страдали от тяжких поборов, ставших еще более невыносимыми из-за жадности беспринципных губернаторов. Ни один период в истории эмирата не отличался такими важными и радикальными реформами, как при правлении Окбаха Ибн аль-Хиджаджа.

Берберы участвовали в одном из своих периодических восстаний в Африке, и Обейдаллах, не имея возможности справиться с ними, отправил депешу, требующую немедленного присутствия Окбаха. Последний во главе кавалерийского отряда переправился через пролив и после решающего сражения обратил мятежников в бегство. Вице-король счел его услуги настолько необходимыми, что держал его при себе в качестве советника в течение четырех лет, пока тот все еще пользовался титулом и вознаграждением губернатора Испании. Тем временем на полуострове царили величайшие беспорядки. Благотворные реформы, которые использовали досуг и способности благоразумного вице-короля, были сметены; старый порядок вещей был восстановлен; и провинции эмирата были опозорены возрождением междоусобиц, угнетением слабых, пренебрежением к сельскому хозяйству, бесконтрольной казнокрадством и повсеместным распространением анархии и кровопролития.

Страх перед Карлом Мартеллом и безжалостными варварами под его командованием был широко распространен по всем провинциям Южной Франции. Их бесчинства казались тем более ужасными, что контрастировали с терпимым и справедливым правлением сарацин, которые стояли гарнизонами в городах Септимании. Провансалец, чьи сладострастные привычки заставляли его избегать тягот лагеря и чьи религиозные идеи, мало зараженные фанатизмом, не видели ничего отталкивающего в законе ислама, решил обратиться за помощью к своим смуглым соседям с Юга. Поскольку Карл уже разорил владения Мауронтия, герцога Марсельского, и отступил только тогда, когда его отозвали восставшие саксы, этот могущественный вельможа, чья власть простиралась на большую часть Прованса, в ожидании своего возвращения вступил в переговоры с Юсуфом Ибн Абд ар-Рахманом, вали Нарбонны; был заключен договор, по условиям которого арабам предлагалось принять сюзеренитет над Провансом, им были уступлены многие города, и графы оказали почтение мусульманскому губернатору, который, в свою очередь, заявил, что арабы должны были принять сюзеренитет над Провансом. чтобы выполнить свою часть обязательств и обеспечить защиту своим новым подданным, он собрал свои силы на линии северной границы. Именно в это время Окба был призван подавить восстание берберов как раз в тот момент, когда он собирался двинуться вперед, чтобы заручиться мощным подкреплением и этим ценным дополнением к своим владениям.

В начале 737 года Карл, устранив своих врагов и обеспечив временный мир, начал подготовку к активной кампании в Провансе. Изгнав арабов из Лиона, он продвинулся к городу Авиньон, естественное положение которого было признано и франками, и сарацинами не только как место необычайной силы, но и как ключ к долине Роны. Опыт и контакты со своими более цивилизованными соседями, итальянцами, научили франков пользоваться военными машинами; и, несмотря на отчаянное сопротивление арабского гарнизона, умело поддержанного жителями, Авиньон был взят штурмом. Население было безжалостно вырезано, и Карл, полностью утолив свою месть, сжег город, оставив от него груды дымящихся руин.

Задержанный упорным сопротивлением Авиньона и подстегиваемый криками своих сторонников, жаждавших богатой добычи в Септимании, франкский генерал, оставив укрепленный город Арль у себя в тылу, двинулся прямо на Нарбонну. Прекрасно понимая политическое и военное значение этой крепости, столицы их владений во Франции, арабы не пожалели ни труда, ни средств, чтобы сделать ее неприступной. Город был захвачен, и осада велась энергично, но укрепления не поддавались усилиям осаждающих, и в направлении его взятия был достигнут незначительный прогресс. Экспедиция, посланная на подкрепление, предпринявшая подход морем и попытавшаяся подняться по реке Од, была сорвана бдительностью Карла; лодки были остановлены частоколами, установленными в русле реки; сарацины, преследуемые вражескими лучниками, были убиты стрелами или утонули в болотах; и только небольшому отряду значительных сил удалось прорваться сквозь ряды осаждающих и войти в город. Однако характер франков не был доказательством непоколебимой решимости арабского гарнизона. Не в силах сдерживать растущее нетерпение своих недисциплинированных рекрутов, Карл неохотно снял осаду и попытался компенсировать свое разочарование, применив все невыразимые зверства варварской войны на территории, доступной его оружию. По прекрасным равнинам Прованса и Лангедока, украшенным строениями, напоминающими о самых ярких днях афинского и римского гения, и население которых было самым утонченным в Западной Европе, пронеслась свирепая кавалерия Альп и Рейна. Агде, Магуэлонн, и Безье были уволены. Город Ним, чьи чудесные реликвии древности до сих пор восхищают студентов и антикваров, вызвал негодование захватчика этими признаками своего интеллектуального превосходства и бывшего величия. Ее стены были разрушены; ее церкви разграблены; ее самые выдающиеся граждане уведены в качестве заложников; ее самые великолепные архитектурные памятники преданы огню. Массивные арки римского амфитеатра, однако, не поддались ничтожным усилиям разъяренного варвара; но на их почерневших камнях все еще видны следы пожара - стойкая печать бессильной злобы Карла Мартелла, запечатленной в середине VIII века.

В ходе этого достопамятного вторжения арабские колонисты, по-видимому, пострадали не так сильно, как коренное население, которое задолго до этого навлекло на себя вражду франков. Церковный орден отнесся к идолопоклонникам без особой любезности. Презирая ужасы анафемы и отлучения от церкви, Карл без колебаний присваивал церковные богатства везде, где мог их найти. Нанеся подданным и союзникам халифа в Провансе весь возможный ущерб, франки, нагруженные добычей и гнавшие перед собой огромное количество пленников, скованных парами, с триумфом вернулись по домам.

Это занятие франков оказалось лишь временным. Гарнизонов, оставленных в городах, стены которых были нетронуты, было недостаточно, чтобы внушить благоговейный страх населению, раздраженному только что пережитыми безобразиями. Герцог Марсельский, поддержанный вали Арльским, легко восстановил контроль над страной вокруг Авиньона. Но возвращение Карла в следующем году со своим союзником Лиутпрандом, королем лангобардов, и большой армией не только вернуло утраченную территорию, но и взяло Арль, до сих пор не захваченный, и изгнало сарацин за Рону, река которой в будущем стала их восточной границей, пределом, который им больше никогда не суждено было перейти.

Отсутствие Окбаха поощряло дух восстания, который всегда был распространен на полуострове. Едва он вернулся, как искусство интриги и недовольство населения породили грозного соперника его власти. Абд-аль-Мелик Ибн Каттан, который ранее был эмиром, теперь

узурпировал этот пост. В последовавшей за этим гражданской войне судьба Абд-аль-Мелика вскоре получила мощный импульс после смерти его соперника в Каркассоне.

Теперь мы обратимся к побережью Африки, региону, который от начала до конца оказывал необычайное и всегда зловещее влияние на судьбы мусульманской империи в Европе. Несговорчивый характер берберов и их отвращение к ограничениям закона и привычкам цивилизованной жизни не поддавались усилиям самых способных солдат и переговорщиков обуздать их. Вследствие этого господствующий арабский элемент не был расположен к примирению с дикарями, которые не признавали никакой власти, кроме власти силы, и налагали на них самые деспотические поборы, вызванные отчасти алчностью, а отчасти межплеменной ненавистью. Импульс восстания берберов был передан через контакты и сочувствие их родственникам в Испании, где дух неповиновения при менее суровом правительстве делал его вспышки более безопасными и, в то же время, более грозными. Эти чувства презрения повлияли на Обейдаллу, нынешнего вице-короля, даже больше, чем на большинство его соотечественников. Истинный араб, получивший образование в лучших школах Сирии, обладавший энергичным характером и фанатичными порывами, он считал неукротимых представителей африканских племен ниже ранга рабов. Будучи сборщиком податей в Египте, он спровоцировал восстание коптов из-за произвольного увеличения налогов, взимаемых исключительно потому, что данники были неверными. При его правлении участь берберов стала тяжелее, чем когда-либо. Их стада, составлявшие их главное богатство, были бессмысленно забиты, чтобы обеспечить шерстью ложа роскошной знати Дамаска. Их женщин хватали, чтобы выставить напоказ на невольничьих рынках Каира и Антиохии. Их подати были удвоены по прихоти губернатора, в глазах которого жизнь неверующего имела не больше значения, чем жизнь дикого зверя, ибо, будучи нажитой в знак протеста, она могла быть утрачена по воле его начальника. День ото дня обиды берберов становились все более невыносимыми, а жажда свободы и мести не отставала от постоянно растущих злоупотреблений, которые ее спровоцировали. Поначалу племена, считавшиеся мусульманскими, на самом деле оставались идолопоклонниками, фетишистами, податливыми орудиями фокусников и шарлатанов. По всей стране жречество — с помощью заклинания змей, толкования предзнаменований, ложных чудес, искусства колдовства — приобрело безграничное влияние; и считалось, что имена этих самозванцев, канонизированных после смерти, обладают большей силой для предотвращения несчастий, чем обращение к Всемогущему. Однако со временем усердные труды изгнанных мединских и персидских неконформистов вытеснили более грубые формы этого суеверия религией, пыл которой едва ли мог сравниться с тем, который демонстрировал самый фанатичный сподвижник Мухаммеда. Насмешливые и лощеные арабы Сирии, ярким примером которых был вице-король, язычники по рождению и неверующие в вере и обрядах, старательно изображались врагами Небес и наследственными хулиателями Пророка, которых было долгом уничтожить. Эти революционные настроения, встреченные в Африке аплодисментами, были распространены по Испании волной иммиграции, и в этой стране, как и везде, им было суждено вскоре привести к наиболее важным политическим результатам. Берберы, доведенные до предела неуправляемой ярости, теперь только ждали подходящего случая, чтобы начать самое грозное восстание, которое когда-либо угрожало мусульманскому правительству Африки. В 740 году от жителей Танжера потребовали увеличения контрибуции, чьи отношения с дикарями соседних гор помешали обращению первых в ислам. Дивизия армии отсутствовала на Сицилии, и берберы, чувствуя свое преимущество, повсюду восставали против своих угнетателей. Они взяли штурмом Танжер,

изгнали гарнизоны прибрежных городов, избрали монарха и быстро разгромили все силы, посланные против них. Гордость и негодование халифа Хишема в конце концов побудили его направить большую армию против своих мятежных подданных. Она насчитывала семьдесят тысяч человек, и командовал ею выдающийся сирийский офицер Бальдж-Ибн-Бешр, которому было приказано безжалостно предавать смерти каждого мятежника, который мог попасть к нему в руки, и позволять войскам совершать любые беспорядочные грабежи. Двигаясь на запад, сирийский генерал столкнулся с берберами на равнине Мулвия. Обнаженные тела и плохое вооружение повстанцев вызвали презрение солдат халифа, которые ожидали легкой победы; но неукротимый порыв варваров восполнил недостаток оружия и дисциплины, и сирийцы были разбиты, потеряв две трети своего числа. Около десяти тысяч всадников под командованием Бальджа прорвались сквозь ряды врага и укрылись в Сеуте. Берберы, осознавая невозможность захватить это место, опустошили окрестности на многие мили вокруг, и, блокировав город со всех сторон, сирийцы, не имея возможности спастись бегством или раздобыть провизию, оказались под угрозой длительной смерти от голода.

Абд-аль-Мелик, эмир Испании, был уроженцем Медины. Полвека назад он отличился в арабской армии в битве при Харре, кровавой прелюдии к разграблению Священного Города, порабощению и изгнанию его граждан. Сирийский генерал тщетно обращался к нему с просьбой предоставить суда, на которых можно было бы пересечь пролив. Арабский вождь, носивший на своем теле множество шрамов, нанесенных копьями солдат езида, и видевший, как у него на глазах убивали его семью и соседей, теперь ликовал в предвкушении неожиданной мести; и для полного достижения своей цели он издал строгий приказ не снабжать несчастных сирийцев припасами. Сочувствие Зейяда Ибн Амру, богатого жителя Кордовы, было вызвано рассказом об их страданиях, и он неосторожно снарядил два судна для оказания им помощи; когда об этом акте неповиновения стало известно эмиру, он приказал заключить Зейяда в тюрьму и, выколов ему глаза, проткнул его насквозь вместе с собакой - знак позора, налагаемый только на худших из преступников.

Известие о решающей победе, одержанной берберами над армией халифа, было воспринято с гордостью и ликованием всеми их соотечественниками в Испании. Усилия миссионеров, подкрепленные пламенным рвением их прозелитов, вселили в население Севера, состоявшее в основном из африканских колонистов, дух фанатизма, который угрожал снести все на своем пути. В одно мгновение берберы Арагона, Галисии и Эстремадуры взяли за оружие. Объединив свои силы, они избрали офицеров; затем, организовавшись в три дивизии, они приготовились оспаривать власть эмира в оплотах его власти. Один отряд двинулся на Кордову, другой занял Толедо, а третий взял курс на Альгезирас, имея в виду флот, с помощью которого они рассчитывали истребить сирийцев в Сеуте и собрать отряд колонистов, достаточный для уничтожения надменной арабской аристократии полуострова и основания независимого королевства, берберского по национальности, раскольнического и строгого по религии.

И теперь снова были продемонстрированы странные несоответствия и замечательные последствия фатального антагонизма рас. Критическое положение Абд-аль-Мелика вынудило его обратиться за поддержкой к своим сирийским врагам, которых он ненавидел гораздо сильнее, чем своих мятежных подданных, и которые также прекрасно понимали его чувства к ним, а также политическую необходимость, побудившую его к наступлению. Был заключен

договор, по условиям которого сирийцы должны были быть перевезены в Испанию и обещали свою помощь в подавлении восстания, и, после того как это было выполнено, эмир согласился высадить их в Африке на территории, которая признавала юрисдикцию халифа. Полуголодные беженцы передали им заложников, отобранных из числа их главных офицеров, и они отправились в Андалусию, где политика правительства и сочувствие народа обеспечили их едой, одеждой и оружием, и их упавший дух вскоре возродился. Эти опытные солдаты, объединившись с войсками Абд-аль-Мелика, с легкостью атаковали и разгромили одну за другой три берберские армии. Вся награбленная последними добыча попала в их руки, в дополнение к той, что была добыта экспедициями в страну, ныне незащищенную их врагами. Его опасения относительно берберов были устранены, и Абд-аль-Мелик теперь стремился избавить свои владения от присутствия союзников, успех которых делал их грозными. Но привлекательность почвы и климата заставила сирийцев неохотно покидать прекрасную землю Андалуз — регион, где они накопили так много богатств, место, где их усилия увенчались такой славой. Между их предводителем и эмиром возникли разногласия по поводу толкования договора; сирийский полководец, сознавая свою власть, не упускал случая вызвать вспыльчивый нрав Абд-аль-Мелика; и, наконец, воспользовавшись благоприятным случаем, он изгнал последнего из своей столицы. Балдж, избранный в вице-королевство по его приказу, немедленно приступил к расширению и подтверждению своей вновь приобретенной власти. Заложники, удерживаемые близ Альхезираса, были освобождены, и их рассказы о жестоком обращении привели в ярость их товарищей, которые вспомнили свои собственные страдания и бесчеловечность Абд-аль-Мелика во время блокады Сеуты. С громкими криками они требовали смерти эмира. Попытки их офицеров остановить поток были тщетны; толпа выволокла достопочтенного принца из его дворца и, доставив его на мост за пределами города Кордова, распяла его между собакой и боровом, животными, прикосновение к которым наводит мусульманина на мысль об ужасной нечистоте и сами имена которых являются эпитетами мерзости и презрения. Так бесславно погиб этот мужественный старый солдат, который мог похвастаться чистой кровью курайшитов; который был свидетелем чудесных перемен трех богатых событиями поколений; который служил под знаменами ислама в Аравии, Египте, Магрибе, Франции и Испании; который храбро защищал гробницу Пророка в Медине и с равной решимостью противостоял облаченным в кольчуги эскадронам Карла на берегах Роны; который дважды в смутные времена управлял делами полуострова; и который теперь, давно миновав тот возраст, когда люди стремятся уйти в отставку из-за рубежа. заботы общественной жизни, все еще активные и энергичные, были принесены, по его собственной неосторожности, в жертву непримиримой ненависти племенного антагонизма. Акт такого зверства, совершенный без учета выдающегося положения жертвы, национальности участников или степени провокации, был, независимо от его морального аспекта, в высшей степени невежливым и наносил наибольший ущерб интересам революционеров. Сирийцы оказались практически изолированными в чужой стране. Сыновья Абд-аль-Мелика, которые занимали важные посты на Севере, собрали большую армию. Губернатор Нарбонны предоставил подкрепление, и непостоянные берберы в значительном количестве пополнили ряды своих бывших противников.

В маленькой деревушке под названием Аква-Портера, недалеко от Кордовы, арабы и берберы напали на иностранцев, которые привлекли к себе на помощь множество преступников и вне закона. В последовавшем за этим сражении последние одержали победу, но потеряли своего генерала Бальжа, который пал в единоборстве с губернатором Нарбонны. Сирийцы, чей выбор

был немедленно подтвержден халифом, избрали его преемником Талабу Ибн Саламу, чудовище, чье имя впоследствии было запятнано невероятными позорными деяниями. Его бесчеловечность вошла в поговорку. Его войска не давали пощады. Жены и дети его противников, свободу которых уважали даже самые жестокие из его партии, были порабощены. Другие жертвы, которые он ранее выставил на аукцион перед воротами Кордовы, при обстоятельствах величайшей жестокости и унижения. Самыми прославленными из них были вельможи партии Медины. Изысканно изощрив оскорбление, он заставил продать их тому, кто заплатит самую низкую цену, а не самую высокую, и даже публично обменял на нечистых животных потомков друзей Мухаммеда, членов самых гордых семей аристократии Аравии. Но зверства Талабы уже оттолкнули многих приверженцев его собственной партии, а также привели в ужас представителей противоположной фракции, которые не могли ожидать пощады от лидера, который не соблюдал законы войны и не уважал принципы международных договоров. По ходатайству этих граждан, большинство из которых были людьми высокого ранга и влиятельного характера, вице-король Африки отправил Абу-аль-Хаттара на смену кровожадному Талабе. Он прибыл как раз вовремя, чтобы спасти несчастных берберов, многие из которых были мусульманами, которых уже собрали для систематической резни. Его власть вскоре была ощутима; и благодаря изгнанию лидеров повстанцев; предоставлению всеобщей амнистии; обширному распределению незаселенных территорий; и выделению воинственным чужеземцам части государственных доходов, необычайная степень мира и безопасности вскоре была обеспечена всему полуострову. В соответствии с политикой, принятой много лет назад, различные колонисты были распределены по районам, которые в общих чертах имели некоторое сходство с землей их рождения, план, который давал дополнительное преимущество в том, что отделял этих мятежных духов друг от друга, тем самым делая взаимное сотрудничество затруднительным, если не невозможным, в любом предприятии, затрагивающем безопасность или постоянство центральной власти.

Первые месяцы правления Абу-аль-Хаттара отличались терпимостью и милосердием, необычными среди беспорядков, которые теперь царили во всех провинциях мусульманской империи. Но его сторонникам предстояло отомстить за причиненные обиды, а у эмира не хватило морального мужества противостоять назойливым требованиям своих сородичей. Несправедливое судебное решение вызвало упреки; оскорбление привело к кровопролитию; вспыльчивые маадиты взяли за оружие; и полуостров снова принял свой обычный вид политических потрясений и гражданской войны. Аль-Самиль и Талаба, два выдающихся капитана, получили верховенство; эмир был заключен в тюрьму, затем освобожден и, после нескольких безуспешных попыток восстановить свою власть, казнен. Победив своего противника, торжествующая фракция маадитов максимально удовлетворила свои мстительные порывы грабежом, пытками и убийствами. Наконец, положение дел стало невыносимым, и не было никакой надежды на помощь с Востока, где кандидаты от соперничающих племен боролись за заманчивую награду халифата, был созван совет офицеров, и Юсуф-Абд-ар-Рахман-аль-Фехри был единогласно избран губернатором Испании.

Этот командующий многими годами верной службы во Франции, строгой беспристрастностью в своих решениях и храбростью, замечательной среди народа, для которого малейший признак трусости был несмываемым позором, завоевал уважение и восхищение своих современников. Его происхождение было высоким, внешность привлекательной, манеры достойными и вежливыми. Он защищал Нарбонну от войск Карла Мартелла, чья армия, окрыленная победой и воодушевленная присутствием самого великого мэра дворца, не смогла поколебать его

уверенности или нарушить его хладнокровие. Но его выдающаяся квалификация для должности, на которую он теперь был призван, зависела не столько от его прежних заслуг и личных достоинств, сколько от отсутствия, которое удерживало его от всех сложностей и интриг фракции. Таким образом, самые ярые сторонники приветствовали его избрание как предвестника мира и согласия; мудрый политический ход, который мог примирить антагонистические притязания знати Дамаска и Медины; обуздать беззаконие берберов; и восстановить Западный эмират к тому спокойствию и процветанию, которыми он наслаждался в течение долгих промежутков времени и о которых сохранилась только память, как о полузабытой традиции. Этот незаконный акт офицеров был без колебаний санкционирован халифом Мерваном, который благоразумно проигнорировал дух независимости, подразумеваемый его осуществлением, из-за его очевидной мудрости и настоятельной необходимости, которая его продиктовала.

Однако беспорядки на несчастном полуострове стали неизлечимыми при нынешних условиях правления. Все мастерство и опыт Юсуфа были исчерпаны в бесплодных попытках урегулировать территориальные споры и умиротворить вражду, порожденную поколением междоусобиц. Восстание вспыхнуло в Септимании, провинции, до сих пор не подвергавшейся подобным волнениям. Ахмед Ибн Амру, вали Севильи, которого Юсуф отстранил от командования флотом, вождь курайшитов, чьи обширные владения позволяли ему превзойти величием самого эмира, и претендент на верховную власть, организовал и возглавил грандиозный заговор. Его имя было связано с ранними победами ислама, поскольку он был правнуком прапорщика, который нес знамя Мухаммеда в битве при Бедре. Движимый необычайной дерзостью, которая подтверждалась обладанием богатством, способностями и властью, он заявил, что получил от Аббасидов назначение вице-королем Испании. Астурийцы, ободренные распрями своих врагов, покинув свои горные крепости, начали продвигаться далеко на юг. Вся страна была вовлечена в военные действия. Все занятия, кроме военных, были приостановлены. У пастуха отняли его стада. Плодородные поля превратились в бесплодную пустошь. Со всех сторон виднелись скорбные свидетельства нищеты; из дворцов и хижин доносились стоны голодающих или стенания по умершим. Сношения между соседними городами, испытывавшими враждебность или боявшимися мародеров, прекратились. Сомнительное пребывание у власти, зависящее от непрекращающихся смен администрации, делало невозможным для христиан выяснение, кому по праву причитается дань. и это смешение интересов часто подвергало их несправедливости двойного и даже тройного налогообложения. Никогда в истории Испании, со времен вторжения готов, не царили такие условия анархии и социальной разрухи, когда вдохновение нескольких сирийских вождей положило конец существующему хаосу, установив нового правителя и восстановив династию, князья которой, тираны Дамаска, до сих пор не вызывали ничего, кроме ненависти и насмешек над именем мусульман.

История Испании при эмирах представляет собой печальную череду трагических событий, вызванных расовой неприязнью, политическими амбициями, религиозным рвением и личной враждой. Чрезвычайная степень нестабильности, плохого управления, недоверия и алчности характеризовали их администрацию. Революции, которые постоянно происходили в Дамасском халифате, оказали немалое влияние на столицы вице-королевств Кайрун и Кордову. Сирийские принцы Оммеяды жили в постоянном страхе насильственной смерти. Методы, с помощью которых они возникли, во многих случаях способствовали их свержению. Вчерашний убийца часто становился жертвой сегодняшнего. Совершение преемниками Пророка всех

преступлений, потворство всем порокам уменьшило веру и лояльность их подданных и серьезно повлияло на престиж и божественный характер, которые, как считалось, придавались их должности. Подчиненные неизбежно разделяли ненависть и позор своих начальников. Эмир Испании находился в двойном невыгодном положении. Он находился в подчинении вице-короля Африки, в то время как последний назначался непосредственно халифом. Такое разделение полномочий и ответственности не способствовало интересам надлежащего управления, общественного порядка или внутреннего спокойствия. Нельзя было ожидать, что жители полуострова, подверженные капризам двойной тирании, будут испытывать большое почтение к верховному правителю своего государства и религии, находящемуся в тысяче трехстах милях отсюда. С приходом на престол каждого правителя появлялись новые предложения для использования всех средств вымогательства. Алчность этих чиновников соперничала по изобретательности своих приемов и величине получаемых доходов с поборами римских проконсулов. Методы, с помощью которых большинство из них сохраняло свою власть, вызывали всеобщее отвращение. В таких политических условиях лояльность, союз и коммерческое процветание были невозможны. Древний ход дел — порядок, существовавший триста лет, — был грубо прерван. Даже при благоприятных условиях создание правительства и реорганизация общества были бы задачами, сопряженными со многими трудностями и опасностями. Вестготская империя, это правда, была покорена, но ее национальный дух, религия и традиции сохранились. Смены мусульманских правителей были внезапными и частыми. Средняя продолжительность официальной жизни эмира составляла ровно двадцать семь месяцев. Требовалось проявить величайшую мудрость, самую просвещенную государственную мудрость, чтобы предотвратить бедствия, которые неизбежно должны были возникнуть в результате столкновения между разнородным населением, внезапно подчинившимся воле еще более разнородной массы иностранцев; примирить интересы враждующих группировок; удовлетворить требования диких варваров, непривычных к отказу; решать как глубокие вопросы политики, так и легкомысленные споры, связанные с различными степенями церковного достоинства, наследственного ранга, военных отличий и социального превосходства. Непреклонность арабского характера, предполагаемое превосходство арабской расы, неугасимый огонь межплеменной ненависти, необходимость сохранения прав, предоставленных побежденным по торжественным договорам, во сто крат увеличивали трудности, с которыми сталкивался суверен. Как неизбежное следствие, возобладало хроническое состояние беспорядка. Власть халифов Дамаска была фактически лишь номинальной, и к ней прибегали только для того, чтобы поддержать восстание или обеспечить повиновение тех, кто колебался в своей лояльности эмирам, фактическим правителям Испании. Но, несмотря на эти серьезные препятствия, гений арабского народа быстро продвигался по пути цивилизации, в то время как тупой и вялый интеллект северных варваров, которые по своему происхождению были не менее невежественны, оставался неподвижным. Испании при мусульманах потребовалось менее полувека, чтобы достичь той точки в развитии человечества, которой не достигла Италия при папах за тысячу лет. Способность арабского ума впитывать, присваивать, изобретать, развиваться, совершенствоваться не имеет аналогов в анналах ни одной расы. Империя халифов включала в себя еще большее разнообразие климата и наций, чем римская. Узы всеобщего братства, провозглашенные Кораном; связи, которых требовала расширенная торговля; близкие связи, поощряемые паломничеством в Мекку, пробудили любопытство и в равной степени расширили умы мусульман Азии, Африки и Европы. Но важнее всего был эффект от почти непрекращающихся боевых действий, которые велись против неверных. Благодаря своим постоянно меняющимся событиям, своему очарованию, своим

захватывающим волнениям, своим опасностям, своим победам, поражениям и триумфам война имеет замечательную тенденцию расширять интеллектуальные способности и тем самым продвигать дело истины и способствовать совершенствованию каждой отрасли полезных знаний. Преимущества, полученные от путешествий, опыта и завоеваний, мусульмане принесли с собой на испанский полуостров. Однако при эмирате им постоянно противодействовал свирепый и неукротимый характер берберов. Последние не забыли о той роли, которую они сыграли в Завоевании. Победоносную армию возглавил один из их соотечественников. Это было неотразимое наступление их кавалерии, которая прорвала готские линии на Гуадалете. Быстрота их передвижений, стремительность их атак за несколько коротких месяцев внушили благоговейный трепет и покорили густонаселенные государства могущественной империи. Едва они начали наслаждаться радостями победы, как жадность наследственного врага их расы вырвала у них из рук заслуженные плоды их доблести. Их командир был заключен в тюрьму, оскорблен и опозорен. Их добыча была конфискована. Те, кто проявлял стремление к оседлому образу жизни, направлялись на унылые и бесплодные равнины Ламанчи, Арагона и Галисии, в то время как арабы Сирии и хеджаза делили между собой славные регионы Юга, которые традиция называла Елисейскими полями древних. Высокомерный нрав этих лордов обрушивал на своих берберских вассалов все безобразия, какие только могла замыслить злоба или привести в исполнение тирания. Случайного попадания в Африку было достаточно, чтобы отстранить самого опытного и способного солдата от ответственного поста в Дамасском халифате. В Испании, как и в Аль-Магрибе, прекраснейшие девственницы берберских лагерей были вырваны из объятий своих родителей, чтобы пополнить гаремы Востока. При таких обстоятельствах неудивительно, что обостренные чувства гордого и независимого народа были глубоко уязвлены каждым новым оскорблением, и их недовольство поставило под угрозу стабильность нового правительства и подвергло опасности сами религиозные институты, поощряя неистовый дух племенной вражды, тот зловещий призрак, который постоянно преследовал своим устрашающим присутствием общество городов и деревень и мрачно и в угрожающем молчании крался в самой тени трона.

Моральный и политический аспект западного мира во многих деталях совпадал с аспектом Испании в переходный период, предшествовавший созданию Кордовского халифата. Из всех государств, составлявших обширную ткань Римской империи, едва ли одно находилось в мире со своими соседями или было избавлено от бедствий, связанных с религиозной рознью и гражданской войной. Те скудные остатки искусства и учености, которые избежали ярости варваров, нашли убежище в Константинополе, ныне интеллектуальном центре Европы. Благородные произведения древних, однако, были отвергнуты с презрением к проповедям Отцов Церкви, и споры о чудесных свойствах изображений, наряду с ежедневными беспорядками и гонками на колесницах, привлекали внимание и развлекали досуг слабого и малодушного византийца, чей характер, искаженный отвратительными пороками, давно утратил всякое право на почетное имя римлянина. Непокойное население этого великого города, который фактически диктовал эдикты своим правителям, защищенное неприступными стенами, с трусливым безразличием наблюдало, как его окрестности разграбляются, а его суверенитету бросают вызов персидские, готские и сарацинские державы. Гений и энергия его основателя были вытеснены суевериями и жестокостью череды слабых тиранов, многочисленные преступления которых теперь, на короткий промежуток времени, были искуплены военными талантами и политическими добродетелями Льва Исаврийца.

В Италии общественный покой был нарушен иконоборческой ересью и беспорядками, сопровождавшими основание республики, беспорядкам суждено было вскоре спровоцировать вмешательство лангобардов и последующий невежливый союз с этими вероломными варварами. Суровый и бескомпромиссный характер Григория Великого утвердил Церковь на столь прочной основе, что усилия всех ее врагов по сей день не смогли ее одолеть; а проницательность этого выдающегося понтифика оправдала политику системы, вдохновленной почти сверхчеловеческой мудростью, освященной заповедями древности, усиленной энтузиазмом ее святых и мучеников и подтвержденной вековой давностью.

Ни одна страна в Европе в VIII веке не демонстрировала такой картины неискупленного варварства, как Британия. Римлянам удавалось лишь временно установить свои институты на этом острове. Легионы с трудом удерживали в повиновении народ, которого ни сила, ни искусство убеждения не могли приобщить к благам цивилизованной жизни. Жестокие обряды, характерные для культа друидов, были отменены, но изящная мифология Италии не завладела умами деградировавших аборигенов, которые с восторгом приветствовали дикие церемонии, совершавшиеся вокруг алтарей скандинавского бога Воды. На этой нетрадиционной почве утонченный гений Рима не оставил никаких постоянных следов своего пребывания, никаких великолепных памятников своего искусства и культуры. Природа преходящих впечатлений, вызванных владением Британией властителями мира, была раскрыта в сокрушительных бедствиях, обрушившихся на империю в пятом веке. Не в силах выносить заботы правительства, враждебно настроенные вожди бросили остров на произвол всех бед анархии, а партизанская зависть призвала на опасную помощь пиратов Германии, чье господство было окончательно установлено только в результате войны на уничтожение с участием как союзников, так и врагов. Неясность британских летописей, касающихся рассматриваемого периода, сама по себе непроницаемая, усугубляется массовым принятием мифов и легенд за историческую истину. Западноевропейские хронисты, однако, познакомили нас с национальным характером саксов. Мы знаем, что в Британии были в равной степени отменены обычаи аборигенов и законы империи; что преобладало не богослужение, а самая низменная форма идолопоклонства; что все остатки римских институтов были сметены; что религия, принципы которой были провозглашены красноречием Августина, была искоренена; и что голос фракции, вызвавшей эту варварскую бурю, умолк в конвульсиях, предшествовавших основанию саксонской гептархии. Остров, название которого сейчас является самым знакомым человечеству, стал более загадочным, чем это было в самые отдаленные века античности; страна, конституция которой теперь неразрывно связана с пользованием наибольшей степенью свободы, была тогда известна как самый выгодный рынок для покупки рабов. В образованном обществе Константинополя ученые люди верили, что Британия была регионом эпидемий и ужасов, куда, как в место вечного наказания, духи франков переправлялись в полночь племенем странных рыбаков, которые по причине этой службы были освобождены от определенных тягот и пользовались особыми привилегиями. Среди роскошествовавших священнослужителей Галлии рабы, ввозимые из Британии, высоко ценились как недорогие и пригодные в эксплуатации; и священный сан священника или аббата не унижался из-за владения несчастными существами, в чьих противоестественных родителях чувства человечности и инстинкты привязанности были подчинены унижительной страсти алчности.

Общее положение дел в Галлии являло собой поразительную аналогию с тем, что царило в Испании во времена ниспровержения королевства вестготов. Однако в одном отношении существовало различие, скорее кажущееся, чем реальное: ни один монарх не был введен в

зablуждение провозглашаемой верностью и в то же время постоянно находился под угрозой изменнических заговоров своих подданных. Династия королей-марионеток, ограниченная ограниченной территорией, демонстрировала при каждом искушении к чувственным удовольствиям праздную помпезность суверенитета. Раса отважных воинов и государственных деятелей, невежественных в грамоте, опытных в обращении с оружием, управлявших силой военного энтузиазма и превосходящими дипломатическими способностями судьбами франкской нации. За исключением духовенства, чьи достижения были в лучшем случае поверхностными, народ был погружен в глубочайшее невежество. В регионах Севера и Востока влияние германцев-идолопоклонников и скандинавов затормозило распространение христианства. В других местах, однако, преобладала смешанная религия, в которую были включены ряженные политеистического культа, унижительные суеверия и кровавые обряды саксов, а также худшие черты арианской ереси. Эта униженная форма веры, не признававшая ни терпимости язычества, ни милосердия Евангелия, удовлетворяла духовные потребности варварского населения. В одной провинции практиковалось идолопоклонство. В другом случае принципы христианства были на подъеме. Нередко эти формы поклонения существовали бок о бок; и при звуке соборного колокола жертвенный фимиам поднимался с алтарей тевтонских божеств, или гаруспик совершал свое таинственное служение и, пресмыкаясь перед дымящимися внутренностями только что зарезанной жертвы, читал в форме печени или складок внутренностей знаки будущего и безошибочные постановления судьбы.

Везде, где господствовал авторитет римского понтифика, склонность к монашеской жизни преобладала среди всех классов общества. Девственницы из самых богатых семей, воины величайшей славы, одинаково добровольно стремились удалиться в монастырь под поздравления своих родственников и аплодисменты своих товарищей. Когда соблазны мира были слишком сильны, чтобы им можно было сопротивляться, самые гордые вожди шли на компромисс с совестью, либо жертвуя своих крепостных в обители, посвященные служению Богу, либо выкупая рабов, чтобы увеличить внушительную свиту владетельного настоятеля. В основании религиозных домов во Франции существовало соревнование, неизвестное ни в одной другой стране, охваченной духовной сферой папства. Слава и благочестие покровителя одного из таких заведений были прямо пропорциональны количеству отшельников, которых его богатство или влияние могли собрать в его стенах. Как следствие, немалая часть населения Франции была посвящена монастырской жизни, и число монахов, собравшихся в одном монастыре, было огромным, во многих случаях достигая восьмисот. Щедрость и преданность основателя религиозной общины, несомненно, были вознаграждены желанной честью канонизации, и записи Галльской церкви за первую половину восьмого века включают имена большего количества святых, чем за любой соответствующий период в истории латинского христианства. Щедрость по отношению к этим святым учреждениям почиталась не только высшей добродетелью, но и определенным доказательством ортодоксальности, и в их хранилищах хранились сокровища, ценность которых старательно преувеличивалась тщеславием духовенства и доверчивостью черни. Рассказы об огромном богатстве этих заведений, распространявшиеся повсюду благодаря болтливости паломников и путешественников, разжигая алчность арабов и подстрекая их к крестовым походам и колонизации, оказали решающее влияние на политическую судьбу и социальную организацию Франции, а через Францию косвенно и на судьбу всей Европы.

Грубость, ожесточение, грубая распущенность, напускная святость и варварское великолепие были характерными чертами общества, состоявшего из номинальных монархов и их дворов,

дворцовых мэров и их слуг, а также ленивых священнослужителей, которые кишели во всех частях владений князей Меровингов. Воля самого могущественного дворянина была законом страны. Опасение междоусобной войны, взаимная зависть и беспринципные амбиции феодалов постоянно препятствовали трудолюбию земледельцев. Чувство безразличия пронизывало ряды невежественного населения, тупо довольствовавшегося удовольствиями простого животного существования. Священнослужители, усердно взимавшие десятину, проявляли явное отвращение к оказанию денежной помощи во времена чрезвычайного положения в стране, когда даже их собственное существование было под угрозой. Противоестественные преступления, братоубийство, кровосмешение и безымянные нарушения общественной порядочности были обычным явлением. Сожительство было повсеместно распространено среди богатых. В практике, столь пагубной для чистоты семейной жизни, духовенство добилось позорного превосходства, и в замкнутом пространстве женских монастырей, этих кажущихся средоточиями аскетизма и набожности, безнаказанно разыгрывались сцены, которые избегали огласки в городах и указывали на тревожные и безнадежные масштабы церковной развращенности.

В южных провинциях, ранее находившихся под юрисдикцией вестготов, существовали более высокий уровень интеллекта и более утонченные отношения - наследие древних колонистов, которые завещали своим потомкам традиции римской роскоши и греческой культуры. Здесь, на берегах Средиземного моря и в долине Роны, дары природы были лучше приспособлены для прогресса в искусстве; климат был более благоприятен для интеллектуального развития масс. В то время как социальное равенство все еще строго соблюдалось на собраниях тевтонов и франков, гордость аристократии здесь впервые заявила о своих высших притязаниях на внимание. Именно из этого региона, благоприятствуемого своим географическим положением, торговыми связями и симпатией к философским идеям и литературным устремлениям жителей мусульманской Испании, должно было распространиться утончающее влияние рыцарства и литературы, впоследствии столь ярко проявившееся при дворах альбигойских князей.

Неудовлетворительный характер информации, содержащейся в несовершенных хрониках VIII века, является серьезным препятствием для удовлетворительного освещения событий, первостепенная важность которых признается каждым историком. Прискорбный недостаток деталей и полное отсутствие философской проницательности являются характерными чертами этих неграмотных летописцев. О постепенном раскрытии национального характера; о тайных мотивах, которые двигали грубыми, но ловкими государственными деятелями той эпохи; о непрекращающихся изменениях государственной политики; о тихих, но мощных революциях, производимых неумолимыми законами природы и недостатками человечества, они почти ничего нам не говорят. И все же ни один упомянутый период в истории не был более богат великими событиями. Ни одно достижение древних или современных времен не совершенствовалось с такой быстротой и не оказывало такого решающего воздействия на интеллектуальный прогресс человечества, как мусульманское завоевание Испании. Доблесть идолопоклонника Карла Мартелла подготовила почву для огромной империи и безграничной власти Карла Великого. Усердие его православного преемника обеспечило постоянство и верховенство Святого Престола. От успеха или неудачи мусульманского крестового похода, как на волоске, зависела политическая судьба Европы и религиозная судьба мира. Битва при Пуатье не была, как обычно утверждается, состязанием между сторонниками двух враждебных форм веры, поскольку армия франков в основном состояла из язычников, а ряды захватчиков были заполнены берберами, евреями и неверными. Мусульманские фанатики, подобные тем,

кто разделил горькие лишения Пророка, кто поддержал его падающее знамя при Ухуде, кто одержал победу над устрашающими силами противника, которыми командовали храбрейшие полководцы Римской и персидской империй, кто был свидетелем взятия Дамаска и Иерусалима, были редкостью в той пестрой толпе авантюристов, чья религия часто была маскировкой, используемой с постыдной целью грабежа. Неистовый пыл и непобедимый дух исконных мусульман исчезли. Десятая часть того пламенного энтузиазма, который вызвал изумление и ужас у их первых противников, должно быть, изменила судьбу того богатого событиями дня.

С другой стороны, франки не были вдохновлены рвением к соблюдению каких-либо религиозных принципов. Их непостоянное почитание было отдано Зернбоку и Водену, кровавым богам германских лесов, или тому странному жречеству, которое передавало своих оракулов из кромлехов Бретани. Неотложные требования чрезвычайной ситуации, перспектива грабежа и славы призвали воинов ста племен с берегов Дуная к границам Скандинавии. Эти дикие варвары так мало имели права называться христианами, что даже тогда они находились под запретом церковного недовольства и были подвергнуты анафеме за кощунственное использование имущества Церкви для предотвращения опасности, нависшей над христианским миром. Но если оставить в стороне мотивы, двигавшие сражающимися, то не может быть никаких сомнений относительно решающих результатов битвы при Пуатье. Это была одна из немногих великих побед, которые, подобно заметным вехам на пути развития человечества, указывают на прогресс или отсталость наций. Перспектива мусульманского завоевания долгое время наводила ужас на Европу. Папа римский дрожал в Ватикане. Благочестивый преданный, простираясь ниц перед изображением своего святого покровителя, поклялся наложить дополнительную епитимью, чтобы предотвратить бедствие, которое, как ожидалось, принесет каждый день. Воображение и страх рисовали сарацин как расу воплощенных дьяволов, чей облик был гораздо более устрашающим, чьи зверства были гораздо более безжалостными, чем у гуннов, которые были разбиты Аэтием четыреста лет назад на равнинах Шалона. Двенадцати столетий оказалось недостаточно, чтобы развеять этот суеверный страх, и сарацин, как чудовище и пугало, до сих пор фигурирует в детских сказках и стишках Центральной Франции.

Испанский эмират включает в себя самую малоизвестную эпоху мусульманских летописей. Его события по большей части сохранились только благодаря традиции. Его хроники хаотичны, неполноценны и противоречивы. Даты перепутаны. Он изобилует анахронизмами; путаницей местностей; умножением личностей под самыми разными именами. Легковерие и предубежденность летописцев, немногие из которых были современниками событий, которые они якобы описывают, делают их утверждения подозрительными или абсолютно недостойными веры. При таких недостатках достижение точности явно невыполнимо, и только на разумную степень вероятности можно надеяться сбитому с толку историку.

Прошло ровно сто десять лет с тех пор, как Мухаммед бежал из Мекки, как обычный преступник, по приговору вождей своего племени казненный с наградой в тысячу золотых за его голову, а ислам считался мечтой полусумасшедшего энтузиаста. Теперь имя Пророка почиталось от Индии до Атлантики. Новая секта насчитывала миллионы приверженцев. Ее оружие неизменно одерживало победы. Его энергия преодолела все препятствия. В его руках были самые почитаемые святыни христианства и колыбель этой религии — Антиохия, Александрия, Карфаген и Иерусалим, места, связанные со всем, что дорого последователям нашего

Спасителя, и ставшие священными благодаря чудесам, легендам и преданиям. Рим и Константинополь, оставшиеся великие центры христианской веры — одному было суждено подвергнуться нападению мусульман Сицилии, другому теперь угрожали мусульмане Испании, — дрожали за свою безопасность. Сарацинские флоты уже курсировали по восточному Средиземноморью. Мусульманский штандарт был водружен на Луаре, в трех тысячах шестистах милях от Мекки. В каждой стране, в которую проникал ислам, он находил верных союзников и приверженцев. Религиозное безразличие, общественное угнетение, бремя феодализма и пороки рабства проложили путь к его принятию. Евреи открыли ворота городов. Лидеры угнетенных фракций кошельком и мечом способствовали разорению своих соотечественников. Вассалы и рабы тысячами отступали. Самым зловещим из всех было то, что испытание духовной истины и вдохновения, неизменно зависевшее, по мнению легковверных, от превосходства в вооружении, неизменно оказывалось на стороне неверных. Поэтому неудивительно, что христианская Европа смотрела с нескрываемым ужасом на зловещее наступление мусульманской державы. Вызывает некоторые сомнения, могли ли доктрины Мухаммеда прочно закрепиться в замерзших регионах Севера. Географическое распространение религий во многом определяется климатом. Ислам по сути своей экзотичен. Он выжил, но никогда не процветал за пределами тропиков. Ученый историк выдвинул гипотезу о том, что она не может существовать на широте, где не растут оливы, - утверждение, которое, по-видимому, подтверждается опытом истории. Крайне маловероятно, что догмы и обычаи Востока нашли бы под свинцовым небом и среди леденящих душу ветров Голландии и Германии условия, благоприятные для их распространения. В результате должны были произойти важные изменения, а вместе с этими изменениями - религиозная и социальная революция. Стойкость и доблесть тевтонских солдат навсегда обеспечили безопасность Европы от серьезных посягательств со стороны князей испано-арабской империи. Нерегулярные и плохо согласованные атаки, которые впоследствии следовали с большими интервалами, были легко отбиты. Можно усомниться в том, что победа Карла Мартелла принесла пользу всему миру в свете блестящих результатов мусульманской цивилизации. Вряд ли возможно предположить, какой эффект произвела бы победа сарацин на верования и привычки нынешнего века, но, по словам выдающегося писателя, “наименьшим из наших зол было бы сейчас то, что мы носили тюрбаны; расчесывали бороды вместо того, чтобы брить их; видели более великолепную архитектуру, чем греческая, в то время как общественное сознание было ограничено искусством и литературой мавританского университета Кордовы”.

ГЛАВА VII

ОСНОВАНИЕ ИСПАНСКОЙ МОНАРХИИ

718-757

Северные провинции Испании — Их пустынный и неприступный характер—Климат— Население—Религия—Особенности астурийского крестьянства—Пелаюс—Его рождение и прошлое—Он собирает Армию—Неясное происхождение Испанского королевства— Чрезвычайные условия, при которых оно было основано—Битва при Ковадонге—Разгром арабов—Усиление христианского могущества—Фавила—Альфонсо I.—Его предприятие и

завоевания—Его Колонизационная политика—Сохранение Духа свободы—Религиозные злоупотребления—Состояние общества—Начало борьбы за империю.

Общая топография испанского полуострова демонстрирует постепенное и непрерывное увеличение высоты, начинающееся на тропических равнинах Андалусии и заканчивающееся горным хребтом, который пересекает его северную оконечность от восточной границы Франции до Бискайского залива. Эта изрезанная горная цепь, некоторые вершины которой достигают высоты почти десяти тысяч футов, отбрасывает бесчисленные отроги на север и юг, которые разделены непроходимыми ущельями и мрачными лощинами, иногда сменяющимися долинами ограниченной протяженности, но замечательного плодородия. Близость к океану, пары которого конденсируются и выпадают в осадок при соприкосновении с вершиной сьерра, делает климат этого региона исключительно влажным, но его туманная атмосфера не является неблагоприятной ни для здоровья, ни для долголетия человека. В некоторых местностях дожди идут почти непрерывно, и глубины многих ущелий никогда не омрачаются добрыми и живительными лучами солнца. Требуется самое неутомимое трудолюбие, чтобы добыть средства к скудному существованию, и кропотливые усилия земледельца дополняются бдительностью пастуха, шерсть которого, которую обычно предпочитают грубым изделиям ткацкого станка, снабжает мужское население одеждой. На побережье целые общины добывают средства к существованию рыбной ловлей; и возросшие возможности для общения с миром вызвали заметные изменения в характере этих людей, которые, хотя и не лишены ни одного из мужественных качеств жителей холмов и твердынь, кажутся менее неотесанными и обладают большей степенью интеллекта, чем их собратья из внутренних районов. Обычаи этих знаменитых горцев, по-разному известных как баски, астурийцы, кантабрийцы и галисийцы, в зависимости от местности, в которой они проживают, на протяжении многих веков менялись незначительно. Они всегда отличались простотой манер, непоколебимой честностью, бескорыстным гостеприимством и духом независимости, который редко терпел неудачу при самых настойчивых попытках завоевания. Загадочное и неизвестное происхождение присуще баскам, чей странный язык и странные традиции, как предполагается, связывают их с исконными жителями полуострова, и которые в этой изолированной дикой местности сохранили память об одной из коренных рас Европы. Труднопроходимые районы, лежащие к западу от того, что сейчас называется Бискайей, родины басков, раньше были населены иберами, ветвью кельтов, которая в силу обстоятельств и из соображений самосохранения смешалась с колонистами из южных провинций, пока ее отличительные черты не исчезли. Хорошо известная храбрость защитников этой мрачной и неприступной страны, ее бедность, которая не привлекает ни алчность, ни тщеславие королевской власти—ее ущелья, продуваемые пронизывающими ветрами, и горы, покрытые вечными облаками, долгое время обеспечивали ей свободу от вторжения. Карфагеняне никогда не переходили ее границ. Римлянам при Августе удалось, после бесконечных трудностей, установить на своей территории ненадежную власть, время от времени оспариваемую ожесточенными и упорными восстаниями. Это привело к неохотному подчинению вестготским королям, чьи представления о свободе, грубых вкусах, варварских обычаях и откровенном поведении больше соответствовали природе дикого иберийца, чем привычкам к роскоши и хитрым принципам пунической и латинской цивилизации.

Самой бесплодной и недоступной частью этого уединенного региона во времена мусульманского завоевания была территория современного княжества Астурия. Грозный барьер из высоких пиков, перевалы в которых легко ускользали от постороннего взгляда,

преградил путь вражеской армии. За этой стеной открывался разнообразный ландшафт гор и долин, с редкими деревнями, чьи хижины, сгрудившиеся на склоне холма или разбросанные вдоль какого-нибудь узкого ущелья, указывали на наличие поселения пастухов или земледельцев. Эти жилища, аналоги которых сегодня можно увидеть в самых диких районах Астурии и Галисии, представляли собой грубые лачуги, построенные из камней и необработанных бревен, крытые соломой, с тростниковым полом и с отверстием в крыше для выхода дыма. Их стены и потолки были измазаны сажей и жиром, а каждый угол вонял нечистотами и кишел паразитами. Владельцы этих жилищ по внешнему виду и уму едва ли отличались от дикарей. Они одевались в овечьи шкуры и шкуры диких зверей, которые неизменными оставались в одной семье на протяжении многих поколений. Они никогда не практиковали благотворный обычай омовения. Иходежду никогда не стирали, и ее носили до тех пор, пока ее изодранные фрагменты держались вместе. Их пища состояла из питательных корней и трав, а также продуктов охоты, причем рацион иногда разнообразили овощами, семена которых привозили с юга, и хлебом грубого помола, приготовленным из каштанов и желудей. Преобладало полное незнание вежливости и удобств общественной жизни; уединение было неизвестно, и крестьянин входил в хижину своего соседа без страха и церемоний. В каждой из этих общин существовала независимая политическая организация, изолированное положение которой, крайняя бедность и примитивные нравы избавляли от необходимости в сложном и дорогостоящем государственном механизме. Старость, как и у многих народов на заре их существования, была правом на власть и уважение, и возвышение человека до определенной степени могущества не было чем-то необычным, когда он отличался среди своих собратьев искусством в охоте или доблестью в войне. Христианские миссионеры столетия назад принесли заповеди Евангелия в глубь этой дикой местности, и часовни и алтари, где идолопоклоннические практики друидических суеверий странным образом смешивались с церемониями римско-католического ритуала, свидетельствовали о живучести веры, существовавшей веками. Многие личные привычки и социальные обычаи иберов, хотя и заслуживали внимания антиквара, носили такой характер, что не поддавались описанию. При всех этих многочисленных недостатках теперь предстояло заложить основы империи, которой суждено было охватить богатейшие части двух великих континентов; распространить свой язык, свои идеи, свою политику, свою религию, свою власть до крайних пределов еще неведомого мира; смирить гордыню самых прославленных государей Европы; усовершенствовать самый грозный механизм подавления свободной мысли и свободы личности, который когда-либо был изобретен злыми суевериями; осуществить достижения, не имеющие аналогов в самых фантастических романтических произведениях; и посвятить истреблению целые расы, единственным преступлением которых было то, что они были убиты. никогда не слышали о Боге своих преследователей - народа, цивилизация которого была намного ниже их собственной.

Ужас, вызванный приближением сарацин после битвы при Гуадалете, погнал огромные массы беглецов на север. Те из них, кто избежал тягот бегства и мечей своих преследователей, искали убежища в самых потаенных уголках Астурийских гор. Они несли с собой свое движимое имущество, своих домашних богов, все мощи святых, все священное убранство алтарей, которое им удалось спасти из кощунственных рук неверных. Беженцы перед лицом всеобщего несчастья одинаково забыли о давно лелеемых расовых предрассудках и искусственных различиях по рангу; и готы, римляне, иберы и баски, господин и раб, смешались в дружеском равенстве. Принятые откровенными и гостеприимными горцами с симпатией, которая была усилена узами общей религии, несчастные беглецы примирились с лишениями жизни, которые

обеспечивали им неприкосновенность от притеснения неверных; и, благодаря тесному общению и смешанным бракам со своими благодетелями, со временем образовали новую нацию, в которой, однако, смешение крови и изменившееся физическое окружение произвели свои неизбежные последствия, в результате чего черты иберийца в заметной степени преобладали над чертами латинян и готов. По мере того как остальная часть полуострова подчинялась господству мавров, население этой провинции в значительной степени увеличивалось. Преследования, возникшие во время гражданских войн, еще больше увеличили иммиграцию; свергнутые прелаты, разорившиеся ремесленники и недовольные рабы искали товарищества и помощи у своих единоверцев; многие, опасаясь грядущего зла, добровольно отказались от своего имущества; и Астурия стала общим убежищем всех, кто пострадал, а также всех, кто был готов отказаться от сравнительно легкой и зависимой жизни ради труда и лишений, сопровождавших пользование политической и религиозной свободой. К преимуществам свободы примешивались и ассоциации более сакрального характера. Захватчик осквернил большинство самых знаменитых святынь страны, замечательной достоинствами своих реликвий и великолепием своих храмов. Он разрушил много церквей. Других он присвоил для целей своей собственной религии. Однако благочестие их служителей спрятали и унесли в целостности и сохранности самые драгоценные из тех знаков божественного вмешательства, эффективность которых была подтверждена совершением бесчисленных чудес, подтвержденных неоспоримым свидетельством Отцов Церкви. Перенесенные благоговейными руками со всех концов королевства, эти освященные предметы теперь были собраны в твердынях, неприступных для врагов Христа. Где же, следовательно, набожный верующий мог лучше надеяться на безопасность и счастье, чем под защитой священных сувениров, которые получали приношения и молитвы последующих поколений его предков? Войны и революции, длившиеся более тысячи лет, не ослабили чувства народного почитания, связанного с этими памятными вещами мучеников, которые, помещенные в причудливые и дорогие реликварии из хрусталя и золота, до сих пор выставлены в кафедральном соборе Овьедо.

Поглощенные заботами, которые неизбежно сопровождали установление новой религии и организацию нового правительства, первые вице-короли Испании не обращали внимания на зародышевое состояние, которое постепенно формировалось в северо-западной части полуострова. Их разведывательные отряды, проникшие до границ Астурии, уже давно ознакомили их с суровостью климата и общей бесплодностью почвы. Никакой добычи, за исключением, возможно, нескольких священных сосудов и отар овец, не было, чтобы соблазнить алчность мародера. Проживая в благодатных областях Юга, природные преимущества которых постоянно напоминали о пышных странах Востока, мавры инстинктивно избегали соприкосновения с пронизывающими ветрами и ослепляющими бурями в горах гораздо больше, чем встречи с неотесанными и воинственными дикарями, защищавшими эту негостеприимную землю. Муса уже вступил в Галисию во главе своих войск, когда был отозван в Дамаск императивным приказом халифа; и отряды фуражиров в разных случаях разоряли многие поселения басков; но до сих пор мусульманские знамена никогда не развевались на узких тропинках, ведущих в пустыню Астурии, и эхо мавританского атабала не отражалось от огромных стен, защищавших уцелевшие остатки вестготской монархии и последнюю надежду христианской веры и независимости иберийцев.

В ранний период, точную дату которого неопределенность переданных нам отчетов делает невозможной определение, поселения на побережье попали в руки сарацин, которые укрепили

город Хихон, размеры которого вполне могли свидетельствовать о его столичном значении. Управление этим городом было поручено одному из самых выдающихся офицеров, служивших в армии Тарика, бывшему эмиру Осману Ибн Абу Несе, который, как мы уже видели, заключив изменнический союз с герцогом Аквитании, был преследуем и предан смерти солдатами Абдал-Рахмана непосредственно перед вторжением последнего во Францию.

Их сообщение с морским побережьем было таким образом прервано, и астурийцы, которым не терпелось оказаться в заточении, решили обеспечить себе выход, расширив границы своей территории по южным склонам гор. Предприимчивый дух альпинистов с энтузиазмом приветствовал предложение, которое обязательно должно сопровождаться всеми сопутствующими обстоятельствами волнения и славы. Среди беженцев, составлявших основную часть населения, было много тех, кто служил в вестготской армии, и некоторые из них были знакомы с тактикой и военными разработками сарацин. Одним из самых выдающихся из них был Пелаюс, имя, связанное с самыми славными традициями, связанными с происхождением монархии Испании. Воображение последующих церковных хронистов исчерпало себя в попытках возвеличить характер и подвиги этого героя. Мавританские власти, однако, хотя и сообщают о нем лишь скудные подробности, имеют право на гораздо большее доверие, поскольку их материальные интересы не должны были быть подчинены фабрикациям фальшивых чудес и нелепых легенд. Из лучших имеющихся в настоящее время свидетельств, которые, следует признать, далеко не надежны, выясняется, что Пелайус принадлежал к смешанной расе готов и латиноамериканцев. Арабы неизменно называли его “римлянином” - прозвище, которым они не привыкли наделять тех, в ком текла чистая кровь вестготов. Он был благородного происхождения, занимал важный пост в армии Родерика и пользовался не меньшим уважением за храбрость и опыт, чем за ненависть к неверным и за благоговейное смирение, с которым он относился ко всему, что было связано с церемониями и служителями Церкви. Этому вождю, при единодушном согласии как беженцев, так и туземцев, было теперь доверено опасное и сомнительное предприятие открытого неповиновения сарацинской власти. С осторожностью ветерана и энтузиазмом, достойным защитника Веры, Пелаюс начал собирать свои силы. Крестьяне, всегда чувявшие прелести военных походов, и беглецы, чье нынешнее бедствие тем живее напоминало их прежнее процветание, их денежные потери и их личные утраты, связанные с катастрофой, постигшей нацию, откликнулись на призыв к оружию с одинаковой готовностью. Армия, поступившая в распоряжение нового генерала, вероятно, не насчитывала и двух тысяч человек. Большинство были одеты в шкуры. Но мало кто носил доспехи — устаревшие кольчуги, которые заржавели при мирном правлении преемников Вамбы и пережили катастрофы при Мериде и Гуадалете. Иберийское копье, праща и короткий и тяжелый нож кантабрийского крестьянина составляли их наступательное оружие. Ни один из десяти никогда не видел сражения. Ни один из сотни не мог понять или оценить необходимость безропотного терпения и беспрекословного повиновения, необходимых солдату. И все же непомерные амбиции, патриотическая гордость, вера в особое покровительство небес — чувства, равные завоеванию целого мира, — высоко поднялись в груди этих диких горцев. Их мужество не вызывало сомнений. Их природная выносливость, подкрепленная простой пищей, привычным воздействием бурь сурового климата и непрестанными нагрузками пастушеской жизни, была намного выше, чем у их врагов. Чтобы придать делу религиозный характер и возбудить до высшей степени фанатизм солдат, присутствовало несколько священников с кадильницами, распятием и всеми священными символами церковного достоинства. Из таких материалов была составлена армия, потомство которой привели к победе такие военачальники,

как Гонсалво, Кортес и Альва, и чьему безденежному и изгнанному командиру было суждено стать родоначальником длинной череды прославленных государей.

Первоначальное царство Пелаюс не давало никаких указаний на огромные размеры, до которых ему было суждено расширяться. Оно охватывало территорию в пять миль в длину и три мили в ширину. Его население не могло превышать полутора тысяч душ. Численность его воинов составляла не более пятисот человек. Основную часть армии составляли баски и галичане, привлеченные надеждой на добычу, удерживаемые вместе в данный момент только чувством общей опасности; нетерпеливые к сдержанности; едва ли признающие авторитет народных собраний, созданных ими самими; доблестные в бою; жестокие в победе; эгоистичные и трусливые в поражении. У них не было организации, офицеров, подходящего оружия или комиссариата. Об искусстве войны, которым занимались даже полуварвары, они ничего не знали. Их военные операции контролировались обычными стратегиями дикарей: ночными нападениями, внезапностью, засадой.

Гражданская система молодой монархии не продвинулась дальше. Изгнанные подданные Родерика все еще сохраняли, в какой-то мере, принципы и традиции правления. Люди, среди которых была брошена их судьба и которые значительно превосходили их численностью, однако, мало знали о вестготском кодексе и не испытывали к нему никакого почтения. Герцогство Кантабрия, к которому в основном принадлежал последний, никогда не было более чем номинальным феодальным владением королевства Толедо. Фуэрос, или законы, по которым они управлялись во время последовательного иностранного господства на полуострове, имели незапамятную древность. Их долго сохранявшаяся независимость питала в их умах чувства высокомерия и предполагаемого превосходства, которые часто доходили до смехотворной крайности. Эти влияния сыграли немалую роль в последующем формировании конституции Испании.

Таким образом, в пустынном и бесплодном регионе, незначительная по численности, лишенная ресурсов, невежественная в искусстве цивилизации, без военной системы или гражданского устройства, без двора, иерархии и капитала, воодушевленная религиозным рвением и унаследованной любовью к свободе, горстка варваров заложила основы знаменитой империи Испании и Индии.

Суматоха, которая неизбежно сопровождала военные приготовления Пелаюса, вскоре привлекла внимание правительства Кордовы. Анбасаху Ибн Сохиму, представителю халифа, была передана информация о союзе, который был заключен между беглыми готами и жителями Астурии, а также о целях экспедиции, которая организовывалась в северной глуши. Эмир, чье презрение к своим врагам в сочетании с глубоким незнанием характера страны, в которой они жили, заставило его недооценить трудности, с которыми придется столкнуться при их подчинении, не счел нужным атаковать их лично. Естественно, он думал, что мало чего можно опасаться из-за нерегулярных боевых действий нескольких беженцев, которые поспешно отступили при приближении мавританской кавалерии, объединившись с ордой бродячих пастухов и охотников, непривычных к дисциплине и неопытных в военном деле. В своем слепом принижении доблести своих противников Анбасах Ибн Сохим упустил из виду многие обстоятельства, которые в значительной степени повлияли на последующую судьбу мусульманского господства в Испании. Их численное превосходство имело незначительное

значение в стране, хорошо знакомой ее жителям, но доселе не исследованной сарацинами, и чьи крутые и извилистые тропы предоставляли такие возможности для сопротивления вторжению, что можно было легко выбрать точки, где два десятка человек могли без особых усилий успешно противостоять тысяче. Эмир не обращал внимания на туманы, которые всегда окутывали сьерру, часто полностью скрывая ландшафт; на густые леса, которые могли бы так эффективно скрыть засаду; на внезапный и разрушительный подъем горных потоков; на опасности, связанные с оползнями и лавинами. Он также не понимал чувств, которые, должно быть, были вызваны отчаянным положением, в котором оказались христиане. Они были загнаны в угол в своем последнем оплоте. Однажды изгнанные из укрытия дружественных гор, им ничего не оставалось, кроме смерти или рабства. Их отступление во Францию было отрезано арабской колонной, которая теперь продвигалась в Септиманию. Их собратья по всему полуострову склонились перед скипетром халифа, и от них нельзя было ожидать никакой помощи. Их патриотический пыл был возбужден гордым сознанием независимости и опасениями унижения рабства; их благочестивое безумие было вызвано разрушением, угрожавшим религии их отцов. В их лагере были единственные памятники монархии, чьи принцы диктовали условия Владычице Мира. Вокруг них со всех сторон находились священные реликвии, к которым отовсюду приезжали паломники, сомневаться в чудодейственной силе которых в исцелении болезней было святотатством, и которые приносили не только облегчение страждущим, но и утешение и спасение в смертный час. Бог сделал их хранителями этих сокровищ, спасенных с Его оскверненных алтарей; воистину, Он не оставил бы их во время опасности. Всеми уловками, свойственными их ремеслу, всеми пылкими призывами красноречия, каждым обещанием нынешних и будущих выгод и каждой угрозой будущего возмездия прелаты разжигали рвение своих фанатичных слушателей. Они больше, чем любой другой класс, понимали серьезность ситуации. Не предвидя власти, которую жреческий орден должен был обрести над мирскими делами полуострова в ближайшие столетия, они не были в неведении о том, что результатом надвигающегося конфликта будет его превосходство или их собственное уничтожение. Таким образом, при самом зарождении испанской монархии, по-видимому, преобладала церковная власть, которая больше, чем все другие причины, способствовала ее окончательному упадку. Принимая во внимание эти факты, становится очевидным, что для завоевания Астурии потребовались бы значительные силы под командованием опытного командира, чьи таланты, какими бы уважаемыми они ни были, вряд ли смогли бы выполнить задачу за одну кампанию. Но эмир, который был на грани вторжения во Францию и не соизволил отложить свою экспедицию с целью наказания банды бродячих варваров, выделил подразделение под командованием офицера по имени Алкама, чтобы подчинить Астурию и потребовать уплаты дани.

Арабский генерал, если не считать естественных препятствий, которые препятствовали продвижению армии по одной из самых труднопроходимых местностей Европы, почти не испытывал затруднений в своем продвижении. Разрозненные скопления лачуг, которые он встречал, были заброшены. На склонах холмов не паслись стада. Все признаки возделывания были уничтожены, и все, что могло обеспечить пропитание врагу, было вывезено или уничтожено. Черты всего ландшафта напоминали первобытную пустошь. Через ущелья, не встречая сопротивления и почти не видя ни одного человека, кроме своих солдат, Алкама проник в самое сердце Астурии, заманенный коварными горцами туда, где его численное превосходство не только не помогло бы ему, но и стало бы явным недостатком, и откуда отступление было бы невозможно.

На восточной границе дикой природы, среди хаоса скал, лесов, ущелий и ручейков, возвышается внушительный пик Аусеба. Северная сторона этой горы на протяжении ста футов от ее основания представляет собой крутой и хмурый обрыв, закрывающий один конец узкой долины, и почти отвесные склоны которого доступны только обученным и отважным туземцам. На склоне утеса есть пещера, в глубине которой легко могли бы укрыться триста человек, а по ущелью под ней текут беспокойные воды, образующие исток реки Дэва. Тропинка, полностью перекрытая возвышенностями с обеих сторон, вьется сквозь подлесок и дает доступ к пещере и ее окрестностям, которые в прежние времена были пристанищем заблудших пастухов. В этом месте, превосходно приспособленном для целей обороны, Пелаюс решил дать свой последний бой. Все некомбатанты были укрыты в лесу. Вдоль единственного пути, по которому можно было подойти, были расставлены засады. В пещере, название которой, Ковадонга, до сих пор почитается каждым астурийским дворянином и крестьянином, Пелаюс спрятался с отрядом людей, отобранных за их храбрость и превосходство в оружии. Теперь перед мусульманской армией появились стрелки, которые с уверенностью, порожденной прежним успехом, без колебаний последовали за своими вероломными проводниками в роковую долину. Как только команда Алкамы оказалась на расстоянии полета стрелы от пещеры, горцы выскочили из своих укрытий. Дикие крики неповиновения и предвкушения триумфа эхом отражались от скалистых склонов ущелья. Со всех сторон христиане обрушивали метательные снаряды на головы своих изумленных врагов. Когда боеприпасы к лукам и пращам были израсходованы, крепкие крестьяне скатывали вниз большие камни и стволы деревьев, которые одним ударом раздавили дюжину человек. Сбитые в кучу и приведенные в замешательство неожиданной атакой, сарацины не могли воспользоваться своим оружием с пользой. Их стрелы отскакивали от камней, не причиняя вреда. Ловкость их врагов и характер местности препятствовали рукопашному бою, которого христиане, естественно, избегали из-за меньшей силы. Не в силах вынести шквал метательных снарядов, который быстро истощал их ряды, сарацины попытались вернуться по своим следам. Первый намек на желание отступить послужил сигналом к удвоению активности со стороны астурийцев. Пелаюс и его отряд, выйдя из пещеры, напали на тыл врага. Отряды на флангах сомкнулись, и несчастные мусульмане, окруженные и почти беспомощные, смирились со своей судьбой. Битва превратилась в резню. В довершение замешательства захватчиков на долину обрушилась страшная буря, которая в широтах, где воздух всегда насыщен влагой, часто налетает без предупреждения. Через несколько мгновений маленький ручеек превратился в ревущий поток. Участок склона горы, подорванный и уже шатающийся, переполненный охваченными ужасом сарацинами, обвалился, унося с собой сотни жертв, которые были поглощены стремительными водами. Незначительному числу беглецов, которым помогли темнота и буря, удалось ускользнуть от бдительности горцев, но подавляющее большинство из тех, кто составлял отряд, включая всех его офицеров, погибло. Предполагаемые потери мусульман варьируются, в зависимости от национальности летописца, от трех тысяч до ста двадцати четырех тысяч. В этом, как и во всех других случаях, когда утверждения арабских и христианских авторов той эпохи противоречат друг другу, предпочтение следует отдать утверждениям первых. Долина Ковадонга настолько ограничена по протяженности, особенно там, где произошла битва, что в ней с трудом хватило бы места для двадцати тысяч сражающихся. Тщеславный характер северного испанца, которому в немалой степени присуще бахвальство его двоюродного брата, гасконца, побудил его чрезмерно преувеличивать важность подвига, не требующего преувеличения; и его баснословные рассказы были записаны, с экстравагантными дополнениями, церковными историками Темных веков, для которых ложь была правилом, а точность - исключением. Находясь под абсолютным

контролем предрассудков своей профессии, они старательно приукрашивали каждую историю, которая могла иметь тенденцию продвигать их интересы, и столь же тщательно скрывали все враждебные свидетельства. Монашеские писатели, чья доверчивость соответствовала их любви ко всему чудесному, полагали, что слава Церкви находится в прямом соотношении с количеством неверных, истребленных ее защитниками. К этому мотиву следует отнести абсурдные заявления о потерях врага в каждой победе, одержанной христианским оружием, - пагубная привычка, которая была подтверждена невероятностью последующего обнаружения, возникшей из-за всеобщей неграмотности того времени. Абсолютная ненадежность этих старых хронистов в этой и других подробностях, которые могли прямо или косвенно повлиять на престиж их ордена, рассчитана на то, чтобы бросить тень подозрения на все их повествования. Если мы добавим к этим грубым искажениям их скудные и путанные описания важнейших событий, их глубокое невежество в отношении скрытых мотивов человеческих поступков, их суеверные предрассудки и их неспособность оценить или даже понять принципы исторической критики, то легко можно представить, насколько трудна задача тех, кто пытается навести порядок в этом литературном хаосе. Однако к арабским писателям мы можем обратиться с гораздо большей степенью уверенности. Они не делают попыток скрыть масштабы своих поражений или приуменьшить славу своих врагов. До нас не дошло ни одного рассказа о битве при Ковадонге того времени. Прошло лишь столетие, прежде чем ее первостепенная важность стала очевидной. Внимание духовенства в тот беспокойный период было приковано к сомнительной судьбе Церкви и поборам, возникшим в результате перемен, произведенных постоянной сменой правителей. Дела всей мусульманской империи были в смятении. На Востоке главы доведенных до отчаяния группировок боролись за трон халифата. Африка была ареной постоянных восстаний, спровоцированных и поддерживаемых неукротимым духом берберов. Эмиры Испании в промежутках между гражданскими раздорами лелеяли экстравагантные честолюбивые мечты — о распространении своей веры, о приобретении новых территорий, о покорении неверных, о расширении империи. Взоры вице-королей были устремлены за пределы унылой Астурии на плодородные равнины Южной Франции. Осуществление гигантского предприятия, задуманного гением Мусы, занимало их мысли, и они были невежественны или не обращали внимания на чаяния горстки крестьян, от чьей доблести и постоянства даже сейчас зависело существование их владений и судьбы полуострова.

Скудные упоминания о битве при Ковадонге, переданные мавританскими хронистами, указывают на то, что она не считалась большим бедствием и что о ее последствиях для потомков как христиан, так и мусульман нельзя было и мечтать. И все же с этого богатого событиями дня практически начинается свержение арабского господства, еще не прочно утвердившегося в своем очаге власти. Затем было положено начало консолидации горных племен, за которой вскоре должно было последовать объединение великих провинций и королевств под защитой испанской короны. В то время впервые была полностью продемонстрирована ценность гармоничного сотрудничества между группировками, долгое время настроенными друг против друга во взаимной враждебности. Отсюда произошел зародыш свободы, которая успешно отстаивала свои права под неодобрительным взглядом королевской власти и, включенная в конституцию Арагона, долгое время служила непреодолимым препятствием для посягательств деспотичных монархов. В ту эпоху, путем слияния рас, были заложены основы этого благородного и звучного идиома, непревзойденного по простоте построения, лаконичности и элегантности дикции, ясному и гармоничному звучанию. Тогда впервые проявился авантюрный и отважный дух, который пронес знамена

Испании за Миссисипи, Анды и Тихий океан. Затем была учреждена схема церковной политики, которая, доведенная до совершенства чередой способных и честолюбивых церковников, передала трон величайшей монархии Европы под опеку примаса Толедо. Тогда и возникла эта жестокая и нескончаемая борьба — сначала за самосохранение, затем за грабеж, наконец, за империю, - которая на тысячу лет приковала к себе внимание всего мира.

Слава, приобретенная Пелаюсом благодаря победе при Ковадонге, сразу же подняла его с положения генерала до королевского достоинства. При его избрании были соблюдены традиции древней готической конституции. Чувство свободы, присущее горцам любой страны, неохотно признает превосходство, подразумеваемое законами о наследственном происхождении или осуществлением неограниченной власти. Грубые церемонии, посредством которых королевские прерогативы были переданы этому партизанскому вождю, не могли подсказать самому смелому фантазеру возможность великолепного церемониала испанского двора или абсолютной власти, которой пользовались Карл Пятый и Филипп Второй. Не исключено, что приказы Пелая часто оспаривались его полудикими слугами. Но можно усомниться, что среди всех народов, составлявших обширные владения Австрийского дома, можно было бы найти равное количество приверженцев, более верных в несчастье, более бесстрашных в опасности, чем те, кто составлял маленькую группу изгнанного героя. Неприкосновенность, предоставленная христианам после их триумфа, по-видимому, скорее подразумевает презрение со стороны князей Кордовы, чем их уныние или какое-либо опасение дальнейших несчастий. Моральный эффект победы, хотя и незаметный для арабов, сразу же привел к наиболее значительным результатам в регионах, граничащих с Астурией. Угрожающее поведение рыбаков потребовало эвакуации с побережья, и Осман Ибн Абу Неса, губернатор Хихона, отказался от своих обязанностей и форсированным маршем присоединился к своим соотечественникам за горами. Воинственный дух быстро распространился по Кантабрии и Галисии и ощущался даже на границах нынешних Леона и Кастилии; сарацинские колонисты, обосновавшиеся в наиболее плодородных районах, были истреблены; а религиозный аспект борьбы, который, казалось, отождествлял дело повстанцев с делом Всемогущего, заполнил убогие лачуги гостеприимных астурийцев тысячами беглецов, искавших защиты и свободы в обществе своих друзей и родственников.

Ни история, ни традиция не приписывают Пелаюсу никаких других военных достижений, кроме знаменитого, ознаменовавшего его приход к верховной власти. В уединении своего маленького королевства до конца своих дней он использовал безопасность, которой был обязан презрению своих врагов, для укрепления своей власти; для формирования плана правления; для возведения церквей, святынь и монастырей; и для поощрения среди своих подданных занятий сельским хозяйством. Его чрезвычайная преданность интересам Церкви снискала в память о нем благодарное признание священства; в то время как маленький крест, который он нес вместо штандарта в Ковадонге и до сих пор хранится в Овьедо, рассматривается крестьянами с чувством особого благоговения как символ, чудодейственная сила которого была подтверждена рукой Бога и чьи добродетели были переданы великолепным эмблемам католической иерархии, которые, преемники римских орлов, освящали в далеких землях исследования и завоевания христианских монархов полуострова. .

Правление Пелаюса длилось тринадцать лет. Таковы были выгоды, проистекающие из его щедрости по отношению к духовенству и его справедливости по отношению к народу, что после его смерти чувства верности и благодарности преодолели вековые традиции и предубеждение

против наследственного происхождения, и Фавиле, его сыну, было разрешено стать его преемником по молчаливо признанному праву наследования.

О жизни Фавилы мало что известно, за исключением того, что она прошла в мире. Не стремясь расширить границы своих владений и лишенный всякого стремления к военной славе, он предпочитал грубое общество своих товарищей и волнения охоты опасным и сомнительным почестям войны. Через два года после своего восшествия на престол он был разорван на куски диким кабаном, ярость которого он опрометчиво спровоцировал при обстоятельствах, не допускавших возможности побега. Он был похоронен рядом со своим отцом в церкви Кангас-де-Онис, незначительной деревушки недалеко от поля битвы при Ковадонге, которая уже была удостоена звания столицы Астурии и чья церковь на протяжении многих поколений после этого была пантеоном ее князей.

Фавила не оставил сыновей достаточного возраста, чтобы взять на себя государственные обязанности, в то время как требования времени требовали услуг правителя, обладающего талантами и опытом. Право избрания было, как и прежде, вновь утверждено, исключая притязания на первородство; и Альфонсо I, сын герцога Кантабрии и зять Пелайуса, был, с общего согласия главных людей молодой нации, облечен королевской властью. Новый король был известным воином, который был товарищем по оружию Пелаяса. Его воинственные вкусы и непоколебимая решимость были превзойдены только его рвением к христианской вере, которое принесло ему прозвище “католик”, столь высоко ценимое его потомками и до сих пор являющееся самым почитаемым титулом главы испанской монархии. Герцогство Кантабрия, древние границы которого, однако, были сильно ограничены вторжениями мавров и аннексией Пелайуса, стало, благодаря возвышению своего господина, неотъемлемой частью Астурийского королевства.

Неугасимый огонь крестовых походов и завоеваний яростно пылал в груди Альфонсо. Со всей порывистостью своей натуры он объявил о своем намерении вести непрерывную войну против неверных. Положение провинций, находящихся под его юрисдикцией, претерпело радикальные изменения с момента избрания Пелаяса двадцать лет назад. Население чрезвычайно увеличилось, частично по естественным причинам, но главным образом за счет иммиграции, вызванной любовью к свободе и разрушительными революциями, спровоцированными жаждой мести или честолюбием завоевателей. Деревни, чьи грубые, но сравнительно удобные жилища заменили грязные хижины прежних времен, занимали живописные долины. Часовни и монастыри усеивали склоны гор. Государственные дела управлялись в соответствии с системой, действительно грубой, но созданной по образцу вестготской конституции, принципы которой не противоречили как утверждению прерогатив королевской власти, так и пользованию, в значительной степени, благами индивидуальной свободы. Королевская власть была, по сути, пока еще чисто номинальной. Она была присуждена голосованием народа и, как понималось, зависела от соблюдения законов и поддержания порядка. Власть астурийского государя в то время была не больше, чем у многих мелких феодальных вождей Германии, и была намного ниже той, которой обладали французские дворцовые мэры.

Случай благоприятствовал реализации амбициозных замыслов Альфонсо. Эмират временно пустовал из-за отсутствия Окбаха, его главы, в Африке. Анархия со всеми ее безымянными ужасами царила во всех частях полуострова. Территория, приобретенная во Франции,

оккупация которой принесла столько блеска мусульманам и обладание которой было задумано как предварительный шаг к покорению Европы, была отвоевана у завоевателя благодаря доблести франков и неспособности и зависти эмиров, за единственным исключением города Нарбонна. Престиж доселе непобедимых сарацин был утрачен в результате неоднократных поражений, увенчавшихся ужасным несчастьем при Пуатье. В Галисии и баскских провинциях крестьянство освободило большую часть своей страны от врага и полностью сочувствовало планам и чаяниям своих астурийских соседей, хотя они решительно держались в стороне от политического союза с ними и отказывались признавать власть своего короля. Операции Альфонсо характеризовались активностью и рассудительностью опытного партизана. Внезапно войдя в Галисию, он застал врасплох Луго, который оставался в руках арабов с момента его захвата Мусой, и вскоре после этого занял сильно укрепленный город Туй, присвоив территорию к северу от реки Минью по праву завоевания. Оттуда он проник в Лузитанию, взяв несколько главных городов этой провинции и продолжив свой поход на восток, пока не захватил весь регион, лежащий к северу от горного хребта, ныне известного как Сьерра-Гвадаррама.

Летописцы, упоминая экспедиции, предпринятые Альфонсо I., пренебрегли регламентацией порядка их проведения и приписывают передвижениям короля почти невероятную быстроту. Фактически, эти хваленыя завоевания были не более чем набегами. Постоянная оккупация страны была невозможна. Непрерывная череда обрушившихся на него бедствий превратила регион, никогда не славившийся большой продуктивностью, в пустыню. В немногих плодородных местах, где промышленность мавров закрепились, свирепые эскадроны Альфонсо почернели от пожаров разрушения и резни. Города и селения, попадавшие им на пути, были разрушены; мавры были обречены на рабство, а христиане, несмотря на их протесты, были вынуждены следовать за захватчиком, принимать у него дома в горах и клясться в верности короне. Эта политика увеличения населения его владений путем принудительной иммиграции обладала, по крайней мере, достоинством оригинальности и в конце концов оказалась в высшей степени успешной. Сопrotивляющиеся колонисты, чьи города были стерты с лица земли, а земли опустошены, были лишены всех стимулов вернуться в регион, который больше не мог обеспечивать им средства к существованию. Расовые узы и религиозные предписания уже объединяли их с теми, кого, несмотря на проявленное ими насилие, они не могли считать врагами. Разумно распределенные по районам, наиболее малонаселенным, чья почва во многих случаях была не более бесплодной, чем та, которую они возделывали раньше, новые подданные Альфонсо вскоре примирились со своими изменившимися условиями жизни. Их численность в значительной степени способствовала укреплению растущего королевства. Их традиции, предрассудки и устремления были идентичны традициям астурийцев. Полное слияние вскоре было достигнуто путем смешанных браков и тесных коммерческих и общественных связей.

Операции Альфонсо, по большей части, описаны с еще большей путаницей дат и местностей, чем та, которая обычно характерна для исторических отчетов его эпохи. И любовь ко всему чудесному, и склонность к суевериям объединились, чтобы преувеличить его достижения. Тем не менее, отчет ни о какой великой победе не нарушает монотонности бесконечного перечисления убийств, грабежей и пожаров. В горах, где каждое ущелье благоприятствовало засаде, христиане были непобедимы, но на равнине, даже при численном превосходстве, они не могли противостоять мавританской кавалерии. Уязвимое положение страны, пострадавшей от набегов астурийского принца, убедило его в необходимости возведения подходящих оборонительных сооружений вдоль границ его собственных владений. Поэтому он основал

линию замков на южном склоне сьерры, разделяющую нынешние провинции Старая и Новая Кастилия, которые тогда были известны под общим названием Бардулия, и от этих укрепленных постов две знаменитые провинции получили свое современное название.

Правление Альфонсо, похоже, не знало благословений спокойствия. Его экспедиции были непрерывными, и их результаты почти неизменно оказывались успешными. Мавры повсеместно относились к нему со страхом, который гораздо больше, чем чрезмерное преклонение перед его биографами-монахами, подтверждает преобладающее представление о его доблести и указывает на уважение, с которым он относился к своим врагам, чьи историки присвоили ему почетное и многозначительное прозвище Ибнал-Саиф, “Сын меча”. На момент своей смерти он расширил пределы своего королевства до тех пор, пока оно не охватило почти четвертую часть всего полуострова, простираясь от верхнего Арагона до Атлантического океана и от Сьерра-Гвадаррамы до Бискайского залива. Далеко к югу от территории, признавшей его юрисдикцию, обширный регион был охвачен его набегами и оставался обезлюдившим из-за самого ужаса, вызванного его именем. Хотя его ресурсы не позволяли ему удерживать эту нейтральную территорию, ее доступность для нападения делала ее бесполезной для сарацин. Его смерть в 756 году совпала с приходом к власти знаменитого Дома Оммея, чей гений в течение полувека сдерживал патриотические порывы государства, которым общественный беспорядок и всеобщее презрение позволили сформироваться на глазах у надменных эмиров, - ошибка политики, о фатальных последствиях которой даже не подозревали, пока зло не стало неизлечимым.

Таким образом, за несколько лет из запуганной банды бездомных беглецов возникла нация, могущество которой уже стало грозным. В независимом духе ее собраний, созываемых для избрания суверена, были ясно различимы следы той конституционной свободы, которая впоследствии приобрела такое значение и произвела такие длительные политические последствия в истории Испании. Основа новой церковной системы, с другой стороны, состояла в рабском повиновении Риму и не была отмечена никаким сознательным достоинством и уверенностью в себе, свойственными древнему вестготскому духовенству. Череда несчастий сломила гордыню Церкви; в осквернении ее реликвий, в разграблении ее алтарей, в конфискации ее сокровищ, в оскорблениях ее прелатов толпа видела страшную месть оскорбленного Бога. Богатство церковного ордена исчезло, а вместе с ним и большая часть его власти. Его конгрегации были рассеяны. Всякий раз, когда бедность набожных была настолько велика, что регулярная дань не могла быть собрана, всякое богослужение запрещалось. В тех местностях, где снисходительность завоевателя позволяла соблюдать христианские обряды, стимул к прозелитизму был невелик, поскольку новые церкви не могли быть возведены, а обращение мусульманина считалось тяжким преступлением, в котором одинаково виновны как искуситель, так и вероотступник. Перед лицом сокрушительной катастрофы, постигшей Церковь, вполне естественно, что взоры ее служителей были обращены к престолу Святого Отца, к увещаниям которого они не прислушались и чьим повелениям пренебрегли. В толпе невежественных и суеверных крестьян престиж древнего церковного сана и почтение, которого требовала его священная должность, вскоре возвысили духовенство до необычайной степени выдающегося положения. Именно их влияние фактически основало зарождающееся государство; которое диктовало его политику; которое направляло его карьеру; которое извлекало выгоду из его успеха; которое выражало сочувствие в час невзгод; которое разделяло его славу в час триумфа. И, как вначале она была преобладающей, так и на протяжении долгих веков ее влияние никогда не ослабевало, и к ее предложениям, иногда продиктованным

мудростью, но часто омраченным фанатизмом, следует отнести меры, исходящие как из гражданского, так и из церковного устройства испанских династий.

Смешение различных национальностей в Астурии привело к неизбежному этническому результату - эволюции расы, превосходящей каждую из составляющих ее частей. Но с физическим совершенствованием и умственной культурой пришло много прискорбных пороков, беспощадная ненависть, суеверная доверчивость, неподчинение военным и пороки общества, потворствующего принципам и практике распущенной морали. Безжалостная резня неверных поощрялась как в высшей степени достойная и единственно достойная расплата за бедствия, вызванные вторжением. Свирепые солдаты, чья распущенность во время военных действий никогда не сдерживалась их командирами, были, как и следовало ожидать, невосприимчивы к дисциплине или подчинялись необходимыми правилам своей профессии в мирное время. Приказам короля иногда открыто не подчинялись; и таков был шаткий характер его власти, что он нередко считал более целесообразным лицемерить, чем наказывать. Распущенные привычки вестготских прелатов и знати были перенесены вместе с традициями их древнего величия и памятными вещами об их былом богатстве в грубое, но до сих пор сравнительно чистое общество гор. Суровый климат, непрекращающиеся и насильственные физические упражнения, которых требовала их профессия, и неуверенность в средствах к существованию сохранили целомудрие астурийских крестьян, которые во многих других отношениях отличались деградацией и жестокостью. Полигамные союзы, более или менее тайно практиковавшиеся привилегированными классами во время правления Пелаюса, после восшествия на престол Альфонсо стали открытыми и печально известными. Бесчисленные пленники, захваченные мародерскими экспедициями, предоставляли прекрасные возможности для снабжения или пополнения гаремов знати и духовенства. Святые отцы, как и их предшественники при Витизе и Родерике, были известны своим вкусом и умением ценить прелести женской красоты; и владелец красивой рабыни, цена которой была слишком высока для графа, редко увольнялся епископом по этой причине. Хорошо оборудованный сераль был незаменимым придатком к домашнему хозяйству каждого светского и церковного сановника. Пример их предков и соблазны, вызванные очарованием прекрасных мавританских пленниц, были слишком сильны, чтобы им можно было противостоять. К соблазнам страсти добавлялось также удовлетворение, возникающее от сознания нанесенного и вполне заслуженного возмездия. Прекраснейшие из готских и римских дев были оторваны от плачущих родителей, чтобы заполнить гаремы Кордовы, Каира и Дамаска. Альфонсо I, чей титул католика был подтвержден обильными и высокопарными панегириками Церкви, не уступал ни одному из своих призрачных советников в своих полигамных наклонностях; и отпрыску от связи с неверующей наложницей, получившему имя Морегато, было суждено сыграть важную роль в анналах Реконкисты. Во всех формах и проявлениях общественной жизни влияние сохранившихся элементов вестготской монархии приводило к важным и постоянным результатам. На смену анархии пришла политическая организация, правда, несовершенная, но мудрость принципов которой неоднократно подтверждалась их приспособляемостью к требованиям обширной империи. Физическое состояние людей улучшилось, и их силы, до сих пор применявшиеся друг против друга, теперь были направлены на нанесение ущерба общему врагу. С новыми устремлениями и изменившимися манерами были внесены изменения в астурийский диалект, который первоначально произошел от эускарийского, идиомы басков. Общение между различными классами общества становилось все более утонченным. Закон постепенно вытеснил правительство силой. Религия снова проявила свое благотворное и

могущественное влияние. Церемониал вестготского двора — смесь варварской наглости, римского достоинства и византийской пышности — был возрожден, и слабый образ древнего величия был продемонстрирован гордостью и доблестью представителей знатных семей, которые, помня о былом господстве и уверенные в будущем отличии, галантно сплотились вокруг трона.

Дух поклонения героям, как легко можно заключить из суеверной доверчивости горцев, был силен в Астурии. Каждое действие первых князей искажается окутывающей его атмосферой таинственности и преувеличения. Идея, пронизывающая классическую мифологию, что те, кого традиция объявляет благодетелями человечества, кто внес в цивилизацию величайшую практическую пользу и благодаря чьим усилиям были получены истинные радости жизни, имеют право если не на абсолютный апофеоз, то, по крайней мере, на возвышение в качестве полубогов, извращенных священническим влиянием, была завещана, наряду с другими языческими верованиями и практиками, жрецами Геркулеса и Эскулапа слугам папы Римского. Когда канонизация считалась неполитичной, жизнь выдающегося персонажа приукрашивалась массой вымыслов, чудес, небылиц. Некоторые историки не упоминают имени Пелаюса; другие, из-за ненадежного характера властей, относят все подвиги его правления к области мифов. Чудесное явление Пресвятой Богородицы в пещере Ковадонга вселило в христиан надежду и возвестило о грядущей победе. Хор ангелов, чьи голоса были отчетливо слышны сопровождающим, успокаивал Альфонсо в последние минуты его жизни. Подобные легенды, придуманные жреческими уловками и распространяемые при всеобщем одобрении в век невежества, оказывают немалое влияние на формирование характера нации.

Таким образом, в уединенном уголке полуострова, забытые своими друзьями и презируемые врагами, основатели империи, государства и княжества которой должны были освещаться восходящим и заходящим солнцем, возводили в неизвестности и отчаянии скромную структуру своего политического благополучия. Почти безнадежная перспектива борьбы в самом начале довела их до отчаяния. С помощью препятствий, воздвигнутых природой для их защиты, поощряемая самоубийственными конфликтами, которые постоянно преследовали эмират, и вдохновленная непоколебимой верой в защиту небес, незначительная группа изгнанников за короткий промежуток времени в четверть века незаметно разрослась в народ, существование которого, до сих пор игнорировавшееся, начало, когда стало слишком поздно, вызывать серьезные опасения кордовского двора. Астурийский элемент, столь же ревниво относящийся к свободе, как и баски, но гораздо менее нетерпимый, привнес в общественные обсуждения принципы свободы, которые впоследствии заняли столь видное место в законах северных провинций; и даже сейчас, после столетий деспотизма, они не были полностью искоренены из конституции Испании. Это одно из самых странных политических явлений, что из такого источника должны были возникнуть институты, сделавшие возможной инквизицию. Незаметное, но прочное влияние астурийцев не исчезло вместе с престижем великих князей Австрийского и Бурбонского домов. Религия национальной иерархии, организованная в пределах ее границ и проповедуемая ее армиями, все еще служит утешением для верующих многих стран, а музыкальный язык, образованный слиянием варварских диалектов, является идиомом одной шестой части географической площади обитаемого земного шара.

ГЛАВА VIII

ОМЕЙЯДЫ; ПРАВЛЕНИЕ АБД-АР-РАХМАНА I. 756-788

Семья Оммеядов—Ее происхождение—Ее Враждебность к Мухаммеду—Сирийские принцы—Их распутство—Великолепие Дамаска—Роскошь сирийской столицы—Возвышение Аббасидов—Изгнание побежденной группировки—Побег Абд-ар-Рахмана—Его романтическая карьера—Он въезжает в Испанию—Его Успех—Поражение и низложение Юсуфа—Постоянные восстания—Предприятие халифа Багдада—Его катастрофический конец—Вторжение Карла Великого—Резня при Ронсевалле—Смерть Абд-ар-Рахман — Его характер —Его заслуги перед цивилизацией—Основание Великой мечети—Франки отвоевывают Септиманию.

Теперь я обращаюсь к тому великолепному периоду, когда была продемонстрирована слава рода Оммеядов, эпохе, навсегда запомнившейся своими достижениями в науке и практической философии; навсегда прославленной в истории интеллектуального прогресса, а также развитием тех полезных искусств, которые уменьшают тяжелый труд и увеличивают счастье каждого человека, независимо от ранга, чье влияние и увлечения незаметно вносят свою лепту в улучшение или деградацию человечества.

Выдающейся среди знати Мекки, равной по гордости происхождением и превосходящей по реальной власти хашимитов, к племени которых принадлежал Пророк, была семья Оммеядов. Хотя они и не были освобождены от вполне обоснованных подозрений в атеизме, из политических соображений они были преданными сторонниками поклонения Каабе. Об их пристрастиях к идолопоклонству свидетельствовали знаменательные имена их вождей, и особенно их основателя Абд-аль-Шамса, “Раба Солнца”. В то время как шейхи хашимитов, наследственные стражи Каабы, пользовались номинальной властью глав курайшитов, военные таланты и интеллектуальные способности Оммеядов обеспечили своим вождям командование армией, преимущество, никоим образом не уравновешиваемое духовным влиянием, которым обладали их соперники на мирское и скептически настроенное население Каабы. Мекка. Торговля Священного города, который извлекал такие существенные выгоды из своего положения центра арабских суеверий, находилась в значительной степени в руках Оммеядов. Большие караваны, которые регулярно осуществляли прибыльные перевозки с Египтом и Сирией, были переданы в ведение их наиболее выдающихся руководителей. Богатства, накопленные главными членами семьи, были огромны, а их наглость и жестокость почти во всех случаях находились в прямом соотношении с их богатством и властью. Быстро поняв, что распространение ислама поставит под серьезную угрозу их политическое влияние, а также их денежные интересы, Оммеяды рано проявили самую неослабевающую враждебность по отношению к своему соотечественнику Мухаммеду. Они поносили его доктрины. Они насмехались над его претензиями на божественное вдохновение. За его обращением последовали насмешки и оскорбления толпы Мекки, подстрекаемой распутными молодыми аристократами из курайшитской аристократии. Задолго до того, как у Пророка появились респектабельные последователи, он несколько раз чудом спасался от насилия своих коварных врагов; и сама Хиджра, эпоха, с которой великолепные династии Сирии и Испании должны были датировать деяния своих государей, была вызвана раскрытием убийственного заговора против него, вынашиваемого и зреющего вождями Оммеядов.

При поражении при Ухуде, где Пророк был ранен и едва не лишился жизни; при осаде Медины, которая угрожала разрушением существованию новой религии, враждебными армиями командовал Абу-Софиан, главный шейх этой могущественной семьи. Его жена, термагантная Лань, побуждаемая порывами дикаря и каннибала, вырвала и частично съела печень Хамзы, дяди Мухаммеда, и носила ожерелье и браслеты из ушей мусульман, храбро павших в битве. После сдачи Мекки Абу-Софиана и его сторонников заставили продемонстрировать притворное соответствие обрядам ненавистной веры, но только под угрозой немедленной смерти.

Сирийские принцы, несмотря на их заслуги перед литературой и искусством, почти без исключения были распутниками и неверными. Всегда славившиеся сладострастием и легкомыслием, они унаследовали и усовершенствовали соблазнительные развлечения Римской империи. В остроумном изобретении и развитии развратных вкусов и неописуемых подлостей Антиохии и Дамаску не было равных. Употребление вина, запрещенное Кораном, было повсеместным; разврат двора, который соперничал с развратом худшего периода упадка империи, вызывал удивление и отвращение иностранцев. Служители самых отвратительных пороков, никем не тронутые, оскверняли своим присутствием как залы дворца, так и окрестности мечети. Пьянство халифа нередко требовало постоянного присутствия рабов, даже в зале для аудиенций. Огромные суммы тратились на поющих и танцующих мальчиков, раскрашенных и одетых как женщины, что было мерзостью в глазах каждого добросовестного мусульманина. Женщины-музыкантши и исполнительницы, чья привлекательность часто приводила к опасному и постоянному господству над впечатлительным монархом, были завезены за большие деньги из Мекки, средоточия религии и порока Азии. Дух безграничной расточительности культивировался как необходимый атрибут королевского великолепия, и своевременная шутка или непристойная песенка часто приносили недостойному фавориту награду, равную доходу провинции.

Дамаск под властью Оммеядов представлял собой картину распущенности и роскоши, не имевшую себе равных ни до, ни после этого ни в какой другой общине мусульманского мира. Важность его торговли, богатство его граждан, красота его пригородов, святость его традиций и престиж его имени снискали самому почтенному городу древности восхищение и почитание каждого путешественника. Его храмы были украшены всеми великолепными творениями восточного искусства. Его дворцы были инкрустированы порфиром, верде-антиком, лазуритом и алебастром. По его садам, над мозаичными дорожками которых величественно покачивались пальмы, и где воздух был напоен благоуханием тысячи цветов и ароматных кустарников, текли ручейки чистой воды. В каждом дворе были фонтаны, и в гаремах богатых людей часто поили дорогими винами. Самые безвкусные наряды нравились даже черни, и ни один материал, кроме шелка, не считался достойным достоинства сирийской знати. В лавках базара, разделенных, как и сегодня на Востоке, на секции, предназначенные для различных товаров, можно было найти предметы торговли всех стран от Индостана до Британии. Различные национальности, составлявшие население города, каждая отличалась своеобразным костюмом, а яркий и живописный вид живых потоков, которые непрестанно текли по улицам, усиливался за счет множества посетителей, которых дела или любопытство привлекли в столицу халифата.

С оккупацией города мусульманами, его физический облик, характер населения и природа политических институтов изменились вместе с его религией. Из греко-сирийского, в некоторой степени подверженного персидскому влиянию, он стал полностью арабским. Очевидно,

неискоренимые идеи личной свободы, которых придерживались бедуины, несовместимые даже с благотворными ограничениями, необходимыми для поддержания правительства и сохранения общества, были перенесены из бескрайней пустыни на ограниченную территорию сирийской столицы. У каждого племени был свой муниципальный округ или опека, отделенная от других стенами, укрепленными башнями, и закрывающаяся на закате массивными воротами. Эта изоляция была настолько совершенной, что каждый квартал представлял собой миниатюрный городок, независимый от других, с его рынками, караван-сараями, мечетями и кладбищами. Правило разделения распространилось в этих общинах еще дальше, выделив евреям и христианам разные подопечные, и эта практика до сих пор наблюдается в городах Востока. Беспрепятственное сообщение с окружающей местностью обеспечивалось посредством ворот в главной стене, которые в каждом квартале всегда имелись по одному, а иногда и больше. Это необычное соглашение, постоянный протест против централизованного деспотизма, который, несмотря на свои заявления, является руководящим принципом ислама, в значительной степени способствовал политическим беспорядкам и восстаниям, распространение которых является столь характерной чертой в истории Дамаска.

Великая мечеть, уступавшая по святости только храмам Мекки, Медины и Иерусалима, стояла в самом центре города. План и убранство сооружения были византийскими и до сих пор имеют немалое сходство с собором Святого Марка в Венеции. Его стены были в таком изобилии украшены мозаикой, что даже снаружи все сверкало невыносимым блеском этого элегантного орнамента. Его внушительный купол и стройные минареты, возвышающиеся над лабиринтом домов и садов, были первыми объектами, встретившими выжидающий взгляд погонщика верблюдов, когда он погонял свое усталое животное по зыбучим пескам пустыни. У фонтана в его просторном дворе паломник из Йемена и торговец из Ирака бок о бок совершали очищения, предписанные истинно верующим. Перед его великолепной Киблой любопытные всех стран, набожные любого ранга, принцы и нищие, благородные и дервиши, господин и раб, в братском согласии молили Бога о защите и благословении.

Великолепие Востока отразилось при дворе и во дворце халифата. Каменоломни Европы, Африки и Азии были разграблены в поисках редчайшего мрамора. С храмов языческих божеств были сняты фризy и капители, вырезанные руками знаменитых скульпторов древности. Византийская мозаика блестела на полах и стенах так, что напоминала складки атласной драпировки и золотую ткань. Персидские гобелены, рисунки которых игнорировали предписание Корана, запрещающее изображать формы животной жизни, были в великолепном великолепии подвешены к порталам верде-антик и аркадам из нумидийского мрамора и полированной яшмы. Позолоченные потолки были сделаны из пахучего дерева, причудливо инкрустированного причудливыми арабесками из слоновой кости, перламутра, черного дерева и панциря черепахи. Обилие воды напоминало о пристрастии арабов к драгоценной жидкости, ассоциирующейся с трудным походом каравана, с отдыхом в лагере, с освежающей прохладой зеленого оазиса, с триумфом набега, со многими счастливыми воспоминаниями и священными традициями Пустыни. В каждом дворе сверкали струи брызг, взятых из истоков знаменитых рек Абана и Фарпар. Каналы, прорезанные в мраморных полах, вели воду из летних покоев дворца в маленькие каналы, которые во всех направлениях пересекали благоухающие сады. Бани, спроектированные для служения трем целям: религии, здоровью и удовольствиям, были оборудованы с почти невероятной роскошью. На их стенах художники Константинополя исчерпали всю свою изобретательность и мастерство. Чаши были из порфира и алебаstra; серебряные трубы были отделаны головами животных, вырезанными из чистого золота. Воздух,

поступавший из печи через гипокауст, был напоен сладостью сотен опьяняющих запахов. Диваны, на которых возлежали купальщицы, были покрыты дамастом, расшитым разноцветным шелком в лабиринте изящных и причудливых узоров. Сквозь окна из цветного стекла, расположенные высоко в сводчатом потолке, падали яркие лучи сирийского солнца, смягченные и преломленные радужными оттенками, на сцену роскошного покоя и чувственности внизу.

После ужасного возмездия, последовавшего за смертью Османа, племенное господство — а вместе с ним и контроль над мусульманским правительством — перешло к главам мекканской аристократии клана Абу-Софиан. Искренность их заявлений долгое время вызывала сомнения. Неразумные назначения Османа, члена этой семьи, были основной причиной народного недовольства, кульминацией которого стало его убийство. Слабый и колеблющийся, он направлялся своим дядей Хакемом, который предал доверие Мухаммеда и был с позором изгнан из Хеджаза. Другой Оммеяде, отец Валида, губернатора Куфы, плюнул в лицо Пророку и был казнен как преступник, в то время как кощунственное поведение его достойного сына спровоцировало опасный бунт в самой мечети его столицы. Еще один, Абдаллах Ибн Сад, губернатор Египта, возведенный в желанное достоинство секретаря Мухаммеда, извратил тексты Корана, бежал и отступил, тем самым навлекая на себя смертную казнь. При Муавии, первом сирийском халифе, практиковались внешние религиозные церемонии и с очевидной точностью соблюдались предписания Корана. Но это подчинение, явно неискреннее, было в значительной степени результатом политики. Ортодоксальность народа, чьи предки веками были служителями идолопоклоннического культа, который всеми силами сопротивлялся апостолу новой религии в его слабости и неохотно соглашался с его догмами в его власти, и чье политическое значение напрямую зависело от поддержания этой религии, может быть с полным основанием подвергнута сомнению. Языческие традиции его предков преобладали в сердце Муавии. Достойное почитание Корана, очевидное согласие с его догматами, наряду с политическим и строгим соблюдением церемоний его ритуала, скрывали от его подданных весь скептицизм его семьи, все низменные суеверия его расы. Его дворец кишел прорицателями и шарлатанами. Прежде чем приступить к какому-либо важному начинанию, в условиях общественного бедствия, под тяжестью домашних невзгод, он обращался за советом к искусству прорицания, осуждаемому Мухаммедом как пережиток идолопоклонства и оскорбляющему Бога. В своей приверженности этим языческим обрядам он вдохновлялся влиянием и примером своей любимой супруги, матери Езида, бедуинки из племени Бени-Калб, которая среди роскоши сирийского двора все еще тосковала по грубой пище и ничем не стесненной свободе пустыни.

Халифы Омейядов не жалели сокровищ и не жалели труда на украшение своей столицы, центра их религии, резиденции их империи. К их политической проницательности следует отнести массивные укрепления, которые защитили город от посягательств Персии и заговоров дерзких претендентов на императорскую власть. Их отеческое милосердие проявлялось в виде акведуков и бесчисленных подземных каналов, которые доставляли неиссякаемый запас воды даже в самые скромные жилища бедняков. Их просвещенная щедрость облегчала страдания, поощряла ученых, способствовала развитию торговли, подавляла фанатизм, рассеивала туман невежества. Белое знамя их династии триумфально развевалось над мечетью Медины, башнями Бассоры, стенами Кайроана, цитаделью Толедо. С точки зрения научной проницательности и литературной известности репутация дамасского двора была намного ниже той, которой впоследствии достиг Багдадский халифат. Гений сирийца, казалось, был

менее приспособлен к медленным и кропотливым исследованиям в лаборатории, чем к шумным спорам в богословских спорах. Но в материальных наслаждениях жизни, в пышности, придававшей достоинство государю, в буйной демонстрации чувственной экстравагантности Дамаск был на высоте. В торжественных случаях одеяние халифа было из золотой парчи, и только когда он выполнял религиозные функции своего священного сана, возложенные на него как на главу ислама, он снисходил до простого белого облачения своего ордена. Слуги в его доме, даже повара, когда они появлялись перед Диваном, были одеты в дамаст. Любители удовольствий были любимыми спутниками Преемника Пророка. Его дни проходили на петушинных боях и скачках. Количество скакунов, участвовавших в этих испытаниях на скорость, было огромным, иногда достигая невероятной цифры в тысячу. Его ночи развлекали рассказы сказочников, импровизации поэтов, ужимки шутов, похотливые изгибы профессиональных танцовщиц. Варварские оргии бедуинских палаток были перенесены во дворец халифата и дополнены утонченными пороками Египта и безымянными беззакониями Рима и Константинополя. По глубине и частоте употребления этого напитка королевский толкователь Корана вполне мог вызвать восхищение бывалых гуляк Скандинавии. Его рога для питья были огромных размеров. Вино, использовавшееся на банкетах, было отборного урожая Тайифа, города в окрестностях Мекки. Мощный сам по себе, эффект его запаха усиливался добавлением мускуса и других афродизиаков. Когда переполненный желудок не мог больше терпеть, применялись рвотные средства, чтобы продлить разгул и устранить его неприятные последствия.

Какой контраст представляет все это великолепие и расточительность с бережливостью, патриархальной простотой и домашними добродетелями первых халифов! Какая разница от скромных домашних обязанностей Арабского Пророка, который часто сам готовил себе скромную трапезу и чинил свои изношенные сандалии! Как непохоже на величественную сдержанность и искреннее благочестие Абу-Бекра; как странно по сравнению со стоическим поведением и воздержанной жизнью Омара, который вошел в Иерусалим во главе своей победоносной армии в одежде, уступающей одежде самого низкого солдата, и которого посол персидского короля нашел спящим в окружении нищих на ступенях Великой мечети Медины! И все же от Хиджры до периода, когда сирийские Оммеяды достигли расцвета своего величия и могущества, не прошло и столетия.

Свобода, которой пользовались женщины в этот период, была намного больше той, которая впоследствии была предоставлена им мусульманским законом. Распущенные нравы жителей Пустыни еще не были полностью подчинены ограничениям, которых требовали новые социальные условия. Во времена правления первых халифов варварская практика, которая поощряла торговлю евнухами и их обслуживание, была неизвестна. Позже, однако, тесные контакты с византийским и персидским дворами подсказали и поощряли этот обычай. Но из отчетов, переданных авторами того времени, может показаться, что институт этих опекунов не оказал заметного влияния на господствующую безнравственность; и верность даже современного евнуха, как известно каждому искателю приключений на Востоке, далека от неподкупности. Принцы тайно посещали гаремы своих подданных и воспевали в распутных стихах, не скрывая ни имени, ни возможности, прелести своих любовниц. Дамы королевского двора открыто интриговали с придворными поэтами и певцами. Имея перед глазами такие примеры, вряд ли можно было ожидать, что низшие слои населения сохранят хотя бы видимость добродетели. На самом деле, ни в одной стране не было общества более

коррупцированного, и имя Сирина повсюду было синонимом изнеженности, неверности и порока.

Но эксцессы халифов Дамаска, какими бы скандальными они ни были, стали незначительными недостатками в глазах благочестивого мусульманина, когда он рассмотрел ужасные акты святотатства, в которых были повинны эти монархи. Генералы Езидов после битвы при Харре, которая отомстила за убийство Османа и решила судьбу Аравии, предали город Медину разграблению. Разъяренная солдатня учинила резню, настолько жестокую, что вызвала возмущение эпохи, привыкшей к сценам бойни и насилия. В результате бесчинств того рокового дня родилась тысяча младенцев, которые на всю жизнь были заклеены эпитетом “Дети Харры”. Солдаты сирийской армии, нагруженные своими лошадьми, привязали их под насмешки и проклятия в мечети; мечети, основанной Мухаммедом на месте благоприятного предзнаменования, где его любимый верблюд остановился по окончании бегства из Мекки. Там, привязанные между кафедрами, откуда тексты Корана слетели с уст Пророка и достигли внимательных ушей множества верующих, и могилой, куда его останки были благоговейно возложены руками его товарищей, неугомонные лошади осквернили самое святое для мусульман место на земле, за исключением одной только Каабы. Оставшиеся в живых жители Бедра, которых благосклонность Мухаммеда и почитание населения возвели в ранг церковной знати, погибли все до единого. Во время осады Мекки, которая вскоре последовала, привилегии, с незапамятных времен защищавшие священную территорию от оскорблений, были нарушены, и мечеть, подожженная по приказу командующего армией, была полностью уничтожена вместе с Каабой.

При правлении последующих халифов из Дома Оммея безумные выходки этих недостойных вождей ислама достигли апогея экстравагантности и святотатства. Измученные развратом и наплевав на общественное мнение, они послали своих приятелей и наложниц, закутанных в царские одежды, повторить утреннюю молитву с кафедры мечети. Они унизили свою священную должность, приняв подлую маскировку, чтобы лучше проникать внутрь домов своих соседей, неприкосновенных в глазах каждого искреннего мусульманина. Они содержали и публично ласкали животных, контакт с которыми закон ислама объявлял нечистым. Их жизни были запятнаны кровосмешением и всякой физической мерзостью. Благоговейный мусульманин не станет наступать на лист бумаги, опасаясь, что на нем может быть начертана фраза из Корана; но насмешливые принцы оммеядов так мало внимания уделяли его священным текстам, что использовали его как мишень для своих стрел. Каждый был известен своей склонностью к какому-нибудь любимому пороку. Аль-Валид I. редко бывал трезвым, и дня не проходило без пьяной оргии. Езид II. морил себя голодом из-за смерти рабыни. Поведение Аль-Валида II. это была странная смесь трюков шута и причуд сумасшедшего. Бросая абсолютный вызов предрассудкам своих собратьев-мусульман, он настоял на том, чтобы его собаки сопровождали его свиту в паломничестве в Мекку. Хотя в силу своего положения предводителя большого паломнического каравана, который, как ожидалось, должен был подавать назидательный пример благочестия своим последователям и руководить обычными религиозными упражнениями, он настолько мало ценил обязанности, связанные с этим событием, что передал свои духовные полномочия одному из своих друзей, и его с трудом отговорили от установки палатки на самой вершине Каабы, где он мог бы более публично оскорблять чувства жителей Священного города сценами пьянства и буйства. Ручная обезьянка, которую окрестили Абу-Кайсом, была неразлучной спутницей его пирушек. Он пил крепкое вино Тайифа из того же кубка, что и его царственный повелитель, и в равной степени

разделял с ним удовольствие от опьянения и депрессию, вызванную длительным потворством своим желаниям. Халиф представил своего странного сподвижника серьезным послам как почтенного и ученого еврея, которого настигла справедливость Всемогущего, и который, находясь под действием чар, теперь искупал в образе нечистого животного жизнь, полную лицемерия и греха. Когда халиф выезжал за границу, Абу-Каис сопровождал его, одетый в шелка и восседавший на осле в великолепной попоне. Но однажды случилось так, что Абу-Каис, слишком обильно выпив спиртного своего господина, был сброшен с коня и сломал себе шею. Горе Аль-Валида из-за потери обезьяны в течение нескольких недель было предметом шуток в столице. Абу-Кайс, к великому возмущению правоверных, был удостоен обряда мусульманского погребения, и халиф, чей поэтический талант был намного выше посредственности, сочинил несколько жалобных стихов в качестве заслуженной дани его общительности и мудрости.

Я довольно подробно остановился на описании Дамаска из-за близкого и значительного сходства политических, социальных, религиозных и военных институтов Сирии с институтами мусульманской Испании. В населении последней страны сирийский элемент значительно преобладал по влиянию, если не по численности. Первый халиф Андалуза был последним отпрыском рода Оммеядов. Вражда, предрассудки, традиции обоих народов были идентичны. Сирийский изгнанник навсегда сохранил в памяти сцены и события своего детства. Его армии были выстроены в том же порядке, что и те, что шли к победе под белыми знаменами Муавии и Аль-Валида. Его города были построены в подражание неправильным линиям и запутанным улицам сирийской столицы. Его дворцы были построены архитекторами, знакомыми с великолепными зданиями, которые были венцом Восточного халифата. Мозаики, которые сверкали вокруг Киблы Великого Храма Запада, были работой той же школы византийских художников, чьи творения украсили величественный купол, возвышающийся на месте древней церкви Святого Иоанна Крестителя. Коран, листья которого, окрашенные живой кровью Османа, долгое время выставлялись вместе с одеждами замученного халифа в Дамасской Джальме, более двух столетий был объектом почитания, близкого к идолопоклонству, со стороны бесчисленных мириад верующих, привлеченных со всех концов земного шара чудесами и святостью Кордовской мечети.

Грубое и оскорбительное высмеивание всего, что связано с религией и жизнью, проводимой в строгом соответствии с принципами моральной прямоты, столь популярными при дамасском дворе, было бы сочтено неполитичным и невоспитанным аристократическим обществом, города которого выстроились вдоль берегов Тахо и Гвадалquivира. Но образование и скептицизм были почти в равной степени распространены по всему полуострову, и на самом деле мнения относительно божественного происхождения и подлинности Корана у мусульман Сирии и Испании практически не различались. Влияние оккультных наук на Западе не было менее заметным, чем на Востоке. Высокий интеллект, который принес освобождение от многих пороков суеверия, казалось, заметно не уменьшил уверенности, внушаемой ряжеными и самозванцами волшебника и астролога.

Испанские арабы, следуя примеру своих сирийских братьев, возвысили женщину до положения, одинаково далекого от того, которое она столь позорно занимала в ранние и более поздние времена, как легкомысленную игрушку мужчины или жалкую рабыню религиозной доверчивости. Голос сирийских принцесс нередко определял политику Дивана. Дамы Кордовы были избранными советниками монарха, друзьями философов, учеными коллегами великих

врачей, астрономов, генералов и дипломатов. Свободные от чрезмерной расточительности, вызывающего богохульства, экстравагантных безумств сирийской династии, монархи Западного халифата не имели возможности сбежать, которая даже косвенно обеспечила бы их подданным существенные выгоды торговли, многочисленные преимущества науки, удовольствия искусства, утешения литературы; в то же время они, движимые высокими амбициями, не ограниченными пределами их собственных владений, поощряли те благородные стремления и стимулы к прогрессу, которые способствуют великодушному соперничеству наций.

Общество, религиозные учителя которого являются атеистами и лицемерами, презрение правителей которого постоянно проявляется к вере, которой они исключительно обязаны своим авторитетом, и чья порочность вошла в поговорку, вряд ли сможет пережить первую решительную попытку ее свержения. Так же случилось и с Оммеядами в Дамаске. Не только в Сирии, но и на самых окраинах халифата рассказы о пороках и скептицизме Повелителя Правовверных были услышаны с отвращением и ужасом. Законопослушные были шокированы придворными оргиями. Потомки тех, кто погиб в Харре и Мекке, остатки непокорных неконформистов Персии, мятежное население, почувствовавшее железную руку правителей Ирака, были воспламенены желанием и надеждой отомстить. Набожный мусульманин, который добросовестно соблюдал предписания Корана и для которого традиции ислама были священны как связанные с жизнью и высказываниями Пророка, был потрясен богохульством, которое Преемник Мухаммеда без колебаний произносил даже в стенах мечети и перед самым алтарем Бога. Время от времени народное возмущение проявлялось в восстаниях, которые, будучи спонтанными и лишенными организации и руководства, подавлялись без труда. Но во время правления Мервана II, четырнадцатого халифа династии, в Персии вспыхнуло грандиозное восстание. Потомки Аббаса, дяди Мухаммеда и деда Али, открыто претендовали на трон Востока. Их партию поддерживал Абу-Муслим, величайший военачальник эпохи. Привязанные на протяжении поколений к памяти Али, персы тысячами стекались в лагерь повстанцев, а самозванец Абуль-Аббас, установив свою власть над восточными провинциями, двинулся на запад для завоевания Сирии. Осознав, когда было слишком поздно, масштабы надвигающейся опасности, к которой поначалу относились с презрением, халиф задействовал все ресурсы своей империи для отражения вторжения. На равнинах Заба, притока Тигра, недалеко от места, где находилась древняя Ниневия, две армии встретились в конфликте, от исхода которого были поставлены на карту судьбы двух великих группировок ислама. Доблесть Аббасидов, подкрепленная изменой, проникшей в ряды врага, восторжествовала; силы Мервана были разбиты; и были заложены основы новой империи, которой суждено было затмить славой Багдада ослепительное великолепие дамасского двора. И вот теперь был введен страшный запрет. Даже раскольники, чья вялая поддержка навлекла подозрения Оммеядов, не смогли избежать меча завоевателя. Вскоре стало очевидно, что ярость Аббасидов будет удовлетворена только полным истреблением враждебной группировки. Свергнутый халиф Мерван, бежавший в Египет, потерпел поражение в стычке и был убит. Каждый член его дома, чье положение было достаточно высоким, чтобы внушить узурпатору опасения, был безжалостно убит. Там, где открытое насилие не помогало, пускалось в ход самое низкое предательство. Абдалла, дядя Абуль-Аббаса, оказав некоторым изгнанникам помощь, сумел завоевать доверие запрещенной группировки. Он торжественно пообещал убежище всем, кто прибудет в Дамаск и обратится к его защите. Введенные в заблуждение его профессией, многие покинули свои убежища, где они находились в относительной безопасности, чтобы подвергнуть себя замыслам вероломного

врага. Когда прибыли все, кого можно было убедить довериться ему, Абдаллах устроил банкет в честь своих выдающихся протеже, на котором присутствовало более семидесяти Оммеядов. В разгар празднества, по данному сигналу, отряд солдат ворвался в собрание, и несчастные гости были перебиты. На их распростертые тела набросили ковры и занавески; веселье возобновилось, и сторонники Аббасидов подняли тост за чудовище, чья свирепая хитрость избавила его от самых опасных противников жертвоприношением по обряду гостеприимства. В шатре бедуина жизнь его самого смертельного врага священна. Но для араба из Сирии или Персии ни одно обещание не было обязательным, ни одно обязательство не было нерушимым там, где были затронуты его интересы или амбиции. Так пагубное влияние римских и византийских нравов исказило природу народа, чье чувство мужского достоинства и личной чести веками бросалось в глаза среди широко распространенной порочности Азии.

На каждого представителя ненавистной расы, которого могли обнаружить кровожадные враги, охотились, как на дикого зверя, и предавали смерти. Детей забивали в присутствии их родителей. Женщин, которые отказывались раскрыть тайники своих родственников или местонахождение своих драгоценностей, закалывали без всяких церемоний. Абу Ибн Муавия, один из знатнейших всадников Дамаска, был лишен руки и ноги и развезжал по городам Сирии верхом на осле, пока боль и изнеможение не избавили его от страданий. Свирепые Аббасиды не довольствовались надругательствами над живыми; они даже осквернили могилы халифов и развеяли по ветру останки тех принцев, чья слава и чьи преступления украсили или осквернили трон Востока.

Среди всеобщего разорения его семьи выжил только один принц Оммеядов, Абд-ар-Рахман Ибн-Муавия. Подававший редкие надежды и наделенный многими добродетелями, он долгое время был украшением сирийского двора. Он получил лучшее образование, какое только можно было получить в столичных школах. Его кругозор расширился благодаря путешествиям. Случайные преимущества богатства и королевского происхождения мало что добавляли к престижу, связанному с его именем. Беседы ученых людей, ежедневное присутствие на заседаниях Совета, тесное общение с высшими сановниками государства - все это помогло ему ознакомиться со сложным механизмом управления. Неспоккойные времена неизбежно привлекали к военной службе различных членов королевского дома, и Абд-ар-Рахман не испытывал недостатка в знании тех обязанностей, которых требовала бурная жизнь лагеря и поля битвы. В мастерстве выполнения мужественных упражнений, в дерзких приключениях на охоте, в мастерстве владения оружием он превзошел всех соперников.

Случайное и своевременное отсутствие при дворе спасло молодого принца от участи его родни. Как только до него дошла весть о резне, он бежал в поместье, которым владел недалеко от Евфрата, и там вскоре к нему присоединились его домочадцы. Но всадники Абуль-Аббаса, чья неумолимая жестокость принесла ему соответствующий титул Ас-Саффаха, Кровожадного, уже напали на его след; его вила была окружена, и, переплыв реку, он едва спас свою жизнь. Благодаря упорству и мужеству, после многих опасностей, ему удалось добраться до Палестины, где его нашел Бедр, вольноотпущенник его отца, который принес ему драгоценности своей сестры, щедро пожертвованные для удовлетворения его потребностей. Из Палестины он переодетым проник в Африку, провинцию, которая еще не отеклась от верности Оммеядам и губернатор которой был одним из самых ярких сторонников запрещенной группировки. Здесь его радушно встретили, и он сразу же оказался в окружении друзей и беженцев, которые ускользнули от бдительности Аббасидов. Дух изгнанника поднялся

благодаря теперешней уверенности в безопасности в обществе приверженцев, чьи симпатии были пробуждены и чьи страсти были возбуждены рассказом о его прегрешениях. Много лет назад падение расы Оммеях было предсказано астрологом, который в то же время предсказал будущее величие прославленного беглеца. Интеллект Абд-ар-Рахмана, хотя и был силен, не мог противостоять оракулам суеверия, которые льстили его тщеславию, в то время как они внушали ему благоговейный трепет, и он со всей доверчивостью восточного человека прислушивался к таинственным намекам шарлатана. Первая часть предсказания подтвердилась. За единственным исключением его самого, принцы его дома были уничтожены. Его сознательное умственное превосходство, его политический опыт, его острое понимание человеческой природы, его общественных и домашних добродетелей убедили его и внушили его сторонникам, что никто из его семьи не был настолько достоин трона. Движимый этими честолюбивыми чувствами и опрометчиво позволив своим устремлениям возобладать над благодарностью, Абд-ар-Рахман начал лелеять надежды на обеспечение суверенитета Африки. Его неосторожные речи достигли ушей вице-короля Ибн-Хабиба, сурового старого солдата, который был родственником Юсуфа и когда-то занимал высокое командование в армии Испании. Он также был знаком с предсказанием астролога и не был расположен способствовать его исполнению ценой собственной жизни и пожертвованием своей властью. Презирая гостей, чье низкое поведение так плохо отплатило за его гостеприимство, он присягнул на верность халифату Аббасидов. Все члены несносной группировки были немедленно изгнаны из страны. Абд-ар-Рахман был вынужден скрываться в самых уединенных районах пустыни. Его положение становилось все более и более шатким. За его голову была предложена награда в тысячу золотых монет. Он искал убежища у бедуинов, но их щедрое гостеприимство не смогло защитить его от неутомимых эмиссаров вице-короля, которые преследовали его от лагеря к лагерю и от племени к племени. В одном случае он сбежал из палатки как раз в тот момент, когда берберы ворвались в нее. В другом случае жена шейха спрятала его в углу под грудой своей одежды. Его средства давно иссякли, он стал зависеть от благотворительности. Его пища была грубой и скудной, одежда старой и изодранной. Хотя в юности его баловали самыми изысканными деликатесами королевского стола, он безропотно ел ячменный хлеб и пил верблюжье молоко дуаров. Благородство его происхождения, обходительность его манер, его умение и отвага в охоте, а также терпение, с которым он переносил испытания неблагоприятной судьбы, снискали ему уважение его диких товарищей. Даже находясь в нищете, он не переставал стремиться к африканскому трону, и, хотя его усилия были тщетны, деятельность возмущенного вице-короля держала его в постоянном страхе. Наконец, после пяти лет скитаний и опасных приключений, он стал гостем берберского племени Бени-нафса, ветви зенета, от которого происходила его мать и представители которого населяли горный район к югу от Сеуты. Здесь, под опекой своих соплеменников, перед его честолюбием вскоре открылась заманчивая перспектива, и скиталец без гроша в кармане, без родины и сородичей, внезапно был призван голосом далекой нации основать новую империю и исполнить великое предназначение.

Тем временем гражданская война в Испании между Юсуфом и Ахмаром, правителем Сарагосы, продолжалась с нарастающими жестокостями, но с разнообразным и сомнительным успехом. Благодаря тесным отношениям, поддерживаемым Африкой и Испанским полуостровом друг с другом, поскольку армии последней страны постоянно набирались из воинственного населения первой, а сами губернаторы были связаны кровными узами, арабские и берберские племена, естественно, проявляли постоянный интерес к политической судьбе своих братьев по ту сторону

пролива, и сведения о каждом важном движении в Испании передавались в города и лагеря Аль-Магриба с неизменной регулярностью. Бдительность и способности вице-короля Африки в конце концов убедили Абд-ар-Рахмана в безнадежности любых попыток узурпировать его власть. Легкость доступа в Андалусию и смятенное состояние этой страны, с проблемами которой он был хорошо знаком, заставили его отказаться от плана, который так долго был заветной целью его жизни, ради другого, который обещал быть менее осуществимым. Недавно обедневшему принцу поступила изрядная сумма денег от его друзей в Сирии. С этими словами он отправил верного Бедра, который безропотно разделял лишения своего изгнания, в Испанию; поручив ему письмо, в котором он заявлял права на престол по праву наследования, адресованное сторонникам его семьи, которых насчитывалось несколько сотен, населявших восточную часть Андалусии. Письмо было в свое время доставлено вождям сирийцев, которые тайно созвали собрание своих соплеменников, чтобы определить, какого курса следует придерживаться. Наследственная лояльность приверженцев Оммеядов; очевидная справедливость титула Абд-ар-Рахмана; анархия, царившая повсюду и последствия которой в то время болезненно проявлялись в тройном бедствии - резне, голоде и болезнях; и перспектива официального продвижения по службе, чему способствовало разумное распределение золота, привезенного Бедром, - все это решило судьбу голосов совета в пользу принца. Едва это мнение было принято, как к тем, которые уже сделали исход предприятия сомнительным, а также опасным, добавилась новая трудность. Эмир приказал сирийцам сопровождать его в экспедиции на Север. Но под благовидными предложениями вождям удалось отсрочить отъезд, и от Юсуфа был даже получен подарок в тысячу золотых монет под предлогом облегчения насущных потребностей их иждивенцев, но на самом деле для содействия заговору, целью которого было его собственное свержение. Немедленно был снаряжен корабль; Абд-ар-Рахман был доставлен с небольшим эскортом берберов к побережью полуострова и, высадившись в порту Альмуньекар, был встречен одобрительными возгласами огромной толпы, привлеченной сюда сочетанием мотивов любопытства и верноподданнического энтузиазма. После того, как Абд-ар-Рахман был должным образом провозглашен эмиром, его препроводили в замок недалеко от Лохи в качестве гостя владельца Обейдаллы, одного из его самых ревностных приверженцев.

В то время как эти события происходили на Юге, экспедиция Юсуфа против мятежных берберов Сарагосы была исключительно удачной. Напуганные численным превосходством, повстанцы приобрели иммунитет, трусливо сдавшись своим лидерам Амиру, Вахабу и Хобабу. Под охраной этих грозных вождей эмир неторопливо продвигался на юг, когда ему сообщили о поражении части его войск от басков, и в приступе неуправляемой ярости он приказал немедленно казнить своих пленников. Этим жестоким и невежливым актом, — поскольку виновные были чистокровными курайшитами и не несли ответственности за катастрофу, постигшую его армию, — он оттолкнул многих из своих самых стойких сторонников и существенно увеличил число сторонников и ресурсы своего соперника. Несколько часов спустя курьер принес известие о высадке Абд-ар-Рахмана и о новой и грозной опасности, нависшей над его короной. Жаждавшие мести, родственники убитых пленников сотнями покидали его знамя. Силы принца Оммеядов увеличивались с каждым днем; йеменцы, которые относились к его семье с ненавистью, усиленной поколениями обид и угнетения, но чья ненависть к Юсуфу была еще глубже, чем ненависть к сирийской династии, были легко склонены принять сторону первой; и по странному стечению обстоятельств беглец, который всего несколько недель назад подвергал свою жизнь опасности, теперь оказался облеченным императорской властью и командующим

ветеранской армией в несколько тысяч человек. Полностью осознавая опасный характер восстания, а также неопределенные последствия затяжного конфликта, Юсуф предпринял попытку переговоров. В лагерь Абд-ар-Рахмана были отправлены посланники с ценными подарками, которые были уполномочены пообещать ему дочь эмира в жены и состояние, соответствующее его достоинству, если он откажется от всех притязаний на трон. Советники принца, чей энтузиазм несколько поутих с тех пор, как они нашли время поразмыслить о возможных последствиях своей безрассудности, рекомендовали принять эти предложения. Однако резкая насмешка, вызванная неловкостью одного из приближенных Абд-ар-Рахмана, резко прервала переговоры; саркастичный посланник был брошен в темницу, а посольство эмира, распущенное без церемоний, едва избежало разграбления, прежде чем достигло ворот Кордовы.

Теперь не было никакого другого пути, кроме обращения к оружию. Преобладание анархии, частая смена правителей, пагубная иммиграция варваров из Африки основательно дезорганизовали общество. Лояльность каждого подданного рассматривалась просто как вопрос политики или выбора. Армии были немногим лучше бандитов. Даже узы племенного союза были ослаблены, за исключением тех случаев, когда дух мести требовал удовлетворения в соответствии с кровавыми традициями Пустыни. Предательство было настолько распространено, что ни один человек не был уверен в искренности своего ближнего и не мог доверять преданности своего друга. Не было ничего необычного в том, что войска в критический момент сражения публично переходили на сторону врага и немедленно обращали оружие против своих бывших товарищей по оружию. Серьезная неопределенность соревнования, проводимого при таких обстоятельствах, очевидна каждому читателю. Силы Абд-ар-Рахмана недавно получили важное пополнение благодаря прибытию значительного количества африканской кавалерии, воинов клана Зенета, чьи племенные связи, а также их неопытность в политических интригах эмирата делали их верность менее ненадежной, чем у ветеранов, для которых все хозяева были одинаковы и чьим главным стимулом была добыча.

Ранней весной армия Абд-ар-Рахмана выступила в поход с целью захвата Кордовы. Однако его курс пролегал не прямо к столице, а дальше на юг, где были распространены сирийские и египетские племена— чьи настроения, как было известно, были благоприятны делу Оммеядов. Повсюду повстанцев встречали с энтузиазмом; самые храбрые воины вступали в их ряды; и города один за другим, включая Севилью, самый важный по численности населения город Андалусии, открывали свои ворота самозванцу. Едва Абд-ар-Рахман принял почести своих новых подданных, как узнал, что Юсуф, который с помощью своего советника Ас-Самиля собрал грозную армию в провинциях Толедо и Мурсия, выступил из Кордовы, чтобы перехватить его. Покинув город, принц направился на север с расчетом захватить столицу во время отсутствия эмира. Но хитрого старого солдата нельзя было застать врасплох. Движение повстанцев было немедленно обнаружено; Юсуф вернулся по своим следам, и в течение нескольких часов две армии мчались вперед, разделенные рекой. Прибыв в деревню под названием Мосара, расположенную примерно в лиге от Кордовы, Абд-ар-Рахман остановился. Крики его солдат, которые сидели на скудном пайке и были сильно утомлены быстрым маршем, который они были вынуждены предпринять, теперь зловеще звучали в его ушах. Был созван военный совет, и было решено атаковать врага на следующее утро. С помощью хитрости, которая мало отражалась на его характере, Абд-ар-Рахману удалось беспрепятственно переправиться через реку. Он послал сообщение Юсуфу, что готов возобновить переговоры, которые были прерваны до начала военных действий; что условия были полностью приемлемы; и что существовала настолько

прекрасная перспектива мира, что заключение договора могло быть более удобным, если бы два лагеря были более доступны друг для друга. Обманутый этими правдоподобными представлениями, эмир позволил своим врагам перейти Гвадалквивир и, узнав об их полуголодном состоянии, даже отправил провизию в их лагерь. На рассвете войска Абд-ар-Рахмана приготовились к бою. День был благоприятный. Это была годовщина конфликта в Прериях, где предок молодого принца одержал сокрушительную победу над противником, чей титул был таким же, как у Юсуфа. Совпадение зашло еще дальше, ибо суеверные арабы не забыли, что визирь эмира и его царственный соплеменник оба принадлежали к расе кайсов. Эти предсказания успеха старательно распространялись по рядам Оммеядов, уже окрыленных перспективой победы. Неблагоприятные предзнаменования оказали не менее сильное влияние на воображение их противников, ибо, обескураженные и дрогнувшие, они считали, что навлекли на себя неудовольствие небес. Битва была наполовину проиграна еще до того, как она по-настоящему началась.

Йеменцы так мало доверяли своему командиру, чья жизнь и состояние были поставлены на карту, что принц был вынужден обменять своего боевого коня на старого и покалеченного мула, чтобы избежать подозрений в намерении бросить своих сторонников в случае катастрофы. Королевским штандартом был белый тюрбан, прикрепленный к копыю; знамя столь же скромного происхождения, которому суждено было стать не меньшей знаменитостью, чем кожаному переднику персидской династии, для многих поколений являвшейся символом завоеваний, империи и славы. Кавалерия Абд-ар-Рахмана разгромила вражескую, отбросив ее назад к пехоте и приведя последнюю в замешательство. Правое крыло и центр вскоре уступили; левое крыло удерживало свои позиции в течение нескольких часов, когда оно также было разбито. Равнина была покрыта беглецами, которые были безжалостно пронзены копьями и затоптаны до смерти дикими зенетами. Юсуфу и Ас-Самилю удалось спастись бегством благодаря скорости их лошадей; первый бежал в Мериду, второй укрылся в Хаэне. Такова была битва при Мосаре, от исхода которой зависела судьба Испании.

Едва закончилось состязание, как начало проявляться характерное для йеменских вождей вероломство. Для последнего происхождения Абд-ар-Рахмана было особенно оскорбительным. Помимо общего и глубоко укоренившегося предубеждения, которое они питали к его семье, многие из них были потомками мучеников и изгнанников из Медины и Харры. Насытив свою месть разгромом маадитов и удержавшись от беспорядочного грабежа по приказу Абд-ар-Рахмана, Абу-Саббах, один из лидеров, предложил убить его. Это предложение было спокойно выслушано его коллегами, которые обсуждали его без учета морального аспекта, а исключительно с учетом его нынешней целесообразности и политических последствий, и тем охотнее, что племенные интересы всегда были определяющим мотивом их поведения. Узнав об их изменнических намерениях, Абд-ар-Рахман, не теряя времени, окружил себя охраной. Потерпев неудачу, главарь заговорщиков скрыл свое огорчение и попытался экстравагантными демонстрациями лояльности искупить свое преступление, но пронизательность Абд-ар-Рахмана не обманула, и несколько месяцев спустя вероломный Абу-Саббах был быстро казнен.

Хотя вначале Абд-ар-Рахману сопутствовал успех, задача оказалась гораздо сложнее, чем он предполагал. Вожди противоположной фракции вскоре поправили свое положение и появились во главе свежих войск. В то время как Абд-ар-Рахман был в походе, чтобы напасть на Юсуфа, который присоединился к Ас-Самилю в провинции Хаэн, эмир послал своего сына Абу-Заида малолюдными дорогами захватить и вернуть столицу. Город был застигнут врасплох,

гарнизон взят в плен, но поспешное возвращение Оммеядов сделало необходимой немедленную эвакуацию. Возобновив свой марш, Абд-ар-Рахман быстро направился к горам Хаэн. Юсуф и Ас-Самиль, сознавая свою нынешнюю слабость, предприняли попытки к миру; и был заключен договор, по условиям которого Абд-ар-Рахман должен был предоставить эмиру и его визирю беспрепятственное владение их поместьями, а они, с другой стороны, должны были сдать крепости, удерживаемые их сторонниками. Также было оговорено, что Юсуф должен постоянно проживать в Кордове, где двое его сыновей, Абу-Заид и Абу-аль-Асвад, были задержаны в качестве заложников.

Отказ Юсуфа от власти оставил Абд-ар-Рахмана номинальным хозяином полуострова. Но элементы раздора, которые так долго преследовали страну, были слишком сильны, чтобы их можно было сдержать влиянием молодежи, которая была сравнительно чужой для большинства своих подданных. Анархия, поддерживаемая и поощряемая алчностью беззаконных банд и амбициями беспринципных вождей, стала нормальным состоянием общества, составляющие которого привыкли выступать друг против друга, а услуги солдат которого, как известно, находились в распоряжении любого, кто был готов за них щедро заплатить. Поначалу свергнутый эмир и его верный советник, казалось, смирились с невзгодами, которые навязали им условия вассалитета. Они жили в очевидной гармонии с новым сувереном. К их совету часто обращались и к нему прислушивались в важных вопросах. Их тщеславию льстило, а достоинство поддерживалось помпезностью заведений, не уступавших по великолепию тем, которыми они владели в дни своей независимости. Однако не так обстояло дело с подчиненными офицерами и министрами эмирата. При новой администрации вся ответственность и власть были возложены на друзей и приверженцев Абд-ар-Рахмана. Возможности для казнокрадства и коррупции чиновников, некогда столь обильные и прибыльные, исчезли или ими пользовались иностранцы и наследственные враги. С занимаемых должностей и в богатых обстоятельствах многие выдающиеся дворяне были низведены до жизни ничтожества и бедности. Эти недовольные, чьи племенные связи с Юсуфом давали им свободный доступ к его присутствию, пользовались любым случаем, чтобы повлиять на его ненависть и стимулировать его честолюбие рассказами о притеснениях и надеждами на независимость. Конституционная слабость эмира не была доказательством против этих благовидных заявлений, постоянно выдвигаемых его сторонниками. Тайно сделав приготовления, он бежал в Мериду. Погоня оказалась безрезультатной, и единственным утешением, оставшимся Абд-ар-Рахману, было сознание того, что Ас-Самиль и сыновья Юсуфа все еще в его власти. Невыразимо подавленный и опасаящийся, что они тоже могут сбежать, он приказал бросить их в тюрьму.

Репутация Юсуфа и обычное недовольство масс, от природы склонных к беспорядкам, вскоре обеспечили его хорошо укомплектованным войском в двадцать тысяч человек. С этими словами он осадил Севилью, губернатором которой в то время был Абд-аль-Мелик, беженец из оммеядов. Едва эмир осадил город, как он отказался от этого предприятия и попытался быстрым маршем захватить Кордову, прежде чем ее гарнизон сможет быть усилен. Он опоздал; армия Абд-ар-Рахмана уже была в движении, и Юсуф отступил только для того, чтобы встретить силы Абд-аль-Мелика, сын которого пришел ему на помощь с большим отрядом, что позволило ему подойти к врагу с тыла. Произошла битва, и Юсуф потерпел сокрушительное поражение. С большим трудом поверженный принц избежал мечей победителей, и он почти достиг Толедо, когда был перехвачен и зарублен отрядом йеменцев, которые надеялись этой важной услугой снискать расположение к себе и мир для своей обезумевшей страны. Так трагически погиб

самый грозный противник Абд-ар-Рахмана. Его выдающиеся связи; полувековой военный опыт; ответственные командования, которыми он командовал; престиж, который придавал ему как успешному противнику Карла Мартелла; уважение, вызванное осуществлением королевского достоинства и пользованием им; многочисленные последователи, которые разделяли его благосклонность и надеялись на восстановление его власти, приобрели для него репутацию и влияние, далеко превосходящие его заслуги. Его характер представлял собой странное сочетание благородных и порочных качеств. Мужественный на поле битвы, в своей палатке он стал робким обманщиком каждого фокусника, подобострастным рабом каждого шарлатана. Хотя он и не был лишен решимости в минуты опасности, он безоговорочно принимал пагубные советы злых советчиков. Эта зависимость была настолько абсолютной, что в последние годы его жизни визирь Ас-Самиль был признан фактическим хозяином Испании. Но, несмотря на свои недостатки, Юсуфу не было недостатка ни в великодушии, ни в тех качествах, которые возносят людей к политическому возвышению и военной славе; и недаром, если учесть события его выдающейся карьеры, народная молва и личное уважение присвоили ему лестное звание одного из самых совершенных правителей своего времени.

Как только ему сообщили о смерти его соперника, Абд-ар-Рахман, наученный опытом опасности, связанной с мерами выжидания, приступил к постоянному устранению тех членов партии Юсуфа, от которых у него были основания опасаться будущих неприятностей. Визирь Ас-Самиль, чьи таланты долгое время оказывали решающее влияние на государство и чей угрюмый нрав усугубился наказанием, по всей вероятности незаслуженным, был тихо задушен в тюрьме. Абу-Заид, старший из сыновей эмира, чьи жизни в качестве заложников были унесены мятежом их отца, был обезглавлен. В случае с младшим из них крайняя мера наказания была заменена пожизненным заключением, а Абу-аль-Асвад, который был обязан этим милосердием своему нежному возрасту, был замурован в одной из самых крепких башен кордовской цитадели.

Эти насильственные и решительные меры привели лишь к временной безопасности. Вид жутких голов фиригов, прибитых над воротами столицы, пробудил скорее негодование и ужас, чем страх. Страна все еще пребывала в смятении. Банды мародерствующих берберов бродили повсюду, досаждая крестьянам, угрожая городам, перекрывая торговые пути, препятствуя всем мирным занятиям. Всеобщее волнение, наконец, переросло в открытое восстание. Хишем Ибн Озра, вождь фихритов, чье родство с Юсуфом в сочетании с предприимчивостью дало ему значительное политическое влияние, организовал восстание на Севере и занял Толедо. Укрепленный повстанцами, он более года сопротивлялся армии, посланной для его сокращения, когда кордовский двор получил известие о высадке более опасного врага, который до сих пор угрожал стабильности новообразованного королевства. Аббасиды, столица которых была перенесена из Дамаска в Багдад, при смене способных князей достигли вершины интеллектуального величия и военной славы. Они с завистью и негодованием наблюдали за осуществлением честолюбивых замыслов самого непримиримого врага их дома. Он почти чудесным образом избежал многочисленных ловушек, которые их изобретательность расставила для него. Великолепная награда, предложенная за его голову, не смогла поколебать верность неимущих и алчных берберов, чья алчность редко проявлялась в отношении самой незначительной безделушки. Если это было достаточно важно, чтобы вызывать опасения у беглеца, то насколько больше следовало опасаться его честолюбия и мести как соперника; правителя могущественного королевства, претендента на почести и достоинство халифата! Решив сокрушить, если возможно, растущую мощь Оммеядов до того, как она станет слишком

сильной для успешного нападения, халиф аббасидов Абу Джафар аль-Мансур приказал Ала Ибн Мугайсу вали из Кайруна попытаться подчинить Испанию. Чтобы вселить большее доверие к полномочиям, делегированным его лейтенанту, к поручению этого офицера было прикреплено черное шелковое знамя, цвет которого был эмблемой его партии. Детали этого предприятия — тем более зловещие, что оно предоставляло возможность для примирения фракций; сильно взывало к беспокойному и алчному духу населения; и утверждало непререкаемые притязания на власть, основанные на завоеваниях и владычестве, которые до сих пор молчаливо предоставлялись монарху Востока, — были тщательно продуманы заранее. Было установлено взаимопонимание между недовольными полуострова и Багдадским двором. Повстанцы, осажденные в Толедо, поддерживали через своих друзей частую и непрерывную связь с вице-королем Африки. Когда Ала Ибн Мугайт высадился в провинции Беджа, его встретили с еще большим энтузиазмом, чем при прибытии Абд ар-Рахмана. Был провозглашен Багдадский халиф. Принц Оммеядов был не только объявлен мятежником и узурпатором, но и была предпринята попытка разжечь страсти сражающихся в борьбе, и без того достаточно злобной, придав ей религиозный характер, а Абд-ар-Рахман был объявлен раскольников и неверным. За его голову была назначена награда, и для совершения его убийства были призваны уважаемое имя и авторитет Преемника Пророка, который должен был быть вознагражден исключительной милостью государя, сокровищем золота и драгоценных камней и, что было гораздо более ценно для преданного фанатика, вечным счастьем в грядущей жизни.

Вскоре стало очевидно, что эта вспышка не была обычным восстанием. Йемениты, чья лояльность делу Абд-ар-Рахмана всегда вызывала подозрения; фихриты, которым нужно было удовлетворить недавние обиды; берберы, всегда готовые к кровопролитию и грабежу; фанатики всех фракций, считавшие титул Оммеядов вопиющей узурпацией божественной власти, записались в ряды Аббасидов. Постоянное дезертирство больших групп войск привело к необходимости привлечь армию, окружавшую Толедо, и, как следствие, повстанческий гарнизон этого города вскоре объединился с и без того огромным войском вали из Кайроана. Многие города Андалусии были оккупированы. Плодородные окрестности столицы были сметены берберской кавалерией. Абд-ар-Рахман был осажден в Кармоне, гарнизон которой вскоре был доведен до крайности из-за нехватки провизии. Осада длилась два месяца, когда аббасиды, уверенные в своем превосходстве, начали проявлять беспечность. Офицеры пренебрегли своими обязанностями. Часовые ослабили бдительность. С вошедшим в поговорку непостоянством жителей Востока, недовольных задержками и нетерпеливых к трудностям, сотни людей бросили свои знамена. Зная об этих обстоятельствах, Абд-ар-Рахман во главе отборного отряда воинов предпринял внезапную атаку ночью. Враг был застигнут врасплох; лагерь охватила паника; всякая мысль о сопротивлении была оставлена, и на рассвете вожди вражеской армии и семь тысяч их людей лежали мертвыми на поле боя. Командир и его главные офицеры были обезглавлены; и их головы, после того как они были тщательно вымыты, были обвалены в камфаре и соли, а к уху каждой была прикреплена этикетка с указанием имени и ранга владельца. Затем эти ужасные трофеи были помещены в запечатанные мешки вместе с поручением вали и знаменем Аббасидов и доставлены купцом в Кайрун, где они были тайно сложены ночью на рыночной площади. Когда Абу Джафар аль-Мансур получил известие о катастрофе, постигшей его предприятие, и о том, каким устрашающим образом были переданы эти сведения, он воскликнул: “Это дело рук демона; Хвала Аллаху, который поставил море между мной и таким врагом”.

Судьба повстанцев перед Кармоной вселила ужас в гарнизон Толедо, снова блокированный огромной армией. С осаждающими были начаты переговоры, и были достигнуты благоприятные условия при условии сдачи наиболее выдающихся лидеров мести эмира. Затем был получен приказ отвести пленников в Кордову. На некотором расстоянии от места назначения эскорт был встречен портным, цирюльником и плетельщиком корзин, каждый из которых был снабжен инструментами своего ремесла. Солдаты остановились, и цирюльник снял волосы и бороды с мятежников. Портной завернул их тела в смиренные рубашки из грубой ткани, а корзинщица сплела для каждого по корзине, которая, плотно облекая его талию, делала невозможными любые движения нижних конечностей. Затем эти гротескные фигуры взвалили на ослов и, после того как их провели парадом по улицам города, сопровождаемые насмешками и метаниями воющей толпы, притащили к месту публичной казни и распяли.

Берберы, чьи хищнические привычки держали первых эмиров в состоянии постоянного опасения и чьи дикие инстинкты были главной причиной крушения мусульманской империи в Испании, теперь снова взялись за оружие, бросая вызов суверенной власти. Проницательный авантюрист по имени Чакья из племени Микнеса, ложно заявив о своем происхождении от Пророка через его дочь Фатиму и предположив, что обладает чудесными способностями, преуспел в завоевании доверия этих суеверных варваров. Его профессия школьного учителя приобрела ему репутацию человека обширной образованности в век невежества; а усердное изучение Корана наделило его личность святостью, преимущества которой он не недооценивал при выборе средств, которые следовало использовать для реализации своих честолюбивых планов. Экстравагантное почитание берберами людей, считавшихся наделенными сверхъестественными способностями, чувство, которое в данном случае полностью совпадало с их склонностью к войне и грабежу, заставило их спешить со всех сторон поддержать притязания самозванца. Последний проявил немалый политический такт и полководческое мастерство. Его активные эмиссары соблазняли на верность каждого вождя, доступного их искусству вкрадчивости. Его армии, воодушевленные пылом фанатизма и управляемые со способностями, которых нельзя было ожидать от лидера, до сих пор не имевшего опыта ведения военных операций, неоднократно наносили поражения войскам Абд-ар-Рахмана; опустошали его владения до самых окрестностей столицы; и, укрывшись в горах Запада, почти десять лет бросали вызов всей мощи правительства. Политическая ситуация еще больше осложнилась из-за дезертирства йеменцев, которые накануне решающего сражения напали на эмира с тыла. Выдающееся положение, достигнутое Чакьей, в конечном счете стало фатальным для сохранения его власти. Агенты Абд-ар-Рахмана обратились к очень влиятельному берберскому вождю и убедили его предать свою партию. В разгар ожесточенного сражения берберы отступили; их ряды были прорваны, и последовала ужасная резня, в которой самозванец потерял тридцать тысяч своих сторонников. Однако эта катастрофа не поколебала его контроля над умами одураченных им людей, и он продолжал борьбу еще четыре года, когда был убит своими товарищами в частной ссоре. Огромный курган, окружающий останки этих жертв измены и резни, более двухсот лет спустя был заметной чертой ландшафта и значительным памятником самоубийственным войнам, которые отнимали ресурсы и тормозили прогресс мусульман Испании.

Несмотря на кровавое возмездие, вызванное каждой попыткой свергнуть трон Абд-Аль-Рахмана, заговор непрерывно следовал за заговором. Абу-аль-Асвад, оставшийся в живых сын Юсуфа, заключенный в тюрьму в Кордове, под предлогом слепоты обманул своих надзирателей и сбежал, переплыв Гвадалquivир. Поначалу стражники не поверили ему, но подвергли всем

испытаниям, какие только смогли придумать, и все это он перенес с замечательным терпением и безропотно. Обман продолжался месяцами, и из-за его предполагаемого недуга за ним наблюдали менее тщательно, и ему предоставили множество необычных привилегий. Однажды утром, купаясь вместе с другими заключенными в реке, он воспользовался благоприятной возможностью и никем не замеченный переплыл на противоположный берег. Друзья встретили его, снабдили одеждой и лошадью, и через несколько дней он был в безопасности в Толедо. В этом городе, средоточии берберских и йеменских интриг, в то время созревало важное предприятие. Главными участниками этого были Ибн-Хабиб, зять Юсуфа, и Аль-Араби, вали Барселоны. Эти недовольные в течение некоторого времени поддерживали переписку с Карлом Великим. Побег Абу-аль-Асвада был частью заранее продуманного плана, его благородное происхождение и страдания в плену с детства вызвали симпатии населения и делали его важным союзником. Мирный договор уже был заключен, и халиф Багдада и император обменялись подарками и комплиментами. Говорили, что между этими двумя властителями существовало тайное соглашение и что зная Аббасидов должно было быть выставлено повстанцами косвенно в помощь христианам и с молчаливого согласия мусульманского монарха Востока. Главные заговорщики искали короля франков в Падерборне, где он праздновал свою победу над саксами принудительным крещением тысяч этих варваров-язычников. Честолюбие, рвение и авантюрный дух франкского монарха были пробуждены рассмотрением этого проекта, и он согласился вторгнуться на полуостров с большими силами, которые должны были быть поддержаны восстанием на Севере. Тщательно разработав план и определив роль каждого заговорщика, вожди повстанцев отбыли.

Неумолимым, действительно, должно было быть негодование Повелителя правоверных, которое могло таким образом щедро способствовать сдаче территории, приобретенной такой ценой мусульманской крови, самому безжалостному врагу ислама. Шансы на успех были в значительной степени в пользу коалиции. Военное превосходство франков было наглядно продемонстрировано на поле Пуатье над войсками более воинственными и грозными, чем те, которые Абд-ар-Рахман мог теперь привести в действие. Страна была истощена полувековым междоусобным конфликтом. Частые восстания стерли как чувство лояльности, так и упреки в измене. Скрытое недовольство пронизывало даже придворное общество; и непостоянство берберов, опасное само по себе, вызывало еще меньший страх, чем смертельная злоба племенной ненависти, укоренившаяся привычка к сопротивлению и безжалостная месть разочарованного честолюбия.

Мотивы, побудившие Карла Великого предпринять эту экспедицию, носили как религиозный, так и политический характер; но им двигало не столько стремление избавить страну от неверных и применить силу принудительного прозелитизма, сколько ненасытная жажда территориального расширения и военной славы. Проект не был оригинальным. Он был основан его отцом десять лет назад, и его судебному преследованию помешала только его смерть. Великий государь, которого так превозносили как поборника католицизма, был кем угодно, только не фанатиком. Его ортодоксальность вызвала сильные подозрения у церковников того времени; фактически, ходили слухи, что он был более чем наполовину язычником. Его общественное поведение и личные привычки мало свидетельствовали о благотворном влиянии христианских добродетелей. Его жизнь была запятнана делами вероломства и насилия. Нравы его двора вошли в поговорку из-за их распушенности, состоянию, которому сам монарх подавал недостойный пример, практикуя обширные сожительства. Между дворами Экс-ла-Шапель и Багдада поддерживались самые тесные политические связи, к которым набожные

люди того времени относились с благочестивым ужасом. Поэтому абсурдно предполагать, как неоднократно заявляют церковные хронисты, что вторжение Карла Великого в Испанию было предпринято главным образом как крестовый поход, поскольку франками не руководило предубеждение против сарацин как мусульман, а отношения их короля с Восточным халифатом были более дружественными, чем те, которые он поддерживал по отношению к любой европейской державе.

В первые месяцы наступившей весны войска Карла Великого пришли в движение. Ни одно важное событие средневековья не было в большей степени обойдено вниманием как современников, так и последующих историков, чем эта экспедиция. Рассказы христианских авторов настолько ущербны и настолько перегружены баснями, что делают их, как обычно, совершенно ненадежными. Численность захватчиков была настолько велика, что они были вынуждены разделить на две дивизии и перейти Пиренеи разными маршрутами. Приблизившись к Сарагосе, армии объединились перед ее стенами. Город был в руках их союзников, но в последний момент сердца последних изменили им, когда они подумали о принесении в жертву религии и нарушении всех принципов чести и верности, которые подразумевала капитуляция. Другие причины в совокупности поколебали их решимость. Результаты, имевшие место на предварительных этапах заговора, оказались катастрофическими. Вожди, подозрительно относившиеся друг к другу, постоянно опасались предательства, в то время как племенные предрассудки и непримиримый дух раздора в какой-либо мере препятствовали искреннему сотрудничеству. Ибн-Хабиб, инициатор этого предприятия, убежденный в вероломстве Аль-Араби и надеявшийся предвидеть его результаты, опрометчиво напал на своего союзника, потерпел поражение и вскоре после этого погиб от руки наемного убийцы. Длительное тюремное заключение сделало Абу аль-Асвада неспособным к решительным действиям, и он не соответствовал требованиям своего положения. Сознывая неудачу своих планов, обескураженные и опасющиеся за будущее, гарнизон Сарагосы отказался открыть ворота города. Карл Великий, разгневанный таким нарушением веры, энергично готовился к осаде. Но едва успели окружить стены, как прибыла депеша, извещавшая, что саксы снова подняли восстание и уже продвинулись до самого Рейна. Осада была снята, и франки отступили после неудачной и бесславной кампании, чтобы еще раз защитить свои дома от германских варваров. Укрепления Пампелуны— город которой сдался при их приближении, были разобраны, и затем могучее войско медленно и с трудом продвигалось по долине Ронсеваль.

Перевал становился все более и более труднопроходимым и малоизвестным, поскольку был окружен густыми лесами и отвесными горами. Авангард продолжал свой путь без помех и уже достиг северного склона Пиренеев, когда арьергард, на попечении которого находился обоз армии, скрылся в мрачных ущельях, тени которых скрывали тысячи басков, затаившихся в засаде. Внезапно длинная и извилистая линия была атакована толпами горцев. Окруженные со всех сторон, отступление франков было отрезано. Все преимущества внезапности, позиции, знакомства с местностью, опыта в засадах и партизанской войне были на стороне нападавших. Соппротивление было тщетным. Храбрость ничего не давала там, где не было ни ракет, ни оружия ближнего боя против активного и невидимого врага. Арьергард был полностью уничтожен. Обоз попал в руки победителей, которые, разграбив мертвых, спокойно разошлись и укрылись в недоступных горных ущельях. В результате этой катастрофы Карл Великий потерял почти половину своей армии и многих выдающихся офицеров, среди них знаменитого Роланда,

префекта Бретонского похода, чью карьеру поэтический гений барда и трубадура украсил множеством романтических историй и баснословных преданий.

Никто не извлек никакой выгоды из франкского вторжения, кроме Абд-ар-Рахмана, уничтожение которого было его общепризнанной целью. Пока враг отступал, он двинулся на Сарагосу; город сдался после непродолжительного сопротивления, и Аль-Араби, вождь повстанцев, был убит во время молитвы в мечети. Перед возвращением эмир совершил поход в страну басков, где завоевал владения графа Серданьского, который стал данником кордовского двора. Вскоре после этого Абу-аль-Асвад еще раз испытал злую судьбу своей семьи, подняв еще одно восстание, которое привело к поражению при Гвадалимаре, где он и четыре тысячи его последователей погибли.

Последние годы правления Абд-ар-Рахмана были омрачены недовольством среди его сородичей, чью политическую судьбу он восстановил и кто приобрел богатство и влияние благодаря своей безграничной щедрости. Его ближайшие родственники составили против него заговор. Принцы крови и дворяне высшего ранга забыли священные узы семьи и племени в неоднократных попытках свергнуть его власть. Но осторожный монарх, одинаково стойкий против планов как открытой, так и скрытой вражды, легко одерживал победу над всеми своими противниками. Его армии возвращались победителями из каждой кампании. Заговорщики, строившие козни в мнимой безопасности дворца, рано или поздно были преданы своими сообщниками и наказаны с образцовой суровостью. Его мятежный и неблагодарный племянник Ибн-Абан был задушен. Его брат Валид был сослан. Вожди курайшитов, осужденные за государственную измену, после того как им отрубили руки и ноги, были забиты до смерти дубинками. Увещевания и угрозы верных советников были пресечены изгнанием и нарочитым пренебрежением. Даже услуг верного Бедрасо оказалось недостаточно, чтобы искупить последующую дерзость; его имущество было конфисковано, а сам он был заключен в темницу, где и закончил свои дни в бедности и позоре.

Предупрежденный превратностями жизни, полной опасностей, о необходимости обеспечить наследование престола и чувствуя тяжесть физических недугов, вызванных тревогами и незащищенностью, эмир незадолго до своей смерти созвал государственных чиновников и знать королевства, чтобы присягнуть на верность своему третьему сыну, Хишему, которого он избрал своим преемником. Эта церемония состоялась, и старшие братья Хишема, Сулейман и Абдаллах, официально отказавшись от своих притязаний на трон, Абд-ар-Рахман удалился в Мериду, где и умер несколько месяцев спустя, в возрасте пятидесяти восьми лет, на тридцать третьем году своего правления.

На характер этого великого князя, одаренного от природы благороднейшими качествами ума и сердца, все еще существенно влияли обстоятельства авантюрной карьеры и чувства и привычки беспокойного века. Его вкусы склонялись к литературе и искусству, но необходимость развила в нем таланты осторожного переговорщика и умелого полководца. При великодушном и доброжелательном нраве, изгнание его семьи, постоянная враждебность его врагов, предательство его родственников и неблагодарность его друзей ожесточили его дух и привели к актам жестокости, которые, хотя и оправдывались политической целесообразностью, сильно омрачили блеск его славы. Воспитанный среди великолепия самого изысканного и роскошного двора, он с удивительным хладнокровием переносил превратности судьбы и бедствия крайней

нищеты, испытания, которые, привив ему добродетель философского смирения и познакомив его с недостатками и непоследовательностью человечества, лучше подготовили его к высокому и ответственному положению, которое ему суждено было впоследствии занять. Еще до того, как его власть была прочно установлена, он отправил гонцов в отдаленные регионы Востока на поиски рассеянных членов и иждивенцев Оммеядов, которых отправили в Испанию за государственный счет, пожаловали поместья и нередко назначали советниками или губернаторами городов и провинций. Многогранность его гения вызывала зависть и восхищение у его самых решительных врагов. В то время как его внимание все еще было занято сопротивлением вторжениям горцев Астурии и подавлением грозных восстаний, он успешно отразил вторжения двух могущественных и воинственных государей, в юрисдикцию которых входили самые богатые и производительные регионы земного шара. Карл Великий, более могущественный из них, предложил ему руку своей дочери и настаивал на союзе, который был отклонен из-за его слабеющего здоровья. Богатые ресурсами лишения и горести юности научили его переносить невзгоды молча, если не с самодовольством. Глубокое знакомство с характером берберов и арабов убедило его, что притязания детей Пустыни несовместимы с покорностью, необходимой для осуществления королевской власти, и он, не колеблясь, безжалостной рукой подавил наглость или самонадеянную свободу соплеменника или друга. Популярная поначалу, эта необычная суровость со временем оттолкнула самых горячих сторонников его трона. Неумолимая необходимость, принципы самозащиты и самосохранения, зависящие от условий, не являющихся чем-то необычным после длительного периода революции и анархии, сделали установление деспотизма императивом. После основания он содержался армией из сорока тысяч наемников, набранных главным образом из африканских варваров, а также множеством предоставленных гражданских прав рабов, которые были связаны с интересами монархии двойными узами зависимости и благодарности. Романтический дух приключений часто побуждал Абд-ар-Рахмана в первые годы его правления бродить переодетым по улицам своей столицы; но враждебность, порожденная частыми революциями, вскоре сделала это развлечение слишком опасным, и он был вынужден прибегнуть к уединению и военным мерам предосторожности, которые обеспечивают безопасность королевской семьи в королевствах Востока. Градации должностных рангов, территориальное деление империи, обязанности магистратуры, правила полиции также были, с небольшими изменениями, составлены по образцу аналогичных учреждений на Востоке. В этих деталях политической организации число двенадцать и его факторы, столь популярные среди народов семитского происхождения, были особенно заметны. Полуостров был разделен на шесть провинций, каждая из которых находилась под юрисдикцией военного губернатора. Под контролем этого сановника находились два вали и шесть визирей, которые вели второстепенные дела в своих соответствующих округах. Этим чиновникам помогало в их трудах множество кади и секретарей, которые в установленные сроки отправляли регулярные отчеты о своей работе в Совет, или Диван, в Кордове. Свободные минуты в течение жизни, полной почти непрекращающихся конфликтов, Абд-ар-Рахман использовал для работ, направленных на улучшение положения масс; для совершенствования правил, которые поощряли накопление и позволяли неограниченно пользоваться собственностью; и для развития образовательных и литературных учреждений, а также для введения мер, от исполнения которых полностью зависело продолжение его власти. Он отремонтировал римские дороги, пересекавшие полуостров. Он создал систему курьеров с ретрансляцией почтовых лошадей для быстрой передачи важных отправок. Он правил свирепыми разбойниками полуострова, чьим ремеслом был грабеж, и которые считали милосердие признаком трусости, единственным

средством, которое они уважали, - властью меча. Они ненавидели и проклинали его, они строили заговоры против его жизни, они отвергали его дары и с презрением относились к его почестям, но они повиновались его приказам, ибо испытывали благоговейный страх перед его негодованием и получили многие кровавые уроки о последствиях оспаривания его власти. Во время его правления, впервые после Завоевания, склонность берберов к кочевому образу жизни, источник непрекращающихся волнений и всеобщей незащищенности, была обуздана, и эти варвары были вынуждены подчиняться законам и выбирать оседлое место жительства. Был разработан судебный кодекс, адаптированный к условиям жизни населения, состоящего из столь многих разнообразных и часто враждебных групп, в уставах которого признавались полезные институты вестготов при общем преобладании мусульманского права.

Абд-ар-Рахман часто совершал экскурсии по своим владениям, чтобы лучше ознакомиться с поведением своих офицеров и нуждами своих подданных. Его путь был отмечен благотворительностью к нуждающимся; щедрыми пожертвованиями на благоустройство общества; учреждениями для поощрения искусств; возведением великолепных дворцов и храмов. Но его щедрость, которой хватало в других местах, с беспрецедентной щедростью проявлялась в его столице, предмете его гордости и особой привязанности. Его план, его здания, его укрепления, его пригороды были созданы по образцу прекрасного Дамаска. Пальма, впервые увиденная в Испании, была привезена из Сирии и посажена во дворе королевского дворца в память о сценах его детства. В окрестностях города он разбил сад, названный Русафа, в честь сада, которым раньше владел его дед, Хишем, и который был его копией. В Кордове был основан монетный двор, монеты которого были идентичны по дизайну, весу и надписи монетам, выпущенным сирийскими принцами Оммеяде. Слава двора и репутация государя привлекали в мусульманскую столицу Запада образованных и вежливых людей всех стран. Дух литературного соперничества и философских изысканий, который достиг такого замечательного развития при сменяющих друг друга халифах, начал пробуждаться. Сам государь с легкостью и точностью сочинял стихи значительного достоинства. Его сыновьям были даны лучшие наставления, какие только позволял возраст; они были вынуждены присутствовать при делах Дивана и судебных делах; им часто поручали ведение переговоров по международным договорам и управление правительством. Вкус публики воспитывался периодическими литературными конкурсами, в которых участвовали самые выдающиеся ученые и поэты того времени; где раздавались великолепные награды за мастерство; и чьим мероприятиям придавался дополнительный престиж благодаря присутствию и надзору членов королевской семьи.

Ни жестокий скептицизм дамасского двора, ни распространенное в Испании идолопоклонство и богохульство, похоже, не повлияли на набожность Абд-ар-Рахмана. Независимо от того, был ли он вызван мотивами заинтересованности или искренней верой, несомненно, что он всегда соблюдал со скрупулезной точностью церемониал своей веры. Полностью осознавая преимущества — социальные, политические, коммерческие и религиозные, — связанные с великолепным храмом, который из-за своего великолепия и святости мог бы стать местом паломничества, он давно размышлял о строительстве такого сооружения, о стремлении, осуществление которого откладывалось на многие годы из-за постоянных превратностей судьбы. Владение городами Меккой и Иерусалимом враждебной династией значительно увеличило трудности, налагаемые на тех мусульман полуострова, которые желали совершить

трудное путешествие к почитаемым святыням Востока. Более того, правители Багдада относились к подданным правителя Оммеядов с подозрением и неприязнью; а Абд-ар-Рахмана со всех кафедр в королевстве Аббасидов объявляли узурпатором, мятежником и самозванцем. Успех, который в конце концов сопутствовал его оружию и обеспечил постоянное установление его власти, также сделал возможным осуществление проекта, продиктованного более благородными амбициями. Его политическая проницательность с первого взгляда определила влияние, которое такой храм оказал бы на умы людей с высоким уровнем воображения и суеверий. Его возведение удовлетворило бы их национальную гордость. Его присутствие в центре столицы укрепило бы и подтвердило мощь государства. Чувство преданности, которое все еще питали потомки арабских изгнанников к дому их отцов, будет перенесено в другую страну, чья святыня, если и не равнялась Мекке по богатству, то, несомненно, превосходила ее по величию и красоте. “Моя мечеть, - сказал великий государственный деятель, - скоро потребует халифа; мои сыновья примут этот титул, и спор между Востоком и Западом будет прекращен навсегда. Наша конституция полностью основана на религиозном принципе, и мои подданные скоро привыкнут не видеть ничего, кроме моих детей, кроме ока Аллаха и меча Пророка ”.

В беспокойные времена завоевания все культовые сооружения, принадлежавшие христианам в Кордове, за исключением одного, были разрушены. Только в соборе, владение которым было гарантировано договором, неверным было разрешено совершать обряды, предписанные их вероучением. В соответствии с обычаем, распространенным на Востоке, где, однако, следует признать, при обычных обстоятельствах было необычно нарушать обязательства, заключенные с христианами, половина собора была насильственно захвачена и освящена для служения исламу. Однако прошло не так много лет, прежде чем его ограниченная территория была признана несоответствующей требованиям толп иммигрантов и прозелитов, которые ежедневно пополняли население растущей столицы. Поскольку это место было самым желанным в городе, Абд-ар-Рахман сделал предложение о покупке оставшейся половины здания. Епископ отказался на том разумном основании, что тогда не было бы другого здания для отправления обрядов христианской веры. Но настойчивость эмира в конце концов возобладала, и христиане получили за свои уступки сумму в сто тысяч динаров и, кроме того, исключительную привилегию воздвигнуть определенное количество церквей взамен тех, которых они были лишены яростью фанатизма и бедствиями войны.

План мечети был начерчен самим Абд-ар-Рахманом, и первый камень в фундамент был заложен его собственными руками. Подавленный возрастом и физическими немощами, преследуемый предчувствием, что он не доживет до завершения своей работы, он прилагал все усилия, чтобы ускорить ее выполнение. Было нанято огромное количество рабочих. Для сбора и транспортировки материалов была привлечена помощь губернаторов отдаленных провинций. Соперничество ремесленников было вызвано примером ослабевшего государя, который в течение одного часа каждый день лично разделял труд своих скромных товарищей. Хранилища государственной казны были открыты без ограничений в интересах предприятия, которое в равной степени отвечало патриотическим порывам и религиозным чувствам нации. Работа продвигалась с поразительной быстротой, но недостаточно быстро, чтобы удовлетворить лихорадочное нетерпение знаменитого архитектора. Это было его желание, пока у него еще были силы, совершить в этих священных пределах, как представитель Пророка, простой церемониал веры, столь дорогой сердцу каждого мусульманина. Внутри ограды было расчищено пространство. Был поднят навес, а недостроенные стены увешаны дворцовыми

гобеленами. Там, окруженный горами материалов, с наполовину высеченными капителями и обнаженными колоннами, эмир в своем белоснежном служебном одеянии взошел на временную кафедру, возглавил молитвы и руководил богослужениями огромной толпы, собравшейся со всех концов мусульманской столицы. Это был последний важный поступок в его жизни. Несколько недель спустя множество людей, которые с молчаливым благоговением слушали его речь в Джальме, последовали за его останками к могиле.

Таким образом, свершив свое предназначение и выполнив свою задачу, умер основатель одной из величайших династий, которые когда-либо знала Европа. Он в достаточной мере обладал качествами мудрого, политичного, просвещенного монарха. Его дух был обуздан, а мужество испытано многими годами преследований и несчастий. Жестокость, в которой его упрекали, была необходимым следствием беспокойного состояния общества, которым он был призван управлять. Решение политической проблемы, стоявшей перед ним, было не просто вопросом превосходства; оно включало в себя сохранение сарацинского господства на полуострове и его собственное существование как правителя и как личности. Сила была единственным аргументом, который использовали его противники, и единственным, который они уважали. Влияние Корана почти не ощущалось. Подавляющее большинство жителей Испании были язычниками. Берберы, которые в значительной степени преобладали, были поклонниками фетиша и верили в колдовство. Годы безнаказанности и неограниченной распушенности сделали этих диких варваров более свирепыми по нраву, более нетерпеливыми к контролю. Общественная враждебность и частные распри, ожесточенные споры между противоборствующими сектами, альтернативные запреты успешных фракций, надежда на будущую месть сделали невозможным постоянное примирение. В каждой общине существовала большая и сплоченная группа врагов, разных по национальности, антагонистичных по вере, прочно объединенных общим злом, которые под обманчивым видом подчинения лелеяли опасные стремления к политической и религиозной свободе. Те, кто был ближе всего к монарху по крови, с неестественной мстительностью стремились лишить жизни своего родственника и благодетеля. В горах Астурии могущество восходящего королевства, основанного бандой бесстрашных изгнанников, начало серьезно посягать на мусульманские владения на Севере. Оружие самых могущественных государей Европы и Азии было направлено из Средиземноморья и с Пиренеев против государя, чьи владения были взбудоражены, а ресурсы подорваны анархией и мятежом. Раздраженный вмешательством Аббасидов, он долго обдумывал экспедицию к побережью Сирии, проект, который упрямство его внутренних врагов сделало невозможным. В таких условиях правление ятаганом, конечно, не было непростительным. Эти соображения требовали также привлечения иностранных наемников. Они стимулировали бдительность и оправдывали суровость судебных инстанций. Они способствовали развитию религиозных чувств как вспомогательного средства королевской власти путем возведения великолепных молитвенных домов. Они предложили достойный государственный деятель способ отвлечь внимание населения от сцен беспорядков путем укрепления общественных институтов, развития искусств, распространения знаний.

Абд-ар-Рахман по натуре не был тираном. Он всегда был готов выслушать жалобы и исправить несправедливость несчастных. Самая ожесточенная партийность никогда не отказывала ему в атрибуте строгого и беспристрастного правосудия. Если его суровость иногда не смягчалась состраданием, она никогда не усугублялась преднамеренной жестокостью. В личной жизни он был приветлив; в публичном поведении - полон достоинства; в общении с подчиненными - воплощение мягкой учтивости. Сдержанный в своих удовольствиях двор Кордовы никогда не

устраивал позорных сцен, оскорблявших религию и приличия, во дворцах и садах Дамаска. Без него западная династия Оммеядов никогда бы не существовала; а без этой династии значительная часть сокровищ древней учености была бы навсегда утрачена; дух научного исследования был бы подавлен церковной нетерпимостью; надежды на интеллектуальную свободу были подавлены; и цивилизация Европы отстала бы на многие столетия.

С восшествия на престол Абд-ар-Рахмана I. начинается автономия Мавританской Испании под властью Западного халифата. Однако его правители, хотя и обладали всей властью и атрибутами независимых государей и, как таковые, требовали безоговорочного повиновения своих подданных и признания иностранных государств, до правления Абд-ар-Рахмана III публично не принимали титул Преемников Пророка, но осуществляли свой деспотизм под менее заметным названием эмиров, или Губернаторов. К принятию этой политики привело множество факторов. Мусульмане по-прежнему в целом считали регионы Востока источником православной веры и резиденцией законной империи. Оставшиеся в живых представители Дома Оммея находились под запретом династии Дамаска и Багдада. Условия жизни общества на полуострове были нестабильными. Повсюду малейший повод для восстания с ликованием встречался толпами отчаявшихся преступников и фанатиков. Амбициозные энтузиасты не упускали возможности воспламенить общественное сознание, только слишком восприимчивое к агитации, всякий раз, когда восстание могло увеличить их доходы или способствовать их дурной славе. Союз Церкви и государства в соответствии с конституцией ислама делал вмешательство в установленный порядок дел вдвойне опасным. Преждевременное присвоение почитаемого титула халифа изгнанными принцами Оммеядов повлекло бы за собой упрек в святотатстве и могло бы опрокинуть их империю, не основанную ни на праве предписания, ни на народной симпатии, ни на достаточной военной силе. Утверждение притязаний, гораздо менее оскорбительных по отношению к религиозным предрассудкам, часто приводило к серьезным беспорядкам. Из-за таких притязаний достоинство величайшей из мусульманских династий не могло получить присоединения, соизмеримого с риском, который это сопряжено. Ее принцы вполне могли бы на какое-то время отказаться от титулов, полностью владея сутью власти. Таковы были некоторые из политических соображений, которые долгое время удерживали в номинальном подчинении самых деспотичных и безответственных монархов Европы.

Пробуждение национального духа, последовавшее за гражданскими войнами в Испании, не только позволило организовать королевство Астурия, но и привело к катастрофе, едва ли менее серьезной, — потере мусульманских владений во Франции. Со дня своего восшествия на престол энергия Пипина была направлена на завоевание и изгнание мавританских колонистов из Прованса и Лангедока. Измена готского вождя отдала в его руки главные города Септимании, за исключением Нарбонны. Эта столица выдержала осаду, длившуюся более шести лет, сильное предубеждение против франков побудило римских и готских жителей поддержать усилия арабского гарнизона; но, в конце концов, народное недовольство и безнадежная перспектива получения помощи из Кордовы побудили видных граждан предложить условия соглашения с врагом. Была устроена капитуляция, по которой осажденным должны были быть предоставлены привилегии правления по их собственным законам, но в последний момент сарацины отказались от своего согласия; военные действия возобновились, и гарнизон, значительно превосходивший христиан по численности, был уничтожен. В течение

сорока одного года на Юге Франции господствовали законы, обычаи и религия мусульман. Следы их господства, о чем свидетельствуют физические и умственные особенности крестьянства, не были стерты превратностями более чем тысячелетнего периода. Это временное занятие, как будет показано ниже, также оказало заметное влияние на нравы и светскую литературу Европы благодаря распространению испано-арабской культуры, влиянию песен трубадуров и принятию рыцарских законов. Сношения с Испанским халифатом, приостановленные на некоторое время, были возобновлены; были установлены отношения еще более тесной близости; общность идей, вкусов и симпатий развили чувство взаимного уважения; и характеристики блестящего и интеллектуального общества Кордовы отразились в утонченном сладострастии, обширной образованности и утонченном скептицизме, которые впоследствии отличали дворы альбигойских принцев.

ГЛАВА IX

ПРАВЛЕНИЕ ХИШЕМА I.; ПРАВЛЕНИЕ АЛЬ-ХАКЕМА I. 788-822

Обычай королевской преемственности, нарушенный волей Абд-ар-Рахмана—Восшествие на престол Хишема—Восстание Сулеймана и Абдаллы—Они разбиты, а их армии рассеяны—Милосердие эмира—Вторжение в Септиманию—Поражение франков—Нерешительные результаты кампании—Общественные работы Хишема—Его Благородный характер—Его Пристрастие к богословам—Южный пригород Кордовы—Смерть Хишема—Всеобщее недоверие к Аль-Хакему—Сулейман и Абдалла снова восстают—Гражданская война —Готический поход—Осада и взятие Барселоны—Апатия эмира—Важность завоевания—Династия Эдриситов—Беспорядки в Толедо—“День рва”—Королевская гвардия—Восстание факиев—Его результаты—Лига астурийцев и франкских принцев—Легенда об апостоле Святом Иакове—Смерть Аль-Хакема—Его характер.

Назначив своим преемником своего любимого сына Хишема, Абд-ар-Рахман бессознательно заложил основу для бесконечных и непримиримых внутренних распрей в дополнение к многочисленным причинам политического разлада, уже существующим между антагонистическими элементами, составлявшими население полуострова. Рука деспотизма подавляла проявления народного недовольства, но было очевидно, что это подавление было лишь временным. Нормальным состоянием арабов и берберов, по традиции, по наследству, по практике, была надменная независимость, открытое неповиновение установленной власти. Требования политической мудрости, а также опыт цивилизованных народов древних времен неоспоримо продемонстрировали преимущества закона о первородстве. Этот закон, хотя и не признан мусульманской конституцией, был принят ради целесообразности и со временем был подтвержден обычаем и прецедентом. Выбор его наследника был молчаливо оставлен за сувереном, который должен был быть подтвержден выражением почтения высшими должностными лицами королевства; простая формальность, посредством которой была сделана уступка предрассудкам соплеменников, но которая, по сути, была лишена политического значения. Пропуск этой церемонии не повлиял бы ни на вступление в должность наследника, ни на действительность его титула; это лишь дало бы какому-нибудь амбициозному

вождю благовидный предлог для разжигания восстания. Несколько причин побудили Абд-ар-Рахмана предпочесть Хишема своим старшим братьям. Его мать, красавица Холал, была его любимой наложницей. Она была представлена ему в мирное время его старым противником Юсуфом и с того часа приобрела на него большое влияние. Хишем родился в Испании, в то время как его братья Сулейман и Абдаллах были уроженцами Сирии, и можно предположить, что этот факт с большей готовностью обеспечил бы первому привязанность его подданных. Но главной причиной, определившей выбор Абд-ар-Рахмана, было его знание умственного и морального превосходства, проявляемого характером Его Семьи. Его жизнь представляла сильный и благоприятный контраст с жизнью его братьев. Они были праздными, рассеянными и легкомысленными. В то время как их дома постоянно были заполнены толпой шутов и танцоров, он проводил часы в обществе ученых и мудрецов. Он пользовался лучшими преимуществами в области образования, которые только можно было получить, и усердно пользовался ими. Он неоднократно демонстрировал свою способность управлять государством в трудных обстоятельствах, а также присутствие духа и храбрость не на одном кровавом поприще. Его не по годам развитая проницательность и мудрость, приветливость его манер, благочестивый образ жизни, мягкость его характера вызывали восхищение при дворе и зависть его товарищей. Произвольный выбор Абд-ар-Рахмана, продиктованный привязанностью и политикой и санкционированный мусульманскими обычаями, был оправдан процветающим правлением Хишема; тем не менее, создав опасный прецедент в государственном устройстве Западного халифата, он в немалой степени был ответственен за его окончательное свержение. Однако в этом отношении его история ничем не отличается от истории любой другой мусульманской державы. Идеи, господствовавшие в различных слоях исламского общества, были несовместимы ни со справедливым подчинением классов, ни с постоянством империи.

Требования времени требовали талантов активного и решительного государя. Пламенные страсти народа, до сих пор сдерживаемые страхом, ждали только благоприятного случая, чтобы вспыхнуть восстанием. Со всех сторон были признаки грядущих неприятностей — волнение населения, честолюбие претендентов, соперничество сект были ясно видны проницательному глазу под обманчивой видимостью порядка и спокойствия. Верность валисов восточной границы, всегда ненадежная, с каждым днем становилась все более ненадежной. Их удаленность от резиденции правительства, их близость к земле франков, их стремление к независимости и их контроль над Пиренейскими перевалами - все это соображения жизненно важной политической важности, в то время как они увеличивали свое высокомерие и в то же время ослабляли свою верность. Бедствия, которые до сих пор сопровождали активное вмешательство Аббасидов в дела полуострова, преподали полезный урок; но багдадский двор не был запуган испытываемыми им ограничениями, и средства интриг и влияние золота постоянно использовались для привлечения на службу христиан и для подкупа офицеров, которым была доверена защита цитаделей, обладание которыми облегчило бы уничтожение соперничающей династии, отнявшей у Повелителя Правоверных одну из богатейших частей его наследства. Вдобавок к трудностям ситуации, королевство Астурия, существование которого было обусловлено междоусобицей его врагов, а не талантами его правителей или доблестью его народа, теперь начало обнаруживать зарождающиеся свидетельства того могущества, которое впоследствии достигло такого поразительного развития.

Хишем, который был губернатором Мерида, был провозглашен эмиром Испании в этом городе, как только было совершено погребение его отца. Уже хорошо известная и любимая его подданными общественная молитва, повторяемая из мимбара каждой мечети, казалась

возвещением эры национального процветания и счастья. Но эти ожидания, к сожалению, были обманчивыми. Как только весть о смерти Абд-ар-Рахмана достигла Кордовы, Сулейман, случайно оказавшийся в этом городе, покинул свое жилище, завладел дворцом и попытался заручиться поддержкой столичной черни. Потерпев неудачу в этом, он тихо удалился и присоединился к своему брату Абдалле в Толедо, где они согласовали меры по низложению Хишема и разделу его владений между ними. Визирь Толедо Галиб Ибн Земан ат-Тафеки, к которому обратились заговорщики, не только оказался верен своему доверию, но и пригрозил принцам местью эмира, что стоило ему должности и свободы. Хишем отправил гонца узнать причину столь жестокого обращения со старым и верным слугой, Сулейман в ответ приказал вывести визиря из его темницы и посадить на кол в присутствии посланника. Справедливо истолковав это оскорбление как смертельный вызов, Хишем объявил своих братьев мятежниками; объявил наказание за измену всем, кто должен был их поддерживать; и, призвав на помощь вали различных провинций, выступил в поле боя во главе двадцатитысячной армии. Повстанцам удалось собрать почти равные по численности силы, которые под командованием Сулеймана уже продвинулись на некоторое расстояние к Югу. Близ замка Боулк произошло сражение; повстанцы были разбиты, и эмир осадил Толедо, гарнизон которого, защищенный мощными укреплениями и ободренный бесстрашием Абдаллы, предвещал долгую и утомительную осаду.

Собрав остатки своей разбитой армии, Сулейман спустился на равнины Андалусии, опустошая ее поселения огнем и мечом. Абд-аль-Мелик, губернатор Кордовы, столкнувшись с ним близ Суфенды, снова разбил мятежников и рассеял их; и Сулейман, узнав, что все ресурсы королевства используются для его уничтожения, с трудом бежал через горные перевалы в провинцию Мурсия. Тем временем положение осажденных в Толедо стало отчаянным. Последовательные поражения их товарищей привели гарнизон в уныние; запасы провизии уменьшались; атаки на укрепления были непрерывными, и, поскольку Сулейман был беглецом, никакой надежды на помощь теперь быть не могло. Абдаллах, доведенный до крайности, решил положиться на милость брата, которому он причинил зло, и лично испросить прощения, которого он так мало заслуживал. Покинув Толедо, он прошел через позиции противника под защитой охранной грамоты посланника, чье имя он принял на себя по этому случаю, и направился в Кордову, куда незадолго до этого отправился его отец, чтобы лучше наблюдать за передвижениями Сулеймана. Дружелюбный нрав Хишема не устоял перед мольбами его раскаявшегося брата; он принял его с распростертыми объятиями; и по возвращении обоих в Толедо ворота были открыты по приказу Абдаллы, последователям которого была дарована всеобщая амнистия, а сам он получил княжеское поместье в окрестностях города в залог полного примирения и забвения прошлого. Однако свирепый и несговорчивый дух Сулеймана побудил его еще раз испытать сомнительные возможности войны. Среди плотного населения Мурсии были тысячи искателей приключений, чьи хищнические инстинкты так и не были смягчены влиянием цивилизации. Они, привлеченные обещаниями Сулеймана, с готовностью записались под его знамена. Значительные силы уже были собраны на полях Лорки, когда, в отсутствие их генерала, авангард армии эмира под командованием Аль-Хакема, его сына, юноши в годах, но, как вскоре стало очевидно, человека храброго и способного к военному делу, появился перед лагерем повстанцев. Хотя его отряд значительно уступал в численности, молодой принц атаковал повстанцев с такой стремительностью, что они уступили после короткой и кровопролитной схватки; и когда его команда прибыла с основными силами, на поле боя не было никого, кроме мертвых и умирающих. Сулейман, теперь уже совершенно

обескураженный, ходатайствовал о помиловании, которое было даровано при условии его вечного изгнания. Его поместья были куплены его семьей за семьдесят тысяч миткалей золота; и мятежный принц удалился в Танжер, где, не подвергаясь преследованиям, регулярно поддерживал предательскую переписку со своими старыми товарищами по оружию, с тревогой ожидая благоприятной возможности заявить о своих притязаниях на престол эмирата.

Пока эти события происходили на Западе и внимание Хишема было приковано к заговору его братьев, в других местах возникли серьезные беспорядки. Саид Ибн Хусейн, вали Тортосы, отказался признать или даже впустить в город офицера, которого эмир назначил своим преемником. Вали Валенсии было приказано схватить и наказать мятежного губернатора, но хитрость последнего завела его противника в засаду, где он был убит, а его сторонники обратились в бегство. Воодушевленные успехом Ибн-Хусейна, вали Барселоны, Сарагосы, Уэски и Таррагоны провозгласили свою независимость и заключили наступательный и оборонительный союз против эмира. Новый вали Валенсии Абу-Осман, более умелый или более удачливый, чем его предшественник, без особых трудностей подавил восстание, которое поначалу обещало быть грозным. Армии мятежников были разбиты; головы всех, кто был захвачен Абу-Османом, были отправлены в Кордову, а успешный генерал, получив благодарность и поздравления своего государя, получил приказ отправиться в Пиренеи, чтобы там ожидать подкрепления и готовиться к вторжению во Францию.

Благоприятные результаты, которые до сих пор сопутствовали его мерам, и осознание того, что неуправляемый темперамент его подданных постоянно требовал биться с оружием в руках, побудили его отвлечь к раздражению своих врагов тот активный и угрожающий дух, который недавно был проявлен во вред ему самому и неминуемой опасности для его короны. И, в дополнение к этим соображениям, не было недостатка в стимулах, которые могли бы послужить мощным стимулом для его политических амбиций. Денежные ресурсы его королевства были намного больше тех, которыми управлял его отец. Растущая торговля и чувство общественной безопасности, проистекающее из централизованного правительства, сделали бремя налогообложения более переносимым. Долгая и нескончаемая служба в полевых условиях сформировала отряд солдат, терпеливо соблюдающих дисциплину, преданных интересам своего государя и привыкших побеждать. Каждому последующему правителю полуострова, начиная со времен Мусы, были завещаны в качестве непреложных религиозных обязательств расширение территории, облагаемой данью, и вечная война с неверными. К первоначальным стимулам честолюбия и прозелитизма теперь добавилась жажда мести — желание стереть серией новых триумфов память о прошлых поражениях и нанести давно отложенный ответный удар за ужасные бедствия, выпавшие на долю разбитых армий ислама. Джихад, или Священная война, был провозглашен одновременно с кафедр всех мечетей во владениях эмира. По закону Корана каждый мусульманин был обязан вносить свой вклад в продвижение крестового похода пропорционально своим средствам, жертвуя деньги, военные припасы, провизию или оказывая личные услуги. Воинственные племена полуострова, для которых война была развлечением, охотно стекались под знамена империи. Сорокатысячная армия опустошила поселения Галисии, разгромила Бермудо, короля Астурии, и вернулась, нагруженная добычей и сопровождаемая тысячами пленников. Другой проник в глубь Пиренеев, захватил перевалы и либо силой, либо переговорами добился временного нейтралитета басков. В течение следующего года велись тщательные приготовления к отвоеванию Септимании, столица которой Нарбонна, долгое время являвшаяся центром мусульманской власти на юге Франции, вот уже почти тридцать лет удерживалась неверными. Город Герона, недавно взятый франками,

был взят штурмом, разграблен, а его жители безжалостно перебиты. Эта крепость — место огромной стратегической важности, обладание которым противником могло серьезно помешать передвижению как успешной, так и разбитой армии, — была восстановлена, и путь был открыт в долину Роны. Время было наиболее благоприятным для осуществления такого предприятия. Внимание Карла Великого было привлечено мятежами недовольных варваров Германии. Людовик, король Аквитании, находился в Италии, куда он отправился на помощь своему брату Пипину, подвергшемуся сильному давлению со стороны лангобардов. Страна находилась в практически беззащитном состоянии; лишенная своих войск; лишенная своего суверена; с населением, которое на протяжении почти целого поколения не привыкло к применению оружия и не испытывало бедствий вторжения. Сарацины встретили мало препятствий. Организованного сопротивления предпринято не было. Зверства, неотделимые от жестокой войны, отмечали каждый шаг их продвижения. Окрыленная успехом, победоносная армия двинулась на Нарбонну. Оборона этого города не поддавалась усилиям осаждающих, но пригоры были взяты и опустошены.

Мусульмане теперь продвигались вперед по дороге на Каркассон. У реки Орбье, близ Нарбонны, они столкнулись с отрядом крестьян и ополчения, которые Вильгельм, герцог Тулузский, собрал в отчаянной надежде остановить их продвижение. Доблесть этого героя, который был канонизирован церковью и чьи достижения, подобно достижениям Роланда, стали темой средневековых баллад и легенд, оказалась бессильной против яростного натиска берберской кавалерии. Полуоружная толпа была обращена в бегство; но победители, напуганные этим неожиданным появлением армии и боявшиеся потерять свою добычу, обратились в бегство, не предпринимая дальнейших военных действий. Из наиболее вероятных свидетельств, почерпнутых из путаных и неясных хроник той эпохи, следует, что значительная часть территории франков в течение нескольких лет оставалась в руках сарацин.

Примерно в это же время другая армия под командованием Абд-аль-Керима вторглась в Галисию и Астурию. Не оказывая особого сопротивления, мусульмане проникли в страну во всех направлениях. Урожай был уничтожен, а крестьяне вырезаны или угнаны в плен. Церкви были сожжены дотла. Обремененные добычей, захватчики по возвращении попали в засаду и потерпели сокрушительное поражение. Награбленное было отбито, а их главные военачальники остались на поле боя. Это отступление с лихвой уравнило преимущества, полученные от похода во Францию, и во многом способствовало укреплению могущества христианского королевства.

В Септимании было добыто невероятное количество добычи в виде золота, серебра и драгоценных товаров, немалая часть которых была найдена в церквях и других церковных учреждениях, которыми изобиловали повсюду. Одна только королевская пятерка, добытая в результате этого набега, составила сорок пять тысяч золотых монет, и все они были выделены для того, чтобы быть израсходованными на завершение строительства Великой мечети. Гордость мавританского военачальника Абд-аль-Мелика требовала от бесчисленных пленников, следовавших в обозе его армии, тяжелой и экстраординарной службы. Они были вынуждены нести на своих плечах или тащить в повозках камни, из которых были сложены стены, окружавшие предместья Нарбонны. Из этих блоков, с таким трудом перевезенных из страны, удаленной на многие сотни миль, через крутые горные перевалы, был сооружен

фундамент восточной части Великой мечети Кордовы. Прибегая к этому, казалось бы, бесполезному и тираническому акту власти, Абд-аль-Мелик руководствовался не простой бравадой и не желанием причинить страдания несчастным. Это было действие в полном соответствии с гениальностью мусульманского характера. Эти камни, обтесанные, возможно, римскими каменщиками во времена Августа, были осязаемыми и долговечными трофеями завоеваний. Границы сопредельных королевств расширились или сузились; язык, религия и нравы изменились; густонаселенные города полуострова исчезли; важные поселения возникли посреди болот и пустынь; памятные знаки древних войн представлены лишь несколькими побитыми предметами оружия; но массивные камни Нарбонны, ставшие вдвойне священными из-за трогательной легенды об их переносе невольными руками христианских пленников, все еще, по прошествии более чем одиннадцати столетий, поддерживают стены самого величественного храма, когда-либо посвященного Богу ислама.

Теперь энергия его семьи была направлена на завершение строительства этого великолепного здания. Следуя благочестивому примеру своего отца, он ежедневно трудился над его стенами. Он дождался того, чтобы увидеть, как его достроили, потратив сто шестьдесят тысяч динаров, и, хотя здание Абд-ар-Рахмана и его сына было роскошным само по себе, оно значительно уступало по великолепию и красоте дополнениям и улучшениям, впоследствии внесенным в него их преемниками. Общественный дух Хишема, однако, не ограничил его усилия завершением строительства Джальмы. Он восстановил мост через Гвадалквивир, который снова пришел в упадок. Он возвел множество сооружений, чтобы украсить свою растущую столицу и обеспечить удобство ее жителей, — роскошные дворцы, бани, мечети и фонтаны. Он поощрял посадку фруктовых садов и огородничества в пригородах, и это рациональное и полезное для здоровья занятие стало одним из его любимых развлечений. В его характере преобладало религиозное чувство, в немалой степени окрашенное, как и у самых невежественных из его подданных, безумием и слабостью суеверия. В начале своего правления он проконсультировался со знаменитым астрологом, который, составив свой гороскоп, предсказал ему жизнь продолжительностью всего в несколько лет, но процветающую и полную славы. Сообщение этого предсказания, несомненно, имело большое значение для его исполнения. Манеры Хишема, и без того серьезные и исполненные достоинства, стали для мусульманского принца странно аскетичными. Он отказался от великолепных королевских одеяний и неизменно появлялся одетым в простой белый цвет - отличительный цвет его семьи. Его досуг был посвящен расследованию жалоб, оказанию помощи угнетенным, утешению страждущих, поддержке неимущих. Ни суровое время года, ни неудобства темноты не помешали его делам милосердия. Он посетил святых людей в полночь под проливным дождем. Он лично раздавал милостыню бездомным, которых нужда вынудила искать убежища под аркадами мечети. Он ходил без присмотра по улицам и не гнушался заходить в лачуги бедняков и говорить слова утешения тем, кто казался покинутым миром. Он был первым в своем роду, кто создал систему муниципальной полиции для обеспечения безопасности столицы. Штрафы, взимаемые за нарушения общественного порядка, он тратил на благотворительность. Взимая налоги, он заслужил благодарность своих подданных только тем, что взимал десятину, предписанную мусульманскими законами. Под его отеческим руководством вдовы и дети солдат, погибших в бою, получали пенсии. Он выкупил из своего личного кошелька всех мусульман, находившихся в плену, и настолько тщательными были его поиски и настолько успешными его усилия в этом направлении, что во время его правления богатый гражданин, оставивший по завещанию крупную сумму для освобождения рабов, удерживаемых

христианами, вернул завещание наследникам, поскольку таких рабов найти не удалось. Непреклонная справедливость его семьи была выдающейся чертой его характера. Он отказался покупать дом, о покупке которого вел переговоры, когда узнал, что один из его соседей желает приобрести его; и, понимая, что уважение к достоинству государя заставит его конкурента отступить, он без колебаний уступил вождьленную собственность последнему. В ведении сложных и сомнительных государственных дел его семья оправдывала проницательность его отца, который выбрал его в ущерб своим старшим братьям. Его мужество и твердость внушали страх и уважение его врагам. Он часто отправлял эмиссаров ко дворам вали, уполномоченных разбираться в их официальном поведении и выслушивать жалобы их подданных. Щедростью, которую он проявил при строительстве общественных зданий, он пробудил соперничество богатых, которые соперничали друг с другом в роскошном убранстве своих дворцов и живописной красоте своих садов. Он унаследовал от своего отца пристрастие к науке в сочетании со вкусом к литературоведению; и, по его мнению, постоянная польза, которую можно извлечь из литературы и искусств, была гораздо предпочтительнее преходящих удовольствий чувственного удовлетворения. Предсказание астролога, которое с точностью до восьми лет определило продолжительность его правления, развило в умственном складе, от природы склонном к нравственности, чувство глубокого почтения ко всему, что связано с религией. Отчасти с целью слияния рас и примирения наследственной вражды, но главным образом в надежде на их окончательное обращение, он сделал использование арабского языка обязательным в школах евреев и христиан; таким образом, в своем рвении к прозелитизму он нарушил мудрую терпимость, которую Коран предписывает неверным-данникам. Этим актом глубокой государственной мудрости он бессознательно совершил за несколько лет политическую и социальную революцию, на осуществление которой при обычных условиях не хватило бы многих поколений. Никакая изоляция не бывает столь глубокой, как та, которая вызвана сохранением и использованием незнакомой идиомы. Даже социальное отчуждение, вызванное и поддерживаемое соблюдением религиозных практик, считающихся еретическими, не является столь глубоким или стойким. Благодаря обязательному усвоению языка завоевателей секты-данники с каждым днем все лучше знакомились с вероучением, характеристиками и мнениями своих хозяев. Их предрассудки, зародившиеся из-за невежества, постепенно развеялись среди требований бизнеса, вежливости и развлечений, связанных с фамильярным общением. Христианин научился уважать мусульманина; мусульманин постепенно стал относиться к христианину с меньшим презрением. Понимание достоинств друг друга, взаимные уступки и надежды на возможную выгоду вскоре привели к более тесным торговым отношениям, смешанным бракам и формированию близких и прочных дружеских отношений. Обращение в ислам - когда—то явление столь же редкое, сколь и отвратительное, — наконец стало настолько обычным, что едва ли вызывало замечания. Готический костюм был вытеснен тюрбанами и ниспадающими одеждами Востока. Гаремами богатых и могущественных правили фавориты, родившиеся в тевтонских и римских семьях. Обычаи последних были обычаями Пустыни. Их окружение не имело ничего общего с традициями их предков или воспоминаниями их юности. Их дети не знали другого языка, кроме арабского. Долгосрочные последствия этого закона Хишема, выразившиеся в частичном смешении трех рас и печати, наложенной им на их продукцию, сегодня проявляются в смуглом цвете лиц, гортанном акценте, изяществе и достоинстве осанки, которые отличают крестьян Северной Андалусии, которые, живя недалеко от столицы халифата, с большей готовностью подчинялись распоряжениям его двора и были более восприимчивы к влиянию его манер.

К несчастью для будущего спокойствия полуострова, Хишем был близким другом теологов. Его самые близкие соратники были выбраны из факи — наполовину жрецов, наполовину юристов, — чьи занятия были разделены между разъяснением священных традиций и толкованием принципов юриспруденции. Обескураженный твердой политикой Абд-ар-Рахмана, этот орден приобрел внезапное и зловещее значение под благосклонным покровительством его преемника. Это была эпоха беспрецедентного религиозного подъема в сфере ислама. Повсюду формировались новые секты, к организации и поддержанию которых политика часто имела такое же отношение, как и теология. Один из них, получивший большую популярность и которому в конечном итоге было суждено войти в число четырех, признанных истинно верующими ортодоксальными, был недавно основан в Медине знаменитым врачом Маликом Ибн-Анасом. Узы союза, основанные на антипатии к общему врагу, вскоре установились между Оракулом Медины и монархом Испании. Несмотря на его претензии на благочестивое отношение как основателя новой теологической школы, Ибн-Анаса подозревали в поощрении притязаний потомка Али - ненавистной секты шиитов - на трон Аббасидов. То ли из-за недостаточности улик, то ли из-за боязни восстания багдадский халиф не вынес преступнику смертного приговора, но приказал подвергнуть его бичеванию, которое сопровождалось всеми проявлениями жестокости и оскорблениями со стороны ревностных чиновников хиджаза. Сознывая свое влияние и охваченный яростью и ненавистью, почтенный фанатик переносил свои обиды как мученик, скрывая под маской смирения ярость своего непримиримого негодования. Отвращение к своим угнетателям заставило его обратиться за сочувствием к Оммеядам, чьи принцы, как и он сам, пережили безжалостные преследования и ненасытную месть тиранов Дамаска и Багдада. Благородный характер Хишема не был неизвестен жителям Священных Городов. Восхищение мединского врача эмиром, возможно, несколько усиленное желанием извлечь выгоду из прошлого унижения и косвенно унижить его врагов, стало экстравагантным. Он не упускал случая восхвалять его как образец царственных добродетелей и зашел так далеко, что публично заявил, что из всех правителей ислама он единственный достоин безраздельных почестей халифата. С другой стороны, Хишем питал величайшее уважение к богослову, доктрины которого он перенял и усердно пытался распространять по всем своим владениям, используя все стимулы, к которым восприимчив человеческий разум. Маликиты были среди тех, кто пользовался его высочайшим доверием. Они выполняли самые ответственные функции в Церкви и государстве. Им были доверены важные командования в армии. Эмир предоставлял все возможности тем, кто желал продолжить свои занятия под присмотром великого толкователя закона, и по возвращении они были приняты со всеми знаками уважения. Вследствие этого невежливого фаворитизма маликиты вскоре приобрели преобладающее и опасное влияние в государственных делах. В секте доминировало ограниченное число проникательных и амбициозных факи, чьи мнения, принимаемые невеждами за непогрешимые, как предполагалось, были продиктованы божественным вдохновением, и чей дикий фанатизм справедливо рассматривался ими самими как наиболее эффективное средство для достижения высшей власти. Ни берберы, ни чистокровные арабы, по-видимому, не восприняли новую доктрину с какой-либо большой степенью энтузиазма. Его самыми яркими сторонниками были ренегаты, отступники от христианства или потомки обращенных данников и рабов. Обязательства, не связанные с каким-либо конкретным вероисповеданием, не признавались первостепенными этими беспечными прозелитами, родившимися и воспитанными в атмосфере беспорядков и революций, и для чьих импульсивных и непостоянных натур жар споров, связанных с распространением новой веры, и азарт набега были одинаково приемлемы. Взаимная симпатия и честолобивые замыслы их

лидеров предполагали объединение и проживание этих сектантов в тех местах, где их власть могла быть наиболее выгодно использована во времена мятежа. Одним из таких населенных пунктов был южный пригород Кордовы, отделенный от города рекой Гвадалквивир. Это был один из самых привлекательных и живописных районов столицы. Его население превышало двадцать тысяч душ. Его рынки были заполнены всеми признаками широко распространенного и прибыльного трафика. Через его ворота переправлялась большая часть продовольствия, потребляемого жителями столицы, и немалая часть товаров, поступавших из богатых провинций Востока. Их перевозили из пригорода на базары по огромному мосту, построенному цезарями и реконструированному Ас-Самхом и Хишемом. Ровная поверхность, ограниченная левым берегом Гвадалквивира, была более благоприятной для строительства, чем неровности почвы на севере и западе. Улицы были шире, чем в других местах; рынки более просторными; мечети и виллы не менее роскошными и элегантными. Пояс прекрасных садов, пересеченных выложенными мозаикой дорожками из гальки и охлаждаемых брызгами бесчисленных фонтанов, среди зелени которых приютились увеселительные дома богачей, опоясывал весь пригород. Здесь находился оплот секты маликитов, растущая мощь и наглость духовных наставников которой готовили для своих жалких обманутых день невыразимого бедствия.

Восемь лет с даты составления гороскопа были объявлены астрологом пределом жизни Его Семьи. Силы его интеллекта было недостаточно, чтобы отвергнуть предсказание, которое было повсеместно принято доверчивой и суеверной расой с тем же почтением, с каким в древние времена относились к таинственному ответу оракула. Образец религиозной добродетели, он давно приучил свой разум повиноваться, не ропща, неизбежным указам судьбы, и перспектива ранней смерти, хотя и серьезно нарушала его планы, не могла нарушить его хладнокровия. По мере приближения срока, назначенного для исполнения пророчества, эмир собрал Великий Совет королевства, чтобы поклясться в верности своему сыну Аль-Хакему, который должен был стать его преемником. Завершив эту церемонию, он обратился к молодому принцу со следующими словами, которые гораздо лучше, чем любая хвалебная речь, описывают его собственный характер: “Верши правосудие без различия бедных и богатых, будь добр и нежен к тем, кто зависит от тебя, ибо все в равной степени являются созданиями Божьими. Доверь охрану своих городов и провинций верным и опытным вождям; безжалостно наказывай министров, которые угнетают твоих подданных; управляй своими солдатами умеренно и твердо; помни, что оружие дано им для защиты, а не для опустошения своей страны; и всегда следи за тем, чтобы им регулярно платили и чтобы они всегда могли полагаться на твои обещания. Стремись сделать себя любимым своим народом, ибо в его привязанности - безопасность государства, в их страхе - его опасность, в их ненависти - его верная гибель. Защищайте тех, кто возделывает поля и производит хлеб, который поддерживает нас; не допускайте, чтобы пострадали их урожаи или были уничтожены их леса. Действуй во всех отношениях, чтобы твои подданные могли благословлять тебя и жить в счастье под твоей защитой, и таким образом, и никак иначе, ты снискаешь славу самого славного из государей”.

Ранней весной следующего года его семья скончалась после непродолжительной болезни на сороковом году жизни. Его правление не отличалось ни крупными военными предприятиями, ни мерами, которые указывали бы на обладание более чем обычными талантами в области политики или искусства управления. Но хотя его администрация и не была блестящей, она была в высшей степени успешной. Он сдержал безудержный пыл астурийцев. Он безнаказанно вторгся и разорил провинции самого прославленного и могущественного монарха в Европе. Он пресек неоднократные попытки отчаянных авантюристов свергнуть его трон. Своим

милосердием он снискал аплодисменты своих врагов и завоевал восхищение друзей великодушным обращением со своими непокорными родственниками. Ни один несчастный не был настолько унижен, чтобы оказаться недостойным его внимания, ни один страдалец не был слишком безвестен, чтобы удостоиться его щедрот. Путем введения разумных правил он многого добился в устранении тех социальных и политических барьеров, которые разделяли расы и угрожали процветанию его королевства. Своим влиянием и примером он придал новый импульс развитию литературоведения. Всеобщая скорбь, проявленная всеми классами общества при известии о его смерти, свидетельствовала о глубине уважения и привязанности, которые повсюду питались к его характеру.

Подданные эмирата с плохо скрываемой тревогой ожидали первого акта администрации Аль-Хакема. Действительно, никто не сомневался в его способностях. Его военная доблесть уже была продемонстрирована, поскольку, будучи еще мальчиком, он во главе второстепенных сил уничтожил армию своего дяди на равнинах Лорки. Пророческая проницательность его отца, в соответствии с обычаями его княжеского рода, рано познакомила его с функциями правителя, поскольку он занимал очень ответственные должности. Его образование было доверено лучшим ученым того времени, и он показал себя способным и смелым учеником. Этому наследнику славы и несчастий Оммеядов не хватало случайных, но важных преимуществ личной красоты и выдающейся внешности. Тем не менее, несмотря на то, что Аль-Хакем был воспитан в обстановке придворной гласности и привык вести официальные дела, о нравах и частных мнениях было известно мало. Флегматичная апатия и непроницаемая сдержанность эффективно скрывали его эмоции. Его чувства никогда не ослабевали даже в присутствии его самых близких товарищей, которым, более того, он неохотно доверял. Но вуаль, окутывавшая его характер, не могла скрыть того факта, что он был вспыльчив, высокомерен, тщеславен и жесток. Это событие доказало, что опасения проницательных наблюдателей, которые относились к его восшествию на престол с явным беспокойством и недоверием, были не совсем беспочвенны.

У Оммеядов было принято с приходом нового монарха менять хаджиба, или верховного камергера, чьи обязанности и полномочия совпадали с обязанностями премьер-министра или главного сановника государства. Для этой ответственной работы Аль-Хакем выбрал Абд-аль-Керима, сына Абд-аль-Валида, который занимал эту должность при своем отце. Известный храбростью и ученостью, сведущий во всех достижениях того времени, Абд-аль-Керим с детства наслаждался дружбой своего господина и разделял его развлечения. Этот выбор был воспринят как счастливое предзнаменование будущего поведения нового правителя и в значительной степени способствовал развеиванию страхов тех, кто сомневался в его намерениях и способности обузывать пылкие страсти молодости, обузывать которые безответственная власть не давала никаких стимулов, кроме тех, которые предписывались нормами морали. Его качествам политика и генерала было суждено вскоре подвергнуться испытанию при подавлении масштабного восстания, прелюдии к беспокойному и кровопролитному правлению. Его дядя Сулейман, находясь в безопасном изгнании, долго вынашивал планы против короны, которую считал своим правом по рождению. Его королевское происхождение, огромное богатство и приветливое поведение приобрели ему множество приверженцев среди авантюристов и бандитов, населявших город Танжер и наводнивших его окрестности. Их честолюбие возбуждалось великолепными обещаниями, а алчность подстегивалась перспективой состязания, призами которого были приобретение несметных богатств и осуществление безграничной вольности. Золото Сулеймана подкупило многих

недовольных чиновников и большинство берберских вождей. Теперь настал момент, которого так долго ждали заговорщики. Абдаллах, тайно покинув свое поместье в Толедо, присоединился к своему брату в Танжере. Были продуманы детали восстания, и были задействованы все средства, чтобы обеспечить успех предприятия. Абдалла совершил быстрое путешествие из Танжера в Экс-ла-Шапель. Цель этого посольства никогда не разглашалась, но по результату легко догадаться о его значении. Была запрошена и получена помощь Карла Великого, а также обеспечено сотрудничество вали Барселоны и Уэски. Король Аквитании со всеми почестями сопровождал мусульманского принца до подножия Пиренеев, и последний через несколько дней снова оказался среди мятежного населения древней столицы Вестготов. Меры, принятые лидерами повстанцев, были хорошо продуманы. Одновременно с передачей Абдалле цитадели Толедо, при предательском попустительстве ее губернатора, Сулейман высадился в Валенсии с мощной армией и, обосновывая свои претензии правом первородства, провозгласил себя. Эмир Испании. Аль-Хакем, услышав о восстании Абдаллы, поспешил в Толедо с лучшими силами андалузской кавалерии и окружил его стены. Однако едва были сформированы боевые порядки, как поступило известие, что Людовик, король Аквитании, сын великого императора, отбил Жерону, ключ к Пиренеям, и, благодаря дезертирству вали из Лерида и Уэски, уже захватил большую часть провинций Северо-Запада. Карл Великий, стремясь отомстить за резню при Ронсевалле, а также расширить пределы своей империи, отдал под командование своего сына отборные войска своей армии, ветеранов десятков кампаний на Дунае и Рейне. Осознавая опасность ситуации и важность предотвращения союза этого нового врага с теми, кто приводил его королевство в замешательство, Аль-Хакем быстро снял осаду и форсированным маршем продвинулся к долине Эбро. Но франки уже отступили. Подробности их операций, едва упоминаемые в летописях того времени, не проливают света на их мотивы; но ясно, что результаты экспедиции не соответствовали великолепию и полноте ее подготовки или надеждам на ее успех. Крайняя осторожность, сродни робости, казалось, овладела завоевателями саксов, потомками героев Пуатье и Нарбонны, как только хмурый барьер Пиренеев остался у них в тылу.

Присутствие Аль-Хакема пробудило дремлющий энтузиазм его подданных. Были восстановлены Херона, Уэска, Лерида. Барселона, чей вероломный губернатор Заид, заручившись защитой Карла Великого и отдав дань уважения его сыну, отказался впустить франков в город, теперь, всячески демонстрируя лояльность, распахнула свои ворота при появлении своего законного государя.

Энергия Аль-Хакема, подкрепленная активностью его эскадронов, за короткое время привела к повиновению всю территорию, которая была захвачена франками. Неудержимо увлекаемый своим воинственным пылом, он пересек Пиренеи и, благодаря неожиданной удаче, захватил Нарбонну, гарнизон которой перебил, а жителей увел в плен. Окрыленный победой и нагруженный добычей, он оставил своих верных помощников Абд-аль-Керима и Ибн-Сулеймана охранять границу и с силами, значительно увеличенными славой о его успехах и надеждой на грабеж, снова направил свой поход на Толедо. Тем временем Сулейман добился соединения с Абдаллой на берегах Тежу. Нерешительность и дух праздности, по-видимому, преобладали в их советах, поскольку вместо того, чтобы предпринять отвлекающий маневр, который мог бы еще больше затруднить передвижения Аль-Хакема и, возможно, изменить исход конфликта, они бездействовали, ожидая завершения кампании с франками, пока приближение эмира не пробудило их от летаргии. Опасаясь, что их наспех собранные и недисциплинированные отряды варваров и недовольных могут оказаться неспособными противостоять атаке ветеранов

регулярной армии, сражающихся под присмотром своего государя, повстанцы оставили в Толедо командира Обейду Ибн Хамзу, одного из самых способных офицеров на их службе, который сдал город и продолжал оставаться у власти в награду за свою позорную славу, и отступили, после нескольких беспорядочных и нерешительных боев, в провинцию Мурсия. Здесь почитание, связанное с именем Абд-аль-Рахмана, и личная популярность Абдаллаха обеспечили мятежным братьям значительный приток сил и соответствующий рост уверенности в себе. Поручив Амру, одному из своих офицеров, вести осаду Толедо, Аль-Хакем двинулся вперед в поисках мятежников и решил, если возможно, как можно скорее завершить сражение. Но снова мужество повстанцев изменило им, и они искали защиты в горных крепостях, куда андалузские всадники не могли преследовать их. Борьба затянулась на месяцы, и силы эмира, потерявшего терпение от бездействия, начали уменьшаться из-за дезертирства. Наконец мятежники, чьи запасы провизии были перехвачены, отважились покинуть свою крепость. На равнинах Мурсии, недалеко от поля, где Аль-Хакем снискал свои первые лавры в результате победы над одним из своих нынешних противников, произошла кровопролитная битва. Исход поначалу был сомнительным, поскольку повстанцы сражались со всей энергией отчаяния; но в решающий момент горло Сулеймана было пронзено стрелой, и его смерть сломила дух его сторонников. Последовавшая за этим резня надолго запомнилась как примечательная даже на фоне той бойни, которая опозорила гражданские войны в Испании. Оставшиеся в живых были рассеяны без всякой возможности реорганизации; и Абдалла, быстро покинув поле боя, сумел добраться до Валенсии, где, обескураженный и полностью раскаявшийся, он умолял о прощении своего оскорбленного государя. С великодушием, делавшим честь как его проницательности, так и чувству привязанности, Аль-Хакем принял подчинение своего дяди, но настоял на своем постоянном отъезде в Танжер и выдаче двух своих сыновей, Эсбаха и Касема, в качестве заложников. С последними обращались по-доброму и с отличием, подобающим их рангу; им была назначена регулярная пенсия; и на второй год их проживания младший получил почетную должность, а старший, получив в жены дочь эмира, был назначен губернатором важного города Мерида.

В то время как военные действия на Юге велись вяло, энергия и решительность Амру начали серьезно сказываться на осажденных в Толедо. Непостоянное население, утомленное постоянными тревогами и находящееся под угрозой голода, заключило мир с представителем эмира сдачей города и принесением в жертву своего генерала. Вероломный Ибн-Хамза был немедленно казнен, а его голова отправлена с курьером в Аль-Хакем; дела в городе были улажены со всей возможной оперативностью; и Амру, оставив своего сына Юсуфа командовать гарнизоном, отбыл со всеми имеющимися в его распоряжении батальонами на усиление армии своего государя, находившейся тогда в Шиншилле.

Серьезные беспорядки, которые в течение трех лет поглощали ресурсы и монополизировали внимание эмира Кордовы, предоставили наследственным и естественным врагам ислама возможность, слишком благоприятную, чтобы ею пренебрегать. В 798 году между Альфонсо Целомудренным и Карлом Великим был заключен союз, но был ли он на равных условиях или зависел от вассалитета астурийского короля, неизвестно. Мусульманские губернаторы приграничных городов снова отказались от своей верности Аль-Хакему и, получив заверения в поддержке и независимости, выразили почтение Людовику как своему сюзерену. Предприимчивый гений Карла Великого, наученный дорогостоящим уроком, преподанным почти четверть века назад на перевале Ронсеваль, отказался, что касается полуострова, от всяких идей о постоянном завоевании и оккупации. Опыт убедительно показал, что разногласия

между фракциями, а также расовые антипатии временно, но эффективно разрешались в присутствии иностранного врага. Но в то время как его армии не смогли закрепиться к югу от Пиренеев или даже безопасно пересечь ущелья этой горной цепи, никакие подобные трудности, казалось, не сопровождали передвижения мусульман, чьи летучие эскадрильи грабили и опустошали без сопротивления отдаленные провинции его империи. Эти важные соображения и опасение, что какой-нибудь умелый арабский военачальник сможет вернуть и удержать плодородные долины Юга, традиции народа которого с удовольствием напоминали о владычестве их древних мусульманских хозяев, побудили императора основать и поддерживать оплот, который был бы доступен для преследования врага, а также для того, чтобы сломить его силы и задержать продвижение армии вторжения. С этой целью на испанской стороне Пиренеев было основано княжество, получившее название Готский поход, а его первый лорд, франкский дворянин по имени Борель, получил инвеституру от короля Аквитании и выразил ему почтение.

Незначительное поначалу, это эмбриональное состояние быстро набирало силу и последствия. Владения, включенные в его границы, на протяжении многих лет были ареной кровавых восстаний, непрекращающейся анархии, партизанской войны. Его земли были невозделаны. Его жители боялись выходить за стены своих городов. Его связь с центральным правительством, всегда ненадежная, часто полностью прерывалась на месяцы. Но как только заселение франков обеспечило сравнительную защиту и безопасность, в состоянии страны стали очевидны разительные перемены. Разрушенные укрепления были восстановлены. Обычное вероломство вали, соблазнившихся перспективой большей свободы, побудило их еще раз присягнуть врагам их веры. Благодаря обширным территориальным пожалованиям и обещанию необычных привилегий множество колонистов было привлечено в поселения нового княжества. Поля, восстановленные после запустения, снова приобрели привлекательную перспективу возделывания и процветания. Готский поход стал убежищем не только для тех христиан, которые были недовольны мусульманским правлением, но и для всех тех, чьи обиды заставили их отказаться от верности королю Астурии или вождям Бискайи. Немало людей было привлечено надеждой, что здесь может возникнуть монархия, которая, основанная потомками ее древних хозяев, восстановит законы, престиж и славу вестготской империи. Таково было происхождение государства, которое вскоре станет известно как графство Барселона - название, имевшее огромное значение в последующей истории полуострова. Его основание было вторым шагом на пути к ослаблению мусульманской власти, и по политическим результатам он едва ли уступал созданию королевства Астурия.

Главными городами нового княжества были Аусона, Кардона, Манреса и Херона. Ни один из них не был морским портом, и проницательный Карл Великий осознал и оценил необходимость обеспечения морского сообщения со своими владениями, чтобы избежать возможной изоляции Готского похода либо из-за смены времен года, либо из-за бдительности врагов. Поэтому он задумал экспедицию против Барселоны, которая обладала незначительной, но доступной гаванью и чей коммерческий статус уже давал много указаний на то значение, которого она впоследствии достигла. Его положение и интриги его валида ранее приобрели для него номинальную независимость. Нынешний губернатор, Заид, постоянно чередовался между заверениями в лояльности Аль-Хакему и просьбами о защите со стороны Карла Великого. Король Аквитании появился перед стенами с многочисленной армией, и Заид под благовидными предлогами затянул переговоры о сдаче города до тех пор, пока приближение зимы не сделало осаду невозможной. Хассан, вали Уэски, также отказался принять франков,

хотя и был присягнувшим вассалом Людовика; и этот разочарованный принц, который представлял себе легкое и выгодное завершение кампании, был вынужден с позором удалиться под ропот своих недовольных солдат в безопасность своих собственных владений.

Великий совет империи, проводимый по обычаю франков каждую весну, собрался в начале 801 года в Тулузе. Целью этих национальных собраний было обсуждение и урегулирование будущих военных операций, как это определялось аргументами и опытом воинов-ветеранов, чье влияние определяло ход их обсуждений. Неудачные результаты предыдущих предприятий скорее вызвали нетерпение, чем охладили пыл франкских вождей, и единодушный голос Совета шумно потребовал взятия Барселоны. Перед концом года огромная армия, которая, по словам тщеславных хронистов, состояла из множества различных народов, выступила из ущелий Пиренеев. Тщеславие Людовика, пострадавшего из-за невыгодных результатов предыдущих кампаний, или, возможно, мольбы его военачальников, знавших о его неспособности, побудили его оставаться в Руссильоне до тех пор, пока исход экспедиции не станет более сомнительным. Силы вторжения были разделены на две дивизии: одна, под командованием графа Жероны, вела осаду города, а другая, под командованием Вильгельма, графа Тулузского, была расквартирована в качестве наблюдательного корпуса между Леридой и Таррагоной, чтобы предотвратить любые попытки мусульман Кордовы прийти на помощь. Укрепления бесстрашно атаковались и упорно оборонялись. Заид, вали города, отказавшись от нерешительного и предательского поведения, которое так долго омрачало его характер, руководил обороной с бесстрашием и решимостью, достойными величайших военных героев. Воодушевленный его примером, гарнизон отразил атаки штурмующих, одну за другой, с большой резней, хотя ими руководил лично франкский генерал. Потери, понесенные в ходе этих штурмов, вынудили осаждающих прибегнуть к утомительной, но более надежной мере - блокаде. Линии обороны были натянуты так плотно, что жители вскоре начали испытывать давление голода. Хотя порт, похоже, не был закрыт, правительство Кордовы по-прежнему не отправляло пострадавшему гарнизону никаких припасов. Многие жители погибли; остальным пришлось бороться друг с другом за самые гнусные и отвратительные средства поддержания своих ослабевающих сил. Они пожирали уличные отбросы. Они отчаянно сражались за обрывки кожаных занавесей, которые висели перед дверями их домов. Некоторые в отчаянии бросались со стен. Другие сломя голову бросались на оружие врага. Но, несмотря на душераздирающие сцены всеобщего горя, не было слышно и шепота о капитуляции. Даже христиане, которых было много, по очереди поднимались на зубчатые стены и скрещивали мечи со своими единоверцами в проломе. Никто не верил, что эмир покинет, не предприняв попытки оказать помощь, город, коммерческие преимущества и географическое положение которого делали его одним из ключей к его империи. Наконец новая армия, которой командовал сам король Людовик, усилила осаждающих. Положение гарнизона росло с каждым днем, и, исчерпав свои ресурсы, Заид решил попытаться добраться до Кордовы и, лично обратившись к Аль-Хакему, получить средства для освобождения города. Бесстрашному губернатору, вышедшему ночью без присмотра из потайного хода, почти удалось проникнуть в тыл врага, когда ржание его лошади подняло тревогу, и он был схвачен. Эти удручающие события оказали свое влияние на осажденных, но их стойкость и мужество все еще поддерживали их. Наконец, после того как в стенах было проделано несколько брешей, а мусульмане, поубавившиеся в численности, были доведены до отчаяния, начались переговоры с франками. Наиболее выгодные условия, которые можно было получить, предполагали потерю имущества и тяготы изгнания. Ворота наконец распахнулись, и длинная и печальная процессия несчастных, шатающихся от слабости и

истощенных голодом, на лицах которых были отпечатаны следы затяжных страданий, с трудом прошла через лагерь врага; и франкские вожди, сопровождаемые служителями христианской веры, облаченными во всю пышность и великолепие своего ордена, вошли в город, чтобы отпраздновать перед алтарем его главного храма триумф, благодаря которому важнейшая провинция Восточной Испании навсегда вышла из-под мусульманского скипетра.

Христианское население приветствовало смену хозяев без каких-либо проявлений радости или энтузиазма. Мрачное молчание воцарилось в толпах, выстроившихся вдоль улиц, когда прелаты в великолепных облачениях и латники в сверкающей стали величественной процессией пронесли мимо, чтобы со всеми церковными церемониями и воинской выправкой отпраздновать счастливое завершение своего предприятия. В ранние века ислама благодетельное и терпимое правление мавров, по-видимому, повсеместно завоевывало уважение и внушало доверие как покоренным народам, так и враждебным сектам. За счастливые условия, которым способствовало применение благородных принципов равенства и религиозной свободы, невежество, тирания и нетерпимость иностранной иерархии не давали адекватной компенсации. От деревушек Прованса до равнин Андалусии христиане-данники, за исключением только тех, кто был облечен достоинством жреческого ордена, по-видимому, всегда смотрели с нескрываемым сожалением на поражение и смещение своих неверных лордов.

Хорошо осведомленный о неопределенности и трудностях удержания своего завоевания, Людовик отремонтировал — насколько позволяли обстоятельства — стены Барселоны, которые получили значительные повреждения от мин и боевых машин его солдат. Губернатор готского происхождения был оставлен командовать хорошо укомплектованным гарнизоном, и, когда его цель наконец была достигнута, король Аквитании удалился со сцены, демонстрировавшей такую преданность, самопожертвование и доблесть. Героический Заид, выслушав упреки и брань своего победителя, который, движимый какими-то неизвестными мотивами, снизошел до того, чтобы сохранить ему жизнь, был приговорен к вечному изгнанию и с тех пор исчезает из истории.

Введение феодальной системы в Испании практически началось со взятия Барселоны армией Людовика. Эта система задолго до этого была установлена во Франции. Его зачатки, пока еще неразвитые, появились во многих положениях вестготской конституции. Но детально определенные взаимные обязательства вассала и сеньора, а также точный характер присяги дворянина своему принцу как сюзерену не были установлены ни предписанием, ни сформулированы законом. Его правила никогда не приобретали среди независимых рас полуострова той силы и размаха, которые им придавались в других местах. Унизительные сеньориальные права, на которые претендовали и которыми пользовались распутные бароны Англии, Франции и Германии, никогда не были навязаны храброму и уважающему себя крестьянству Испании. Это было задолго до того, как передача феодальных владений по наследству была полностью признана в этой стране.

К северу от Пиренеев феодальные обязанности, однажды принятые на себя, никогда не могли быть отменены. В Кастилии и Арагоне вассал мог отказаться от службы у одного покровителя ради службы у другого, если он предварительно отказался от всего имущества, полученного от первого, или от его денежного эквивалента. Это установление феодальных институтов в Готском походе не только обеспечило постоянство его завоевания, но и дало франкам влияние в делах

полуострова, столь же благоприятное для продвижения христианского успеха, сколь и пагубное для сохранения мусульманской власти.

Потеря Барселоны была, как вскоре стало очевидно, катастрофой чрезвычайной важности, последствия которой серьезно подорвали престиж и подорвали силу мавританской империи в Испании. Так и не было приведено никакого объяснения удивительному безразличию или преступному пренебрежению Аль-Хакема, позволившего врагам его веры и его династии отнять у ее храбрых защитников один из самых значительных и процветающих городов в его владениях. Древние хроники хранят таинственное молчание относительно причин его поведения, столь необычного; столь противоречащего энергии его характера; столь пагубного для интересов его королевства; столь разрушительного для его надежд на будущее величие. Опыт доказал, что он наделен многими качествами смелого и активного лидера. С самой юности азарт войны был для его пылкого духа любимым и возбуждающим времяпрепровождением. Его ресурсы были неограниченны, его армия хорошо вооружена и многочисленна. Насколько у нас есть какая-либо информация, на остальной части его королевства царил мир. На случай, если христианское воинство окажется слишком сильным, чтобы вступить с ним в бой, море предоставляло широкую и беспрепятственную дорогу для транспортировки припасов и подкреплений. Времени не хватало, поскольку осада длилась семь месяцев. Ответственно ли за эту, по-видимому, необъяснимую и самоубийственную апатию угрожающее отношение короля Астурии или какая-то неясная внутренняя мятежность, которая, заслоненная кульминационным подвигом Франкского крестового похода, ускользнула от внимания историков, должно навсегда остаться предметом догадок. Но какова бы ни была причина, несчастье было непоправимым. Железная хватка Фрэнка никогда не ослабевала. Колония превратилась в княжество, княжество - в королевство, которое со временем объединилось с другими провинциями в монархию Арагон, возглавившую авангард христианских армий в войне за Отвоевание.

Однако все авторитетные источники сходятся во мнении, что эмир собирался выступить на помощь Барселоне, когда до него дошла информация о ее капитуляции. Не желая распускать свою армию без попытки хотя бы частично восстановить утраченный престиж, он направился к Сарагосе, а затем, следуя течению Эбро, преуспел в возвращении Уэски, Таррагоны и некоторых других мест меньшей важности. Вожди повстанцев Хасан и Бахлул, к изменническим ухищрениям которых в основном следует отнести потерю Восточной Испании, были схвачены и обезглавлены. Перед Барселоной не было проведено ни одной демонстрации, что, по-видимому, свидетельствует либо о неполноценности войск по численности и оснащению, либо о благоразумии или страхах их командира.

Религиозные энтузиасты столицы с тревогой и отвращением наблюдали за восшествием на престол Аль-Хакема. Хотя он и не отличался набожностью, как его отец, он, с другой стороны, не проявлял особой враждебности к теологической фракции. Ее члены, однако, не были его любимцами. Он был предан развлечениям и практикам, противоречащим принципам, открыто проповедуемым и тайно пренебрегаемым этими жесткими приверженцами точности. Его частое пьянство, порок, возмущавший общественное мнение и вызывавший презрение добросовестных мусульман, превратило дворец в арену оргий, которые были порицанием и скандалом столицы. С детства он был неумеренно предан чувственным удовольствиям. Немалую часть его досуга занимала охота, в ходе которой использовались животные, объявленные Кораном нечистыми. Свирепый нрав, преувеличенное представление о своей

власти, неумолимый дух и беспощадная строгость в применении наказаний даже за незначительные проступки усиливали ужас, с которым к нему относились дворяне, крестьяне и богословы. Но эти грехи были ничтожны по сравнению с тем безразличием, с которым он относился к святым и врачам, которым Его Отец оказывал выдающиеся почести и безграничное доверие. Те, кому раньше были доверены важные государственные секреты, которые они могли использовать в своих личных интересах, теперь не допускались к Дивану. Вместо того чтобы без церемоний войти в царское присутствие, они были вынуждены ждать соизволения своего господина в прихожих. Пожертвования из государственной казны, которые раньше раздавались без стеснения под любым благовидным предлогом, теперь были удержаны. Униженные в глазах народа, униженные в гордыне, лишенные богатства, осмеянные двором, но все еще сохранявшие симпатии масс, фанатики соперничающих сект начали забывать о своей взаимной вражде в надежде восстановить утраченное значение своего ордена и вынашивать планы, направленные как против жизни, так и против правительства Аль-Хакема.

Интригующие и разочарованные маликиты факи, чей церковный характер, подкрепленный талантом к самозванству, заставил толпу приписывать им сверхъестественные силы, были главными организаторами заговора. Поскольку престиж королевского имени считался важным для их успеха, они обратились к Ибн-Шаммасу, сыну Абдаллаха и двоюродному брату эмира, и, обнаружив, что он явно благосклонен к их планам, открыто предложили ему корону. Однако честолюбие этого вождя было недостаточно сильным, чтобы заставить его поступиться своей лояльностью. Скрывая свое возмущение самонадеянностью тех, кто мог подумать, что он способен на такую вопиющую неблагодарность и измену, он потребовал список главных заговорщиков в качестве неопременного условия своего согласия. Делегация, возглавляемая факи по имени Яхья, с готовностью согласилась на это, и была назначена ночь, когда информация будет передана. Тем временем Ибн-Шаммас сообщил эмиру о случившемся, и когда Яхья и его спутники были введены в его покои, Ибн-аль-Хада, личный секретарь Аль-Хакема, уже был там, спрятавшись за занавеской, готовый записать имена так быстро, как они будут сообщены. В список входили многие из самых значительных дворян и граждан Кордовы, и секретарь, опасаясь, как бы заговорщики, чтобы преувеличить свою значимость, не включили в него его собственное имя, что привело бы к его уничтожению, намеренно позволил тростинке, которой он писал, царапать по бумаге. Изменники немедленно подняли тревогу; дом Ибн-Шаммаса был мгновенно опустевшим; все замешанные, у кого было время спастись, опрометчиво бежали из города, а остальные, в количестве семидесяти двух человек, были распяты.

805 год стал свидетелем заключения союза между Западным эмиратом и недавно основанным королевством эдриситов в Африке, которому было суждено оказать заметное влияние на судьбу бывшей державы, и чьи тесные отношения в мирное и военное время не были окончательно разорваны до тех пор, пока королевство Гранада не было включено в состав испанской монархии. Несколькими годами ранее знатный сириец по имени Эдрис, бежавший, как и Абд-ар-Рахман, от преследований Аббасидов, искал убежища в горных ущельях и пустынях Западной Африки. Не имея ни друзей, ни денег, ни влияния, он, тем не менее, получил сердечный прием от племен Атласа. Его мужественные черты и рыцарская осанка вскоре обеспечили ему уважение защитников, и из нищего беженца он постепенно превратился в вождя клана, основателя нации и главу династии. Именно к своему сыну и преемнику Эдрису

Аль-Хакем направил посольство, чтобы поздравить его с восшествием на престол и предложить союз, который можно было бы использовать для сокращения владений и ослабления власти ненавистных тиранов Востока. Важность этого события была раскрыта эскортом из пятисот андалузских дворян и обменом великолепными подарками. Африканский монарх великолепно принял посольство, и был заключен международный договор, который, благодаря своим положениям о взаимной поддержке и постоянной вражде против общего врага, многое сделал для укрепления и увековечения мусульманской власти на Западе. Два года спустя был основан город Фес. Его население, состоявшее в основном из христиан, иудеев, огнепоклонников и идолопоклонников, вызывало удивление и презрение благочестивых мусульман, посещавших его; а непрекращающаяся борьба, разжигаемая политическими авантюристами и ревнителями различных форм веры, обосновавшимися в его стенах, не предвещала будущего мира или процветания эдрисайской столицы.

Во время отсутствия в экспедиции в Восточную Испанию разум Аль-Хакема был встревожен известиями об очередной вспышке в Толедо. Юсуф, сын Амру, который благодаря отцовской любви и пристрастию эмира был возведен в должность, для выполнения обязанностей которой его опыт и квалификация были совершенно недостаточны, обозначил свое продвижение вопиющими и повторяющимися актами тирании и дерзости. Толедское население, мятежное по наследству и обычаям и которое с незапамятных времен было готово отстаивать при малейшем поводе опасную привилегию сопротивления, при совершении какого-нибудь возмутительного злодеяния хваталось за оружие, атаковало дворец и одолело отряд гвардии. Видные горожане, опасаясь последствий восстания, вмешались своими добрыми услугами между губернатором и чернью и с большим трудом предотвратили разграбление дворца и смерть его хозяина. Но последний, далекий от того, чтобы оценить ни усилия своих благодетелей, ни опасность, которой он только что избежал, обдумывал и планировал, не скрываясь и не принимая мер предосторожности, кровавую и беспощадную месть. Узнав о его намерениях, вельможи без церемоний лишили его должности и бросили в тюрьму. К Аль-Хакему был отправлен гонец, чтобы ознакомить его с фактами и объяснить опасность, которая оправдывала принятие таких крайних и произвольных мер. Эмир, проявляя всяческую доброту, простил насилие своих подданных; отдал приказ об удалении несносного Юсуфа; и восстановил, по его собственной просьбе, Амру в должности вали; благодарные жители вернулись к своим занятиям, и город снова обрел видимость своего прежнего спокойствия.

Но обычное неповиновение его авторитету со стороны толедцев отозвалось болью в груди Аль-Хакема. Город долгое время был очагом восстания, местом сбора недовольных, штаб-квартирой каждого буйного и амбициозного вождя. Даже сама метрополия не превзошла его по своему влиянию на политику королевства. Дерзость его граждан и гордость его духовенства единодушно поддерживали его экстравагантные претензии на превосходство. Ограниченная территория, окруженная его стенами, всегда была занята плотным населением, среди членов которого в значительной степени преобладали христиане, и в чьих умах традиции вестготской монархии оказывали влияние, которому постоянно не доверял и которого боялся каждый мусульманский правитель, осуществлявший юрисдикцию на его территории. Арабские историки неоднократно утверждали, со всей видимостью правды, что ни одна другая группа подданных во владениях ислама не была так заражена духом мятежа и беспорядка, как население Толедо. Даже потомки ренегатов, отрекшихся от своей веры и своей национальности

— класс, религиозное рвение и бескомпромиссная верность которого вошли в поговорку, — не были равнодушны к освященным временем легендам и историческим сувенирам, которые со всех сторон напоминали о славных событиях и исчезнувшем величии древней столицы вестготов. Мусульмане, поселившиеся главным образом в окрестностях, были поражены наглостью своих соседей, которые, хотя и были их данниками, сохраняли всю надменность, которая обычно присуща высокородному происхождению и высокому положению. Вновь став губернатором, Амру приложил весь свой такт, чтобы развеять опасения людей, которые опасались, что его отцовская гордость может наложить на них суровое наказание за их прежнее неповиновение. Каждым проявлением заботы, каждым проявлением пристрастия и внимания он стремился вернуть себе их доверие. Он конфиденциально заверил их лидеров в своем одобрении и сочувствии их усилиям добиться своей независимости и противостоять введению тиранических поборов и несправедливых законов. Он даже зашел так далеко, что осудил эмира и пообещал свое собственное сотрудничество в случае будущего необоснованного посягательства на жизнь и свободу толедцев со стороны деспотического суда Кордовы. Полностью обманутые его двуличием, массы, а также знать и духовенство считали его своим благодетелем и удостаивали своего хитрого правителя всеми знаками чести и уважения. Затем, проинструктированный Аль-Хакемом, Амру заявил, что, поскольку обычная практика размещения солдат в семьях граждан является серьезной проблемой и приводит к большим беспорядкам, это неудобство может быть устранено возведением сильно укрепленной цитадели, которая, по его предположению, также будет иметь неоценимое значение для утверждения прав народа в будущих восстаниях. Общественное одобрение было легко получено; крепость возвышалась на самой господствующей точке города; богатые вносили свои средства, бедные жертвовали свой труд, чтобы помочь в ее строительстве; преимущества местоположения и ресурсы инженерного мастерства сговорились, чтобы сделать ее оборону почти неприступной. Был введен мощный гарнизон, и Аль-Хакему сообщили, что наконец-то пришло время осуществить его давно вынашиваемую месть.

Теперь на границу была отправлена депеша, предписывающая одному из офицеров, командовавших в этом квартале, просить подкрепления ввиду предполагаемой демонстрации франков. Это было соответственно сделано; и отряд в несколько тысяч человек под командованием молодого принца Абд-ар-Рахмана, наследника престола, которому помогали советы трех визирей возраста и опыта, выступил из Кордовы, очевидно, предназначенный для службы в Пиренеях. Когда армия достигла Толедо, ей сообщили, что ожидаемая опасность была преувеличена; что враг отступил из окрестностей границы и, следовательно, что всякая перспектива военных действий исчезла. Когда офицеры стояли лагерем неподалеку, их посетил губернатор, которого сопровождали несколько самых видных горожан. Депутация была принята с почетом и гостеприимством, и гости были восхищены вежливостью, снисходительностью и не по годам развитыми талантами своего будущего государя, которому еще не исполнилось пятнадцати лет. Затем, по предложению Амру, принцу было передано приглашение сделать город своим домом до его отъезда, предложение, которое было принято с хорошо притворной неохотой. Велись приготовления к роскошному банкету. В длинном списке гостей значились имена самых выдающихся дворян, самых состоятельных горожан, самых выдающихся лидеров, которые либо подозревались в недовольстве, либо открыто демонстрировали свое рвение к народному делу либо открытым сопротивлением, либо подстрекательством к мятежу. Когда приблизился час, назначенный для празднества, гостей одного за другим ввели через заднюю дверь, где они поочередно пали от рук солдат. По мере прибытия каждой группы экипажи и

слуги направлялись к противоположным воротам крепости, чтобы там ожидать возвращения своих хозяев. Огромная толпа, привлеченная новизной события и присутствием королевской семьи, окружила цитадель. Среди зрителей один врач, более проницательный или подозрительный, чем его товарищи, заметил зловещую тишину, царившую за стенами, и тот факт, что из всех гостей, которые, как было известно, входили, никто не выходил, хотя солнце уже далеко перевалило за меридиан. Случайный прохожий обратил его внимание на облако пара, едва различимое над крепостными валами, как свидетельство того, что празднество не прекратилось. Опыт практикующего сразу же выявил причину, и, в ужасе подняв руки, он воскликнул: “Негодяй! это не дым, который исходит от приготовления банкета; это пар от крови ваших убитых братьев!”

Число жертв этого ужасного преступления, по разным данным, составляет от семисот до пяти тысяч. Когда тела были обезглавлены, их бросили в ров, вырытый при строительстве замка; и из-за этого факта деяние, нарушившее обряд гостеприимства, столь священный в глазах арабов, стало известно в анналах полуострова как “День рва”.

На следующее утро головы тех, кто актом беспримерного предательства так жестоко искупил свои прошлые обиды и ошибки своих сородичей, были выставлены окровавленными рядами на зубчатых стенах. Едва ли был дом среди самых выдающихся жителей города, который не был бы наполнен трауром. Чувство глубокого, но сдерживаемого раздражения охватило общину. Но цель тирана была достигнута; урок террора был преподан; вожди ушли; дух восстания был окончательно подавлен; и прошло много лет, прежде чем Толедо снова охватили беспорядки и насилие, вызванные мятежной демонстрацией.

Примерно в это же время в Мериде возникли серьезные трудности. Эсбах, вали этого города, был, как следует помнить, одновременно двоюродным братом и шурином эмира. По какой-то причине он уволил своего визиря, и последний ложными заявлениями относительно честолюбивых замыслов своего начальника побудил Аль-Хакема лишить его должности и возложить ее на себя. Вали, возмущенный таким несправедливым обвинением, пренебрег королевским указом; народ, который его очень любил, поддержал его дело; и грозное восстание казалось неминуемым, когда прекрасной Кинзе, сестре Аль-Хакема, удалось своими мольбами предотвратить надвигающееся бедствие. Были даны объяснения, разгневанные и отчужденные родственники примирились, и Эсбах был восстановлен в своей власти под поздравления своей жены и одобрительные возгласы народа.

Обычное недоверие к Аль-Хакему, его любовь к военной пышности и знание о непостоянстве и двуличии значительной части его подданных побудили его увеличить численность своей личной охраны до шести тысяч человек. Нетерпение сдерживаемого араба, а также его подозрительная верность исключили его из отборного корпуса, которому была доверена защита жизни государя. Уроки опыта и хорошо признанный принцип деспотизма, который препятствует всякому сочувствию между народом и армией, подсказали призыв иностранцев и неверных. Три тысячи гвардейцев были испанскими христианами, остальные были рабами — эфиопскими и азиатскими пленниками, купленными на рынках восточного Средиземноморья, которых в народе называли немymi из-за их незнания арабского языка. Их вооружение и амуниция были самыми лучшими и дорогими. Их дисциплина была настолько тщательной, насколько могла привить тактика того времени. Две тысячи человек были расквартированы в

обширных казармах, возведенных на южном берегу Гвадалквивира, берега которого постоянно патрулировались часовыми. Остальные, численность которых пополнялась сотнями евнухов и слуг из окружения эмира, были размещены во дворце, оборона которого была скорее характерна для неприступной крепости, чем для обычного жилища государя. Огромная масса людей, и особенно строго ортодоксальные, смотрели на создание этой крупной военной силы, чье существование было молчаливым укором их лояльности и чьи мнения считались идолопоклонническими, со смешанным чувством ненависти, зависти и презрения. Свирепые фанатики и церковные демагоги, чье искусство приобрело для них опасное значение и чье влияние в последние годы было постоянной угрозой правительству, относились к королевской гвардии с чувством особой неприязни. Содержание этого великолепного отряда солдат, расходы на которые намного превышали расходы на обычную дивизию, равную ему по численности, ложилось тяжелым бременем на казну. Чтобы покрыть растущие расходы, была введена новая пошлина на все товары, ввозимые в столицу. Тяготы, связанные с введением этого налога, и неудобства, связанные с его взиманием, наиболее остро ощущались южным пригородом. В этом густонаселенном квартале почти пятую часть жителей составляли преподаватели и студенты богословия. Не только над ними, но и над различными гильдиями купцов, ремесленников и чернорабочих власть нескольких факи, которые сочетали квалификацию религиозных наставников с привилегированными атрибутами святых, была деспотической. Солдат, который отважился в одиночку проникнуть в цитадель этих отчаявшихся фанатиков, сделал это, рискуя своей жизнью. Не было упущено ни одной возможности, при которой гвардейцы эмира могли бы подвергнуться унижению. Сам монарх был не менее непопулярен. Богословская фракция постоянно проводила неблагоприятные сравнения между его скептицизмом и роскошью и суровыми добродетелями его отца, Хишема, чья привязанность к их секте раньше вызывала к ее догмам высочайшее уважение. Недостатки и пороки королевской семьи получали скудное снисхождение со стороны маликитов. Когда с вершины минарета муэдзин провозгласил час публичного богослужения, сотни голосов с улиц, базаров и садов отозвались насмешкой: “Приди на молитву, о Пьяница, приди на молитву!” Опираясь на поддержку и сочувствие своих товарищей, преступники без труда пресекали все попытки их разоблачения. Ни священных собраний мечети, ни моментов, посвященных божественному причастию, когда собрание правоверных благоговейно склонялось перед Киблой, ни перспективы заслуженного наказания не было достаточно, чтобы удержать фанатичных агитаторов, которые гордились своим благочестием и ортодоксальностью, от совершения бесчинств и оскорблений. Они поносили монарха при исполнении им священных обязанностей исполняющего обязанности министра ислама. Они высмеивали его действия и высмеивали его негодование на улицах. Доведенный до крайности, Аль-Хакем приказал арестовать десять лидеров и передать их палачу для распятия. Это краткое разбирательство, отнюдь не успокоившее ажиотаж, только усилило его. Желание отомстить преследователю своих братьев-мучеников было теперь первостепенным соображением, по сравнению с которым распространенность порока, пагубность налогообложения и терпимость к еретикам были вопросами ничтожной важности. Вскоре стало очевидно, что надвигаются серьезные беспорядки.

Самым влиятельным и опасным подстрекателем населения был другой Яхья, наполовину мошенник, наполовину фанатик, чья ученость и бесстыдство принесли ему большую известность как святому и политику. Он был учеником знаменитого Малика Ибн Анаса в Медине и отличался благосклонностью этого оракула ислама. Слава о его святости и экстравагантные

представления о его достижениях и добродетелях, которых придерживались члены его секты, увеличили его репутацию и раздули его гордыню. Теперь его интригующий гений был задействован, чтобы ускорить взрыв.

Это был месяц Рамадан, мусульманский Великий пост, и вспышка болезни была запланирована на последнюю среду, день дурного предзнаменования по мусульманскому календарю. Яхья и его помощники постоянно прилагали усилия, чтобы разжечь страсти населения частными увещеваниями и публичными выступлениями под предлогом религиозного обучения, когда между солдатом и оружейником возникла ссора, которая привела к смерти последнего. В одно мгновение южный пригород был охвачен оружием. Зараза мятежа и мести быстро распространилась по другим недовольным кварталам столицы. Разъяренная толпа обрушилась на цитадель, гнав перед собой разбежавшихся евнухов и дворцовых слуг, а также солдат аванпостов. Напрасно кавалерии было приказано очистить улицы; опытные солдаты эмира были разбиты и в замешательстве отброшены назад. Ворота замка были закрыты и заперты на засовы, и толпа, обезумевшая от бессильной ярости, немедленно приготовилась с помощью огня и тяжелых бревен вломиться внутрь. Серьезный аспект ситуации был полностью оценен обитателями дворца, которые знали, что в случае, если фанатикам удастся проникнуть за стены, в живых не останется ни одного солдата или слуги королевского двора. Аль-Хакем, как и все остальные, сознавал грозящую ему опасность, и ни малейшего признака эмоций не омрачило безмятежного лица. Пока крики толпы разносились по дворам и садам, он приказал своему любимому пажу принести ему бутылку циветты. Изумленный юноша повиновался, и монарх осторожно и обдуманно облил благовониями его волосы и бороду. Любопытство пажа возобладало над его благоразумием, и он поинтересовался причиной этого странного поступка во время такой неминуемой опасности. “О сын неверующего, - ответил эмир, - как может тот, кто хочет отрубить мне голову, отличить мое звание, если не по сладкому запаху, исходящему от моей бороды!”

Закончив приводить себя в порядок, Аль-Хакем приказал капитану стражи немедленно выставить на крепостной стене головы некоторых факиев, которые были заключены в тюрьму со времени предыдущего восстания. Затем, облачившись в полное вооружение, он вызвал своего двоюродного брата Обейдаллу и приказал ему во главе отборного отряда кавалерии прорубить себе путь по улицам и поджечь южный пригород, проницательно рассудив, что внимание повстанцев будет отвлечено, когда они увидят, что их дома объаты пламенем. Событие оправдало его ожидания. Внезапная вылазка Обейдаллы привела толпу в замешательство; они достигли реки и перешли ее вброд; и через несколько мгновений дым, поднимавшийся в двадцати различных местах за Гвадалквивиром, возвестил об успехе военной стратегии. Повстанцы, забыв о вражде к своему государю в заботе о своих семьях и имуществе, в замешательстве бросились через мост. Тогда Аль-Хакем со своей охраной напал на них с тыла, а Обейдаллах, усиленный отрядами из окрестностей, привлеченных известием о восстании, атаковал их с фронта. Охваченные ужасом и неспособные к сопротивлению, несчастные фанатики были убиты тысячами. Триста из тех, кто выделялся своим званием или той ролью, которую они принимали в разжигании беспорядков, были пригвождены головами вниз к столбам на берегу реки. Затем был созван совет, чтобы определить судьбу выживших. Некоторые визири выступали за истребление, но возобладали более мягкие мнения, и было постановлено, что пригород должен быть стерт с лица земли, а жители изгнаны в течение трех дней под страхом распятия. Этот приговор был безжалостно приведен в исполнение; осужденный квартал был предан разграблению, а дома разрушены. Изгнанники, изгнанные из

своей страны, по-разному испытали на себе влияние как хорошей, так и неблагоприятной судьбы. Многие отряды были разграблены разбойниками еще до того, как они достигли границы. Восемь тысяч семей были приглашены Эдрисом стать частью населения нового города Фес, где ни гостеприимство, с которым их приняли, ни последующее процветание не смогли помешать им предаваться вечной вражде со своими соседями, арабами. Большое войско, включавшее пятнадцать тысяч воинов, было доставлено морем в Египет в то время, когда страна с оружием в руках выступала против багдадского халифа. Заключив союз с недовольными, они взяли штурмом Александрию; а затем, провозгласив свою независимость, более двенадцати лет удерживали владение этим великим центром Средиземноморья вопреки всей мощи Аббасидов. Наконец, разбитые войсками Аль-Мансура, они были переселены на Крит, часть которого все еще признавала власть Константинопольского императора. Этот остров они завоевали, а затем основали государство, пиратские экспедиции которого более века были бичом Средиземноморья, пока Крит снова, в 961 году, не был присоединен к владениям Византийской империи. О мусульманской оккупации острова свидетельствует его нынешнее название, которое, являясь искажением арабского khandik, что означает “траншея” или “укрепление”, сохранилось в названии Кандия.

Но в то время как проступки населения, таким образом, карались с неумолимой строгостью, главные преступники, подстрекатели к подстрекательству к мятежу, были удостоены чрезвычайного помилования. Объяснение этой пристрастности следует искать в том факте, что основная масса повстанцев принадлежала к чужой и, несмотря на их фанатичную приверженность ортодоксальной вере, ненавистной касте. Религиозные учителя маликитов, с другой стороны, в значительной степени происходили от курайшитов, и кровные узы и расовые антипатии были более важными соображениями в сознании Аль-Хакема, чем оскорбление его личности или опасность для его короны. Некоторым лидерам, занимавшим видное место во время недавних беспорядков, было разрешено бежать; другие были приговорены к коротким срокам тюремного заключения; многие получили всеобщую амнистию. Главный заговорщик Яхья принадлежал к этому числу, и его таланты или дерзость вскоре снова вернули ему определенную степень королевской благосклонности.

Военные операции, которые годами велись в Восточной Испании из-за амбиций франков, предательства вали и слабой и неустойчивой политики Аль-Хакема, не привели к решительным действиям или устойчивым результатам. Город Тортоса дважды подвергался осаде и дважды с позором покидался армиями Карла Великого. Первая осада была снята после катастрофического поражения, нанесенного франками, которым арабы не воспользовались; вторая была предпринята без надлежащей подготовки и сдана при обстоятельствах, наводящих на мысль о нерешительности и трусости. Военные действия постепенно приобрели характер грабительских экспедиций, а не систематических усилий организованной войны. Крестоносный пыл новых колонистов Готского похода вскоре утих под тиранией их феодальных хозяев, которые присвоили их земли, обложили их налогами и нарушили права, которые были торжественно гарантированы им при условии их верности. Для подавления этих нарастающих беспорядков было призвано правосудие Карла Великого, но удаленность от его двора и высокомерие знати позволили последнему практически аннулировать его эдикты. Прецепты, или *fueros*, адресованные графам Готской марки, и время от времени издаваемые императором, призывающие этих лордов к справедливости и детально определяющие привилегии их иждивенцев, представляют собой одни из самых интересных и примечательных документов средневековой юриспруденции. Последние три года правления Аль-Хакема прошли в мире с

франками в соответствии с перемирием, заключенным между дворами Экс-ла-Шапель и Кордовы.

Военные действия между Астурийским и Мавританским королевствами во время правления Хишема и Аль-Хакема велись энергично, но с постоянно меняющимся успехом. Христиане еще не стали достаточно сильными, чтобы безнаказанно провоцировать власть мусульманских государей. Внимание последних было настолько занято подавлением внутренних беспорядков и безрезультатными попытками противодействовать амбициозным проектам франков, что многие вторжения их соседей-неверных оставались незамеченными. Некоторые экспедиции, вторгшиеся в Астурию, вернулись с триумфом, другие были уничтожены. Набеги христианских князей посеяли смятение в мавританских поселениях Галисии и Лузитании. Иногда они терпели серьезные неудачи, но обычно их исправляли в следующей кампании; и когда сравнивали результаты года, преимущество всегда было на стороне христиан. Они расширили свое влияние и укрепили свою власть, заключив союзы с басками, с владыкой Готского похода, со знаменитым Карлом Великим. Границы их маленькой монархии, когда-то такой незначительной, начали простираться к югу от гор, тех естественных барьеров, за пределы которых они поначалу боялись выходить. Постоянная практика в ведении войны сформировала расу воинов, чей престиж возрастал с их успехом, и чей опыт научил их важности верности, послушания и дисциплины. Их монархи были, по большей части, в высшей степени приспособлены к выполнению тяжелых обязанностей, возложенных на них случайностями рождения и фортуны. Из этих принцев ни один не достиг таких высот в стремлении к миру или военному искусству, как Альфонсо II, прозванный Целомудренным, чей исключительный титул историки по-разному приписывали ошибочному благочестию и конституционному бессилию. Его жизнь была одним долгим крестовым походом против неверных. Всеми средствами дипломатии, каждым проявлением мужества, каждым пожертвованием комфортом и даже независимостью он стремился продвигать интересы того дела, которое отождествлялось с честью христианского имени. Он посылал подарки и оказывал почтение Карлу Великому, чтобы заручиться его помощью; и таким образом, менее чем за столетие со дня своего основания астурийская монархия дважды становилась феодем иностранной державы; при Альфонсо II., чья верность была оказана христианскому королю в отличие от поведения его предшественника Морегато, побочного сына Альфонсо I. и плененного бербера, который признал эмира Кордовы своим сюзереном, и чья зависимость, в дополнение к обычным актам верности, проявлялась в унижительном ежегодном дань ста девственников. Оружие Альфонсо неоднократно переносили за пределы Дору и Тежу. Он взял и разграбил Лиссабон, и без того процветающий город, но его удаленность от его владений и небольшие силы под его командованием вскоре вынудили его отказаться от своей добычи. Его отчаянная доблесть и превосходство в партизанской войне сводили на нет все попытки мусульман обосноваться на постоянной основе в его владениях. Среди волнений своих кампаний он находил время возводить церкви, благоустраивать монастыри, расширять и украшать Овьедо, столицу своей маленькой монархии. Духовенство получало щедрую поддержку и покровительство от его набожности. Именно в этот период изобретение абсурдной легенды оказало влияние на политические и религиозные судьбы Испании, чего не ожидали беспринципные церковники, которые ее обнародовали. В малонаселенной части дикой местности Галисии таинственный свет небесного сияния, наблюдаемый ангелом, открыл место захоронения и тело святого апостола Иакова. Епископ Ирии, которому потомки обязаны открытием этого бесценного сокровища, без промедления сообщил о чуде своему государю; и на священном месте была воздвигнута часовня, которая со

временем превратилась в великолепный храм и место паломничества тысяч верующих и любопытствующих из всех стран Европы. Вокруг церкви вырос город, который, благодаря переводу епископства Ирия, сразу приобрел величайшее значение, и его жители извлекли выгоду из торговли паломников, поскольку святыня обогатилась пожертвованиями, вызванными их благочестием и благодарностью. Простые астурийцы никогда не подвергали сомнению правдивость или даже правдоподобность легенды; духовенство, которое поддерживало доверие к вымыслу всеми способами запугивания и обмана, неуклонно росло в уважении и богатстве, в то время как чудеса, ежедневно совершаемые драгоценной реликвией, подтверждали ее священный характер, — реликвия, которая по своим чудесным свойствам превосходила чудесные сувениры мучеников, спасенных от безвестности и разложения в римских катакомбах. Таково было происхождение города и кафедрального собора Сантьяго-де-Компостелла, основание которого внесло столь существенный вклад в расширение кастильской империи и торжество христианской религии. Здесь впервые появился зародыш того энтузиазма — отчасти военного, отчасти монашеского, — который побудил к основанию многочисленных рыцарских орденов и достиг кульминации в катастрофических экспедициях по восстановлению Гроба Господня. Уединенная обстановка и примитивное окружение святилища, соответствующие скромному происхождению Святого и его миссии, укрепили веру народа в его подлинность и святость. Тот факт, что реликвии были поддельными, а их открытие — выдумкой, был совершенно безразличен до тех пор, пока благоговейная доверчивость масс оставалась непоколебимой. Надежда на спасение, религиозные устремления набожных людей, повышение престижа иерархии — все это было сосредоточено в воображаемой гробнице Апостола. Явление Святого на его белом коне в критические моменты битвы пробудило неуверенное мужество кавалеров Креста на многих сомнительных полях сражений, и можно с уверенностью утверждать, что ни политика мудрейших государственных деятелей, ни победы самых опытных полководцев любого царствования не принесли большей славы испанскому оружию, чем выдумка нелепой легенды безвестным прелатом в диком и почти неизвестном регионе Галисии.

Неизменный успех пиратских походов сарацин, начатых при правлении эмиров и продолженных Оммеядами, сулил предприимчивому искателю славы и богатства более надежную и менее опасную карьеру, чем профессия военного. Мавританские корсары сеяли ужас в гаванях и вдоль побережья Средиземного моря. Они окончательно подчинили себе Балеарские острова. Они разграбили Корсику, основали временное поселение на Сардинии и угрожали окрестностям самых богатых морских портов Италии. Но увлечение, связанное с безрассудной профессией пирата, было более свойственно духу арабов, чем медленные и не столь блестящие результаты, которые должны были быть достигнуты в результате поддержания организованной морской мощи, и мусульманские князья, кажется, никогда серьезно не рассматривали возможность строительства военно-морского флота, который мог бы при сравнительно небольших усилиях или расходах приобрести для них бесспорное господство на морях.

Последние годы Аль-Хакема прошли в уединении гарема, где, развлекаемый обществом красавиц своего сераля, среди волнений невоздержанности и всевозможного разврата, он пытался забыть зловещие события своей неоднородной карьеры и многочисленные акты жестокости, которые отомстили за преступления и ошибки тех, кому посчастливилось навлечь на себя его гнев. Главной максимой его политики всегда было то, что мягкость была синонимом трусости и что народом должен управлять только меч. Принятию и претворению в жизнь этого

принципа следует приписать частые массовые убийства и казни в период его правления. Он был первым мавританским монархом Испании, создавшим постоянную армию, представляющую угрозу народной свободе и незаменимую поддержку деспотизма. Безопасность и здоровье его солдат были обеспечены возведением удобных казарм; сбором провизии и военных запасов в обширных складах и арсеналах; введением системы совершенной и строгой дисциплины. Его стражники, состоявшие из рабов, чуждых народу и преданных своему хозяину, были прототипами янычар и мамлюков, чья гордыня и неподчинение долгое время впоследствии приводили к подобным бедствиям монархии Турции и Египта. Душевный склад Аль-Хакема был изуродован пороком, не свойственным натурам людей, чья храбрость никогда не ослабевала, — ненасытной жаждой крови. Не проходило и дня, чтобы тиран, долгое время невидимый для своих подданных, не отдавал приказа доставить какого-нибудь несчастного к палачу. В конце концов угрызения совести и длительная невоздержанность довели эмира до состояния, граничащего с безумием. Подавленный воспоминаниями о своих преступлениях, преследуемый стонами и проклятиями своих умирающих жертв, он стал жертвой ужасных галлюцинаций, порождений расстройства мозга. Посреди ночи он сотрясал дворец своими криками боли. Малейшая задержка или противодействие приводили его в ярость. Он поспешно поднял своих сонных советников с постелей, словно для обсуждения дел величайшей важности, и, как только они собрались, без церемоний отпустил их. В полночь он произвел смотр своей страже. Темные часы обычно коротали женщины гарема, которые старались развлечь своего капризного хозяина музыкой, песнями и похотливыми танцами. В течение четырех лет Аль-Хакем пребывал в этом плачевном состоянии, пока мучительная и долгая смерть не принесла облегчение. Его характер не был лишен многих атрибутов величия. Он был храбр, великодушен, проницателен, постоянен в дружбе, непримиримый враг лицемерия, желанный спутник философов и поэтов. Быстрый в действиях и решительный в битве, его нерешительность в критические моменты, тем не менее, стоила ему важной части его владений. Его двадцатishестилетнее правление было наполнено волнующими событиями - событиями, которые слишком ясно указывают на тенденцию сарацинской империи к упадку, которая, лишенная всего, что составляет единство и постоянство государства, и подверженная постоянным беспорядкам, была спасена от стремительного разрушения только государственной мудростью и военными талантами своих государей.

ГЛАВА X

ПРАВЛЕНИЕ АБД-АР-РАХМАНА II.; ПРАВЛЕНИЕ МУХАММЕДА 822-886

Восшествие на престол Абд-ар-Рахмана II.—Дезертирство Абдаллы—Вторжение в Готский поход—Посольство от греческого императора—Восстание в Мериде—Мятеж в Толедо—Вторжение норманнов—Преследование христиан—Смерть Абд-ар-Рахмана—Его любовь к помпезности—Его добродетели—Его Покровительство искусству и литературе—Зирьяб—Его разносторонность—Заговор Таруба—Хитрость Мухаммеда—Его фанатизм—Толедо снова восстает—Восстание Бени—Каси—Война с Астурией -Восстание Ибн—Мервана—Серрания де

Ронда-Ибн—Хафсун, его происхождение и подвиги—Смерть и характер Мухаммеда-Начинающийся упадок мусульманской державы.

В зрелом возрасте тридцати одного года, наделенный всеми талантами, которые способствуют политическому успеху и интеллектуальному возвышению, привыкший в течение многих лет к сложным деталям гражданских дел, а также к руководству важными военными операциями и командованию армиями, Абд-ар-Рахман II вззошел на трон эмирата. Красивое лицо и обаятельное обращение немало способствовали повышению общего уважения, которое вызывали его деловые способности и большие заслуги перед государством. Показатель его популярности можно обнаружить в почетных титулах, присвоенных ему восхищением и любовью его подданных. В юности он был известен как Аль-Модхaffer, Победоносный, а его благожелательность и щедрость задолго до его восшествия на престол приобрели для него многозначительное прозвище “Отец бедных”. Физические и умственные недостатки Аль-Хакема за годы до его смерти побудили его отказаться от государственных забот и практически передать своему сыну и преемнику всю власть, обязанности и ответственность, связанные с суверенитетом.

Внутренние раздоры, которые казались необходимым событием при вступлении в должность каждого принца Оммеядов, были нежелательны для Абд-ар-Рахмана. Его двоюродный дед Абдаллах, в груди которого, несмотря на преклонный возраст, все еще пылал огонь честолюбия, покинул свой дом в Танжере в сопровождении значительной группы друзей и слуг, высадился в Андалусии и провозгласил себя эмиром в силу своего родства с основателем династии. Свою перспективу на успех он считал более определенной из-за должностей, занимаемых тремя его сыновьями, которые пользовались доверием и разделяли благосклонность Аль-Хакема и которые теперь осуществляли самые важные командования в дар монарху.

Вскоре выяснилось, что оптимистичные надежды достойного Абдаллы оказались несостоятельными. Не успел он высадиться, как, атакованный кавалерией Абд-ар-Рахмана, его войска были обращены в бегство, и, отброшенный от пункта к пункту, он в конце концов был вынужден укрыться в Валенсии. Его сыновья, столь далекие от сочувствия к его устремлениям, делали все, что было в их силах, чтобы помешать им, и личными призывами к его интересам и привязанности убеждали его отказаться от своего предательского предприятия. Убежденный их мольбами, которым существенно способствовало своевременное появление неблагоприятного предзнаменования — предзнаменования, на которое никогда не оставались без внимания суеверные жители Востока, — он неохотно согласился отказаться от своих притязаний на корону и присягнуть на верность своему племяннику. Была назначена встреча; сыновья привели Абдаллу к эмиру, и последний, обняв его, не только простил его проступок, но и передал ему управление Мурсией, где он жил в мире до своей смерти.

Замешательство Абд-ар-Рахмана, который в момент своего восшествия на престол оказался лицом к лицу с восстанием, последствия которого грозили быть серьезными, не ускользнуло от его предприимчивых соседей из Готического похода. Они собрали многочисленную армию, разорили мавританскую территорию на севере до левого берега Сегре и вернулись, не встретив никакого сопротивления, нагруженные военными трофеями. Этой экспедицией командовал Бернар, граф Барселонский, сын знаменитого Вильгельма Тулузского, которому Людовик пожаловал феод; бывший сюзерен Бера был обвинен в государственной измене и осужден

путем заключения пари на битву, согласно военным обычаям того времени. Замена иностранца коренным готом, чье стремление к независимости было скорее благосклонностью, чем упреком в глазах его подданных, которые, по большей части испанского происхождения, лелеяли традиции и тешили приятную, но обманчивую надежду на окончательное восстановление организации и могущества древней вестготской империи, была политическим ходом, который плохо предвещал успех или вечность франкского господства.

Абд-ар-Рахман, осознавая политическую необходимость проведения демонстрации для противодействия последствиям вторжений, к которым привело его беспомощное положение, и не отказываясь от желания начать свое правление блестящим военным подвигом, приготовился вторгнуться в Готский поход с армией, уже собранной для подавления восстания, спровоцированного Абдаллой. Авангард под командованием вали Абд-аль-Керима, приближавшийся из Валенсии, встретил христиан недалеко от Барселоны и после короткого, но ожесточенного сражения загнал их за ворота. Вскоре после этого прибыл эмир с основными силами, и город был осажден. Ряд решительных попыток овладеть им путем эскалации потерпели неудачу, а силы Абд-ар-Рахмана оказались недостаточными для поддержания тщательной блокады, поэтому укрепления были в конце концов оставлены; и мусульманской армии, хлынувшей по стране, за несколько месяцев удалось занять всю территорию, подвластную графу Барселонскому. Христиане, получавшие отпор в каждом столкновении, в смятении и растерянности стремились к самым неприступным высотам и ущельям гор. Замки были взяты штурмом, а их гарнизоны перебиты. Чувство ужаса охватило население, среди которого были многие из самых опытных воинов Франкской империи, которые, привлеченные княжескими пожалованиями, предоставленными колонистам, и перспективой жизни, полной волнений и приключений, утвердились в Готском походе. Но мусульманская экспедиция, хотя и принесла столь успешные результаты, не была выше достоинства набега. Не было предпринято никаких попыток создать постоянную оккупацию. Столица, которая одна сохранила свою независимость и которая, лишенная всякой надежды на облегчение, не смогла бы устоять при повторном нападении, не была вынуждена снова подвергаться ужасам осады. Довольный достигнутыми преимуществами и совершенной местью, Абд-ар-Рахман с триумфом вернулся в Кордову, куда он вступил под аплодисменты и поздравления народа.

Ухудшающееся положение Византийской империи, чей государь Михаил Заика оказался не в состоянии справиться со своим грозным противником Аль-Мамуном, халифом Багдада, побудило его на второй год правления Абд-ар-Рахмана отправить посольство в Кордову для заключения союза с султаном Оммеядов, слава о династии которого уже достигла крайних пределов Востока. Посланцы императора Константинополя были приняты со всеми признаками отличия. Огромное множество людей присутствовало при их въезде в столицу. Они были поселены в королевском дворце, и по случаю их приема эмиром была продемонстрирована вся пышность самого великолепного и роскошного двора в Европе. Великолепие подарков, которые они привезли, — среди которых упоминаются несколько прекрасных лошадей, украшенных золотой и серебряной попонами, — вызвало изумление толпы, поскольку подобных сокровищ никогда прежде не видели в Испании. Коварные греки предлагали заманчивую перспективу завоевания, сопровождавшуюся переброской войск и военного снаряжения для возвращения утраченного наследства Оммеядов в Сирии; но шаткое положение эмира, едва способного поддерживать свою власть вопреки заговорам своих недовольных подданных, не позволяло в настоящее время заключать наступательный союз с монархом Востока, и послы были отправлены со множеством комплиментов и неопределенными и условными заверениями в

поддержке в будущем. Специальный посланник эмира Яхья аль-Газзали, названный так за его необычайное обаяние личности и манер, и в равной степени известный как поэт и дипломат, сопровождал их, получив благодарность Абд-ар-Рахмана и поручение преподнести императору несколько ятаганов и безделушек тончайшей работы, которые смогли изготовить ремесленники полуострова.

В том же году посол совершенно иного характера, представляющий державу, численно уступающую самому маленькому городу, признающему суверенитет императора Востока, но чье географическое положение придавало его успехам особое и весомое значение, посетил Кордову с аналогичным поручением. Недавно организованное герцогство Наваррское, удел Франкской империи, стало беспокойным из-за поборов своего сюзерена. Привыкшие к величайшей личной свободе, горцы с трудом переносили требования безответственной тирании, которую им незаметно навязали пример их соседей и обманчивая претензия на общественную выгоду. Узы общей религиозной веры, объединявшие их с франками, были лишь слабыми по сравнению с глубоко укоренившимся национальным предрассудком, который во многом способствовал утверждению превосходства вассалами Карла Великого и Людовика и который заставил относиться к последним с гораздо большей степенью презрения, чем к мусульманам, естественным врагам их страны и их веры.

Посланник из Наварры, чьи грубоватые манеры представляли разительный контраст с придворным изяществом византийской знати, был принят мавританским монархом если и не с изысканной церемонией, то с учтивостью и королевским гостеприимством. Был заключен мирный договор, гарантировавший горцам помощь правительства Кордовы, и мусульманам был предоставлен свободный проход для любой экспедиции, цель которой лежала за пределами Пиренеев. Последствия разумной политики, которая диктовала этот союз, вскоре стали очевидны. Несколько месяцев спустя огромная армия под командованием графов Эблуса и Асенария, иждивенцев короля Аквитании, пересекла съерру и вторглась в Испанию. Город Пампелуна был взят, и после нескольких беспорядочных операций, не принесших ни прибыли, ни славы, франки отступили в мнимой безопасности. Ущелье Ронсеваль вновь стало ареной страшной катастрофы; захватчики, окруженные полчищами горцев и арабов, были изрублены на куски, а пленные разделены между союзниками, причем двое графов были среди тех, кто пережил позор некомпетентности и поражения. Этот военный успех пришелся одновременно с утверждением независимости и политической организации княжества Наваррского, которые сохранялись впоследствии, за исключением нескольких лет номинального подчинения короне Астурии до ее окончательного включения во владения Франции и Испании.

Катастрофа при Ронсевалле побудила мавров с большей активностью проводить операции против христиан, которым нестабильное положение дел на востоке и юге полуострова долгое время позволяло покоиться с миром. Три последовательные экспедиции, всеми из которых командовал Обейдаллах Ибн Абдаллах, были отправлены для вторжения во вражескую страну, но кампании не отличались какими-либо важными действиями, и решительность и хорошо известная свирепость горцев, по-видимому, преуспели в том, чтобы помешать мусульманам нанести какой-либо серьезный ущерб вражеской территории.

Обширная система общественных работ, введенная Абд-ар-Рахманом, блеск его двора и расточительная щедрость, с которой он награждал своих фаворитов, влекли за собой огромные расходы администрации и требовали нового и непосильного бремени налогов для

удовлетворения постоянно растущих потребностей казны. Власти, невзирая на опыт прежних царствований, усилили общественное недовольство, взимая основную часть налогов с предметов повседневного потребления. Иудейские и христианские данники, которые наиболее сурово ощущали эти поборы, громко протестовали, и вскоре мусульманское население различных городов присоединилось к растущим протестам против произвольных мер, вызванных беспрецедентной расточительностью двора. Недовольство было наиболее выражено в Мериде, и после того, как духовенство этого города устно или по переписке сообщило об этом своим собратьям при дворе Людовика, франкский монарх решил воспользоваться этой информацией для осуществления своих собственных замыслов и для приведения в замешательство своих соседей-неверных. Поэтому он обратился с письмом к жителям Мерида, выражая им большое сочувствие в связи с действиями правительства, призывая их реализовать свои права и восстановить свои свободы и обещая, что в случае, если они устроят открытую демонстрацию, чтобы уладить свои претензии, он отправится на их поддержку через Пиренеи. Искренность Людовика, сделавшего это предложение, вполне может быть поставлена под сомнение. Было ли его предложение сделано добросовестно, не имеет большого значения, поскольку его внимание было немедленно отвлечено от иностранных интриг серьезными беспорядками в его собственных владениях. Высокопоставленный готский офицер по имени Айзон, навлекший на себя неудовольствие своего государя, бежал от двора Экс-ла-Шапель и, примкнув к готскому походу, объявил о своей вражде франкам, и особенно графу Барселонскому. Благодаря влиянию своего имени и национальности, обычному непостоянству неугомонных авантюристов, составлявших население приграничья, и общему предубеждению, существовавшему против господства франков, он вскоре оказался во главе могущественной группировки. Предательски захватив крепость Аусона и разрушив город Росас, пытавшийся оказать ему сопротивление, он послал своего брата в Кордову с просьбой о помощи, сопровождаемой заверением, что недовольство таково, что дает основание надеяться на легкое восстановление страны мусульманами. Апелляция Айзона не осталась без внимания. Был собран значительный отряд войск под командованием ветерана Обейдаллы; партия недовольных с каждым днем увеличивалась численностью и влиянием, и вскоре граф Барселоны оказался лишенным власти над всеми своими владениями, за исключением Хероны и города, от которого он получил свой титул.

Людовик, который в то время находился в Германии, занятый урегулированием ссоры между двумя вождями, неукротимый дух которых угрожал миру в империи, не имел ни времени, ни доступных ресурсов, чтобы подавить вооруженным путем восстание, каким бы опасным оно ни было, на другой окончности своих владений. Но то, чего он не мог добиться военной силой, он решил попытаться путем переговоров, и соответственно были назначены три уполномоченных, чтобы убедить колонистов Готического похода вернуться к своей верности.

Посольство, состоящее из священника и двух дворян, получило, как и следовало ожидать, незначительное внимание в эпоху, когда искусство поддержания мира пользовалось дурной славой, а пальма первенства в народе отдавалась воинскому героизму, и посланники ничего не добились. Однако им удалось широко распространить сообщение о том, что армия франков собирается вторгнуться в страну, и этот слух настолько встревожил Айзона и его последователей, что в Кордову было отправлено второе обращение, и части телохранителей эмира было приказано без промедления усилить союзников мусульман. Прибыла армия франков, но враг отступил в Сарагосу, либо опасаясь столкновения с отважными воинами Севера, либо не желая подвергаться риску быть вынужденным расстаться с ценной добычей,

которую он так легко заполучил. Подозрительное поведение генералов франкской армии, позволивших мусульманам отступить, не подвергаясь нападкам, навлекло на них упрек в предательстве, обвинение, которое на следующий год было поддержано Национальным советом настолько, что виновные были лишены командования.

Абд-ар-Рахман планировал вторжение во Францию, и приготовления были завершены; передовой отряд под командованием Абд-ар-Руфа, который занимал должность визиря при Аль—Хакеме, был уже на пути к Пиренеям, а сам эмир собирался отбыть с основными силами армии, когда до него дошла неприятная весть о восстании в Мериде.

Непопулярная система налогообложения, о которой уже говорилось, усугубленная жестоким поведением должностных лиц, отвечавших за ее соблюдение, почти приняла характер преследования, в то время как общественное сознание было взбудоражено правдоподобными представителями демагогов и обмануто надеждой на защиту и поощрение со стороны могущественных вассалов императора. Зачинщиком заговора был некий Мухаммед Ибн-Абд-аль-Джебир, ранее занимавшийся сбором налогов. Губернатор Ибн-Масфет спасся поспешным бегством. Дома визирей были разграблены, а их владельцы казнены или изгнаны из города. Мухаммед назначил себя вали, захватил склады и арсеналы и, разделив их содержимое между жителями без различия вероисповедания, в благодарность за этот акт великодушия обратился к населению с просьбой утвердить его узурпированную власть. Решимость повстанцев, подкрепленная знанием своих ресурсов и неприступного характера их обороны, была подкреплена прибытием свирепых авантюристов, которых во множестве привлекала перспектива восстания и грабежа. Гарнизон увеличивался, пока не достиг сорока тысяч человек. Ни одно восстание местного характера никогда не представляло столь угрожающего фронта для могущества эмирата. Случай потребовал принятия самых быстрых и энергичных мер. Командование Абд-ар-Руфа было спешно отозвано, и этому офицеру было поручено руководство осадой. Закаленный ветеран продолжал свои операции так, как он делал бы это во вражеской стране. Красивые виллы и сады, окружавшие город, были сожжены и опустошены. Растущие посевы были вырублены. Велись приготовления к взятию города штурмом, что неизбежно повлекло бы за собой уничтожение огромного количества имущества и массовую резню, в которой невинные должны были пострадать наравне с виновными. Абд-ар-Рахман, не желая проявлять жестокость, которая угрожала ослабить один из величайших городов королевства, и зная, что неравная борьба не может продолжаться долго, приказал Абд-ар-Руфу уничтожить это место голодом. Соответственно, была установлена строгая блокада. Негодяи-солдаты гарнизона, запертые в стенах, обреченные на бездействие и страдания из-за нехватки провизии, потворствовали своим хищническим наклонностям, грабя горожан и жестоко обращаясь с ними. Лучший класс населения, который был склонен поддержать восстание в надежде добиться отмены репрессивных эдиктов, слишком поздно увидел, что он променял условия сравнительной безопасности и процветания на анархию и безответственный деспотизм вооруженных бандитов. Движение за сдачу города осаждающим было тихо начато некоторыми верноподданными эмира, которые были вынуждены вступить под знамена повстанцев. Была установлена связь с Абд-ар-Руфом. Воспользовавшись ночной темнотой, был допущен сильный отряд; стены были взяты, вооруженная толпа была обращена в бегство, предводители бежали в общей суматохе, и на рассвете власть Абд-ар-Рахмана снова установилась над городом Мерида. Соппротивление было незначительным из-за внезапности, и все же семьсот мятежников поплатились за измену. Опасения народа вскоре развеялись после объявления всеобщей амнистии, поскольку мягкий нрав Абд-ар-Рахмана взбунтовал при мысли

о примерном наказании за мятеж, которое, как показали последующие события, оправдало бы самое кровавое возмездие.

Едва был восстановлен порядок в Мериде, как стало известно, что зараза восстания снова распространилась на Толедо. Отступник по имени Хашим, который долгое время втайне вынашивал планы мести за преследования, которым подверглась его семья при Аль-Хакеме, воспользовавшись каким-то пустяковым поводом для народного недовольства, поднял знамя восстания. Поскольку вали отсутствовал, толпа, которая с готовностью приветствовала любой повод выступить против властей, без особых проблем изгнала гарнизон и приверженцев эмира. Хашим, успех которого превзошел все ожидания, как только его партизаны были организованы, распространил свои операции на прилегающую страну. Его сторонники ежедневно получали подкрепления от разбойников, наводнивших горные районы, и от бродячего населения, всегда готового к грабежу, которое кишело в окрестностях больших городов. Мухаммед Ибн Васим, вали границы, атаковав повстанцев, потерпел поражение в нескольких сражениях; ликуя обещаниям своих граждан, Толедо оказал успешное сопротивление всем ресурсам эмирата, и Оммея, сын Абд-ар-Рахмана, был вынужден с позором удалиться от его стен. В конце концов армия Хашима попала в засаду, спланированную офицером, командовавшим войсками, дислоцированными в Калатраве, толедцы потерпели поражение с большими потерями, и вскоре после этого город был взят штурмом. Сведения о судьбе Хашима разнятся, но из самых надежных источников следует, что он попал в руки войск эмира и был обезглавлен без всяких церемоний. О неспособности правительства Кордовы справиться со своими внутренними врагами можно судить по продолжительности этого восстания, важность которого, должно быть, вызвала самые энергичные попытки подавить его, поскольку в течение восьми лет Толедо пользовался абсолютной независимостью в сердце враждебной монархии. Этот иммунитет был в какой-то степени обусловлен вторым восстанием, вспыхнувшим в Мериде, когда престиж победивших толедцев был на пике. Мухаммед, бежавший в Лиссабон, когда город был взят, неожиданно вернулся; снова призвав население к оружию, он, как и прежде, разделил содержимое журналов и, созвав своих разбойников, возобновил сцены распушенности и беспорядков, которые ранее привели к его изгнанию. Абд-ар-Рахман, извещенный об этом новом бедствии, собрал армию в сорок тысяч человек, командование которой он принял лично, и, прибыв в город, предпринял несколько безуспешных попыток взять его штурмом. Стены, однако, были слишком прочными и слишком хорошо защищенными, чтобы их можно было взобраться, и осаждающим пришлось прибегнуть к более сложной операции - минированию, чтобы пробить брешь. Когда все было готово, эмир обратился к войскам с речью, напомнив им, что их противники такие же мусульмане, как и они сами, и призвал их избегать любого насилия, за исключением тех, кто оказывает сопротивление. В качестве последнего средства, чтобы предотвратить кровопролитие и плачевные последствия штурма, Абд-ар-Рахман приказал пустить по стенам стрелы, к которым были прикреплены свитки. Эти свитки содержали информацию о том, что стены были подорваны, что готовилось нападение и что жителям будет объявлена амнистия после капитуляции их лидеров. Некоторые из этих прокламаций попали в руки руководителей восстания; они испугались, и, не теряя времени, предприняли бегство, которое им легко удалось либо по небрежности, либо при попустительстве осаждающих. Ущерб, причиненный осадой, был устранен; укрепления укреплены; нужды бедняков, страдавших от голода, восполнены; и Мерида, во второй раз испытав необычайное милосердие своего государя, вернулась к своей сомнительной верности.

К счастью для сарацин, волнения, вызванные по всей франкской империи восстанием сыновей Людовика, помешали христианам воспользоваться несчастьями своих врагов, поскольку они сами были обеспокоены восстанием крупных столиц и растущим недовольством народа.

После того, как беспорядки были подавлены и в стране, по-видимому, воцарился мир, благочестивый и амбициозный дух Абд-ар-Рахмана, движимый мотивами, которые он вынашивал со дня своего восшествия на престол, побудил его проводить традиционную политику ислама и начать кампанию против неверных. Были отправлены экспедиции в Галицию и Готский поход, которые в целом были успешными, но продемонстрировали лишь печальные и преходящие последствия грабительской войны, несмотря на рассказы монашеских хронистов, чья любовь ко всему чудесному украсила их страницы рассказами о великих победах и чудесных событиях, описанных со всей обстоятельностью, которая нередко характеризует эти повествования. Флот эмирата, у которого не было соперника на Средиземном море, сотрудничал с его армиями и, высадив отряд на побережье Франции, захватил страну и разграбил пригороды Марселя.

Военная предприимчивость и растущее высокомерие Багдадского халифата, который лишил Византийскую империю ее владений в Малой Азии и часто угрожал самому Константинополю, побудили императора Феофила последовать примеру своего предшественника и обратиться за помощью к Испанскому эмирату, могущество которого приобрело большую репутацию на Востоке, чем это было оправдано ни характером его населения, ни стабильностью его гражданских институтов, ни масштабом его военных ресурсов. Результат этого посольства соответствовал результату того, которое было отправлено Михаилом Заикой. Послы были приняты и отпущены с почестями; два государя обменялись дорогими подарками; и Абд-ар-Рахман дал самые лестные обещания помощи в расчете на безопасность своих собственных владений, выполнению которых, однако, препятствовали непрекращающиеся волнения внутренних врагов и опасения иностранного вторжения. Мерам византийского двора противодействовали политические интриги Аббасидов, которые поддерживали тесный союз с франками; щедро одаривали полуварварских монархов Рейна диковинками и предметами роскоши Востока; и в договорах со своими христианскими союзниками Оммеяды были заклеены как раскольники, богохульники и предатели, объекты отвращения ортодоксальных мусульман и не заслуживающие никакого уважения со стороны противника.

Надежды греков на помощь, прежде достаточно бесперспективные, теперь оказались совершенно напрасными из-за появления незнакомого и ужасного врага, который подобно разрушительной буре обрушился на побережье Лузитании. Норманны, ветвь германской расы, происхождение которой было идентично происхождению франков, но которые питали к последним самую бескомпромиссную враждебность из-за их обращения в христианство, в течение полувека наводили ужас на приморские страны Северной Европы. Населяя суровые и негостеприимные побережья Скандинавии, инстинкт и необходимость рано научили их науке мореплавания, а опыт показал, с какой легкостью можно отнять богатейшую добычу у менее воинственных народов Юга. Их лодки были самого грубого типа, небольших размеров, построены из ивняка и шкур, приводились в движение веслами и парусами из шкур, но такова была отвага этих моряков, что они без колебаний сталкивались на своих хрупких суденышках в самые суровые сезоны со штормами Ла-Манша и Бискайского залива. Они уже совершили свои ужасные набеги далеко в самые доступные провинции Англии и Франции. Стремительность их движений, устрашающий вид и свирепость их манер придавали их вторжениям характер

посещения воплощенных демонов. Приверженцы дикого Водена, тевтонского бога войны, они казались совершенно лишенными атрибутов человечности и милосердия. Более безжалостные, чем другие варвары, они не получали снисхождения ни к возрастным недостаткам, ни к сексуальной беспомощности. Женщин, детей и стариков убивали с той же безжалостной враждебностью, что и искалеченных воинов на поле боя. Пленных они не брали. Все животные, с которыми они сталкивались, были убиты. Их жестокая натура проявлялась даже в их развлечениях; и среди пьяных оргий на их празднествах их богам посвящались бокалы медовухи, выпитой из черепов убитых врагов. Их высокий рост и гигантская сила; их авантурный дух, который перенес их через моря, куда опытные моряки едва осмеливались отваживаться; их мужество, которое вдохновляло их бороться с десятикратным превосходством, в совокупности усилили ужас, вызванный их внезапным появлением и таинственным происхождением. Они наводнили берега Англии в последние годы предыдущего столетия. Воодушевленные успехом и соблазненные перспективой добычи, их экспедиции встревожили провинции Западной Франции во время правления Карла Великого и опустошили регион, где их потомкам было суждено основать княжество, которому они дали свое имя, и с судьбой которого в последующие времена были в немалой степени связаны социальная организация, законы, слава и несчастья народа Великобритании. Сначала они высадились на побережье Астурии, откуда вскоре удалились, побуждаемые к этому шагу скорее бедностью страны, которая не давала повода для их алчности, чем какими-либо опасениями перед хорошо известной доблестью ее защитников. Вскоре после этого флот из пятидесяти четырех нормандских судов обрушился на берега Лузитании. Окрестности Лиссабона в полной мере ощутили на себе разрушительные инстинкты этих врагов человечества. Изгнанные восстанием местного населения, они обогнули полуостров; распространили свои набеги до побережья Африки; разграбили Кадис и, наконец, вошли в Гвадалквивир. Поднявшись вверх по течению, они заняли и разграбили пригороды Севильи, жители которых бежали при первом известии об их приближении. В своих столкновениях с войсками Абд-ар-Рахмана пираты почти во всех случаях имели решительное преимущество; но когда до них дошли вести о том, что флот из пятнадцати судов при поддержке мощной армии готовится перехватить их отступление, они поспешно подняли паруса и совершили побег с незначительными потерями. Легкость, с которой эти свирепые авантюристы проникли в его владения, и ущерб, нанесенный их безжалостной враждебностью, убедили эмира в необходимости увеличения его военно-морской мощи, единственного эффективного средства защиты уязвимых точек его королевства и предотвращения повторения подобного бедствия. Соответственно, на верфях Средиземного моря были построены суда; через равные промежутки времени были возведены сторожевые вышки; была установлена система сигналов и постов; и береговая оборона в каждом военном округе была передана в ведение опытного офицера, с командованием которого военно-морским силам было поручено сотрудничать. Мудрость этих мер предосторожности вскоре была продемонстрирована, и норманны, предупрежденные о грозных приготовлениях повсюду, готовых воспрепятствовать их высадке, перестали всерьез приставать к берегам полуострова.

При разделе огромной и громоздкой империи Карла Великого, которая едва сохранила свои первоначальные границы до второго поколения, Франция и Готский поход достались на долю Карла Лысого, старшего сына слабого и любезного Людовика. Раздор, возникший между франкскими и готскими претендентами на власть в феоде, который предусмотрительный император основал за Пиренеями, становился все более ожесточенным с течением времени и причинением взаимного ущерба. Интриги графа Бернара, бывшего камергера при дворе Экс-

ла-Шапель, который представлял национальную партию против франкской узурпации, были в основном ответственны за проявление независимого духа, который нередко игнорировал права иностранного сюзерена и даже поддерживал дружеские отношения с неверными Кордовы. Карл, зная о бесстрашном характере своего тайного врага, популярность которого делала его еще более опасным, привлек его к себе льстивыми обещаниями благосклонности и продвижения по службе; и когда ничего не подозревающая жертва преклонила колено перед своим господином, последний ударил его ножом собственной рукой. Чудовищность содеянного усугублялась ужасным подозрением в отцеубийстве, поскольку общественное мнение, основанное на его прежней близости с императрицей Юдифью, долгое время приписывало графу Бернару отцовство франкского государя.

Этот акт вероломства, столь далекий от того, чтобы умиротворить недовольство, охватившее беспокойное общество Готического марша, в значительной степени способствовал его поощрению. Население, а также дворяне, чьи мнения изменились и которые теперь считали Бернара защитником их свобод, а не нарушителем, были совершенно взбешены. Страна стала жертвой анархии, где господствовало правление сильнейших. Эта благоприятная возможность, которой, возможно, способствовали предложения сторонников правительства Кордовы и отдельных лиц, пострадавших от алчности феодалов, вызвала новое вторжение сарацин. Земля снова была опустошена. Барселона была передана войскам эмира при попустительстве евреев, чья торговля серьезно пострадала из-за бесконечных споров и междоусобиц, которые прервали зарубежные коммуникации и поколебали доверие общественности. Однако мусульманская оккупация Готского похода, как и других предшествовавших ему, была лишь временной. Вали приграничных городов, по сути дела, были связаны самыми тесными узами интересов с графами Барселоны, и поэтому пресекали любые попытки эмиров вернуть готскую территорию, поскольку они имели тенденцию в конечном итоге ограничить их привилегии и уменьшить их власть. Существование иностранного государства в границах эмирата, к которому можно было немедленно обратиться за поддержкой в случае попытки суда Кордовы усилить свою власть, было практической гарантией независимости.

Последние годы правления Абд-ар-Рахмана были омрачены преследованиями христиан, спровоцированными упорством и самонадеянностью агрессивных фанатиков, которые нарушали законы, оскверняли мечети и оскорбляли память Мухаммеда безумным желанием прославиться и принять мученическую смерть. Самые суровые наказания, равно как и самое благородное милосердие, в равной степени не смогли подавить это новое и усиливающееся расстройство. Характер эмира, всегда испытывавшего отвращение к жестокости, не решался применить наказания, которых настоятельно требовали оскорбленные чувства всех истинно верующих. Глубоко потрясенный бедами, которые обрушились на его королевство и бросили тень на его семейную жизнь, его здоровье пошатнулось, и он внезапно скончался от апоплексического удара в 822 году в возрасте шестидесяти лет.

Вкусы к роскоши и любовь к помпезности, которые были характерными чертами характера Абд-ар-Рахмана, привели к большим изменениям в социальном и политическом облике кордовского двора, чем это было известно при его предшественниках. Он был первым из мусульманских правителей Испании, в одежды которого были вплетены королевский шифр и девиз, выбранный монархом при его восшествии на престол. Он придавал своему поведению достоинство и таинственность, которые до сих пор были характерными атрибутами восточных деспотизмов. Обычно уединенный от глаз своих подданных, он никогда не выезжал за границу без вуали,

которая эффективно скрывала его черты от посторонних взоров. Он увеличил количество телохранителей, сформированных его отцом, и не жалел средств на обеспечение их преданности и совершенствование снаряжения. Он основал монетный двор в Кордове и значительно улучшил чеканку монет, как в плане чистоты металла, так и в плане элегантности надписей. Под его руководством две стороны внутреннего двора мечети были обнесены красивыми перистильями, соответствующими отделке и убранству интерьера. Он добавил великолепия столице, построив общественные бани и фонтаны, питаемые свинцовыми трубами, по которым в каждый квартал города подавались кристально чистые воды Сьерра-Морены. Требования религии и благочестия были удовлетворены путем основания и пожертвований бесчисленных мечетей, материалы которых состояли из дорогих пород дерева, разноцветной яшмы и изысканного мрамора, и к каждому из этих молитвенных домов была пристроена либо школа, либо больница. По берегам Гвадалквивира тянулся бесконечный ряд садов, предназначенных для отдыха людей, и в восхитительных пределах которых были представлены все богатства живописного садоводства Востока. Абд-ар-Рахман соперничал с самыми просвещенными халифами Востока в своем рвении поощрять образование; в своем покровительстве науке и искусствам; в своем восхищении трудами греческих философов, которые во время его правления были представлены на полуострове. Одним из его величайших удовольствий было слушать чтение трудов великих ученых древности. В каждом городе возникли школы, достаточные для удовлетворения потребностей населения и оснащенные наилучшими из имеющихся условий для проведения обучения. Все дети, которых несчастье оставило без средств к существованию, находились на попечении благотворительных учреждений, находящихся на содержании правительства.

Система шоссейных дорог, драгоценное наследие цезарей, была тщательно осмотрена; дороги, пришедшие в упадок, были отремонтированы; были спроектированы и достроены новые; а средства сообщения с самыми отдаленными провинциями эмирата были доведены до степени совершенства, неизвестной даже в самые цветущие дни Римской империи. Многие из этих великих работ были предприняты для облегчения всеобщего бедствия, вызванного национальными бедствиями. Изнуряющая засуха уничтожила урожай и унесла стада крупного рогатого скота в Андалусии. Затем стаи саранчи опустились на землю и превратили некогда улыбающийся пейзаж в пустыню. Не имея возможности поддерживать свою жизнь, множество голодающих крестьян эмигрировали в Африку, где они нашли гостеприимный прием и изобилие продовольствия для удовлетворения своих потребностей. Тем беднякам, которые остались, были переведены обычные налоги и предоставлена постоянная работа, а расходы покрывались за счет выплат из личного кошелька эмира. Были открыты общественные зернохранилища и магазины, а припасы раздавались беспомощным и несчастным. Таким образом, благодаря поощрению промышленности, проведению важных общественных улучшений по всей стране и украшению города Кордовы и его окрестностей были в значительной степени предотвращены печальные последствия неизбежных общественных бедствий, и те самые события, которые, на первый взгляд, казались угрожающими жизни нации, были, благодаря благодетельству и мудрости великого монарха, сделаны так, чтобы способствовать ее прибыльности и постоянному преимуществу.

Доброта и великодушие Абд-ар-Рахмана временами перерастали в слабость, что делало его легкой жертвой обитателей его дома и гарема. Конституционно неприятие любого проявления суровости, акты неподчинения и нечестности допускались в самом его присутствии без выговора. Страсть к музыке, которая доминировала над всем его существом, сделала его

щедрым покровителем каждого менестреля, чье влияние при дворе обычно было пропорционально его талантам певца или исполнителя на лютне. Знаменитый музыкант по имени Зирьяб, которого Аль-Хакем пригласил из Багдада, но который прибыл слишком поздно, чтобы воспользоваться благосклонностью своего царственного хозяина, был принят его преемником с почестями, достойными послов величайших князей. Вали городов, через которые он должен был проезжать по пути в Кордову, было приказано оказывать ему всяческую любезность; ему был предоставлен эскорт, а его свита была увеличена за счет нескольких евнухов, которых ему подарил эмир. Ему была выделена великолепная резиденция в столице. Его пенсия составляла ежегодную сумму в сорок тысяч золотых монет, полученных от одного из самых ценных поместий королевства. Зирьяб, хотя и отличался музыкальными талантами, был также одним из самых глубоких знатоков своего времени. Его замечательная память без труда запоминала слова и арии десяти тысяч различных песен. Ученик самых выдающихся врачей Востока, он был одинаково хорошо сведущ в таких науках, как история, география, философия и медицина. Настолько разносторонними были его таланты и столь разнообразными были его достижения, что не только простые люди, но даже ученые писатели серьезно приписывали достижения его экстраординарных интеллектуальных способностей общению с гениями. Его обширные познания сделали его избранным собеседником Абд-ар-Рахмана, который получал удовольствие от его бесед; и, хотя власть фаворита над своим хозяином была безграничной, к его чести нужно сказать, что ею никогда не злоупотребляли и не использовали в каких-либо низменных или корыстных целях. Его изысканный вкус и достойная учтивость не заставили себя долго ждать, чтобы произвести впечатление на общество Андалусии. Манеры людей незаметно стали утонченными и элегантными. Обычаи, напоминающие о варварской жизни в Пустыне, которые благодаря упрямому упорству арабской и берберской натуры сохранялись на протяжении многих поколений, постепенно были заброшены. Плодовитый гений этого удивительно одаренного персонажа предписал различные способы одеваться, адаптированные к смене времен года; улучшил правила дипломатической службы; нововведения в методах частных развлечений; достойные и вежливые законы для официальных и светских отношений. Это выявило ценный характер растений и овощей, названия которых были знакомы испанским арабам, но использование которых в пищу или лечебные свойства которых до сих пор оставались неизвестными. Он добавил к лютне пятую струну, тем самым значительно увеличив звучание и гармонию этого инструмента. Он придавал туалетам гарема безвредные и освежающие духи и косметику. Здесь на банкеты богачей подавались пикантные блюда, достойные самых привередливых гурманов, некоторые из которых и по сей день носят имя своего изобретателя. Он разработал средства для повышения комфорта и чистоты бедных слоев населения. Он предложил санитарные меры, которые могли бы способствовать оздоровлению больших городов за счет улучшенной системы дренажа. Остроумие Зирьяба, восхищавшее двор, не уступало ни его учености, ни удивительной изобретательности, с которой он применял к различным жизненным проблемам ценные принципы практической философии. Его эпиграммы до сих пор повторяются как пословицы мусульманами Африки. Его мастерство в искусстве импровизации было феноменальным. Двустипшие, подходящее к любому случаю, остроумная рифма, оживлявшая самую обычную беседу, никогда не были лишены его готового и активного интеллекта. Его умственные способности бессознательно использовались, пока другие спали, и он нередко будил своих рабынь посреди ночи, чтобы запечатлеть и запомнить гармоничные творения своего неутомимого мозга. Вероучение мусульман категорически запрещает поклонение своим героям, но справедливость человечества увековечила имя Зирьяба, поставив его в последующие века в один ряд с именами своих самых

прославленных философов, и таким образом возместила себе утрату полезного обычая, который в другом месте почтил бы объект своего восхищения и благодарности великолепными статуями из бронзы и мрамора и вечным пристанищем как на видимых, так и на невидимых небесах.

К заступничеству Зирияба перед своим царственным повелителем, разум которого был полностью во власти блестящих талантов и придворной грации его фаворита, часто обращались просители денежного вознаграждения и официальных отличий, но, как правило, тщетно. Опасная политическая игра не привлекала утонченного эпикурейца. Обеспеченный богатством и славой, он с радостью оставил интриги, неприятности и опасности политической жизни другому персонажу, чьи способности в их особой сфере, не уступавшие его собственным, носили отпечаток темного и зловещего характера.

Амбиции факи Яхьи Ибн Яхьи, лидера восстания в южном пригороде Кордовы, которое привело к обезлюдению пятой части территории столицы и изгнанию двадцати тысяч трудолюбивых подданных эмирата, уже упоминались на этих страницах. Национальность этого фанатика и манера, с которой он оправдывался в своих преступлениях, как ни странно, освободили его от наказания, которого он заслуживал. Вернув себе, в определенной степени, расположение гордого и своевольного Аль-Хакема, чьи наклонности никогда не были склонны к милосердию, он получил исключительное преимущество над умом более сговорчивого Абд-ар-Рахмана. Наученный опытом, что открытое противодействие официальной власти - не самый надежный способ добиться отличия, он изменил свою тактику; добивался одобрения монарха подобострастием и лестью, временами сменяясь приступами дерзости, на которые не обращали внимания как на эксцентричность или проявления праведного негодования, вызванные порочностью человечества; и, хотя казалось, что он фигурирует лишь как случайный советник эмира, на самом деле он обладал всей политической и судебной властью государства. Его показное смирение снискало ему благоговейное уважение населения. Превосходство его интеллекта и обширные достижения были молчаливо признаны учеными. Престиж, который он приобрел как основатель маликитов в Испании, сделал его оракулом для каждого студента и доктора богословия. Именно благодаря этому последнему отличию он смог неизмеримо расширить и утвердить свое влияние. Честолюбивые люди вскоре поняли, что великие гражданские сановники королевства — главные кади и подчиненные чиновники судебных инстанций — неизменно избирались из модной секты и были людьми, пользовавшимися наибольшим расположением Яхьи. Как естественное следствие, популярность доктрин Малика Ибн Анаса росла с каждым днем, и через несколько лет последователи мединского мудреца превзошли числом все остальные секты, вместе взятые. Политика Яхьи привела к тому, что он отказался от всех официальных занятий, что стало примером самоотречения, которое, хотя и служило маскировкой его честолюбия, значительно укрепило его авторитет. В той возвышенной сфере, в которой он вращался, его власть была автократической. Он налагал унижительные епитимьи на своего государя, который исполнял их с терпением и смирением. Он требовал от народа тех внешних знаков почтения, которые суеверия привыкли оказывать любимцам небес и которые лишь на одну ступень ниже идолопоклонства. Церковные дела полуострова были полностью подчинены его контролю. Он диктовал наиболее важные решения, исходящие от судов справедливости; и когда магистрат осмеливался заявить о своей независимости, обнародовав мнение, которое не было одобрено высокомерным факи, он сразу же получал листок бумаги, на котором было написано единственное слово: “В отставку!”

Пластичная натура Абд-ар-Рахмана, использованная в корыстных целях музыкантом и религиозным самозванцем, также подвергла его воздействию хитростей раздражительной и эгоистичной женщины. Пылкий темперамент делал его особенно восприимчивым к сексуальным соблазнам. Среди многочисленных красавиц его гарема была одна по имени Таруб, которая в равной степени находилась во власти всепоглощающих страстей честволюбия и алчности. Очарованный ее чарами и обольщенный ее ласками, эмир стал ее рабом. Его расточительная щедрость по отношению к этому недостойному фавориту, грозившая истощением казны, часто, но тщетно, вызывала протесты его советников. Однажды ее уговоры побудили его подарить ей ожерелье стоимостью в сто тысяч динаров. В другом случае она отказывалась открывать свою дверь до тех пор, пока она не была полностью завалена мешками с деньгами, наваленными на нее. Совершенно лишенная привязанности или благодарности, она попыталась увековечить свое влияние преступлением, которое раскрывает невероятную жестокость и подлость ее характера. Из сорока пяти сыновей Абд-ар-Рахмана старший, Мухаммед, был выбран отцом в качестве его преемника. Таруб, которая использовала все свое искусство, но безуспешно, чтобы добиться короны для своего собственного сына Абдаллы, теперь решила добиться убийством того, чего не смогла добиться ее сила убеждения. В этой чрезвычайной ситуации были задействованы услуги евнуха Нассира, который исполнял обязанности камергера, был предан интересам своей любовницы и не питал добрых чувств к эмиру. Нассир был испанского происхождения, с особой враждебностью ненавидел секту своих предков и был добровольным орудием недавних преследований, которым ошибочная политика правительства сочла необходимым подвергнуть христиан. Под руководством Таруба евнух нанес визит Харрани, выдающемуся сирийскому врачу, который недавно начал заниматься своей профессией в Кордове. Нассир, заверив Харрани в своем уважении и намекнув, что оказание услуги, о которой он собирался просить, принесет ему пользу в будущем, подарил ему кошелек с тысячей золотых монет и попросил его к определенному дню подготовить некоторое количество одного из самых смертоносных ядов, известных науке.

Природная проницательность врача, усиленная долгим опытом участия в зловещих судебных разбирательствах, без труда определила цель, для которой предназначались эти препараты. Более того, характер вероломной Таруб и ее непомерные амбиции не были секретом в Кордове; но, хотя у политика Харрани не было желания даже косвенно потворствовать смерти эмира, он в равной степени не желал ставить под угрозу свои перспективы и подвергать опасности собственную безопасность, открыто донося на евнуха, друзья которого не преминули бы отомстить за предательство за его измену. Поэтому он приказал тайно передать Абд-ар-Рахману предупреждение не пробовать ничего, что предлагал ему камергер. Ухудшающееся здоровье монарха благоприятствовало планам заговорщиков, и евнух воспользовался первой возможностью, чтобы со всеми проявлениями заботы порекомендовать своему господину яд как сильнодействующее средство, которое он приобрел у известного врача. Эмир, от которого не ускользнуло предупреждение Харрани и который, как показалось слугам, просто принял спасительную и не столь необычную предосторожность, велел евнуху самому выпить немного зелья. Не в силах отказаться, Нассир проглотил часть содержимого флакона. Затем, удалившись из королевского присутствия, он в ужасе обратился за помощью к врачу. Было немедленно введено противоядие, но яд сделал свое дело, и, став жертвой собственного вероломства, Нассир скончался в ужасных муках.

Ослабленный организм Абд-ар-Рахмана не смог выдержать разоблачения злобы и бесчестия тех, кого он любил и кому доверял; и любезный монарх, который за многие годы не достиг положенного срока человеческой жизни, через несколько недель после разоблачения заговора последовал за своим камергером в могилу.

Ревнивые Омейяды, следуя примеру дамасских халифов, рано ввели в своих владениях наем евнухов, и эти существа почти сразу же получили и осуществляли тайную, но от этого не менее опасную власть в управлении правительством, а также в интригах и заговорах гарема. Их увечья, которые, согласно распространенному мнению, должны были гарантировать абсолютную верность интересам их хозяев, сделали их врагами рода человеческого. Ненасытная жажда золота, мстительность, которую можно было утолить только уничтожением объектов своего недовольства, вытеснили в их сердцах те чувства естественной привязанности, которые были навсегда искоренены человеческим варварством. Доверенные лица и постоянные помощники султанши, они становились инструментами всех заговоров и нередко инициаторами мер, влекущих за собой наиболее важные политические последствия.

Поддержка этих мерзких инструментов, необходимых для осуществления замыслов преступных амбиций, уже была обеспечена принцессой Таруб, чья ненасытность на этот раз уступила ее жажде власти. Ничуть не смущенная судьбой Нассира и игнорируя подозрения, вызванные его внезапной смертью, она всеми доступными ей уловками, обещаниями будущих услуг и уступок и расточительной щедростью привлекла к своим сторонникам могущественных и беспринципных хранителей гарема.

Беспечный Абд-ар-Рахман, состояние которого не давало оснований ожидать его безвременной кончины, пренебрег официальным назначением своего преемника на трон. Однако было хорошо известно, что его выбор был остановлен на его старшем сыне Мухаммеде, холодном, грязном, ограниченном, но способном принце; небогатом до беспрецедентной степени среди молодежи королевского происхождения, но обладавшем большим опытом в военном искусстве и управлении государством, а также неоспоримой ортодоксальностью. Абдаллах, с другой стороны, был приверженцем удовольствий. Его дворец каждую ночь становился ареной шумных пирушек, которые затягивались еще долго после восхода солнца. Он избегал всех серьезных занятий. Его близкими друзьями были развратники и паразиты, чьи разговоры были приправлены непристойными шутками, которые не щадили ни государственных чиновников, ни служителей религии. Редко можно было увидеть, чтобы он входил в двери мечети или помогал на церемониях общественного богослужения. Презируемый населением и вызывающий отвращение у набожных людей, он был полностью непригоден для исполнения государственных обязанностей, что было также признано евнухами, которых ничто, кроме расточительности его матери, не могло заставить поддержать его дело. Абу-аль-Мофрих, один из первых, обладавший большим влиянием среди своих товарищей, решил, с вошедшим в поговорку непостоянством своего рода, удовлетворить свою злобу и обеспечить будущее совершением двойной измены. Неортодоксальные взгляды Абдаллы послужили правдоподобным оправданием для совершенствования его плана. Постоянными намеками на опасности, которым подвергнется эмират, если он придет к власти, и тем, что он с благочестивым ужасом описывал кощунственную жизнь этого распутного принца, он возбудил в умах евнухов опасения, что их собственным интересам может серьезно угрожать правитель,

чьей предыдущей карьерой руководили неверующие и люди, которые часто проявляли явное презрение к их ордену. Евнухи поначалу заявили, что суровость и печально известная скупость Мухаммеда лишают его права голоса; действительно, это серьезное препятствие на пути к успеху при дворе, в значительной степени управляемом мягким влиянием сераля и нещадным использованием золота. На возражения вскоре ответил хитрый Абу-аль-Мофрих, чей опыт и репутация давали ему право возглавить проект, требующий мужества и такта, и все спокойно поняли, что Мухаммед был кандидатом, для которого была зарезервирована империя. Смерть Абд-ар-Рахмана наступила после полуночи. Согласно восточному обычаю, ворота дворца, обнесенного стеной и рвом, как замок, были закрыты, и никому не разрешалось выходить или входить без удовлетворительного объяснения своего поручения и подтверждения своей личности. Согласно освященной веками практике, которая была подтверждена предписывающим использованием как законная, принц, который первым после смерти монарха получил во владение королевскую резиденцию, считался имеющим предполагаемое право на корону. Садун, евнух, который неохотно согласился с отказом Абдаллы, но в последнее время стал твердым сторонником своего брата, был выбран, чтобы сообщить Мухаммеду о его удаче. Вилла последнего находилась на противоположном берегу Гвадалквивира, и евнух, снабдив себя ключами от городских ворот, которые открывались на мост, шел по безмолвным улицам, пока не достиг дворца Абдаллаха, перед которым ему пришлось пройти. Залы были залиты светом, и в воздухе звенел шум пьяного разгула, когда закутанная фигура евнуха крадучись скользнула мимо порталов, выполняя свое таинственное поручение. Мухаммед, вызванный из бани, воспринял сообщение с удивлением и недоверием. Даже предъявления печати своего отца, которую Садун продемонстрировал в знак доброй воли, было недостаточно, чтобы убедить его. Считая евнуха палачом, посланным Абдаллахом, чтобы лишить его жизни, он смиренно молил о милосердии посланника, который, будучи далек от намерения причинить вред, был послан вручить ему корону. Протесты Садуна в конце концов возобладали, и управляющий домом Мухаммеда был призван помочь в разработке способа проникновения в королевский дворец, что было необходимым условием успеха. Его предложение обратиться к губернатору города было принято, но этот осторожный чиновник отказался скомпрометировать себя, поддержав предприятие, проблема которого была столь опасной. Ночь быстро проходила, и было очевидно, что нужно что-то делать быстро, поскольку рассвет принес бы разоблачение, а возможно, и смерть, всем заинтересованным лицам. И снова плодотворная изобретательность управляющего Ибн-Мусы пришла на помощь его хозяину в его глубоком замешательстве. “Ты знаешь, о мой господин, - сказал он, “ что я часто водил твою дочь в королевский дворец. Немедленно переоденься в ее одежду, и, даст Бог, мы минуем стражу”. Совет был одобрен, Мухаммеда быстро завернули в покрывало и ниспадающие одежды обитательниц гарема и усадили на осла. Животное вел стюард, Садун шел впереди; часовых миновали без труда; но осторожный евнух, опасаясь слежки, приказал Ибн Мусе оставаться возле особняка Абдаллаха, пока он будет вести принца один. Прибыв во дворец, на стук Садуна ответил привратник, старик, долгое время служивший эмирам на этом ответственном посту. Осторожно выглянув через заднюю дверь и узнав евнуха, он воскликнул: “Кто у тебя там, о Садун?” Тот ответил: “Дочь нашего принца Мухаммеда; поторопись ипусти нас!” Улыбаясь, когда он подозрительно осмотрел высокий рост и широкие пропорции предполагаемой девушки, привратник ответил: “Поистине, о Садун, леди выросла почти вдвое с тех пор, как была здесь несколько дней назад; позволь ей приподнять вуаль, чтобы я мог увидеть ее лицо”. Евнух возразил; но привратник пригрозил удалиться, и Мухаммед сам приподнял покрывало, открыв изумленному взору привратника хорошо знакомые черты

старшего сына Абд-ар-Рахмана. “Мой отец умер, - сказал принц, “ и я пришел вступить во владение дворцом”. “Я не сомневаюсь в твоих словах, - ответил привратник, - но мои собственные глаза должны убедить меня в правдивости твоего заявления, прежде чем я смогу впустить тебя”. “Тогда иди немедленно”, - воскликнул Садун, и, оставив Мухаммеда на улице, евнух направился к покоям эмира. “Я доволен”, - сказал верный слуга, заливаясь слезами, и, вернувшись, открыл ворота и поцеловал руку принца, всячески демонстрируя преданность и послушание. Домашние были взбудоражены; государственные чиновники были спешно вызваны во дворец и потребованы принести присягу на верность новому государю; и таким образом, благодаря обращению горстки евнухов, которые с одинаковой готовностью разделяли наказания за ненависть и дружеские услуги, была предотвращена серьезная революция и в национальных делах произошел поворот, который надолго повлиял на будущее сарацинской империи.

Первые действия Мухаммеда после его восшествия на престол стали несомненным доказательством его рвения и вызвали восторженные аплодисменты богословов, которые отныне стали его самыми преданными подданными. Каждый чиновник и каждый государственный служащий, которого хотя бы подозревали в склонности к христианству, был уволен без церемоний, а их места были заполнены мусульманами с наиболее ярко выраженной ортодоксальностью. Закон, запрещающий возведение или расширение церквей — основополагающая статья конвенции Мусы - в значительной степени игнорировался эмирами, даже в условиях обострения государственной измены и заговора; и, как следствие этой снисходительности, новые места отправления культа возникали в тех местностях, где растущее христианское население нуждалось в больших условиях для отправления религиозных обрядов. Своим решительным указом Мухаммед приказал стереть с лица земли все церкви и приделы, построенные со времен вторжения в Тарик. Офицеры, которым было поручено исполнение этого приказа, более ревностные к своей вере, чем заботящиеся о чести своего государя, вели беспорядочное разрушение всех зданий, возведенных христианами для священных целей, независимо от святости их традиций или даты их основания. Преследование, поощряемое факвами, было также начато против упрямых сектантов, которые продолжали с таким пылом добиваться мученического венца, по сравнению с которым суровость Абд-ар-Рахмана казалась умеренной. Свидетельства Отцов Церкви, столь подозрительных по отношению ко всему, что ставит под сомнение честь их профессии или порицает победы их врагов, возможно, могут быть получены для подтверждения заявления арабов о том, что огромное количество христиан, встревоженных пытками, которым подвергались их собратья по причастию, поддались искушению и отступили.

Но не только среди неверных было сочтено необходимым прибегнуть к вмешательству суверенной власти. В недрах ислама возник серьезный спор относительно толкования Корана и урегулирования некоторых спорных положений доктрины, которые по своей теологической значимости и общему отношению к Вере не имели никакого отношения к яростной враждебности, проявляемой их несколькими сторонниками. Поскольку испанские омейяды рано присвоили себе, без исключения, функции и привилегии высокого поста халифа, в котором были объединены самые деспотические силы Церкви и государства, Мухаммед, чья проницательность показала ему необходимость разрешить этот религиозный спор до того, как его поборники обратятся к оружию, отстаивал свою прерогативу, приказав врачам-соперникам соответственно отстаивать свое дело в его присутствии. Аргументы были услышаны, и маликиты, чье процветание при прежнем правлении значительно увеличило их гордыню и

дерзость, потерпели сокрушительное поражение в своей попытке опровергнуть доктрины ханбалитов, своих противников. С щедростью, которой нельзя ожидать от правителя, которого потомки, возможно, не без несправедливости, согласились заклеить именем фанатика, Мухаммед решил, что возражения против вероучения ханбалитов в том виде, в каком его проповедовал Аль-Баки, лидер этой секты, были несерьезными и что его принципы не были ни основаны на неправильном толковании текстов Корана, ни противоречат общепринятой традиции.

Преследуя двойную цель - отвлечь умы своих подданных от теологических споров и планов подстрекательства к мятежу и подавить дух вторжения христианских князей Севера, чьи завоевания серьезно сказывались на мусульманской территории, - Мухаммед провозгласил Священную войну, а предназначенные для этой цели силы были переданы под командование вали Мерида и Сарагосы. Поход готов еще раз подвергся ужасному вторжению, и сарацинская армия снова проникла на территорию врага до самых стен Нарбонны. Вали Сарагосы Муса Ибн Зейяд, которому было поручено ведение кампании против короля Астурии, после нескольких незначительных успехов в Галисии потерпел поражение с большими потерями при Альбеиде, город которой был взят королем Ордоньо, а арабский гарнизон вырезан, и оставлен на милость варварской солдатни.

Население Толедо, непримиримую ненависть которого к своим сарацинским хозяевам не могли уменьшить никакие проявления милосердия и никакой пример суровости не мог запугать, узнав о преследовании своих братьев—христиан в Кордове и опасаясь, что усердные усилия факи, влияние которых в то время определяло политику правительства, могут быть распространены на их собственный город, организовало восстание, схватило арабского губернатора и потребовало от эмира в обмен на этого чиновника заложников, которых они передали Абд—ар-Рахману II. в качестве гарантии их лояльности и доброй воли. поведение. Со слабостью, которая не была частью его характера и которой нет объяснения ни в одном историческом отчете, Мухаммед согласился. Затем свирепые толедцы начали вести войну всерьез. Привыкшие с детства к обращению с оружием и знакомству с военной жизнью, они неоднократно оказывались более чем достойными соперниками дисциплинированных ветеранов эмирата. Они изгнали гарнизон Калатравы и разрушили ее стены. Затем, внезапно перейдя перевалы Сьерра-Морены, они застали врасплох в Андухаре отряд королевских войск, посланный напасть на них, захватили его обоз и разграбили его лагерь. Никогда еще в истории толедских восстаний повстанцы не осмеливались приближаться так близко к столице. Эмир остро почувствовал оскорбление своего достоинства и во главе всех войск, которые смог собрать в такой чрезвычайной ситуации, двинулся вперед, чтобы наказать мятежников. Последние удалились, и их лидер Синдола, чье имя указывает на его готское происхождение, отправил посланника к королю Астурии за помощью. Христианский принц, с первого взгляда осознав чрезвычайные выгоды, которые принесет союз с могущественной группировкой в сердце мусульманских владений, сразу же откликнулся на призыв сильным отрядом ветеранов, которым удалось войти в город до прибытия Мухаммеда.

Прочность стен и доблесть гарнизона исключали всякую надежду на успешный штурм и побудили Мухаммеда прибегнуть к военной хитрости, достойной хитрости и проницательности араба. Укрыв свои войска в ущелье, через которое протекает Гвадаселете, он появился перед Толедо с кавалерийским эскадроном и приготовился разбить лагерь. Мятежники, увидев, по-видимому, прекрасную возможность отрезать этот авангард до прибытия основных сил,

предприняли вылазку и, прежде чем осознали опасность, были втянуты в расставленную для них ловушку и окружены. Последовала ужасная резня; но мало кому удалось спастись, и ужасающая куча из восьми тысяч голов, собранных на поле битвы, свидетельствовала о враждебности победителей и несчастье побежденных. Эти зловещие трофеи, выставленные вдоль зубчатых стен Кордовы и других андалузских городов, долгое время служили предостережением предателям об ужасном уроке, который толедцы и их неверные союзники получили на берегах Гвадаселете. Большие потери, понесенные повстанцами, — до двадцати тысяч человек, поскольку только христиане и те мусульманские вожди, которые были убиты или взяты в плен, были обезглавлены, — не только не сломили упрямый дух жителей имперского города вестготов, но только усилили их ярость и укрепили их решимость. Однако их наступательные операции были эффективно остановлены. Гарнизон, численность которого сократилась менее чем на треть, был вынужден бездействовать за укреплениями. Со смешанным чувством ярости и отчаяния трудолюбивая, а также богатая часть населения, к владениям которой до сих пор относились с уважением в надежде на своевременное подчинение, наблюдала за опустошением своих садов, выкорчевыванием виноградников, сожжением своих вилл — тех свидетельств процветания и роскоши, которые украшали берега знаменитого Тежу на многие мили. Их мысли были еще более ожесточены сознанием того, что эти разрушения были причинены не по их вине, а из-за беспорядков и плохо направленных амбиций евреев и ренегатов, число которых пополнилось толпой бродяг и преступников, привлеченных дурной репутацией города, худшими элементами беззаконного населения, отбросами десятков крупных общин. Дополнительное преимущество, полученное войсками Мухаммеда, еще больше угнетало дух толедцев, хотя никакое бедствие не казалось достаточным, чтобы побудить их добровольно вернуться к своей верности. Главный мост, по которому можно было попасть в город, был тайно заминирован. Затем была предпринята атака на одни из ворот; нападавшие отступили в явном беспорядке; осажденные преследовали их; и в нужный момент деревянные опоры были сняты с опор, и все сооружение, переполненное солдатами противника, было сброшено в воды Тежу. Ни одному человеку не удалось спастись, ибо те, кто смог спастись от быстрого течения реки, были расстреляны лучниками эмира, специально расставленными на берегах. Эти повторяющиеся несчастья убедили толедцев в необходимости мира. Их доблесть и постоянство в самых обескураживающих обстоятельствах, хотя и проявленные во имя зла, не могут не вызывать восхищения у каждого читателя. В течение долгого двадцатилетнего периода Мухаммед предпринимал непрерывные, но тщетные попытки подчинить их. Они не поддавались максимальным усилиям его власти. Они угрожали ему в самой его столице. Они разгромили его армии, которыми часто командовали принцы крови. Они разрушили его крепости. Самые сокрушительные поражения только придавали им сил для еще больших усилий. Большие потери на поле боя, муки голода, ропот недовольных горожан не смогли поколебать их решимость или возбудить их страхи. Попытки штурмовать их укрепления были отбиты с героической отвагой. Их поредевшие ряды были набраны из крепких горцев Леоны и Астурии. Тщетно современный историк ищет мотивы, которые вдохновляли и поддерживали это чувство независимости, это привычное неповиновение авторитетам. Древнего готического духа было недостаточно, чтобы объяснить такое аномальное положение дел, хотя христиане значительно превосходили численностью членов всех других сект. Не существовало единства религиозных чувств, которое могло бы подвигнуть фанатиков на подвиги самопожертвования и мученичества. Население Толедо всеми авторами представлено как удивительно разнородное. Христиане открыто упоминают о нем с презрением. Мусульмане, без исключения, называют его неверующим и беспокойным сбродом. Причина

самоубийственной политики, которая пренебрегла разрушением укреплений этого очага мятежа и не прибегла к радикальной мере массовой экспатриации, когда более мягкие средства неоднократно оказывались безуспешными, также остается загадкой. Не требовалось большой государственной мудрости, чтобы осознать неизбежные последствия неудержимого мятежного духа, поощряемого несвоевременным милосердием и снисходительностью государя. В конце концов, ободренные своим союзом с христианами Севера и воспользовавшись затруднительным положением своего противника, преследуемые врагами внутри страны и за границей, они добились от эмира заключения договора, который фактически признавал их независимость. Это позволяло им самим выбирать магистратов, включая губернатора, и беспрепятственно регулировать свои муниципальные и церковные дела. Толедо, выплачивавший ежегодную дань, был, таким образом, поставлен на ту же политическую основу, что и провинция, недавно попавшая под власть ислама, и отныне, на многие годы, должен был перестать рассматриваться как неотъемлемая часть мавританской империи.

Тем временем примеру Толедо последовали другие города, жители которых, раздраженные своими обидами и подстрекаемые честолюбием отважных вождей, продолжали поддерживать беспорядки в стране и максимально использовали энергию и способности Мухаммеда. Пагубные последствия этой пагубной системы, характерной для арабов, когда важные командования поручались ренегатам без предварительной удовлетворительной проверки их верности, были еще раз продемонстрированы. Муса Ибн Зейяд, который вел свое происхождение от ветви вестготской знати, известной арабам как Бени-Каси, и которого, как мы видели, разбили при Альбейде, вскоре после этого был смещен со своего поста вали Сарагосы и опозорен интригами фанатичных придворных, обвинивших его в государственной измене. Этот офицер, чьи военные таланты и политические способности были намного выше среднего, видя, что все пути для продвижения по службе в эмирате закрыты, и остро ощущая несправедливость обращения, которому он подвергся, сразу же приступил к организации восстания, что было легким делом среди авантюристов с границы, от природы склонных к непостоянству и неподчинению. Популярный среди своих подданных, почти вся провинция, столицей которой была Сарагоса, встал на его сторону. Тудела, Уэска, Толедо просили его союза. Потерпев неудачу в попытках эмира сокрушить его, он передал свою власть своему сыну Мусе. Последний, заручившись дружбой и поддержкой наваррцев, пересек Пиренеи и пронес огонь и меч по Южной Франции. Его успех был настолько замечательным, а ресурсов французской монархии было настолько недостаточно, чтобы противостоять успехам этого предприимчивого сторонника, что Карл Лысый не только снизошел до того, чтобы вести себя с ним на равных, но и приобрел иммунитет от будущих вторжений выплатой крупной суммы денег и дарованием великолепных подарков. Отличие, приобретенное Мусой по результатам этой экспедиции, косвенно привело к значительному приращению его власти. Его сын Лопе стал одним из магистратов Толедо. Неугомонное население границы тысячами стекалось под его знамена. Его армия еще больше пополнилась христианами — мосарабами, а также гасконцами и наваррцами, — чьи прежние привычки и опыт сделали их ценными солдатами. Воинственный дух Мусы проявлялся без разбора против христиан и мусульман; его доблесть уважалась, а независимость неохотно признавалась одинаково дворами Кордовы, Экс-ла-Шапель и Овьедо. С простительным тщеславием, оправданным реальной властью и владением территорией, он принял титул Третьего короля Испании. За его смертью в 862 году последовало частичное расчленение его владений, что позволило Мухаммеду вернуть Сарагосу, Туделу и несколько

других мест второстепенного значения; но прошло всего несколько лет, прежде чем семья Мусы, полюбившаяся народу подвигами своих основателей, восстановила свое бывшее господство и снова изгнала войска эмирата. Хотя ничего не говорится о религиозных верованиях бени-каси, можно предположить, что они вернулись к христианскому общению, поскольку Альфонсо III, их близкий союзник, доверил этим выдающимся князьям воспитание своего сына Ордоньо, наследника короны Астурии и Леона.

Нормандские пираты, знакомые читателю арабских хроник как Магиоги, — имя, происходящее от сказочных Гога и Магог, потомками которых они были, согласно сомнительному авторитету средневековой традиции, — через семь лет после восшествия Мухаммеда на престол совершили вторую высадку на берегах полуострова. Добыча, которую они собрали во время своего первого похода, и легкость, с которой они проникли в сердце Франции и Испании, возбудили их ненасытную алчность и вселили в них надежду на еще более выгодные приключения. Но эти ожидания были разбиты доблестью галичан и благоразумием Абд-ар-Рахмана II, который, как уже говорилось, учредил береговую охрану и направил военно-морские силы эмирата перехватить высадку и наказать дерзость этих бесстрашных и таинственных морских скитальцев. Слава об их прежнем успехе увеличила их численность, и после безуспешной и катастрофической попытки разграбить портовые города Галисии семьдесят хорошо укомплектованных судов их флота появились у берегов Андалусии. Высаживаясь в различных местах, норманны нанесли значительный урон, но, не рискуя углубляться вглубь страны, их добыча не шла ни в какое сравнение ни по количеству, ни по ценности с добычей, полученной при их предыдущем посещении, и, встретив совершенно неожиданное сопротивление, они удалились попытать счастья на побережье Африки. В этой стране многие поселения пострадали от ужасных бедствий, вызванных такими нападениями, и, уничтожив все, что не смогли унести, они опустошили Балеарские острова и, повернув на восток, пронеслись вдоль берегов Средиземного моря до Сицилии и Мальты. Незащищенные регионы Италии и Греции снова испытали на себе ужасные последствия враждебности варваров, на этот раз не смягченной симпатией к общей религиозной вере; инстинктивная антипатия дикарей Севера ко всему, что носило на себе отпечаток цивилизации, была безудержно удовлетворена; и, нагруженные неисчислимой добычей и на этот раз пресытившиеся кровью и опустошением, пираты направились домой через Гибралтарский пролив.

Непрекращающиеся военные действия, которые Ордоньо вел с королевством Кордова, в целом благоприятствовали христианскому оружию. Воодушевленный победой, одержанной им при Альбейде, астурийский монарх расширил свои операции далеко к югу от Дору. Знание растущей слабости их врагов и сознание собственной доблести и ресурсов побуждали горцев к еще большим усилиям. Экспедиции, которые сначала были всего лишь грабительскими набегами, теперь приобрели характер предприятий, нацеленных на постоянную оккупацию страны. Каждый выгодный пост за границей, который считалось возможным удержать, был тщательно укреплен и снабжен гарнизонами сразу после его захвата. Стены разобранных мавританских крепостей были отремонтированы. В тех городах, где преобладали арабские жители, последние были заменены галисийскими и астурийскими колонистами. Во всех случаях, когда какое-либо место бралось штурмом, мужское население истреблялось, а женщин и детей уводили в рабство. Многие важные города, включая, среди прочего, Корию и Саламанку, попали в руки христиан. Последствия этой энергичной политики начали настолько серьезно ощущаться в

Кордове, что правительство мобилизовало всю свою энергию в попытке противодействовать ей, и по приказу Аль-Мондхира, предполагаемого наследника короны, была собрана мощная армия. Этот воинственный и опытный принц встретился с силами врага на берегах Дору; христиане потерпели сокрушительное поражение; большая часть утраченной территории была возвращена; и Аль-Мондир, освобожденный от дальнейших забот в этой части, обратил свое внимание на Алаву и Наварру. Затем победоносные знамена мусульман были вывешены перед Пампелуной. Окрестности этого города были опустошены; несколько замков по всей провинции, укрывавших грозные банды мародеров, были взяты и разграблены; а Аль-Мондир после кампании, в которой не произошло ни одной катастрофы, с триумфом вернулся в Кордову.

Этих неудач, хотя и было недостаточно, чтобы удержать неукротимых горцев от повторения их набегов, по крайней мере, изменили их направление и ограничили их масштабы. Лузитания, ранее подвергавшаяся безнаказанному вторжению, снова была выбрана в качестве объекта их нападения. Поля и виноградники Лиссабона были вытоптаны христианскими эскадронами; город Цинтра был сожжен, и каждая деревушка, доступная ярости безжалостного врага, была обезлюдена и разрушена. Но спасительный урок, недавно преподанный астурийцам, не прошел для них даром, и, не дожидаясь армии, которую Мухаммед со всей поспешностью отправил им на перехват, они отступили с той же быстротой, которая отличала их появление.

Будучи не в состоянии остановить эти набеги обычными средствами, Мухаммед решил прибегнуть к помощи своего флота и высадить войска в центре вражеской страны. Флот благополучно достиг западного побережья, но прежде чем удалось произвести высадку, был уничтожен ураганом. Наиболее непреклонные мусульмане, чьи строгие идеи были потрясены бесстрашием стихии, перед которой Пророк испытывал благоговейный страх, расценили эту катастрофу как заслуженное наказание небес за неповиновение Корану.

За восстанием в Толедо время от времени следовали восстания в других городах, беспорядки в которых, хотя и были важны в совокупности, по отдельности не имели существенного влияния на дела полуострова. Однако одна из них, в некоторых отношениях очень похожая на ту, с помощью которой старая столица вестготов обеспечила свою независимость, заслуживает того, чтобы рассказать о ней более подробно, чем это могла бы сделать целая хроника, поскольку она демонстрирует прискорбную беспомощность, в которую впала империя, основанная Абд-ар-Рахманом. Ибн-Мерван, ренегат, видный участник прежних восстаний, которому глупая политика мусульман снова доверила ответственный пост, оскорбленный каким-то мелким оскорблением, дезертировал, и в сопровождении нескольких своих вассалов захватил замок Аландже близ Мерида. Осажденный прежде, чем у него появилось время собрать припасы, он, тем не менее, продержался три месяца, после чего сдался при условии своего отступления в Багдад. Однако, как только он оказался на свободе, он провозгласил себя апостолом новой религии, доктрины которой были заимствованы как у христианства, так и у исламизма; увеличил число своих последователей, завербовав бандитов и преступников вне закона; и, подражая примеру толедцев, укрепил свое дело союзом с королем Астурии. Его грабежи стали настолько раздражающими, что против него была направлена армия под командованием Хашима, любимого визиря Мухаммеда. Хитрому партизану не составило труда заманить визиря в засаду; его команда была уничтожена, а сам он был отправлен в качестве трофея ко двору Альфонсо. Когда эмир выдвинул предложение о выкупе Хашима, христианский король потребовал огромную сумму в сто тысяч золотых монет. Как бы сильно он ни желал

освобождения своего министра, скупость Мухаммеда, возраставшая с годами, удерживала его от столь обильных трат. Много месяцев Хашим оставался в плену, но в конце концов мольбы его семьи пересилили нежелание эмира, и он согласился выслать часть выкупа. Равновесие было обеспечено доставкой заложников, и визирь был наконец освобожден.

Вернувшись в Кордову, Хашим обнаружил, что его давний враг, с которым не смог справиться даже сам Мухаммед, за время его отсутствия обрел достоинство независимого правителя. Эмир, запуганный угрозами Ибн-Мервана, был вынужден заключить мир с этим вождем; уступить ему укрепленный город Бадахос; освободить его от уплаты дани; и согласиться на такие условия, которые фактически освобождали подданного от обязанностей, а также отменяли власть суверена.

Можно легко представить себе эффект такого малодушного поведения на недовольных и фанатиков, наводнивших каждую общину эмирата — общество, объединение элементов которого казалось совершенно неосуществимым; лишенное религиозного единства; без малейшего представления о политической добродетели или патриотизме; и не признающее никаких стимулов к подчинению, кроме тех, которые предполагаются применением военной силы. Немногие города сохранили хотя бы видимость порядка. Все беззаконные страсти бушевали бесконтрольно. Междоусобицы преследовались без вмешательства. Функции магистрата, обязанности народа, были приостановлены. Империя, расколотая на части, казалось, была на грани распада. Ни близости к резиденции правительства, ни перспективы королевской милости, ни страха перед последствиями государственной измены было недостаточно, чтобы сохранить штаты в их верности. Одна только Андалусия с очевидной преданностью отстаивала дело ислама, достоинство и судьбу монарха; но даже этой провинции теперь было суждено стать очагом восстания, последствия которого грозили привести западную цивилизацию и династию Оммеядов к внезапному и непоправимому краху.

Со времен Цезарей живописная горная цепь, ныне известная как Серрания-де-Ронда, пересекающая южную часть полуострова, была ареной восстаний и беззаконий, которые ни одно правительство никогда не было в состоянии полностью подавить. Вошедшее в поговорку нежелание горцев подчиняться установленным законам было, особенно в этом регионе, вызвано диким характером страны, которая для всех, кто не знаком с ее запутанными тропами и мрачными твердынями, представляла собой вид столь же отталкивающий, сколь и таящий в себе опасность. Население этих гор по любви к свободе, физической силе, воинской доблести было аналогом населения Астурии, в то время как по изяществу осанки, красоте форм и черт лица и, прежде всего, по интеллекту оно намного превосходило неотесанных варваров Севера. В нем сочетались различные качества римского мужества, пунической проницательности и арабской сдержанности и ловкости. Сложность обеспечения повиновения официальной власти значительно возрастала из-за тесных отношений, которые поддерживали даже самые отдаленные поселения, объединенные в конфедерацию, которая была независимой республикой во всем, кроме названия и признанного руководства. Разбойник, напавший на стада римского пастуха или разграбивший хижину вестготского крестьянина, сегодня имеет достойных соперников в лице контрабандиста и разбойника с большой дороги. Прошло не так много десятилетий с тех пор, как разбойничий вождь Серрания-де-Ронда шантажировал посты и автоколонны испанского правительства; и контрабандный оборот этого региона в настоящее

время превосходит по значимости законную торговлю любого другого района равной площади и богатства на полуострове.

На склоне этого горного хребта, недалеко от Малаги, жил во времена правления Мухаммеда юноша вспыльчивого нрава и распутных привычек по имени Омар Ибн Хафсун. Его отец, происходивший из знатной готской семьи, как и многие другие, отрекся от своей веры скорее с целью получения выгоды в будущем, чем из-за веры в доктрины ислама. Его сын, вовлеченный в частые стычки с вспыльчивыми крестьянами по соседству, еще в детстве приобрел самую незавидную репутацию за жестокость и буйство. В конце концов, в схватке с одним из своих самых грозных противников, последний поплатился жизнью за свою опрометчивость. Ибн-Хафсун бежал в сьерру и присоединился к банде бандитов, но в конце концов был схвачен властями и подвергнут бичеванию до бесчувствия. Вырвавшись из лап закона, он искал присутствия своего отца, который отрекся от него и выгнал из дома. Зная, что он не сможет долго скрываться от розысков офицеров, которые прочесывали страну во всех направлениях, он отправился в Тахорт в Африке, где нашел убежище в доме портного, который знал о его семье, но не знал о его недавней истории, и который охотно принял его в подмастерья. Вскоре после этого здесь его узнал знакомый, и, опасаясь, что его объявят скрывающимся от правосудия и выдадут для казни, он оставил своего благодетеля и тайно вернулся в Андалусию. Вынужденный волей-неволей стать преступником, он собрал несколько искателей приключений, отремонтировал старый римский форт на вершине горы Бобастро и занялся разбоем. Огромная равнина, простиравшаяся от подножия сьерры до столицы, вскоре оказалась в его власти. Слава о его подвигах разрослась; города Андалусии трепетали при его имени; губернатор провинции, который отважился напасть на него с сильным отрядом регулярных войск, был унижен, увидев, как его солдаты были разбиты, а лагерь разграблен горсткой дерзких мародеров. Этот чиновник, чья некомпетентность считалась причиной его несчастья, был смещен, но его преемник, опытный ветеран, справился не лучше. Через некоторое время мятежник был окружен сильным отрядом под командованием визиря Хашима и вынужден сдаться. Его храбрость и таланты настолько вызвали восхищение последнего, что он убедил эмира предложить ему важное командование в армии. Между принятием этой неожиданной милости и заключением в темницу не могло быть никаких колебаний в выборе, и бывший разбойник был должным образом произведен в офицеры эмирата. Во многих боях с повстанцами и горцами Севера он вел себя с самоуважающим достоинством, которого трудно было ожидать от его прежнего беззаконного поведения. Восхищенный своим генералом, уважаемый товарищами и внушающий страх врагам, он, казалось, открывал перед собой лестную перспективу быстрого продвижения по службе и всех почестей и богатства, сопутствующих выдающейся военной карьере. Но мелочная зависть соперничающих придворных не могла смириться с внезапным возвышением и растущим процветанием этого нового фаворита Хашима. Партия, выступавшая против визиря, использовала все средства, чтобы досадить и унижить надменного отступника. Губернатор города под разными предлогами заставлял его постоянно переезжать с места на место. Армейские поставщики, подстрекаемые врагами его покровителя, регулярно снабжали его пайками, непригодными для употребления. Его жалобы были безрезультатны; даже его покровитель сказал ему, что он должен отомстить за свои собственные обиды. Раздраженный таким обращением, прежде всего потому, что оно было никоим образом не заслужено, и не желая больше терпеть оскорбления, которые с каждым днем становились все менее терпимыми, Ибн-Хафсун дезертировал и снова отправился на поиски защищенного уединения в Серрания-де-Ронда. Его отряд вскоре был собран заново;

крепость Бобастро, которую благоразумие Мухаммеда значительно укрепило, была захвачена врасплох, и отважный партизан в течение нескольких недель снова стал кумиром горцев и ужасом андалузских крестьян. Но его служба в армии эмира произвела заметную перемену в чувствах и поведении преступника. Он провозгласил себя борцом за свободу, мстителем за всех, кто пострадал от вымогательств и несправедливости царствующей семьи. В этом качестве он был признан представителем ренегатов, христиан и берберов, которые, таким образом, образовали неуместный, но на какое-то время эффективный союз против доминирующей арабской аристократии. Приняв на себя характер защитника угнетенных, он придал своему делу общенациональное значение и в значительной степени избавил его от позорного обвинения в разбое. Члены его банды были подвергнуты самым суровым мерам пресечения. Грабеж и неподчинение карались немедленной смертью. Весь горный округ постепенно был включен в его юрисдикцию, и существовала безопасность собственности и жизни, о которой этот регион никогда раньше не подозревал. Среди андалузцев вошло в обиход высказывание о том, что женщина, нагруженная серебром, может пересечь любую часть Серрания-де-Ронда без малейшей опасности быть подвергнутой насилию. Подобная демонстрация безопасности была бы невозможна в другом месте, даже в густонаселенных районах эмирата, патрулируемых бдительной полицией, и ее попытка привела бы к верной смерти в отдаленных и незащищенных провинциях империи.

Управляя своими солдатами, Ибн-Хафсун использовал все те политические приемы, которые повышают популярность командиров, — неумолимую справедливость, безграничную либеральность, быстрое признание эффективной службы, беспощадное наказание за серьезные нарушения дисциплины. Его растущая власть привлекала на свою сторону недовольных, занимавших ответственные посты в правительстве, среди которых было немало ренегатов, тех вредителей любой администрации, чья легковверная слабость прислушивалась к их протестам или верила в их лояльность. В 886 году Ибн-Хафсун помогал одному из этих предателей защищать Альхаму от принца Аль-Мондхира. Главарь бандитов был ранен во время вылазки, и гарнизон уже собирался сдаваться, когда до принца дошла весть о смерти его отца, что потребовало его немедленного возвращения. Эта неожиданная перемена в его судьбе предоставила возможность, которую хитрый Ибн-Хафсун не замедлил оценить. Правдоподобными заявлениями он побудил многие города подчиниться его власти, и восшествие на престол Аль-Мондира сразу же привело его к столкновению с могущественным врагом, чей военный гений и изобилие ресурсов сулили долгую и сомнительную борьбу за господство.

Смерть Мухаммеда была внезапной и мирной. Его тридцатичетырехлетнее правление было самым бурным и неудачным из всех, которыми до сих пор правили монархи Омейядов. В дополнение к многочисленным политическим бедствиям, на нее обрушилась засуха, превосходящая все, что до сих пор упоминалось в анналах Испании, голод и мор, а также землетрясения, которые увеличили смертность до ужасающей степени.

Эта эпоха знаменательна позорной деградацией испанской династии Оммейядов. В своих общих чертах он также представляет собой воплощение зла, от которого страдало испано-арабское господство при каждом правителе и в любую эпоху. Врожденные пороки мусульманской системы; непримиримый характер составляющих мусульманского общества — их буйство, злобность и неверие — были одинаково заметны при правлении Абд-аль-Азиза, первого из эмиров, и Боабдила, последнего из королей. Положение Мухаммеда временами казалось

отчаянным. Большинство его подданных подняли мятеж. Двадцать лет войны не смогли подчинить Толедо, который с подвластной ему обширной территорией теперь был практически независим. Могущество христиан росло с каждым днем. Их границы неуклонно продвигались на юг. Их знамена были видны даже со стен столицы. Франки прочно закрепились на Готском марше, навсегда утратив юрисдикцию и веру ислама. Могущественное королевство, некогда простиравшееся от берегов Гаронны до Средиземного моря, сжалось до размеров незначительного княжества. Септимания, Леон, Арагон, Каталония и значительная часть Кастилии находились в руках врага. На Севере вали из разбросанных крепостей, которые все еще сохраняли номинальную верность эмиру, были тайно связаны с неверными. На Западе дерзкий Ибн-Мерван по своему желанию грабил богатые поселения Эстремадуры и Лузитании. Валенсия и Мурсия, рассадники многих серьезных восстаний, демонстрировали нескрываемые признаки недовольства, вызванные введением чрезмерных налогов и бесконтрольной алчностью их губернаторов. На Юге отважный Ибн-Хафсун, представитель предрассудков и чаяний многочисленной и растущей группировки, осуществлял деспотическое правление большей частью Андалусии. Разбойники кишели на дорогах. Путешествовать было невозможно, разве что под защитой сильного эскорта. Сообщение между крупными городами полуострова было таким же трудным, как если бы они были разделены обширными континентами или морями. Одно время, на восемь лет, общение между Сарагосой и Кордовой было полностью приостановлено. В каждом сообществе преобладало неясное, но всеобщее предчувствие надвигающегося зла. Общество было отвлечено ссорами теологов, легкомысленными по своей природе, но часто серьезными по своим последствиям. В истории ислама спор о религиозной формуле или подлинности традиции не раз приводил к кровавому запрету или вовлекал в войну целые народы. В то время как большинство христианских приверженцев молчаливо соглашались с условиями, налагаемыми мусульманскими законами, множество введенных в заблуждение фанатиков, прибегавших ко всем видам насилия и богохульства, добивались пыток и славы мученичества. Большая часть страны обезлюдела. Там, где жители остались, сельскохозяйственная и коммерческая деятельность значительно сократилась, а в некоторых районах была полностью приостановлена. Государственные доходы сократились до такой степени, что даже скупость эмира, подкрепляемая поборами его безжалостных чиновников, с трудом могла обеспечить необходимые расходы королевского двора. После смерти Мухаммеда едва ли четвертая часть территории, на которую он претендовал как на суверенную юрисдикцию, признала законность его титула или внесла свой вклад в поддержание его власти.

Признаки национального упадка слишком заметны в исчезновении общественного духа и военной доблести; в непрекращающемся ведении междоусобных войн; в почти не встречающих сопротивления вторжениях христианского оружия; в обычном предательстве офицеров, наделенных высшим командованием; в зависти придворных и интригах фанатиков; в притворном энтузиазме крестовых походов, начатых в соответствии с принципами ислама, иногда увенчанных частичным успехом, но часто заканчивающихся позором и катастрофой.

Характер Мухаммеда отличался главным образом нерешительностью и скупостью. Он сдавал целые провинции и унижал свое достоинство унижительными уступками, вымогаемыми угрозами наглых главарей бандитов. Его подлость была такова, что в сделке, предполагавшей выплату более ста тысяч динаров, он обманом выманил у чиновников казначейства несколько медяков. Он уменьшил жалованье своим солдатам. Он снизошел до того, чтобы разделить заработную плату государственных служащих, которых назначал условно после разделения их

заработка. Тем не менее, несмотря на эти серьезные недостатки, он был покровителем науки, другом образованных людей, изящным поэтом и оратором и одним из самых выдающихся каллиграфов своего времени. Отсутствие эффективной организации; тайная и непримиримая враждебность, пронизывавшая все ветви государственной власти; смелость и упорство астурийцев, подкрепленные сочувствием бесчисленного множества христианских священнослужителей, проживающих в каждом городе и деревне империи; и неизбежные природные катастрофы делают крайне проблематичным, мог ли при аналогичных обстоятельствах принц, обладающий большими способностями, чем Мухаммед, лучше поддерживать ухудшающееся положение эмирата.

ГЛАВА XI

ПРАВЛЕНИЕ АЛЬ-МОНДИРА; ПРАВЛЕНИЕ АБДАЛЛАХА 886-912

Параллель между политикой Мавританского и Астурийского дворов—Альфонсо III.—Его завоевания—Энергия Аль-Мондира—Осада Бобастро—Хитрость Ибн-Хафсуна—Эмир отравлен—Абдаллах восходит на трон—Положение партий и сект—Преобладание беспорядков—Восстание в Эльвире—Успех арабской фракции—Беспорядки в Севилье—Общее недовольство провинций—Ибн-Хафсун потерпел поражение при Агиларе—Катастрофические и постоянные последствия продолжения анархии — Внезапная смерть Абдаллы — Важные политические перемены, вызванные гражданской войной целого поколения.

Существует поразительная параллель между последовательными событиями, составляющими соответственно политическую историю соперничающих королевств христианской и мавританской Испании. В условиях физического окружения, в национальных традициях, в манерах, языке и религиозных верованиях нет двух рас, которые могли бы быть более непохожими. Тем не менее, во многих отношениях отчеты о беспорядках, последовавших за восшествием на престол королей Астурии и эмиров Кордовы, совпадают друг с другом. Теоретически обе монархии были выборными. Независимый дух арабов и неукротимая свирепость готов были в равной степени противоположны подчинению, неизбежно подразумеваемому принятием закона о наследственном происхождении. По мере того как правитель становился все более могущественным, он, естественно, все больше стремился передать своим потомкам власть, которая была завоевана его доблестью или подтверждена его благоразумием. Чтобы обеспечить своей семье это желанное преимущество, он привык при жизни добиваться публичного признания своего сына законным наследником, который нередко был связан с ним в ведении администрации. Был создан совет, состоящий из высших должностных лиц, прелатов и знати королевства, который должен был продемонстрировать свою преданность королю или эмиру, присягнув на верность принцу, которого отцовская привязанность, а иногда и выдающиеся заслуги определили в качестве будущего суверена. В этом согласии, продиктованном интересом и уверенностью в королевской благосклонности, редко отказывали, и, укрепляемое обычаем, пока оно не стало частью конституции, спустя несколько поколений рассматривалось как простой церемониал — формальное утверждение права, законность которого была молчаливо установлена соображениями государственной

политики, если не древним предписанием. Но таково было действие регламентации в правительствах, которая сохраняла формы выборов, но отказывалась от их беспрепятственного осуществления, что избранный монарх, как только он вступал на трон, обычно оказывался втянутым в конфликт со своими менее удачливыми собратьями, каждый из которых считал, что его обманом лишили права, данного ему по рождению. То, что простое согласие совета не было признано окончательным, подтверждается тем фактом, что владение дворцом считалось *prima facie* доказательством права собственности, принципом, признанным в равной степени в Овьедо и Кордове. Неподчинение привело к гражданской войне и плачевным последствиям междоусобных конфликтов. Дикие инстинкты готских князей заставляли их ослеплять своих несчастных соперников и пожизненно замуровывать их в грязных и вонючих камерах подземных темниц. Месть мавра, однако, обычно удовлетворялась коротким тюремным заключением, и, если преступник выражал раскаяние, к нему часто возвращали благосклонность и оправдывали его преступление. Изучающий древнюю испанскую историю не может не быть глубоко впечатлен различными методами борьбы с государственной изменой на севере и юге полуострова, в регионах, расположенных друг против друга в постоянной вражде, проявляющих заметное сходство, когда их меньше всего можно было ожидать, и при пресечении преступлений, направленных против трона и жизни монарха, проявляющих, с одной стороны, снисходительность, продиктованную великодушием, которое казалось почти самоубийственным; с другой стороны, суровость, характеризующуюся зверствами, которые могли исходить только из самого грубого варварства.

Долгое и блистательное правление Альфонсо III, достойно названного Великим, которое занимает так много места в ранних летописях Реконкисты, представляет собой яркий пример превратностей и испытаний, сопровождавших полную приключений жизнь принцев Астурийской монархии. Связанный со своим отцом Ордоньо в течение четырех лет, предшествовавших его восшествию на престол, он был далеко не новичком, когда его призвали взять на себя серьезные обязанности суверена. Четверо братьев короля, ревниво относившихся к отцовским предпочтениям и оспаривавших законность обычая, который произвольно исключал из права наследования даже тех, кто имел на это наибольшее право в соответствии с положениями древней вестготской конституции, объединили свои силы в грандиозной попытке подорвать власть Альфонсо. Предприятие закончилось катастрофически; варварская суровость законов была продемонстрирована без смягчения, которого можно было ожидать под влиянием братской симпатии, и несчастные принцы были лишены зрения и пожизненно заключены в замок Овьедо. Трое из них быстро сгинули под тяжестью заточения; но четвертому, Веремундо, по какому-то счастливому стечению обстоятельств удалось сбежать, и в конце концов его приверженцы перешли на сторону правительства Асторги. В этом сильном городе, которому время от времени помогало оружие мавров, он более семи лет успешно отражал нападения короля Астурии. Решительность и мужество, неизбежно подразумеваемые этим решительным сопротивлением, сами по себе достаточно примечательны; но тот факт, что герой, руководивший операциями, которые сорвали планы и дали отпор силам целого королевства на такой длительный период, был совершенно слеп, вполне может вызвать удивление и восхищение.

Выдающиеся способности Альфонсо III. были продемонстрированы на многих остро оспариваемых поприщах и во многих критических ситуациях за его долгую карьеру. Его оружие проникло в глубь вражеской страны дальше, чем отваживались проникать самые храбрые из его предшественников. Коимбра, Порту, Самора, Торо, Симанкас и множество других менее

важных городов были присоединены к владениям христианской монархии усилиями его доблести или ужасом перед его именем. Звук его труб разбудил перепуганных крестьян, чьи поля занимали плодородные склоны Сьерра-Морены. Его знамена неоднократно видели с зубчатых стен Мерида. Его эскадры угрожали пригородам мусульманской столицы. Он с неослабевающей строгостью проводил в жизнь безжалостную политику истребления, начатую первым монархом, носившим его имя. Пленники, взятые в его многочисленных экспедициях, по большей части были распределены по поместьям церковного ордена и королевским владениям для использования на строительстве церквей, монастырей, замков и дворцов. С каждым продвижением линии, отмечающей границу двух королевств на юг, возводились новые крепости, самой известной из которых была та, что стояла на месте современного Бургоса, города, судьба которого всегда была так тесно связана с судьбой Кастильской монархии. Провинция Наварра, до сих пор считавшаяся незначительным княжеством, чья верность Астурийской короне была признана скорее из-за безразличия ее жителей, чем на основе признания каких-либо определенных обязательств, стала таковой благодаря браку Альфонсо III. чтобы Химена, дочь графа, получила возможность впервые в истории претендовать на статус независимого королевства. В течение тридцати одного года Альфонсо вел непрерывную борьбу с эмирами Кордовы. Он увидел, что владения потомков тех перепуганных беглецов, нашедших убежище в дебрях Пиренеев, простирались далеко за пределы Дору и Тежу до берегов далекой Гвадианы. Он был свидетелем полной консолидации светской и церковной власти, союза, столь во многом предвещавшего будущую славу и бесчестие Испании. Святилище Сантьяго уже обогатилось набожностью благочестивых и страхами нечестивых; грубая деревушка начала приобретать облик города; невзрачная часовня была заменена величественным собором; и постоянный поток плачущих и бьющихся в истерике паломников свидетельствовал о росте духа фанатизма, последствия которого вскоре должны были ярко проявиться в тех романтических подвигах, которыми изобилуют летописи Реконкисты. В конце его правления три четверти полуострова - территории, которая, за исключением уголка горной глуши, когда-то платила дань последователям Мухаммеда, — находились во владении защитников христианского мира или их союзников.

Юность нового эмира Аль-Мондира, как и юность его предков, прошла среди военных упражнений или в воинственных предприятиях. Ни один принц еще не вззошел на трон при более благоприятных обстоятельствах и в то же время не обладал большей квалификацией для восстановления потускневшего блеска мусульманского имени. Его благоразумие и проницательность были как раз пропорциональны импульсивному мужеству, которое выделяло его среди нации героев. Об энергичности его характера можно судить по его ответу толеданцам, которые сразу же после его восшествия на престол прислали ему обычную дань, которую он сразу же вернул со следующим посланием: "Оставьте свои деньги на военные расходы, ибо, если Богу будет угодно, я скоро нападу на вас".

Отсутствие Аль-Мондхира, как уже говорилось, дало грозному мятежнику Ибн-Хафсуну возможность значительно увеличить число своих сторонников и с помощью угроз и обманчивых обещаний захватить многие важные крепости в Андалусии. Решительный принц, прекрасно сознававший опасный характер своего противника, не позволил ему долго пользоваться преимуществами, которые позволили ему получить благодаря домашнему несчастью других, а не его собственным способностям. Спокойно покинув Кордову во главе отряда ветеранов, он внезапно осадил укрепленный пост Арчидона, которым командовал союзник Ибн-Хафсуна и, как и он, ренегат. Смелость этого вождя, который, пороча религию, от

которой он отказался, заявил о своей готовности быть казненным в случае поимки, побудила Аль-Мондира соблазнить алчность горожан огромной взяткой; отступник был выдан и, в соответствии с условиями его неповиновения, подвергся позорной в глазах всех мусульман смерти — распятию между телами двух самых нечистых животных. Придя в ужас от этого примера суровости, Архидона открыла свои ворота. Затем кавалерия эмира опустошила страну, лишенную провизии; несколько городов были разграблены; два десятка мятежников, избранных за выдающиеся заслуги в своей партии, были казнены; и вся армия Аль-Мондира, окрыленная успехом и воодушевленная надеждой на добычу и месть, окружила грозную крепость Бобастро.

Хотя он почти не опасался, что его замок может быть взят, хитрый Ибн-Хафсун решил, по возможности, предусмотреть такой случай и избавить своих сторонников от катастрофических последствий блокады. Со всей видимостью искренности он заявлял о желании заключить постоянный мир. Аль-Мондир, со всем его опытом, не устоял перед скромными выражениями сожаления и заверениями в будущей лояльности, предложенными вождем повстанцев. Договор был составлен практически под диктовку последнего. По его просьбе были предоставлены сто мулов под охраной эскорта из ста шестидесяти всадников для перевозки его семьи и имущества в Кордову. Его кажущаяся покорность рассеяла все подозрения в его добросовестности, и он без труда сбежал глубокой ночью; вернувшись в Бобастро, который армия эмира оставила, он собрал нескольких солдат, перебил охрану и к рассвету снова был под защитой крепостных башен. Гнев Аль-Мондира, доведенный до высшей степени этим проявлением двуличия, побудил его дать торжественную клятву, что он не прекратит своих усилий до тех пор, пока вероломный мятежник не понесет сурового наказания за свою измену. Блокада была возобновлена, но с меньшей энергией, поскольку дисциплина войск была не только слабой, но и они были обескуражены перспективой затяжной осады, поскольку среди них преобладало мнение, что Бобастро неприступен. Зная о растущем недовольстве, его брат Абдаллах и дворцовые евнухи составили заговор против Аль-Мондира; придворного врача убедили использовать отравленный ланцет, чтобы пустить кровь его царственному пациенту из-за какого-то пустякового недомогания; и доблестный принц, чья карьера позволяла ему стать одним из самых прославленных представителей его династии, умер в мучительных пытках после правления, длившегося немногим менее двух лет. Он не оставил сыновей, и преступный замысел Абдаллы, который был быстро приведен в исполнение именно по этой причине, был осуществлен: принц, которому сообщили о смерти Аль-Мондира прежде, чем это стало известно его друзьям, внезапно появился в лагере, заявил о своих притязаниях на трон и получил неохотное почтение офицеров армии.

Солдаты, уважавшие способности Ибн-Хафсуна и благоговевшие перед его свирепым духом, не выказали никакого горя по поводу смерти своего повелителя. Со всеми проявлениями радости они повернулись спиной к цитадели повстанцев и, не сохраняя подобия военного порядка, беспорядочно двинулись к своим домам. Каждая деревня, через которую проходил этот вооруженный сброд, была ареной сотен случаев дезертирства и грабежа и без того жестоко угнетенных жителей. Беспорядочное отступление не ускользнуло от внимания Ибн-Хафсуна, и он уже был в тылу отступающей колонны, когда прибыл гонец от узурпатора, умоляющий его проявить терпение и заявляющий, что у него нет враждебных намерений по отношению к нему. У лидера повстанцев хватило вежливости уважить это прошение, и Абдалле, охранявшему труп своего брата, небрежно привязанный к верблюду, было позволено беспрепятственно добраться

до Кордовы. Дезорганизация армии была настолько полной, что из нескольких тысяч человек едва ли осталось два десятка солдат, чтобы сопроводить нового монарха до ворот столицы.

Казалось, что короне, запятнанной изменой и братоубийством, суждено теперь стать орудием всеобщего несчастья. Политическое положение полуострова и без того было чрезвычайно сложным. Обществу повсюду угрожал распад. Арабы, гордившиеся своим происхождением и приписывавшие своей расе заслуги в завоеваниях, в значительной степени достигнутых их союзниками и прозелитами, представляли собой аристократию, чьи притязания были одновременно необоснованными и оскорбительными. Далекие от признания новообращенных в ислам братьями, как это рекомендовано Кораном, они обращались с ними как с подчиненными и часто подвергали их унижениям, которые они не решились бы причинить своим собственным рабам. Смена поколений, самые выдающиеся заслуги, величайшие таланты, совершение доблестных поступков, вызывавших аплодисменты их врагов, не могли в глазах этих надменных потомков идолопоклонников и бандитов искупить упрек в древней неверности. Но арабы были едины только в своем антагонизме к недавно обращенным и их детям. Между сирийцами и бедуинами хеджаза все еще существовала непримиримая вражда. Наследственная вражда маадитов и йеменцев сохранила всю свою первоначальную горечь и интенсивность, хотя из-за непрекращающегося столкновения других интересов ее проявления были не столь выражены, как в первые годы существования эмирата. Конфискация поместий готских беглецов и удача от Завоевания дали арабам возможность приобрести обширные поместья и накопить огромные богатства. Глубоко укоренившаяся антипатия бедуинов к заточению привела к тому, что аристократия полуострова обосновалась в окрестностях крупных городов, таких как Хаэн, Кордова, Севилья и Малага, где, окруженные армией слуг и рабов, они наслаждались удовольствиями и независимостью пастушеской жизни, пристрастие к которой они унаследовали от своих предков, знати Центральной и Западной Аравии.

Но несколько группировок, на которые были разделены арабы, не шли ни в какое сравнение по численности, могуществу или богатству с теми, кто составлял остальную часть населения. Лишь небольшая часть христиан, которые вследствие вторжения Тарика искали неограниченного осуществления политической и религиозной свободы в дебрях Астурии. Священные традиции предков, узы рождения, ассоциации детства, страх бедности, надежда на богатство и отличия удерживали подавляющее большинство в их домах, где многие продолжали пользоваться уважением, вызванным высоким положением и большим имуществом. Некоторые с радостью платили разумную дань, которая обещала большую степень безопасности, чем они когда-либо знали при королях и вождях готского происхождения. Они назывались Ахль-аль-Зимма, Данники. Представители другого класса, аджемы, смело отказались признать власть завоевателя и сохраняли номинальную независимость в горах, где у них были свои убежища, но, лишенные эффективной организации, они едва ли поднялись до достоинства бандитов. Соблазнительные стимулы денежного интереса и политической выгоды сформировали другую касту или фракцию, более многочисленную и более важную по своему влиянию на судьбу полуострова, чем все остальные, вместе взятые, — мувалладов, всеобъемлющий термин, обозначающий людей, чье происхождение, хотя и было номинально арабским, все же было испорчено некоторой иностранной примесью и которое, преобразованное в мулатский, вошло во многие языки Европы. Это обозначение обычно применялось к потомкам ренегатов или вероотступников, называемых Мосалимами, название, соответствующее мориско, или Новым христианам, обращенным после захвата Гранады ревностным Хименесом и его помощниками с помощью убедительных аргументов дыбы и фагота. Еще одной кастой были мураддины, бывшие

новообращенные, которые, отрекшись от веры ислама, обрекали себя на смерть - наказание, предписанное Мухаммедом за непростительное преступление отступничества. Это были преступники и разбойники с большой дороги, которые, бросая вызов слабой полиции, поддерживаемой правительством, открыто взимали подати с путешественников в пределах видимости минаретов Кордовы. Добавьте к этим дезорганизующим элементам общества полудиких берберов, - по большей части идолопоклонников в религии и убийц на войне, — и вы легко поймете, с какими трудностями сталкивались самые способные принцы Оммейядов. Евреи, чьи коммерческие устремления всегда делали их сторонниками мира и часто полезными посредниками, по очереди подвергались ограблению и угнетению со стороны каждой фракции, в руки которой им не повезло попасть. Ни в одном регионе мира равной площади не было такого смешанного и беспокойного населения, как Испанский полуостров до Реконкисты. Эмиры, руководствуясь принципом, знакомым всем деспотическим государям, которым угрожало ограничение их власти, по очереди оказывали свою благосклонность арабам и мувалладам, в зависимости от того, казалось, что тот или другой вот-вот получит превосходство, опасное для безопасности государства. Но эта политика отреагировала неожиданным образом и усугубила зло, которого она должна была избежать. Победившая сторона никогда не упускала случая воспользоваться своим преимуществом с жестокой жестокостью. Фракция, на какое-то время оказавшаяся под неодобрительным взглядом Суда, потеряла всякое уважение и отказалась от своей верности правительству, которое отказало ей в защите законов. Результатом стал ожесточенный конфликт, в котором Араб и Муваллад выступили против эмира и друг против друга одновременно. Смерть Аль-Мондхира стала сигналом к усилению беспорядков, которые слабый и лицемерный Абдаллах не смог подавить. Арабская знать давно надеялась возродить в другой стране тот период неограниченной вольности, традиции которого сохранились в захватывающих поэмах о разбойниках и пастухах пустыни. Знаменитый Ибн-Хафсун, чье имя наводило ужас на каждую деревню и который, как глава повстанцев Бобастро и естественный союзник каждой партии недовольных, был могущественнее самого эмира, теперь начал лелеять надежду на то, что его действительно облекут королевским достоинством, которым он, в сущности, уже пользовался.

Положение Абдаллы было крайне опасным. Лояльность к Дому Оммейядов, которая на протяжении поколений была характерной чертой как арабов сирийского происхождения, так и курайшитов, была сильно подорвана. Казна была пуста. Налоги, причитающиеся с вали, по большей части были удержаны. Взимание дани христианами, подстрекаемыми мувалладами, которых они считали своими защитниками, было приостановлено, за исключением Кордовы и ее ближайших окрестностей. Королевские конвои перехватывались и грабились на дорогах. Верность населения столицы, подозреваемого в тайной связи с врагом, вызывала недоверие. Дух бравады даже побудил Ибн-Хафсуна провести несколько дней в его воротах, в которые он беспрепятственно вошел под видом нищего. Предвзятости Абдаллы склонили его к союзу с отступниками. Его ранние годы прошли в тесной дружбе с офицерами гвардии, которые с тех пор стали выдающимися лидерами этой партии. Достижения Ибн-Хафсуна скорее вызвали у него восхищение, чем негодование. Сознывая свою беспомощность и желая умиротворить самого могущественного вождя оппозиции, он зашел так далеко, что предложил ему правление Регио при условии возвращения ему верности. Коварный мятежник, для которого присяга была ничего не значащей церемонией и который желал передышки, чтобы иметь возможность реорганизовать свою армию, согласился без колебаний и даже согласился отправить своего

сына и нескольких своих офицеров в качестве заложников ко двору эмира. Последний отнесся к этим заверениям в сомнительной верности вероломного вассала со всем почтением, которое обычно приберегают для эмиссаров королевской семьи. Их великолепно принимали, поселяли во дворцах и преподносили дорогие подарки. Лишенные свободы, они без труда сбежали, когда несколько месяцев спустя получили секретное сообщение с просьбой вернуться в Бобастро. Потеряв всякую уверенность в своем лояльном поведении с их отъездом, Ибн-Хафсун возобновил свои грабежи с большей дерзостью, чем когда-либо. Вскоре после этого к нему обратились за помощью ренегаты из округа, который до сих пор скорее избегал его союза, чем добивался его, — города и провинции Эльвира.

При общем распределении земель, произведенном под руководством эмиров, признавших халифа Дамаска, прекрасная равнина, впоследствии известная как Вега Гранадская, была передана уроженцам Сирии. С истинно бедуинской сдержанностью и свободолюбием авантюристы, завоевавшие этот земной рай своей доблестью, расположили свои жилища как можно дальше от людных мест, насколько позволяли размеры и положение их поместий. Увеличение их стад и плодородие земли, возделываемой множеством трудолюбивых рабов, вскоре подняли их потомков на вершину богатства. В ходе событий из-за конфискаций за государственную измену, военных потерь и последствий болезней многие арабские семьи вымерли, а их недвижимое имущество путем покупки или вымогательства перешло к сравнительно небольшому числу крупных собственников, чьи владения охватывали все наиболее ценные поместья в провинции. Эти лорды образовали касту, которой по высокомерию и исключительности не было равных на полуострове. Национальной гордости сирийского аристократа безмерно льстило суверенное превосходство его соотечественников, принцев Дома Оммея. В своем непомерном тщеславии он воображал, что будущее этой династии зависит от его личных усилий, поскольку приучил себя верить, что ее установление произошло исключительно благодаря гению и усилиям его предков. И все же, несмотря на всю его декларируемую привязанность к короне, в его лояльности не раз справедливо подозревались. Здесь, как и везде, интересы двора неоднократно приносились в жертву злобе фракций, ибо непрекращающаяся вражда между йеменцами и маадитами нигде не поддерживалась с такой яростью, как в провинции Эльвира. В общении с равными себе араб с Веги — как и все его собратья, на время приобщившиеся к утонченности цивилизации, — был образцом рыцарской вежливости и грациозной обходительности. Но его поведение сильно менялось, когда его дела требовали какого-либо общения с жителями города, которые, в его глазах, подвергались двойному обвинению в том, что были торговцами и ренегатами. Не было упущено ни одной возможности унижить этих мирных граждан; хотя на практике они были набожными мусульманами, над ними постоянно насмехались за их отступничество; и для их осуждения неисчерпаемый словарный запас арабов был перерыт в поисках оскорбительных эпитетов, один из которых, “филии канум”, дошел до нашего времени как само воплощение оскорбления.

Высокий дух жителей Эльвиры был подавлен грубыми и неспровоцированными оскорблениями, которым они постоянно были вынуждены подвергаться. Они также кичились своим происхождением и гордились своими сувенирами. На заре Вестготской империи древний Иллиберис былоазисом в унылой языческой пустыне, охватывавшей весь полуостров. Это была резиденция первого испанского епископства. В первой четверти четвертого века здесь состоялся знаменитый Собор, многие каноны которого до сих пор признаны Римско-католической церковью действительными. Среди них был один, требующий безбрачия священства, - постановление, впоследствии принятое и приведенное в исполнение Григорием

VII. Там также была разработана дисциплинарная схема, которая, первоначально нацеленная на богатых и преуспевающих евреев, стала образцом той ужасной машины преследования, инквизиции, пытки которой, усовершенствованные церковной дьявольщиной, по прошествии более чем тысячи лет наполнили мир ужасом. Город, хотя и уступал по природным преимуществам своему растущему соседу Гранаде, тем не менее имел значительное политическое и коммерческое значение. Щедрое благочестие готской знати обогатило его епархию большими пожертвованиями, и его церкви по элегантности и великолепию могли сравниться с любой в королевстве.

Но заразительный пример широко распространенного отступничества, условия, которое обходилось без уплаты дани и в то же время сильно взывало к честлюбию беспринципных и эгоистичным страстям толпы, вскоре дал о себе знать даже в этой цитадели христианства. Подкуп прелатов во главе с епископом Самуилом, чье распутство приобрело ему дурную славу, пропорциональную достоинству должности, которую он опозорил, сотнями загонял возмущенных христиан в лоно ислама. Те, кто оставался верен традициям Церкви, подвергались таким преследованиям, что у них не оставалось иного выхода, кроме как присоединиться к своим братьям, многие из которых пожертвовали своими убеждениями из более низменных побуждений, чем самосохранение. Этому массовому дезертирству в значительной степени способствовало попустительство низшего духовенства, а также открытое насилие епископа и его помощников, которые, развращенные мусульманами, прилагали гораздо больше энергии и успеха в привлечении прозелитов в религию Мухаммеда, чем они когда-либо делали в продвижении дела Христа. В конце концов, бесчинства этого недостойного прелата стали настолько невыносимыми, что он был отстранен от своей кафедры и лишен священной власти; после чего он немедленно отправился в Кордову и, публично отрекшись от своей веры, был вознагражден прибыльной должностью гонителя, позорной должностью, обязанности которой он исполнял со всем злобным усердием отступника. Задолго до восшествия на престол Абдаллы негодование мувалладов Эльвиры, разгоревшееся до предела, вылилось в акты открытой враждебности против их грубых соседей, арабской знати. Симпатии евреев Гранады, по-видимому, были на стороне последних, которые в различных случаях были спасены от уничтожения дружественными стенами этого города. Превосходящие своих противников численностью и равные им по храбрости, результаты каждого сражения были благоприятны для отступников. Поскольку ни одна из сторон не привыкла уступать, борьба вскоре приняла характер войны на уничтожение. В 889 году несколько сирийских вождов, которые посещали столицу провинции под защитой перемирия, были предательски убиты на улицах, что стало катастрофой, которая дала Мувалладам, и без того достаточно могущественным, кратковременное, но неоспоримое господство. Арабы, численность которых была истощена в результате многих лет войны подряд, на мгновение забыли о своей наследственной вражде, которую никакое бедствие, каким бы серьезным оно ни было, не могло полностью примирить, охваченные всепоглощающей страстью мести. Они выбрали своим предводителем Саувара, почтенного воина, чей преклонный возраст был озлоблен кровавым принесением своего единственного сына в жертву ярости отступников. Несчастья изгнали из его груди всякое чувство сострадания, всякий намек на человечность. Жестокая свирепость, считавшая малейшую уступку слабости врага преступлением, была характерной чертой шейха, которого арабы теперь выбрали для восстановления своего упавшего состояния. Первым подвигом этого свирепого воина было взятие Монте-Сакро, крепости к северу от Гранады, которая стала ареной величайшей победы Мувалладов и поводом для смерти его любимого

сына. Несмотря на свою крепость, замок был взят при первой же атаке, и шеститысячный гарнизон был перебит до единого человека. Воодушевленный своим успехом и взбешенный вкусом крови, отчаявшийся Саувар в полной мере утолил свою жажду возмездия. Ужас перед его оружием заставил многие города сдаться без боя. Но покорность не давала пощады, и работа неумолимо продолжалась. Ни один Муваллад, которому не повезло попасть в руки арабов, не спасся. Простое подозрение на испанское или готское происхождение считалось достаточным доказательством личности и приводило к верной и быстрой смерти. Даже те состояния беспомощности, которые наиболее легко вызывают к состраданию человечества, не были учтены в этом огульном запрете, и многие выдающиеся семьи, чьи имена были связаны с некоторыми из наиболее заметных событий римских и вестготских летописей, были сметены одним ударом с лица земли.

Это царство террора, угрожавшее истреблением их расы, побудило отступников обратиться за помощью к Джаду, арабскому губернатору провинции, власть которого они оспаривали после отказа от обычной дани. Убедившись в их искренности, он выступил во главе значительного отряда против грозного партизана. Результатом была решительная победа арабов; тела семи тысяч убитых устлали поле битвы, а губернатор остался пленником в лагере врага.

Престиж, приобретенный Сауваром после этих решающих преимуществ, привел к тому, что многие соседние города искали его союза, среди них Калатрава и Хаэн. Доведенная до отчаяния фракция Муваллада заявила о своей готовности возобновить свою верность эмиру. Но последний был бессилён оказать им какую-либо существенную помощь. Кредит правительства был настолько низок, что оно едва могло заплатить войскам, необходимым для обороны столицы. Личные качества Абдаллы не были таковы, чтобы заручиться сочувствием или вызвать энтузиазм народа и тем самым в какой-то степени компенсировать недостатки казны. Губернаторы провинций были, по всем практическим соображениям, независимыми князьями. Кордова была резиденцией цветка арабской знати, все предрассудки которой были на стороне Саувара и его последователей в их усилиях по истреблению ненавистных ренегатов, предприятию, которое они считали не менее достойным, чем крестовый поход против неверного врага. Желая, но не имея возможности проявить свою власть в интересах своих несчастных подданных, эмир решил взять на себя менее опасную должность посредника. Поэтому он предложил Саувару управление несколькими городами при условии, что тот признает себя вассалом короны и прекратит преследование отступников. Это выгодное предложение было с готовностью принято; обе фракции принесли присягу на верность; военные действия были приостановлены, и впервые за много лет провинции Эльвира было позволено наслаждаться благами общественного и частного спокойствия.

Привыкшие к войнам и сценам резни, активные жители Саувара страдали от монотонности и уныния, вызванных гражданской рутинной и обязанностями судей. Территория, которую захватил Ибн-Хафсун и над которой он правил с деспотической властью, простиралась до границ провинции Эльвира. Не в силах устоять перед искушением, Саувар обратил свое внимание на приверженцев этого прославленного защитника Мувалладов, и вскоре долины и деревушки восточной Андалусии были поражены бедствием, варварство которого не имело аналогов со времен вторжения вандалов. Сочувствие их единоверцев, подданных Саувара, было заручено поддержкой тех, кто пострадал во имя общего дела; муваллады Эльвиры почти без исключения поднялись с оружием в руках, а арабы, изгнанные из города и преследуемые во всех направлениях, под влиянием общего порыва искали временного убежища в Гранаде.

Крепость Альгамбра, сооружение отдаленной и неопределенной древности, впервые определенно упоминается во время гражданских войн Эльвиры. Он был известен арабам по крайней мере спустя столетие после завоевания как Ка'лат-аль-Хамра, Красный замок, а его господствующее положение и природная мощь делают вероятным, что здесь могла располагаться цитадель еще во времена карфагенской оккупации. Весь холм Альгамбра не был огорожен, как в настоящее время, и в рассматриваемое время укрепления ограничивались выступом, возвышающимся над нынешним городом и известным современным путешественникам как Алькасаба. Покинутый правительством и оставленный без присмотра жителями, чье еврейское происхождение заставляло их полагаться в своей безопасности скорее на их проницательность, чем на мужество, почтенный замок пришел в упадок. Неоднократные осады, которые он выдерживал в ходе непрекращающихся боев между соперничающими группировками, в дополнение к разрушениям, вызванным временем и действием стихий, значительно снизили его способность к сопротивлению. В их критическом положении, когда все зависело от их индивидуальных усилий, — ибо нельзя было надеяться на подкрепление, — суеверные страхи людей, подкрепленные живым воображением, находили в каждом тривиальном происшествии знак благоприятного или фатального предзнаменования. К счастью для их дела, благоприятные предзнаменования преобладали в тот день, когда силы осаждающих, численность которых достигала двадцати тысяч человек, приготовились штурмовать их укрепления. Со свойственной ему хитростью благоразумный Саувар решил с помощью военной хитрости нейтрализовать подавляющее превосходство своих противников. Покинув цитадель и оставшись незамеченным в суматохе боя, он внезапно появился во главе отборного отряда в тылу врага. Совершенно удивленный, последний сразу же пришел в замешательство; вся армия обратилась в бегство, а перепуганных отступников преследовали до самых ворот Эльвиры. Армия Муваллада была полностью уничтожена. Вся провинция была в трауре. Не было семьи, которая не оплакивала бы отсутствие одного или нескольких человек из своего состава, не было солдата, который не оплакивал бы потерю товарища или подруги. Испытывая глубокое унижение, остатки войска-отступника приготовились защищать столицу, в которую всего несколько часов назад они рассчитывали вернуться с триумфом. Восторг арабов проявлялся во всем экстравагантном ликовании, свойственном этой страстной расе. Слава о Сауваре распространилась до самых дальних пределов полуострова. Его подвиги с разной пристрастностью воспевались поэтами обеих фракций, чьи интересные произведения часто компенсируют неудовлетворительные рассказы хроникера, а в их оживленном и графическом описании важных событий и выдающихся личностей историку предоставляется обильная и бесценная информация.

Обескураженные члены фракции Муваллада теперь решили перейти под защиту Ибн-Хафсуна. До сих пор они никогда не просили его о помощи и, что еще более примечательно, не искушали его честолюбия и не вызывали его враждебности. Честолюбивый вождь с жаром взялся за дело, столь соответствующее его авантюрному духу. С уверенностью, порожденной многими победами, он столкнулся с арабами на поле боя. Однако Муваллады снова потерпели поражение, и Ибн-Хафсун, тяжело раненный и видевший, как поредели ряды ветеранов, на которых он полагался в десятках кампаний, с трудом отступил и скрылся в горах Ронды.

Жителям Эльвиры в конце концов удалось хитростью добиться того, чего им не удалось добиться оружием, и Саувар, заманенный со своим эскортом в засаду, был убит. Жестокий

инстинкт человеческой природы, который, потерпев неудачу в своих усилиях против живых, находит дикое удовлетворение в нанесении увечий мертвым, был продемонстрирован в самом отвратительном виде женщинами Эльвиры. С криками диких зверей они разрывали на куски и пожирали труп своего преследователя. Это обращение к каннибализму как средству мести, по-видимому, часто практиковалось в войнах арабов и тех народов, которые находились под их господством. Это упоминается в доисламских поэмах и преданиях. Примечательный случай, о котором уже упоминалось, произошел в битве при Ухуде. И не лишены примеров сохранения обычая, усугубленного злобой, возникшей в результате почти непрекращающейся гражданской войны при Восточных и Западных халифатах, нарушение жизненных приличий в которых, казалось бы, вызвало бы отвращение у варваров, не говоря уже о нациях, давно знакомых с удобствами общества и требованиями сравнительно развитой цивилизации.

Серьезные волнения, нарушившие покой Эльвиры, были не единичными случаями общественных беспорядков, а скорее разновидностью того, что охватывало весь полуостров. В Севилье восставшие арабы по очереди объединялись с ренегатами и выступали против них, бросая вызов власти суверена. Старая столица Бетика с момента своего основания никогда не отказывалась от своего гордого положения столицы Южной Испании. Другие города пользовались номинальным титулом, но королева Андалусии всегда, при карфагенянах, римлянах, готах и арабах, сохраняла признанное и заслуженное превосходство. Его природные преимущества были непревзойденными. Он стоял посреди одной из самых плодородных равнин Европы. Гвадалквивир принес сокровища Востока к своим воротам. Долгое время это была резиденция предстоятеля королевства, а сувениры придавали ему особую святость в глазах христиан. Его деловые возможности привлекли многочисленную и предприимчивую еврейскую колонию. Смешение многих рас, господство десятков династий придали его обитателям особый характер, необычайную одаренность, феноменальную интеллектуальную активность. К их литературным талантам и язвительному остроумию добавилось непостоянство в политических пристрастиях и религиозных верованиях, что часто становилось предметом упреков и скандалов. Со странным единодушием они при первом же намеке на существенные выгоды отступничества отреклись от евангельских истин. В награду за их раболепие была построена великолепная мечеть, но ни ежедневное исполнение исламских обрядов, ни принятие арабского языка, ни смена одежды не смогли искоренить те выдающиеся ментальные черты, которые были сформированы домашней жизнью и освященными веками традициями двенадцати насыщенных веков.

Между Мувалладом и арабскими партиями в Севилье существовали те же предрассудки и национальный антагонизм, что и при Эльвире, за тем примечательным исключением, что их взаимная неприязнь еще не была омрачена кровавыми деяниями. Но опасная близость незаконной арабской знати, оккупировавшей плодородный район Аксарафе, омывающий Гвадалквивир, рано подсказала отступникам необходимость тщательной подготовки к обороне. Таким образом, была сформирована организация, члены которой подлежали призыву на действительную службу и которая по своим уставам и военным обязанностям имела значительное сходство с ополчением современности.

Признанными вождями севильской аристократии были шейхи двух могущественных племен Бени-халдун и Бени-Хаджадж. Их поместья представляли собой самые ценные и плодородные земли в окрестностях столицы Андалусии. В некоторых отношениях предубеждение арабов против развития торговли и применения механических искусств было смягчено, и гордые

потомки бедуинов Йемена не считали несовместимым с их достоинством увеличивать свои ресурсы за счет фрахтования кораблей, покупки и продажи товаров, а также изготовления оружия и доспехов. Богатство, полученное от этих прибыльных занятий, в дополнение к доходу от их обширных плантаций, позволило им поддерживать состояние, которое затмевало даже царственное величие кордовского двора. Верные пастушеским традициям своей расы, эти знатные князья проводили большую часть времени в своих загородных резиденциях; но они также содержали роскошные заведения в городе, куда они прибегали по пятницам, чтобы присутствовать на богослужениях в мечети, ослеплять глаза и вызывать зависть и негодование населения величием своих нарядов и дерзостью своих манер.

Общеизвестно, что обычная тенденция к богатству и преуспеванию заключается скорее в смягчении, чем в стимулировании страстей честолюбия и независимости. Заметное исключение из этого принципа существовало в случае с арабской аристократией Севильи. Самый богатый и эпикурейский по своим вкусам из всех в королевстве, он был в то же время самым узким, воинственным и исключительным. Непреходящие пороки Пустыни — любовь к войне, отвращение бедуинов к королевской власти, которая, казалось, подразумевала неоправданное превосходство, с одной стороны, и видимость рабства, с другой, — перевешивали все соображения безопасности, все преимущества мира. Эта склонность к беспорядку была в значительной степени присуща тем, кто проживал в сельской местности, где заметное сужение интеллекта и упорство в предрассудках всегда были хорошо известными характеристиками тех, кто проводит свою жизнь среди сцен, не затронутых столкновением интересов, суестью, предприимчивостью, постоянно меняющейся панорамой столичной жизни. Севильские арабы относились к нетерпению своих собратьев из Аксарафе с неодобрением, которое не могли преодолеть даже племенная привязанность и гордость предков. Но их численность была невелика, а их влияние незначительно по сравнению с огромной властью сельской знати, множество рабов и вассалов которой придавало его резиденции вид столицы княжества.

Несмотря на все их претензии, кровь многих из этих лордов была запятнана нечистой торговлей с неверными. Генеалогическое древо Бени-Халдуна изобиловало многочисленными скрещиваниями, которые сильно ухудшили чистокровный род знати Хадрамаута. Бени-хаджаджи вели свою родословную по материнской линии от королевской семьи вестготов. Примесь христианской крови, однако, не оказала видимого влияния на смягчение их нравов, и в глубине души они были такими же беззаконниками, как самые дикие бедуины, которые все еще поклонялись идолам Эпохи Невежества и регулярно грабили караваны, идущие между Мединой и Меккой.

Главой арабской фракции в Севилье был Кораиб, шейх Бени-Халдуна. В таланте к политическим интригам, в беззастенчивой наглости, в фанатичной преданности тому, что он считал честью племени, у него не было соперника. В течение многих лет он тайне лелеял мечту о независимости, которая должна была осуществиться с помощью насилия и грабежей. Личные амбиции, похоже, не играли никакой роли в его плане всеобщего беспорядка. Беспричинная ненависть к королевской власти и безумное стремление восстановить свободу доисламских времен, по-видимому, были единственными мотивами, которые двигали этим опасным агитатором, чей интеллект был слишком затуманен злобой и предрассудками, чтобы понять, что единственная защита его собственных владений заключалась в сохранении сильного и деспотичного правительства.

Получив отпор от своих соотечественников в городе, Кораиб обратил свое внимание на жителей пригородов. Его влияние было настолько обширным, а его дело настолько популярным в Аксарафе, что вскоре он оказался в состоянии перейти в наступление. Многие влиятельные арабские и берберские шейхи пообещали свое сотрудничество. Богатая добыча провинции Севилья была предложена берберам Мериды и разбойникам, кишевшим в крепостях Сьерра-Морены. По данному сигналу эти безжалостные дикари обрушились на поля и жилища незащищенных крестьян. С изумлением и ужасом трудолюбивый фермер увидел, как в одно мгновение были сметены накопления всей жизни, его дом предан огню, его сыновья хладнокровно убиты, его жена и дочери утащены в рабство. При первом появлении врага губернатор созвал всех соседних вождей присоединиться к нему со своими слугами. Среди них был Кораиб, который, вследствие предыдущего соглашения с берберами, дезертировал при благоприятном случае. В первом столкновении мятежники одержали полную победу и, разграбив страну по своему усмотрению, вернулись в Мериду, оставив окрестности Севильи в состоянии завоеванной провинции, претерпевшей все повреждения, которые могла нанести безжалостность варваров.

Информация об этом успешном предприятии вскоре была доведена до логова каждого разбойника на полуострове. Хотя бандиты давно знали о слабости эмирата и военной неспособности его суверена, они, тем не менее, не решались приближаться к окрестностям крупных городов, таких как Севилья, и их грабежи ограничивались изолированными деревушками и шоссе, соединяющими столицы провинций с побережьем. Теперь, однако, перед ними открылось более широкое поле для потакания своим хищническим инстинктам. Со всех концов света вооруженные головорезы и преступники, с детства привыкшие к жестокости и грабежам, поодиночке и группами направлялись в провинцию Севилья. Вся страна была обложена контрибуцией. Крестьяне бросили свое имущество и бежали со своими семьями в метрополию. Могущественные вожди Лузитании и Эстрамадуры, сбросившие ярмо эмирата, но в течение многих лет довольствовавшиеся мирным независимым управлением своими княжествами, теперь поспешили получить свою долю награбленного. Отступник Ибн-Мерван, о подвигах которого при предыдущем правлении уже рассказывалось, спустился на равнины Андалусии во главе свирепых воинов Бадахоса.

Губернаторы провинций, столь же некомпетентные, как и их хозяин, не смогли или не захотели подавить царившую анархию. Эту, казалось бы, безнадежную задачу в конце концов выполнил Ибн-Галиб, муваллад из Эджии, чьи способности и мужество за несколько месяцев восстановили сравнительный порядок во всей Андалусии.

Престиж, достигнутый таким образом представителем презираемой расы, которую злобные предрассудки партии посвятили уничтожению, был особенно ненавистен арабской аристократии. Борьба, которая бушевала между соперничающими кастами за самосохранение, с одной стороны, и абсолютное превосходство - с другой, теперь стала более кровопролитной и непримиримой. Города наполнились смятением. Эмир был открыто оскорблен. Влияние арабской фракции в Диване в конце концов возобладало, и Ибн-Галиб был принесен в жертву акту предательства ради ненависти своих врагов из-за своего рвения к интересам своего господина.

Известие о его смерти спровоцировало восстание в Севилье. Симпатии народа были на его стороне в его ссоре с арабской знатью. Его популярности способствовали многие причины. Он был ренегатом, и его политические интересы совпадали с интересами большинства граждан. Большое количество уроженцев провинции служили под его знаменами. Он смел разбой с больших дорог. В результате его энергичных мер торговля возродилась, и общественное доверие в определенной степени было восстановлено. Не только его сторонники, но даже те, кто из политических соображений до сих пор сохранял нейтралитет, теперь требовали головы его убийц. Город был в руках разъяренной толпы. Губернатор был осажден в своем дворце. Потребовались все ресурсы правительства, чтобы подавить вспышку, которая на какое-то время грозила самыми серьезными последствиями. Страшное возмездие постигло всех, взятых в плен с оружием в руках или подозреваемых в оказании помощи восстанию или сочувствии. Лидеры фракции Муваллада, самые видные торговцы города, были обезглавлены или распяты. Многие из несчастных, избежавших слепой ярости преследования, были намеренно убиты. Их дома были отданы на растерзание алчности, их гаремы - похоти жестоких солдат. Потребовалось все влияние ведущих членов победившей партии, мало склонных к проявлению милосердия, чтобы остановить беспорядочную резню своих несчастных соседей. Прекращение боевых действий было, однако, лишь временным. Взаимные акты насилия возобновили смертельную борьбу между противоборствующими группировками. В конце концов провинция была оставлена арабам из-за слабости двора. История уклоняется от задачи фиксировать бесчинства и пытки варваров, недоступных жалости и не сдерживаемых никакими законами Божьими или человеческими. Достаточно сказать, что Муваллады Севильи были уничтожены. Воспоминания о катастрофе, которая произвела глубокое впечатление на политику полуострова, все еще заметны в традициях и менестрелях Юга Испании.

Арабская фракция теперь торжествовала. Баланс сил был нарушен. Христиане Кордовы, убежденные в том, что близок конец мусульманскому господству, обратились за помощью к Ибн-Хафсуну, чьи прежние связи и нынешнее влияние, казалось, указывали на него как на их избавителя, преимущество, которое он не замедлил признать.

Сознание больших талантов; постоянный успех, сопутствовавший его операциям; фактический контроль над самыми богатыми провинциями полуострова; и безграничная, почти рабская преданность его последователей теперь побудили Ибн-Хафсуна стремиться к правам, а также к фактическому обладанию абсолютной властью. С этой целью он отправил посольство, нагруженное дорогими подарками, к аббасидскому вице-королю Африки, предлагая стать вассалом Восточного халифата в обмен на назначение эмиром Испании. Заявление было направлено в Багдад, и Ибн-Хафсун был воодушевлен тем, что его надежды скоро оправдаются.

Этот зловещий план осуществлялся не настолько тайно, чтобы ускользнуть от внимания двора. Абдаллах с первого взгляда осознал неминуемую опасность, угрожавшую его трону. Не было никаких сомнений в том, что уважение, приобретенное вассалом Аббасидов, сразу же придаст достоинство и авторитет вождю-отступнику, чьи притязания, основанные на силе, все еще были лишены необходимого условия законности. Юрисдикция эмирата не была признана за пределами фактических границ столицы. Дворец был кишмя кишит предателями. Активная и фанатичная секта была распространена по всему городу, передавая секретную информацию врагу и с нетерпением ожидая момента, когда они смогут немедленно отомстить за унижение, причиненное завоеванием, и за несправедливость преследований. Доведенный до крайности, эмир тщетно пытался примирить своего врага. Потерпев неудачу в этой попытке, он решил

рискнуть и прибегнуть к оружию. Его решение было выслушано Диваном с нескрываемым ужасом, но их увещевания остались без внимания. В жалкой натуре Абдаллы, униженного суевериями и преследуемого воспоминаниями о чудовищных преступлениях, наконец-то зародилось героическое чувство, порожденное отчаянием. Когда Ибн-Хафсуну сообщили о его решимости заменить малодушную политику, которую он до сих пор проводил, опасным экспериментом с мечом, его удивление переросло в недоверие. Но когда ему сообщили, что авангард вражеских войск пришел в движение и что королевский шатер был разбит на равнине Секундды в ожидании прибытия государя, он больше не сомневался в правдивости сообщения, которое казалось верным предзнаменованием победы. Армия повстанцев насчитывала тридцать тысяч человек. Она состояла из ветеранов, которые не знали дома, кроме лагеря, не знали удовольствий, кроме азарта битвы, не знали закона, кроме приказа своего генерала. Королевские войска, с другой стороны, насчитывали едва ли четырнадцать тысяч человек. Треть из них составляли гвардейцы эмира; остальная часть состояла из необученных рекрутов, на мужество и верность которых нельзя было положиться в час испытаний.

Две армии встретились близ Агилара. Какие бы колебания ни проявляли неопытные солдаты эмирата ранее, никто не дрогнул в присутствии врага. Их мужество возросло до отчаяния, когда они вспомнили, что поражение означало смерть, ибо Ибн-Хафсун никогда не сдавался. Усилия сражающихся поощрялись увещеваниями имамов и прелатов, которые бесстрашно подставляли свои незащищенные лица в самый разгар боя. Ряды повстанцев были прорваны яростной атакой войск Абдаллы. Оказавшись в замешательстве, они не могли сплотиться и, рассеянные во всех направлениях, тысячами падали под оружием своих преследователей. Их предводителю, чудом избежавшему плена, с трудом удалось добраться до своей горной крепости.

После захвата Агилара Абдаллах получил в свое распоряжение обильный и приемлемый запас оружия, сокровищ и военного снаряжения. Тысяча христиан-ренегатов, которые предпочли смерть второму отступничеству, были обезглавлены. Моральный эффект победы был важен и широко распространен. Эджия была взята после непродолжительного сопротивления. Архидона и Джаэн добровольно взмолились о милосердии завоевателя. Вице-король Африки уведомил посрамленного ренегата в Бобастро, что его претензии на Испанский эмират под эгидой Багдадского халифата больше не могут быть удовлетворены. Друзья порядка из всех фракций — дворяне, торговцы, владельцы крупных поместий, ремесленники и крестьянство — на мгновение вновь обрели уверенность в деле, которое еще недавно считали безнадежно проигранным.

Однако вскоре эта лестная перспектива была омрачена новыми бедствиями. Перемены, произошедшие с Ибн-Хафсуном, были временными и серьезно не повлияли ни на его популярность, ни на власть. Без особых усилий ему в какой-то мере удалось восстановить свою власть. Потерянные города были отвоеваны с помощью предательства или силы. Королевские губернаторы были обезглавлены в качестве намека монарху на то, что его назначенцы должны быть классифицированы как мятежники, слуги узурпатора. Арабская партия Гранады была разбита в великой битве, и ее влияние навсегда уничтожено. Возрождающаяся удача Ибн-Хафсуна вызвала сильную реакцию в его пользу, когда его отречение от исламизма — акт ошибочной политики, который, не завоевав уважения христиан, сделал его объектом отвращения для каждого мусульманина, — нанесло его делу больший ущерб, чем могли бы нанести десятки поражений. Последние девять лет жизни Абдаллы были наименее бурными за

все время его правления. Существенная помощь, оказанная арабской знатью, наконец убедившейся в своей зависимости от короны, восстановила пошатнувшийся авторитет эмирата.

Поколение гражданской войны привело к радикальным изменениям в политическом облике и социальном положении полуострова. Группировки были практически уничтожены. Все великие лидеры, за исключением одного, были смещены возрастом, болезнью или убийством. Мотив первоначального мятежа был давно забыт. Религия стала номинальным стимулом к враждебности. Энтузиазм члена клана, стремящегося к независимости, был вытеснен алчностью разбойника, жаждущего грабежа. Общий характер подданных эмирата претерпел полную метаморфозу. Они утратили свирепый и бескомпромиссный дух своих предков. Они больше не были угнетены тиранией монарха, чья беспомощность и слабоумие повсюду вызывали общественное презрение. Враждебность, с которой члены противоборствующих партий относились друг к другу, была скорее кажущейся, чем реальной. Их военные операции велись вяло. Их столкновения часто были бескровными. Знакомство с беспорядками побудило многих считать их естественным состоянием общества. Жизнеспособность королевской власти казалась надежной против всех средств государственной измены и насилия. Тысячи жизней были принесены в жертву в тщетных попытках свергнуть правительство, поддержка которого не опиралась ни на доблесть его солдат, ни на гений его государственных деятелей, ни на привязанность его народа.

Трезвый рассудок масс, наказанных несчастьем, в конце концов заставил их задуматься о преимуществах подчинения власти и восстановления порядка. Неподчинение не принесло ничего, кроме страданий. Великие творения основателей династии — сувениры былого процветания и известности — были повсюду вокруг них. Принципы, имевшие жизненно важное значение для их предков, были всего лишь ничего не значащими названиями для нынешнего поколения. Эти соображения в первую очередь затронули общины, чьи коммерческие интересы были серьезно затронуты. Ряд провинциальных столиц добровольно вернулись к своей верности. Постепенно их примеру последовали и другие города. Даже в горных твердынях начал утверждаться дух ответной лояльности. Анархия и истощение привели к тому, чего не могла добиться никакая сила, и конец правления одного из худших мусульманских князей характеризовался спокойствием, неизвестным многим представителям его расы, в высшей степени отличавшимся своим гением и добродетелями.

Во время всех этих внутренних беспорядков мир, существовавший между дворами Овьедо и Кордовы, никогда не нарушался военными действиями серьезного характера, что в значительной степени способствовало сохранению мусульманской империи. Казалось, все указывало, по крайней мере, на отсрочку от зла, которое так долго поражало народ и преследовало правительство, когда Абдалла внезапно скончался на шестьдесят девятом году жизни.

Взаимосвязь монотонных и кровавых событий этого периода ценна с философской точки зрения для определения реальных причин упадка магометанской власти в Западной Европе. Хроника правления Абдаллаха, эмира, на самом деле является историей Ибн-Хафсуна, отступника. И все же своей славой этот предприимчивый партизан был обязан гораздо меньше своим собственным способностям, какими бы заметными они ни были, чем спорам и зависти своих врагов. Эти последствия племенных предрассудков сделали возможной организацию

отряда бандитов, для разгона которого было бы достаточно одного кавалерийского эскадрона, должным образом направленного. Дух неподчинения стал заразительным; губернаторы отдаленных провинций отказались от присяги; источники государственных доходов были перекрыты; повторяющиеся бедствия поколебали ненадежную лояльность могущественных вождей, чьи варварские традиции вводили их в заблуждение ложной надеждой на независимость; костры религиозной розни разжигались в каждой общине; и правительство, лишенное своих подданных, казалось, постоянно находилось на грани распада. Характер государя был в какой-то мере ответственен за многие из самых серьезных бедствий его правления. Он не обладал качествами, которые могли бы внушить уважение или вызвать одобрение ни друга, ни врага. Абдаллах был жалкой смесью лицемера и труса. Его титул был получен в результате братоубийства. При совершении преступления были обстоятельства, которые усилили его жестокость. Народная молва приписывала ему убийство двух своих сыновей. Без веры он поочередно предавал как своих союзников, так и врагов. Он пренебрег призывами преданных сторонников, чья верность долгое время была защитой от искушений. Он позволил ввести себя в заблуждение представлениями мятежников, которые, как показал опыт, были полностью лишены правды и чести. Он не обладал ни способностями генерала, ни мужеством, которое является неотъемлемым атрибутом простого солдата. Его нечестие было настолько общепризнанным, что стало любимой темой поэтов-сатириков, и даже имамы часто не упоминали его имя в хутбуе, или общественной молитве. Неудивительно, что при таком правителе Кордовский эмират достиг самой низкой точки в своем благосостоянии, до которой он был доведен перед своим окончательным свержением. Власть короны повсеместно оспаривалась. Великие города - Севилья, Кадис, Толедо, Хаэн, Гранада, Валенсия, Сарагоса, — могуществом и славой которых гордились прежние века, больше не посылали своей богатой дани столице на Гвадалквивире. По ночам сон жителей Кордовы нарушали крики крестьян, гибнущих от оружия бандитов, и зловещие отблески горящих деревень, которые освещали пейзаж с яркостью полудня. Движение на автомагистралях прекратилось. Рынки опустели. Повсеместная нестабильность приостановила работу сельского хозяйства, и предметы первой необходимости превратились в роскошь, доступную только богатым. Во многих населенных пунктах страдающие от голода несчастные с жутким удовлетворением питались телами своих друзей и соседей. Эти прискорбные условия усугублялись доносами и пророчествами служителей религии, которые с характерной для них дерзостью возлагали вину за общественное несчастье на тех, кто в действительности был его жертвами, и призывали на головы грешного и любящего удовольствия народа давно отложенный, но неумолимый гнев мстящего Бога.

ГЛАВА XII

ПРАВЛЕНИЕ АБД-АР-РАХМАНА III.

912-961

Выдающиеся качества нового правителя—Его твердость—Быстрое подчинение мятежной территории—Разногласия христиан—Поражение Ибн-Аби-Абды—Смерть Ибн-Хафсуна—Ослабление власти арабской знати—Война с фатимитами Африки—Разгром Юнкеры—Абд-ар-Рахман принимает титул халифа—Его значение—Вторжение в Кастилию—

Переворот Альхандеги—Гражданские войны христиан—Принцы Леона и Наварры посещают мусульманский двор—Абд-ар-Рахман умирает в возрасте семидесяти лет—Его замечательные достижения—Посольства Греции и Германии—Сарадины во Франции и Италии—Рабы и их влияние—Заговор Абдаллы—Состояние страны при Абд-ар-Рахмане III.—Кордова—Ее богатство и великолепие—Королевские виллы—Город и дворец Медина-аль-Захра—Меланхолические размышления Величайшего из халифов.

Скипетр эмирата по выбору Абдаллы был передан Абд-ар-Рахману, его внуку, в ущерб его второму сыну, Аль-Модхafferу, который стоял следующим в порядке наследования. Мухаммед, наследник престола, обвиненный в государственной измене, погиб в темнице, став жертвой ревности или правосудия своего бесчувственного отца. Обстоятельства, сопровождавшие эту трагедию, а также события, которые ее спровоцировали, в равной степени связаны с неопределенностью. То, что предполагаемый наследник вступил в союз с христианами, служил под знаменем Ибн-Хафсуна, непримиримого врага своей расы, и пытался свергнуть то самое правительство, поддерживать которое было его долгом и его интересами, кажется в высшей степени невероятным. И все же именно к такому выводу нас подводят неясные утверждения тех хроник, которые снисходят до упоминания, даже со скудными подробностями, этого эпизода правления Абдаллаха. О том, что этот поступок был не совсем безосновательным, можно предположить из того факта, что последний не получил по этому поводу осуждения потомства. Почтение к величайшему монарху Западной империи заглушило голос критики, которая в противном случае обвинила бы в предательстве и неблагодарности отца. Эти мотивы в совокупности придали ореол таинственности событию, последствия которого оказали столь важное влияние на последующую историю полуострова.

Характер молодого принца отличался всеми совершенствами, которые могли быть либо унаследованы, либо дарованы образованием. Его внешность была привлекательной, манеры приветливыми и учтивыми, его таланты бросались в глаза при дворе, известном своим остроумием, образованностью и красноречием. Его мастерство в рыцарских упражнениях вызвало одобрительные возгласы солдат. Его знание дел и способность успешно завершать самые деликатные дипломатические операции долгое время вызывали восхищение почтенных и выдающихся государственных деятелей. Пристрастие его деда, которого постоянно преследовали воспоминания о преступлении, вызванном политической необходимостью, привело к тому, что юного наследника престола обучили всем знаниям, которые можно приобрести в самом совершенном и просвещенном обществе Европы. Счастливый объект этой заботы рано продемонстрировал свою выдающуюся пригодность к выполнению обязанностей, связанных с его возвышенным предназначением. Жажда знаний в сочетании с не по годам развитой степенностью поведения, умеренной жизнерадостностью, которая, хотя и не имела ничего общего с легкомыслием, все же оживляла обсуждение самых серьезных и прозаических вопросов философских исследований, снискала ему любовь кордовских ученых, чьи мнения уважали даже варварские народы христианского мира. Всеобщее удовлетворение, с которым было воспринято вступление на престол Абд-ар-Рахмана, продемонстрировало не только правильность выбора, но и большую популярность принца. Не произошло ничего, что могло бы нарушить общественное спокойствие. Члены королевской семьи, которые, обладая правом голоса и воодушевленные прецедентом, могли бы оспорить престолонаследие, были первыми, кто засвидетельствовал свою лояльность новому суверену. Чувство уверенности, казалось, охватило все слои общества в результате события, которое обещало примирение давней вражды; подчинение непокорных вассалов; поощрение торговли; безопасность сельского

хозяйства; возвращение этого давно утраченного и самого бесценного из благ - домашнего мира. К естественному ожиданию этих благ примешивались небезосновательные видения романтического крестового похода и иностранного завоевания. Воинственный дух нации был скорее извращен, чем обескуражен непрекращающимися религиозными и политическими мятежами, длившимися почти полвека. Едва ли была семья, в которой не было хотя бы одного солдата, чьи шрамы свидетельствовали о его знакомстве с опасностями и случайностями на поле боя. Люди устали от внутренних неурядиц. Время было самое подходящее для проявления талантов правителя, чей такт был равен его мужеству, а великодушие превосходило низменные и эгоистичные стремления к преследованиям и мести. Удачное стечение обстоятельств подготовило почву для самого долгого и блестящего правления халифата Оммеядов. Дух восстания был сломлен. Неоднократные неудачи и невежливое отступничество подорвали престиж и ослабили некогда непобедимых последователей великого лидера партизан Ибн-Хафсуна. Немногие уцелевшие главы арабской аристократии утратили большую часть своего влияния. Утомленные междоусобицами, с уничтоженными семьями, уменьшенным имуществом, соплеменники курайшитов начали всерьез сомневаться в целесообразности непрекращающейся революции, риски и лишения которой представляли такой разительный и неблагоприятный контраст с безмятежным и роскошным наслаждением андалузской цивилизацией. Повсеместное распространение знаний, свободное обсуждение научных проблем, многочисленные школы, признанное превосходство интеллектуальных достижений над слепой и неразумной доверчивостью заметно ослабили силу ислама. Имамы с тревогой наблюдали за зловещим ростом скептицизма, который угрожал как вознаграждению за их служение, так и основам их веры. Собрания были такими же многочисленными, жертвования такими же щедрыми, молитвы, судя по всему, такими же пылкими, как и прежде, но разрушительный яд неверия проник внутрь и быстро развращал всю массу общества. Христиане Севера, которые сохранили свою независимость благодаря распрям своих соседей, теперь сами были измучены катастрофическими революциями, спровоцированными честолюбивыми принцами, которые, невзирая на опасность, постоянно угрожавшую их территории, без колебаний жертвовали благосостоянием нации ради ненадежного достоинства королевской власти. Древнее королевство Астурия распространилось далеко за пределы Сьерры, чьи скалистые уединения защищали его младенчество, и распространилось на королевства Леон и Наварру, чьи мелкие монархи растрачивали в нападениях друг на друга энергию и сокровища, которые с большей пользой можно было бы использовать для срыва честолюбивых замыслов неверных.

Хитрая и нерешительная политика Абдаллаха, который не знал искусства ни умиротворения, ни наказания своих врагов, и чьи преступления вызывали отвращение его мятежных подданных, в то время как они не вызывали у них опасений, была противна открытой и бесстрашной натуре Абд-ар-Рахмана. Первый удовлетворился сомнительным свидетельством вассалитета, подразумеваемым выплатой дани. Но возвышенный дух его внука не должен был удовлетвориться этой двусмысленной уступкой суверенитету. Не успел он взойти на трон, как издал прокламацию, требующую безоговорочного подчинения своих подданных, независимо от прежней расовой или религиозной принадлежности. К тем, кто должным образом признавал его титул, он распространял свое милосердие; но те, кто упорствовал вопреки закону и сопротивлялся установленной власти, по его словам, должны быть удалены за пределы снисхождения или милосердия. Эта твердость, которая, ввиду недавних событий и власти, осуществляемой вождями мятежников, казалась отчасти неосторожной, если не сказать

дерзкой, вскоре оправдала мудрость и дальновидность принца, принявшего ее. Крупные города, население которых больше всего пострадало от зла анархии, были первыми, кто вернулся к своей верности. Эсия, Хаэн, Архидона и Эльвира, чьи мятежи долгое время нарушали мир в империи, были первыми важными местами, открывшими свои ворота новому правителю. Провинции, столицами которых были города Хаэн и Эльвира, усеянные бесчисленными опорными пунктами и кишачие партизанами, связанными с Ибн-Хафсуном, все еще, однако, отказывались отказаться от своих привычек к грабежу; и Абд-ар-Рахман лично готовился подчинить этих буйных вассалов, чьи привычки к независимости, подтвержденные почти непрерывными успехами, заставили их считать свое оружие непобедимым. Но главари бандитов Сьерра-Невады и Серрания-де-Ронда не приняли во внимание перемен, произошедших в грубом обществе, к которому они сами принадлежали. Сильная личность и замечательные достижения Ибн-Хафсуна до сих пор поддерживали единство незаконных элементов, которые, собранные со всех провинций Африки и Испании, нашли надежное убежище в горах Андалусии. Однако теперь отступничество их лидера подорвало уверенность и ослабило энтузиазм его последователей. На его призыв к оружию никто не обращал внимания или подчинялся с плохо скрываемыми знаками недовольства. Поредевшие ряды его армии вынудили его нанять берберских наемников, варваров, совершенно лишенных привязанности к делу, которому они служили, и которые всегда были склонны в критический момент битвы переходить на сторону врага под обещание более высокого жалованья. Знание того, что в будущем они могут быть зачислены в ряды своих нынешних противников, таким образом, препятствовало их усилиям и побуждало их наносить наименьший возможный ущерб своим соплеменникам, сражавшимся под знаменами эмира. Из яростных сражений, в которых часто проявлялись подвиги доблести, достойные более рыцарской эпохи, конфликты с разбойниками сьерры превратились в шумные и безобидные стычки, без духа и кровопролития. Между Ибн-Хафсуном и его подданными зародилось чувство взаимного недоверия, которое без особой провокации переросло в акты открытой вражды. Растущее чувство незащищенности много лет назад заставило лидера повстанцев присягнуть на верность Обейдалле, шиитскому принцу Африки. Выведенные из себя этим признанием в слабости, армейские офицеры были еще более отчуждены подарками и почестями, которыми осыпали языческих наемников, которые заменили в пользу своего командира испытанных ветеранов многих кампаний.

В течение тридцати лет испанские и берберские части истощали все ресурсы в тщетных попытках сбросить арабское иго. Их оружие никогда не одерживало решающей победы. Борьба никогда не поднималась выше беспощадной партизанской войны. Большая часть провинции Андалусия обезлюдела. Крестьяне были убиты тысячами. Урожаи были бессмысленно уничтожены. Всякий раз, когда город подвергался нападению или брался штурмом, все население вырезалось. И все же, несмотря на все свои усилия, дикие разбойники, выдававшие себя за освободителей полуострова, казалось, были не ближе к достижению своей заявленной цели, чем вначале. На самом деле, при всей своей смелости, активности и решительности Ибн-Хафсуну не хватало качеств, необходимых лидерам, стремящимся организовать революции и основавшим великие династии. Его вожди часто были виновны в вопиющем неподчинении. Некоторые, уверенные в неприступности своих замков, даже провозгласили свою независимость. Большая часть крестьянства— чьи отцы сочувствовали делу восстания и были разграблены и убиты своими номинальными защитниками, смотрела на горных разбойников с невыразимым страхом и отвращением. Для них неудобства, связанные с осуществлением деспотической власти, были ничтожны по сравнению с теми бедствиями, которые им постоянно

угрожали. Подобные чувства в последнее время начали втайне питать довольно почтенное число самих разбойников. Недовольство последних усиливалось из-за опасений окончательного восстановления христианства.

Как и все вероотступники, Ибн-Хафсун поспешил заявить о своем обращении и подтвердить свою искренность демонстративными актами притеснения. Отречение от исламизма поощрялось обещаниями воинских почестей и высоких должностей. Выдающимися мусульманскими офицерами пренебрегали или к ним относились с немилостью. К ужасу учеников Мухаммеда, на месте мечетей, существовавших со времен Завоевания, выросли дорогостоящие церкви. Двор Ибн-Хафсуна стал прибежищем аскетов, которые по убеждениям или из политических соображений стремились к мученичеству и открыто исполняли, к отвращению ортодоксального зрителя, возмутительные строгости монашеской дисциплины. Дочь вождя мятежников сама удалилась в монастырь, откуда спустя годы ее вытащили, чтобы понести наказание за вероотступничество, и эта участь была с нетерпением встречена как исполнение пророчества, произнесенного бродячим монахом. Дело, которому народный энтузиазм когда-то придавал национальный характер, поддерживался традициями иберийского, римского и готского владычества и которое питало обманчивые надежды на национальную независимость, исчезло в жестокостях худшей из всех битв - религиозной войны, которую вели ренегаты. Другой могущественный элемент, некогда симпатизировавший партии Ибн-Хафсуна, теперь с непоколебимым единодушием ополчился против него. Завоевание принесло облегчение и свободу многим тысячам семей, которые на протяжении поколений стонали под гнетом рабства и крепостной зависимости. Память об их страданиях была завещана их потомкам, и знание того, что восстановление христианской религии, несомненно, будет сопровождаться принятием законов, лишающих их свободы, которой они пользовались, подтверждало лояльность последних, которая была временно поколеблена беспорядками в эмирате. Со смешанным чувством опасения и благодарности они сравнивали свое нынешнее положение с деградацией и страданиями своих предков, чьи самые деспотичные хозяева были найдены в рядах церковного ордена, которые теперь всеми способами пытаются восстановить верховенство своей Церкви, вернуть свои конфискованные земли и восстановить свои древние и безответственные привилегии. Смелый фронт, представленный силами повстанцев, был грозным только внешне. Распад группировки, которая не раз угрожала мусульманской столице и трону Запада, был полным. Требовалось лишь присутствие государя, чтобы показать безнадежное состояние уже брошенного дела. Таково было состояние общества на охваченной волнениями территории эмирата и таков характер противников, с которыми юному Абд-ар-Рахману теперь предстояло бороться.

Появление королевского штандарта стало сигналом к добровольной капитуляции большей части провинций Хаэн и Эльвира. Замки, которые долгое время были средоточием разбоя, были разрушены. Как только открытая местность была обезопасена, Абд-ар-Рахман без колебаний двинулся вперед, в самое сердце сьерры. Сначала он столкнулся с упорным сопротивлением, но за захватом укрепленного города Финансы последовала покорность всех вождей, чья близость к месту действия заставляла его опасаться образцовой мести разгневанного хозяина. Менее чем за три месяца ни один замок в Сьерра-Неваде не остался во владении повстанцев. Наученный опытом своих предшественников, Абд-ар-Рахман избрал самые разумные и эффективные средства для удержания своих завоеваний. Губернаторы и их семьи были переведены в Кордову. Гарнизоны повстанцев были заменены ветеранами, в верности которых никто не сомневался. Помилование было даровано всем, за исключением тех, кто оказался

недостойным помилования в результате совершения ужасных преступлений. Достоинство короны было дополнительно обеспечено восстановлением судебных трибуналов и назначением магистратов, чья репутация и опыт были гарантией добросовестного исполнения своих обязанностей. Моральный эффект этих политических мер, дружелюбный характер Абд-ар-Рахмана и репутация, которой он пользовался как сторонник справедливости, способствовали умиротворению враждебной территории не меньше, чем страх, внушаемый его оружием. Его первым важным деянием после вступления в королевскую должность была отмена налогов, которые, налагаемые необходимостью или жадностью его предшественников, тяжелым бременем ложились на растерянный и обнищавший народ. Всеобщая амнистия, которую он провозгласил; его забота о благополучии своих подданных; его твердость в обращении с теми, кто оспаривал его власть; дух, который он проявлял, появляясь во главе своих войск, которые годами не видели лица своего государя; физические атрибуты, которыми природа украсила благородную и величественную фигуру, - все это сговорилось, чтобы пленить воображение и внушить уважение как гражданским лицам, так и солдатам. При его приближении пробудилась уверенность, смешанная с энтузиазмом и благоговением, и полезные члены каждой общины, обескураженные годами потрясений и несчастий, приветствовали каждую бескровную и решительную победу молодого монарха как дополнительное предвестие мирного и процветающего правления.

Город Севилья, ныне управляемый могущественной семьей Бени-Хаджадж, хотя и находился в номинальной зависимости от эмирата, был, во всех отношениях, за исключением этого сомнительного знака подчинения, резиденцией независимого княжества. Власть эмира не признавалась в его стенах. Диван не имел права голоса при назначении должностных лиц, ответственных за его управление. Набор войск для службы под королевскими знаменами полностью зависел от каприза или осмотрительности арабских принцев, отвоевавших у ослабевшей династии богатейшую провинцию империи. Даже сбор ежегодного налога считался простым актом снисхождения и вежливости, привилегией, которая могла быть отменена по желанию надменного данника. Но разногласия, возникшие из-за амбициозных и непримиримых притязаний арабской аристократии, вторглись в советы Бени-Хаджаджа. Порядок наследования был нарушен, и, благодаря удаче или превосходящим способностям, побочная ветвь семьи курайшитов, претендовавшая на суверенитет, была возведена к власти. Неудачливый соперник, Мухаммед, обратился в лагерь эмира, обещая свое почтение в обмен на помощь. Достоинство Абд-ар-Рахмана не позволяло ему признать равноправие мятежного подданного, предложение было отклонено, но арабскому дворянину было милостиво разрешено записаться добровольцем. Грозная армия осадила Севилью, и Ибн-Маслама, правящий принц из Дома Хаджаджей, с беспокойством увидел, что его недавно обретенному достоинству угрожает разрушение. В отчаянии он обратился к Ибн-Хафсуну. Попытка последнего снять осаду привела к уничтожению его армии, и лидер повстанцев, чье имя утратило свой ужас, бежал с горсткой последователей в крепость Бобастро. Вскоре после этого события, брошенный своими союзниками и уже испытывающий муки голода, Ибн-Маслама капитулировал. Воодушевленный своим успехом, не имея врага в тылу и имея в своем распоряжении огромные ресурсы Юга, эмир теперь мог перенести войну в Серранию-де-Ронда и отомстить Ибн-Хафсуну за те бедствия, которые он так долго и безжалостно причинял незащищенному крестьянству Андалусии. Его приготовления были сделаны со всей осмотрительностью и прозорливостью опытного генерала. Основная масса населения сьерры из интереса или убеждения была привязана к догмам христианской веры, и природное

мужество горца было воодушевлено заверениями в божественной помощи и горячим желанием принять мученическую смерть. С того момента, как эмир проник в ущелья, пересекавшие владения Ибн-Хафсуна, он столкнулся с решительным сопротивлением. Его отряды фуражиров попали в засаду и были отрезаны. Его конвои были перехвачены. После начала осады Толокса, где Ибн-Хафсун лично командовал, внезапная вылазка гарнизона была спланирована с такой смелостью и успехом, что армию охватила паника, и большая катастрофа была чудом предотвращена. Но гений и упорство Абд-ар-Рахмана в конце концов одержали победу над всеми препятствиями. Толокс был взят. Замок за замком брали штурмом и разрушали. Запасы повстанцев были исчерпаны, и они были вынуждены прибегнуть к помощи африканских житниц. Предусмотрительность эмира, однако, предвосхитила эту меру противника. Бдительность его крейсеров разрушила надежды голодающих повстанцев, и захваченные корабли были присоединены к военно-морскому флоту, патрулирующему Средиземное море, в то время как провизия была доставлена в королевский лагерь. Со временем значительная часть горных территорий была завоевана; города Ориуэла и Ниебла, аллювиальные районы которых могли похвастаться почти многолетним урожаем, снова были присоединены к владениям короны; торговцы и крестьянство, одинаково уставшие от контрибуций, взимаемых безжалостным разбоем, ревностно сотрудничали с имперскими властями в восстановлении порядка; и Абд-ар-Рахман, удовлетворенный результатом своей первой кампании и уверенный в том, что на столицу не будет никаких покушений, теперь начал обдумывать экспедицию в христианские провинции Ливии. север.

Перемирие, заключенное между Абдаллой и Альфонсо III. долгое время сохранялось в силу политической необходимости, которая изначально диктовала его положения. Эмир был полностью занят отчаянной попыткой сохранить свою корону среди волнений почти всеобщего восстания и анархии. Христианские монархи не смогли воспользоваться беспомощным положением своего противника из-за заговоров и преступлений принцев королевского дома, интриг духовенства и неподчинения честолюбивых вассалов. Альфонсо III, вынужденный из-за неестественной жестокости и неблагодарности своих сыновей пойти наперекор природе, отказавшись от высшего сана, сошел в могилу, сломленный скорее семейными горестями, чем возрастными немощами. Его усилия, когда он был вынужден преждевременно отречься от престола, были направлены со многими недобрыми предчувствиями на справедливый раздел своих владений. Трое его старших сыновей разделили между собой княжества королевского наследия. Гарсия получил Леон, Ордоньо была выделена Галисия, Фруэла осталась в Овьедо. С этой эпохи восходит происхождение королевства Леон, которое благодаря своей близости к границе и более выгодному положению вскоре поглотило и в конечном итоге затмило достоинство и значимость своих соперников. Короткое правление Гарсии было занято чередой экспедиций во вражескую страну, которые, по-видимому, не привели ни к каким решающим результатам. Умерев через три года, не оставив потомства, его брат Ордоньо получил голоса совета и был возведен на вакантный трон под одобрительные возгласы народа. Таким образом, государство Галисия было объединено с государством Леон, и эти два государства, отныне существующие под названием последнего, со временем стали неотъемлемой частью испанской монархии. Ордоньо уже был известен своей доблестью в эпоху военного героизма и романтической предприимчивости. Его восшествие на престол ознаменовалось набегом, опустошившим цветущую провинцию Мерида. Проводя жестокую политику, начатую Альфонсо, он вырезал всех, кто был вооружен, и обращал в рабство мирных жителей, которым посчастливилось попасть к нему в руки. Его убежище было куплено жителями Бадахоса,

которые, собрав огромное сокровище, в которое члены церковного ордена внесли невольный, но важный вклад, убедили его удалиться. По возвращении в столицу он потратил значительную часть добычи на основание церкви, посвященной Пресвятой Деве в знак признания ее влияния и защиты, чему он приписывал благоприятное начало своего правления.

Хотя территория, пострадавшая от недавнего вторжения христиан, составляла часть того региона, который все еще отказывался признавать его власть, Абд-ар-Рахман не замедлил осознать преимущества, которые должны были достаться ему от принятия на себя первенства тех, кто номинально был его врагами. Это дело имело жизненно важное значение для всех, исповедующих религию Мухаммеда. Достоинство эмирата было оскорблено отрядом мародерствующих варваров, которых лощеные арабы Кордовы справедливо считали ниже себя даже в воинском мастерстве, и которые, если бы были обеспечены неприкосновенностью, не только продолжили бы свои опустошительные действия, но и прониклись бы глубоким презрением к бездеятельному и малодушному характеру своих противников. Непостоянная привязанность повстанцев Запада могла быть восстановлена или, по крайней мере, пробудить их благодарность демонстрацией в их пользу; и моральное воздействие как на врагов, так и на сторонников короны не могло не иметь большого и постоянного значения. Под командованием Ибн-Аби-Абды была снаряжена и отправлена армия для опустошения равнин Леона.

Пятнадцать лет мусульманские штандарты не появлялись на христианской земле, и смуглые батальоны Абд-ар-Рахмана, едва ли известные подданным Ордоньо, кроме славы, были источником почти такого же ужаса для суеверных крестьян, как и их предки, служившие под знаменами грозного Тарика. Предприятие эмира было вознаграждено обильной добычей; алчность солдат была немедленно возбуждена и удовлетворена; и в следующем году другая экспедиция, организованная в гораздо большем масштабе, под предлогом мести за обиды угнетенного населения границы, но на самом деле собранная с целью грабежа, вторглась во владения христианского короля. К несчастью для ее успеха, основную часть армии составляли берберские наемники — искусники в искусстве грабежа и убийства, но им не хватало постоянства и мужества, необходимых для ведения затяжного конфликта, — и беженцы, не уступавшие в неподчинении и трусости своим товарищам по оружию. Эта толпа вскоре оказалась неспособной выдержать решительные атаки леонской кавалерии; арабы были атакованы в своем лагере перед Сан-Эстебаном, и страшное поражение, сопровождавшееся потерей его генерала, показало эмиру пагубную политику использования стада свирепых варваров, без опыта, дисциплины или мужества, для восстановления авторитета и утверждения мощи мусульманского оружия.

Обескураживающие последствия такого поворота событий были, в некоторой степени, уравновешены известием о смерти Ибн-Хафсуна, чьи операции беспокоили и чьи амбиции ставили под угрозу правление трех мусульманских монархов. С исчезновением своего самого непримиримого врага жители Андалусии льстили себя надеждой, что отныне они смогут беспрепятственно заниматься своим делом и наслаждаться результатами своего труда, до сих пор подвергавшегося поборам и разграблению в результате неограниченного разбоя. Но вскоре была продемонстрирована ошибочность этих надежд. Сыновья известного партизанского лидера Джафар, Абд-ар-Рахман, Сулейман и Хафс, унаследовавшие всю его отвагу и немалую долю военного гения, еще десять лет выдерживали неравную и безнадежную борьбу. Несчастные крестьяне снова были вынуждены признать слабость правительства и ненадежность владения, благодаря которому они владели своей собственностью и своей жизнью. Постепенно, однако, ресурсы эмирата, управляемые твердой и умелой рукой, начали

преобладать в Серрании. Трое сыновей Ибн-Хафсуна были смещены в результате добровольного ухода в отставку, гибели в бою, убийства, спровоцированного двойным отступничеством. Оставшийся в живых Хафс, доведенный до крайности осадой Бобастро, подчинился и, став верноподданным, впоследствии с отличием служил в императорской армии. Фанатики, следовавшие в свите эмира, движимые всей злобой своего рода, приказали вскрыть могилы Ибн-Хафсуна и Джафара; и Абд-ар-Рахман, узнав, что тела были погребены по обычаям неверных, приказал прибить их к столбам перед главными воротами Кордовы. За капитуляцией Бобастро вскоре последовала покорность всей Серрании. Тем временем вожди повстанцев с гор Приего, Аликанте и других городов богатых провинций Тадмир, Мерида, Сантарен, Бежа и, наконец, Бадахос скромно заявили о своей верности и повиновении завоевателю.

Территория повстанцев, которая незадолго до этого простиралась почти до стен столицы, теперь была ограничена узкой территорией, окруженной укреплениями Толедо. Стремясь избежать кровопролития, эмир попытался начать переговоры о сдаче города, не прибегая к силе. Но его попытки были отвергнуты; толедцы, чья естественная склонность к беспорядкам поощрялась долгой безнаказанностью и чей вкус к незаконной независимости укрепился от наслаждения ею, с высокомерным презрением прогнали королевских послов. Абд-ар-Рахман немедленно приступил к осаде города. Пригороды были опустошены. Все поставки были перехвачены плотной блокадой. Вылазки осажденных были отбиты на каждом рубеже. Их последняя надежда исчезла с поражением христианской армии, посланной королем Леона им на помощь, и опустошенный город после упорного сопротивления, длившегося два года, капитулировал.

Ожесточенная и кровопролитная борьба, которая опустошала общины, уничтожала промышленные накопления и тормозила национальный прогресс почти на полвека, наконец подошла к концу. От границ графства Барселона до берегов Атлантики, от Пиренеев до Средиземного моря власть Абд-ар-Рахмана теперь была признана высшей. Опасность успешного восстания исчезла вместе с именем и судьбой Ибн-Хафсуна. Со времен Сертория ни один лидер не защищал так умело дело испанского народа. Результатом затянувшейся борьбы, в которой участвовали последние, было то, что они поднялись с положения отверженных до равенства со своими древними угнетателями. Главарь разбойников съерры был, в какой-то мере, своеобразным поборником их прав. Хотя он долгое время был мусульманином, его последователи состояли в основном из христиан, и в конце концов он был принят в их общину. Его проникательность и великодушное доверие доверили им важные гражданские должности, ведение деликатных переговоров, работу посольств в Африке, командование армиями. Опыт ведения войны принес с собой цивилизующее влияние, которое развивает, даже посреди разрушений, повышенный интеллект, более терпимый дух, более высокое чувство личного достоинства и чести. Привыкшие с самых ранних времен к произволу правительства, номинально борясь за свободу, они все же не видели ничего отвратительного в деспотизме эмирата. Но иначе обстояло дело с курайшитской знатью, чьи высокомерные притязания спровоцировали и ускорили долгую череду бедствий, которые теперь благополучно завершились. Распущенная свобода Пустыни была их идеалом, благотворные ограничения власти вызывали у них отвращение. Надменная гордость, порожденная и передаваемая через бесчисленные поколения вождей, в жилах которых текла чистейшая кровь Аравии и чьи достижения были воспеты в страстных песнях знаменитых поэтов, заставляла их относиться с невыразимым презрением и подвергать всяческому унижению всех, кто не принадлежал к их

исключительной касте. Дни этих наглых лордов теперь прошли. Из всех партий, чьи ссоры отвлекали общество, их дела обстояли хуже всего. Никогда не отличавшиеся численностью, их ряды поредели из-за обычных потерь на войне; из-за зла, неотделимого от бедности; из-за суммарных казней за государственную измену. Их могущество было настолько эффективно уничтожено, что они больше не фигурируют как тревожный элемент в летописях полуострова. Подчиняясь, хотя и с неохотой, силе необходимости, они постепенно заключили союзы с фракцией, некогда являвшейся объектом их презрения, и оказали свою невольную помощь благородному проекту Абд-ар-Рахмана, целью которого было полное слияние рас и уничтожение наследственной вражды и древних предрассудков. Последняя важная составляющая населения, берберы, сохраняла, при очевидном соответствии обычаям, свой характер наемных варваров-идолопоклонников, которые, не желая пользоваться благами мира, были обречены вскоре продемонстрировать самоубийственную политику, которая привела таких вероломных союзников в сердце империи.

Умиротворение владений Абд-ар-Рахмана не было завершено слишком быстро. Враг, более опасный, чем любой, кто когда-либо угрожал трону Оммеядов, появился на побережье Африки. Исмаилиты, ветвь шиитской секты, преобразованной проникательным и амбициозным шарлатаном в Персии, с помощью своих миссионеров вытеснили династию Аглабитов и теперь правили с великолепием, доселе неизвестным в этой стране, богатой и плодородной полосой территории, простиравшейся от Мавритании до Египта. Те же мотивы, те же стремления к верховной власти, замаскированные под исповедание религиозной реформации, которые преобладали в Испании, вдохновляли лидеров этой моральной и политической революции. Тирания и гордыня арабской знати привели к образованию тайных обществ, организованных якобы для очищения веры и на благо угнетенных, но на самом деле для осуществления предательских замыслов умелых и дерзких заговорщиков. О лицемерии последних, которые втайне насмехались над любой религией, можно судить по следующему распространенному среди них высказыванию: “Пророки - не что иное, как самозванцы, настоящая цель которых - добиться превосходства над другими людьми”.

Династия фатимитов в Африке пришла к власти со скоростью, удивительной даже для эпохи, привыкшей к постоянно меняющимся явлениям мусульманской революции. Ее глава, Обейдаллах, который вел вымышленное происхождение от Али, зятя Пророка, принял священное имя и характер Мадхи - вдохновенного и святого персонажа, о приходе которого объявил Мухаммед. Жестокости, творимые фатимитами по отношению к своим врагам, невероятны. Ни одна пытка не была слишком жестокой, ни одно преследование не было слишком кровавым для тех, кто осмеливался сопротивляться их требованиям. Мир был ошеломлен ужасами африканского завоевания. Престиж, истекающий из мнимого происхождения, поощрял фанатиков утверждать шиитские притязания на непогрешимость и, по праву наследования, претендовать на господство над миром. Они были досконально знакомы с политикой, интригами и военными ресурсами полуострова. Их шпионов можно было найти во всех сферах жизни. Торговцы, путешественники, солдаты, дервиши — многие из них были людьми большого ума и наблюдательности — получали жалованье и регулярно передавали отчеты о состоянии торговли, местонахождении сокровищ, перспективах установления порядка или ходе революции своим нанимателям в Кайруне. Знаменитый географ Ибн-Хаукаль был одним из таких фатимитских эмиссаров, и его работа содержит многие результаты его опыта, которые не являются комплиментарными по отношению к общему состоянию мусульманской Испании, способностям ее правителей или гуманности его

собственной нетерпимой секты. Есть основания полагать, что в этой стране существовала значительная партия, благосклонная к реформаторам и состоящая в основном из лучших классов; и несомненно, что берберы, чьи симпатии были с готовностью заручены поддержкой всего африканского, дезертировали бы тысячами, чтобы служить под их знаменами. Такому тревожному положению дел способствовало неясное предсказание, усердно распространяемое агентами фатимитов, в котором говорилось, что однажды полуостровом будет править африканский суверен, и все, кто верил в это, уверенно утверждали, что время его осуществления уже близко.

Полностью осознавая опасности, сопутствующие победоносному продвижению исмаилитов, которые теперь были заняты завоеванием Мавритании, Абд-ар-Рахман с радостью услышал призыв о помощи изгнанных принцев Некура, чья семья более века была связана с его семьей теснейшими узами привязанности и благодарности. Выдающиеся беженцы, с трудом избежавшие мести тирана Кайроана, были снабжены кораблями и военным снаряжением и, благодаря политике своего благодетеля, вскоре вернули себе утраченное наследство. Осознавая невозможность постоянно удерживать изолированную провинцию против превосходящих сил врага, принц Некура немедленно провозгласил власть Оммеядов во всех своих владениях; и благоразумная щедрость Абд-ар-Рахмана была вознаграждена присоединением нового государства, которое охватывало большую часть Мавритании, к и без того обширной территории его империи. Таким образом, благодаря размещению провинциданника между границами Восточной Африки и Испании разрушительное наступление фатимитов было остановлено, и постоянство династии Оммеядов было обеспечено еще на два столетия.

Когда опасные амбиции африканских фанатиков были обузданы, Абд-ар-Рахман был волен обратить свое внимание на единственного врага, который теперь осмеливался вести с ним войну, — христиан Севера. Министр Бедр одержал великую победу при Мутонии, и леонцы, совершенно униженные и убежденные в переменчивости судьбы, угрюмо удалились в стены своих замков. Раздраженный монотонной жизнью своей столицы и жаждущий отличиться в военном деле, Абд-ар-Рахман теперь лично принял командование и, вступив на территорию врага, оставил после себя мрачные свидетельства грабежа и опустошения. Осма, Ключия и Сан-Эстеван, над воротами которых была прибита голова несчастного генерала Ибн-Аби-Абды, были взяты штурмом и разрушены. Наварра подверглась вторжению; ее король Санчо был разбит в жестоком сражении и загнан в Пиренейские леса. Затем последний соединился с Ордоньо, и два монарха устроили сражение в долине Юнкера. Привыкшие устраивать засады и защищать свои родные скалы и ущелья, горцы оказались не ровней мавританским всадникам в полевых условиях. Более масштабная катастрофа, чем катастрофа при Юнкере, никогда не поражала христианское дело. Резня была ужасающей. Местность на многие лиги была усеяна телами убитых. Большое количество пленных попало в руки мусульман, не самыми важными из которых были воинственные епископы Дульцидий Саламанкский и Гермогий Туйский, которые, следуя обычаю, существовавшему до битвы при Гуадалете, были взяты в плен, облачены в доспехи и храбро сражались в первых рядах.

После этой победы мусульманскому наступлению не было оказано серьезного сопротивления. Легкая мавританская кавалерия ураганом пронеслась вдоль границы Наварры. Сравнительная бедность жителей мало привлекала захватчиков, которые были вынуждены довольствоваться стадами и продуктами с полей вместо более заманчивой добычи, предлагаемой богатством и

роскошью более цивилизованных наций. В арабском лагере скопилось так много провизии, что ее нельзя было вывезти, и огромное количество пшеницы было предано огню, чтобы она не попала в руки врага. Эта кампания характеризовалась всем безжалостным варварством того времени. Женщины и дети горцев были обращены в рабство. За безуспешным сопротивлением гарнизона последовало его истребление. Дикие инстинкты берберов удовлетворялись пытками и всеми видами искусства самой изысканной жестокости. Всякий раз, когда эти варвары наталкивались на монастырь, ни один из святых отцов не оставался в живых. Теперь христиан постигло суровое возмездие за невыразимые ужасы, которые они имели обыкновение причинять своим неверным противникам во имя Евангелия Мира.

Поразительной особенностью войны, столь долго ведущейся между мусульманами и христианами в Испании, является то, что бедствия величайшей кажущейся тяжести, независимо от того, кто от них пострадал, не приносили существенных преимуществ победителю. Многие причины сговорились, чтобы привести к такому аномальному результату. Огромных ресурсов эмиров было недостаточно для защиты их протяженных границ. Многочисленные замки, возведенные королями Леона и графами Кастилии для сдерживания наступления арабских эскадронов, не смогли запугать отважных всадников Андалусии. Таким образом, армии обеих наций с незначительными трудностями проникали в сердце владений другой. Необычайная восстановительная сила христиан проявилась в течение следующего года в экспедиции Ордоньо, который доставил знамя Леона в точку, находящуюся всего в одном дне пути от Кордовы. Другие свидетельства неукротимого характера его врагов, которые продолжали захватывать его города и уводить его подданных, — убедив Абд—ар-Рахмана в необходимости будущих репрессий, он вступил в Наварру с непреодолимой силой. Пампелуна была взята, а ее собор и многие дома разрушены. Атаки короля Наваррского, усилия которого ограничивались слабыми приемами партизанской войны, неизменно отражались. Смерть Ордоньо и последовавшие за этим событием распри, возникшие в результате спора о престолонаследии, на некоторое время парализовали усилия христиан и позволили Абд-ар-Рахману предпринять важный и долго обдумываемый шаг для увеличения своего величия и консолидации власти.

До сих пор правовой максимой, провозглашенной юристами и единодушно признанной властителями мусульманского мира, было то, что титул халифа, или Преемника Пророка, был особым атрибутом того монарха, чьи владения включали города Медину и Мекку. Таким образом, считалось, что контроль над территорией Хеджаза несет в себе степень отличия и святости, соответствующую той, которая в настоящее время даруется преемникам святого Петра выбором конклава и церемониями посвящения, которые сопровождают восшествие на престол духовных государей Рима. Князья династии Аббасидов сохранили свой титул даже после того, как они были лишены большей части своей империи; но теперь, низведенные до состояния опеки могущественных вассалов и ограниченные юрисдикцией стен своей столицы, они казались всем истинно верующим недостойными названия, которое подразумевало такую большую ответственность и было стимулом к такой большой известности. Соображения уважения к величию предков, претензии религиозных предрассудков и установившиеся обычаи, столь почитаемые на Востоке, утратили свою былую силу, и султан Оммеяде без колебаний присвоил титул самого богатого и выдающегося из мусульманских правителей, от которого фактически отказалась династия, чьи выродившиеся принцы продемонстрировали свою неспособность защитить его или даже оценить гордое и святое отличие, которое подразумевало его обладание. Сознывая свои заслуги и полагая, что прошлые достижения его

правления принесли ему честь, которой лишились слабоумные и зависимые монархи Багдада, Абд-ар-Рахман издал указ, в котором он присвоил себе титулы Амир-аль-Муменин, Предводитель верующих, и Аль-Нассир-ад-Дин-Аллах, Защитник Веры.

На три года беспорядки, охватившие королевство Леон, приостановили военные действия между христианами Севера и халифатом. После многих месяцев анархии, оскверненной ужасными преступлениями, — преступлениями, которые напоминают худшие сцены, опозорившие революции Вестготской империи, убийства, пытки, ослепление одних королевских пленников, отравление и голодная смерть других, — Рамиро II, принц с большим знанием дела и опытом, взошел на трон. Благодаря своим интригам с губернатором Сарагосы, принадлежащим к могущественному семейству Бени-Хашим, он заручился поддержкой последнего и, в конце концов, заручился его преданностью. Гарсия, король Наварры, также был вынужден присоединиться к конфедерации, которая, таким образом, включала в себя все провинции Севера, как христианские, так и мусульманские, создавая непрерывный и грозный фронт против власти халифа.

Бесстрашный Абд-ар-Рахман снова приготовился к войне. Исход кампании везде был благоприятен для его оружия. Рамиро потерпел поражение в серии сражений. Мухаммед, мятежный вождь племени Бени-хашим, был осажден в своей столице, и либо страхи, либо милосердие его государя вернули ему доверие, которое он так вопиюще предал. Монарх Наваррский и его мать, чьи амбиции воспользовались молодостью и неопытностью ее сына, были вынуждены просить прощения у халифа и принять из его рук, как сюзерена, управление теми государствами, которые ранее были переданы Санчо Великим в качестве независимого королевства.

Безмерно воодушевленный своими триумфами, Абд-ар-Рахман задумал грандиозную экспедицию, которая могла бы завоевать неверные государства Севера и истребить или навсегда изгнать тех упрямых и опасных врагов, предприятие которых было постоянным укором рвению мусульман и угрозой процветанию и безопасности халифата. В соответствии с этой резолюцией был провозглашен Джихад. Сто тысяч человек бросились к оружию. Добровольцы прибывали из Египта, Сирии, Мавритании и Ливийской пустыни, чтобы присутствовать при унижении неверного и участвовать в разграблении его полей, его церквей, его дворцов. В подходящих местах были собраны большие запасы провизии и военного снаряжения. Были собраны вьючные обозы, состоящие из тысяч вьючных животных. Для обеспечения успеха не было пренебрегнуто ни одной предосторожностью. Окруженный своей великолепной телохранительницей, халиф лично явился во главе этого огромного войска, но из-за недостатка такта, который делал мало чести его знанию человеческой натуры, он передал командование Надже, рабыне, за исключением знати, которая с невыразимым негодованием увидела, что их наследственные притязания командовать подчинены благосклонности офицера низшего ранга и более чем плебейского происхождения. Мусульмане наткнулись на союзную армию Леона и Наварры у деревни Альхандега, недалеко от Саламанки. Не уstraшенные численным превосходством врага, христиане храбро выдержали атаку. Вероломство арабских офицеров, облеченных важными полномочиями, способствовало бесстрашию леонцев; аристократические вожди, предпочтя удовлетворение своего негодования и поражение от рук неверных победе под командованием генерала низкого происхождения, отступили, и мусульмане потерпели ужасное поражение. Главнокомандующий был убит. Целые дивизии были уничтожены; многие выдающиеся воины были утащены в темницы Леона и Пампелуны; а

самому халифу, уцелевшему всего с сорока девятью из его многочисленного эскорта, с величайшим трудом удалось избежать мечей христианской кавалерии. Неминуемая опасность, которой он подвергся, внезапное исчезновение его великолепной армии и, возможно, сознание неразумности своего поведения или страх, что фортуна отвернулась от него, так подействовали на Абд-ар-Рахмана, что он больше никогда не показывался на поле боя.

Но результаты победы, которая обещала быть столь благоприятной для дела христианского мира, были, как обычно, сведены на нет личными распрями и революционными действиями победителей. Графство Кастилия, зависимое от астурийской короны, ставшее могущественным благодаря выдающимся способностям и заслугам своего нынешнего правителя Фердинанда Гонсалеса, персонажа, известного в средневековой истории и легендах, стремилось к названию и привилегиям независимого королевства. Его губернатором был вассал, чье поместье было наследственным, но он занимал свой пост по воле монарха, и, насколько позволяют судить скудные летописи того времени, ни одна провинция полуострова не была более склонна к беспорядкам и мятежам. Чтобы отвлечь внимание и отвлечь от целей этого опасного населения, короли Леона разделили провинцию на четыре части; но графы, которые впоследствии управляли ею, без труда согласовали свои притязания, когда речь шла о сопротивлении центральной власти. Затем Ордоньо II разработал новый план. Четверо графов были заманены под благовидным предлогом на совещание в Теджиаре, на границе Кастилии и Леона, и казнены. Графство теперь оставалось без признанного лидера до восшествия на престол Фердинанда, которого восхищенная благодарность испанцев возвела в ранг полубога и чьей доблести по праву следует приписать основание знаменитой монархии Кастилии.

Притязания Фердинанда Гонсалеса на любовь и доверие своего народа были подтверждены многими доблестными поступками на войне и благородными актами частной щедрости в мирное время. В многочисленных кампаниях Рамиро II. его голос всегда был слышен в самой гуще сражения. Добычу, собранную им у врагов Христа, он тратил на возведение религиозных домов, в уставах которых имя сюзерена основателя было демонстративно опущено. Его влияние было настолько велико, что государь был вынужден не обращать внимания на эти оскорбления своего достоинства и даже попытаться заручиться поддержкой или обеспечить нейтралитет своего грозного вассала, выдав замуж свою собственную дочь за сына Фердинанда. В последнее время внимание графа было поглощено мусульманскими походами, опустошавшими его территорию, но разгром Альхандеги дал ему преимущество; и, формально отказавшись от присяги, он объявил войну королю Леона. Рамиро, однако, вскоре оказался слишком силен для своего мятежного вассала. Фердинанда бросили в тюрьму, его поместья конфисковали, а управление его владениями перешло к чужаку. Но ни обещания, ни угрозы государя не могли поколебать верность кастильцев. В публичных актах и прокламациях они демонстративно вычеркивали имя Рамиро и вставляли имя Фердинанда. Их преданность довела их до грани идолопоклонства. Они изваяли статую, облаченную в одеяния прославленного изгнанника, и, преклонив колена, выразили бесчувственному мрамору свое неизменное и благоговейное почтение. Наконец, их энтузиазм побудил их большим отрядом отправиться в столицу и потребовать освобождения своего сеньора, просьбу, которую король Леона счел уместным удовлетворить, но только при условиях, которые лишали графа Кастилии большей части его политического влияния и власти.

Смерть Рамиро стала сигналом к ожесточенному соперничеству между его сыновьями, Ордоньо и Санчо, за обладание тронem Леона. Младший сын Санчо обратился за помощью к

Фердинанду Гонсалесу, и граф Кастилии, осознав преимущества, которыми он будет пользоваться *вроли* создателя королей и которые в конечном итоге должны привести к его полной независимости, без колебаний воспользовался прекрасной возможностью. Последовала кровопролитная гражданская война, в которую была вовлечена и Наварра, и ненависть к неверным была забыта в яростных столкновениях внутренних раздоров. Тем временем армии Абд-ар-Рахмана по своему желанию разоряли христианскую границу. Набег следовал за набегом с уверенностью, основанной на постоянной безнаказанности. Рыночные площади андалузских городов были завалены значительными трофеями победы - крестами и распятиями, расшитыми одеяниями и усыпанными драгоценными камнями кадилъницами, соседствующими с жуткими пирамидами голов, число последних в одном экземпляре достигало пяти тысяч. Отвлеченный двойной опасностью кастильского восстания и мусульманского вторжения, Ордоньо III. отправил послов в Кордову просить мира. Был составлен мирный договор, по которому леонский король соглашался сдать ряд замков, защищавших границу; но прежде, чем это условие могло быть выполнено, Ордоньо умер, а его брат Санчо, сменивший его, категорически отказался выполнять мирный договор. Вслед за этим военные действия возобновились; арабские войска вторглись в Леон; и решающая победа, одержанная генералом халифа Абу-Ибн-Йилой, показала неосторожному Санчо, насколько глупо сопротивляться без достаточных ресурсов и подготовки растущему могуществу мавританского монарха.

Санчо, по-видимому, был способным и решительным принцем, но его представления о королевских прерогативах были слишком решительными для его возраста. Стремясь воспользоваться произвольными правами, дарованными древней вестготской системой, он направил все свои усилия на подавление аристократии и, что было еще опаснее, пренебрег примирением с церковным орденом, богатство которого и почитание, с которым к нему относились, сделали бы его опасным противником для любого монарха. Эксперимент, всегда опасный, был вдвойне опасен в случае с Санчо, которому судьба отказала в тех личных качествах, которые вызывают аплодисменты или привлекают внимание человечества. Чрезмерное и растущее ожирение сделало его неспособным передвигаться без посторонней помощи, и он уже давно обнаружил, что не может сесть на лошадь. Среди активного и атлетически сложенного народа, чьим ремеслом была война, чьи развлечения находили в охоте и в поле, и для которого все военные упражнения были одновременно удовольствием и необходимостью, зрелище беспомощного монарха, подобного Санчо Толстому, вызывало только чувство глубочайшего презрения. Но когда к этому физическому недостатку добавились высокомерная и деспотическая осанка и плохо скрываемое намерение урезать привилегии знати, члены которой считали себя, в силу теоретически выборного характера короны, почти равными по достоинству принцам царствующего дома, поскольку многие из них превосходили их доблестью, презрение подданных Санчо сменилось опасением, что неповоротливый монарх, вызывавший их насмешки, в конечном счете может превратиться в безжалостного тирана. Был составлен заговор, участником которого был Фердинанд Гонсалес, профессиональный агитатор того времени; Санчо был вынужден укрыться в Наварре; и Ордоньо IV, горбун, чей низкий и раболепный характер соответствовал уродству его личности, был возведен на леонский трон. Встреченный со всеми проявлениями сочувствия своей бабушкой, марциал Тотой, — фактической правительницей Наварры, которая в течение тридцати лет с различным успехом испытывала судьбу в войне с эмирами Кордовы, — Санчо не испытал особых трудностей, заручившись обещанием ее помощи в возвращении ему короны. Но Наварра, гористый и

малонаселенный регион, теперь была истощена продолжающимися военными действиями и, действительно, никогда не была достаточно сильна, чтобы справиться без посторонней помощи с более обширным королевством Леон. Следовательно, союз с какой-либо иностранной державой был необходимым условием для успешного осуществления замысла. При формировании этого союза выбора не было. Можно было приблизиться только к одному монарху, Оммеядскому халифу, ресурсов которого было достаточно для достижения желаемой цели, и этот монарх был отделен от королевы Наварры памятью обо всех безобразиях непрекращающейся войны, о порабощении и обезглавливании тысяч ее подданных, а также барьером враждебной веры, чьи плохо понятые и намеренно искаженные догматы были мерзостью для каждого христианина. Другие соображения сделали нынешнюю уступку требованиям ненавистного противника еще более раздражающей. Воинственная принцесса командовала наваррцами при разгроме Альхандеги. Она видела, как была унижена гордость Оммеядов. Она волочила их знамя по пыли. Множество пленников и неисчислимая добыча свидетельствовали о доблести ее подданных. Величайший из мусульманских владык бежал от ее рук. Чрезвычайная ситуация, однако, не допускала выбора и требовала поступиться гордостью и забыть о прошлых обидах, которые, в глазах Тоты, были затмеваемы нынешним оскорблением, нанесенным ее семье. Другой мотив побудил ее обратиться к Абд-ар-Рахману. Недуг Санчо, безусловно, не был врожденным и, возможно, не был неизлечимым. Репутация еврейских и арабских врачей по образованности и мастерству не имела себе равных в мире, и самыми выдающимися практикующими этого направления были жители Кордовы. Из опыта Санчо было очевидно, что восстановление его здоровья было непременным условием возвращения к власти. Пожертвовав своими предрассудками ради настоящей необходимости и с нежеланием, которое она с трудом могла скрыть, Тота отправила официальное посольство в столицу халифата.

Абд-ар-Рахман принял послов королевы Наваррской с исключительной вежливостью и велел им сообщить их королевской особе, что он немедленно отправит к ее двору посла, который укажет условия, на которых он удовлетворит ее просьбы.

Еврей Хасдай был агентом, назначенным халифом для выполнения обязанностей, связанных с этой важной миссией. Один из самых ловких и опытных переговорщиков того времени, разносторонний гений Хасдая позволил ему достичь почти такого же высокого положения в профессии врача, какого он достиг в искусстве дипломатии. Кроме того, он подходил для этого поста благодаря тому, что пользовался доверием своего государя; благодаря своему доскональному знакомству с иностранными языками, включая идиомы христиан; а также благодаря своей обширной эрудиции и элегантным манерам, которые очаровывали всех, с кем он соприкасался. Это был случай, требующий от эмиссара более чем обычных способностей. Инструкции Хасдаи включали требование об уступке десяти крепостей на территории Леона, которое должно было быть сделано сразу же после изгнания узурпатора; и чтобы сам Санчо, его дядя Гарсия — номинальный король Наварры, от имени которого Тота осуществлял королевскую власть, — и королева лично прибыли в Кордову и подписали договор. Хотя по первому условию не было выдвинуто никаких существенных возражений, при обсуждении второго Хасдаю потребовалась вся настойчивость, чтобы преодолеть отвращение Тоты к унижению, которое подразумевал такой шаг. В конце концов, однако, красноречие и хитрость посланника возобладали, и в сопровождении многочисленной компании духовенства и знати три христианских монарха отправились в свое утомительное путешествие. Их проезд по мусульманским владениям сопровождался всеми проявлениями общественного любопытства,

которые только могли возбудить столь экстраординарные обстоятельства. Огромные толпы выстроились вдоль шоссе. Города и деревни были лишены своего населения, плотные массы которого часто серьезно мешали продвижению эскорта. Прибытие монархов в Кордову ознаменовалось великолепным приемом, более подобающим победоносным союзникам, чем просителям вернуть себе трон. Но такт халифа побудил его скрыть, насколько это было возможно, унижительный облик, который он заставил принять своих гостей; и в то же время его достоинство было усилено демонстрацией того богатства и величия, которые позволил ему продемонстрировать случай. Мирный договор был должным образом подписан, и стороны договорились, что мощь халифата должна быть направлена против Леона, в то время как силы Наварры одновременно предприняли отвлекающий маневр в сторону Кастилии, чтобы предотвратить сотрудничество графа Фердинанда с врагом.

Ни одно событие его долгого и блестящего правления не сделало больше для повышения престижа и укрепления авторитета знаменитого мусульманского правителя, чем этот глубокий политический ход. Энтузиазму народа не было предела. Многовековая вражда была на мгновение забыта в потворстве чувствам национальной гордости и ликования. Еврейские и мусульманские поэты соревновались друг с другом в праздновании триумфа, не имеющего аналогов в анналах ислама, и восхваляли удачу и славу принца, чьи достижения смирили гордыню общего врага их соответствующих сект.

Тем временем медицинское мастерство опытного Хасдая заметно уменьшило огромную массу тела, которая фактически стояла несчастному Санчо короны, и к тому времени, когда мусульманская армия была готова выступить, к нему полностью вернулись прежняя легкость и активность. Кампания была непродолжительной. Город за городом был взят; все королевство отреклось от узурпатора, и Ордоньо был изгнан в Астурию. Экспедиция наваррцев прошла с таким же успехом. Армия Фердинанда была разбита, а сам он взят в плен. Горцы отказались больше укрывать свергнутого монарха, чьи личные качества делали его недостойным их сочувствия, и Ордоньо был вынужден бежать в Кастилию.

Этот решающий поход был последним из воинских предприятий великого Абд-ар-Рахмана. Неосторожное воздействие вызвало приступ легочной болезни, которая не поддавалась искусству самых способных врачей, и после нескольких месяцев болезни самый знаменитый монарх, занимавший трон Оммеядов на Западе, скончался в возрасте семидесяти лет.

Его правлению не хватило всего нескольких недель, чтобы достичь необычайной продолжительности в полвека. Его деяния, какими бы достоверными они ни были, кажутся почти переходящими границы человеческого доверия. Когда он получил скипетр, королевская власть едва ли признавалась в узком кругу стен столицы. Когда этот скипетр выпал из его ослабевших рук, надменные потомки вестготов, поборники христианской веры, доселе непобедимые горцы, чья гордость и фанатизм превосходили даже их доблесть, стали его преданными вассалами и данниками. Самое грозное восстание, когда—либо охватившее полуостров, - восстание, длившееся тридцать лет, — было подавлено. Физические следы этой долгой и губительной борьбы были уничтожены; возникшая в результате нее ненависть, более непримиримая, чем даже неприязнь секты к секте, была ослаблена. Иностранное вторжение, угрожавшее не только уничтожением его расы, но и уничтожением всех знаний и всей цивилизации, было остановлено, и делу науки и стремлениям к миру была дана длительная передышка. Его предшественник завещал ему неопределенный доход, получаемый от

ненадежной дани; его собственный гений, помимо обеспечения огромных расходов правительства, строительства крупных общественных сооружений и удовлетворения потребностей в роскоши, беспрецедентной по своей экстравагантности, все же позволил оставить в государственной казне сумму, равную ста миллионам долларов.

Мощный военно-морской флот обеспечивал безопасность побережья от иностранных нападений и позволял развивать торговлю, агенты которой уже обосновались во всех провинциях Европы, Африки и Азии. В результате такой обширной торговли базары андалузских городов изобиловали предметами роскоши, о существовании которых до сих пор не подозревало изолированное население полуострова. Более того, результаты этого тесного и постоянного общения со многими нациями проявились в заметной утонченности манер, в возросшей степени умственной активности, в высокой оценке преимуществ, которые дает обладание знаниями, и в освобождении человеческого разума от тех теологических предрассудков, которые во все века были одновременно причиной и свидетельством состояния униженного интеллектуального рабства.

Слава об Абд-ар-Рахмане проникла в самые отдаленные и варварские регионы земного шара. Князья всех рангов в дружеском соперничестве старались, используя все средства щедрости и лести, заручиться его дружбой и продвигать его интересы. На улицах столицы часто можно было увидеть великолепные посольства, везущие редкие и бесценные подарки. Самым замечательным из них было послание Константина Багрянородного, византийского императора, чья гордыня побуждала его стремиться превзойти в великолепных назначениях и помпезном церемониале своих представителей предполагаемое великолепие своего далекого союзника. Но, демонстрируя все свидетельства богатства и величия повелителя Восточной империи, посольство Константина было затмлено великолепным блеском двора Оммеядов. Его прием напомнил экстравагантные рассказы о восточной романтике. Подходы ко дворцу были окаймлены гвардейцами халифа, чьи яркие мундиры, начищенные доспехи и ятаганы с драгоценными камнями на рукоятях сверкали в ослепительных лучах андалузского солнца. Красивые шелковые навесы были подвешены над внутренним двором и аркой. Залы Алькасара были увешаны тканями из золота и серебра, а также гобеленами, на складках которых виднелись замысловатые узоры из самых изысканных арабесок. Через сады ароматических растений, через колоннады из разноцветного мрамора, по полам из полированной мозаики посланников провели в зал для аудиенций. Здесь сидели халиф и члены его семьи, а вокруг них рядами стояли великие гражданские и военные сановники империи, начальники евнухов, чиновники царского двора. После глубокого поклона послы вручили письмо своего государя. Оно было из небесно-голубого пергамента, исписанного золотыми буквами. Печать также была из того же драгоценного металла; на одной стороне ее было изображение Спасителя, а на другой - медальоны Константина и его сына. Письмо было заключено в золотую шкатулку, вырезанную с удивительным мастерством, а оно, в свою очередь, было помещено в футляр, обернутый тканью из шелка и золота. На крышке этого футляра был мозаичный портрет греческого императора.

Чтобы произвести впечатление на послов талантами и литературными познаниями своих придворных, а также оказать им честь, халиф назначил известного оратора и поэта произнести приветственную речь, которая должна была, в то же время, возвеличить славу его правления и величие его империи. Но величественное присутствие, в котором он оказался, и сознание своей неспособности отдать должное своему предмету настолько повлияли на

впечатлительную натуру избранного представителя кордовского красноречия, что он не смог произнести ни единого слова. Затем халиф призвал одного за другим находившихся рядом с ним мудрецов, чье умение импровизировать до сих пор их никогда не подводило, поприветствовать греческое посольство, но они тоже хранили молчание. Наконец, без приглашения, перс по имени Мондир Ибн Саид, недавно прибывший ко двору, встал и повторил несколько уместных импровизированных стихов, полных ярких образов и экстравагантных метафор, которые восхищают страстных восточных людей. Когда он закончил, ни присутствие королевской особы, ни величественный придворный этикет не могли заглушить аплодисментов восхищенной публики, и халиф наградил удачливого поэта кошельком с золотом и сразу же назначил его — поскольку он был сведущ в законах — главным кади Кордовы. Послы, оказавшие все возможное внимание своему щедрому хозяину, были отпущены в сопровождении визиря, которому было поручено от имени халифа подарить византийскому императору несколько великолепных лошадей, оружие и кольчуги.

Рассказ о другом посольстве совершенно иного характера, прибывшем некоторое время спустя, поучителен, поскольку дает любопытную картину нравов того времени. Халиф, составивший из рассказов лживых путешественников преувеличенное представление о размерах и ресурсах Германии и желавший установить дипломатические отношения с этой державой, отправил Отто, сыну Генриха Птицелова, письмо, сопровождаемое обычными подарками. Глава посольства, мосарабский епископ, погиб в пути, и послание было доставлено его спутниками, которые не знали о его содержании. Гордость Абд-ар-Рахмана позволила ему включить в свое письмо выражения, которые не были комплиментарными вере в Тринитаризм, или, как многозначительно замечает хроника, “в нем к германскому императору относились гораздо лучше, чем к Богу христиан”, полагаясь на такт епископа, который смягчит любое раздражение, которое могло возникнуть при его прочтении. Отто, прочитав это, в отсутствие каких-либо объяснений, естественно, истолковал язык мусульманина как преднамеренное оскорбление его религии, обошелся с посланниками с явным пренебрежением, удалил их с территории суда и в течение трех лет полностью игнорировал их присутствие, за исключением ограничения их свободы.

Тогда он решил отомстить тем же. Архиепископ Кельнский составил письмо, в котором исчерпал словарный запас нечестивых и церковных оскорблений в поисках эпитетов, которыми можно было бы осыпать Мухаммеда. Теперь был разыскан гонец, чтобы передать это оскорбительное послание, ибо, хотя можно было найти много желающих написать его, мало кто был склонен рисковать и присутствовать при его вручении; ибо было хорошо известно, что среди мусульман брань в адрес Пророка неумолимо каралась смертью. Наконец, Джон де Горза, монах-фанатик, чья аскетичная жизнь снискала ему репутацию необычайно набожного человека, добровольно предложил себя в качестве кандидата на выполнение опасного долга, который почти обязательно влек за собой мученическую смерть. Его услуги были приняты за неимением услуг посла более высокого ранга, и были выбраны трое священнослужителей равного ранга, чтобы сопровождать его и разделить сомнительную удачу предприятия. Когда все приготовления были завершены, это необычное посольство отправилось от двора Оттона с весьма незначительной вероятностью своего возвращения. Прибывшие без происшествий в Кордову монахи были задержаны в одном из пригородов в ожидании переговоров, которые Абд-ар-Рахман счел уместным начать с ними в связи с оскорбительным письмом императора,

содержание которого не было секретом при мусульманском дворе. Халиф оказался перед неприятной дилеммой. Закон был строго определен в отношении обращения с теми, кто хулил имя Мухаммеда. Если бы посланники доставили письмо Отона, на них была бы возложена ответственность как на представителей своего суверена, и все же их казнь была бы в глазах всего мира серьезным нарушением международного права. Было приложено все усилия, чтобы убедить Джона де Горзу сохранить письмо и преподнести только те подарки, которые к нему прилагались. Для этой цели были привлечены услуги самых проницательных придворных дипломатов. Но упрямого фанатика, в котором великолепие мусульманской империи вызывало только чувство презрения, нельзя было ни убедить вкрадчивыми уловками, ни запугать угрозами эмиссаров халифа. В конце концов это затруднение было устранено Джоном де Горзой, согласившимся обратиться к своему королевскому повелителю за другим письмом, которое было заменено тем, которое вызывало у него возражения. Это было сделано, и после восемнадцатимесячной задержки начались приготовления к приему посольства. Теперь, однако, возникло новое препятствие - упорство монашеских предрассудков. Строгий этикет, а также элегантность и благопристойность мусульманского двора были оскорблены грубой и изодранной одеждой и неопрятным внешним видом немецкого посланника. Объяснив его состояние бедностью, халиф послал ему крупную сумму денег, которую тот должен был потратить на покупку подходящей одежды. Верный своей профессии, бескорыстный отшельник сразу же раздал всю сумму в виде милостыни бедным. Халиф, не в силах скрыть своего восхищения последовательным и бескомпромиссным характером смелого священнослужителя, воскликнул: "Клянусь Аллахом! если бы на нем была только сумка, я бы его увидел".

Представленный со всеми формами церемонной вежливости в присутствии самого блестящего двора в Европе, Джон де Горза, не испуганный величием монарха и, по-видимому, не впечатленный новыми и ослепительными сценами, представшими его взору, держался со спокойным достоинством и самообладанием, которых трудно было ожидать от его предыдущего поведения; и Абд-ар-Рахман, очень довольный его прямоотой и смирением, оказал ему перед отъездом необычную честь частной аудиенции и, наконец, отпустил его со всеми почестями и уважением.

Этот период примечателен успехом горстки авантюристов, которые в последние годы предыдущего столетия обосновались на побережье Франции и чье предприятие, получи они существенную помощь от правительства Кордовы, могло бы в немалой степени повлиять на окончательную судьбу христианской Европы.

В 889 году банда из двадцати мавританских пиратов была загнана бурей в залив Гримо, омывающий берега Нижнего Прованса. Их хищнические привычки побудили их исследовать соседнюю страну; одна деревня была застигнута врасплох и разграблена; и дальнейшие исследования убедили их в преимуществах, которые случай предоставил им для основания постоянной колонии. Это было действительно идеальное место для оплота разбойников. Торговые связи Северного Средиземноморья были в пределах легкой досягаемости. Гавань была уединенной и просторной. Ее окружали высокие горы, покрытые густыми лесами. С их вершин можно было разглядеть высоко возделанные равнины Франции, на протяжении поколений свободные от набегов мародеров, жители которых, управляемые чередой неспособных принцев, были совершенно лишены воинственного духа, который обуславливает пренебрежение королевской защитой у выносливых крестьян, и которые давно отвыкли от обращения с оружием. Совсем рядом были Альпы, через неохраемые перевалы которых

можно было попасть в живописные долины и богатые города Италии, страны, которая была целью каждого военного авантюриста Западной Европы как в древние, так и в современные времена.

Мусульманские флибустьеры, не теряя времени, сообщили своим друзьям и товарищам о своем открытии. Новобранцы из Испании, Сицилии и Африки ежедневно пополняли их ряды. Вскоре десятки замков — каждый из которых был резиденцией вождя мародеров - увенчали высоты, возвышающиеся над заливом Гримо и лесом Фраксине. Проявив глубокую проницательность, эти предприимчивые бандиты оказали поддержку феодальным баронам, чьи ссоры постоянно раздражали мелкие государства Прованса, всегда выбирая в союзники самых слабых. Таким образом, они поддерживали баланс сил и, обогащаясь за счет награбленного в ходе гражданской войны, с каждым годом приобретали все большее влияние и значимость. Их безжалостная жестокость придавала им вес, несоизмеримый с их численностью или доблестью. Их бесчинства наводили ужас на крестьянство. К концу IX века они пересекли Альпы, угрожали Турину, разрушили множество монастырей и опустошили равнины Монферрата и Пьемонта. Они обосновались на реке По. В 935 году они продвинулись к границам Лигурии. Их грабежи простирались до города Генуя. Перевалы горы Сенис и гора Сен-Бернар были в их руках. Из своих крепостей в Альпах они перекрыли все движение и взимали контрибуцию с каждого путешественника. Они пронесли свое оружие в Швейцарию и проникли на берега Боденского озера. Они сжигали церкви и аббатства под стенами Марселя. Город Ницца до сих пор носит в названии одного из своих кварталов напоминание о сарацинской оккупации.

Во Франции, из-за ее близости к их колонии и больших возможностей, которые она предоставляла для их передвижения, их вторжения были более частыми и катастрофическими. Большая часть равнинной страны обезлюдела. Безопасность можно было найти только в самых сильных городах. Почти вся территория Прованса, Лангедока и Дофине в свое время подвергалась нападениям этого ужасного бедствия. Эти дерзкие бандиты так прочно укрепились в горах Юго-Западной Европы, что князья, во владениях которых они находились, не смогли выбить их оттуда. Лиутпранд намекает, что посольство Джона де Горзы имело своей главной целью прекращение их опустошительных действий посредством вмешательства халифа, что отнюдь не невероятно.

Как бы то ни было, вскоре после этого события могущество мусульманских колонистов начало приходить в упадок. Какое-то время приток рекрутов, присвоение женщин и институт полигамных семей угрожали численному превосходству, а также вооружению и постоянству оккупации - условиям, опасность которых была продемонстрирована арабскими завоеваниями на Юге. Однако эти опасения оказались беспочвенными. Христиане постепенно восстанавливали свои позиции. Замок за замком падали под их натиском. Полагаясь на свои собственные усилия, мусульманские пираты не могли выдержать совместной атаки, предпринятой на них со всех сторон, и еще до смерти Абд-ар-Рахмана они утратили свое влияние как вызывающая беспокойство сила в тех странах, которые они на протяжении трех четвертей века делали ареной своих грабежей.

Действия этих вождей никогда не теряли характера разбоя. За исключением случаев общей опасности, они действовали независимо друг от друга. Постоянный успех, который является

результатом союза сил и согласованных политических действий, никогда не сопутствовал их оружию. И все же, не организованные и лишенные поддержки какого-либо иностранного правительства, они почти сто лет удерживались на враждебной территории. Их единственными ресурсами были награбленные у соседей трофеи. Их единственными рекрутами были такие же авантюристы, как и они сами, привлеченные надеждой на добычу. Их гаремы наполнялись их набегами, а их раса размножалась за счет врага. Ни в одной хронике, христианской или арабской, прямо не говорится, что Халифат Кордовы хотя бы поощрял их, а тем более помогал им. И все же испанским мусульманам никогда не предоставлялось возможности, столь благоприятной для распространения Веры и завоевания Европы. Стратегическое значение этих пиратских цитаделей было намного больше, чем у незащищенных поселений Септимании. До них было легко добраться по морю. Приложив незначительные усилия, они могли бы стать неприступными. Они контролировали перевалы в Альпах. Они угрожали великим городам Марселю, Арлю и Нарбонне. Как пункт сосредоточения армии вторжения их ценность была неоспорима. Труднодоступные, они господствовали над богатыми равнинами Прованса и Лангедока, Пьемонта и Ломбардии. Легкость, с которой их мародерствующие и недисциплинированные гарнизоны захватили соседние провинции вплоть до Генуи и Гренобля, наводит на мысль о результатах, которых могли бы достичь систематические операции такой великой военной державы, как Абд-ар-Рахман III, при поддержке ресурсов самой богатой и воинственной нации того времени.

Внутренняя политика Абд-ар-Рахмана свидетельствовала о том же гении, который руководил его военными кампаниями и дипломатическими переговорами. Точное отправление правосудия, бдительность многочисленной и хорошо оснащенной полиции, надзор неподкупной магистратуры гарантировали каждому классу общества полное осуществление прав личности и собственности. Поддержание порядка и пресечение преступности были не менее очевидны в регионах, удаленных от резиденции правительства, чем в непосредственной близости от столицы.

Любовь к пышности и расточительная демонстрация роскоши шли в ногу с растущим богатством и приумножающимися ресурсами империи. Храмы были обогащены добычей и украшены трофеями церквей и монастырей неверных. Великая мечеть столицы была расширена, ее двор обнесен изящной аркадой и охлажден восхитительными фонтанами. Дворцы и сады Кордовы превосходили по размерам и великолепию знаменитые сады Багдада и Дамаска. В очаровательном и роскошном убежище Медина-аз-Захра халиф занимался повседневными делами; принимал иностранных послов; заслушивал и решал конкурсы на литературное первенство; решал вопросы гражданского и церковного права. Питая, не без причины, глубокое недоверие к арабскому элементу, составлявшему наиболее интеллигентную часть его подданных, он передал главные государственные посты и вверил заботу о своей персоне мамлюкам, или рабам, классу подневольного происхождения, численность которого — благодаря королевской милости, обладанию заметными способностями к ведению дел и привычке безоговорочно повиноваться — вскоре достигла необычайной силы и влияния в государстве. Сначала этот термин применялся к пленным, взятым на войне самими арабами или проданным им варварскими народами Германии. Но постепенно это название приобрело более широкое значение и стало включать всех лиц иностранного происхождения или низшего происхождения, занятых на гражданской и военной службе халифата. Почти все нации и племена от берегов Каспийского моря до западных оконечностей Лузитании были представлены в этом важном классе, иностранное происхождение и зависимый характер

представителей которого лишали их симпатии к другим подданным империи и гарантировали их непоколебимую преданность интересам своего повелителя. С самых первых дней существования эмирата велась огромная торговля рабами с христианскими странами, главным образом с Францией и Италией. Его прибыли, первоначально монополизированные евреями, со временем были разделены христианскими священнослужителями; и неопровержимыми доказательствами было установлено, что по крайней мере один папа не побрезговал пополнить Церковную казну средством, столь пагубным для интересов религии и человечества. Монастыри Юга Франции были в основном посвящены изготовлению евнухов; монастыри на Маасе также были особенно знамениты по этому поводу, поскольку несчастные объекты для нанесения увечий добывались монахами путем покупки детей у крестьян. Каста рабов, хотя и включала значительную долю евнухов, однако ни в коем случае не ограничивалась представителями этого несчастного класса.

Несмотря на то, что неблагоприятная судьба обрекла раба на подчиненное и часто унижительное положение в обществе, неполноценность раба в этом отношении была более чем компенсирована властью, которой он пользовался, богатством, которое ему удавалось накопить, и уважением, которым он пользовался как избранный представитель халифа на ответственных и доверенных должностях. Высшие должности были доверены этим чужеземцам в ущерб древней аристократии, чью родословную можно было проследить до языческих стражей Каабы и сподвижников Пророка. Королевская телохранительница полностью состояла из рабов. Привезенные в страну в возрасте, когда молодежь наиболее восприимчива к внешним впечатлениям, они впитали в себя, благодаря тесному общению, под влиянием примера, религиозного воспитания и соображений личной заинтересованности, привычки, предрассудки и веру мусульман. Некоторые сколотили большие состояния на торговле. Другие дослужились до важных командиров в армии. Многие содержали заведения, которые по помпезности и экстравагантности превосходили заведения знати, и сами владели множеством рабов. Немало из них были отмечены своими научными достижениями; обладали обширными библиотеками; с честью участвовали в публичных дебатах, которые скрашивали досуг двора; и приобрели немалую репутацию в занятиях литературой.

Эта эпоха мавританского владычества, взбудораженная иностранными войнами и внутренними неурядицами, была также подавлена стихийными бедствиями и ужасными махинациями внутренней измены. В 915 году полуостров охватил беспрецедентно сильный голод. Продолжительная засуха, которая бросила вызов мастерству инженеров-гидротехников и ресурсам ирригационной системы, вызывавшей восхищение Европы, опустошила землю. За массовым голодом, как обычно, последовала эпидемия. Лишенные всех средств к существованию, измученные болезнями, несчастные крестьяне гибли тысячами. Улицы и магистрали были забиты умирающими и мертвецами. Мечети днем и ночью были переполнены просителями, которые взывали к милосердию Бога, который, казалось, в гневе отвернул Свое лицо от Своих детей. Смертность была такова, что выжившие не могли позволить себе провести с умершим обряд погребения. Правительство прилагало все усилия, чтобы облегчить страдания общества, но бедствие было настолько всеобщим, что щедрость халифа не могла привести к сколько-нибудь значительному улучшению плачевного положения его подданных, чьи насильственные меры по добыванию предметов первой необходимости нередко требовали вмешательства военной силы. Масштабы национального бедствия были увеличены разрушениями, вызванными ужасным ураганом, обрушившимся на побережья Африки и Андалусии, и пожаром, уничтожившим большую часть столицы.

У Абд-ар-Рахмана было два сына, которых звали соответственно Аль-Хакем и Абдаллах. Первым из них был предполагаемый наследник, который, хотя и пользовался большим уважением за свой благородный характер и княжеские добродетели, все же обычно считался ниже своего брата по литературным способностям, а также по тем эффектным качествам и достижениям, которые ослепляют взоры населения. В недобрый час честолюбивый Абдаллах, подстрекаемый своим другом теологом Ибн Абд аль-Барром, был вынужден согласиться на убийство Аль-Хакема, и с этой целью был составлен заговор. К несчастью для их успеха, шпион внедрился в советы заговорщиков, и они были тайно арестованы. Некоторых посадили на кол. Ибн-Абд-аль-Барр предотвратил казнь, совершив самоубийство; и Абдаллах, несмотря на великодушное заступничество раненого Аль-Хакема, был задушен в тюрьме. На счастье халифа глубоко и надолго повлиял поступок, в котором отцовская привязанность была принесена в жертву чувству общественного долга; и до дня его смерти воспоминание о безвременной кончине его сына постоянно преследовало его мысли и придавало его характеру меланхолию, которую никакое развлечение не могло рассеять, и никакой триумф, каким бы славным он ни был, не мог полностью изгладить.

Величие мусульманской державы в Испании при Абд-ар-Рахмане III. следует приписать исключительным административным способностям этого знаменитого монарха. Слава, по сути, принадлежит исключительно ему. Внимание, которое он уделял мельчайшим деталям управления, было не менее заметным, чем мастерство, с которым он руководил успешным выпуском предприятий величайшего масштаба и важности. Он был олицетворением имперского деспотизма. Ни один правитель его расы до сих пор не сосредоточивал в своей личности, исключая все другие источники власти, престиж, честь, достоинство империи. Он в замечательной степени обладал теми талантами, которые способствуют подчинению и объединению враждебных элементов общества, давно привыкших к анархии, - задача гораздо более трудная, чем завоевание великих наций. Проницательность, которую он проявил, отменив все налоги, не разрешенные традиционным правом ислама, завоевала ему общественное доверие в самом начале его правления. История того периода демонстрирует картину религиозной терпимости, резко контрастирующую с отвратительными преступлениями, совершенными константинопольскими и римскими престолами. На этого великого князя так мало влияли сектантские предрассудки или даже обычные политические соображения, что его с бесконечным трудом отговорили от назначения на высшую судебную должность королевства отступника, отец и мать которого все еще принадлежали к христианской общине. Принятие титула халифа, сопровождавшееся изменением чеканки монет и изменением общественных молитв в мечетях — действия, которые подтвердили ему атрибуты его нового и вполне заслуженного достоинства, — обеспечили ему большую известность в мусульманском мире. Достижения четверти века, несомненно, давали ему право на звание, которое теперь побудили его присвоить гордость и мудрость и которому было суждено придать новый и мощный импульс цивилизации Западной Европы. Его популярность привлекла такое множество добровольцев, когда была объявлена Священная война, нужно было позаботиться о том, чтобы магазины не остались без продавцов, а поля - без рабочих.

Правление Абд-ар-Рахмана III. совпадает с величайшим богатством, величием и процветанием испано-арабского владычества, поскольку достижения его сына и внука указывают соответственно на кульминацию его интеллектуального превосходства и его военной славы. В эту, самую цветущую эпоху сарацинской империи, полуостров представлял собой высокоразвитый и необычайно урожайный сад. Изящные и восхитительные растения Востока

росли повсюду бок о бок с местной флорой менее благополучной Европы. Полутропический регион, охватываемый провинциями Валенсия и Мурсия, какими бы густо заселенными они ни были, тогда давал жизнь гораздо более многочисленному населению, чем сейчас, скопившемуся в их плодородных долинах. Безлесные и вошедшие в поговорку бесплодные степи Старой Кастилии были разнообразны лесами и усеяны живописными деревушками. Бескрайние поля созревающих зерновых бросались в глаза на равнинах Ламанчи, где сегодня скудная и беспорядочная растительность с трудом обеспечивает пропитание стаду пастуха. Природа почвы, ее особая приспособленность к определенным сельскохозяйственным продуктам, севооборот, удобряющие свойства всех разновидностей навоза, систематическое распределение и экономия воды были тщательно изучены, и принципы научного земледелия применялись с феноменальным успехом. Ни один фут земли не был потрачен впустую. Каменистые склоны холмов с бесконечным трудом были разбиты на террасы, покрыты плесенью и засажены виноградниками. Там, где рос хотя бы один цитрон, рожковое дерево или оливковое дерево, сооружали треугольную ограду из камней, засыпали землей и ухаживали за ней с особой тщательностью. Урожайность этих урожаев часто превышала их в сто раз. Во многих округах не было ничего необычного в том, что на одной и той же земле в течение года выращивались четыре урожая разных видов. На Юге, где теплый и благоприятный климат способствовал естественной продуктивности почвы, эту страну вполне уместно было назвать земным раем. Пригороды Кордовы, Гранады и Мурсии вошли в поговорку своей красотой, а их пышная растительность скорее наводила на мысль о сельской местности провинциальных деревушек, чем о близости великих столиц. Оливковые сады Севильи были самыми обширными в мире. Берега Гвадалквивира, недалеко от этого города, были обсажены фруктовыми деревьями, и на расстоянии тридцати миль можно было проехать мимо череды фермерских домов, замков и величественных вилл, утопающих в многолетней зелени. Сеть каналов, подчиняющихся и регулируемых справедливым сводом законов, толковавшихся сельскими магистратами, избранными народом, пересекала во всех направлениях обрабатываемые земли каждой провинции. Гигантские акведуки протянулись по долинам и склонам холмов, доставляя к иссушенной жаждой почве далеких равнин освежающую воду горных источников. Опыт работы на болотах позволил ему обнаружить присутствие драгоценной жидкости в самых неперспективных местах; а подземные каналы длиной в сотни ярдов, вырубленные в живой скале, до сих пор свидетельствуют о его неустранимой энергии и настойчивости.

Непрекращающиеся войны и внутренние распри Аббасидов и фатимитов, которые поглощали их ресурсы и прерывали их торговлю, предоставляли испанским омейядам возможности, которыми они всегда были готовы воспользоваться. Изолированное положение последних и мирное состояние их империи в течение длительных периодов времени были в высшей степени благоприятны для развития внешней торговли, в то время как обладание большим торговым флотом облегчало транспортировку в пункты, которые национальная вражда и религиозные предрассудки часто делали недоступными по суше. Хотя великое предприятие Александрии было закрыто для подданных западных халифов, они были в полной мере вознаграждены гостеприимным приемом и официальными любезностями, которые они обычно получали от жителей Константинополя. Это была разумная и просвещенная политика, чье важное влияние на все отрасли искусства и учености не может быть оценено материальным процветанием, каким бы большим ни было его учреждение, которое продиктовало этот союз и сохранило тесные отношения, издавна существовавшие между князьями Мавританской Испании и государями Византии. В самую процветающую эпоху халифата торговых судов насчитывалось

более тысячи. Постоянные агентства по купле-продаже товаров были созданы в самых отдаленных регионах Востока — на Цейлоне, в Согдиане, в Китае. Было мало водоемов, доступных для морского судоходства, где флаг Оммеядов не был известен.

Хваленая слава династии Аббасидов во многих отношениях была превзойдена цивилизацией испано-арабской империи. По размаху его общественных работ, по великолепию его дворцов, по украшению его храмов превосходство последнего вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Его тщательная и систематическая обработка почвы не уступала по своим результатам методам, применяемым на самых плодородных полях Месопотамии, Сада Азии. Нет никакого сравнения между торговлей Дамаска и Багдада, в значительной степени зависевшей от караванов, и торговлей мавританской Испании, которая, в дополнение к этому ресурсу, использовала огромные торговые флоты.

Лучшим показателем процветания Западного халифата является его население и государственные доходы. По оценкам компетентных органов, подданных Абд-ар-Рахмана III. насчитывалось не менее тридцати миллионов человек. Какими бы великими ни были размеры метрополии, каким бы невероятным ни было ее богатство, какими бы великолепными ни были ее окрестности, многие другие города империи, хотя и не могли соперничать с ней по мощи и величию, пользовались чрезвычайно выгодными благами цивилизации, в которой Кордова пользовалась заслуженным превосходством. Владения халифа включали восемьдесят муниципалитетов первого ранга и триста второго; городов поменьше было почти бесчисленное множество. Только по берегам Гвадалквивира располагалось двенадцать тысяч деревень. Местность была заселена так густо, что путешественник обычно проезжал за один день пути не менее трех больших городов среди непрерывной череды поселков и деревушек. За пределами полуострова нельзя было увидеть ничего, сравнимого с богатством и великолепием столиц великих провинций. В Севилье проживало пятьсот тысяч человек; в Альмерии столько же; в Гранаде четыреста двадцать пять тысяч; в Малаге триста тысяч; в Валенсии двести пятьдесят тысяч; в Толедо двести тысяч.

Санитарные нормы, соблюдавшиеся в этих крупных населенных пунктах, были почти идеальными. Улицы были вымощены и освещены. Имелась продуманная система дренажа. Некоторые канализационные коллекторы под городом Валенсия были достаточно большими, чтобы в них могла легко проехать повозка, а по самым маленьким могло проехать нагруженное вьючное животное. Порядок поддерживался с помощью многочисленной и хорошо организованной полиции, которая патрулировала улицы днем и ночью.

Из наилучшей информации, которую можно получить о доходах Испании при арабах в период правления разных монархов, бесспорно, следует вывод, что они превышали по размеру доходы всех других государей Европы, вместе взятых. Имеющиеся у нас данные, хотя и гораздо менее обильные и точные, чем можно было бы пожелать, в своей основе, несомненно, верны, хотя некоторые критики ставят под сомнение их точность. Одного примера может быть достаточно, чтобы дать представление о богатстве халифов в наиболее процветающих условиях их империи. Доходы Абд-ар-Рахмана III. составляло двенадцать миллионов девятьсот сорок пять тысяч динаров, что эквивалентно тридцати трем миллионам шестистам тысячам долларов. Необъятность денежных ресурсов халифата вполне может вызвать удивление, если не недоверие, у ученого, если вспомнить, что соотношение соответствующих денежных ценностей десятого и двадцатого веков составляло десять к одному. Тот факт, что такая сумма могла быть

внесена на поддержку правительства страной, занимающей ограниченную территориальную область, такую как Испания, не считаясь обременительной или каким-либо образом наносящей ущерб ее коммерческому процветанию, является более надежным показателем богатства Западного халифата, чем целая библиотека статистических данных. Основным взимаемый налог составлял одну десятую часть прибыли от рудников, урожая, торговых вложений и занятий в промышленности. В дополнение к этому был регулярный взнос в размере четырнадцати миллионов долларов, выплачиваемый христианами и евреями в качестве вознаграждения за соблюдение своих законов и отправление своей религии; определенные налоги на магазины и продажу собственности, а также пошлины на импорт, ни одна из которых не была чрезмерной. Одним из важнейших источников дохода в воинственную эпоху была пятая часть добычи, добытой в бою, которая после раздела поступала в королевскую казну. Невозможно произвести приблизительный подсчет его суммы, которая неизбежно менялась в зависимости от каждой кампании, и не проводилось никакой оценки его фактической стоимости после его первого распределения, которое в большинстве случаев было произведено наспех и неточно. Военные нужды и расходы, связанные со строительством важных общественных сооружений, часто требовали наложения дополнительных и чрезвычайных расходов, которые, хотя и не разрешались законом, обычно оплачивались без возражений, как это требовалось для распространения Веры и завершения строительства благородных архитектурных памятников, олицетворяющих славу и благочестие монарха и богатство государства. Сановники империи поддерживали пышность и состояние принцев. Их дворцы, придворные, свита уступали только дворцам их царственного повелителя. Ни один христианский властитель не мог соперничать с ними в великолепии. Их богатство, накопленное всеми законными способами, всеми способами вымогательства, было щедро раздано. Подарок, сделанный визирем Ибн-Шобейдом Абд-ар-Рахману III и воспетый арабскими писателями того времени как пример расточительной щедрости, свидетельствует об огромных сокровищах, которыми, должно быть, обладали императорские чиновники самого высокого ранга. Оно включало поместье, в лесах которого росло двадцать тысяч деревьев; шестьдесят рабов, мужчин и женщин, отобранных за их достижения и красоту; сотню лошадей и мулов; восемьсот доспехов; большое количество дорогого оружия, палаток и сбруи; ковры, подушки и шелка; редких соболей и парчовые плащи; большое количество камфары, алоэ, мускуса и амбры. Самым важным предметом этого великолепного подарка были монеты и чистое золото на сумму пятьсот пятьдесят тысяч динаров. Вся его стоимость может быть оценена более чем в пять миллионов долларов.

Политическая проницательность мавританских князей не позволяла пренебрегать никакими мерами предосторожности, которые могли бы способствовать укреплению их власти или безопасности их владений. Военно-морской флот Абд-ар-Рахмана III. был самым мощным в Средиземноморье. Иррегулярные войска под его командованием были практически неограниченны по численности; регулярно зачисляемые составляли более ста пятидесяти тысяч человек. Личная гвардия халифа славилась великолепием своего оружия и совершенством дисциплины. Она состояла из двенадцати тысяч ветеранов, из которых восемь тысяч были кавалеристами. Снаряжение членов этого отборного корпуса было самым дорогим и совершенным, какое только могла предоставить военная наука того времени. Их униформа была из тончайшего шелка. Попоны их лошадей не имели себе равных по великолепию. Рукояти их ятаганов были украшены драгоценными камнями; пояса и ножны были из чистого золота.

Средства быстрого и безопасного сообщения с границами империи обеспечивались мощными дамбами, которые, расходясь от столицы, были в равной степени доступны как для прохода

войск, так и для перевозки товаров. Безопасность путешественника обеспечивали патрули и часовые, размещенные в казармах, расположенных через равные промежутки времени. Система постов передавала разведданные с помощью курьеров и конных ретрансляторов с быстротой, которая изумленному иностранцу казалась почти волшебной. Бесчисленные сторожевые башни, до сих пор известные испанцам под их арабским названием аталаи, возвышались на каждом мысу длинной береговой линии, и с их вершин маяки своевременно оповещали о передвижениях дружественных крейсеров и вражеских эскадр.

Из казны неоднократно выделялись огромные суммы на сооружения, предназначенные для общественного пользования, исключительно с целью обеспечения занятости трудолюбивых ремесленников и чернорабочих. Абд-ар-Рахман II провозгласил по всем своим владениям, что ни один человек, способный и желающий работать, не должен страдать из-за вынужденного безделья. Таким образом, косвенно был установлен спасительный принцип, согласно которому накопленное богатство государства является собственностью народа, и к его общему применению следует отнести необычайное количество замков, мечетей, мостов и акведуков, которые покрывают каждую часть полуострова, когда-то находившуюся под мусульманским правлением.

Больные и несчастные размещались и получали уход в государственных учреждениях, возведенных специально для этой цели. Сироты содержались и получали образование из личных средств халифа, пятьсотен были зачислены в единственную школу в Кордове, являвшую собой благородный пример патриархальной заботы и королевской щедрости.

В равной степени в отличие от своих предшественников-варваров и своих собственных завоевателей - кастильцев, испанские арабы не получали удовольствия от разрушения гордых памятников римского величия. Это правда, что там, где строение было безнадежно разрушено, они присваивали материалы для своих собственных построек. Однако либеральный дух испанских мусульман всегда отвергал бессмысленное надругательство над реликвиями классической древности. Даже с самой ранней эпохи их оккупации величие этих произведений, увековечивших мощь и величие цезарей, наполняло их неискушенные, но неблагодарные умы благоговением и изумлением. Мосты и укрепления, сохранившиеся со времен правления первых императоров, были восстановлены. Дороги, которые составляли столь важную черту военной политики империи, были тщательно отремонтированы и расширены. Те предметы греческого или римского искусства, которые попали во владение сарацин, — за исключением скульптур, которые, будучи изображающими человеческую форму, несли в себе мерзость идолопоклоннического поклонения, — были тщательно сохранены. В каждом поступке и чувстве сквозило чувство почтения и восхищения внушительными и изящными памятниками, завещанными потомкам бывшими хозяевами мира.

Центром всей этой замечательной цивилизации был знаменитый город Кордова. Будучи столицей империи, он сам по себе обладал всеми необходимыми качествами могущественного государства: огромным населением, коммерческим богатством, религиозным престижем, политической властью. Восемь городов первого ранга и три тысячи поселков поменьше находились под его юрисдикцией. Ежегодно в его казну поступала сумма в три миллиона золотых монет — шестьдесят миллионов долларов. Ни одно сообщество древних или средневековых времен не могло сравниться с ним в мастерстве в искусстве, научных достижениях, интеллектуальной культуре. Численность его жителей не могла быть меньше

миллиона. Их жилища, как правило, построенные из камня, имели непритязательный внешний вид, характерный для восточной архитектуры, но внутри они были украшены мозаикой и арабесками, цветущими парт-рами и мраморными фонтанами. Улицы, приспособленные к палящему климату, были узкими, но прочно вымощенными, прекрасно осушенными и, при постоянном наблюдении, содержались в чистоте, неизвестной самым хорошо регулируемым муниципалитетам современной Европы. Летом приятная прохлада создавалась благодаря навесам, которые, натянутые от одного здания к другому, не пропускали солнечные лучи, облегчая движение транспорта и общение людей. Количество домов — за исключением дворцов знати и государственных чиновников, которых было очень много, — достигло невероятной цифры в сто тринадцать тысяч. Здесь было восемьдесят тысяч четыреста лавок, семьсот мечетей, девятьсот бань и четыре тысячи триста рынков, где постоянно можно было увидеть костюмы и сокровища всех стран, известных в ту эпоху для торговли.

На протяжении десяти миль по прямой в самую темную ночь пешеход мог безопасно передвигаться по городу и его окрестностям при свете бесчисленных фонарей. Общая площадь столицы включала пространство в двадцать четыре мили в длину и шесть в ширину вдоль классического Бейтиса, который — единственный поток Андалусии, как говорят, носящий чисто арабское название, — сарадины называли Великой рекой. Окружность самого города, окруженного укрепленными стенами, составляла четырнадцать миль. По размерам и количеству своих базаров, а также по разнообразию товаров, которыми были заполнены ее склады, Кордова пользовалась бесспорным превосходством над самыми роскошными городами Азии, и к западу от Босфора не имела конкурентов, за единственным исключением Константинополя.

Самые редкие и дорогие предметы роскоши для стола и гарема следовало приобретать в магазинах гигантской столицы. Прекрасные рабыни из Греции, Италии и Абиссинии; белые евнухи, чье выхолощение скорее увеличило, чем уменьшило эlegantность форм и правильность черт лица; чернокожие, чья отталкивающая уродливость и колоссальный рост соответствовали требованиям для свиты халифа; книги и рукописи на всех языках; отборные специи и благовония Востока; бесценные драгоценности, чей блеск до такой степени усиливает очарование женской красоты; одежды всех оттенков и фактур, украшенные текстами и девизами серебряными и золотыми нитями, — все эти и многие другие товары, предметы алчности и страстей человеческих, ежедневно выставлялись на обозрение алчному и восхищенному взгляду прохожего. Огромные караван-сарай давали приют множеству купцов, путешественников и паломников, которые, привлеченные алчностью, любопытством или набожностью, ежедневно прибывали в знаменитую столицу Запада. Постоялые дворы, где достойному, но небогатому ученому, чьи средства были недостаточны для удовлетворения его литературных устремлений, безвозмездно раздавались еда, кров и милостыня, учрежденные правительством и содержащиеся за счет средств государственной казны, составляли своеобразную и поразительную черту разнообразной жизни города. От ручейков далекой Сьерры вел высокий акведук длиной в две с половиной лиги — алый оттенок которого, полученный из-за киновари, содержащейся в цементе, составлявший яркий контраст с зеленью окружающего ландшафта, делал его наиболее заметным объектом — снабжавший жителей постоянным запасом воды. Фонтаны взметали свои сверкающие брызги на каждой площади, перед каждым дворцом, во дворе каждой мечети. В некоторых случаях поток с шумом выливался из пасти льва или крокодила из позолоченной бронзы, гротескного и ужасного на вид; в других капли мягко переливались через края изящно вырезанных чаш из порфира и алебаstra. Воздух был

тяжелым от смешанного аромата мириадом цветов, из фруктовых садов доносились ароматы множества восхитительных экзотических растений, которые наполняли улицы своим опьяняющим ароматом.

Семь массивных ворот, обитых медью, давали доступ в пять различных кварталов, или палат, на которые был разделен город, каждый из которых был изолирован от остальных стенами и башнями, как средство безопасности от буйного населения, чье неповиновение вошло в поговорку и чья лояльность была сомнительной даже под железной рукой самого могущественного правителя. В одну из этих палат были заперты христиане, в другую - евреи, и после захода солнца ни один человек не мог выйти за их пределы, не подвергнувшись смертной казни. От всех ворот широкое и хорошо вымощенное шоссе вело к пограничным городам империи — Малаге, Бадахосу, Асторге, Талавере, Толедо, Сарагосе, Мериде. Алькасар халифов, построенный на месте дворца вестготских королей, отличался огромными размерами и неприступной мощью. Вероятно, он включал в себя один из упомянутых выше кварталов и содержал цитадель, официальную резиденцию главных придворных сановников, казармы королевской личной гвардии, а также помещения для бесчисленной свиты иждивенцев и рабов. Рядом с ним находились ворота, ведущие к мосту через Гвадалквивир, месту не одного исторического события, изменившего судьбу правящей династии в эпохи революций и катастроф. Этот мост был одним из величайших сооружений, когда-либо созданных римским гением. Он имел тысячу двести футов в длину и тридцать в ширину и возвышался на девяносто футов над водой. Его защищали девятнадцать башен. Построенный во времена правления Августа и находящийся в хорошем состоянии по сей день, он служил военным и торговым целям на протяжении шестидесяти поколений.

Неиссякаемое плодородие почвы Андалусии давало в величайшем изобилии самые вкусные продукты для любого климата. Предметы первой необходимости приходилось добывать за бесценок. На рынках предлагались всевозможные блюда, а сочные фрукты и овощи, которые считались дорогой роскошью или были недостижимы в столицах христианской Европы, в Кордове были доступны людям из самых скромных слоев общества. Одежда самого скромного гражданина свидетельствовала о необычной степени личного комфорта; профессиональное нищенство, это проклятие восточных сообществ, не поощрялось и было практически неизвестно; достойный страдалец нашел радушный прием в государственной больнице, в то время как самозванец был наказан за непривычную деятельность судебными приставами.

Пригородов Кордовы, за исключением королевской резиденции Медина-аз-Захра, которая превосходила другие по протяженности и красоте, было двадцать один. Они носили романтические названия, подсказанные их очаровательным положением и восхищенным почтением, которое они получали от людей, такие как “Райская долина”, “Прекрасная долина”, “Тропа роз”, “Сад чудес”. Находясь под юрисдикцией центральной муниципальной власти, они, в других отношениях, представляли собой ряд независимых сообществ, обеспеченных всем необходимым и роскошью, необходимыми многочисленному и процветающему населению, — магазинами, банями, постоянными дворами, складами, рынками и мечетями. Два занимали противоположный берег реки; остальные окружали мавританскую столицу полосой ослепительно белых вилл, перемежающихся пальмовыми рощами, возвышающимися среди буйства тропической зелени. На многие мили во всех направлениях простирались апельсиновые сады, сладость которых пропитывала воздух на многие лиги вокруг. Ручейки и фонтаны распространяли по улицам и садам восхитительную прохладу. Вдоль аллей в изобилии

росли цветы ярких оттенков с сильным ароматом. Колонны во дворах были увиты розами. По каменным мостовым, расходящимся во все стороны от города, тянулись караваны неторопливых верблюдов, нагруженных произведениями искусства и промышленности Европы, Африки и Азии; или, верхом на быстрых андалузских лошадях, проносились королевские курьеры с депешами для губернаторов отдаленных государств империи. Величественный мост через Гвадалквивир от восхода до заката был до отказа забит торговцами, слугами, солдатами, верховыми всадниками и вьючными животными.

Изнеженные вкусы халифов находили наибольшее удовлетворение в сравнительном уединении десяти вилл, которыми последние владели в окрестностях своей столицы. Здесь были предоставлены средства чувственного наслаждения, которые далеко затмевали по размаху и элегантности сладострастную привлекательность и распутную экстравагантность Капри, Сибариса и Антиохии. Эти обители удовольствий, построенные со всем мастерством сарацинского архитектора, были окружены участками, которые в совершенстве демонстрировали своеобразные и удивительные эффекты азиатского садоводства. Просторные галереи, поддерживаемые колоннами из полированного мрамора, сверкали прекрасной дамасской лепниной. Настенный декор, имитирующий индийские ткани, вобрал в себя все богатство шелковой парчи, переплетенной золотыми нитями. Сверкающие мозаики Константинополя, в веселом изобилии украшавшие арки и альковы, внесли свою лепту в украшение этих очаровательных убежищ. Причудливые решетки из алебаstra пропускали приглушенный и неуверенный свет. Фразы из произведений известных поэтов — большинство из них непочтительного и вакхического характера — привлекали внимание на карнизах, архитравах и капителях. Чаши, в которые с музыкальным звоном били струи бесчисленных фонтанов, были из массивного серебра. Мебель была сделана из алоэ, сандалового дерева, черного дерева и слоновой кости, украшена изящной резьбой и инкрустацией. Прелестные рабыни всех национальностей, сведущие в искусстве поэзии и музыки и получившие образование под присмотром знаменитых наставников, исполняли желания Повелителя Правоверных, развлекали его досуг оживленными и интеллектуальными беседами или облегчали его заботу своими ласками и очарованием песни. Огромное количество белых и черных евнухов — первых отбирали за их красоту, вторых ценили за высокий рост и запредельное уродство — таинственно скользили по темным покоем или, вооруженные украшенным драгоценными камнями оружием, охраняли запретные врата гарема.

В садах богатое воображение восточного художника буйствовало в своих чудесных творениях. Дорожки, вымощенные цветной галькой, образовывали причудливые арабески с разнообразными узорами. Живые изгороди имитировали крепостные стены с зубцами, башнями и барбаканами. Из скрытых источников фонтаны через равные промежутки времени выбрасывают свои воды высоко в воздух. Лабиринты, выбраться из запутанных путей которых было невозможно без проводника, преграждают путь неосторожному гостю. Пейзаж был разнообразен озерами, по хрустальной поверхности которых плавали лебеди и другие серебристые водоплавающие птицы; гротами, прохладные уголки которых наводили на мысль о роскошном отдыхе; аркадами из глянцевой вечнозеленой зелени; растениями с пестрой листвой, оттенки которой на расстоянии напоминали поверхность богатой эмали; чарующими видами, где заросли душистых кустарников и разноцветных трав перемежались клумбами ярких цветов, составленных в предложения, выражающие пожелания счастья монарху и прославление Аллаха, покрывали пейзаж, как кусок мозаики. гобелен, более великолепный,

чем самые изысканные творения ткачей, когда-либо выходившие из ткацких станков Персии или Фландрии.

Старейшей и одной из самых известных из этих вилл была Русафа, любимый курорт Абд-ар-Рахмана I. Это было не просто место отдыха и наслаждения, поскольку в его саду впервые была предпринята попытка научного выращивания ботанических сокровищ Востока. Всегда преданный романтическим традициям своего сирийского дома, принц-изгнанник назвал свой дворец в честь дворца, которым владели его предки в окрестностях Дамаска.

Каждая из других загородных резиденций халифов отличалась какой-либо особенностью расположения, структуры или орнамента. Одна из них была известна своими бесчисленными фонтанами. В другом были представлены, в их величайшем разнообразии и красоте, очаровательные эффекты цветочного оформления. Третий, из-за великолепного вида, который он открывал, назывался “Обителью счастливых”. Обилие мозаики и эмалей дало самому богато украшенному из них многозначительное и уместное название “Дворец Диадемы”.

К северо-западу от Кордовы, у подножия живописной Сьерра-Морены, в трех милях от города, но связанный с ним чередой особняков и садов, находился дворец и пригород Медина-аль-Захра. Его традиционное происхождение связано с романтикой, которая так часто украшает историю Востока. Мавританские историки рассказывают, что богатая наложница Абд-ар-Рахмана III, находясь на смертном одре и желая, чтобы ее последним поступком стало выполнение одного из самых благородных обязательств ее религии, попросила, чтобы богатство, которым она была обязана щедрости своего царственного возлюбленного, было потрачено на выкуп мусульманских пленников. Стремясь выполнить эту благочестивую просьбу, халиф отправил гонцов в христианские государства Севера, но даже при усердном сотрудничестве их князей, которые были его союзниками или данниками, он не смог найти ни одного раба, которого можно было бы выкупить из рабства. Затем, по предложению другой наложницы, фаворитки его гарема, чье имя Аз-Захра в поэтической терминологии арабов означает “Цветок”, он решил использовать сокровище для строительства дворца, несравненное великолепие которого могло бы стать подходящей кульминацией славы его правления. Треть государственных доходов, сумма, которая, без учета тех, что были получены от налогов евреев и христиан, и пятая часть боевых трофеев, ежегодно составляла более двух миллионов золотых монет, также была направлена на эту работу восторженным монархом. Ежедневно было занято десять тысяч рабочих и двадцать восемь тысяч вьючных животных. Детальность и многословие, с которыми описываются количество используемых материалов и их ценность, национальность ремесленников и их вознаграждение, как подробно описано арабскими хронистами, поучительны, хотя и утомительны, и придают повествованию вид правдивости, в которую в противном случае почти невозможно было бы поверить. Планы были составлены самыми выдающимися архитекторами Константинополя. Стены, построенные в основном из камня, имели размеры тысяча семьсот на две тысячи семьсот локтей и были снабжены всеми внешними сооружениями и защитными сооружениями грозного замка. Как и в случае с Большой мечетью, материалы для строительства были собраны в основном из иностранных источников и собраны под наблюдением византийских мастеров при помощи самых искусных местных рабочих. За его строительством наблюдал лично халиф, который в своей преданности делу три пятницы подряд отсутствовал на богослужениях в мечети и был публично упрекнут кади за это вопиющее пренебрежение долгом.

Каменоломни Нумидии, Греции и Андалусии поставляли лучший мрамор и алебастр. Столицы римского происхождения были построены в виде разрушенных храмов Нарбонны, Таррагоны, Утики и Карфагена. Византийский император послал в подарок своему союзнику несколько колонн, чьи прекрасные зеленые и розовые оттенки вызвали восхищение у всех, кто их созерцал.

Дворец был разделен на три отдельные секции. На склоне горы возвышался великолепный алькасар, в покоях которого проживали монарх и члены его сераля, состоявшего из шестидесяти трехсот женщин, с их рабынями и слугами. Число последних составляло, по общему мнению, семнадцать тысяч.

Ниже, ближе к городу, располагались помещения телохранителей, евнухов и придворных пажей, для размещения которых требовалось четыреста домов. Следующими по порядку были сады, наполненные отборными растениями и вкусными фруктами, украшенные искусственными каскадами и озерами, изобилующими золотыми рыбками. На территории этого садоводческого рая можно было встретить все образцы обширной флоры — как местной, так и зарубежной, - известной опытным ботаникам Андалусии. Живые изгороди из мирта, самшита и лавра, причудливо подстриженные, разделяли широкие извилистые дорожки, выложенные деревенской мозаикой. Летние домики и тенистые беседки приглашают отдохнуть после яркого и знойного полутропического солнца. Плодовитая изобретательность инженера-гидротехника исчерпала себя в чудесном распределении потоков воды — в разнообразной игре тысячи фонтанов; в миниатюрных ручейках, чьи крошечные русла были вырезаны в балюстрадах мраморных лестниц; в сказочных гротах, над крышами из крашеного стекла брызги от вращающихся струй сверкали с калейдоскопическим эффектом; в ревущих каскадах, из мрачных глубин которых постоянно были видны переливающиеся оттенки радуги. Некоторые фонтаны были шедеврами искусства скульптора. Два из них упоминаются как особенно замечательные. Большой был сделан из позолоченной бронзы с изящно вырезанными рельефными человеческими фигурами и прибыл из Константинополя. Чаша другой, из зеленого мрамора, была сирийской работы, и по ее краю располагались двенадцать гротескных изображений животных и птиц, отлитых из золота и сверкающих драгоценными камнями. Изотков этих любопытных чудовищ струи воды устремлялись в бассейн внизу.

Над главным порталом здания, вырезанным из алебастра с непревзойденным мастерством, стояло изображение прелестной рабыни, по предложению которой возник этот дворец гениев и от которой он получил свое название.

Той частью великолепного здания, на которой мавританский хронист больше всего любит останавливаться, был центральный павильон. Возвышающийся на террасе из белого мрамора, как снаружи, так и внутри он являл собой ослепительный пример богатства своего владельца и изысканного вкуса его архитектора.

Круглый по форме, его купол поддерживали колонны из драгоценного мрамора и горного хрусталя, капители которых были инкрустированы жемчугом и рубинами. Стены и купол были из полупрозрачного оникса; крыша из золотой и серебряной черепицы, уложенной чередующимися рядами. Шпангоуты и надписи на фризе демонстрировали нетленные оттенки и ювелирную игру византийской мозаики. Двери из ароматных пород дерева,

инкрустированные слоновой костью, черным деревом и золотом, украшенные драгоценными камнями огромной ценности, открывали доступ в эту великолепную квартиру. Под центром купола стояла подвижная чаша из порфира, наполненная ртутью. Каким-то образом, вероятно, с помощью зеркал, солнечные лучи могли концентрироваться на металле, и чаша с помощью скрытого механизма быстро вращалась, отбрасывая ослепительные вспышки света во всех направлениях; зрители были ослеплены невыносимым блеском и повергали в изумление и ужас послов иностранных держав, для чьей пользы неоднократно демонстрировалось это хитроумное приспособление, которое, казалось бы, скорее относится к сцене, чем к залу для аудиенций могущественного монарха.

Зал этого павильона был ареной многих из самых впечатляющих церемоний и замечательных событий в истории халифата. Здесь наследник короны был публично признан и облечен своим достоинством. Здесь принцы крови, магнаты королевства, главы департаментов, губернаторы провинций собрались после смерти государя, чтобы присягнуть на верность его преемнику. Здесь же посланники монархий Европы и Востока получили аудиенцию при обстоятельствах, намного превосходящих по великолепию хваленую помпезность Константинополя, Экс-ла-Шапель и Багдада. Под этим полупрозрачным и сверкающим куполом были приняты короли Леона и Наварры, просившие благосклонности и союза у наследственного врага их народа и их веры. В этих случаях демонстрировалось все показное великолепие, на которое был способен самый блестящий двор в Европе. Убранство приемного зала— и без того не имевшее себе равных по богатству, было дополнено шелковыми коврами и портьерами из серебряной ткани. Халиф, восседавший на троне, сверкающем бриллиантами, рубинами и изумрудами, был окружен своей семьей и придворными, облаченными в парадные одежды. Вокруг павильона и террасы была выстроена королевская гвардия, не имевшая равных по элегантности своего убранства ни одному подобному подразделению солдат в мире. Белые одежды евнухов и рабынь служили подходящим фоном для великолепной картины, которая создавала у сбитых с толку варваров германских лесов и Пиренейских гор поразительное впечатление о цивилизации и ресурсах ненавистных неверных.

Мечеть Медина-аз-Захра в общих чертах соответствовала дворцу, для удобства обитателей которого она была возведена. В некоторых отношениях он превосходил по элегантности своего убранства великий столичный храм, по плану которого он был смоделирован. В нем было пять нефов; его позолота и мозаика свидетельствовали о законченных работах азиатского художника; его святилище и кафедра были чудом восточного вкуса и мастерства. Изящное сооружение венчал минарет из полированного камня площадью десять квадратных локтей и сорока в высоту, покрытый рельефными арабесками. Двор был вымощен мрамором винного цвета и снабжен фонтаном, украшенным искусной резьбой и позолотой.

Из королевской виллы Медина-аз-Захра незаметно превратилась в миниатюрный город. Вокруг дворца располагались роскошные жилища придворных, купцов и офицеров армии. Вдоль аллей росли деревья, листва которых образовывала непрерывную арку. Не было видно ни одного дома, который не был бы окружен садами, изобилующими журчащими водами и редкой экзотикой. Даже склоны Сьерры были лишены мрачной поросли вечнозеленых растений, которые первоначально покрывали их, и, засаженные фиговыми и миндальными деревьями, предстали во всей красе пышной листвы и благоухающих цветов. Неподалеку обширные плантации самых сладких цветов дали местности название Гебаль-аль-Вардат, Гора Розы.

Триста бань, не считая тех, которыми пользовался императорский дом, способствовали здоровью и церемониальной чистоте обитателей. Любимая резиденция халифов, Медина-аль-Захра, стала обителью муз, домом искусств, центром интеллектуального общества империи. В его пределах возникли учебные заведения. Литературные состязания, которые составляли уникальную и выдающуюся особенность андалузского двора, проводились там в присутствии монарха и сподвижников его величия и его досуга. На его строительство потребовалось сорок лет: двадцать пять при Абд-ар-Рахмане и пятнадцать при его сыне Аль-Хакеме. Его стоимость составляет, по современным оценкам, огромную сумму в сто пятьдесят миллионов долларов. Опытные путешественники всех стран единодушно заявляли, что в мире нет такого живописного места, королевского великолепия и архитектурной красоты, которое могло бы соперничать с несравненным городом и дворцом Медина-аз-Захра.

Учитывая их нынешнее заброшенное состояние, трудно представить себе вид, который когда-то представляли окрестности имперской Кордовы. Независимые от густонаселенных пригородов, коммерческие притоки столицы представляли обширные коммерческие интересы и оказывали поддержку множеству трудолюбивых ремесленников. Пять тысяч мельниц выстроились вдоль берегов быстрого Гвадалквивира. Воодушевленные прибылью, полученной от регулярной и обширной торговли с иностранными государствами, в каждом крупном городе возникли производственные предприятия. В каждом из этих городов были свои мечети и имамы, которые, помимо своих церковных обязанностей, выполняли функции магистратов и регулярно отчитывались перед столичными властями.

В покровительстве письмам Абд-ар-Рахман III. ни в чем не уступал ни одному из своих самых либеральных предшественников. Он сам преуспел в импровизации, этот талант так высоко ценился его соотечественниками. Его слава и щедрость привлекли ко двору Кордовы самых выдающихся ученых из всех регионов мира. Столица изобиловала колледжами, академиями, лицеями и другими образовательными учреждениями. Медицинская профессия достигла высокого уровня мастерства, и еврейские хирурги Кордовы были повсеместно признаны непревзойденными по объему и разнообразию своих знаний. Многие врачи занимали важные должности при правительстве, заслуживая уважения к своему мастерству; но их благотворительность была такова, что двери даже самых выдающихся из них всегда были открыты для бедных, а их безвозмездная помощь - к услугам самого смиренного страдальца. Науки астрономии и химии, основанные на наблюдениях в Багдаде и экспериментах в Каире и Дамаске, достигли беспрецедентного прогресса. В королевском алькасаре, во дворцах принцев, в особняках богачей, в домах ученых ум искателя знаний ежедневно упражнялся в обсуждении предметов, представляющих всеобщий интерес, в проведении научных исследований, в лекциях, импровизациях, в пылких состязаниях поэтов за литературное превосходство. В каждом призвании и профессии, на любом жизненном положении представители обоих полов занимались полезными и декоративными искусствами, благородными и элегантными занятиями литературой со страстью, близкой к энтузиазму.

Имя Абд-ар-Рахмана III, прославленное в анналах Мавританской Испании, однако, не избежало осуждения историей. Его великие деяния; его победы в войне и дипломатии; его умение примирять враждующие группировки; его великодушное милосердие; его ободряющие письма вполне могут стать предметом экстравагантных восхвалений. Но чувственные страсти его натуры граничили с безумием, и его характер был осквернен тем безымянным и противоестественным пороком, который, практикуемый и даже защищаемый одним из самых

знаменитых греческих философов, с древнейших времен был пороком и порицанием восточной цивилизации.

Возрастные немощи и тягостное пресыщение омрачили преклонные годы халифа. Он фактически передал управление империей своему наследнику Аль-Хакему. Отказавшись от веселого легкомыслия двора, он привязался к фанатику по имени Абу-Айюб, чьи аскетические манеры и показная бедность были восприняты чернью как свидетельства необычайной святости. В обществе этого необычного товарища он проводил большую часть своего времени в посте, молитве, раздаче милостыни. После его смерти в дневнике, в котором были записаны его самые сокровенные мысли, были обнаружены следующие важные размышления о разочарованиях в жизни и обманчивой привлекательности человеческого величия и имперских амбиций. “Я пятьдесят лет правил в мире и славе, любимый моим народом, внушающий страх моим врагам, уважаемый моими союзниками. Моей дружбы искали великие короли земли. Я не желал ничего, чего могло бы пожелать сердце человека, — ни славы, ни власти, ни удовольствий. За эту долгую жизнь я насчитал дни, когда наслаждался полным счастьем, — и их всего четырнадцать! Хвала Тому, кто единственный обладает вечной славой и всемогуществом, нет другого Бога, кроме Него!”

ГЛАВА XIII

ПРАВЛЕНИЕ АЛЬ-ХАКЕМА II.

961-976

Великолепный церемониал при вступлении на престол Аль-Хакема II.—Его мудрые и осмотрительные меры—Ордоньо ищет аудиенции—Его низость—Успешная экспедиция против христиан—Беспорядки в Африке—Армия Халифа разгромлена—Берберские вожди коррумпированы, и их силы распущены—Важность Кордовы как религиозного центра—Описание Великой мечети—Смерть Аль-Хакема—Его литературные достижения—Его Покровительство письмам—Библиотека—Учебные заведения—Повсеместное распространение образования—Общественные улучшения—Халиф образец высочайшей культуры в его возрасте —Процветание Империи.

После смерти Абд-ар-Рахмана III. Испано-арабская империя казалась всем, незнакомым с недостатками мусульманской конституции, неуязвимой для нападений внешних или внутренних врагов. Мудрые действия этого опытного правителя на какое-то время уладили разногласия, возникшие из-за племенной антипатии и религиозной розни. Использование наемников, составлявших армию, которую нельзя было подкупить, и изоляция которой от мятежного населения была наиболее действенной гарантией ее верности, по-видимому, обеспечивало долговечность системы, созданной глубокой и продуманной государственной политикой. Администрацией руководили способные и опытные министры. Государственные доходы намного превышали по объему доходы самых богатых стран современности. Подчиняясь закону политического притяжения, который, подобно силе тяжести в материальном мире, притягивает более слабых к более сильной власти, соседние королевства, хотя и были отделены от халифата самыми могущественными мотивами, которые могут влиять на человечество — расовым

антагонизмом, религиозными предрассудками, памятью поколений о непрекращающихся войнах, враждебными традициями, которые влекли за собой потерю империи и порабощение ее народа, — признали верховенство принцев Оммеядов. В унижительном положении просителей благосклонности наследственного врага монархи Леона и Наварры обратились за помощью к неверным, и первый из них вернул себе свои владения по договору, который подразумевал, если фактически не выражал, условия вассалитета, что делало мало чести преемнику надменных вестготов. Каждое соображение, способствующее внушению уважения и восхищения человечеством, способствовало возвышению славы и величия кордовского двора. Самые выдающиеся монархи искали дружбы халифа. Его столица была литературным центром западного мира. Интеллектуальная активность, проявленная там, не имела себе равных со славных дней, когда греческий гений увековечил школы Ионии и Аттики. Мусульманские флоты контролировали Средиземное море. Механическое искусство, наука о сельском хозяйстве, различные отрасли внешней торговли и внутренних перевозок получили огромный и беспрецедентный импульс под влиянием вполне обоснованного чувства общественной безопасности. Таким образом, при самом благоприятном стечении обстоятельств Аль-Хакем в возрасте сорока восьми лет, обладавший характером, который долгое время считался воплощением всех королевских добродетелей, взял на себя верховное руководство делами.

На следующий день после смерти Абд-ар-Рахмана восшествие на престол его сына было отпраздновано с большей пышностью, чем когда-либо отличало это важное мероприятие со времен основания Западной империи. Великолепно одетые высшие офицеры халифата собрались, чтобы принести присягу на верность новому суверену. После того, как члены королевской семьи, высшие должностные лица, государственные министры, кади и камергеры принесли присягу, они, в свою очередь, передали ее сонму слуг и подчиненных королевского двора. Пышность, продемонстрированная по этому случаю, была достойна самой могущественной, самой роскошной монархии в Европе. Церемония проходила в центральном павильоне дворца Медина-аз-Захра, украшения которого, сверкая на солнце, казалось, воплощали в жизнь великолепные мечты о восточном очаровании. Восемь братьев Аль-Хакема были препровождены во дворец со всеми почестями, подобающими их рангу; но от внимания этих принцев не могло ускользнуть, что сильная стража, окружавшая их и выстроившаяся вдоль входа в их апартаменты, была не столько проявлением уважения, сколько грозной мерой предосторожности против измены. Визири, облаченные в свои одежды и знаки отличия, а также знать заняли свои места позади членов семьи халифа, которые стояли по обе стороны от трона. За ними, заполняя обширное пространство ротонды и даже прилегающие апартаменты, стояли имперские магистраты, генералы армии, губернаторы провинций и огромная толпа государственных чиновников, вызванных из столицы, а также из соседних городов Андалусии, чтобы выразить почтение Повелителю Правоверных и помочь ему на церемонии инаугурации. Евнухи, этот класс монстров, который всегда искал компенсации за свою деградацию путем приобретения власти и богатства, который никогда не переставал мстить обществу крахом правительства, которое терпело его учреждение, и чье преобладание в политической системе халифата стало зловещим и ужасающим, присутствовали тысячами. Они были распределены в соответствии с национальностью, званием и характером службы, на которую они были назначены. Большинство из них были одеты в белые туники, расшитые золотом, причем белый был одновременно отличительным цветом и знаком траура Оммеядов. Слуги гарема выстроились в коридоре, ведущем в зал для аудиенций; они были как белыми, так и черными; все были облачены в сверкающие доспехи, инкрустированные золотом и серебром, а рукояти и

ножны их ятаганов сверкали драгоценными камнями. Мраморную террасу, по которой можно было подойти к павильону, охраняли склавонцы на великолепных конях, чье вооружение и амуниция не уступали по богатству великолепному вооружению внутри. Снаружи, до самых ворот столицы, в точном и неподвижном порядке были выстроены царские лучники, рабы и различные подразделения гарнизона.

Впечатляющий церемониал завершился, останки Абд-ар-Рахмана были преданы земле. Деятельный ум Аль-Хакема сразу же был применен к рассмотрению деталей, которые касались управления каждым департаментом его империи. Министры его отца были утверждены без исключения. Были отправлены официальные лица, чтобы добиться верности вали из отдаленных провинций. Был проведен смотр войск, и была назначена общая инспекция армии. Был назначен хаджиб, или премьер-министр, поскольку вкусы Аль-Хакема были склонны скорее к спокойным и утонченным занятиям литературой, чем к официальной рутине и обязанностям, присущим управлению великой и беспокойной монархией. В этом отношении он проигнорировал часто повторяемые советы своего отца, который, сознавая огромную власть, которой обладает хаджиб, и которая в руках амбициозного и беспринципного государственного деятеля могла иметь катастрофические последствия, попытался внушить своему наследнику политику и даже необходимость сохранения в неприкосновенности авторитета, даруемого высокой должностью Повелителя верующих. Человеком, избранным на этот важный пост, был Джафар аль-Асклаби, раб, чья каста и национальность казались Аль-Хакему достаточным основанием для его хорошего поведения, мнение, впоследствии оправданное мудростью и тактом, которые он проявлял при исполнении своих официальных обязанностей. За его назначением последовало, согласно обычаю двора, вручение халифу великолепного подарка, состоявшего, в данном случае, из богато одетых рабов, а также оружия и доспехов, инкрустированных золотом.

Весть о смерти Абд-ар-Рахмана была воспринята с притворным горем и тайным восторгом государями Леона и Наварры. Престиж бывшего халифа и его способность добиваться выполнения своих требований неоднократно демонстрировались богатыми событиями событиями его долгого и славного правления. Почерневшие поля и разрушенные замки на границе, груды костей, белеющие на многих полях сражений, были молчаливым, но убедительным свидетельством его безжалостной враждебности и доблести его армий. Но характер его преемника был, пока, неразвитым. Жизнь человека, уже вышедшего за пределы среднего возраста, не отличалась ни одним из тех боевых подвигов, которые вызывают аплодисменты подданных и пробуждают уважение и опасения у врагов. Склонность нового халифа к оседлому образу жизни и его близкие отношения с учеными вызвали презрение у варварских христиан, которые считали войну особым призванием человека духа, а приобретение знаний - достойным только монахов, ордена, мирные занятия которого, тем не менее, не исключали даже его членов из профессии воина. В те далекие времена, хотя это еще не было прямо санкционировано властью папства, нарушение обязательства, заключенного с врагами Церкви, уже считалось достойным поступком, которым руководили скорее мотивы целесообразности, чем какие-либо соображения морали и национальной чести. Мирный договор, по которому Санчо обязался передать халифу определенное количество крепостей в обмен на восстановление его короны, не был выполнен королем Леона. Искушение нарушить его или, по крайней мере, уклониться от его исполнения, теперь стало непреодолимым. На требования Аль-Хакема Санчо отвечал уклончиво и выжидательно. Король Наварры, несомненно, действовавший в сговоре со своим соседом, был еще менее сговорчив.

Фердинанд Гонсалес, попавший в руки последнего, находился в плену в Пампелуне, и халиф, стремившийся во что бы то ни стало завладеть личностью этого грозного противника, пообещал частично смягчить свои требования в случае, если Гарсия согласится отправить своего прославленного пленника в Кордову. Король Наварры не только отказался, но и фактически освободил графа Кастилии, при том понимании, что он должен изгнать своего зятя Ордоньо IV, который искал убежища в Бургосе, и должен немедленно объявить войну халифу. Фердинанд быстро выполнил свои обязательства. Несчастный Ордоньо был оторван от своей семьи и с позором изгнан через границу; по его призыву к оружию старые воины графа стекались под его знамена, и поселения Эстремадуры и Андалусии, давно привыкшие к миру, вновь испытали на себе прискорбное зло партизанской вражды. В сопровождении всего лишь двух десятков слуг, которые из всей его многочисленной свиты были единственными, кто пожелал разделить его неопределенную судьбу, Ордоньо, путешествуя по вражеской стране, достиг города Медина-Чели. Здесь, как и во всей империи, улицы оглашались звоном оружия, ибо Аль-Хакем, убежденный, что уважение христиан можно сохранить только демонстрацией силы, повсюду активно готовился к войне. Дух царственного беглеца воспрянул при этом вдохновляющем зрелище, и, надеясь, что при надлежащем управлении военные успехи Аль-Хакема могут обернуться в его пользу, он попросил у губернатора города пропуск в Кордову и разрешение перейти под защиту халифа. Его пожелание было с готовностью исполнено, и для сопровождения его в столицу был выделен отряд кавалерии. Проезжая мимо королевского кладбища, Ордоньо попросил показать ему гробницу Абд-ар-Рахмана III. Сделав это, он спешился, обнажил голову и, преклонив колени у могилы монарха, который при жизни был его самым заклятым врагом, долго и горячо молился об упокоении и благоденствии его души. Несколько дней спустя он был принят халифом во дворце Медина-аз-Захра. В знак уважения и свидетельства вассалитета от него потребовали облачиться в белые одежды Оммеядов. Обейдаллах Ибн Касим, архиепископ Толедский, и Валид Ибн Хайзоран, судья христиан Кордовы, чьи арабские имена странным образом расходятся с занимаемыми ими должностями, сопровождали его в зал для аудиенций; их присутствие было необходимо как в качестве переводчиков, так и для получения информации об этикете, строго соблюдаемом педантичным кордовским двором, и относительно которого, как справедливо предполагалось, прежние связи с варварским правителем оставили его совершенно незнакомым.

Представление христианского принца состоялось с помпой, обычно демонстрируемой при приеме величайших королей и их послов. Личная охрана халифа была выстроена во всеоружии сверкающего оружия и дорогих доспехов. Официальные лица присутствовали в своих парадных одеждах. Вокруг трона выстроились принцы и офицеры королевского двора. Неисчислимая армия подчиненных заполнила залы и выстроилась на террасах. Сквозь позолоченные решетки гарема, выходившие в зал аудиенций, блеск драгоценностей и сияние ярких глаз время от времени выдавали присутствие красавиц, которым восточная ревность лишь в редких случаях позволяла продемонстрировать свои прелести на важной церемонии.

Леонская знать и ее король с опущенными головами продвигались сквозь мрачные и поникшие ряды солдат, свирепый вид которых наводил на них такой ужас, что они пытались подкрепить свои силы чтением молитв и частым осенением себя крестным знаменем. После многочисленных преклонений колен Ордоньо подошел к халифу, который протянул ему руку для поцелуя. Его подвели к месту на некотором расстоянии от трона, и Аль-Хакем льстиво заверил его, что ему будет оказано даже больше милостей, чем он желал. Именно тогда раскрылась невыразимая низость характера Ордоньо. С тех пор как он вступил во владения Мавров, он

часто свидетельствовал об отсутствии королевского достоинства и о полном отсутствии тех мужественных качеств, которые вызывают сочувствие к величию в несчастье. Лестью, подарками, самыми постыдными уступками он добился расположения командира эскорта, сопровождавшего его в столицу. С лицемерием, которое не было свойственно пронизательным андалузцам, он в хорошо притворной скорби склонился перед могилой Абд-ар-Рахмана. С подхалимством, вызывавшим отвращение у его объектов, он заискивал перед придворными чиновниками. Но теперь пришло время, когда эти позорные проявления добровольного самоуничтожения должны были затмиться, и глубина его деградации была достигнута. Как только речь Аль-Хакема была переведена ему, без учета предполагаемого ею придворного преувеличения, он встал и сказал: “Я раб Повелителя Правоверных; я верю в его великодушие; я ищу поддержки в его высоких добродетелях; я даю ему полную власть надо мной и моими близкими!” Затем он в выражениях, достойных только самого ничтожного вассала, попросил помощи у халифа в возвращении ему трона и, в заключение, противопоставил свое собственное добровольное подчинение поведению своего двоюродного брата Санчо, которого Абд-ар-Рахман вынудил оказать ему почтение в качестве условия договора. Аль-Хакем с плохо скрываемым презрением выслушал его разглагольствования, пообещал, что все его желания будут выполнены и что ему будут гарантированы. от домогательств со стороны его врагов. Беседа закончилась, евнухи вывели леонца из павильона. Ордоньо проявил по отношению к визирю Джафару чуть меньшее подобострашие, чем к своему господину, и ему с трудом помешали поцеловать руку этому сановнику. Заметив в прихожей кресло, которым, как ему сообщили, иногда пользовался халиф, он склонился перед ним с таким явным почтением, как будто это был священный реликварий самой несомненной ценности.

Великолепный дворец был отведен в качестве резиденции королю и его свите; все они были облачены в почетные одежды — знак высшего отличия среди жителей Востока, — а ряд ценных подарков, присланных от двора, еще больше убедили их в великодушном сочувствии их благодетеля. Через несколько дней был заключен мирный договор, по которому Ордоньо обязался поддерживать мир с Аль-Хакемом и вечную войну с графом Кастилии. Цвету мавританских войск под командованием Галиба, самого способного из императорских генералов, было приказано выступить в поход, а архиепископ Толедский, епископ и судья Кордовы были назначены сопровождать армию не столько для того, чтобы помогать малодушному монарху своими советами, сколько для того, чтобы тщательно наблюдать за его поведением и убедиться, что он не виновен ни в чем, что могло бы нанести ущерб халифу или хотя бы отдаленно неблагоприятным образом повлиять на объекты его честолюбия.

Тем временем Санчо поднял тревогу. Когда он узнал об успехе Ордоньо, он понял, что слишком полагался на миролюбивый нрав и эпикурейские вкусы Аль-Хакема. Ни для кого не было секретом, что для вторжения в его владения собиралась мощная армия. Хитростью врага ее численность была намеренно увеличена. Его популярность никогда не была большой, и его реставрация была осуществлена средствами, вызывавшими отвращение у большого числа его подданных. На многих его вассалов нельзя было положиться. Великая провинция Галисия, феодальное владение короны Леона, отказалась признать его титул, и ее граф придерживался формулировок, указывающих на то, что он лишь искал благоприятной возможности объявить себя независимым. В сложившихся обстоятельствах перед Санчо был открыт только один путь, и он отправил посольство в Кордову, чтобы заявить, что он готов без промедления выполнить условия договора, который он заключил с Абд-ар-Рахманом.

Двуличие Аль-Хакема, недостаток, к счастью, редкий в анналах его расы и который так дискредитирует его имя, теперь стало очевидным. Он без всяких угрызений совести нарушил соглашение, которое заключил с Ордоньо. Последний, охваченный разочарованием и обидой из-за крушения своих надежд, предался меланхолии и умер жертвой собственного унижения и легковерия в позолоченной тюрьме, которая была отведена под его жилище в окрестностях мусульманской столицы.

Устранив соперника и обеспечив союз Фердинанда Гонсалеса, Санчо пришел к выводу, что случай был наиболее подходящим для дальнейшего отказа от своих обязательств. Соответственно, он бросил вызов халифу, и тот немедленно объявил Священную войну. Армией вторжения командовал Галиб. Граф Кастилии потерпел поражение в великой битве. Губернатор Сарагосы Яхья Ибн Мухаммед легко одержал верх над королем Наварры. Важные крепости Сан-Эстебан-де-Гормас и Калахорра, подвергшиеся штурму и разрушению, были восстановлены, снабжены мавританскими гарнизонами и присоединены к владениям халифата. Арабская армия огнем и мечом опустошила границы Каталонии, ибо два графа этого княжества, Мирон и Борель, наделенные скорее отвагой, чем благоразумием, были уговорены королем Наваррским присоединиться к конфедерации и теперь были приговорены искупать свое вероломство разграблением своих городов и нищетой своих подданных. Повсюду мусульманское оружие одерживало победу. Враги, которые уверенно рассчитывали на неспособность и инертность, которые, как предполагалось, присущи литературной жизни, и на хорошо известное отвращение Аль-Хакема к военной профессии, были вынуждены признать мудрость его намерений и энергию, с которой он претворял их в жизнь. Один за другим подавали иски о мире. Даже из далекой Галисии прибыло посольство, возглавляемое знатной матроной, матерью графа, которую приняли с исключительной вежливостью, которой славился кордовский двор, и отпустили с подарками, великолепия которых ослепило глаза варварской принцессы, родившейся и выросшей среди бесплодных склонов и бедных деревушек Пиренеев.

Эта успешная кампания положила конец военным операциям Аль-Хакема на Севере. Он преподавал своим вероломным противникам суровый, но полезный урок. Какую бы склонность к возобновлению военных действий они ни питали, их собственные разногласия препятствовали этому. Вскоре между Галисией и Леоном разразилась война. Мятая провинция, стремившаяся к независимости, должна была быть завоевана честным путем, когда, прибегнув к предательству, была достигнута цель, недостижимая методами честной войны. Санчо был отравлен на конференции на берегах Дору. Король Леоны умер через несколько дней в мучительных муках; его сын Рамиро, который ему наследовал, был пятилетним ребенком, и военная аристократия отказалась признать власть младенца, находящегося под контролем его тети, монахини Эльвиры, чья сомнительная квалификация для управления королевством была приобретена в уединении монастыря. В других местах, также на Севере, ситуация благоприятствовала безопасности и процветанию халифата. Огромная армия датчан, служившая под знаменами герцога Нормандии, обрушилась на равнины и долины Галисии и опустошила их. Наконец, смерть Фердинанда Гонсалеса освободила Аль-Хакема от его самого опасного врага, и до конца его жизни набеги христиан перестали вызывать тревогу у его подданных или нарушать мир в его империи.

В то время как на Севере была обеспечена постоянная безопасность, со стороны Африки опасность была постоянной и угрожающей. Дикие племена Пустыни никогда не забывали, с

какой легкостью их предки пересекли пролив и подчинили себе густонаселенную и обширную монархию. Алчный взор полуголодного мавританского разбойника, чья доблесть временами брала верх над дисциплиной римских легионов, всегда был обращен к прекрасным городам Андалусии с их многолюдными базарами, их несметным богатством, их дворцами, обставленными всеми предметами роскоши, их прелестными и обворожительными женщинами. Инстинкт завоевателя, предчувствие, что однажды подвиг Тарика будет повторен, были вдохновлены надеждой и поощрены традицией. Не только массы лелеяли эти зловещие чаяния. Принцы различных династий, которые в разные периоды его истории вершили судьбы Аль-Магриба, все без исключения рассматривали богатства полуострова как законную добычу, если не фактически как часть своего достояния. Его состояние — политическое, социальное, религиозное, коммерческое — было им так же знакомо, как внутреннее устройство их собственных владений. Их шпионов можно было найти в крупных торговых центрах, в самых уединенных деревушках, в рядах армии, в коридорах дворца, даже в спальне халифа. Неизвестные и часто неожиданные, их влияние ощущалось во многих кровавых восстаниях, в решающий момент многих насыщенных событиями дней. Ни на минуту они не отказывались от давно вынашиваемого проекта завоевания; никогда они не отказывались от честолюбивого замысла — которому, к несчастью, суждено было осуществиться — водрузить свои победоносные знамена и воздвигнуть свой трон на берегах знаменитого Гвадалквивира. С момента установления Абд-ар-Рахманом сюзеренитета над африканскими провинциями, граничащими со Средиземным морем, поддержание этого достоинства привело к немалому истощению казны халифата. Ежегодно передавались огромные суммы на содержание войск, на поддержку притязаний слабых вассалов и на подкуп вождей варваров, чтобы они воздерживались от опустошения земель своих соседей. Не было предложено никакой компенсации понесенных расходов, за исключением отрицательных и неопределенных, связанных с временным ограничением вторжения берберов.

Внимание фатимитов за несколько лет до этого было обращено на Восток, и после короткой и победоносной борьбы принцам этой династии удалось перенести резиденцию своей империи с песчаных равнин Мавритании в неисчерпаемую долину Нила. Таким образом, огромная опасность для Испанской империи Оммеяде была, по-видимому, устранена. В это время Хасан Ибн Кенун, последний оставшийся в живых из эдриситов, осуществлял ненадежный суверенитет над той частью африканского побережья, столицей которой был Танжер. Номинальный вассал Аль-Хакема, его лояльность во многом зависела от опасений, вызванных вторжениями его соседей, и когда Абу-л-Фотух, представитель фатимитов, вторгся в его владения, верность Ибн-Кенуна была без колебаний передана халифу Египта.

Восстание Ибн Кенуна и тревожные успехи, достигнутые фатимитским вице-королем, убедили Аль-Хакима в необходимости немедленных и решительных действий. Со своим обычным усердием он отдал приказ об отправке сильных военных и военно-морских сил, чтобы наказать измену своего вассала и внушить благоговейный страх непостоянным и вероломным вождям Африки. Целью экспедиции был Танжер, резиденция двора и Ибн-Кенуна. Флот Оммеяде блокировал гавань, и войска, столкнувшись с врагом недалеко от города, после ожесточенного боя одержали решающую победу. Но этот успех был кратковременным. В стране Аль-Магриб, кишасей активными и воинственными варварами, набрать армию было делом пустяковым. Орды из пустыни, привлеченные ожиданием добычи и боевым азартом, столпились в лагере эдрисайского принца, который вскоре обнаружил, что снова может испытывать судьбу в войне. Произошла еще одна битва; войска халифа потерпели деморализующее поражение; их генерал

Ибн-Томлос был оставлен мертвым на поле боя, а выжившие, избежавшие копий мавританской кавалерии, искали безопасности за зубчатыми стенами Танжера. Эффект, произведенный этой победой на продажный и непостоянный народ Африки, был серьезным. Репутация и могущество Ибн-Кенуна получили необычайный импульс. Мелкие вассалы, которые в течение многих лет пользовались щедростью халифа, поспешили отказаться от своей верности. Издалека и вблизи по песчаным дорогам к лагерю Ибн-Кенуна стекались свирепые племена, которых еще ни один князь не мог умиротворить, и ни одно правительство не могло цивилизовать. Ни одна территория, за исключением той, что была занята несколькими укрепленными городами, не оставалась верной Аль-Хакему; даже эти места находились на осадном положении; и было очевидно, что, если не будут приняты энергичные меры для устранения последствий катастрофы, боевой клич берберов вскоре будет услышан на равнинах Андалусии.

Халиф не осознавал грозящей ему опасности. Из каждой провинции своих владений он собрал свои самые храбрые войска и своих самых опытных генералов. Верховное командование было доверено Галибу, чье мастерство и доблесть проявились в недавней кампании против христиан, и которого торжественно увещевали, рискуя жизнью, вернуться с победой. Однако не в зависимости от неопределенного исхода битвы халиф безоговорочно вверял судьбу своей империи. Корыстный характер берберских шейхов, всегда сторонников того, кто подкупал их наиболее щедро или кто подкупал их в последнюю очередь, был тем, от чего Аль-Хакем зависел гораздо больше, чем от тактики своего генерала или мужества своих солдат. В распоряжение Галиба были предоставлены огромные сокровища, и ему было приказано не жалеть усилий, чтобы отделить от армии Ибн Кенуна всех влиятельных вождей, невзирая на численность его сторонников или экстравагантность его требований. В случае успеха ему было приказано доставить семью Ибн Кенуна в Кордову. Благополучно приземлившись, Галиб старательно избегал генерального сражения. Его продвижению препятствовали летучие эскадры Ибн-Кенуна, который использовал все уловки, чтобы вызвать сражение; но осторожный генерал Оммеядов, зная, что судьба его государя, так же как и его собственная жизнь, зависела от исхода конфликта, решил довериться тайному и более надежному способу подкупа. Через верных гонцов великолепное оружие, дорогие одежды и груды золота тайно выставлялись на обозрение жадным взорам берберских вождей. Их постоянство не было доказательством против этой демонстрации богатства. Они даже соревновались за позорную награду - первым покинуть знамя своего командира; и через несколько дней Ибн-Кенун, покинутый всеми, кроме горстки своих старых слуг, оказался вынужден укрыться в крепком замке, построенном на вершине уединенной горы под названием Орлиная скала, куда он, благоразумно предвидя поворот судьбы, уже перевез свой гарем и сокровища.

Расписки Галиба о королевской казне вызвали удивление и ужас халифа. Такие огромные расходы никогда прежде не были понесены при проведении кампании; и Аль-Хакем, подозревая, что не все государственные деньги были использованы для подкупа берберов, а большая их часть перешла в частные руки, решил с целью расследования направить офицера, опытного в финансовых вопросах и облеченного почти деспотической властью, который не должен был ограничиваться простыми обязанностями казначея, но также должен был выполнять высокие и ответственные функции генерала и члена государственного совета. Человеком, выбранным для этой деликатной миссии, был Ибн-аби-Амир, имя, связанное как со славными, так и со зловещими связями, которое теперь впервые появляется в анналах испано-арабского господства. Его сопровождал отборный отряд войск под командованием Яхьи Ибн

Мухаммеда, вице-короля Северной границы, которого Аль-Хакем, все еще опасавшийся исхода африканской кампании, послал на подкрепление армии Галиба.

Осада мятежной крепости велась энергично, но ее оборона была настолько мощной, что прошло четыре месяца, прежде чем гарнизон смог смириться. Затем были предоставлены наиболее благоприятные условия; личная безопасность солдат была гарантирована, а их имущество сохранено в неприкосновенности; и основной пункт инструкций Аль-Хакема, касающийся переправки эдриситов в Кордову, был принят, хотя и не без явного нежелания, что, однако, не имело большого значения в обстоятельствах, когда протесты и сопротивление были одинаково бесполезны. Со взятием Орлиной Скалы завершилась кампания в Африке. Оставшиеся в живых эдрисайские князья, с тревогой наблюдавшие за внезапным исчезновением войска Ибн Кенуна, не теряя времени, заключили соглашение с представителями халифа. Во всем регионе Мавритании царил глубокий, но иллюзорный мир. Берберы удалились в свои уединенные места, чтобы насладиться наградой за свое предательство и выискивать другую возможность продать свои услуги тому, кто больше заплатит. Фатимиты, довольные своими недавними приобретениями, передали управление своими африканскими владениями вице-королю и, очарованные достопримечательностями своего нового дома на Ниле, в данный момент, казалось, не стремились осуществлять какие-либо дальнейшие планы усиления империи.

Галиб, сопровождая своих знаменитых пленников, числом более семидесяти, теперь возвращался в Кордову. С того часа, как он высадился в Альхезирасе, его поход приобрел вид военного триумфа. Шествие было перекрыто толпами, которые, привлеченные новизной зрелища, собрались отовсюду. Каждый город и деревушка, через которые проезжала кавалькада, оглашались ликующими криками огромной и возбужденной толпы. Богатая одежда пленников; их благородная осанка; романтика, связанная с историей основания их дома; их происхождение от семьи Пророка, безусловно отдаленное и, вероятно, вымышленное, вызвало любопытство, если не сочувствие ликующего населения, которое видело в своем унижении лишь еще одно дополнение к славе своего государя. Когда приблизились к столице, халиф вышел навстречу страже и их пленникам. Как только о его присутствии стало известно, Ибн-Кенун спешил, преклонил перед ним колени и поцеловал ему руку. Галиба и его офицеров приняли со всеми почестями, подобающими людям, которые в трудных обстоятельствах добились успеха; принцев препроводили в укрепленный дворец в городе, а их слуг распределили по разным местам, где можно было обеспечить их безопасность; личная охрана вождя, состоящая из семисот воинов признанной доблести, была включена в состав подразделения армии, и Аль-Хакем мог теперь поздравить себя с тем, что его решение и энергия внушили уважение его врагам и обеспечили его владениям преимущества всеобщего мира.

Непостоянство судьбы, однако, не позволило халифу долго наслаждаться досугом и удовлетворением, которое он получал от потакания своим литературным вкусам и триумфа своего оружия. Его здоровье, подорванное интенсивными и постоянными занятиями учебой, пошатнулось. Апоплексический удар предупредил его, что он должен отказаться от государственных забот, и отныне руководство правительством было возложено на его визиря Мосафи. Последний, ветеран и опытный государственный деятель, ознаменовал свой приход к неконтролируемой власти проведением множества радикальных и крайне необходимых реформ. Департамент финансов, ставший очагом коррупции, был реорганизован и управлялся

осмотрительно и экономно. Дисциплина в армии была улучшена. Бывший вице-король северной границы, доблестный Яхья Ибн Мухаммед, был отозван от командования в Африке и восстановлен в своей прежней должности, что обеспечило спокойствие христианских государств, в которых в последнее время появились симптомы волнения, в нескольких случаях достигавшие кульминации в актах открытой и разрушительной враждебности. Интересы халифа в Мавритании были подтверждены назначением двух местных принцев, на верность которых можно было положиться; и благодаря этому политическому ходу визирь получил возможность перевести все арабские войска, за исключением гарнизонов нескольких городов, в пункты, где их услуги были бы гораздо выгоднее для правительства и, в то же время, менее дорогостоящими для казны. Развлечения эдриситов, которые поддерживали помпезность, немногим уступающую помпезности самой королевской семьи, были источником постоянного недоумения и раздражения министра экономики. В конце концов, воспользовавшись недовольством, вызванным оседлым образом жизни, и бдительным шпионажем, плохо замаскированным под видимость свободы, ему удалось убедить Ибн Кенуна разрешить перевезти себя и своих последователей в Тунис с тем пониманием, что их нога никогда больше не ступит на землю Мавритании. Когда приготовления к отъезду были завершены, бережливый визирь частично возместил казне расходы, причиненные невольными гостями халифа, бесцеремонно присвоив большой кусок амбры огромной ценности, который Ибн-Кенун считал самым ценным предметом из всех своих владений. Высадившись в Тунисе, изгнанники направились в Александрию, где в течение многих лет пользовались гостеприимством и защитой фатимитского халифа. С этого времени принцы из семьи Эдрисайтов больше не играют заметной роли в революциях Северной Африки.

Хотя Кордова, безусловно, была самым густонаселенным и великолепным городом Мавританской Испании, своим превосходством она была в немалой степени обязана престижу, обусловленному ее положением места паломничества и религиозного центра халифата. Даже в глазах самых непримиримых врагов династии Оммеяде западный мегаполис был местом расположения одной из самых известных святынь ислама. Гораздо более сильным было чувство благоговения в умах преданных приверженцев этой династии. Там находился трон Повелителя Правоверных, в лице которого благочестивый верующий узнавал не только представителя рода князей, чей гений присоединил обширные провинции мусульманской империи, но и почитаемого преемника Арабского пророка. Из его ворот вышли армии, которые пересекли естественные границы полуострова, оккупировали самую прекрасную часть Франции и неоднократно унижали гордость насмешливого неверного. Повсюду были видны значительные признаки мусульманского триумфа и христианского унижения. Его склады были заполнены награбленным в церквях. Обитатели монастырей сотнями выставлялись на продажу на его рынках. Его мечети были возведены трудом христианских пленников. С потолка Джальмы, гордости всех истинно верующих, были подвешены колокола кафедрального собора Сантьяго, которые даже хваленая мощь святого покровителя Астурии не смогла спасти от кощунственной руки мусульманина. Ни одна столица в Африке или Азии не пользовалась большей военной славой. Ни один город во всем обширном царстве ислама не был так известен щедростью своих правителей, богатством своих религиозных основ, образованностью и красноречием своих богословов и пышностью своего богослужения.

На правом берегу Гвадалquivира стояла Великая мечеть, в глазах мусульман Африки и Испании превосходившая по святости все другие храмы, за исключением только Каабы. Основанный первым Абд-ар-Рахманом, в равной степени из политических побуждений, а также из

религиозного рвения, он был украшен богатством, вкусом, соперничеством и энтузиазмом девяти поколений монархов, имевших в своем распоряжении ресурсы одной из самых богатых и процветающих стран земного шара. С его возведением могущество Западного халифата было установлено на прочной основе и обеспечена постоянная независимость его династии. Более или менее близкие отношения, которые до сих пор поддерживались с мусульманскими империями Азии, были разорваны; номинальная верность монархам Дамаска и Багдада, настойчиво подтверждавшаяся императивными эдиктами и иногда уступавшаяся выплате сомнительной дани, была навсегда утрачена. Цели основателя, продиктованные политической проницательностью, отдающей почти сверхчеловеческой мудростью, были, наконец, реализованы; и среди подданных и данников Дома Оммея, изгнанных правителями Аравии, святилище Мечети его столицы заняло место, некогда занимаемое храмом в Мекке, местом унижений, опасностей и триумфов Пророка. Таким образом, мастерским политическим ходом, который в равной степени отвечал мирским амбициям и религиозной гордости народа, была укреплена власть новой и прогрессивной расы королей. Его ассоциации особенно поразили воображение благочестивого мусульманина. Он занимал место главной готической церкви Кордовы, которая, в свою очередь, была построена на руинах языческого храма. Камни для его основания были перевезены из Нарбонны. Земля, в которую они были вмурованы, была запятнана кровью неверных. Христианские пленники, скованные вместе, с трудом переносили эти материалы на расстояние двухсот лиг, а другие люди на протяжении поколений трудились на его стенах. Добыча, добытая в ходе многих успешных кампаний, способствовала обогащению его интерьера. Со всех сторон золотые надписи и завоевательные трофеи свидетельствовали о славе князей ислама и непобедимой доблести их армий. Великая мечеть - это не просто образец архитектуры, в котором раскрываются адаптации художественных идей многих широко разделенных народов, — проявления духа, который смог присвоить и объединить в изысканной гармонии римские колонны, капители африканских, арки сирийских, мозаику византийских, зубчатые стены персидских, — это красноречивое свидетельство гения, который смог использовать обычно пагубное влияние суеверий в развитии литературы и распространении знаний. Ибо этот великолепный храм сыграл немалую роль в интеллектуальном развитии мусульманской Испании, а также в цивилизации варварской Европы.

Толпы паломников и ученых, приезжавших в Кордову, без промедления спешили поклониться ее святилищу. Араб узнал в размахе его арок изящные изгибы пальмовых рощ Неджда и Йемена, напоминания о пустыне, увековеченные концепциями архитектора, всегда помнящего о жизни и привычках своих бедуинских предков. Утонченный сириец с восхищением рассматривал богатую лепнину, чьи сложные и великолепные узоры превосходили по красоте дамасскую парчу и украшения, покрывавшие дворцы монархов Азии. В резьбе на его решетках прослеживалась особая форма индийского креста, символа, происхождение которого неизвестно самой древней традиции и который, по-видимому, изваян на почитаемых алтарях Цейлона и Индостана. Даже эмблема секты, наиболее враждебной исламу, была присвоена и, по странной непоследовательности, вынуждена участвовать в украшении самой великолепной мечети мусульманского мира. Гребень на стенах, первоначально выкрашенный в алый цвет, типичен для пламени и, привезенный из Персии, символизировал веру геберов, ненавистных поклонников огня. Таким образом, в этом уникальном сооружении были сосредоточены идеи, материалы, приспособления, орнаменты многих эпох и многих рас. Каждое посещение его священных пределов давало новое вдохновение богослову, художнику, поэту, студенту,

антиквару. Почитание, на которое он претендовал как место паломничества, наделило его святыню атрибутами, которыми не обладал ни один из знаменитых оракулов древности, и которые разделяли лишь немногие приверженцы какой-либо современной религиозной веры. Более того, он справедливо считался своеобразным творением народа, которому его возведение внесло большой вклад в формирование и слияние, и который имел право отдать должное за восхищение, которое вызывали его великолепие и красота. Каждый город и провинция империи внесли свой вклад в это благочестивое начинание. Кордова платила армии нанятых рабочих. Мерида поставляла колонны и другие материалы, готовые для каменщика, из храмов и амфитеатра, которые украшали резиденцию римской власти в древней Лузитании. Из каменоломен Альмерии и Гранады добывалось большое количество яшмы, мрамора и алебаstra. Из лесов Сьерры была получена листовенница для потолка, замечательная сохранность которой в зданиях, не подвергшихся разрушительным последствиям церковной алчности, свидетельствует о ее исключительной защищенности от нападений насекомых и разрушительных последствий разложения. Князья Мавритании и византийские вассалы или союзники халифов, движимые чувствами благочестия или дружбы, подарили растущему храму самые ценные реликвии древнего искусства, какие только можно было найти в их владениях. Пятая часть боевых трофеев — в одном случае сумма равнялась сорока пяти тысячам золотых монет — была выделена для покрытия огромных расходов, которые, несмотря на пополнения казны и щедрые пожертвования народа, постоянно увеличивались. При последовательном расширении здания, которого требовало растущее население, владельцы прилегающей собственности, покупка которой стала необходимой, были вознаграждены за пожертвование своими домами с безграничной щедростью. По арабским оценкам, общая стоимость Джальмы, строительство и перестройка которой от начала до конца заняли более двух столетий при девяти принцах Дома Оммея, составила пятнадцать миллионов золотых монет. Завершенная мечеть занимала площадь шестьсот двадцать на четыреста сорок футов по сторонам света. Примерно треть этой ограды занимал просторный двор, окруженный аркадами, засаженный апельсинами, гранатами и пальмами и освежаемый брызгами множества фонтанов. Стены, достигавшие тридцати футов в высоту на северной стороне, увеличивались по мере приближения к реке — местность в этом направлении быстро понижалась, — пока не поднялись на господствующую высоту в семьдесят футов над берегами Гвадалквивира. Крыша была защищена свинцовыми пластинами толщиной почти в дюйм, продажа которых в последующие времена приносила грабителям-священникам огромные суммы. Здание, массивное и внушительное по своему внешнему виду, имело сильное сходство с крепостью, сходство вполне уместное, если вспомнить боевые традиции религии, которой оно было посвящено. Огромные контрфорсы, необходимость в которых возникла из-за веса стен и давления аркад, были установлены с частыми интервалами, подобно фланкирующим башням при обороне цитадели. Вершины стены и башни были окаймлены зубчатыми стенами. Доступ внутрь осуществлялся через двадцать одну подковообразную арку, три из которых выходили во внутренний двор и девять — на восточную и западную стороны соответственно, всего три были зарезервированы для особого использования женщинами. Эти арки были украшены терракотовой мозаикой красного и желтого цветов с рельефными надписями золотом на синем и алом фоне. Двери были покрыты пластинами из полированной латуни и снабжены кольцами и молотками огромных размеров и причудливой работы.

Ни одна церковь в христианском мире не могла бы предложить взору верующего такого прекрасного зрелища, каким наслаждался мусульманин, переходя с многолюдных и пыльных

улиц города в просторный Апельсиновый дворик. В последнем ощущался завораживающий и чувственный аспект тропического сада. Атмосфера была пропитана ароматом апельсина, розы и жасмина. Пальмовая листва, напоминающая знаменитые рощи Медины и переносящая воображение паломника к сценам далекого Востока, величественно возвышалась над более мелкими, но не менее привлекательными апельсиновыми деревьями с их глянцевыми листьями, золотистыми плодами и белоснежными цветами. Изысканные цветы, уложенные в клумбы фантастического рисунка, цвели по краям аркад. Четыре больших бассейна, каждый из которых представлял собой монолит, поставляли воду для церемониального очищения, предписанного законом ислама. От фонтанов огромная толпа, одетая в белые одежды, молча двинулась к храму и вошла в двери, которые, выходя во двор, были закрыты занавесями из тисненой и позолоченной кожи. Внутри глаз поражал лес колонн — числом более четырнадцати сотен, — простиравшийся вдаль на кажущееся бесконечным расстояние. Они были лишены оснований, и их капители были полностью покрыты золотом. Вверху ярусы двойных арок красного и белого цветов поддерживали потолок, сверкающий арабесками, увитыми текстами из Корана. Подразделения последнего были образованы медальонами овальной, шестиугольной и круглой формы, имеющими общее сходство друг с другом, но сильно отличающимися распределением цветов и деталями орнамента. Пол был выложен разноцветным мрамором, выполненным в виде простых, но приятных узоров. Решетки из алебаstra, вырезанные в виде узоров, среди которых не было двух одинаковых, пропускали в смягченном сиянии уменьшенное величие тропического солнца. На южной оконечности находилась Кибла, или точка, обращенная к Мекке, к которой каждый правоверный мусульманин обращается пять раз в день в молитве. Он был обозначен михрабом, миниатюрной часовней, в некоторых отношениях соответствующей Святой Святым синагоги и обращенной к главному нефу мечети. Построенный Аль-Хакемом II, он не имел себе равных по богатству отделки, а ажурный дизайн был уникальным. Выгравированные переплетающиеся арки причудливой формы поддерживали купол вестибюля. Вход в михраб, или святилище, — мраморную камеру восьмиугольной формы и пятнадцати футов в диаметре и в высоту — был обрамлен двумя аналогичными дверными проемами, ведущими в помещения меньших размеров. Четыре стройные колонны из верде-антик и ляпис-лазури поддерживали широкую подковообразную арку входа. Мраморные плиты, которыми был выложен Михраб, были украшены резьбой и позолотой. Потолок был сложен из цельного блока, который мастерством скульптора был выполнен в виде точного изображения гигантской раковины. В вестибюле, над порталом и стенами, на шпангоуте и куполе, сверкали сложные и фантастические творения византийской мозаики, выполненные самыми искусными мастерами Константинополя. Это было условием договора между Константином и Абд-ар-Рахманом, согласно которому последний должен был быть украшен всей мозаикой, которая требовалась ему для его зданий. На одном судне, отправленном из Босфора под руководством императора во время правления Аль-Хакема, находилось шестнадцать тонн этого драгоценного материала.

Легенды куфического характера, формы которых так легко поддаются украшению фресок, всегда были золотыми. Основа была выполнена в различных цветах — алом, черном, синем, зеленом и малиновом, — расположенных в гармоничных сочетаниях, наиболее приятных глазу. Элегантные изгибы арабесок создавали очаровательный контраст с угловатыми буквами надписей. Составленный из мельчайших стеклянных кубиков, десятки из которых были необходимы, чтобы покрыть квадратный дюйм поверхности, он обладал терпением и мастерством, необходимыми для работы такого масштаба и тонкости, которые трудно даже

представить. На его завершение были потрачены годы, и его долговечность была такова, что там, где мозаики избежали разрушительного прикосновения христианских вандалов, их прочность и блеск остаются по сей день нетронутыми после изменений, пренебрежения и грабежей, длившихся более одиннадцати столетий.

Внутри ограды михраба хранилась кафедра, построенная под руководством Аль-Хакема II и предназначенная для использования сувереном, когда в качестве преемника Пророка он обращался к толпе, собравшейся в мечети. Он был сделан из мельчайших кусочков дорогого дерева в сочетании со слоновой костью, панцирем черепахи и перламутром, скрепленных золотыми и серебряными гвоздями. Семь лет ушло на изготовление этого замечательного образца столярного искусства. Резьба, которой он был покрыт, была самой изысканной. Его внутренняя ценность была значительно повышена драгоценными камнями, которыми он был обогащен, и драгоценными металлами, использованными при его изготовлении. Внутри этой кафедры, заключенный в футляр из золотой ткани, усыпанный рубинами и жемчугом, хранился знаменитый Коран халифа Османа, который он читал в момент своего убийства и листы которого, как говорили, обесцветились от его крови. На память о безжалостных преследованиях Оммеядов ни одна реликвия, даже самого Пророка, не почиталась приверженцами династий Аббасидов и Фатимитов с большим почтением, чем этот драгоценный сувенир со стороны принцев и народа Андалузской империи. Это был одновременно талисман их безопасности, слава их ритуала, эмблема имперской и теократической власти. Помещенный на кафедру из дерева алоэ, щедро инкрустированную золотом, он по пятницам торжественно приносили в трибун, где с его страниц зачитывалась обычная служба. Требовалось четыре человека, чтобы нести тяжеловесный том и принадлежности к нему. Кorteжу предшествовали имам и его помощники, их сопровождали пышные светильники и благовония. Великолепные процессии Римско-католической церкви в период ее величайшего церковного и светского величия не могли похвастаться зрелищем более впечатляющим, чем этот церемониал, совершаемый каждую неделю в присутствии двенадцати тысяч верующих.

Прямо перед михрабом находилась Максура, оградка, предназначенная для халифа, принцев крови и высших служителей мусульманской религии. Он занимал часть из семи центральных нефов и заканчивался на юге вестибюлем Михраба. Он имел размеры сто двенадцать на тридцать три фута и был образован высоким экраном или решеткой с искусной резьбой, сделанной, по большей части, из пахучего дерева, украшенного красивыми орнаментами. Несмотря на многочисленные щели, которыми он был снабжен, внутреннее помещение не было видно тем, кто находился снаружи, и его сходство со стеной усиливалось благодаря его высокой высоте в пятьдесят футов, а также позолоченным зубчатым стенам, которыми оно было увенчано. Тротуар был выложен серебряными плитками, а центральная дверь, предназначенная для прохода халифа, была густо покрыта золотом. Во время посещения богослужений в мечети Повелитель правоверных редко попадался на глаза своим подданным. Выйдя из соседнего дворца, он пересек улицу по крытому мосту и, миновав потайной ход, сделанный в южной стене мечети, вошел в вестибюль михраба, а оттуда направился к своему посту на возвышении Максуры. В этом проходе было восемь дверей, у каждой из которых стоял часовой. Они открывались попеременно на восток и запад, таким образом, в случае предательства исключалась возможность сговора между стражниками, один из которых, если был верен, мог без посторонней помощи легко защитить проход от объединенных усилий остальных семи. Въезд халифа стал поводом для великолепного представления. Шелковый ковер, расшитый серебром, был расстелен от ворот дворца до Максуры. Черно-белые евнухи в

великолепных костюмах предшествовали королевской свите и следовали за ней.

Телохранители государя состояли из членов его семьи, вооруженных обнаженными ятаганами и облаченных в сверкающие кольчуги. Эти меры предосторожности были сочтены необходимыми из-за печального опыта бывших Преемников Пророка. Священный облик Омара, Османа, Али и Муавии не спас их от кинжала убийцы; и население Кордовы, печально известное своими дерзкими преступниками и фанатиками, вызывало вполне обоснованные опасения в умах монарха, чьей грозной армии иногда было недостаточно, чтобы сдержать его революционный дух, возвращенный буйными авантюристами, собранными из всех народов, подчиняющихся кодексу ислама. На западной стороне храма, обращенной к царскому дворцу, находилась Комната для сбора милостыни, где халиф ежедневно раздавал милостыню в соответствии с предписаниями своей веры.

Внутреннее убранство мечети, из-за ее огромных размеров и сравнительно низкого потолка, было более или менее затемненным даже в полдень, и в проходах постоянно горели лампы. К его сводам были подвешены двести восемьдесят канделябров из меди и серебра, масло, использованное в них, было надушено дорогими эссенциями. Самый большой из них содержал тысячу четыреста пятьдесят четыре лампы и имел тридцать восемь футов в окружности. Его отражатель содержал тридцать шесть тысяч серебряных монет, скрепленных золотыми заклепками. Его красоту усиливали драгоценные камни, которыми он был усыпан, а благодаря сочетанию зеркал интенсивность света была увеличена в девять раз по сравнению с первоначальной. В течение всего месяца Рамадан мечеть освещалась двадцатью тысячами огней. Огромная свеча весом в шестьдесят фунтов была помещена в Максуру. Его размеры были рассчитаны с такой точностью, что воск был полностью израсходован в течение последнего часа последнего дня фестиваля.

Празднованию праздника Рамадан в мусульманском мире всегда придавалось глубокое и таинственное значение, но нигде его правила не соблюдались с такой торжественностью, а церемонии не проводились с таким великолепием, как в столице мусульманской Испании. Это во многом соответствовало Великому посту христианской церкви. С рассвета до темноты ни глоток пищи, ни капля воды не могли слететь с губ последовательного верующего. После захода солнца он был в какой-то мере вознагражден за свои дневные лишения. На башнях и минаретах были развешаны лампы. С решетчатых балконов доносились перезвоны мандолины и мягкие ноты лютни. Звуки шумного веселья слабо разносились в полуночном воздухе из уединенных дворов и отдаленных апартаментов величественных дворцов. По улицам сновали толпы в самых живописных костюмах. Танцовщицы и рассказчицы, окруженные благодарной аудиторией, занимались различными видами деятельности на площадях, под блестящей листвой лимонных и апельсиновых деревьев. О Кораническом запрете пристрастия к вину слишком часто забывали, и негодование воздержанного мусульманина часто вызывал вид нарушителей в любой стадии опьянения. Со всех сторон были видны свидетельства радости, беззаботности и веселья.

Внутри мечети восхищенному зрителю предстала совершенно иная сцена. С высокой галереи минарета, центр которого был скрыт мраком, но позолоченный гребень сверкал волшебной игрой сотен разноцветных фонариков, пронзительный голос муэдзина призывал людей к молитве. Через каждый дверной проем в храм вливался нескончаемый живой поток. Среди молящихся, но державшихся в стороне от бурлящей массы, было множество странно закутанных фигур, сопровождаемых гигантскими чернокожими людьми, одетыми в одежды из

шелка и золота. Это были дамы из гаремов, которым либеральные идеи андалузского общества обычно позволяли обходиться без вуали, но которая, взятая в данном случае по собственному выбору, стала удобной маскировкой и бесценным подспорьем в интригах. Интерьер наводил на мысль о волшебном видении. Мириады огней освещали каждый уголок огромного здания, соперничая в своем невыносимом блеске с ослепительным сиянием полуденного солнца. Их лучи отражались и множились от сверкающих стен; от потолка с его размашистыми надписями и сбивающими с толку арабесками; от металлической листвы тысячи капителей; от портала Максуры с его чешуйками из полированного золота. Воздух был тяжелым от дыма амбры, алоэ и амбрового дерева. Вдали, за длинными рядами колонн, прекрасный Михраб, стеклянная поверхность которого переливалась сиянием бесчисленных драгоценных камней всех мыслимых оттенков, указывал верующему местонахождение Киблы. Следуя примеру имама, видимого с его высокого поста в мимбаре, бесчисленная толпа, словно движимая единым порывом, возвысила свой голос в молитве и в унисон совершала повторяющиеся земные поклоны, предписанные мусульманским ритуалом. Такого завораживающего характера было зрелище, которое можно было наблюдать каждую ночь фестиваля в самом роскошном храме ислама, обогащенном щедростью и благочестием самых просвещенных монархов эпохи, убранство которого по своему невероятному великолепию превосходило как хваленые украшения языческой древности, так и роскошные творения, вдохновленные буйным воображением Востока; где золото и серебро, где редкие породы дерева и драгоценные камни использовались в изобилии, как и самые обычные материалы; где победные трофеи, демонстративно выставленные напоказ, напоминали фанатику о триумфы Веры; где возбужденные чувства верующего успокаивались самыми дорогими ароматами из украшенных драгоценными камнями кадилниц; и где в серебряных канделябрах ряды надушенных свечей распространяли по бесконечным колоннадам свой блеск и благоухание.

На северной стороне Оранжевого двора возвышался величественный минарет, возведенный во времена правления Абд-ар-Рахмана III. Шедевр архитектуры, во всех отношениях соответствующий роскошному зданию, для использования в котором он предназначался, по всеобщему признанию, не имел аналогов в мире. Он был двадцать семь квадратных футов и сто восемь футов в высоту. Построенный из полированного свободного камня, привезенного из Африки, он был украшен изящной резьбой, позолоченные узоры которой проецировались на ультрамариновую и киноварную поверхность. Он был освещен окнами, образующими изящные арки, поддерживаемые миниатюрными колоннами из красной и белой яшмы. Половина окон имела два проема, а остальные - три, и, расположенные попеременно среди лабиринта разнообразных и блестящих декоративных узоров, они производили очаровательное впечатление. Внутри находились две лестницы, устроенные так, что человек, поднимающийся или спускающийся по одной из них, был невидим для любого, кто находился на другой. Галерея, расположенная на высоте восьмидесяти одного фута от земли, использовалась муэдзином для исполнения своих священных обязанностей. Другое сооружение меньшего размера, соответствующее по стилю тому, на которое оно было наложено, поднималось на дополнительную высоту в двенадцать футов и было снабжено зубчатыми стенами, подобными тем, что были в мечети. Его вершина была украшена тремя огромными шарами, двумя золотыми и одним серебряным, окруженными лилиями из последнего металла, увенчанными гранатом из полированного золота. Триста человек всех рангов, многие из которых, подобно служителям Каабы, были евнухами, были наняты в различных помещениях Великой мечети, а прислуга размещалась в ее стенах. Поблизости от Максуры, под полом которой находились хранилища

для хранения подсвечников и различных священных сосудов, используемых в праздничных церемониях, постоянно, днем и ночью, дежурила стража.

Таким был великолепный храм Кордовы, некогда гордость ислама и один из самых благородных памятников суеверий и политики, когда-либо созданных человеческим гением или воздвигнутых человеческой силой. Его завершение сделало возможными великие достижения династии Оммеядов, чье влияние, косвенно воздействуя на христианские народы, значительно способствовало освобождению человеческого интеллекта, долгое время скованного тягостными узами церковной нетерпимости и языческих традиций. Вдохновение его архитекторов черпалось из многих источников; в своем плане он демонстрировал облик синагоги и дарохранительницы; в его убранстве были представлены роскошные украшения греческого собора; его свечи и благовония напоминали латинский церемониал, в свою очередь заимствованный из помпезного ритуала языческого жертвоприношения. Даже в его нынешнем полуразрушенном состоянии первоначальные цели этого учреждения очевидны на каждом шагу; и ничто, кроме полного его разрушения, не могло стереть восторженных впечатлений, вызванных первым видом его необычного интерьера с лесом колонн и потускневшими и изуродованными остатками восточного великолепия. Это в высшей степени типично для цивилизации исчезнувшей расы, чьи деяния написаны на чем-то более долговечном, чем медь или мрамор, и служит указанием потомкам на возвышенность духа, который мог придумать, и на мастерство и ресурсы, которые могли осуществить предприятие такого величия.

Здоровье Аль-Хакема неуклонно ухудшалось, и он предпринял меры, чтобы избежать, насколько это возможно, последствий, связанных со спорным престолонаследием. У него был только один сын, Хишем, которому тогда было четырнадцать лет; но история его дома изобиловала примерами беспринципного честолюбия королевских претендентов, принадлежащих к побочным ветвям, которые стремились утвердить свои притязания с помощью оружия. Без объявления своей цели в Кордове был созван большой совет знати, губернаторов провинций, генералов армии и государственных министров. Со склоненной головой и нетвердой походкой слабый монарх в последний раз взошел по ступеням своего трона. Через визиря он объяснил собравшимся чиновникам причину, по которой он созвал их вместе, и обратился с просьбой, которая была воспринята как приказ, о том, чтобы все поставили свои подписи под документом, объявляющим его семью единственной наследницей короны халифата. После того как это было сделано, аналогичные документы были без промедления разосланы во все провинции империи для подписания низшими должностными лицами правительства и даже народом, чтобы обеспечить всеми практическими средствами постоянство династии и неприкосновенность ее преемственности, которая в конце концов была признана зависящей от закона о первородстве. В дальнейшем мы увидим, насколько успешными были эти тщательно продуманные меры предосторожности.

Те несколько месяцев, которые оставались Аль-Хакему после наделения его сына королевской властью, были заняты совершением добрых дел. Его мирские дела и будущее его империи были переданы в руки других. Состояние его ума и слабеющее зрение лишали его удовольствий и утешений литературы. Сознывая свои растущие немощи и ежедневно предупреждаемый о приближающемся конце, он старался посвящать все свое время исполнению обязанностей набожного мусульманина. Его жизнь не была опозорена никакими эксцессами, не была обезображена никакими преследованиями, не была запятнана никакими преступлениями. Он всегда отличался широкой и ненавязчивой благотворительностью. Сама по себе клевета не

могла ни обвинить его в фанатизме, ни вменить ему даже подозрение в неверности. Самые точные и ортодоксальные толкователи закона и самые смелые вольнодумцы были одинаково желанны при его дворе и ежедневно встречались друг с другом в огромных библиотеках его столицы. Существовавшая там абсолютная интеллектуальная свобода, действительно, считалась порицанием невежественных мусульман из менее просвещенных стран, которые не могли понять связи с еретиками и терпимости к неверным; но в Испании, где была создана система всеобщего образования, которая обеспечивалась как законом, так и влиянием общественного мнения, эта бесценная привилегия была по достоинству оценена.

Таким образом, хотя халиф не совершал серьезных нарушений морали, в которых можно было бы себя упрекнуть, он чувствовал, как и каждый по-настоящему добросовестный человек, что не выполнил многие предписания своего вероучения. В какой-то мере искупить эти недостатки было теперь его единственной заботой. Он раздавал большие суммы на благотворительность. Он уменьшил налоги, взимаемые с провинций империи, на одну шестую, что было весьма благодарно его подданным и, в то же время, без ущерба для казны, поскольку в стране царил мир, а доходы увеличивались под мудрым и экономным управлением визиря Мосафи. Он освободил и обеспечил большое количество рабов. Он распорядился, чтобы арендная плата за тот квартал столичного базара, который занимали шорники, — что было одной из привилегий короны — отныне и навсегда выделялась в пользу школ, поддерживаемых за государственный счет для детей бедняков. И, наконец, зная, насколько счастье народа зависит от характера его правителя, он постоянно внушал своему сыну, принцу Хишему, с помощью аргументов и родительского авторитета обязанности и серьезную ответственность государя; зло войны; разрушительные последствия честолюбия; непреходящие выгоды мира; необходимость чистого отправления правосудия; ценность воздержания; удовольствия, которые можно извлечь из приобретения знаний; утешения, проистекающие из соблюдения заповедей добродетели и практики просвещенной морали.

Наконец, этот великий монарх, чьи титулы отличия происходят из гораздо более благородных источников, чем те, откуда исходит слава, связанная с кровавыми достижениями завоевателя, был отправлен к своим отцам. Его сын, чей мягкий нрав внушал надежду на то, что мудрые советы и благочестивый пример, которым он пользовался, принесут ему пользу, отслужил заупокойную службу, и тело Аль-Хакема было предано погребению. За гробом следовала многочисленная толпа, чьи слезы и причитания свидетельствовали об их горе, и чьи опасения по поводу надвигающегося несчастья были выданы криком: “Наш Отец мертв, и вместе с ним умирает меч ислама, опора слабых и ужас гордых!”

Выдающимися чертами характера Аль-Хакема были его любовь к знаниям, его обильная, но всегда разумная щедрость и его глубокое почтение к доктринам Корана и законам империи. Несколько военных операций, которыми ему пришлось руководить, не показали недостатка энергии и наводили на мысль, что в менее мирное время он мог бы снискать лавры успешного генерала. Его преданность литературе переросла в страсть. Ни один монарх, о котором упоминает история, не мог сравниться с ним ни по объему его знаний, ни по количеству и разнообразию его литературных достижений. Во всех странах мира, в очагах цивилизации, в великих столицах и торговых центрах Востока, в Багдаде, Каире, Дамаске, Александрии, Константинополе, были размещены его агенты, которые добывали книги для его библиотек. Ни одна цена не была слишком экстравагантной, ни одна трудность не была слишком трудной для преодоления при приобретении произведения, характер которого делал его желанным

дополнением к обширной коллекции кордовского дворца. Особым стимулом к его покупке послужила редкость книги. Там, где владелец отказывался расстаться с рукописью, его, как правило, легко уговаривали разрешить ее скопировать, и его любезность всегда щедро вознаграждалась. В обширных библиотеках принцев Востока, чьи коллекции, какими бы ценными они ни были, не могли соперничать с великолепной коллекцией Аль-Хакема, постоянно работали опытные переписчики и переписчицы этого опытного, неутомимого монарха; исследователи, чьи труды никогда не прекращались, чьи перья никогда не простаивали. Каждому известному писателю, чьи произведения должны были быть сначала представлены халифу, была предложена премия, и знание этого факта часто позволяло ему просматривать рукописи задолго до того, как они были обнародованы в стране, где они были написаны. Соперничество и устремления выдающихся авторов привели к тому, что их работы были переданы в Кордову из самых отдаленных стран, из Аль-Магриба, Египта, Византии, Сирии и Персии, а награда за произведение необычных достоинств нередко достигала огромной суммы в тысячу золотых монет.

Неудивительно, что под влиянием таких могущественных сил изучение каждой отрасли человеческого знания приобрело огромную популярность. Трактаты, изобилующие сокровищами древней мудрости, были извлечены из пыльных углов, где они веками лежали в забвении; мудрецы Греции были переведены на арабский; философия Аристотеля и проблемы Евклида были публично изложены для блага множества. В обществе, где интеллектуальное превосходство было определенным пропуском к официальному отличию, изучение литературы вскоре стало не только популярным и увлекательным занятием, но и одной из самых желанных профессий. Накопление книг было первым занятием человека, стремившегося к общественному вниманию и политической славе. В доме почти каждого зажиточного горожанина хранилась коллекция томов, выставленных не для того, чтобы продемонстрировать богатство или педантичность владельца, но с содержанием которых он был более или менее знаком. В интересах тех, чьи средства были слишком ограничены для обладания такой роскошью, а также для обеспечения всех возможностей для развития интеллекта и науки, во всех крупных городах полуострова были основаны публичные библиотеки. С ростом спроса на рукописи их стоимость не только возросла на мировых рынках, но и благодаря огромным ценам, которые они предлагали, литературная индустрия была стимулирована к их поиску и воспроизведению. Хорошо известно, что ни один подарок не был так приятен халифу, как редкая рукопись или первый экземпляр нового произведения автора с известной репутацией. Библиотека Аль-Хакема II. несомненно, это было величайшее хранилище знаний, которое до того времени существовало в Европе. В качестве важного свидетельства оценки, в которой хранились его объемы, убранство здания, где они хранились, демонстрировало все великолепие дворца. Пол был из редкого и дорогого мрамора, стены и потолок из алебаstra и мозаики, колонны из яшмы и красного дерева - под старину. Футляры были сделаны из полированного дерева, некоторые были выбраны за их редкость, другие - за восхитительный аромат, который они источали. Надписи золотыми буквами указывали на содержимое полок или вдохновляли ученика повторением сентенций известных писателей подражать примеру мудрых и добродетельных ученых древности. Со временем рукописей стало так много, что залы библиотеки, какими бы обширными они ни были, не могли вместить их. В скриптории была нанята целая армия переплетчиков и каллиграфов, и лучшие книги были позолочены и иллюминированы со вкусом и элегантностью, равных которым никогда не было. Количество томов в собрании халифа варьируется от четырехсот тысяч до шестисот тысяч. Только для

каталога потребовалось сорок четыре тома. Говорят, что Аль-Хакем был знаком с содержанием большинства этих работ, и, действительно, многие из них были дополнены примечаниями и комментариями, написанными его собственной рукой. На титульном листе каждого тома было указано не только имя автора, но и его генеалогия, а также даты его рождения и смерти, собранные и сохраненные неутомимым трудом королевского ученого. Его потрясающая память; его способность к восприятию; его критическая проницательность; его композиторские таланты; и способность, которая могла отвлечь от управления государственными делами великой монархии достаточно времени для литературных начинаний, которые при обычных обстоятельствах вряд ли могли быть выполнены за всю жизнь постоянных занятий, удивительны и невероятны. Ибо Аль-Хакем был признанным историком, а также беспристрастным критиком и объемным комментатором. Он написал "историю Испании", ныне, к сожалению, утраченную, которая в свое время считалась высоким авторитетом и чья репутация, по всеобщему признанию, не зависела от престижа, который она, естественно, производила от имени и ранга автора. Его эрудиция была такова, что в знании неясных моментов генеалогии и биографии ему не было соперника даже при ученом дворе Кордовы; а его фонд исторических сведений был настолько глубоким, а его суждения настолько точными, что его мнения уважались и не подвергались сомнению самыми выдающимися учеными мусульманского мира. Как можно предположить, огромный импульс образованию придало это необычайное покровительство литературоведению. Накопленную мудрость Африки, Азии и Европы можно было найти в Кордове. Слухи о щедрости Аль-Хакема и славе его великолепного двора, где литературные достижения были рекомендацией для королевской милости, передавались по торговым путям в самые отдаленные уголки земного шара. Честолюбием каждого ученого было завершить свое обучение в обществе, которое предлагало такие непревзойденные преимущества. Множество студентов всех национальностей постоянно толпились на улицах столицы. Образование было сведено к системе, правила которой соблюдались с военной точностью. Чтобы придать делу обучения дополнительный престиж, было задействовано влияние королевской семьи, и Аль-Мондиру, брату халифа, было поручено общее руководство учебными заведениями. Благотворительная организация Аль-Хакема основала в Кордове не менее двадцати семи школ, где дети бедняков получали образование, не уступающее по основательности тому, которое дают лучшие колледжи империи.

Интеллектуальному прогрессу нации в значительной степени способствовала свобода мысли, которая была повсеместно распространена. Поощрялось изучение философии, и распространение наиболее еретических мнений не запрещалось общественными настроениями и не допускалось вмешательства фанатизма ортодоксальных сект. Из-за непрекращающегося столкновения мнений, сравнения авторитетов и изучения антагонистических доктрин возник общий дух исследования; и вследствие его распространения даже профессоров Университета не заподозрили необоснованно в склонности к атеизму.

Усилия Аль-Хакема с самого начала были направлены на реформирование нравов - трудная задача, которая вполне могла исчерпать решимость и такт самого политичного и мужественного монарха. Пример Востока, обладание богатством и влияние роскоши породили и поощряли такой деморализующий порок, как пьянство. Вина Андалусии тогда, как и сейчас, славилась своими вкусовыми качествами, а также бодрящими. Страна была покрыта виноградниками, и продукция винодельческого производства составляла немалую статью коммерческой статистики полуострова. Распутство, поначалу совершавшееся тайно, набрало

смелости при открытой поддержке высокопоставленных чиновников и растущей безнаказанности, с которой оно практиковалось; и намекали, что даже служители религии без колебаний предавались пороку, столь сурово осуждаемому Кораном. Запрещенные напитки распространялись не только на вина, поскольку в больших количествах употреблялись также опьяняющие напитки, приготовленные из инжира, фиников и других фруктов. Эта пагубная привычка распространялась не только среди более состоятельных слоев населения, но была почти всеобщей; и сцены разгула, в которых лица обоего пола участвовали на банкетах и других празднествах, соперничали, если не превосходили, скандальные оргии, которые в дни своего великолепия и бесчестия опозорили двор и столицу Дамаск. Мусульманские казуисты пытались оправдать эти нарушения закона, утверждая, что употребление вина было необходимо солдату, поскольку оно вселяло в него мужество и увеличивало его выносливость, и что это снисхождение должно быть, по крайней мере, предоставлено тем, кто обычно подвергается воздействию оружия врага. Подобная софистика, однако, не смогла подействовать на проницательный ум Аль-Хакема. Преисполненный решимости устранить, по возможности, средства опьянения, он издал безапелляционный приказ о том, что все виноградные лозы на полуострове должны быть вырваны и уничтожены. Однако его советники заявили, что такая радикальная мера приведет к большим финансовым потерям и, как следствие, страданиям, и что опьяняющие напитки могут изготавливаться и даже тогда изготавливались из других фруктов, он согласился отозвать приказ, который уже вызвал тревогу среди его подданных. Но его чувство долга не позволяло ему оставить зло безнаказанным. Имамам было приказано объявить с кафедр мечетей, что употребление вина запрещено на всех общественных собраниях и публичных празднествах; а кади особенно предупредили, что наказания, предусмотренные законом за пьянство, должны применяться независимо от богатства, ранга или официального положения правонарушителя. Однако этот порок слишком глубоко укоренился, чтобы его можно было искоренить обвинениями теологов или бессильными угрозами магистратов, которых самих подозревали в тайном участии в преступлениях, которые они публично осудили. Общество Кордовы, а вместе с ним и всего халифата, в незначительной степени, фактически стало насквозь эпикурейским. Философ, хотя и проявлял достойное почтение к национальной религии, обряды которой он открыто исповедовал в качестве добропорядочного гражданина и втайне высмеивал в компании своих друзей, был глубоко пропитан древними пантеистическими доктринами Индии. Даже население перестало проявлять фанатизм, который является неразрывным спутником невежества. Система всеобщего образования постепенно и незаметно устранила многие из тех предрассудков, от постоянства которых зависят важность и могущество служителей суеверий. Пример их начальства не остался незамеченным для множества людей. Посещаемость мечетей заметно не уменьшилась, но это стало скорее вопросом обычая, чем соблюдением, продиктованным добросовестной верой и чувством религиозного долга. Скептицизм охватил массы, что удивило и встревожило набожного паломника из далекой страны, посетившего святилище Кордовы, в его глазах уступавшее по святости только храму в Мекке. Наслаждение настоящим, безразличие к будущему - вот принципы, которыми руководствовались в поведении и влияли на жизнь любящих удовольствия подданных Аль-Хакема. При таких обстоятельствах исправление общественной безнравственности и подавление популярного и широко распространенного порока было трудным, если не безнадежным делом. Указ халифа о запрете пьянства соблюдался публично и тайно игнорировался. Эпикурейская тенденция той эпохи была слишком общей и слишком хорошо укоренившейся, чтобы на нее могли серьезно повлиять воззвания или пример правителей.

В управлении предприятиями общественного назначения Аль-Хакем проявлял не меньший вкус и одухотворенность, чем самые известные из его предшественников. Крупнейшие города и самые изолированные деревушки империи в равной степени признавали преимущества его разборчивой щедрости. Он отремонтировал дороги; оборудовал их фонтанами через удобные промежутки времени; и, повинаясь закону Корана, который предписывает обязанности гостеприимства, в конце каждого дня пути основывал караван-сарай для развлечения путешественников. Школы, богадельни, больницы появились в каждом городе, причем значительная часть средств, необходимых для строительства и оснащения этих учреждений, была получена из личного кошелька халифа. Его преданность и семейная гордость побудили его последовать примеру своих предков, пристроив Великую мечеть столицы. Он значительно увеличил вместимость здания. Он воздвиг Максору, куда мог входить Предводитель Правоверных, незамеченный паствой, и совершать свои богослужения отдельно от других верующих, в соответствии с той практикой восточного уединения, которая из соображений благоразумия или таинственности на протяжении трех поколений была принята испанскими омейядами. До правления Аль-Хакема бассейн, где каждый правоверный мусульманин совершал омовение, символическое очищение, возложенное на него перед входом в мечеть, был маленьким и не соответствовал потребностям множества людей, которые ежедневно посещали второе по известности и святости место поклонения исламу. Это вместилище было грубым и примитивным; вода часто застаивалась, и время от времени ее пополняли из соседнего колодца с помощью сосудов, которые несли вьючные животные. Неудобство и неуместность этого устройства среди всего окружавшего его великолепия произвели сильное впечатление на ум халифа. Ценой огромных затрат и бесконечного труда он приказал соорудить четыре каменных бассейна по углам двора мечети, два для мужчин и два для женщин. В центре находился большой монолитный мраморный резервуар, из которого бил фонтан, разбрызгивающий свои освежающие брызги по тропической растительности, украшавшей двор. Блоки для этих бассейнов добывались в горах, в милях от Кордовы, и для транспортировки самого большого требовалась сила семидесяти быков и армии рабочих, чтобы доставить его к месту назначения. Это гигантское предприятие заняло двенадцать дней. Обильный запас воды доставлялся из источников и речушек съерры по акведуку, а перелив по трубам поступал в огромные цистерны под мостовой двора, доступные на случай осады и всегда готовые к защите от пожара. Акведук также снабжал водой множество других фонтанов по всему городу, количество и удобство которых были увеличены благодаря предусмотрительной заботе халифа. Гидравлические сооружения Аль-Хакема сегодня почти не повреждены после превратностей многих насыщенных эпох и постоянного износа на протяжении более чем девятисот лет. Мраморные резервуары, где когда-то производились люстрации мусульманских фанатиков со всех концов света, теперь снабжают водой население Христианской Кордовы, чья убогая и отталкивающая внешность, чьи грубые физические характеристики, чье глубокое незнание истории чистоплотной, интеллектуальной и утонченной расы, которой следует приписать эти великолепные памятники искусства и промышленности, являются поразительным свидетельством неустойчивости высшей цивилизации и постоянной тенденции человека скатиться до состояния дикаря; его неспособности оценить опыт и мудрость побежденных и извлечь из них пользу. когда последние принадлежат к другому вероучению или другой секте; и

об огромной силе зла, которая может быть проявлена иерархией, устоявшаяся политика которой основана на систематическом унижении интеллектуальных способностей ее рабов.

Об Аль-Хакеме рассказывается приятная история, которая поразительно иллюстрирует его невозмутимость и добродушные манеры, а также то почтение к науке и ее профессорам, которое было характерно как для этого человека, так и для монарха. Властные требования деспотической власти, какими мы привыкли их рассматривать, не допускают никаких колебаний или компромиссов в своем повиновении. И все же мягкий и снисходительный нрав этого великого государя был таков, что его подданные могли отважиться в случаях, которые, казалось, оправдывали это, отложить для собственного удобства выполнение императивных приказов. Однажды, когда факи Абу-Ибрагим, один из величайших знатоков мусульманского права, чьи таланты украшали Кордовский университет, читал лекцию перед большой группой студентов в одной из мечетей, он получил через евнуха приглашение от халифа немедленно прибыть к нему во дворец.

“Я с глубоким уважением выслушиваю приказ повелителя правоверных”, - ответил Абу-Ибрагим. “Вернись к нему и скажи, что ты нашел меня в Доме Божьем, в окружении моих учеников, которых я обучаю традициям, связанным с Пророком. Скажи ему, что как только я закончу свою лекцию по этому святому предмету, которая не принесет пользы моей аудитории, если меня прервут, я отправлюсь к нему”. Евнух, сбивший с толку этим ответом, вернулся во дворец и доложил о результатах беседы. Вскоре он вернулся и обратился к Абу-Ибрагиму со следующими словами: “О Факи, я передал твой ответ султану, который приветствует твоё благочестие и ценит важность тех трудов, которые ты ежедневно выполняешь на благо нашей святой религии; он будет ждать твоего согласия и велел мне остаться, пока твоя лекция не закончится, чтобы я мог сопроводить тебя к нему”. Покладистость Аль-Хакема в этом случае, как и во многих других, не только уступала требованиям учености, но и была снисходительна к возрасту и слабостям его друга. Он приказал открыть ближайšie ко дворцу ворота, чтобы пропустить distinguished профессора, который с трудом передвигался и чьи немощи не позволяли ему садиться верхом; и когда он прибыл ко входу, то обнаружил множество чиновников и слуг, собравшихся, чтобы оказать ему честь, и ожидающих, чтобы провести его с церемонией, подобающей его репутации и уважению, которым он пользовался у своего королевского хозяина, в зал аудиенций. Таким образом, спокойная и великодушная натура Аль-Хакема могла подчинить прерогативы королевской власти требованиям знания и пожертвовать ради блага приверженцев науки тем безоговорочным повиновением, пренебрежением которым является свидетельством государственной измены и немедленное соблюдение которого является одним из неотъемлемых прав произвольной власти. Его величие даже превзошло ничтожные предрассудки ранга и требования обычаев; близость, в которой он жил с учеными, почтительная фамильярность, которую он поощрял у своих фаворитов, представляют удивительный контраст с тиранией и нетерпением, обычно ассоциирующимися с обладанием деспотической властью.

Существовало мало примеров правителя, столь полностью соответствовавшего духу своего времени и гению своего народа, каким был Аль-Хакем, чье имя наиболее подходящим образом означает “Мудрый”. Природа не наделила его непревзойденными организаторскими способностями и пророческой проницательностью, которыми она одарила основателя его династии Абд-ар-Рахмана I. Он не обладал ни политическим тактом, ни военными способностями Абд-ар-Рахмана III. Но во всех существенных приобретениях полезных знаний; в

оценке произведений гения и склонности вознаграждать их; в поощрении любого искусства, которое способствует счастью и облегчает страдания; в применении на практике тех добродетелей, которые отражают достоинство предмета и сияют еще большим блеском, когда включены в атрибуты королевской власти, ему, безусловно, не было соперника среди всех испанских мусульманских принцев. Он был достойным представителем передовой культуры, научных достижений, поэзии и искусства испано-арабской цивилизации, в отличие от интеллектуальной темноты, отвратительной безнравственности, отвратительной грязи, отвратительных суеверий, которые характеризовали современное европейское общество. Его неутомимое трудолюбие и потрясающая эрудиция были чудом его времени. Его преданности литературе подражали его подданные, которые с энтузиазмом предавались занятиям, которые одновременно уменьшали лишения бедных и способствовали наслаждению баловней судьбы. Самые высокие и прибыльные должности были наградой тем, кто достиг выдающихся успехов в литературных занятиях, независимо от их политического прошлого, национальности или происхождения.

Примеру халифа, который часто собственноручно возделывал свои сады, последовали кади, вали, муфтии, знать империи. Он максимально использовал природные ресурсы полуострова. Сельское хозяйство было доведено до такого совершенства, что, казалось, делало невозможным какое-либо дальнейшее совершенствование. Корабли Кадиса, Севильи, Альмерии и Валенсии смело пересекали самые опасные моря. Овцы-мериносы, чьи миграции по равнинам Эстремадуры и Кастилии были подчинены законам, которые были приняты испанцами и все еще действуют среди них, исчислялись миллионами. Были открыты и разрабатывались ценные залежи руды на благо торговли и искусства. Короче говоря, правление Аль-Хакима представляет собой золотой век мусульманской истории — век, который с необычайным счастьем воспринял мудрость и опыт древности; чей удивительный прогресс во всех отраслях промышленности, во всех областях знаний вызывал восхищение всех народов, христиан и неверных; и чей вдохновляющий гений был, в действительности, последним, поскольку он был наиболее совершенным, из знаменитой династии королей.

ГЛАВА XIV

ПРАВЛЕНИЕ ХИШЕМА II.

976-1012

Происхождение Ибн-аби-Амира-Аль-Мансура—Сцена в Саду—Гений и достижения молодого государственного деятеля—Его внезапный приход к власти—Влияние евнухов—Их заговор раскрыт—Ибн-аби-Амир стремится к Высшей власти—Его назначают хаджибом—Разорение его соперников—Реорганизация гражданской и военной службы—Систематическое ухудшение положения Его семьи—Дворец Захира—Хаджиб становится хозяином Империи—Успешные войны с христианами—Беспорядки в Африке—Разрушение Леона—Разграбление Сантьяго—Смерть Аль-Мансура—Его Великие заслуги перед государством—Его непрерывная серия военных триумфов—Аль-Модхаффер—Абд-ар-Рахман—Мухаммед—Сулейман—Исчезновение Его Семьи—Быстрый распад Империи.

Одновременно с восшествием на престол Хисхема II. гигантская и зловещая фигура, подобная зловещему призраку, одновременно олицетворяющему славу и предвестнику гибели, появляется на театре военных действий на полуострове. При двух предыдущих правителях Мусульманская империя Запада достигла беспрецедентных успехов в области полезных знаний, коммерческого процветания, во всех искусствах, которые поднимают нации на самую высокую ступеньку лестницы цивилизации. Повсюду в пределах его границ царил мир. Тенденция к подстрекательству к мятежу, которая так долго препятствовала его процветанию и истощала население, была энергично и успешно подавлена. Правосудие, не запятнанное даже подозрением на коррупцию и не уважающее личности, вершилось его трибуналами. Его система образования и ее результаты были чудом того времени. Достижения ее ученых мужей, которые были разбросаны по Европе, навлекли на них подозрение, а в некоторых случаях даже привели к наказаниям, связанным с профессией и практикой магии. И все же, при всем своем величии и славе, халифату было суждено под управлением призрачного монарха Хишема II — последнего из его династии — достичь еще более высокого положения среди народов земли. Это выдающееся отличие; непрерывный триумф в более чем пятидесяти кампаниях; унижение врагов в их некогда неприступных твердынях; осквернение и разграбление их самых священных святынь; опустошение и обнищание их территории; регулярная выплата дани и признание вассалитета - все эти результаты следует отнести на счет талантов хаджиба Аль—Мансура, самого совершенного политического и военного гения, который когда-либо руководил судьбами любой части обширной и богатой империи, завоеванной и управляемой мусульманами. сектанты Мухаммеда.

Среди авантюристов, последовавших за знаменем Тарика во время Завоевания, был Абд-аль-Мелик, араб, происходивший из знатной йеменской семьи, которого политические затруднения и финансовые неудачи вынудили принять опасное, но привлекательное призвание солдата удачи. Нехватка умных и порядочных людей в армии варваров привела к назначению прославленного изгнанника командиром дивизии. В этом качестве он занял древний город Картея, первое укрепленное место, захваченное захватчиками. После участия в кампаниях Тарика и Мусы Абд-аль-Мелик удалился в замок Торрокс на реке Гуадиаро, который достался ему на долю при общем распределении конфискованных земель Вестготской монархии. Хотя его семья и не принадлежала к курайшитской аристократии, она отличалась своими прежними заслугами перед государством, а также своим социальным положением и образованностью. Правнук Абд-аль-Мелика был хаджибом эмира Мухаммеда, который осыпал его богатством и почестями. Многие из его потомков заключали брачные союзы с дочерьми великих врачей, теологов, государственных деятелей. Другие занимали почетные высокие должности при дворе и в судебной системе. Но, за исключением основателя дома, никто не принял ту военную профессию, от которой она изначально получила свое величие. Представителем этой семьи в начале правления Аль-Хакема II был Мохаммед Ибн аби Амир, студент юридического факультета Кордовского университета.

Это было всего через несколько дней после смерти Абд-ар-Рахмана III. что группа студентов, числом в пять человек, сидела в саду, принадлежащем одному из общественных увеселительных заведений, которыми изобилуют пригороды великой мусульманской столицы. Наступила темнота, и отражение от мириад огней, разбросанных на милю вокруг, рассеивало свое умеренное сияние по бесчисленным пальмам и тропическим растениям, украшавшим улицы и общественные парки, мрачную листву которых еще больше подчеркивало множество бронзовых ламп причудливого дизайна, подвешенных тут и там к ветвям. Воздух был наполнен

ароматом цветов. Благоухающая мягкость андалузского климата оказывала свое сладострастное воздействие; благоухающий ветерок доносил до сонного уха смутный шум далекого города, собирающегося отдохнуть от дневных трудов, и прерывистые ноты жалобной песни, которой какой-то встревоженный любовник под соседним балконом аккомпанировал на лютне. На столе были остатки трапезы и пустой кувшин, в котором оставалось янтарное хересское вино, состояние которого свидетельствовало о том, что пирующие без особого почтения относились к грозным указаниям Пророка. Беседа четверых участников вечеринки была оживленной и шумной; однако пятый, погруженный во всепоглощающую задумчивость, некоторое время хранил мрачное и нерушимое молчание. “Что с тобой, о Ибн-аби-Амир?” - воскликнул наконец один из его спутников. “Ты задумчив, как факи, и молчалив, как верблюд, бредущий по песчаным наносам пустыни; может быть, ты потерял свою госпожу?”

“У меня давно было предчувствие, о мухаммед, что однажды я буду править этой землей; пусть каждый из вас сейчас объявит, какую государственную должность он больше всего желает, и я даю свое слово, что, когда я приду к власти, она будет передана ему”, - ответил неразговорчивый студент.

Взрыв смеха приветствовал этот неожиданный ответ.

“Ах! - воскликнул один из веселящихся студентов колледжа. - Эти фиги восхитительны, и я был бы рад жить в Малаге, где они растут; что касается меня, то я хочу быть губернатором этой провинции”.

Другой воскликнул: “Я никогда не пробовал ничего вкуснее этих пирожных. Я прошу вас назначить меня инспектором рынков, ибо тогда я буду сыт деликатесами, не потратив ни единого дирхема”.

Другой сказал: “Я очарован этим великолепным городом, чья святыня - слава ислама; чьи пригороды уступают только райским садам; чье богатство превосходит все сокровища Востока; чьи дворцы - чудо света. Я предпочитаю, прежде всего, префектуру Кордовы”.

Четвертый ученик оставался угрюмым и молчаливым.

“О Абдаллах! - воскликнул один из его спутников. - Почему ты не пользуешься щедростью будущего правителя Андалуза?”

Абдаллах встал и, схватив Ибн аби Амира за бороду, воскликнул сдавленным от негодования и ярости голосом: “Жалкий хвастун! твоя дерзкая самонадеянность превосходит самонадеянность самого Иблиса, ты — правитель Андалусии! Пусть первым актом твоей власти будет раздеть меня догола, намазать медом, чтобы пчелы и мухи могли ужалить меня, посадить на осла лицом к его хвосту и провести в таком виде по улицам столицы. Это та милость, которой я требую от тебя, кто своим невыносимым самомнением и высокомерием оскорбляет величие халифата, а также честь и достоинство Преемников Пророка Божьего!”

С некоторым трудом высвободившись и подавив, насколько мог, свое негодование из-за самого возмутительного оскорбления, которое только можно было нанести мусульманину, Ибн-аби-Амир спокойно ответил: “Придет время, когда у всех вас будет повод вспомнить этот день. Я не забуду своего обещания, и просьба каждого из вас будет удовлетворена в соответствии с буквальными выражениями, которые он предпочел”.

Такова была самоуверенность Ибн-аби-Амира, который, будучи бедным и безвестным юношей, почти неизвестным среди тысяч студентов Кордовского университета, все же воодушевленный вдохновением гения и сознающий свою способность к великим начинаниям, мог таким образом предаваться, казалось бы, экстравагантным мечтам об империи. Но при всей этой очевидной самонадеянности он не был обычным человеком. В нем в замечательной степени сочетались все качества, которые приводят людей к политическому возвышению. Смелый даже на грани дерзости; энергичный, настойчивый и полный надежд в самых обескураживающих обстоятельствах; неистощимый в средствах; абсолютно безразличный к нравственности средств, используемых для достижения цели, пока ее целесообразность была установлена; благодарный друг и непримиримый враг; искусный участник переговоров; прирожденный командир; почти с детства он, казалось, использовал свои экстраординарные способности для осуществления возвышенного замысла, который был заветной целью его беспринципных амбиций. Черты его лица были правильными, разговор приятным, манеры пленительными до такой степени, что вызывали восхищение в обществе, вежливость которого вошла в поговорку, а величественный этикет двора которого не превосходил этикет ни одной страны или эпохи. Его знание человеческой природы было настолько безошибочным, что казалось почти результатом вдохновения. Никто не мог устоять перед завораживающим влиянием, которое оказывало его присутствие. Никто не мог противостоять воздействию его негодования. И все же, несмотря на его вспыльчивый характер, глубокая политика, руководившая всеми его действиями, позволяла ему сдерживать свой гнев и обуздывать страсти до тех пор, пока не пришло время для мести. Он был опытным ученым, особенно хорошо разбиравшимся в юриспруденции, и рано ознакомился с волнующими летописями ислама; с тяжелой борьбой его Основателя; со страданиями его мучеников; с его победами и катастрофами; с удивительным прогрессом его цивилизации; с боевыми достижениями его героев. Он знал наизусть истории великих военачальников и государственных деятелей, многие из которых, хотя и родились в малоизвестных местах, как и он сам, прославили мусульманское дело при династиях Востока и Запада. Таким образом, одаренный всеми талантами, какими только могла наделить природа; его способности укрепились и развились благодаря преимуществам, полученным от тщательной умственной подготовки; над ним господствовала железная воля, сила которой была направлена на реализацию проекта, который на время поглотил все остальные устремления, неизвестный авантюрист без гроша в кармане приготовился испытать свою судьбу.

После завершения своего образования ему удалось обеспечить себе ненадежные средства к существованию в качестве общественного писателя, который составлял петиции для представления халифу. Его мастерство в хирографии и знание юриспруденции за короткое время обеспечили ему место заместителя секретаря в верховном суде Кордовы. Но кади, судья строгой порядочности, человек сдержанного нрава и необщительных манер, вскоре заразился предубеждением против своего веселого и разностороннего подчиненного, и хотя он не мог отрицать его экстраординарных способностей, его достоинство было потрясено его обычным легкомыслием. Поэтому он обратился к визирю Мосафи с просьбой назначить своему сотруднику какое-нибудь другое назначение. Визирь, зная, что Аль-Хакем собирается выбрать управляющего поместьем принца Хишема, предложил назвать имя Ибн-аби-Амира. Халиф был согласен, но на самом деле это назначение было возложено на любимицу султанши Аврору. Последняя была христианкой по происхождению и женщиной необычайной красоты, со скупым нравом, распущенными нравами и вспыльчивым нравом. Она пользуется редким и сомнительным отличием - она единственная представительница своего пола, которая во

времена правления династии Оммеяде оказывала влияние на политические судьбы своей страны. Ее положение матери предполагаемого наследника — единственного оставшегося в живых сына Аль-Хакема - дало ей неограниченное влияние на умы своего мужа, которым она без колебаний пользовалась в своих личных интересах. Было много кандидатов на желанный пост, чье достоинство и вознаграждение, какими бы важными они ни были, все же не соответствовали тайной власти, которой обладал занимающий этот пост, и возможностям, которые она предоставляла для продвижения на высшие посты при дворе.

Заняв положение, на котором он мог в полной мере использовать свои таланты, Ибн-аби-Амир вскоре добился известности. Он снискал благосклонность султанши Авроры, которая назначила его управляющим своим домом. Благодаря ее влиянию — всемогущему у халифа — через семь месяцев после его представления визирем Мосафи и до того, как ему исполнилось двадцать семь лет, он был продвинут на ответственную должность суперинтенданта Монетного двора, которая включала в себя многие функции министра финансов. Острая наблюдательность молодого чиновника вскоре открыла его проницательному уму редкие возможности для материального обогащения и политического продвижения, которые его место предоставляло человеку неутомимой энергии, беспринципного характера и безграничных устремлений. Его обязанности ежедневно приводили его к интимным отношениям с самыми могущественными сановниками империи. В его распоряжении были большие суммы денег. Безоговорочное доверие, оказанное ему, и высокая благосклонность, которой он пользовался при дворе, делали маловероятным, что какая-либо проверка его счетов будет произведена без своевременного предупреждения, и предоставлялась возможность исправить любой досадный дефицит. Обычные привычки его жизни, суровые почти до аскетизма; его знание дел; вдохновение его гения, который, казалось, решал без усилий труднопреодолимые проблемы политической экономии и финансов, бросающие вызов способностям и трудолюбию других, особенно подходили ему для того важного поста, который он занимал. Несмотря на строгое соблюдение своих обязанностей, каждое обстоятельство его окружения, каждое проявление его выдающегося интеллекта служили целям его честолюбия. Изысканной вежливостью своих манер и почтением, которое он проявлял по отношению к своим начальникам, он умиротворил гордую и исключительную знать, которая поначалу с явным неодобрением взидала на быстрое возвышение честолюбивого молодого государственного деятеля. Низшие классы были очарованы его снисходительностью, его щедростью, его приветливостью, тактом, который никогда не забывал о требованиях старого знакомого, благодарностью, которая никогда не переставала признавать обязательства древней дружбы. Государственные сокровища использовались без ограничений и угрызений совести для увеличения числа последователей управляющего Монетным двором. Никто из попавших в беду не обращался к нему без облегчения. Слава о его публичных благотворительных действиях распространилась даже до границ халифата. Таким образом, используя каждую возможность и разумно используя неограниченные средства, имевшиеся в его распоряжении, Ибн-аби-Амир организовал и контролировал большую и растущую группу приверженцев, чья преданность его личности и его интересам была во многих случаях даже сильнее, чем преданность, которую они питали к своему законному суверену.

Однако Ибн-аби-Амир питал самые радужные надежды на успех не благодаря своему влиянию на знать и не благодаря своей популярности в массах. Его личная привлекательность пленила впечатлительную султаншу, которая, благословленная доверчивым и самодовольным мужем, едва ли соизволила скрыть свое восхищение своим красивым протеже. Между ними

установилась близость, продолжение которой кажется странным образом несовместимым с ревнивым шпионажем восточного двора и которая обеспечила неисчерпаемый запас насмешек для саркастичных и анонимных столичных поэтов. Каждый каприз прекрасной Авроры выполнялся ее преданным управляющим. Ее желания часто предвосхищались. Молчание обитателей и рабынь гарема было обеспечено и сохранено путем раздачи дорогих подарков. Самой принцессе досталась самая расточительная щедрость. Однажды Ибн-аби-Амир приказал построить для нее миниатюрный дворец из массивного серебра. Каждая деталь королевского жилища и придаток к нему были воспроизведены в этой дорогой и изобретательной игрушке. Евнухи, стражники, слуги в соответствующих одеяниях были представлены крошечными статуэтками. Фонтаны вместо воды наполнялись тонкими благовониями. Великолепные орнаменты алькасара были нанесены с поразительной точностью и красотой. Этот великолепный подарок вызвал изумление толпы, когда его, поддерживаемого на плечах десятком рабов, пронесли по улицам ко дворцу и положили к ногам восхищенной Авроры. Но эта кульминационная демонстрация экстравагантности едва не привела к серьезным последствиям. Продвижение Ибн-аби-Амира по службе, несмотря на его такт и щедрость, обезоружившие зависть и злобу придворных, подняло против него могущественных и решительных врагов. Последний открыто обвинил суперинтенданта Монетного двора в растрате государственных средств. С быстротой, характерной для произвольного правительства, Ибн-аби-Амир был немедленно вызван к Дивану и приказал предъявить свои книги и все имевшиеся у него сокровища. Осторожный министр был приравнен к чрезвычайной ситуации. Скрупулезный бухгалтер, он знал в конце каждого дня точную сумму дефицита, который, как он сознавал, рано или поздно должен быть восполнен. Он обратился к визирю Ибн-Ходайру, который был обязан ему многочисленными услугами, с просьбой о временном займе в несколько тысяч золотых монет. Визирь был только рад услужить своему другу; точность счетов была проверена; сумма, за которую отвечал управляющий Монетным двором, оказалась нетронутой; а те, кто ставил под сомнение официальную честность министра, были заклеены позором, который приписывается безуспешному преследованию честного и способного государственного служащего.

Авторитет Ибн-аби-Амира сейчас возрос как никогда. Его успех в выпутывании из ловушки, которая была так искусно расставлена для него, вызвал невольную похвалу его противников. Чтобы загладить очевидную несправедливость, которую он причинил фавориту, поставив под сомнение его честность, Аль-Хакем неоднократно оказывал ему знаки своего доверия. Он стал, поочередно, попечителем наследственного имущества, кади Севильи и начальником полиции Кордовы. Вскоре после этого ему было присвоено еще большее достоинство, важность которого для продвижения своих интересов он не замедлил оценить.

Огромные расходы Галиба в Мавритании, которые он представлял как необходимые для того, чтобы отвести берберских вождей от знамени Ибн Кенуна, вызвали подозрения халифа. Интересы правительства в Африке требовали присутствия способного финансиста, чья осмотрительность и авторитет могли обуздать расточительность или остановить казнокрадство генералов, разбазаривавших доходы империи. Репутация Ибн-аби-Амира свидетельствовала о том, что он был наиболее подходящим человеком для выполнения обязанностей на этом важном, но вызывающем зависть поприще. Соответственно, он был назначен кади всей провинции Мавритания и наделен чрезвычайными полномочиями. Его контроль над финансами гражданской и военной администраций был неограниченным и верховным. Ему было поручено контролировать все расходы и строго проверять все счета. Халиф настолько доверял его

суждениям и был высокого мнения о его талантах, что, хотя он был совершенно лишен военной подготовки или опыта, генералам-ветеранам африканской армии было приказано не предпринимать никаких операций без предварительной консультации с кади Мавритании. Трудности, связанные с исполнением обязанностей такого характера и ответственности, были таковы, что поставили бы в тупик менее искусного и политичного государственного деятеля, чем Ибн-аби-Амир. В армии его считали невежественным выскочкой, гражданские чиновники - шпионом и осведомителем. Но его редкая ловкость и неотразимое очарование манер вскоре развеяли эти предрассудки. Не пренебрегая интересами своего хозяина, он преуспел в завоевании уважения офицеров и солдат. Он поразил первого своими своевременными предложениями относительно искусства, с правилами применения которого тот не был практически знаком. Он участвовал в беседе, в развлечениях и разделял тяготы последних. Его цепкая память, которая без усилий запоминала имя каждого человека, которого он когда-то видел, существенно способствовала росту и сохранению его личной популярности. С учетом будущих непредвиденных обстоятельств проницательный министр не упускал случая заручиться доброй волей берберских вождей. Он разделял их грубое, но щедрое гостеприимство. Он льстил их нелепым претензиям и потакал их наследственным предрассудкам. Он поразил их своей властью, внушительной демонстрацией пышности и великолепия. О подарках, которыми он осыпал их, сообщалось и преувеличивалось с варварской гиперболой в каждом лагере Пустыни. Такова была привязанность, с которой к нему стали относиться свирепые бандиты Мавритании, что она почти вытеснила полурелигиозное уважение, на которое претендовали их шейхи, которые выполняли функции ненадежной магистратуры, основанной скорее на временном и условном подчинении, чем на абсолютном и постоянном отказе от части естественных прав управляемых.

После возвращения Ибн-аби-Амира в свите победоносного Галиба он принял состояние, соответствующее его рангу и общественному мнению, в котором он находился. Его дворец в Русафе, одном из самых очаровательных пригородов Кордовы, по элегантности и великолепию соперничал с королевскими резиденциями. Его стены украшали самые изысканные украшения. Его обширные сады демонстрировали всю роскошь и красоту тропиков. Рощи кишели соловьями и птицами с великолепным оперением. Бесчисленные фонтаны разбрасывали во все стороны свои приветственные и освежающие брызги. Множество рабов, одетых в блестящие шелковые одежды, заполняли коридоры. В большом отделанном мрамором обеденном зале постоянно накрывался стол для всех, кто желал воспользоваться гостеприимством хозяина. Влияние и популярность последнего ежедневно проявлялись в толпе просителей, которые с рассвета до заката загораживали ворота дворца. Из всей этой толпы ни одному просителю, каким бы скромным он ни был, не позволили уйти, не выслушав его вежливо и внимательно. Постоянное накопление дел и требования, предъявляемые к различным официальным должностям министра, требовали услуг большого количества клерков и секретарш. Этих должностей, хотя и не синекур, с жаром добивались молодые люди, связанные с самыми респектабельными семьями Кордовы, которые считали за честь совершенствовать свое политическое образование под руководством столь опытного наставника и которые не замедлили заметить, что через его службу лежит путь к будущей власти и отличию. Популярность Ибн-аби-Амира, который, в дополнение к другим своим официальным функциям, недавно взял на себя обязанности управляющего дворцом, была на пике, когда Аль-Хакем умер; и министр вместе с визирем Мосафи, который был совместно облечен этим доверием халифом, готовились установить регентство и взять на себя управление империей.

Опасения Аль-Хакема относительно общественного неодобрения, вызванного восшествием на престол несовершеннолетнего, быстро оправдались. Постепенный отход от древней конституции арабов, которая признавала притязания только правителей зрелого возраста и устоявшейся репутации, вызывал подозрение и неприязнь у всех слоев населения. Чисто фиктивного титула наследственного происхождения, по их мнению, было недостаточно, чтобы компенсировать опасности, которые могли возникнуть из-за недостатка опыта и административных способностей. Наделение младенца королевской властью повсеместно рассматривалось суеверными людьми как дурное предзнаменование, предвещавшее гибель монархии. Более того, этот случай не имел прецедента в истории халифата, поскольку мудрые правители из Дома Оммеях неизменно при подобных обстоятельствах подчиняли отцовскую любовь первостепенным интересам государства. В данном случае целесообразность противоположного курса была очевидна, поскольку братья Аль-Хакема были повсеместно признаны полностью компетентными для достойного выполнения высоких и ответственных обязанностей, связанных с осуществлением верховной власти. Полностью осознавая этот предрассудок, евнухи, эти пагубные паразиты восточного деспотизма, чья жизнь проходила в атмосфере интриг и коррупции, ловко приготовились воспользоваться народным недовольством для продвижения своих собственных планов. Эти воплощенные дьяволы, которые находили в предательстве своих собратьев неадекватную, но благодарную компенсацию за оскорбление, нанесенное им обществом, с каждым правлением приобретали новый прилив гордыни и дерзости. Отборный отряд из тысячи таких женщин составлял охрану гарема. Будучи рабами, они пользовались исключительными привилегиями и, пользуясь любой возможностью для удовлетворения своей доминирующей страсти - алчности, накопили обширные владения. Ошибочная идея, импортированная вместе с другими пагубными принципами с Востока, привела к тому, что неприкосновенность евнуха и демонстрация его богатства стали рассматриваться как необходимый довесок к величию государя. Как естественный результат этого мнения, наглость и угнетение этой могущественной касты проявлялись без ограничений, пока не стали невыносимыми. Они безнаказанно грабили торговцев. С безжалостной жестокостью они избивали несчастных пешеходов, которые переходили им дорогу. Они вторгались в частную жизнь домашних хозяйств и оскорбляли их обитателей, что по мусульманским законам является непростительным преступлением. Они занимали крупные суммы денег у богатых торговцев на условиях, которые практически приравнивались к конфискации. Их кровопролитные стычки с населением, в которые полиция не осмеливалась вмешиваться, постоянно нарушали покой города. Ни один трибунал не осмелился бы подать жалобу на этих мелких тиранов; и справедливое отношение самого халифа сменилось вопиющим пристрастием, когда дело касалось наказания члена этой привилегированной гвардии, лицензию которого он считал необходимой для своей собственной безопасности. Начальниками этого отряда, который был одновременно ужасом и поношением столицы, были Файик и Джаудар, один из которых был мастером Гардероба, другой - Великим Сокольничим. Богатство и власть этих двух чиновников; прибыльные занятия, которые они контролировали; безграничные возможности для обогащения, которыми они пользовались и которые улучшали; их постоянный и бесцеремонный доступ к монарху; их почти безответственная власть над дворцом и гаремом давали им уважение, которым не обладал ни один из других великих сановников халифата. От всех, кто приближался к ним, они требовали почтения и соблюдения этикета, подобающих только лицам самого высокого положения. Вооруженная свита, великолепно экипированная, охраняла их, когда они выезжали за границу. В соответствии с аномальными условиями, царившими в обществе мавританской Испании, —

где солдаты прислуживали евнухам, а свободные люди подчинялись приказам рабов, — многочисленные последователи зависимых и служащих, которые не подвергались ни пыткам кастрации, ни ограничениям рабства, ожидали удовольствия беспринципных фаворитов королевской семьи. Их последствия были раскрыты толпами, которые непрестанно осаждали ворота их дворцов. Ужас и таинственность, которые окружали их характер и их жизни, часто усиливались внезапным и необратимым исчезновением людей, которые, как было известно, навлекли на себя их враждебность.

Смерть Аль-Хакема была неожиданной, и никто не присутствовал при его последних минутах, за исключением главных евнухов Файика и Джаудара. Эти коварные личности, сознавая непопулярность своей касты и зная, что министры Ибн аби Амир и Мосафи не будут снисходительны к их преступлениям, решили на время скрыть известие о смерти халифа, изменить порядок наследования и тем самым обеспечить себе сохранение власти. Принцем, которого они выбрали для занятия вакантного трона, был Могира, брат Аль-Хакема. Но первым и непременным условием успеха предприятия было, по мнению практичного Джаудара, убийство визиря Мосафи. Фаич, недооценивший способности и решительность министра, отказался согласиться с этим предложением. После некоторого обсуждения было решено послать за Мосафи и попытаться всеми возможными способами отвратить его от присяги. Ничто не могло быть более отрадным для заговорщиков, чем уступчивость визиря. Он, казалось, с энтузиазмом включился в этот план, дал своим новым соратникам много мудрых советов и пообещал, что в нужный момент лично будет охранять вход во дворец. Затем, вернувшись в свою резиденцию, он поспешно собрал ряд гражданских и военных чиновников, на верность которых он мог положиться, и ознакомил их с заговором, который только что стал ему известен. Опасность была неминуемой; восшествие на престол Могиры и верховенство евнухов, которое, несомненно, должно было стать результатом этого и повлиять на жизнь или судьбу каждого видного члена правительства, требовали самых энергичных действий. Без единого голоса несогласных было решено, что Могира должна быть предана смерти. Эта резолюция была легко принята, но ее исполнение было другим делом. Дружелюбный и безобидный характер принца делал его преднамеренное убийство крайне отвратительным даже для людей, чьи жестокие привычки и кровожадный опыт обычно делали их глухими к призывам к жалости. Наконец Ибн-аби-Амир поднялся среди безмолвного собрания и согласился взять на себя постыдную должность палача. Во главе сильной охраны он сразу же направился во дворец несчастной Могиры, которая в равной степени не подозревала о смерти своего брата, об опасной чести, на которую его уготовило честолюбие евнухов, и о суровом указе, который только что предрешил его судьбу. Со всей несравненной вежливостью, которой он отличался, вестник смерти объявил о своем поручении. Охваченный горем из-за потери брата и напуганный присутствием солдат, Могира, произнеся самые горячие заверения в преданности своему племяннику, со слезами умолял министра о помиловании. Глубоко тронутый горем принца, Ибн аби Амир поколебался в решимости и отправил гонца к визирю, заявив о своей уверенности в лояльности Могиры и предложив изменить постановление совета и заменить смертную казнь тюремным заключением. Ответ Мосафи был категоричным: “Казните его немедленно; если вам не нравится поручение, которое вы добровольно взяли на себя, я пришлю другого, не обеспокоенного столь несвоевременными угрызениями совести”. О дальнейшем промедлении не могло быть и речи; Могира была задушена, а комната, в которой было совершено преступление, была немедленно замурована прочной каменной кладкой. Воспоминание об этом поступке, столь же жестоком, сколь и неразумном, долго терзало сердце Ибн-аби-Амира.

Он так и не простил визирю вины, которую тот навлек на себя с его помощью, совершив поступок, целесообразность которого не могла доказать никакая софистика и варварство которого не могла оправдать никакая политическая необходимость. Вскоре должно было наступить время, когда неумолимому Мосафи, в свою очередь, предстояло испытать всю горечь смерти без ее утешения; все унижения, сопутствующие потере власти и состояния; все муки совести, возникающие из-за нарушения непреложных законов справедливости и бессмысленного принесения в жертву самых очевидных принципов морали.

Безмятежная внешность Ибн аби Амира не выдавала его возмущенных чувств, когда он вернулся к своим коллегам, но его дух был глубоко тронут, и со свойственной ему мстительной энергией он готовил визирю ужасный отчет, который должен был быть предъявлен в день расплаты.

Главные евнухи с ужасом восприняли известие о предательстве их замысла и смерти царевича; но они были настолько уверены в надежности своей власти, что ни на мгновение не приостановили своих изменнических действий. Их эмиссары, рассеянные среди населения, умножали своими искусными изображениями опасности, связанные с восшествием на престол государя, который еще не вышел из детского возраста. Обстоятельства убийства Могиры — сами по себе достаточно неоправданные — были искажены и преувеличены. Негодование масс разгоралось против министров, чьи алчность и честолюбие, как предполагалось, подчиняли своим собственным планам все соображения, связанные с безопасностью государства и процветанием империи. Были привлечены услуги влиятельных и корыстолюбивых демагогов; богатство евнухов не скупилось на обеспечение безопасности своих сторонников; открытые обвинения властей раздавались отовсюду; появление члена непопулярной фракции на улицах было сигналом к бунту; и беспокойное и мятежное население Кордовы, казалось, снова созрело для революции.

Очевидная некомпетентность Мосафи справиться с ситуацией побудила Ибн-аби-Амира, который был повышен до должности визиря, дать Дивану несколько полезных советов, сформулированных в терминах, неотличимых от командных. Мятежный пыл толпы был подавлен внушительным военным показом, в котором участвовал юный халиф. Добрая воля бедных была в то же время обеспечена отменой некоторых тяжелых налогов, взимавшихся во время правления Аль-Хакема и которые были источником большого раздражения и огорчения. Когда опасность восстания на некоторое время была устранена, Ибн аби-Амир направил все свои силы на уничтожение власти евнухов. Его секретные агенты осуществляли бдительный и непрерывный шпионаж за их передвижениями. Его золото соблазняло их слуг. Тех, кто пострадал от алчности и несправедливости подчиненных Мастера Гардероба и Великого Сокольничего, в частном порядке поощряли возбудить дело против своих угнетателей. Некоторые из последних были заключены в тюрьму, другие казнены, третьи снова искали спасения в бегстве. Из вождей Джаудар был вынужден уйти в отставку, а Файик был сослан на Майорку, где вскоре умер в бедности. Поражение этих смелых заговорщиков ослабило народное волнение, которое было вызвано главным образом их махинациями, и позволило правительству обратить свое внимание на другой квартал, где успехи христиан вызывали большую и нарастающую тревогу.

Политическая агитация, последовавшая за смертью Аль-Хакема и установлением регентства, была хорошо известна дворам Леона и Наварры. Это событие считалось благоприятным для отмены договоров; для отказа от ненавистных обязательств по уплате дани; для захвата

территории, приобретенной мусульманской доблестью; для восстановления военного престижа, утраченного со времен великого Абд-ар-Рахмана. Активные партизаны Севера, соответственно, наводнили незащищенные провинции, жители которых ослабили бдительность и пренебрегли своим оружием во время долгого и мирного правления Аль-Хакема. Соппротивление было оказано незначительное из-за некомпетентности офицеров, отвечавших за оборону границы. Вскоре выяснилось, что обычная леность Мосафи не в состоянии справиться с этими предприимчивыми мародерами, которые ускользали от его эскадронов и сеяли ужас и разорение среди богатых плантаций и деревень Андалусии. Наконец, ободренные успехом, они миновали Сьерра-Морену, и зловещее зрелище знамен неверных снова стало видно с башен столицы. Гордость султанши не могла вынести такого неповиновения. Она послала за Ибн аби Амиром и умоляла его наказать дерзость христиан. Соответственно, был созван совет, и было принято решение об экспедиции. Визирю с его обычной обходительностью удалось получить назначение в верховное командование, и, чтобы избежать, насколько это было возможно, непредвиденных обстоятельств обратного хода, осторожный генерал с максимальной разборчивостью отобрал для этой службы самых надежных офицеров и самых опытных ветеранов армии.

В то время Ибн аби Амиру только что исполнилось тридцать девять лет. О теории военного искусства он знал очень мало, о практическом применении его принципов - абсолютно ничего. Вся его жизнь прошла в занятиях, обязанности которых были скорее помехой, чем подспорьем в службе в полевых условиях. Но сила его ума, способная справиться с любой чрезвычайной ситуацией, позволяла ему с легкостью преодолевать кажущиеся непреодолимыми препятствия, которые теперь стояли перед ним. Если ему не хватало военных знаний и опыта, то, с другой стороны, он был наделен качествами, которые слишком часто игнорировались или презирались солдафонами. В благоразумии, хладнокровии, рассудительности, храбрости его не превзошел ни один самый опытный полководец, когда-либо руководивший передвижениями армии. До сих пор успешная реализация его проектов, которые он предвидел и тщательно планировал, внушала ему справедливую, но не высокомерную уверенность в возможностях своего гения. Он владел секретом втереться в доверие к солдатам, чья преданность его персоне впоследствии помогла ему одержать победу на многих тяжелых и сомнительных полях сражений. Все, независимо от ранга, щедро делились плодами его щедрот. Офицеров ежедневно угощали за его столом. Личная доблесть была щедро вознаграждена. Самое незначительное нарушение дисциплины каралось со всей строгостью. Такова была политика, которой новый генерал руководствовался с самого начала своей военной карьеры. При сложившихся обстоятельствах вовсе неудивительно, что его оружие в течение четверти века должно было быть абсолютно непобедимым.

Первая экспедиция Ибн-аби-Амира не была примечательна результатами, которых она достигла с военной точки зрения. Но его моральное воздействие как на мусульман, так и на христиан было гораздо важнее, чем могло бы показаться из-за простого набега на страну врага. Это возродило падающий престиж халифата. Это подняло угасающий пыл солдат, ослабленных пороками и ленью, вызванными небогатыми событиями и затянувшимся миром. Это пробудило вполне обоснованные надежды на будущие завоевания и славу под руководством нового и предприимчивого командира. Это убедило непримиримых врагов ислама в том, что воинственный дух, который так долго разрушал их проекты и препятствовал их амбициям, еще не угас. Летучие эскадроны леонцев перестали грабить деревни Андалусии. Отныне пастухам и земледельцам разрешалось заниматься своим ремеслом в условиях безопасности. Знамена

неверных, украшенные ненавистным символом креста, больше не мешали богослужениям и не оскорбляли величия мусульманской столицы.

Власть Ибн-аби-Амира была установлена на прочном фундаменте, и он начал вынашивать планы, которые он давно вынашивал, относительно приобретения и осуществления верховной власти. Таланты, которые он проявил, успех, которого он достиг, сделали его самой выдающейся и влиятельной фигурой в королевстве. Теперь он решил, в свою очередь, избавиться от таких крупных государственных чиновников, которые могли бы помешать ему в осуществлении его амбициозных проектов, и он решил начать с Мосафи, единственного, чье выдающееся положение могло предполагать возможность соперничества. При осуществлении этого проекта расовая антипатия, всегда бросавшаяся в глаза в мавританском соперничестве за превосходство, способствовала ревности к власти. Мосафи был берберского происхождения и, следовательно, вызывал неприязнь у арабской фракции, к которой принадлежал Ибн-аби-Амир. Тем уважением, которым Аль-Хакем пользовался как визирю, он был обязан исключительно своим литературным достижениям, которые были большей рекомендацией в пользу этого монарха, чем таланты государственного деятеля или военная слава. Его гордость была чрезмерной; его характеру не хватало решительности; его скупость вошла в поговорку; его казнокрадство бросалось в глаза при дворе, где моральная и политическая порядочность была исключением. Он уже был всего лишь марионеткой в руках своего коллеги, чей гений полностью овладел его слабым и нерешительным умом. Поддерживая самые тесные отношения с Мосафи, его вероломный враг использовал все средства, чтобы добиться его гибели. Он постоянно возбуждал против себя предубеждения султанши Авроры. Он добился повышения Галиба, самого выдающегося офицера армии, между которым и Мосафи существовала ожесточенная вражда, до высшего звания на военной службе. Он даже заручился поддержкой ничего не подозревавшего визиря для достижения этой цели, заявив о необходимости примирения с этим лидером, чья популярность среди солдат, подкрепленная его честолубием, могла в любой момент привести к свержению администрации. Затем этот искусный в искусстве интриги заключил тесный союз с Галибом, главной целью которого было уничтожение несносного визиря. Какое-то время два сотрудника работали в согласии, продвигая свои общие интересы. Каждый превозносил до небес таланты и добродетели другого. В обмен на высокие посты, которыми он был наделен, Галиб преувеличивал достижения своего компаньона. Его громкие похвалы последнему обеспечили ему должность в префектуре Кордовы, назначение, которое повлекло за собой увольнение сына Мосафи, который получал вознаграждение, не исполняя обязанностей на этом ответственном посту. Продажность этой молодежи, у которой за деньги можно было в любой момент добиться неприкосновенности от наказания даже для самого отъявленного преступника, полностью дезорганизовала полицейскую систему города. Улицы заполнили разбойники. Кражи и убийства происходили по ночам, и граждане были вынуждены полагаться на свою собственную бдительность и мужество в той защите, на которую они имели право по закону. Корыстолюбивый характер префекта и общая деморализация муниципального управления в дополнение к потере большого капитала привлекли отовсюду шайки отчаянных личностей, жаждущих поживиться добычей, полученной в результате успешного и беспрепятственного грабежа.

Но теперь грядут перемены. Новый префект привнес в управление делами своего ведомства ту же непреклонную справедливость, ту же строгость, ту же решительность, которые в других местах отличали его поведение на государственной службе. Полицейская система была реконструирована. Его члены, напуганные некоторыми благотворными примерами, которых

требовали требования службы, больше не братались с преступниками. Иностранные преступники поспешно бежали из города. По улицам снова можно было передвигаться в безопасности, пригороды перестали быть ареной беспорядков. Преимущества ранга и богатства не давали иммунитета преступникам, находящимся под строгой юрисдикцией Ибн-аби-Амира. Даже кровные узы были проигнорированы этим беспристрастным судьей, поскольку его собственный сын, будучи осужден за какое-то нарушение закона, получил такое ужасное бичевание, что умер от рук палача.

Тем временем друзья Мосафи обратили его внимание на опасности, которые угрожали ему и которые его восприятие было недостаточно острым, чтобы заметить. Кризис был неминуем, и визирь не видел другого средства противодействовать коварным замыслам своего соперника, кроме как заручиться благосклонностью своего древнего врага Галиба. Он сразу же решился на смелый политический ход и со всеми проявлениями чести и почтения попросил руки дочери Галиба для одного из своих сыновей. Гордость ветерана, несмотря на его глубоко укоренившееся чувство вражды, была польщена этим комплиментом. Семья Мосафи, хотя и не была знатной, была одной из самых знатных в Андалусии. Было известно, что его богатство, нажитое за годы казнокрадства, было огромным, и его власть номинально руководила делами халифата. Впечатленный преимуществами такого супружеского союза, Галиб с готовностью согласился на предложение визиря. Безмерно обрадованный своим успехом, Мосафи, не теряя времени, организовал предварительные приготовления; брачный контракт был подписан, и был назначен день для заключительной церемонии. Но эти договоренности не могли быть заключены без ведома шпионов Ибн-аби-Амира, некоторые из которых были членами семьи визиря. Последний вскоре обнаружил, что ему не сравниться со своим коварным противником. Его заговоры встречали встречные заговоры. Влияние султанши, поддерживаемое всем окружением Ибн аби Амира, в друзьях которого были некоторые из высших функционеров халифата, было использовано для того, чтобы поколебать решимость Галиба. Мотивы Мосафи были поставлены под сомнение. Было искусно намекнуто, что эта внезапная демонстрация дружбы была лишь удобной маской для какого-то глубоко скрытого акта вероломства. Непримируемая ненависть, которую визирь так долго питал к опытному командиру, придавала этому предположению значительную правдоподобность. И, наконец, сам Ибн аби Амир официально потребовал руки прекрасной Асмы, заявив, что сын плебея Мосафи недостойн девушки, чье положение и красота вполне могли бы дать ей право стать невестой самого могущественного подданного мусульманской империи. Постоянство Галиба не опровергало эти правдоподобные утверждения. Без предупреждения он отказался от своих обязательств перед Мосафи. Его дочь стала женой Ибн-аби-Амира; их бракосочетание было отпраздновано с помпой, превосходящей все, что когда-либо проводилось в столице; а сам жених был назначен на должность хаджиба, что является самым высоким достоинством при вручении короны.

С этого времени падение Мосафи было стремительным. Никчемные друзья его процветания один за другим покидали его. Он был заключен в тюрьму вместе с членами его семьи мужского пола, а их имущество было арестовано в ожидании расследования должностных злоупотреблений. Установить истинность этого обвинения не составило труда. Преступления преступников были вопиющими и пользующимися дурной славой. Вынесенный им приговор о конфискации принес в государственную казну огромные сокровища, большая часть которых была приобретена путем мошенничества и вымогательства. Те из родственников визиря, которые особенно оскорбляли своего преследователя, были задушены. Другим удавалось обеспечивать жалкое существование самыми черными занятиями и даже нищенством.

Достопочтенный Мосафи, после того как в течение многих лет терпел все унижения, которые могли быть вызваны изобретательностью ненависти и наглостью власти, погиб каким-то неизвестным способом в результате насилия, и его тело было перенесено в могилу с немногим большей церемонией, чем обычно сопровождают погребение нищего.

Пока происходили эти события, в столице зрел грандиозный заговор с целью убийства халифа и возведения в царское достоинство одного из его двоюродных братьев, Абд-ар-Рахмана Ибн-Обейдаллаха. Подавляющее большинство литераторов — бывших сподвижников и наставников Ибн-аби-Амира — вместе с чиновниками, которые смотрели на его возвышение с нескрываемой завистью и ненавистью, подстегиваемые посредственностью и сознательной некомпетентностью, были инициаторами этого предприятия. Опасное положение лидера занял евнух Джаудар, который стремился отомстить за свой позор, вернуть свое состояние и восстановить пошатнувшийся авторитет своей касты. Едва ли нашелся бы кади, юрист, придворный поэт или профессор университета, который не был бы осведомлен о заговоре. Факи и теологи, которые считали ортодоксальность Ибн-аби-Амира более чем сомнительной, были обеспокоены этим до человека. Префект Зияд Ибн Афлах, сменивший Ибн аби Амира в управлении муниципальными делами Кордовы, пообещал свое сотрудничество и согласился предоставить вооруженные силы под его командованием в распоряжение заговорщиков. Было решено, что Джаудар должен казнить халифа. Настал день действий; дворец был намеренно оставлен полицией; и Джаудар без всяких подозрений добился аудиенции у Своего шема. Но то ли из-за неловкости, то ли из-за нерешительности удар, нацеленный в сердце халифа, не достиг цели; убийца был повержен, а префект, вызванный во дворец и видевший, что все потеряно, попытался отвести от себя подозрение арестом и ревностным преследованием своих сообщников. Ведущие заговорщики были распяты, а остальные подверглись более или менее суровым наказаниям. Двойной предатель Зияд Ибн Афлах с бесстыдной наглостью присутствовал на суде и проголосовал за осуждение своих бывших соратников.

Осознавая, что его либеральные взгляды на предмет религии и философские штудии, которыми он часто занимался на досуге, создали против него чувство, которое в значительной степени было ответственно за недавний заговор и которое в конечном итоге могло привести к более серьезным беспорядкам, Ибн-аби-Амир решил пойти на некоторые уступки предрассудкам теологов. За широкой терпимостью двух предыдущих царствований, когда скептицизм был в моде, а философия - общей и популярной, последовала реакция. Влияние маликитов было восстановлено, и этим фанатикам было легко возбудить народную ненависть против любого человека, подозреваемого в придерживании еретических взглядов. Когда несносный человек занимал высокопоставленный пост в государстве, намек факи мог быть равнозначен смертному приговору. Врожденная проницательность Ибн-аби-Амира подсказала средство противодействия этой опасности. Тщательно отобрав столичных богословов, наиболее известных своей нетерпимостью, он пригласил их во дворец и торжественно сообщил им, что наличие философских и научных трудов в библиотеке Аль-Хакема ложится тяжким бременем на его совесть, и попросил их помощи в очистке коллекции книг от предметов, изучение которых не санкционировано Кораном. Приглашенные в огромную библиотеку, полки которой были уставлены литературными сокровищами Европы и Азии, фанатичные враги науки с готовностью взялись за свою задачу. Коллекция была детально изучена, и работы, о которых было известно или подозревалось, что они запятнаны неортодоксальными настроениями, были преданы огню. Выдающийся кающийся воспользовался случаем, чтобы продемонстрировать назидательное рвение, лично оказав помощь в уничтожении запрещенных томов.

История не смогла ознакомить нас с масштабом этой потери. Однако это, должно быть, было важно, даже если принять во внимание невежество муфтиев и факиев, которые имели лишь незначительные знания о чем-либо, кроме богословской литературы, и чье трудолюбие, должно быть, сильно пострадало от кропотливого изучения шестисот тысяч томов. Отныне никто не осмеливался подвергать сомнению ортодоксальность министра. Он с подчеркнутой пристрастностью покровительствовал всем представителям религиозной профессии; льстил их самолюбию своим вниманием к их прозаическим беседам; завоевывал их расположение своей щедростью; вызывал их похвалу своим осуждением неверных. Он продемонстрировал, что мастерство его юности не покинуло его, изготовив прекрасный экземпляр Корана, полностью написанный его собственной рукой, который он никогда не позволял оставлять при себе и постоянно читал на публике с таким явным усердием, что все видевшие его были глубоко впечатлены этим замечательным проявлением преданности.

Когда от Мосафи избавились, теперь настала очередь Галиба. Мощный интерес Ибн-аби-Амира к султанше и знати, который возвел его в ранг хаджиба, поставил его в политическое равенство со своим тестем. Последний постоянно конфликтовал со своим коллегой, которого он считал ниже себя, но, тем не менее, был вынужден признать превосходство которого в руководстве администрацией. Раздражение Ибн-аби-Амира, вызванное этими спорами, и тот факт, что Галиб теперь был единственным препятствием между его амбициями и практическим владычеством империей, побудили его без промедления приступить к осуществлению плана, который он разработал для свержения своего коллеги. Первым и действительно необходимым условием успеха был контроль над армией. Власть дерзкого министра, которой боялись все гражданские чиновники халифата, фактически закончилась на аванпостах ближайшего гарнизона. Солдаты знали его только как кади; и хотя он достойно вел себя не в одном сражении и прославился великодушием, его военная репутация и популярность до сих пор не были ни блестящими, ни прочными. Привязанность солдат была сосредоточена в Галибе. Они вместе разделили трудности и славу многих трудных кампаний. Их интересы долгое время были идентичны, и любая демонстрация, затрагивающая честь или безопасность генерала, встретила бы сопротивление всей военной силы монархии. Армия состояла в основном из арабов, берберов, завербованных Абд-ар-Рахманом III. они были постепенно расформированы, и при Аль-Хакеме их заменили уроженцы полуострова. Пристрастие их командира позволяло им часто и серьезно нарушать дисциплину. Их снаряжение не было единообразным и часто имело дефекты. Неуклюжесть всадников была насмешкой иностранцев. Во многих отношениях организация различных отрядов не отличалась от организации беспорядочного и неэффективного ополчения.

Опыт, приобретенный Ибн-аби-Амиром во время его пребывания в Африке, убедил его в превосходстве мавританской кавалерии, репутация которой действительно восходит к Первой Пунической войне. Испанские посты в этой стране были оставлены, за исключением Сеуты, а протекторат, ранее осуществлявшийся халифом, отменен. Вследствие этой меры и отсутствия центральной власти, способной сдерживать берберов, весь регион сразу же стал жертвой анархии. В то время, когда министр планировал тщательную реорганизацию армии, губернатор Сеуты сообщил ему, что значительный отряд берберов, потерпевших поражение в недавнем сражении и совершенно обнищавших, обратился к нему за защитой, которую он временно им предоставил. Было запрошено согласие правительства относительно окончательного решения вопроса об этих беженцах. Был немедленно направлен приказ с предложением о зачислении их в армию халифата. Предложение было принято без колебаний, и жители Альхезираса с ужасом

и отвращением наблюдали за высадкой орды свирепых воинов, одетых в лохмотья и восседавших на лошадях, чьи скелеты, казалось, едва могли выдержать даже вес их изможденных всадников. Но проницательный хаджиб, распознавший в этих неотесанных варварах грозные орудия своих неумных амбиций, принял своих новых *протеже* с королевским гостеприимством. Им было предоставлено лучшее оружие и лошади. Их безграничная алчность удовлетворялась любой уступкой, которую могла потребовать наглость или позволить расточительность. Изголодавшийся бандит, который недавно бродил по пустыне без крова над головой, теперь наслаждался роскошью дворца. Раблепный иждивенец, который несколько месяцев назад дрожал от голоса какого-то бродячего шейха, теперь был хозяином сотни рабов. Весть об этой поразительной удаче быстро распространилась по Африке. Тысячи добровольцев подали заявления о приеме на службу к столь щедрому покровителю. Цель Ибн-аби-Амира была достигнута, и с тайным ликованием он увидел, что в его полное распоряжение был предоставлен мощный отряд войск, преданностью которого он был обязан только себе, который не знал патриотических чувств и не заботился о них и который был практически изолирован от существующей военной системы. Однако его усилия не ограничивались вербовкой берберских наемников. С противоположной стороны света, из региона и нации, где меньше всего можно было бы заподозрить склонность служить под знаменами ислама, его армия получила важные пополнения. Не похоже, чтобы до правления Хишема предпринимались какие-либо систематические попытки привлечь на службу халифату христиан Севера, чья враждебность к своим соседям была наследственной и инстинктивной, продиктованной как мотивами патриотизма, так и предрассудками и искаженными принципами их религии. Пятидесятилетние гражданские войны; неопределенная лояльность, на которую претендовали известные узурпаторы и законные монархи с подозрительным титулом; высокомерие духовенства, претендовавшего на власть над короной, разрушили единство и поглотили ограниченные денежные ресурсы королевств Северной Испании. Население увеличивалось, в то время как средства к существованию постоянно сокращались. Ненадежность собственности препятствовала развитию сельского хозяйства в стране, где неустанный труд во все времена был необходим для обеспечения самых обычных предметов жизни. Страна была наводнена вооруженными людьми, которые, не колеблясь, при случае грубо лишали несчастного крестьянина с трудом заработанных плодов его труда. Высокий рост и необычайная сила этих горцев, их непревзойденная выносливость, храбрость и стойкость в бою делали их самыми желанными новобранцами. Эмиссарам Ибн-аби-Амира не составило труда убедить их в выгодах, которые они получают от смены хозяев. Значительный отряд отправился в Кордову и присоединился к армии халифа. Министр относился к ним с еще большей снисходительностью, чем к африканцам. Они получали двойное жалованье. Их поселили в роскошных покоях. Они были великолепно вооружены и верхом на лошадях и обеспечены всеми возможными удобствами и роскошью. Пристрастие хаджиба к этим любимым наемникам иногда даже заставляло его отступать от справедливости, которая до сих пор характеризовала его судебное поведение. В спорах, которые ему время от времени приходилось улаживать между своими мусульманскими подданными и христианской стражей, его решения почти неизменно принимались в пользу последних. Последствия этого политического курса вскоре стали очевидны. Кастильцы и наваррцы, как и берберы, вызвались добровольцами в большем количестве, чем могли вместить. Рекрутские офицеры принимали только отборных людей; и был сформирован корпус, который по физической силе, совершенству вооружения и высочайшей дисциплине не имел аналогов в Европе.

В то время как Ибн-аби-Амир, таким образом, день ото дня усиливал свою хватку в гражданском и военном ведомствах правительства, он в то же время постепенно подрывал поддержку и ослаблял власть своего соперника. Обычай племенной организации, унаследованный от доисламской эпохи, все еще преобладал в армии. Члены одного племени, которыми командовали вожди их сородичей, были призваны на службу вместе. Во многих случаях из-за смешанных браков с представителями других рас цепь родства была разорвана. Клановые предрассудки, однако, сохранились в записях генеалогий, поскольку многие были записаны среди различных племен, которые, очевидно, не имели ни малейшего права на подобную ассоциацию. Политика Ибн-аби-Амира была направлена на окончательную отмену этих древних различий. Арабы были распределены между сильнейшими подразделениями берберских и христианских наемников. Таким образом, их личность терялась в толпе иностранцев, одинаково не знающих их обычаев, традиций и, нередко, их языка. Любимые войска Галиба были, таким образом, тихо и быстро рассеяны без всякой надежды на реорганизацию. Дисциплина в армии неуклонно улучшалась. Командовать назначались офицеры, первой квалификацией которых была преданность личным интересам хаджиба, а второй - их военный опыт и репутация храбрецов. Военные уставы соблюдались с такой строгостью, что даже случайное обнажение шпаги во время парада каралось смертью.

Получив, к своему полному удовлетворению, контроль над армией, Ибн аби-Амир теперь предложил себе смелый проект помещения и удержания юного халифа в условиях постоянной опеки. Его мать, над которой министр, как ни странно, все еще сохранял свое влияние, охотно оказала свою помощь в осуществлении этого гнусного замысла. Писатели-современники утверждают, что таланты молодого принца, которому в то время было около пятнадцати лет, были намного выше посредственности. При благоприятных обстоятельствах вполне возможно, что он стал бы правителем, не уступающим самым выдающимся представителям своего рода. Но, к несчастью, прилагались все усилия, чтобы уменьшить его интеллект и ослабить физические силы. Его держали в строгом уединении во дворце Медина-аз-Захра. Его учителей уволили, а его образованием систематически пренебрегали. Ему постоянно внушали, что его главными обязанностями как монарха являются прилежное чтение Корана и раздача милостыни. Его тело было истощено, а интеллектуальные способности ослаблены частыми и длительными постами, которые предписывали его религиозные советники. Эти правила, достаточно пагубные как для тела, так и для ума молодежи, по своему разрушительному воздействию не шли ни в какое сравнение с чувственными излишествами, поощряемыми искушениями гарема. В его уединенных и таинственных покоях все благоприятствовало преждевременному развитию страстей. Толпы красивых рабынь постоянно окружали его и исполняли для его развлечения развратные восточные танцы. Самые редкие духи распространяли свои опьяняющие ароматы по тускло освещенным квартирам. Здесь, в безопасности от хмурых взглядов факи и сантона, можно было насытиться до бесчувствия восхитительными винами Испании. Сопровождающие получили категорические инструкции не упускать ни малейшей возможности развратить и жестоко обойтись со своим беспомощным подопечным. В результате несчастный Хишем деградировал из-за привычки предаваться самым отвратительным порокам. Его преждевременно ослабевающие силы сначала стимулировались афродизиаками. Впоследствии его мужественность была надолго ослаблена наркотиками, вводимыми с этой целью евнухами на жалованье министра. С возрастом принца условия и развлечения детства оставались неизменными. Те же игрушки развлекали его в минуты досуга. Его духовные наставники ежедневно выполняли одни и те же упражнения в

преданности. Его мир был ограничен стенами дворца, внутрь которых не мог проникнуть никто, не уполномоченный хаджибом. Бдительные и наблюдательные шпионы сообщали о его самых тривиальных речах, его самых ребяческих поступках. Ему было серьезно внушено, что бремя государственных дел было слишком тяжелым для его плеч; что благосклонность Бога — цель каждого истинного мусульманина — легче всего обеспечить религиозными упражнениями; и что управление правительством следует доверить другим, которые могли бы взять на себя ответственность Предводителя Правоверных, не ставя под угрозу будущие надежды. Добровольное принятие халифом этих предложений — и особенно последнего — было широко провозглашено вездесущими агентами хаджиба. Но последний, несмотря на свою кажущуюся уверенность, слишком хорошо понимал, в какую отчаянную игру он играет. Он был знаком с неуверенностью в народной благосклонности и поразительной энергией, внезапно проявляемой революциями. Его тайные враги, многие из которых были способными и решительными людьми, кишели как в литературных кругах, так и среди населения столицы. Изоляция халифа была полной, но предательство часового или продажность раба могли в любой момент привести к созданию заговора или освобождению царственного пленника. При любом из этих непредвиденных обстоятельств жизнь министра не стоила бы и ломаного гроша, если бы он оказался в стенах Медина-аз-Захры. Впечатленный этим фактом, он приобрел большое поместье к востоку от Кордовы и построил там резиденцию, которая объединила в себе двойное преимущество замка и дворца и которой он дал имя Захира. Это место было очень укрепленным и могло вместить многочисленный гарнизон. Когда строительство было завершено, Ибн-аби-Амир удалил оттуда все публичные документы, и отныне в его залах были размещены в рамках указы, которые, изданные от имени халифа, давали закон народу полуострова. Здания были возведены для удобства высокопоставленных чиновников правительства, и вскоре Захира обзавелась жителями и приобрела вид города. Придворные служащие, личные приверженцы министра и стадо паразитов, наводнивших убранство каждого дворца, вместе с множеством торговцев и ремесленников поселились по соседству; и можно составить представление о масштабах Захиры, если вспомнить, что, хотя резиденция Ибн-аби-Амира находилась в двенадцати милях от Кордовы, сады ее окрестностей доходили до берегов Гвадалквивира, непосредственно напротив столицы, из которой она, фактически, образовывала один из самых привлекательных пригородов. .

Арабские историки рассказывают об этой вилле историю, которая одновременно иллюстрирует богатство, расточительность и любовь к показухе, столь характерные для жителей Востока. Желая произвести впечатление на послов короля Наваррского своей властью и богатством, хаджиб приказал засадить кувшинками большое озеро в садах Захиры. Ночью он велел положить в каждый из цветов золотую или серебряную монету, большое количество которой он приказал отчеканить специально для этой цели. Вес необходимых драгоценных металлов составлял двести фунтов. На аудиенции, которая состоялась на восходе солнца, в дополнение к грандиозному гражданскому и военному параду, обычному в таких случаях, по обе стороны от трона стояли евнухи числом в тысячу человек, разделенные поровну. Все были одеты в белый шелк. Одежды пятисот человек были расшиты золотом, у остальных - серебром. Пояса из золотой или серебряной ткани опоясывали их талии, и каждый нес золотой или серебряный поднос. Когда первые лучи солнца осветили величие сцены, евнухи с военной точностью двинулись вперед, собрали лилии и высыпали их драгоценное содержимое к ногам своего господина в виде огромной кучи сверкающих монет. Можно себе представить, какое впечатление произвела эта демонстрация на простых горцев Наварры. Репутация ресурсов

хаджиба, и без того огромных, возросла во сто крат. Озадаченные явным чудом, послы доложили своему королю, что даже земля и вода отдали свои скрытые сокровища по приказу всемогущего мусульманского правителя.

В то время как проницательный и политичный Ибн-аби-Амир совершенствовал свои меры по обеспечению абсолютного контроля над империей, он относился к Галибу с гораздо большим, чем обычно, уважением. Он всегда проявлял по отношению к нему самую изысканную вежливость. В вопросах второстепенной важности он придерживался его мнения. Он смиренно обратился к нему за советом, убедившись, что его принятие не помешает осуществлению его планов. Но проницательный старый солдат не должен был поддаваться этим лестным доказательствам уважения и привязанности. Глубоко преданный Дому Оммея, он с отвращением и опаской наблюдал за сдержанностью халифа и узурпацией его прерогатив. Едва ли с меньшим ужасом он наблюдал за непомерными амбициями своего коллеги и за тем превосходством, которого тот достиг.

Хотя поначалу он не осознал конечного эффекта реорганизации военной службы, расформирование и перевод в отдаленные и широко разделенные провинции тех подразделений, которые были наиболее привязаны к его персоне, а также включение его фаворитов в корпус иностранных наемников, наконец, открыли ему глаза на последствия политики его зятя. Но было уже слишком поздно. Зло уже свершилось. Негодование генерала поначалу нашло выход в напрасных упреках. Наконец, во время похода в страну врага, когда два министра производили разведку с вершины башни, после ожесточенной ссоры Галиб выхватил меч и напал на своего соратника. Последний, застигнутый врасплох, не увидел другого способа избежать мгновенной смерти, кроме как броситься с зубчатой стены. Его развевающаяся мантия зацепилась за выступ и спасла ему жизнь. Разгневанные соперники разошлись, угрожая взаимным неповиновением; между ними немедленно была объявлена война, и уменьшившиеся силы Галиба были усилены значительным числом всадников, предоставленных королем Леона. Действия кампании поначалу были нерешительными, но Галиб, безрассудно проявивший себя в бою, был убит; его сторонников охватила паника, и победа осталась за его удачливым противником.

Ибн-аби-Амир теперь был единственным хозяином Западного халифата. Благодаря огромной силе характера, бесстрашной решимости, неутомимой энергии он осуществил свои самые заветные устремления. Не имея друзей или важной поддержки в виде семейных связей, он приобрел подавляющее влияние в государстве и уже долгое время пользовался им. Его ловкость и щедрость организовали многочисленную фракцию и грозную армию, которые с непоколебимой лояльностью служили его личным интересам. Номинальный правитель страны фактически был его слугой. Вся правительственная машина с ее сокровищами, назначениями должностных лиц, распределением наград, применением наказаний, надзором за ее гражданской политикой, проведением ее кампаний находилась в его руках. Таково было высокое положение, достигнутое бывшим неизвестным и небогатым студентом университета, который сумел обеспечить себе неуверенное существование, составляя прошения для претендентов на королевскую милость, многие из которых теперь были его официальными подчиненными. Несмотря на перемены многих насыщенных событиями лет, среди опасностей, испытаний, волнений и триумфов, сопровождавших его восхождение к величию, он никогда не забывал сцену в саду, где, ободренный весельем своих товарищей, он высказал то, что они считали химерическими представлениями о будущей власти и отличии. Вскоре после того, как

смерть Галиба предоставила ему свободу потакать своим произвольным наклонностям, он вызвал к себе четырех своих коллег по колледжу, которые участвовали в торжествах по этому памяtnому случаю. Трое получили из рук самого министра поручения, дающие те должности, о которых они в шутку просили; четвертый, получив строгий выговор за неспровоцированное оскорбление, нанесенное им в обмен на оказанную честь, был лишен всего своего имущества и выведен рабами для исполнения публичной и унижительной епитимьи, которую он сам добровольно назначил.

Ограничения, наложенные на Его семью, теперь были ужесточены. Раньше ему изредка разрешалось показываться своим подданным, но ревность Ибн-аби-Амира больше не могла терпеть такого снисхождения, и с этого времени халиф был обречен на абсолютное уединение во дворце Медина-аз-Захра. Даже когда он совершал свои богослужения публично, на нем была густая вуаль, и он оставался в королевской галерее до тех пор, пока последний из молящихся не покинул мечеть. Ему даже не разрешили войти в стены его собственной столицы, украшенной богатством и прославленной славой династии великих государей, которые были его родственниками, чье имя и титулы он унаследовал, но чьей властью ему никогда не суждено было насладиться. Его имя упоминалось в хотбе, или молитве, возносимой по пятницам в мечетях; оно фигурировало на монетах рядом с именем хаджиба, и было вышито на подоле его одежды; но это были единственные сохранившиеся свидетельства существования и власти последнего из Оммеядов.

В новой и радикальной политике, которую Ибн аби Амир начал в отношении армии, он был далек от того, чтобы руководствоваться чисто эгоистическими мотивами. Он прекрасно понимал непостоянный и беспокойный характер населения, которым он управлял. Опыт неоднократно показывал, какие опасные условия возникают в результате длительного мира. Коран предписывал вести вечную войну с неверными. Такой крестовый поход был популярен среди всех классов — у теологов, чью религиозную вражду он удовлетворял; у купцов, чью торговлю он увеличивал и чью казну пополнял; у знати, которой он открывал путь к военным отличиям; у солдат, которых привлекала перспектива неограниченного грабежа. Каждый год, со дня своего вступления в администрацию вместе с Галибом, Ибн аби-Амир провозглашал Джихад и сам принимал участие в двух экспедициях против христиан. Он публично заявил о своем намерении придерживаться этой политики, целесообразность которой была неоспорима. Люди выслушали это заявление с ликованием. Факи приветствовали благочестие хаджиба с пылом, которого они едва ли удостоивали деяния святых, заполнивших мусульманский календарь. Постоянное использование большого количества войск во враждебных операциях было существенной гарантией от революции. С этой мощной гарантией больше нельзя было опасаться подстрекательства к мятежу. Страсти и энергия нации должны были быть израсходованы в войне за пределами монархии. Но еще одно соображение повлияло на ум великого государственного деятеля. Он ревностно заботился о чести и глубоко стремился к славе своей страны. Он желал расширить ее границы; вернуть территорию, отвоеванную у ее государей или подло уступленную им, а также наказать ее врагов-богохульников.

О большей части из пятидесяти двух кампаний, которыми руководил Ибн аби Амир, хронисты того времени не оставили нам никаких сведений. Многие из них, несомненно, были просто мародерскими экспедициями; но все они были единообразно и знаменательно успешными. Ни малейшая неудача не затуманила блеска единого триумфа. С каждым годом границы христианских королевств все больше и больше сужались, пока они едва не достигли южных

склонов гор. Дальше, простираясь до мусульманской границы, простиралась картина запустения, где когда-то в глаза бросались колосющиеся посевы и зеленые пастбища. Редкие груды почерневших руин были единственным признаком того, что страна когда-либо была заселена. Это опустошение было настолько полным, что равнины Леона и Кастилии до сих пор не оправились от его последствий. Леса, вырубленные тогда, так и не были посажены заново. Проклятие бесплодия и ледяные ветры, которые проносятся над этим унылым регионом, похоже, лишают надежды на то, что он когда-нибудь восстановит свою былую продуктивность. Непрекращающийся марш мавританских армий в течение четверти века уничтожил все признаки животной и растительной жизни.

Гнев Ибн-аби-Амира вызвал тот факт, что король Леона, несмотря на полученные им предостережения, осмелился помочь своему сопернику Мосафи и, движимый жаждой мести, начал подготовку к самой важной экспедиции, которая когда-либо вторгалась под его командованием на христианскую территорию. Сильный город Самора, защищенный семью мощными стенами и семью рвами, был взят штурмом. Четыре тысячи врагов были убиты, и еще столько же уведено в плен. Тысячи поселений, окруженных свидетельствами бережливости трудолюбивого крестьянства, были преданы огню. Значительное количество монастырей было разрушено, а их обитатели доставлены берберам для оскорблений и пыток всеми способами безжалостного варварства. Осознав общую опасность, короли Леона и Наварры заключили оборонительный союз с графом Кастилии и отважились противостоять продвижению мусульман. Враждебные армии встретились в Руэде, недалеко от Симанкаса. Произошла великая битва; христиане были полностью разбиты, и победители и побежденные вместе вошли в Симанкас. Разъяренные сарацины не проявили милосердия. Каждый христианин, попавший в их власть, был предан мечу. Приближалась зима, но Ибн-аби-Амир, понимавший необходимость добиваться победы, не обращая внимания на холод или бурю, двинулся на Леон. Город, доведенный до крайности, был готов сдаться, когда невыносимые трудности сезона, который был необычайно суровым, вынудили отступить.

После взятия Симанкаса восторженные солдаты присвоили своему командиру титул Аль-Мансура, Победоносца. Это имя, которым впоследствии повсеместно стали называть хаджиба, было, в подражание обычаю халифов, принято им как почетный титул. Приняв его, он присвоил себе множество других знаков отличия, которые до сих пор считались исключительными привилегиями членов королевской семьи. Его титулы были вытканы золотыми буквами на подоле его одежды. Его имя было связано с именем Хишема в хотбе. От всех, кто приближался к нему, требовалось самое раболепное повиновение. К и без того сложному придворному церемониалу были добавлены новые и деспотичные правила. Знаки почтения распространялись на каждого члена семьи хаджиба, даже на младенцев в колыбели. Ни один из монархов, унаследовавших скипетр Мавританской Испании, никогда не применял правила такого рода с такой строгостью и не окружал свою особу такой сетью формального и легкомысленного этикета. В то время как за пренебрежение этими церемониями следовало примерное наказание, малейшее умаление мотивов или поведения священника считалось смертельным преступлением. Джафар, принц Заба, командовавший первым отрядом берберов, зачисленных на службу Аль-Мансуру, движимый завистью, позволил себе публично критиковать политику хаджиба. Последний улыбнулся, но ничего не сказал, когда ему доложили о оскорбительных высказываниях мавританского вождя, которого он осыпал милостями. Вскоре

после этого в Захире был дан великолепный банкет, на котором Джафар был отмечен благосклонностью и вежливостью Аль-Мансура превыше всех присутствующих. На этих празднествах игнорировались предписания закона; лились в изобилии лучшие вина; и Джафар, когда его вели в его резиденцию в состоянии беспомощного опьянения, был подстерегнут и пронзен кинжалами наемных убийц, нанятых для этой цели министром.

Королевства христианской Испании, ни одно из которых в десятом веке не могло претендовать на значимость современного княжества и которые всегда враждовали друг с другом, обычно пренебрегали жизненно важным принципом единства, который один мог обеспечить их сохранение. Соперничество, которое в данных обстоятельствах было равносильно самоубийству, процветало даже в присутствии сарацинских армий. Взаимная ненависть, порожденная провинциальными предрассудками, была невероятно сильной и ожесточенной. Национальная гордость, дух патриотизма были неизвестны. Каждое государство стремилось помешать начинаниям других, какой бы достойной ни была их цель. Печать Церкви была наложена на все законы и политические институты. Преобладающий церковный элемент по-прежнему издавал законы, избирал королей, взимал налоги, командовал армиями. Леон был серьезно ослаблен внутренними распрями. Знать постоянно стремилась к трону и выдвигала череду некомпетентных претендентов. Могущественное удел Кастилия был навсегда отчужден от короны и пользовался номинальной независимостью, не имея ресурсов для поддержания своих высоких притязаний. Многие из храбрейших воинов Севера были соблазнены обещаниями высокого жалованья и обильной добычи, чтобы отказаться от своей верности, и теперь служили под знаменами халифата. С успехами мусульман и уменьшением их собственной территории взаимное недоверие христианских князей возрастало, и их изоляция друг от друга становилась все более и более полной. Их внутренние распри и непримиримая антипатия побудили их, в свою очередь, обратиться за помощью к своим естественным врагам, что привело к наложению дани и признанию вассалитета. Город Кордова был полон изгнанников-христиан, которые постоянно настаивали на том, чтобы правительство поддержало несколько их группировок против их родственников и соотечественников. Некоторые из наиболее серьезных и фатальных революций, нарушивших мир в северных штатах, были связаны с этим источником и с интригами объявленных вне закона авантюристов, в содействии осуществлению замыслов которых мусульмане явно были заинтересованы. Трудности, с которыми столкнулись молодость и неопытность Рамиро III, короля Леона, заставили его обратиться ко двору Кордовы за поддержкой против узурпатора Бермудо, лишившего его столицы и короны. В обмен на желаемую помощь свергнутый король объявил о своей готовности стать подданным халифа. Однако до заключения договора Рамиро умер. Сторонники последнего были многочисленны и могущественны; цвет права, а также превосходство в титуле привлекли бы любого кандидата, которого они могли бы выбрать; и Бермудо решил предвосхитить их замыслы, последовать недостойному примеру своего покойного соперника и, пожертвовав своей личной честью и независимостью своей страны, сохранить часть власти, которую он незаконно приобрел. Унизительные уступки, которых потребовал Аль-Мансур, были без колебаний приняты трусливым узурпатором; хаджибу было оказано почтение как сюзерену; и под угрозой присутствия мусульманской армии королевство Леон, каждый фут которого был отвоеван у неверных ценой огромных жертв жизни и доблести, в третий раз после завоевания астурийцами опустилось до положения подчиненного княжества.

Доведя северные королевства до такого состояния беспомощности, что ему нечего было опасаться их враждебности, Аль-Мансур теперь обратил свое внимание на страну, которая

долгое время пользовалась иммунитетом от мусульманского вторжения. Графство Каталония, хотя и было номинальным уделом Франции, управлялось своим главным магистратом со всеми атрибутами деспотического суверенитета. Слабость или опасения бывших халифов удерживали их от того, чтобы спровоцировать борьбу, которая могла навлечь на них, в дополнение к их внутренним врагам, объединенные силы французской монархии. Однако эти опасения были необоснованны. Провинции этого королевства, как и провинции христианской Испании, были охвачены внутренними раздорами. Общество Франции находилось в переходном состоянии. Между феодальными притязаниями и королевскими прерогативами бушевала ожесточенная борьба. У короны не было ресурсов, которые можно было бы тратить на защиту далекой и невыгодной зависимости, и надменная знать воспротивилась бы попытке набрать войска для кампании с сомнительным исходом за Пиренеями. Все эти факты были известны Аль-Мансуру, чьи шпионы наводнили каждый двор в Европе. Приняв решение, министр объявил каталонцам Священную войну. Это была двадцать третья экспедиция за время его правления. Воодушевленные надеждой на новые победы, добровольцы откликнулись тысячами. Была собрана огромная армия, которую на границе встретили каталонские войска под командованием лично графа Бореля. Состоялось сражение, но христиане, давно непривычные к войне, не смогли устоять перед ветеранами халифата. Они потерпели поражение с серьезными потерями, и через пять дней Барселона была взята штурмом и отдана на разграбление. Из жителей мало кто избежал смерти или плена, за исключением евреев, тех постоянных сторонников мусульман, которые, рано осознав выгодное положение Барселоны, поселились там в большом количестве, накопили огромные состояния, достигли непревзойденных высот в знаниях и практике медицины и основали коммерческие учреждения, интересы которых были защищены и влияние которых было признано во всех странах земного шара. Граф спас остальные свои владения от подобной участи, заплатив огромный выкуп. Этот дорогой купленный иммунитет доказал спасение Восточной Испании, которая, будучи неспособной противостоять нападениям мусульман и совершенно не надеясь на иностранную помощь, в противном случае должна была бы в конечном итоге присоединиться к царству ислама.

Обращая свой пронзительный взгляд ко всем сторонам света, где можно было одержать победу или унижить врага, Аль-Мансур теперь решил еще раз вмешаться в дела Африки. В этой стране сторонники Дома Оммея, после многих превратностей судьбы, вновь восстановили свое господство. Но едва этот результат был достигнут, как Ибн-Кенун, последний принц династии Эдриситов, который по собственной просьбе был отправлен Аль-Хакемом в Тунис с условием, что его нога никогда больше не ступит на территорию его древних владений, заявил о своих притязаниях в качестве наследственного суверена Мавритании. В течение десяти лет он был гостем фатимитского халифа Египта, чье реальное или мнимое происхождение от общего предка служило благовидным предлогом для предоставления изгнаннику защиты. Побужденный его настойчивостью, султан, наконец, согласился помочь своему беспокойному родственнику вернуть себе трон. Были начаты переговоры с берберами. Египетский монарх выделил значительную сумму денег и отряд солдат, и Ибн-Кенун был принят своими бывшими подданными со всеми проявлениями лояльности. Дело оммеядов быстро пошло на убыль; их сторонники были обращены в бегство в ходе неоднократных стычек; их опорные пункты перешли в руки врага, и ужасная перспектива африканского вторжения снова встала перед жителями полуострова.

Именно известие об этих бедствиях, полученное в Барселоне, гораздо больше, чем большой выкуп, предложенный графом Борелем, заставило Аль-Мансура отказаться от завоевания Каталонии. Подразделение победоносной армии под командованием Аскаледжи, двоюродного брата хаджиба, высадилось в Сеуте до того, как Ибн Кенун узнал, что Аль-Мансур намеревается выступить против него. Эдрисайский принц был разбит и сдался при условии пропуска в Кордову с разрешением сделать этот город своей будущей резиденцией. Но при подписании этой конвенции самолюбие сарацинского полководца позволило ему превысить свои полномочия. Опасный характер Ибн-Кенуна, а также соображения общественной безопасности требовали проведения менее снисходительной политики по отношению к такому закоренелому врагу халифата. Соглашение Аскаледжи было отвергнуто Аль-Мансуром, и Ибн Кенун, доставленный пленником в Альгезирас, был обезглавлен без всяких церемоний. Это вопиющее пренебрежение к торжественному договору, поступок, который не только ставил под сомнение честь заместителя хаджиба, но и был заклеен как ужасное святотатство, вызвал сильное недовольство по всей Андалусии. Жертвой был один из потомков Али, которого многочисленные секты считали воплощением божества и почитали большинством верующих во всем мусульманском мире. Возмущение населения нашло выход в ропоте и угрозах. Аскаледжа, взбешенный сверх всякой меры, зашел так далеко, что осудил своего начальника перед войсками, находившимися под его командованием. Поддержание порядка и требования дисциплины не могли допустить такого проявления неподчинения, и неосторожный офицер был немедленно арестован за государственную измену, признан виновным и казнен. Этот акт правосудия, хотя и был одобрен Диваном, только усилил народное негодование. Министр еще раз осознал, что империя, которую он создал с помощью интриг, должна постоянно поддерживаться оружием. Необходимо было отвлечь внимание народа от суровых мер, необходимых для внутреннего спокойствия, к достойным замыслам иностранного завоевания. Недавно представился подходящий предлог для разрыва с королем Леона. Мавританские силы, которых Бермудо принимал под предлогом поддержания своей власти, но на самом деле для того, чтобы устроить узурпатора и принудить к уплате дани, обозначили свое пребывание среди неверных совершением всевозможных бесчинств. Напрасно Бермудо протестовал; его жалобы были восприняты правительством Кордовы с молчаливым презрением. Затем, приняв единственно возможное в данных обстоятельствах решение, он воззвал к патриотизму своих подданных, собрал армию и изгнал назойливых незваных гостей. Гордость Аль-Мансура не могла позволить себе вынести такого оскорбления. Сильный отряд мусульман атаковал Коимбру, удаленность которой от обычного поля боевых действий до сих пор обеспечивала ее безопасность. Он был взят; его здания были сожжены и снесены, и в течение семи последующих лет место этого некогда цветущего города оставалось пустынным и необитаемым. Из Коимбры, переправившись через реку Дору, хаджиб взял курс прямо на столицу противника. Раньше гарнизон, защищенный массивными укреплениями и выдержавший необычайно суровую зиму, был в состоянии противостоять его попыткам взять его штурмом. Леон был самой сильной и важной крепостью Севера. Его оборонительные сооружения относятся к эпохе римского владычества. Его стены, построенные архитекторами Цезарей, имели толщину более двадцати футов. Высокие башни, защищенные барбаканами, возвышались через равные промежутки по всему их обширному кольцу, окружавшему дома, сгруппированные вместе и построенные в основном из камня. Ворота были бронзовыми и имели огромный вес. Их вешали в порталах, облицованных мрамором и украшенных резьбой и статуями. Цитадель считалась абсолютно неприступной. Гарнизон был многочисленным, опытным в военных действиях и обеспеченным всем необходимым для длительной обороны.

Но после того, как город был захвачен, стремительность и решительность мусульман обманули надежды осажденных, которые ожидали, что повторится обратная атака, сопровождавшая предыдущую. На карту была поставлена репутация Аль-Мансура. Способные офицеры, искушенные в использовании военных машин, доставшихся из Рима и Византии, руководили подступами и руководили минированием стен. Сопротивление было самым упорным, но, когда брешь наконец была пробита, ветераны Аль-Мансура бросились на штурм. Губернатор города граф Гонсалес, которого тяжелая болезнь сделала неспособным к действиям, узнав о продвижении врага, приказал своим слугам вооружить его и отнести на фронт. Увещевания и вид изможденного командира воодушевили гарнизон на заметные, но бесполезные подвиги. Передние ряды христиан были прорваны, и мусульмане хлынули в образовавшуюся брешь. Губернатор, беспомощный и истекающий кровью, был убит в своих носилках во главе своих войск, как и подобало доблестному и бесстрашному солдату. Выведенные из себя упорным сопротивлением, с которым они столкнулись, мусульмане не давали пощады. Город, после того как был разграблен, был стерт с лица земли. Огромная сила его обороны, упорство римской каменной кладки, построенной так, чтобы противостоять как медленному действию стихий, так и разрушительным усилиям человека, ничего не смогли противопоставить систематическому опустошению неумолимого Аль-Мансура. Одинокая башня осталась стоять как образец размеров тех укреплений, которые были сровнены с землей. Огромная груда камней и мусора отмечала место расположения христианской столицы, где со времен Августа существовал густонаселенный город, когда лагерь Септиманского легиона представлял собой важный пограничный форпост Римской империи.

Сарацинская армия в своем походе на Леон обошла Замору с фланга, где укрылся Бермудо. Аль-Мансур, вернувшись, приготовился осадить этот город, и Бермудо воспользовался царящей неразберихой, чтобы бежать с остатками своих сторонников в Овьедо. Замора сдался и был немедленно предоставлен капризам распущенной солдатни. Покинутые своим монархом, леонские вельможи поспешили заключить мир с завоевателем. Большинство из них воздавали ему должное за свои поместья. Остальные, которые отказались пожертвовать предрассудками всей жизни и послушаться увещаний Церкви ради получения временного преимущества, были вознаграждены за свою лояльность притеснениями и оскорблениями. Территория, которая оставалась под контролем Бермудо в конце этой кампании, была меньше по площади, чем та, которой ранее владел один из его низших вассалов.

Отсутствие Аль-Мансура усугубилось тем, что недовольные, наводнившие столицу, организовали заговор, который предусматривал убийство всех главных должностных лиц правительства, а также халифа и раздел штатов монархии. Зачинщиком заговора был Абд-ар-Рахман Ибн Мотарриф, губернатор северной границы. В этом были замешаны Абдалла, старший сын министра, несколько принцев крови, занимавших важные посты, и ряд гражданских и военных чиновников, чье высокое положение делало их соучастие еще более опасным. Шпионы Аль-Мансура раскрыли это предательское предприятие еще до того, как оно полностью созрело. Последний, следуя курсу, которого он обычно придерживался, чтобы отвести подозрения, сначала оказал заговорщикам явные знаки благосклонности, а затем тайно возбудил против них жалобы за другие правонарушения. Ничто не указывало на существование заговора или судебного преследования за государственную измену. Некоторые были осуждены за нечестность и присвоение общественных ценностей. Другие, среди них сын Аль-Мансура и еще один Абдаллах, происходивший из царского рода и известный своей скупостью, бежали к христианскому двору за защитой. Гарсия Фернандес, граф Кастилии,

принимал у себя сына министра, пока присутствие большой мусульманской армии не напомнило ему, что привилегия убежища должна уступить политической необходимости. Как только заблудший юноша попал в руки своего отца, он был обезглавлен. Затем, с изысканной жестокостью, Аль-Мансур разработал план возмездия, который, несмотря на свою злобность, был исключительно уместен. Он решил лично навлечь на графа Кастильского все муки, вызванные отцовским разочарованием и сыновней неблагодарностью. Он подстрекал Санчо, сына Гарсии, создать партию и отстранить своего отца от власти. Знать единодушно высказалась за Санчо; мусульманский отряд поддержал его притязания; Аль-Мансур захватил Ключию и Сан-Эстебан в качестве своей доли добычи; а Гарсия, будучи ранен и взят в плен в стычке, вскоре умер от рук сарацин. Вероломство Санчо было вознаграждено правительством Кастилии, которое он считал подданным халифа.

Беглый король Бермудо, узурпация власти которого сопровождалась рядом несчастий и чьи владения, за исключением ограниченной области, центром которой была Асторга, были разделены между его мятежными вассалами и маврами, вопреки угрозам Аль-Мансура, все еще продолжал обеспечивать защиту Абдалле, единственному оставшемуся в живых из главных заговорщиков. Приближение мусульманских войск, захват и разграбление Асторги убедили строптивного монарха в целесообразности подчинения. Абдалла был сдан, доставлен в Кордову, посажен на верблюда и проведен по улицам этого города в сопровождении глашатаев, которые провозгласили его предателем своего государя и отступником от своей веры. Его жизнь была спасена, но на протяжении всего правления Аль-Мансура он подвергался пыткам, находясь в ежедневном страхе казни; участь, которую он пытался предотвратить самыми унижительными выражениями раскаяния и проявлениями пресмыкающегося раболепия, которые не только не вызвали жалости министра, но только усиливали его презрение.

Новый и непримиримый противник, положение которого делало ее недостижимой для мести министра, теперь восстал, чтобы бросить вызов его власти. Султанша Аврора, соединившая в себе любовную восприимчивость со всем упрямством и мстительностью басков, к расе которых она принадлежала, в течение многих лет поддерживала самые тесные отношения с фаворитом, чье состояние она основала и чьему успеху так ревностно способствовала. Их близость, еще при жизни Аль-Хакема, вызвала скандал в столице. Но дама, как и многие представители ее пола, была непостоянна, и другие любовники, включая кади Ибн аль-Салима, также пользовались ее благосклонностью. Как только Аль-Мансур больше не нуждался в ее услугах для продвижения своих интересов, он имел неосторожность пренебречь своей надменной любовницей. Глубоко уязвленная, она начала обдумывать месть. Ее общественное положение, неприкосновенность ее личности и пребывание во дворце давали ей преимущества, которыми она не замедлила воспользоваться. Со всей пламенной энергией своей натуры она указывала халифу на унижение положения, которое он был вынужден занять, и убеждала его отстаивать свои права как суверена. Хишем, который до сих пор не выказывал недовольства своим состоянием, очнулся от летаргии. Под диктовку своей матери он предъявил министру официальное требование вернуть прерогативы, которые тот узурпировал. Вице-король Африки Зири Ибн Атия, подстрекаемый агентами султанши, поднял мятеж и провозгласил себя сторонником законов империи и защитником ее оскорбленного монарха. Изобретательность Авроры обеспечила ее сторонников обильным запасом денег. В хранилищах дворца Медина-аз-Захра, где находилась национальная казна, хранилось шесть миллионов золотых монет. Они были помещены в глиняные кувшины, запечатаны воском и оттиснуты королевской печатью. Проницательная принцесса извлекла сотню кувшинов, содержимое которых составляло сумму

в восемьдесят тысяч динаров, сломала печати, покрыла золото медом, лекарствами и сиропами и, прикрепив к каждому соответствующую этикетку, приказала своим рабам отнести их во дворец в городе, откуда они были без промедления переправлены в Африку. Гнев Аль-Мансура, обнаружившего, что его таким образом перехитрила женщина, был велик, но это ему ничего не дало. Он не мог осмелиться применить насилие или даже упрекнуть мать своего государя, номинальным слугой которого он был. Развитие недавних событий наводило на мысль, что Хишем, возможно, согласился на то, чтобы эти деньги были использованы для восстановления его императорского достоинства. Желая получить санкцию закона в вопросе такой жизненно важной важности, Аль-Мансур созвал высших должностных лиц государства вместе. Он заявил им, что женщины гарема грабят казну, и попросил разрешения вывезти золото из дворца. Это было с готовностью удовлетворено; но когда офицеры предъявили свой ордер, им было отказано в доступе в хранилища под предлогом того, что халиф не санкционировал вывоз сокровищ. В очередной раз потерпев неудачу, министр, чей гений, богатый на уловки и неустрашимый перед неудачами, ни разу не отчаялся в успехе, разработал план, дерзость которого ужаснула бы менее решительного смертного. Прекрасно знакомый со всеми подходами ко дворцу, он проник потайным ходом в покои халифа. Его неожиданное появление и угрожающий вид привели в ужас слабоумного принца, который заявил, что у него нет ни малейшего желания препятствовать планам министра, и, не колеблясь, подписал приказ о вывозе золота. Политик Аль-Мансур, в то же время, вымогал у него указ, которым он безоговорочно отказывался в пользу хаджибеев от всякого практического контроля над правительством империи. Это явное и неоспоримое подтверждение авторитета последнего сразу же легализовало все действия, которые он уже совершил в публичном качестве. В какой-то мере это наделяло его личность неприкосновенностью, которая принадлежала его хозяину, и делало всех виновных в государственной измене, чей несдержанный язык или чье насилие должны были быть направлены против уполномоченного представителя абсолютного суверенитета.

Предприятие невероятной трудности и опасности, на которое никогда не отваживались самые храбрые из омейядских халифов, теперь было спланировано величайшим государственным деятелем и воином своего времени. Храм святого Иакова Компостельского был одним из самых известных своим богатством и святостью в христианском мире. По чудесам, сопровождавшим его основание, по славе его чудес, по количеству и силе его священных реликвий, по трогательному интересу, связанному с его легендами, он едва ли уступал священным традициям Вечного города. Бесчисленное множество паломников из всех стран, где почиталось имя Спасителя, на протяжении поколений возлагали свои подношения на его алтари. С скромная часовня, которая была на месте могилы апостола вскоре после ее открытия во времена правления благочестивого Альфонсо, была заменена величественным мраморным собором, украшенным со всем грубым великолепием, на которое было способно декадентское искусство того времени. Многочисленное духовенство, великолепие назначений и роскошь жизни которого указывали на избавление от обета бедности, служило нуждам паломников и с притворной благодарностью и смирением принимало их пожертвования и исполнение их обетов.

Благоговение, которое испанские христиане питали к гробнице Святого Иакова, намного превосходило то, с которым самые фанатичные мусульмане относились к могиле Пророка в Медине. Уже тогда, усердно распространяемые монашеским самозванством и легковерием народа, шепотом ходили удивительные истории о появлении апостола на молочно-белом коне

во главе христианских эскадронов, безошибочного предвестника победы и зловещего заблуждения для сарацинских захватчиков полуострова. История не может провести параллель с теми важными последствиями, которые произвело принятие этой легкомысленной легенды. Обстоятельства его происхождения, которые презрительно нарушали все условности времени или места; его всеобщее признание людьми любого ранга в жизни; его последующее распространение в отдаленных странах неизвестного мира; слепая и беспрекословная вера, с которой были восприняты невероятные чудеса его предмета, дают красноречивый комментарий к безграничному влиянию католической иерархии и униженным суевериям того времени.

Разрушение церкви Сантьяго теперь было целью Аль-Мансура. Не без оснований считалось, что угнетающее влияние такого знаменательного триумфа над противниками ислама будет неисчислимым. Неприкосновенность, которой пользовалось христианское святилище Испании, его приверженцы приписывали защите, обеспечиваемой телом святого, гораздо больше, чем естественным трудностям, которые враг должен преодолеть, чтобы добраться до своей святыни. Даже если бы произошло вторжение и возникла угроза осквернения собора, все твердо верили, что чудесное вмешательство Небес — даже более заметное, чем то, которое удерживало римлян от восстановления иерусалимского храма, — предотвратило бы подобное бедствие в одном из самых святых мест христианского мира. Удаление этих оттисков, демонстрируя неспособность святого Иакова защитить свои собственные реликвии, безусловно, должно ослабить веру множества людей в его способность защищать жизни других. Престиж, полученный от вмешательства сверхъестественного влияния, был бы серьезно подорван. Грозный призрак покровителя Испании больше не вдохновлял бы фанатизм его последователей наводить ужас на сарацинские армии. Эти выводы Аль-Мансура, хотя и были основаны на доводах разума, в конце концов оказались ошибочными. Суеверное почитание, которое, веками подкрепляемое слепым невежеством и доверчивостью, теперь осуществляло свою власть над целым народом, укоренилось слишком глубоко, чтобы самое вопиющее святотатство могло быть затронуто лишь временно.

Кампания была тщательно спланирована. Были приняты все меры предосторожности, чтобы исключить любую возможность неудачи. Продвигаясь на запад, несколько дивизий мусульманской кавалерии собрались в Кории. В Порту к ним присоединился флот, в который уже погрузилась пехота. Несколько христианских вассалов в сопровождении своих слуг откликнулись на призыв своего сюзерена и оказали свою невольную помощь в нанесении ущерба своей вере и уничтожении своих соотечественников. Дору пересекали по мосту, построенному из кораблей. Дороги были проложены через скалистые и обрывистые горы. Широкие устья рек переходили вброд. Страна, которая долгое время страдала от неоднократных набегов, обезлюдела и не могла оказать сопротивления. Когда вдали показались горы Галисии, решимость союзников-христиан пошатнулась. Некоторые графы вступили в тайную переписку с врагом. Их планы были раскрыты, и ряд леонских дворян подверглись суровому наказанию за государственную измену. Этот благотворный пример обеспечил колеблющуюся лояльность их товарищей, которые с тех пор сочли целесообразным скрывать свои истинные чувства под маской послушания и готовности.

Регион, который сейчас пересекают мусульмане, до сих пор был в безопасности от их набегов. Это обстоятельство, священный характер территории и богатство духовенства привлекли в окрестности Сантьяго многочисленное и занятое население. Церковные учреждения были в

изобилии. Вдоль склонов холмов располагались бесчисленные обители отшельников, святилища и часовни. Почти в каждой долине находилось по монастырю. Земли, пригодные для обработки, обрабатывались рабами или иждивенцами религиозных домов, состояние которых мало отличалось от состояния наследственного рабства. Особняки высокопоставленных прелатов отличались дворцовым великолепием, и нередко в них проживали представительницы слабого пола, чьи прелести лица и фигуры свидетельствовали о том, что они ценят женскую красоту, чего вряд ли можно было ожидать от их благочестивых спутниц.

Полная деморализация христианских королевств из-за внутренних распрей и непрекращающихся войн, усугубленная террором, вдохновляемым именем Аль-Мансура, исключала возможность эффективного сопротивления. Жители, прихватив с собой свое движимое имущество и кости своих святых и королей, бежали в горы или на острова у морского побережья. Сантьяго был совершенно безлюден. Захватчики захватили богатую добычу из святынь бесчисленных часовен и монастырей. Каждое здание в городе, включая знаменитый кафедральный собор, было разрушено до основания. Последний был построен из мрамора и гранита. Его планировка и убранство демонстрировали порочный вкус и варварское великолепие, унаследованные от вестготов, недостатки дизайна которых усугублялись врожденной грубостью галисийских архитекторов. Перед главным алтарем стояла статуя святого, вырезанная благочестивой, но неопытной рукой готического скульптора и заключенная в раку из массивного серебра. Каждая часть его, кроме лицевой стороны, была раскрашена или щедро позолочена. Одна рука сжимала Библию, другая была поднята вверх в позе благословения. Поцелуи бесчисленных паломников почти стерли грубые и гротескные черты этого образа. Рядом с ним были расположены эмблемы бродячего апостола, посох, калек, раковины морских гребешков. Его голова была частично покрыта капюшоном, идентичным по форме тому, который носят все паломники, и сверкающим драгоценными камнями.

Статуя и могила апостола избежали осквернения благодаря политике Аль-Мансура, который боялся вызвать раздражение своих союзников, и без того потрясенных кощунственными поступками своих неверных товарищей по оружию. Эта снисходительность мусульманского генерала была впоследствии искажена духовенством и превращена в грандиозное чудо. Мавританская кавалерия разграбила соседние поселения и перехватила множество партий беглецов, в том числе немало священнослужителей, чья вера в сверхъестественные свойства образа и мощей святого быстро исчезла перед сверкающими копьями сарацинской кавалерии.

Возвращение армии в Кордову ознаменовалось военной демонстрацией, которая соперничала по пышности с римским триумфом. В тылу войск, скованные цепями по пятьдесят человек, с трудом тащились тысячи христианских пленников, нагруженных добычей и трофеями победы. Некоторые несли кощунственную добычу из многих почитаемых святынь. Другие поддерживали на своих плечах тяжелые ворота города Сантьяго. Другие, опять же, опускались под тяжестью колоколов собора, в расплавленную массу которых, еще не сформировавшуюся, благочестивые приверженцы обоего пола бросали свои сокровища и драгоценности; чей звон ознаменовал возведение на престол многих прелатов и погребение многих святых; вызывал энтузиазм и набожность паломников из всех стран; до этого рокового часа был слышен в стране, считавшейся свободной от бесчинств неверных, но теперь был предназначен для показа в его величайшем храме как символ божественности, превосходство, достигнутое самым непримиримым врагом христианства. В пристройке к Великой мечети, строившейся тогда под руководством Аль-Мансура, эти сувениры о самой запоминающейся кампании, предпринятой

войсками Западного Халифата, были сданы на хранение под неистовые возгласы народа. Ворота служили частью потолка, и к ним на бронзовых цепях были подвешены перевернутые большие колокола, которые использовались в качестве светильников во время церемоний многочисленных праздников, предписанных мусульманским ритуалом.

Карьера мавританского мятежника Зира Ибн Атия, которому расточительность султанши Авроры позволила отстоять свою независимость под предлогом освобождения халифа, была недолгой. Первая армия, посланная Аль-Мансуром, чтобы наказать его за дерзость, потерпела неудачу. Вторая армия, которой командовал его собственный сын Абд-аль-Мелик аль-Модхаффер, разгромила силы Зиры после отчаянной борьбы. Последний, потеряв свое имущество, также был лишен власти и вскоре скончался от ран, полученных в бою.

Ранней весной 1002 года неустойчивый Аль-Мансур снова вторгся на территорию христиан. На этот раз его враждебность была направлена против святыни святого Эмилиана, покровителя Кастилии, церковь которого находилась в деревне Каналес. Город, часовня и монастыри со всеми их атрибутами священнического самозванства и суеверий были разрушены. Но прославленный полководец, чья доблесть так долго поддерживала репутацию мусульманского оружия, провел свою последнюю кампанию. Мучительная болезнь, причина которой была неизвестна и симптомы которой ставили в тупик мастерство лучших врачей Кордовы, поразила его за несколько месяцев до этого. Разоблачение и волнение, вызванные этой экспедицией, усилили ее ярость. Знаменитый страдалец настолько ослаб, что был вынужден путешествовать в носилках. По его истощенному виду и непрекращающейся агонии было очевидно, что он быстро приближался к своему концу. У Медина-Чели армия остановилась. Ее полководец не мог двигаться дальше. Всеобщее чувство скорби возникло, когда печальная весть о состоянии умирающего вождя распространилась по лагерю.

Память о беспокойном населении столицы и сознание того, что потребовалась вся энергия его решительного характера для победы над внутренними врагами, омрачили последние минуты жизни Аль-Мансура. Он боялся наступления анархии и последующего раздела халифата. Он был слишком хорошо знаком с нестабильностью обширной и великолепной структуры величия, которую воздвиг его гений. Стремясь как можно дольше сохранить за своими сыновьями власть, которую он не мог передать законным путем, он приказал Абд-аль-Мелику немедленно поспешить в Кордову и принять командование гарнизоном. Своему второму сыну, Абд-ар-Рахману, он передал свою власть над армией. Умирающий родитель дал много мудрых наставлений этим двум молодым офицерам, чей военный характер формировался на его глазах во время многих насыщенных событиями кампаний. Старший, который не был недостойным потомком столь великого предка, в значительной степени воспользовался своими возможностями. Младшему, не способному справиться с обязанностями правительства, было суждено оправдать худшие ожидания, которые его знакомые сформировали относительно его взбалмошного и распущенного характера.

Его наставления закончились, силы Аль-Мансура иссякли, и он со спокойной покорностью принял неумолимый призыв Ангела Смерти. В течение многих лет он лелеял предчувствие, что закончат свои дни во главе своей армии, возможно, в пылу сражения. Он не только надеялся, но и сделал это предметом своих ежедневных прошений, что Аллах дарует ему славную привилегию умереть в войне с неверными, чтобы заслужить награду в виде мученичества. В ожидании благоприятного ответа на его молитвы всегда были готовы приготовления к его

погребению. Его саван неизменно входил в состав его походного снаряжения. Оно было сшито из льна, выращенного в имении его отца в Торроксе и сотканного руками его собственных дочерей. Его совесть подсказывала ему, что материал, созданный таким образом, не был запятнан кровавыми воспоминаниями, на которые слишком часто намекали популярные репортажи, связанные с другими его вещами. Предусмотрительный государственный деятель, чьи устремления не ограничивались земными делами, и проявлявший в своих отношениях с Аллахом ту же осмотрительность, которая отличала его земную карьеру, не пренебрегал никакими предосторожностями, чтобы обеспечить свое спасение. Хорошо известный текст Корана гласит, что тот, кто предстанет перед Всевышним с пылью Священной Войны на ногах, будет освобожден от мук вечного огня. Чтобы обеспечить себе это преимущество в Судный день, Аль-Мансур во всех своих походах носил с собой изящный серебряный ларец, в который каждый вечер, когда армия останавливалась, его слуги тщательно собирали пыль, скопившуюся на его одежде за день. Завернутое в саван, приготовленный на протяжении стольких лет, и посыпанное этим священным прахом, тело великого мусульманского полководца было упокоено в городе Медина-Чели.

Характер Мухаммеда Ибн Амира Аль-Мансура уже был частично описан на этих страницах. В нем беспощадно смешались добро и зло. Сверх всякой меры пронизательный, политичный, дерзкий и решительный, он был искусен в подстрекательстве других к совершению дискредитирующих действий, от которых получал выгоду сам, в то время как только его инструменты переносили присущую им ненависть. Благодаря непреодолимой силе интеллекта он поднялся из безвестности к наслаждению императорской властью. Ни один акт бессмысленной жестокости никогда не запятнал его правление. Однако его твердость и страх, в котором он пребывал, были таковы, что ни один мятеж во время его правления не нарушал спокойствия халифата. Его поведение во всех случаях, когда его личные интересы не были непосредственно затронуты, по большей части основывалось на принципах справедливости. Его собственный сын был принесен в жертву поддержанию общественного порядка. Акты насилия и тирании, за которые его так грубо ругали, были результатом политической необходимости, мерами, подсказанными неотложными обстоятельствами и продиктованными инстинктом самосохранения. Принцы, занимавшие сравнительно скромное положение в обществе, искали с ним брачных союзов. Дочери Бермудо, короля Астурии, и Санчо, короля Наварры, были обительницами его гарема. Несмотря на его таланты государственного деятеля и долгую череду военных триумфов, его популярность была поверхностной, и его положение сохранялось с трудом. Повсюду его называли многозначительным и уничижительным прозвищем “Лис”. Его старые литературные товарищи завидовали ему и клеветали на него. Придворные завидовали его быстро приобретенной славе и старательно принижали его способности. Евнухи справедливо приписывали его вмешательству ухудшение своего политического положения и питали к нему отвращение как к безжалостному врагу их касты. Аристократия насмехалась над его претензиями и в частном порядке называла его наглым парвеню. Фанатичное население повторяло его предполагаемые атеистические речи с благочестивым ужасом, чувству, которому не могли противостоять даже его показное милосердие и, по-видимому, строгое соблюдение обязанностей правоверного мусульманина. Несовместимый с поощрением литературы, на что, казалось бы, указывает узкая политика, отдавшая научные труды библиотеки Аль-Хакема на милость невежественных фанатиков, Аль-Мансур, тем не менее, был щедрым покровителем литературы. Его дом так часто посещали гениальные люди с литературными наклонностями, что его сравнивали с академией. Он часто

посещал университет, слушал лекции преподавателей и поощрял мастерство студентов. По его прямому приказу декламации не прерывались ни при его входе, ни при его уходе. Многие из самых выдающихся ученых Востока и Запада продолжали под его покровительством, как они это делали под покровительством Аль-Хакема, украшать двор и радовать своими знаниями критически настроенное и привередливое общество Кордовы. Для поддержки этих высоких гостей государства был выделен специальный фонд, выделенный из государственной казны. Знаменитые грамматисты, поэты и историки, которые сочли это прибыльное поприще для проявления своих талантов, поселились в столице. Репутация врачей и хирургов Андалусии, ныне более высокая, чем когда-либо, уже давно распространилась на самые отдаленные границы Европы. Всякий раз, когда Аль-Мансур предпринимал экспедицию, в его свите находилось множество бардов и хронистов, которые могли без промедления записать его достижения и воспеть в самых волнующих и патетических выражениях, на какие была способна поэзия Пустыни, доблесть, великодушие, благочестие прославленного поборника мусульманской веры. Сорок один из самых выдающихся литераторов империи сопровождал армию с этой целью во время Каталонской кампании.

Расширение мечети, размер которой был удвоен за счет пристроек Аль-Мансура, было предпринято в равной степени для восстановления его падающего авторитета у религиозных служителей, а также для размещения огромных и все увеличивающихся толп, которые по пятницам собирались в Доме Божьем. Земля, необходимая для расширения, была оплачена по цене, вдвое превышающей оценку, и без того достаточно непомерную, оцененную самими владельцами. В саду одной пожилой женщины, чье помещение архитектору было абсолютно необходимо обезопасить, стояла великолепная пальма. Сначала она упрямо отказывалась продавать свою собственность, но после неоднократных просьб согласилась обменять ее на другой дом, на территории которого росло дерево такого же размера и красоты. Но даже среди тропической растительности окрестностей Кордовы выполнить такое условие было нелегко. Наконец, в окрестностях Медины-аз-Захры за баснословную цену было приобретено поместье, в котором имелось все необходимое.

В подражание своим предшественникам халифам Аль-Мансур неделями выполнял обязанности простого рабочего на фундаменте и надстройке мечети. Это дополнение, все еще нетронутое, построенное из грубых материалов и несимметричное по форме, легко отличить от остального интерьера, чьи размашистые подковообразные арки и изысканные украшения являются образцами изящества и красоты. Мусульманские богословы сочли это произведение настолько достойным, что заявили, что одного его выполнения достаточно, чтобы обеспечить его автору место в Раю.

Энергия Аль-Мансура была далека от того, чтобы расходоваться на военные экспедиции и погоню за славой. В частые периоды мира его усилия были в значительной степени направлены на улучшение положения своих подданных, что является высшим и наиболее благородным титулом отличия, к которому может стремиться правитель. Он исправил злоупотребления, которые проникли в систему отправления правосудия. Он остановил казнокрадство, истощавшее казну, установив жесткую систему счетов и сурово наказав нечестных чиновников. Он сурово осудил нетерпимость zelотов, которые пытались установить без его санкции политику преследования за мнения, которые они считали еретическими. С его приходом к власти пагубное влияние евнухов больше не ощущалось в пределах двора, и беспокойный гений этого пагубного класса был отвлечен от извилистых путей политических интриг к

безобидным и приятным занятиям литературой и искусством. Он улучшил породу лошадей, импортировав самую чистую кровь Аравии. В Андалусии едва ли была река, которая не могла бы похвастаться мостом, построенным или отремонтированным по приказу способного и неутомимого министра. Были открыты новые шоссе. Старые были расширены. Благодаря этим мудрым актам общественного блага не только был облегчен марш войск, но и чрезвычайно расширилась торговля в сельской местности и городах с соответствующим снижением цен на провизию, изобилие и дешевизна которой принесли материальную пользу всем классам населения. Лучшим комментарием к его трансцендентным способностям является тот факт, что империя, которой он правил с такой славой и успехом, погибла вместе с ним. Его величественная личность доминировала над всем. В истории ислама никогда не было зафиксировано подобного примера общепризнанного индивидуального превосходства. Этот экстраординарный гений казался неуязвимым для искушений, которые обычно преследуют любимцев фортуны. Он не был склонен ни к одному из тех противоестественных пороков, практика которых оскверняла характеры даже величайших Оммеядов. Его гарем содержался скорее как дополнение к его достоинству, чем как инструмент его удовольствий. Его роман с Авророй, вызвавший саркастические насмешки толпы, с самого начала и до конца был всего лишь вопросом политики. Страсть султанши он намеренно использовал как инструмент своего честолюбия; когда она послужила его цели, она была так же намеренно отброшена в сторону. Пользуясь каждой возможностью для накопления несметных богатств, Аль-Мансур приобретал не больше, чем было необходимо для поддержания помпезности, соответствующей его высокому положению. Алчности не было места в его натуре. Свои собственные сокровища, а также сокровища правительства он свободно раздавал в виде благотворительных пожертвований. Малейший акт вымогательства, совершенный одним из его подчиненных, карался наказанием, которое едва не оставляло преступнику жизнь. Никто, заслуживший его благодарности, никогда не был забыт при распределении официальных почестей. Никто, чья дерзость когда-либо вызывала его негодование, не оставался безнаказанным. Преследуя свои честолюбивые цели, он упорно игнорировал самые очевидные принципы морали. Исполняя мелкие обязанности как в низшей магистратуре, так и на высших государственных должностях, он обычно соблюдал правила самого беспристрастного правосудия. После каждой победы, одержанной его оружием, он освобождал сотни рабов.

Поведение Аль-Мансура наводит на мысль о обманчивой видимости умеренности, когда мы размышляем о том, что он отказал себе в более чем царственном престиже, который придавал имени Повелителя правоверных. Однако нет сомнений в том, что он страстно желал этого отличия. Обладание субстанцией власти не удовлетворяло его возвышенным устремлениям. Он присвоил себе остальные титулы халифа, поскольку уже присвоил prerogatives последнего. Он заменил печать пострадавшего Хишема своей собственной печатью. Он смело присвоил себе право назначить своего сына на пост премьер-министра - ту самую должность, от которой он сам черпал всю свою власть. Блеск его достижений, степень его известности, автократическое применение его власти внушали благоговейный трепет и ослепляли его подданных, но не укрепляли их привязанности. Массы открыто аплодировали и втайне ненавидели его. Различные нации, составлявшие население Мавританской Испании, хотя и были враждебны друг другу во многих отношениях, были твердо едины в своем почтении к неотъемлемым правам короны. Религиозный характер, которым был наделен халиф, углубил и усилил это чувство. Проницательность Аль-Мансура не позволяла ему обманываться мыслью, что он может безнаказанно нарушать самые священные мнения и предрассудки народа. Более того, древняя

традиция, которой все верят, гласила, что смена династии предвещает скорое разрушение халифата. Человек, который вопреки этим идеям мог попытаться открыто захватить власть, был врагом общества, чем-то худшим, если это возможно, чем предатель. Таким образом, по этим убедительным причинам Аль-Мансур не занял королевскую должность, которая, если бы он смог ее занять, возможно, сохранила бы преемственность в его собственной семье. Как бы то ни было, он ослабил почитание принципа законности, не получив для своих потомков никаких постоянных преимуществ в обмен на принесенную жертву. Никто не осознавал эти факты так глубоко, как он сам. Будущее империи занимало все его мысли. Оно представало перед его мысленным взором среди дискуссий на Диване, в литературных диспутах в университете, в маневрах на поле битвы. Это нарушило его сон. Это озлобило его в последние минуты. Смертельная пытка, которую он перенес от осознания того, что по его вине целостность халифата была безвозвратно нарушена и что он не мог передать по наследству свою славу, была почти такой же сильной, какую он мог бы испытать из-за раскаяния в преступлениях, совершенных в погоне за его несправедливыми амбициями.

История кампаний Аль-Мансура существенно отличается от истории военных предприятий его предшественников. До сих пор во всех важных войнах агрессорами были христиане. Но при министре Хишеме мусульмане всегда возглавляли атаку. Другие правители заключали договоры, либо вызванные победой, либо вынужденные поражением. За двадцать пять лет он так и не заключил соглашения с неверными. Его успех стал привычным и вселил справедливую уверенность в его собственных последователей, в то время как в соответствующей степени это обескуражило врага. Почти впервые в анналах ислама императивное предписание Корана было выполнено буквально. Последствия одной кампании не были устранены до тех пор, пока не начались бедствия другой. Граница с христианскими государствами отодвинулась. Великие города Самора, Леон, Асторга, Барселона, Пампелуна, Сантьяго были сровнены с землей. Соборы и монастыри были разграблены из богатств, дарованных благочестивыми монархами и поколениями благодарных приверженцев. Доходы духовенства прекратились из-за разорения их поместий. С разрушением религиозных домов и обнищанием их обитателей христианское богослужение пришло в упадок. Престиж церковного ордена был ослаблен, и в обширном регионе, некогда изобиловавшем церквями и монастырями, почти не сохранилось воспоминаний о христианстве. Последовательное осквернение двух величайших святынь Европы серьезно поколебало веру толпы в хваленую действенность реликвий, в небесное заступничество святых и даже в ценность самой религии. Несчастья духовенства, которое все еще, однако, сохраняло часть своей древней дисциплины, отразились на других слоях общества, уже достаточно деморализованных. Монарх и знать проявили склонность сопротивляться наглým требованиям священства, и, как следствие, были преданы анафеме прелатами и опорочены хронистами. Король без всяких церемоний конфисковал имущество своих подданных. Бароны разграбили королевские поместья и бросили жребий за рабов и стада, которые они присвоили. Менее чем за двадцать лет христиане потеряли все, что приобрели за предыдущие триста. Даже горные ущелья были заняты мавританскими гарнизонами, и астурийский крестьянин был вынужден покупать сомнительную привилегию добывать себе пропитание путем отказа от большей части результатов своего труда. Таковы были последствия политики Аль-Мансура для двух соперничающих народов полуострова, политики, преимущества которой исчезли вместе с автором, но чьему злу было суждено приумножиться и увековечиться в течение длительного периода национальных невзгод и беспорядков.

Иммиграция берберов, поощряемая заметным благоволением, которым пользовались африканские подразделения армии, а также богатыми наградами за успешные военные действия, и которой было суждено нанести такие бедствия расчлененной монархии, беспрецедентно возросла во время правления Аль-Мансура. Целые племена переходили через пролив, чтобы разделить заманчивую добычу Священной войны. Этим свирепым солдатам не было места в перенаселенных городах. Даже в этой густонаселенной местности с трудом удавалось найти место для их стоянок. Их палатки были разбиты на пастбищах и склонах сьерры. Их свирепый вид приводил в ужас всех, кто их видел. Их костюмы и оружие были странными и заграничными. Они не знали арабского, и гортанный акцент их мавританского диалекта резал слух утонченного андалузца. Во времена величайших побед, когда люди были опьянены успехом, находились проницательные люди, которые страшились господства таких опасных союзников. Однако именно неисчерпаемый запас африканских рекрутов обеспечил непрерывную серию триумфов, ознаменовавших карьеру Аль-Мансура. Их количество было подавляющим. Насмотревшись, проводившемся перед экспедицией на Север, шестисоттысячное войско было собрано на равнине Кордовы.

Известие о смерти могущественного министра было воспринято большинством жителей столицы с чувством ликования. Перед толпой его выдающиеся заслуги не могли искупить ни безвестности его рождения, ни великолепия его состояния. Вражда противоборствующих сект, зависть конкурирующих торговцев, зависть масс к могущественным, презрение богатых к бедным были забыты в общем желании унижить семью великого вождя, благодаря гению которого мусульманская империя достигла такого экстраординарного процветания и славы. Вспыхнуло восстание. Толпа, окружившая дворец, потребовала, чтобы халиф лично взял на себя руководство делами. Но последний, который сейчас, как никогда, ощущал свою некомпетентность управлять страной, снова добровольно отказался от прав суверенитета. Беспорядки усилились; был вызван гарнизон, и Аль-Модхаффер ознаменовал свое вступление в должность хаджиба резней нескольких сотен горожан. Этот пример суровости не скоро был забыт; дух восстания был подавлен, и Аль-Мансур, который на смертном одре предвидел наступление подобной катастрофы, таким образом, своей пророческой мудростью предотвратил восстание, которое, будучи неконтролируемым, должно было привести к ужасающим последствиям. Принц Аль-Модхаффер в немалой степени унаследовал военные таланты и способности к гражданским делам, которыми обладал его отец, чьи принципы он в основном перенял. Существует мало подробностей относительно его правления, которое, однако, было чрезвычайно популярным и успешным. Экспедиции, которые он совершал на христианскую территорию, не сопровождались блестящими результатами, которые характеризовали подвиги его отца. Ни выгоды, ни славы нельзя было извлечь из вторжения в пустыню и преследования банд бродячих разбойников. Однако эти набеги служили полезной цели устрашения и препятствовали восстановлению христианской власти. Освобожденные от расточительности и больших военных расходов, вызванных агрессивной политикой Аль-Мансура, неисчерпаемые ресурсы полуострова получили возможность максимально развиваться. Торговля, мануфактуры, сельское хозяйство процветали до доселе неизвестной степени. Последующие авторы с сожалением упоминают правление Аль-Модхаффера как совпадающее с золотым веком мусульманских летописей.

После семилетнего правления Аль-Модхаффер умер при обстоятельствах, вызывающих сильное подозрение в отравлении. По предварительной договоренности, которую народная молва выдвинула в качестве мотива его смерти, его должность была передана его брату Абд-ар-

Рахману. Последний был отпрыском христианской принцессы, дочери Санчо, короля Наварры. Своими пороками и богохульством он навлек на себя неприязнь народа и вызвал отвращение богословов. Первый, в память о своем неверующем деде, прикрепил к нему уменьшительное “Санчол”, презрительный эпитет. Последний с негодующим ужасом рассказывал о своем неумеренном пристрастии к вину и откровенном высмеивании священных церемоний ислама. Осознавая свою непопулярность, Абд-ар-Рахман, тем не менее, продолжал возмущать общественное мнение и не предпринимал никаких попыток завоевать расположение своих подданных или примирить своих церковных противников. Он даже имел наглость попросить своего Отца о посвящении в сан и признании предполагаемым наследником престола. Халифа убедили, частично с помощью софистики, частично угроз, выполнить это экстравагантное и невежливое требование, и по надлежащей форме был составлен и опубликован эдикт, провозглашающий ненавистного Санчола наследником титулов и власти прославленной династии Оммеядов.

Ни одна мера не могла быть придумана его злейшим врагом, столь пагубная для устремлений ее покровителя, как эта уступка, вырванная у неохотно преследуемого монарха. Это было в равной степени оскорблением религии и лояльности. Оно посягало на священный характер Преемника Пророка, одновременно пытаясь отменить prerogatives, которые в глазах преданного подданного были неотделимы от условия суверенитета. Санчоль еще больше усилил преобладающее недовольство, заставив солдат сменить шлем на тюрбан - нововведение, которое, присвоив отличительную часть одежды богословов, обычно рассматривалось как вопиющий акт святотатства.

Безразличный к общественному мнению и уверенный в стабильности своей власти, Санчоль начал вынашивать стремление к военным отличиям. Он возглавил экспедицию в Астурию, результаты которой не льстили его тщеславию. Горные ущелья, занесенные снегом, препятствовали его продвижению, а нехватка провизии, которой он не позаботился снабдить в достаточном количестве, в конце концов вынудила его отступить. Тем временем Кордова была охвачена восстанием. Банда заговорщиков, возглавляемая Мухаммедом, правнуком Абд-ар-Рахмана III, захватила цитадель врасплох. Несчастный Хишем, марионетка всех фракций, был вынужден отречься от престола. Религиозные фанатики и население приветствовали смену правительства экстравагантными проявлениями радости, чувства, которое никоим образом не разделяли богатые и интеллигентные люди, которые с нескрываемым беспокойством ожидали разрушительной тирании череды военных авантюристов.

Первым актом Мухаммеда был захват Захиры. В цитадель Амиридов вошла и разграбила разъяренная толпа. В течение четырех дней прекрасный дворец, основанный Аль-Мансуром, находился во власти революционеров и преступников столицы. Длинные ряды вилл, окруженные тенистыми пальмовыми и апельсиновыми рощами, тянувшиеся до самого Гвадалквивира, подверглись такому же разрушению. Все портативное, даже деревянные элементы, было убрано. Невозможно было оценить добычу, добытую толпой, которая обыскивала каждую квартиру; но солдаты Мухаммеда доставили своему хозяину два миллиона сто тысяч серебряных монет и миллион пятьсот тысяч золотых. Затем был применен факел, и весь пригород превратился в пепелище. Постепенно камни были использованы для строительства других зданий, и через несколько лет память о резиденции Амиридов, а также руины полностью исчезли.

Когда сведения об этих событиях были переданы Санчолу в Толедо, он немедленно выступил со своей армией в Кордову. Едва начался марш, как он ощутил всю степень своей непопулярности, в которую до сих пор отказывался верить. Его силы ежедневно уменьшались из-за дезертирства. Многие из оставшихся солдат отказались подчиняться своим офицерам. Недалеко от столицы берберы, на которых он больше всего полагался, покинули лагерь в полночь, и утро застало полководца с небольшой свитой, численность которой не равнялась численности его обычной телохранительницы. Несмотря на эти зловещие признаки, безумное увлечение Санчола, который воображал, что народ Кордовы одним своим присутствием заставит его вернуться к своей верности, привело его к гибели. Он был схвачен войсками Мухаммеда, обезглавлен, его тело одели в лохмотья и прибили гвоздями к столбу, а затем поместили вместе с головой, насаженной на пику, в одном из самых людных кварталов города. Со смертью Санчола правление Амиридов, которые в подчиненном качестве на протяжении поколения осуществляли деспотическую власть и политике которых было суждено обрушить на их соотечественников длинную череду несчастий, прекратилось навсегда.

Пагубные последствия практической узурпации власти Аль-Мансура теперь стали очевидны. Честолюбие каждого начинающего партизана поощрялось примером этого одаренного лидера, чьи выдающиеся таланты подняли его на такую высоту богатства и известности.

Едва Мухаммед справедливо воссел на трон, как в народе снова начался ропот. Возбуждение революции, которым когда-то наслаждались, было слишком приятным, чтобы отказаться от него ради суровых ограничений закона и общественного порядка. И в действительности существовало слишком много причин для народного недовольства. Новый государь был жесток, жаден, распутен. Он взял головы мятежных вассалов, присланных ему его генералами, приказал очистить их, а черепа, в которые были посажены цветы, расставил в фантастическом порядке в саду своего дворца. Его пьяные и распутные оргии были порицанием двора. Он оттолкнул богословов, которые вскоре обнаружили, что они совершили плохой обмен даже на распущенного и нечестивого Санчола. Он преследовал берберов, унаследовавших пороки и непопулярность евнухов, но которые в течение четверти века были опорой монархии. Чтобы избежать возможного восстановления Своего достоинства, он публично объявил о своей смерти, заменил свое тело телом христианина, убитого по этому случаю и имевшего поразительное сходство с халифом, и отпраздновал его погребение со всем великолепием, подобающим усопшей королевской особе. Совершение мусульманских обрядов погребения над телом неверного было, в глазах каждого истинно верующего, беспрецедентным позорным деянием. Непопулярность Мухаммеда росла с каждым днем. Вспыхнуло восстание во главе с Хишемом, внуком Абд-ар-Рахмана III, который смело потребовал корону своего родственника. Узурпатор притворился, что соглашается, и тайно отправил эмиссаров подстрекать берберов к разграблению столицы. План удался; при первом появлении этих ненавистных иностранцев на рыночной площади торговцы поднялись всем скопом и с помощью королевской личной охраны изгнали африканцев из города. Самозванец был схвачен в суматохе, сопровождавшей перестрелку, и немедленно казнен.

Его место занял Сулейман, другой принц из рода Оммеядов. Были начаты переговоры с графом Кастилии, который, принимая во внимание сдачу определенной территории, согласился предоставить большой контингент людей и лошадей. Как только их организация была завершена, берберы двинулись маршем на столицу. На равнине Кантич произошло сражение, но беспорядочный сброд Кордовы не смог противостоять яростному натиску африканской

кавалерии, и десять тысяч сторонников Мухаммеда пали от меча или погибли в Гвадалквивире. Затем Мухаммед освободил Хишема, чей предполагаемый труп он похоронил, сложил с себя достоинство и провозгласил сына Аль-Хакема сувереном Испании. Но уловка не возымела эффекта. Кордовцы впустили берберов, и Сулейман занял дворец халифов.

Отныне история полуострова - это история анархии и разрухи. Каждая провинция, каждая деревушка были жертвой ненависти противоборствующих сторон, усиливавшейся из-за ежедневных взаимных оскорблений. Христианские наемники, которым платили награбленным у врага, служили в армиях обеих фракций. Крестьян грабили и вырезали без пощады. Кордова неоднократно подвергалась разграблению каталонскими вспомогательными войсками, берберами, безжалостными толпами собственных граждан. Он выдержал все лишения затяжной осады, все невыразимые ужасы голода и мора. В то время как столица была захвачена берберами, пригород Медина-аз-Захра был взят этими дикими воинами. Все живое в его пределах было вырезано. Любимой резиденцией халифов, на строительство которого в течение сорока лет богатства империи были щедро Абд-аль-Рахман и Аль-Хаким, был уничтожен. Казна была пуста, и Вадих, губернатор Кордовы при Хишеме, который снова стал халифом, был вынужден продать большую часть оставшейся библиотеки Аль-Хакема, чтобы раздобыть денег для выплаты жалованья своим войскам. В конце концов берберы взяли город штурмом. Жители дорого искупили свою склонность к бунту, которую они так часто проявляли. Резня была ужасающей. Семьи, отличавшиеся богатством, за несколько часов превратились в крайнюю нищету. Сточные канавы были залиты кровью. Кучи непогребенных трупов загромождали улицы. Знаменитые ученые, которых привлекали в Испанию со всех стран мира, погибли почти все до единого. Никакие соображения милосердия, политики или религии не сдерживали звериных инстинктов победителей. Женщины и дети были зарублены или затоптаны до смерти. Толпы дрожащих просителей, которые искали убежища в мечетях, были вырезаны. Святость гаремов была нарушена всеми сопутствующими обстоятельствами похоти и жестокости. Дворцы, возведенные честолюбивыми устремлениями гордой и богатой знати, были сожжены дотла. С восшествием на престол Сулеймана был обнародован эдикт о конфискации имущества граждан, которых общественные невзгоды затронули меньше всего, и изгнании владельцев, и свирепые африканцы, нанешие такой смертельный удар европейской цивилизации и за несколько месяцев разрушившие структуру, которую ум и энергия династии великих князей едва ли смогли достроить за двести лет, присвоили серали и обосновались в немногих уцелевших особняках, роскошное убранство и великолепные сады которых долгое время были гордостью мусульманской столицы. .

Расчленение империи теперь продвигалось с ужасающей быстротой. Вожди обеих фракций постоянно обращались за помощью к христианам для уничтожения своих противников. Какое-то время к их мольбам прислушивались, но с каждым обращением требовалась сдача территории, крепости которой обеспечивали безопасность приграничных провинций халифата. По мере того как росло положение партии, номинальным главой которой был Хишем, требования леонских и кастильских вождей становились все более жесткими. Наконец граф Кастилии пригрозил, что, если все крепости, взятые и укрепленные Аль-Мансуром, не будут переданы ему, он присоединится к берберам со всеми силами, находящимися в его распоряжении. Трусость правительства Кордовы побудила его пойти на эту позорную уступку. Огромное количество укрепленных мест, завоеванных доблестью ветеранов Аль-Мансура, были эвакуированы сарацинскими гарнизонами. Воодушевленные примером Санчо, мелкие правители Леона и Наварры направили аналогичные послания в Кордову. Некомпетентный

вадих, осуществлявший королевскую власть от имени халифа, напуганный этими пустыми угрозами, поспешил купить временную неприкосновенность столицы, пожертвовав оставшимися пограничными укреплениями. Прошло совсем немного времени, прежде чем христианские князья, не нанеся ни одного удара или не предоставив ничего эквивалентного, вернули себе территорию, которую не смогли удержать при всем мужестве и упрямстве их отцов.

Оккупация Кордовы Сулейманом была далека от того, чтобы добиться подчинения ему остальных городов халифата. Бесчинства, совершенные берберами, и использование ненавистных неверных Кастилии настроили против него почти все население. Опорные пункты Севера из-за малодушного поведения имперских чиновников были безвозвратно потеряны. Губернаторы восточных и западных провинций провозгласили свою независимость. Тысячи процветающих деревень были разрушены, и равнины, так недавно покрытые буйной растительностью, снова приняли тот унылый вид, которым они обладали во время катастрофических гражданских войн эмирата. Это опустошение было настолько полным, что говорили, что можно было много дней ехать на север от Кордовы и не встретить ни одного человека.

По прибытии Али, преемника Сулеймана, в столицу были предприняты тщательные поиски халифа Хишема, но безуспешно. Тело, похороненное Мухаммедом, было эксгумировано, но не было идентифицировано как тело несчастного принца. Тщательное расследование не позволило получить никаких достоверных сведений о пропавшем монархе. Та же неопределенность окутывает конец последнего из Оммеядов, что и судьбу последнего из вестготов. Оба были выродившимися наследниками династии прославленных монархов. Один потерял свою корону и жизнь непосредственно из-за притеснений, которым он подвергал своих подданных; другой косвенно из-за тирании, которую терпел от неестественного родственника и неблагодарного министра. Оба погибли из-за измены, и каждый исчез в последней катастрофе, которая обрушилась на его королевство. Халифа Хишема никто не видел после того, как берберы разграбили столицу. Досужая традиция утверждала, что он избежал резни того ужасного дня и нашел убежище в Азии. Однако более вероятно, что он был убит в суматохе штурма и что его тело, раздетое и неузнанное, было предано вместе с телами тысяч его подданных безвестной могиле. С ним закончилось процветание, изобилие, слава рода Оммеядов. С этого момента халифат, распавшийся на множество независимых и часто враждебных княжеств, стал легкой добычей для предприимчивых христиан, чей дорогостоящий опыт в конце концов научил их настоятельной необходимости согласованного союза.

КОНЕЦ ТОМА I.

Примечания переписчика:

1. Очевидные типографские, пунктуационные и орфографические ошибки были исправлены автоматически.
2. Некоторые варианты написания одних и тех же слов через дефис и без дефиса были сохранены как в оригинале.
3. Там, где перенос вызывает сомнения, он был сохранен как в оригинале.